Я. Э. Юдович

Беллетристика от ЭЮЯ

Сыктывкар
Геопринт
2012

Юдович Я. Э. Беллетристика от ЭЮЯ. Сыктывкар: Геопринт, 2012. 336 с.

Сборник ***«Беллетристика от ЭЮЯ»*** издан к 75-летию известного российского геолога-геохимика, доктора геолого-минералогических наук Якова Эльевича Юдовича.

В него автор (часто выступавший в печати под прозрачным псевдонимом *ЭЮЯ*) собрал накопившиеся за много лет сочинения околонаучного и вовсе ненаучного жанра: юмористические рассказики, лирические эссе, портреты и зарисовки, публицистические статьи, шахматные новеллы и даже псевдодетективную повесть «Враг не дремлет» и столь же пародийную пьесу «Трансформисты и магматисты».

Почти все сочинения в сборнике ранее уже публиковались (а некоторые даже неоднократно) в газетах, журналах или литературных сборниках, хотя сам автор в Предисловии расценивает свое творчество весьма сдержанно: *«Предлагая сборник «Беллетристика от ЭЮЯ» благосклонному вниманию читателя, я заявляю, что ни в коей мере не считаю себя беллетристом (для этого Бог не дал мне достаточного дарования), оставаясь всё-таки профессиональным геологом-геохимиком, хотя и увлекавшимся литературой, шахматами и политикой»*.

© Юдович Я. Э., 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

В 2002 году мне исполнилось 65 лет. Жизнь шла к концу, и мне захотелось зафиксировать наиболее интересные моменты своей профессиональной деятельности. Так родилась автобиографическая книга «Записки геохимика», которая увидела свет через 5 лет — в 2007 г., к моему 70-летию.

Однако помимо профессиональных мемуаров, у меня в архивах накопилось и немало околонаучной и даже вовсе ненаучной беллетристики разного жанра. Кроме того, несомненный «исторический» интерес представляла и газетная публицистика, особенно в бурный период 1990—1995 гг., когда я был действующим народным депутатом Верховного Совета Коми АССР (в дальнейшем — Республики Коми), в котором работал в трех комиссиях — конституционной, по науке и народному образованию и по местному самоуправлению.

Наконец, особую группу публикаций составляли мои газетные статьи на шахматные темы. Еще в молодости выполнив норматив 1-го разряда по шахматам, дальше я не продвинулся за недостатком таланта, но на всю жизнь сохранил живой интерес к шахматной жизни «высшего общества» — чемпионов мира и их соперников. Это и породило несколько моих публикаций на шахматные темы.

В итоге, когда я попытался окучить большую часть наработанного на ниве Как Бы Беллетристики, получились следующие тематические группы:

1. Веселые истории
2. Попытки беллетристики
3. Портреты и зарисовки
4. Публицистика
5. Пестрая смесь
6. Шахматные новеллы

В 1960—90 гг. большая часть всего этого добра была достоянием стенных или республиканских газет и никогда не публиковалась в более солидном виде. Но после развала СССР, сопровождавшегося исчезновением цензуры, появилась мода на такого рода литературу: энтузиасты стали добывать деньги, собирать и небольшими тиражами издавать литературно-художественные сборники. И хотя в обоих этих определениях (литературные и художественные) зачастую можно было сильно усомниться — родившийся печатный Молох требовал пищи, и составители стали просить у меня даже архивные, давно забытые статьи. В результате, к моему неизбывному удивлению, мои архивы постепенно почти нацело растаяли, причем некоторые сочинизмы удостоились даже повторной публикации.

Но я хочу быть правильно понятым. Предлагая сборник *«Беллетристика от ЭЮЯ»* благосклонному вниманию читателя, **я заявляю, что ни в коей мере не считаю себя беллетристом** (для этого Бог не дал мне достаточного дарования), оставаясь всё-таки профессиональным геологом-геохимиком, хотя и увлекавшимся литературой, шахматами и политикой.

Я. Э. Юдович.
Сыктывкар, апрель 2009 г. — март 2011 г.

ВЕСЕЛЫЕ ИСТОРИИ

Госпожа Индира Ганди...
Ходатайство
Из истории Отдела радиобиологии
Фараон
Маленькие человечки
Будни зава
Умненький и гениальненький
Новый лаборант
Диабаз
Как я делал карту
Ходьба на лыжах
Отдых на Золотых песках
Положение о МДББ
Голодовка
ОМЗ
Мамонт
ДАН, комната 301
Женщины в моей жизни
Отчет Альберта Однокамушкина

Здесь собраны некоторые из многочисленных юмористических рассказов и рассказиков, по большей части публиковавшиеся в стенных институтских или в республиканских газетах, в многотиражке Ин-та геологии «Вестник» (начавшем выходить с 1995 г.) и даже в некоторых «литературных» сборниках, которые стали появляться в послеперестроечные годы. Слово «литературный» я вынужден взять в кавычки. Хотя сборники очень занятны, а у некоторых авторов иногда проступают искры таланта — все это еще не означает, что мы имеем дело с подлинной литературой.

Это замечание полностью относится и к моим сочинениям.

* * *

Госпожа Индира Ганди...

О. Н. Попова (СССР)

Действие проникающей радиации на фертильные бутоны бобов русских черных с элиминированной надземной массой[1]

(Доклад на Международном Конгрессе в Бомбее)

Леди и джентльмены!

Дона бабаяс да мужикъяс!

Ай эм глэд ту сии ю, и я нисколько не сомневаюсь, что и вы тут в своей Калькутте (я хотела сказать — в своем Бомбее) — тоже вери глэд ту сии ми.

Я признательна госпоже Индире Ганди за любезное приглашение на ваш выдающийся Конгресс, но еще больше я признательна Маше за ее ячмень[2].

Поскольку возможности внутреннего инкорпорирования полония-210 были мною, с помощью коллеги Таскаева, сведены до минимума, а загрязнение аэрозолями зарадоновых элементов, при заведомо крайних предположениях, можно считать несущественным, то причиной своеобразного эффекта стимуляции, сменяющегося, впрочем, через пару-другую лет, своеобразным эффектом угнетения, послужили, бесспорно, возможные различия по фактору водообеспеченности, хотя природа описываемого явления не ясна ни мне, ни коллеге Таскаеву.

---

[1] **Опубликовано в многотиражке Ин-та биологии Коми НЦ: Вестник Ин-та биологии Коми НЦ УрО РАН, 2002. — Март, № 3 (53). — С. 26.**

[2] Так называется сорт ячменя — машин ячмень. Примечание-2002.

Вегетируя салат и шпинат без майонеза и почти без мейоза в течение всего сезона на водной культуре и принимая во внимание эффекты последействия этих злаков при их употреблении натощак (как это описано американскими коллегами, вегетировавшими на монацитовых песках штата Невада), мне удалось снизить акропетальный градиент до уровня, лежащего значительно ниже порога разрешения как полевых радиометров, так и многоканальных сцинтилляционных счетчиков, снабженных мини-ЭВМ.

При этом важно подчеркнуть, что не только не имело места отрастание какой-либо отавы, но и сами черные бобы, появившиеся на этих злаках в разгар вегетации, имели неестественный белый цвет и были явственно осклизлыми на ощупь.

Было в высшей степени логичным предположить, что в основе установленного явления лежит увеличенная дальность миграции полония-210 от места его аппликации к месту его аккомодации, причем возможной причиной данного феномена могла быть неисправность базипетального транспорта.

Одним из поразительных фактов, отмеченных одновременно как мной, так и коллегой Таскаевым, было то, что декапитированные растения, после частичного устранения корневого канала, давали множество фертильных бутонов, которые отлично фиксировались в ранние утренние часы смесями спирта с уксусной кислотой. Впрочем, как показал коллега Никифоров, хорошо зарекомендовала себя также 40 % смесь спирта с дистиллированной водой, с предварительным выдерживанием экспериментатора в холодильнике и с последующим обязательным предъявлением на анализ в зашифрованном виде.

Переходя к возможной интерпретации наблюдаемых явлений, мне бы хотелось подчеркнуть, что помимо очевидного воздействия климатического фактора (сухая весна и дождливое лето, в отличие от дождливой весны и сухого лета в шт. Невада), сыграла свою депрессирующую роль и недостаточная питательность смеси Кнопа, в которой, по невыясненным причинам, отсутствовали азот, фосфор и калий. Все перечисленное выше могло обусловить синергическое действие природных факторов в сцеплении с фактором проникающей радиации.

В конечном счете, все это угнетающе сказалось на ана-тело-фазных перестройках давленых препаратов, степень давления которых оказалась заметно выше нормы на 5 %-ном уровне значимости.

Очевидно, эти факторы оказали свое симплектическое воздействие на сухой вес надземной массы к моменту ее бутонизации, несмотря на отмеченную рядом авторов полнейшую иммобильность свинца-211.

В заключение хотела бы еще раз поблагодарить Машу за ее ячмень, а присутствующих — за внимание. Сэнк ю вери мач.

(Март, 1980)

* * *

Ходатайство

о выдвижении к. б. н. Поповой О. Н. в члены-корреспонденты Обменных Наук

Институт радиационной генетики АН СССР, Ботанический институт АН СССР и ВАСХНИЛ просят Вас поддержать ходатайство Отдела радиобиологии Коми филиала АН СССР о выдвижении кандидатуры к. б. н. ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ ПОПОВОЙ[3] в члены-корреспонденты Обменных Наук по Уральскому Отделению.

[3] Как правило перед очередными выборами в АН СССР, в канцелярии институтов и персонально академикам и член-коррам приходили десятки ходатайств о поддержке того или иного кандидата. Чем шустрее и высокопоставленнее был кандидат — тем больше он собирал поддержек. Однако, насколько известно, существенного значения такие поддержки никогда не имели; голосующие академики были люди тертые и знали истинную цену этим бумажкам.

Глубокий интерес к Обмену во всех его сферах и проявлениях к. б. н. О. Н. Попова проявила еще в раннем детстве. В этот ювенильный период материальным объектом Обмена были перышки, ластики и некоторые фасоны передничков для куклы.

В первые послевоенные годы интересы О. Н. Поповой в области Обмена испытывали тенденцию к углублению. В эти годы она с небольшой компанией стала регулярно посещать городскую баню, причем эта обязанность была ею взята на себя совершенно добровольно. Её конечной целью было глубокое постижение сущности женского персонала указанной компании, в условиях экстремального эксперимента при высоких P-T параметрах, причем объекты изучения выступали во всей своей наготе.

Именно в этот период Ольга Николаевна выполнила фундаментальные работы, посвященные Обмену шила на мыло. Экономический эффект её разработок был столь значителен, что из продажи полностью исчезло мыло банное и шило сапожное, ибо их потребительская стоимость определялась теперь по методике О. Н. Поповой самими индивидами. Таким образом, из классической цепочки буржуазной политэкономии *«товар — деньги — товар»* была исключена ее средняя часть, ведущая в конечном счете к закабалению человека человеком.

По мере роста народного благосостояния, росли и видоизменялись духовные запросы народа. Многие простые люди, которые при царизме ютились в трущобах — стали проживать в общежитиях, комнатах в коммунальных квартирах, а в дальнейшем — и в отдельных квартирах. Эта ситуация глубоко изменила общественное сознание людей; многие из них стали непроизвольно склоняться к идее Обмена квартиры.

Весьма примечательно, что и в этот период к. б. н. Попова О. Н. снова оказалась на переднем крае науки Обмена. Она выполнила серию классических работ, посвященных Обмену квартиры без телефона — на квартиру без туалета; комнаты в коммунальной квартире с соседями — на комнату в коммунальной квартире с другими соседями; квартиры со встроенным шкафом — на квартиру с совмещенным санузлом; однокомнатной квартиры одинокого холостяка — на аналогичную квартиру, но с добавлением в интерьер жены и троих детей.

Однако наиболее значителен вклад к. б. н. О. Н. Поповой в разработку философско-методологических основ Обмена, как Способа Социального Самоутверждения Индивида — ныне всемирно-известной Теории ОКСССИ, по справедливости носящей ее имя.

В своей ОКСССИ, значительно опередив не только отечественных, но и зарубежных коллег, Ольга Николаевна сумела показать, что материальная цель Обмена ни в коем случае не может считаться его доминантой. Главное в Обмене — не материальный эквивалент, но сам Процесс, неизмеримо обогащающий субъектов Обмена в географическом, психологическом и этико-эстетическом аспектах.

Блестящим и глубоко поучительным примером творческого метода ОКСССИ является проведенный О. Н. Поповой в начале 80-х годов текущего столетия обмен собственной однокомнатной квартиры без балкона и телефона — на двухкомнатную с балконом и телефоном.

Тонкое понимание ею тайных особенностей человеческой природы позволило ей безошибочно ориентироваться в выборе контрагентов по Обмену. Таким образом ей удалось полностью исключить общение с такими субъектами, для которых грубо-материальная составляющая Обмена и была его единственной целью. С замечательным мастерством Ольга Николаевна ввела в круг своего общения таких (и только таких) клиентов, которые были ее духовными единомышленниками.

Именно с этой, тщательно репрезентированной выборкой субъектов Обмена, в течение долгих месяцев Ольгой Николаевной велась напряженная работа — просветительская и идеологическая. В зависимости от начальных установок контрагентов, О. Н. Попова одним терпеливо объясняла, что их квартира намного хуже, нежели ее квартира, а другим, наоборот, настойчиво доказывала, что ее квартира — намного лучше, чем их квартира.

Благодаря такой, глубоко продуманной стратегии и блестяще разработанной адресной тактике, Ольге Николаевне удалось ввести в науку новое фундаментальное понятие Обменного Равновесия.

Состояние Обменного Равновесия (ранее известное только в химии как принцип Ле Шателье), как показала О. Н. Попова, является важнейшим антистрессовым фактором. Оно является для индивида источником неиссякаемой бодрости и оптимизма, возбуждает в нем чувство его социальной значимости, побуждает его становиться самокритичнее к себе и терпимее к людям, к их отдельным неизжитым еще недостаткам.

Наконец, в последние годы к. б. н. Попова О. Н. направила свой творческий потенциал в область Административного Обмена. В этой области ей уже получены результаты, заслужившие признание общественности. Ей удалось обменять одного заведующего (А. И. Таскаева) на того же самого (Таскаева А. И.), и тем самым еще раз продемонстрировать главную идею ОКСССИ о примате духовного начала над материальным.

(Март, 1984)

* * *

Из истории Отдела радиобиологии, или Портрет Консультанта в Исторической Перспективе[4]

1. Рождение физики

В 196... году заведующий Отделом радиобиологии Маслов пригласил Молодого Специалиста Никифорова в гараж. Взору последнего открылась необозримая полка, шедшая вдоль грязных и закопченных стен заведения. В середине полки громоздилась куча какого-то железного дерьма, громоздившегося почти до потолка. Она была прикрыта кусками рваного грязного толя.

– Вот наша замечательная физическая лаборатория, — с гордостью сказал заведующий. — Посмотрите, не найдется ли здесь, ну, я не знаю... физических аппаратов, так сказать, приборов. Всякого рода гейгеров-мюллеров, вискозиметров, магнитометров, радиометров, осциллографов, сейсмографов и психрометров. Вас ведь всему этому учили... Если что подходящее найдете — включите в розетку и ожидайте дальнейших указаний.

И с этими словами шеф удалился.

Молодой Специалист был еще очень молод. Только этим можно объяснить то, что он тотчас надел грязный халат и принялся за дело. Приученный в ростовском ВУЗе к систематическому мышлению, он разделил кучу на следующие четыре части:

1. не приборы;
2. не физические приборы;
3. физические приборы неисправные;
4. физические приборы исправные.

Первая куча резко доминировала, а четвертая представляла собою то, что математики называют пустым множеством — т. е. исправных приборов она не содержала.

Молодой Специалист, уже тогда имевший вредные привычки, закурил и приступил к работе с третьей кучей. Заменив сгоревшие предохранители, насадив обратно упавшие от тряски стрелки индикаторов, залатав порванные розеточные шнуры, и самое главное — протерев приборы от пыли, он обнаружил, что они все работают. Выполняя инструкцию шефа, он включил их в сеть, сел и стал ждать.

Шеф явился только через месяц. Увидев на стеллаже десятка полтора приборов с разноцветными мигающими лампочками, он был неприятно поражен. Ему абсолютно нечем было занять Молодого Специалиста — сплавив его в гараж, он рассчитывал закопать его здесь хотя бы на год.

– Что это у Вас здесь? — с неудовольствием спросил шеф.

– Это физические приборы.

– Я сам вижу, что приборы. Но отчего они мигают?

– Они в режиме настройки.

– Настройки! Может быть, Вы и работать на них собираетесь? — неприязненно спросил шеф, втайне надеясь на отказ.

---

[4] Сочинено в марте 1982 г. по случаю дня рождения Виталия Сергеевича Никифорова — сотрудника Ин-та биологии Коми филиала АН СССР.

Опубликовано в декабрьском Вестнике Института биологии Коми НЦ УрО РАН, 2002 г.

Перепечатано в сборнике: Полное собрание разлук: Литературный альманах. — Сыктывкар: Геопринт, 2005, с. 63—69.

Перепечатано в книге: *Юдович Я. Э.* Записки геохимика. — Сыктывкар: Геопринт, 2007, с. 79—82.

– Хоть сейчас! — с готовностью ответил глупый Молодой Специалист, не умевший еще разбираться в людях.

– Ну-ну... Ну так что же... Измерьте... э-э-э... какую-нибудь там активность. Ну, я не буду Вам объяснять — Вас же учили?

– Но я закончил Ростовский институт сельскохозяйственного машиностроения.

– Что ж из того? Все равно у нас здесь для Вас нет ни комбайнов, ни даже конных граблей.

– Где же я возьму активность?

– Я Вам что — нянька? Вас же учили. Если нету — закажите.

И с этими словами шеф удалился — и уже надолго.

Молодой Специалист сел и кривым безобразным почерком, свойственным всем технарям, не получившим какого-либо гуманитарного образования, написал заявку на 6 (шесть) наборов радиоактивных источников.

Даже одного из них было довольно, чтобы поразить лучевой болезнью весь персонал Коми филиала АН СССР.

А в это время Ольга Николаевна Попова приступила к высадке рассады брюссельской цветной капусты в грунт, состоящий на 1/3 из гумуса и на 2/3 из хлористого радия. Она надеялась на рекордный урожай, но никому об этом не говорила.

2. Источники

В один прекрасный день 196... года Молодого Специалиста вызвали по телефону на склад. Около склада стоял грузовик с контейнером. В контейнере были источники. Грузчики отказались разгружать контейнер и находились не ближе 30 м от грузовика.

– Ваша заявочка? — Забирайте! — злорадно сказал Кладовщик и сплюнул от омерзения к людям, которые могут заказывать вещи, из которых ничего нельзя украсть, если не быть самому себе врагом.

Молодой Специалист ничуть не растерялся. Он пошел в ближайший лесок и выломал там два осиновых дрына. Насадив источники на эти дрыны, подобно барону Мюнхгаузену, насадившему уток на шомпол, он с помощью парочки таких же молодых идиотов, не думавших о том, будут ли у них когда-нибудь в дальнейшем дети, — гордо поволок источники в рабочее помещение.

Рабочее помещение опустело гораздо быстрее, чем предусматривалось правилами по сигналу «атомное нападение».

Источники были водворены в туалете; носильщики вышли наружу и стали хвастаться перед девочками своими зашкалившими нагрудными радиометрами. Девочки слушали и ахали, но смотрели на носильщиков как-то странно...

Неделю никто из сотрудников Отдела на работе не показывался. Наконец, на улице отловили двух голодных алкашей, только что выпущенных из 15-суточного профилактория, и искавших, что бы промыслить. Алкаши были готовы на всё, а про радиацию сказали, что ежели выпимши, то это ничего. Получив немедленно по пол-литра казенного спирта вместо радиометров, они без лишних слов разобрали пол в туалете, выкопали колодец, погрузили туда источники и залили колодец цементом. Больше этих источников никто уже не видел, а туалет приобрел наименование Большой Изотопной.

Хотя никто точно не знает, каков у них Период Полураспада, в наши дни туалетом не пользуются — даже наполовину.

Теперь отдел имел все необходимое для физических измерений: приборы, которыми измеряют, и источники, которых измеряют.

А в это время Ольга Николаевна Попова получила от Маши первые семена ячменя. Она высадила их в грунт, состоявший на этот раз из 1/3 гумуса, 1/3 хлористого радия и 1/3 полония в анионной форме. Она рассчитывала на синэргическое действие радия и полония, но никому об этом не говорила.

3. Полевые работы

В 196... году работа в Отделе уже кипела. Шеф решил, что пора уже выйти за пределы лабораторий и приступить к изучению Окружающей Среды. С этой целью был сформирован полевой отряд, получено со склада экспедиционное снаряжение и нанят вертолет МИ-4. Молодой Специалист входил в отряд в качестве инженера-дозиметриста.

Пилоту вертолета предложили вылететь в тундру на р. Кару, где, по слухам, имелись радиоактивные аномалии. Пилот был не дурак и сразу сказал, что знать не знает ни про какие аномалии. Начальник отряда этим отнюдь не смутился, так как знал — была бы тема, а работа найдется. При полете над рекой Карой он заприметил прелестное террасное озерко и сразу понял, что отсюда брать воду будет гораздо ближе, чем из реки.

Произвели высадку; поставили палатки и изготовились к работе.

– Я думаю, что аномалии где-то здесь,– сказал начальник отряда, чтобы укрепить свой авторитет. Это было с его стороны совершенно напрасным, ибо весь персонал в это время уже был занят ловлей хариусов, нисколько не заботясь об аномалиях.

На другой день Молодой Специалист-Инженер-Дозиметрист приступил к измерениям радиационной обстановки. При этом он твердо знал, что профили следует закладывать вкрест простирания. Но ступив ногою на плоскую как стол полигональную тундру, он обнаружил в ней отсутствие каких-либо простираний, или, скорее — простирание ее во все стороны. Кроме того, тщательно отградуированные радиометры показывали значения, вдвое меньшие самого малого эталона.

Однако со временем обе эти трудности были преодолены, и к концу сезона составлена замечательная карта гамма-поля.

Предполагалось, что пользуясь этой картой, каждый Грамотный Специалист определит дозовые нагрузки, которые этот Грамотный Специалист мог получить, передвигаясь по полигональной тундре.

А в это время Ольга Николаевна Попова установила, что хотя инкорпорирование полония действительно имело место, он накапливался только в фертильных бутонах машиного ячменя. В других местах ячменя ровно ничего не инкорпорировалось. Она никому ничего не сказала, но написала научную статью.

4. Мышевидные грызуны

Хотя мышевидные грызуны существовали задолго до создания Отдела, этот период их жизни никакого научного интереса не представлял. До того, как ими занялся Боря Тестов, они и думать не могли о том, какая им уготована участь. Дело в том, что определять дозовую нагрузку с помощью карты гамма-поля мог, как уже отмечалось, всякий Грамотный Специалист. Но поскольку ни один из Грамотных Специалистов в тундре не проживал, то единственная надежда на использование карты была связана с мышевидными грызунами. Они постоянно обитали в тундре и шастали во все стороны, получая разнообразнейшие дозовые нагрузки. Однако они не могли воспользоваться картой гамма-поля вследствие своего низкого эволюционного уровня — и это приходилось теперь делать за них. Простейшим решением задачи, вдобавок решением справедливым, было бы такое: сложить все гамма-кванты и поровну поделить их на число мышевидных грызунов.

Однако такой огульный подход, игнорирующий индивидуального Мышевидного Грызуна, был глубоко несимпатичен Боре Тестову. Сделав ставку на Индивидуальность, он изготовил сотни миниатюрных дозиметров, заказал в мастерских сотни мышеловок и вылетел в тундру, где намеревался отловить представительную выборку Мышевидных Грызунов, прицепить им дозиметры, выпустить погулять и через год снова отловить для производства статистических расчетов дозовых нагрузок.

Для приманок он выписал через Горпищеторг 2 тонны мяса, 500 кг копченой колбасы, тонну галет и 150 банок сгущенного молока.

Поскольку вертолет поднять этот груз не смог, Боря оставил его дома, удовлетворившись на первый случай одним килограммом сала.

Поскольку Мышевидные Грызуны в тундре сроду не нюхали сала, они валом повалили в мышеловки. Каждому пленнику Боря делал наркоз, вшивал минидозиметр и отпускал на волю. Грызуны, полагавшие, что они уже на том свете, нисколько не удивлялись тому, что в шкурке у них что-то непрестанно трещало, и поэтому вели свой обычный образ жизни, т. е. шастали где попало. Основательно набегавшись и разжирев за лето, к зиме они впадали в спячку, причем потрескивание дозиметров оказывало на них отрадное убаюкивающее действие.

На следующее лето снова прибыл Боря Тестов и выставил свои мышеловки. Этот человек считал леммингов глупее себя, ибо его добычей стали лишь несколько юных мышат зимнего помета, отнюдь не имевшие дозиметров. На сало же ни один старый лемминг больше не польстился, а копченой колбасы к тому времени уже не осталось.

Как известно, наука состоит из эксперимента и теории. Поскольку эксперимент провалился — вся надежда теперь была только на Теорию.

5. Теория

К тому времени инженер-дозиметрист стал общепризнанным Консультантом и был уже не чужд мыслишки написать какую-нибудь диссертацию. Узнав о том, что Мышевидные Грызуны не захотели вновь посетить Борю Тестова, он понял, что его час пробил.

Прежде всего, он рассмотрел структуру гамма-поля, измеренного без видимого простым глазом простирания. Он нашел, что эта структура не может быть описана ни одной из известных в математике функций как действительного, так и комплексного переменного. Дело в том, что активность соседних участков его замечательной карты могла отличаться в любое, наперед заданное число раз. Но поскольку никто наперед это число не задавал, стало очевидным, что его лучше всего представить в виде оператора волновой функции Шрёдингера, о котором (операторе) было известно только то, что он хорошо описывает события сомнительные или вовсе невозможные. К тому же имя оператора гарантировало Консультанта от нападок биологов. Все они слыхали о том, что Эрвину Шрёдингеру принадлежит сочинение *«Что такое жизнь с точки зрения физика»* и вследствие этого полагали, что австриец очень сведущ в биологии.

Вторым элементом задачи, вставшей перед Консультантом, были Мышевидные Грызуны. После ряда усилий он нашел, что их движение в гамма-поле вполне можно уподобить движению броуновской частицы. Хотя сами частицы были броуновские, траектории их движения изучал в свое время не то немецкий, не то швейцарский, не то американский физик — Альберт Эйнштейн.

Оставалась чисто техническая задача: перемножить операторы волновой функции Эрвина Шрёдингера с траекториями броуновского движения Альберта Эйнштейна — и получить в итоге дозовую нагрузку, приходящуюся на одну, отдельно взятую особь Мышевидного Грызуна.

А в это время Ольга Николаевна Попова установила, что на фертильных бобах, замоченных в 1н растворе азотнокислого уранила, стала отрастать белесая отава, оскли3лая на ощупь. Этот факт она описала в научной статье, но никому ничего не сказала.

6. ЭВМ

Задача, сформулированная Консультантом, не поддавалась решению с помощью счетов, настольного арифмометра «Феликс» и логарифмической линейки. Для решения задачи была необходима ЭВМ.

Консультант пошел по испытанному пути: он сел и своим кривым почерком написал заявочку.

ЭВМ пришла через несколько лет, и как всегда — неожиданно. Неожиданным было и то, что конструкторы не позаботились о габаритах, так что ЭВМ не пролезала в двери. Вспомнив недавно прошедшую молодость, Консультант выставил два окна на первом этаже и с помощью подручного женского персонала принялся заталкивать ЭВМ в окна: одну половинку в одно, а другую — в соседнее. Эти свои действия он сопровождал распеванием русской народной песни «Эй, ухнем!».

Когда ЭВМ была водворена, оказалось, что даже тогда, когда мигали все предусмотренные техническими нормативами лампочки, для ее обслуживания полагалась еще целая орава лиц. Одни из них должны были осуществлять (по Томасу Манну) «обобщающий надзор», другие — чинить ее, третьи — писать программы, четвертые — искать ошибки в этих программах, пятые — вычислять и т. д.

Опыт всех ВЦ Советского Союза свидетельствовал о том, что все эти функции лучше всего отправлялись женщинами, что полностью совпадало и с установками самого Консультанта. Поскольку свободных женщин взять было негде — он пошел по пути обобществления чужих жен.

При этом одну из них, ссылаясь на острую производственную необходимость, он даже отбил у мужа, а других ему уступили добровольно.

Однако, когда через непродолжительное время, на свет появились программы *Кетрис-1*, *Кетрис-2* и *Кетрис-3*, на автора этих записок были поданы гнусные анонимки, содержавшие обвинения в многоженстве.

А в это время Ольга Николаевна Попова установила, что русские бобы, выращенные в условиях проникающей радиации, обнаружили замечательный акропетальный градиент, намного превосходящий все, когда-либо известное в этой области. Этот факт она снова утаила, поделившись им только с Таскаевым, с которыми они и написали научную статью.

(Март, 1982)

(Продолжение следует).

Примечание-2002. Увы, продолжения не последовало.

* * *

Фараон

Когда в 1966 г. С. Э. Шноль подарил мне немецкую портативную пишущую машинку «Эрика», я тотчас стал осваивать уроки печати слепым методом (злостно вырезав бритвочкой нужные странички из библиотечного журнала «Наука и жизнь»).

Первый урок относился к верхнему и среднему рядам клавиатуры, то есть охватывал буквы (слева направо):

УКЕНГШ
ФЫВАПРОЛДЖ

В уроке не предусматривалось использование:

а) прописных букв;

б) знаков препинания;

в) других букв кроме указанных.

Чтобы скрасить себе обучение, я сочинил рассказ «про фараона», где использовались только указанные буквы верхнего и среднего рядов клавиатуры.

про фараона

прошлое жадного гордого фараона прошло в нужде в роду варваров

дед долго держал внука на еже пока кожа на жопе его не окрепла

он корпел пока не прошел науку рода

в два года он прыгал выше головы плавал как нерпа нажав курок уверенно попадал в орла далеко на дереве а жрал он как прорва

когда он перегнал родного папу в науке рода народ дал фараону права главы рода

наш фараон надел на голову шапку на ногу калошу на руку варежку а на шее у него давно уже лежал шарф пурпур коего порождал фурор

однако же фараону нужна жена

друг его креол жора давно предлагал фараону в жены одну королеву вдову рода вандалов

она не глупа на голове паранджа докладывал жора а уж нежна как кошка нагло шепнул он фараону

фараон решал недолго но когда пошел в город вандалов надел фрак в подкладке коего лежал рулон купонов

правда фрак жал фараону
он не однажды перекладывал купоны в кошелку
долго шел фараон пока не подошел к ограде города где его ждал на вышке арап френолог королевы
арап провел его к королеве
вдова уже ждала варвара
она нагло лежала на ложе в паранджe надев алого колера кулон подарок ее друга жоры
фараон важно подошел к королеве
пошел вон дурак вдруг нежно проворковала вдова
фараон поражен он пленен
жора не врал она не дура
королева же подошла к фараону выгнув ладошку как лодку
фараон выдал вдове купоны
ура ура вдова вошла в фараонов род
она не подвела фараона оправдав его надежды
наш фараон не голодал
жена его ежедневно подавала шашлык в кагоре жареного карпа в укропе жаркое в горошке
увы увы фараона ждало горе
однажды его жену украл грек друг жоры
дело вышло нелепо
королева ушла одна в горы на прогулку
когда она рвала плоды на дереве вдруг подошел грек
он гнал волов в город на продажу
кулон фараонши порождал надежды грека
он пожелал его как выкуп
вона как дешево нагло пропела она не дав греку кулона
плевок в душу порождал гнев грека
он поволок фараоншу к рынку на веревке
а фараон на рынке покупал у вандалов водку
как вдруг он поражен его жена на веревке у грека как корова
а нрав фараона гневен
как дракон прыгнул он на грека дал греку в рожу ловко надавал по шее а далее как положено вернул жену на ложе
пока наш фараон еле дыша ворковал около жены на ложе грек продал волов выжрал шашлык в кагоре вылакал фараонову водку а далее угнав фургон удрал далеко в горы

конец

* * *

Маленькие человечки[5]

(Сказка с элементами откровенного плагиата)

Давным-давно в ФРГ (тогда она называлась Германия) проживал Сапожник. У него была жена, а детей им Бог не дал.

Сапожник был частником — работал на дому. Стучит себе молотком да напевает дурацкую песенку: «В докембрии, в докембрии, в далеком далеке...».

Жили они в ладу. Сапожник жену любил: выпимши, никогда не лупил ее кулаками, а только лишь неподшитым валенком. По тем временам такое обращение было необыкновенно ласко-

[5] Написана для стенной газеты Ин-та геологии Коми фил. АН СССР (Сыктывкар) в 1970-е годы. Дается в новой редакции. **В дальнейшем опубликовано в книге «Уезжают друзья с северов: Литературный сборник». — Сыктывкар: Геопринт, 2003. С. 14—17.**

вым. И соседи, глядя на них, завистливо качали головами и говорили: «Ах, какая прекрасная пара. Только вот детей у них нет».

Зарабатывал Сапожник средне: на еду хватало, на телевизор — нет. Поэтому смотреть хоккей приходилось у соседа — зажиточного Цирюльника.

Но у Сапожника было хобби. Правда, в те времена это называли иначе, но ведь не в названии дело! Тогда наиболее ходовым занятием в нерабочее время была алхимия: получение золота или философского камня из простых вонючих ингредиентов. Но наш Сапожник не поддался общему поветрию: его хобби составляла Геогнозия.

В свободное от работы время он производил детальные геологические экскурсии в окрестностях города. Поскольку из терминов он знал один докембрий, то так и окрестил все в окрестности. Лишь 4 столетия спустя Василий Иванович Чалышев посетил эти места и отнес отложения к среднему триасу[6].

Техника тогда была на низком уровне: геологического молотка еще не изобрели. Поэтому Сапожник орудовал своим сапожным молотком, а фауну из пород выковыривал шилом. Ему и невдомек было, что в докембрии и фауны-то еще не было. Господь сотворил ее позднее, то есть пару дней спустя (если хотите знать, у Всемогущего день может быть продолжительностью в миллиард лет — ему это раз плюнуть).

Однажды Сапожник задержался на профсобрании. Там с криками и скандалом дебатировали важнейший вопрос — надо ли отдавать в долг готовые заказы важным бюргерам, которые своевременно не платят денег? Сапожник был сторонник крайней меры — требовать предоплаты. Но его не послушали, и пришел он домой весьма не в духе.

Глянь — а на верстаке лежат драные ботфорты некоего знатного Заказчика. Да еще со шпорами — признак того, что Заказчик имеет своих верховых лошадей. Жена передала, что заказ очень срочный. А время — позднее. Когда же делать?

Конечно, хорошо мечтать о предоплате, но наш Сапожник знал, что Хер Заказчик может в гневе так отделать его палкой, что мало не покажется. Однако Сапожник был личностью безвольной и как многие слабые люди — фаталистом. «Гром, молния и жопа в небесах!» — выругался он на своем немецком языке и улегся спать...

Однако рано поутру его разбудила жена. Она была до смерти напугана и дрожащей рукой показывала на верстак.

А там красовались новенькие ботфорты! Да еще какие! Так умно скроенные, да так ладно сшитые, что самому Сапожнику так бы сроду не сделать!

– Ну и дислокация... — в великом изумлении пробормотал Сапожник. Больше он ничего не сказал — настолько был потрясен.

Хер Заказчик был очень доволен.

– Я замечаю, — сказал он на своем немецком языке, — что вы Хер Сапожник, стали много меньше таскаться по окрестностям со своей дурацкой Геогнозиею. Вследствие этого и работа ваша весьма лучше имела быть состояться.

И выдал ему, сверх платы, еще 3 пфеннига премиальных.

От этих переживаний Сапожник напился и поколотил жену: «Зачем, дура, разбудила?»

На другой день он было сел за работу, да только дело не клеилось — все из рук валилось. И тут его внезапно осенила Идея. «В докембрии, в докембрии, в далеком далеке!!» — радостно запел он.

Он взял кожу, несколькими стежками придал ей форму сапог, и глупо ухмыляясь, водрузил заготовку на верстак.

Проснулся поутру — сапоги готовы, да какие! При этом целая половина кожи была сэкономлена, наглядно демонстрируя тупому Сапожнику — что такое Внутренние Резервы.

С того самого дня эта парочка и в ус не дула: Сапожник кое-как мастерил заготовки и оставлял на верстаке. Больше того — обнаглевши, он стал прикладывать к заготовкам безграмотные записочки, с указаниями по части фасону или там двойного ранта.

---

[6] В. И. Чалышев, сыктывкарский геолог, трагически умерший в 1975 г (сперва лишившись обеих ног). Занимался стратиграфией и литологией пестроцветных перми и триаса Приуралья, описал здесь ископаемые почвы. Был и в Германии, где посетил знаменитые разрезы цехштейна (соленосной верхней перми).

К утру же всё было неизменно исполнено и шло высшим сортом. Очень скоро супруги приобрели телевизор и два музыкальных центра (на случай, если один сломается). Сапожник теперь смотрел хоккей дома, а жена — КВН и сериалы в 1119 сериях. Кроме того, она непрерывно пекла пироги — потому что денег у них теперь просто некуда было девать.

И чего бы не жить людям, спрашивается?

Но их сгубило любопытство.

Как-то раз, как обычно, Сапожник оставил на верстаке заготовку, они с женою залегли в постель, но только притворились спящими.

В полночь, после того, как теледикторша сказала «Спокойной ночи, товарищи добрые бюргеры», в комнате что-то щелкнуло, и на верстаке оказались два маленьких Человечка. Боже мой, какие они были крохотные: каждый их них свободно мог уместиться на ладони Сапожника!

И оба Человечка были совершенно голыми!

Однако шустрости им было не занимать. С исключительной энергией, не тратя ни секунды на перекуры, принялись они за работу: резали, кололи, шили, клеили, приколачивали, и к рассвету, как только теледикторша сказала «С добрым утром, товарищи добрые бюргеры!» — раздался щелчок, и Человечки исчезли, оставив совершенно готовую работу высшего качества.

Днем жена Сапожника долго молчала. А потом сказала мужу: «Человечки на нас с тобой вкалывают, а самим им и одеться-то не во что — совсем голые ходят, бедняжки!».

Сапожник был мужик не злой. Он устыдился.

– И то сказать, я член профсоюза, а не какой-нибудь там Вальтер-скот», пробормотал он.

И они взяли, да и сшили Человечкам маленькие порточки, рубашечки, камзольчики и кожаные башмачки, а из своего старого чулка жена Сапожника изготовила им отличные безразмерные носочки. К ночи оставили они свои изделия на верстаке и снова притворились спящими.

В урочный час раздался щелчок, и явились голые Человечки. Хотели было взяться за работу — как вдруг увидели свои обновки.

Что тут стало! В мгновенье ока они натянули на себя носочки, порточки, напялили рубашечки и камзолы, проворно обулись в башмачки, а затем стали кувыркаться на верстаке и всячески выражать свой восторг.

Затем они взялись за руки и принялись танцевать на верстаке, распевая такую песенку:

«Что мы за красавчики —
Любо взглянуть!
Хватит нам ишачить —
Спину гнуть!».

Раздался щелчок — и Человечки пропали.

И с того дня никогда уже не появлялись.

А наш Сапожник запил, развелся с женою (благородно уступив ей телевизор) и с головой ушел в Геогнозию.

И если у вас есть трудности в сопоставлении своих отложений с Европейской Стратиграфической Шкалой, то не удивляйтесь: ведь вся стратиграфия Германии была создана тем самым Сапожником.

* * *

Будни зава[7]

13 февраля, утро.

Сегодня уезжает шеф. Приказом директора я назначен его замещать. Это очень хорошо: будут платить прибавку к зарплате. А делать заву ничего не надо: сиди себе, работай по-прежнему, и время от времени давай персоналу какие-нибудь Указания.

---

[7] **Впервые опубликовано в стенной газете Ин-та геологии в марте 1978 г.**

В дальнейшем опубликовано в сборнике: Полное собрание разлук: Литературный альманах. — Сыктывкар: Геопринт, 2005, с. 61—62.

13 февраля, после обеда.

Шеф еще в аэропорту, но мне уже принесли бумагу: СРОЧНО требуется изменить районы полевых работ. Дирекция рекомендует вместо Пай-Хоя — Аппалачи, или на худой конец (дороже) — Гималаи.

Остаток дня переделывал сметы.

По науке не сделал ничего.

14 февраля.

С утра заглянул Гуслицер[8]. У него есть одна особенность: он слушает радио. Оказывается, в Пакистане опять смута. Хотят расстрелять старого премьера. Гуслицеру его жалко, а мне — нет. Поговорили о политике.

По науке не сделал ничего.

14 февраля, после обеда

Принесли бумагу: сообщить — кто, когда и где будет работать на субботнике. Через час я это выяснил.

По науке 20 минут поработал.

Принесли бумагу: необходимо СРОЧНО распространить в лаборатории небольшую анкету из 40 вопросов. Это данные за короткий последний период — 7—8 лет.

Раздавал анкету, сам заполнял, день прошел незаметно.

По науке больше не сделал ничего.

15 февраля.

С утра принесли бумагу: СРОЧНО сообщить расход кнопок и скрепок за последние 3.5 года. Если не сообщить, то грозятся больше не выдавать. Вычислял до конца дня, прибегнув к настольному электронному калькулятору.

По науке не сделал ничего.

16 февраля.

Явился на службу к 6 часам утра, с твердым решением наконец поработать. Однако до 9 часов только разгребал бумаги на столе.

В 9 принесли бумагу: СРОЧНО составить список лиц, желающих приобрести:

(а) цыпленка, (б) поросенка, (в) автомашину «Москвич».

До обеда обсуждали с персоналом преимущества цыпленка перед поросенком (меньше кушает и в перспективе несет яйца — если не петух), поросенка — перед автомашиной (не требует бензина и в перспективе дает мясо — если не сдохнет).

По науке не сделал ничего.

16 февраля, после обеда.

Принесли бумагу: СРОЧНО составить план всех лабораторных помещений (желательно — в красках), с указанием степени их запыленности, задымленности, загазованности, зашумленности и зачумленности. Ходил в универмаг за красками.

По науке не сделал ничего.

17 февраля.

С утра обходил помещения, чтобы проверить, ходит ли вверенный мне персонал на службу. Около микроскопа Али Юдиной обнаружил довольно свежий окурок. А я думал, что она на больничном. Пустячок, а приятно — все-таки она нас иногда навещает. Про остальной персонал ничего узнать не сумел, ибо ни окурков, ни других материальных свидетельств их пребывания на рабочих местах — не обнаружил.

Вернувшись в свой кабинет, нашел бумагу: СРОЧНО дать план-проспект развития лаборатории до 2000-го года. Особо подчеркнуто, что численность лаборатории не увеличится. Я поду-

[8] Зав. лабораторией четвертичной геологии, давно уж покойный. *Примечание-2002.*

мал, что скорее всего она уменьшится вследствие естественного вымирания начальства — и мне стало не по себе.

В процессе составления плана я понял, что полевых работ в 2000 г. уже не будет[9], так как никто не подаст заявки на бензин заблаговременно — за 15 лет.

Как бы в подтверждение моей догадки — принесли бумагу-напоминание: оказывается, заявки на бензин для полевых работ текущего года надлежало сдать еще 2 месяца назад.

Ха! Я не виноват — это шеф не сдал.

По науке не сделал ничего.

18 февраля.

Решил, что с руководящей работой пора завязывать.

Пошел на почту, дал телеграмму шефу: *«Срочно выезжайте участия субботнике»*.

(Март, 1978)

* * *

Умненький и Гениальненький[10]

Старшие научные сотрудники Ткачев и Юдович написали книгу[11]. Сидят в кабинете довольные, чай пьют. И промеж себя беседуют, т. е. мешают работать коллективу младших научных сотрудников (М. П. Кетрис), старших лаборантов (я и Боря Пименов) и трудолюбивых препараторов (Марина Карпычева).

Ткачев говорит:

— Тебе-то хорошо: у тебя фамилия знаменитая[12]. А меня никто не знает. Давай возьмем себе псевдонимы.

Юдович говорит:

— Давай.

Ткачев говорит:

— Пускай я буду Миллер, а ты будешь — Кан[13].

Юдович говорит:

— Ну, допустим, я Кан. А ты — какой же Миллер? Не пойдет.

Ткачев предлагает:

— Ну, давай я буду Крамбейн, а ты — Грейбилл[14].

Юдович говорит:

— Давай, я Грейбилл, правильно. Но какой же ты Крамбейн? Не пойдет.

Тогда Ткачев говорит:

— Ну, пусть я буду Ландау, а ты — Лифшиц.

Юдович говорит:

— Профессор Лифшиц? Подойдет. Но ты до академика Ландау не дотянул.

Ткачев соглашается:

— Немного не дотянул.

---

[9] И ведь как в воду глядел! — *Примечание-2002.*

[10] Написано для стенной газеты Ин-та геологии Коми фил. АН СССР весной 1974 г., как бы от лица аспиранта Андрея Мизина. Однако, это сочинение света не увидело, потому что рано пришедший на службу Ю. А. Ткачев, чего-то испугавшись (!?) содрал его со стены. Здесь дается в новой редакции.

В дальнейшем опубликовано в сборнике: Полное собрание разлук: Литературный альманах. — Сыктывкар: Геопринт, 2005, с. 58—60.

Перепечатано в книге: *Юдович Я. Э.* Записки геохимика. — Сыктывкар: Геопринт, 2007, с. 82—83.

[11] ***Ткачев Ю. А., Юдович Я. Э***. Статистическая обработка геохимических данных. Методы и проблемы. — Л.: Наука, 1975. 233 с.

[12] В те годы были живы и здоровы оба шахматных мастера, знаменитые публицисты и педагоги: М. М. Юдович-старший и М. М. Юдович-младший.

[13] ***Миллер Р. Л., Кан Д. С.*** Статистический анализ в геологических науках: Пер. с англ. — М.: Мир, 1965. 481 с.

[14] ***Крамбейн У., Грейбилл Ф.*** Статистические модели в геологии: Пер. с англ. — М.: Мир, 1969. 396 с.

Наступает пауза. Соавторы пьют чай и размышляют.

Я чувствую, что *водорослевые известняки* — не самое главное в моей жизни. Поэтому я предлагаю:

— Вы, Юрий Андреевич, — Энгельс, а Вы, Яков Эльевич — Маркс.

Юдович говорит:

— Маркс — это хорошо, я согласен. Но тогда я должен был первым автором.

Ткачев возмущен:

— Ха! Чего захотел! В гробу я видел таких классиков. Не пойдет.

А чтобы еще сильнее уесть лже-Маркса, ехидно добавляет:

— К тому же ты жил на мои средства...

— Как это?

— А так. Будто не знаешь. Энгельс эксплуатировал своих английских рабочих на фабрике и за счет этого содержал семейку Маркса...

Назревает конфликт соавторов, поэтому вмешивается М. П. Кетрис (которая по совместительству еще и жена Юдовича). Не отрываясь от счетной машинки, она предлагает компромиссный вариант:

— Ильф и Петров.

Снова Юдович согласен, а Ткачев нет, потому что Петров (вероятно, просто по алфавиту) писался после Ильфа.

Тогда Боря Пименов перестает рисовать изопахиты и дает свежую идею:

— Смирнов и Дунин-Барковский!

Но теперь Юдович не согласный:

— Либо Дунин, либо Барковский. Что-нибудь одно.

В этот момент Кетрис М. П. установила, что всё это время, вместо того, чтобы умножать — она делила. Очень расстроенная, она предлагает:

— Коптев-Дворников! На двоих. Никому не обидно.

И снова Юдович согласен, а Ткачев нет:

— Могут подумать, что я Дворников, хотя в действительности я — Коптев. К тому же я еще студентом слыхал, что-де в Гражданскую войну Коптев-Дворников получил два пайка: на Коптева и на Дворникова...

Соавторы вновь оказываются в творческом тупике.

Наконец, Юдович находит выход:

— Давай, я буду Умненький, а ты — Гениальненький.

Ткачев, подумав, соглашается.

Наступает тишина.

Боря Пименов рисует изопахиту.

Я снова изучаю опостылевший шлиф водорослевого известняка.

М. П. Кетрис считает.

Юдович пишет статью.

Ткачев выводит формулу.

И только Марина Карпычева сидит без дела и помалкивает. Старшие научные сотрудники, занятые поисками псевдонима, забыли дать ей работу. А она, понятное дело — не напоминает. Хоть и ребенок еще, можно сказать, — а тоже, соображает.

Андрей Мизин, Неизвестный Доброжелатель.

* * *

Новый лаборант

Детективная повесть в двух частях[15]

Часть первая. Начало.

Теперь мне уже трудно вспомнить, когда он появился.

Впечатление такое, что он был всегда. Помню лишь, что его предшественница ушла в декретный отпуск.

— Это место мне подойдет, — сказал он, одобрительно оглядев мой стол.

Так я лишился своего рабочего места.

— Это что — цветочки? — с неудовольствием сказал он, указывая на чудесный суккулент в горшочке (подарок одной милой женщины). — Это научное учреждение, а не ботанический сад.

И выкинул суккулент вместе с горшочком.

— Чай я пью не позднее 11 и 16 часов, — сказал он моей лучшей, любимой лаборантке Гале. — Просил бы не забывать.

И пояснил: *«Раньше я еще не хочу, а позже это отбивает аппетит перед обедом и ужином»*.

Бедная Галя поперхнулась, но возразить не осмелилась.

— Зачем он сюда ходит? — сказал он через несколько дней моей жене, работавшей за соседним столом (*он* — это про меня). — С Вами он может поговорить и дома, а мне он только мешает.

Моя жена, женщина кроткая, только вздохнула.

— Какую ерунду вы здесь написали. Буквально всё приходится переделывать, — сказал он ей через некоторое время. — Вообще я просил бы вас в будущем быть повнимательнее и относиться к работе серьезнее.

Моя жена (кстати, кандидат наук) пообещала, что приложит все силы.

— Это, по-твоему, чай? Это помои, — говорил он Гале, которая робко ставила перед ним чайник, обернутый белоснежным полотенцем, чтобы не остывал. (Сама она чай пить перестала, опасаясь, что ему может нехватить). Галя пыталась оправдаться, говоря, что-де цейлонского чаю нигде нет, а есть один грузинский. Но он быстро поставил ее на место:

— Захотела бы — достала. Надо быть поэнергичнее.

Иногда мне все же волей-неволей приходилось являться на службу: то по вызову директора, то на Ученый Совет. Он этого никогда не одобрял. Однажды, когда я пришел, он поманил меня пальцем и указал в раскрытую книгу (это была моя монография): *«Я бы на вашем месте подумал, чем такое написать. Надо быть посерьезнее»*.

Я обещал, что буду.

В тот же день я позвонил девочке, ушедшей в декретный отпуск, и пообещал приложить все силы, чтобы выбить место в яслях для ее младенца.

Часть вторая. Тайная война

21.01.1983

В подготовленной к печати статье про селен в черных сланцах — часть кружков на графике была изуродована нелепой двойной обводкой.

Допрос лаборанта: Вы сами велели так обвести сборные пробы.

Я сам? Что-то не припомню.

---

[15] Написано для стенной газеты Ин-та геологии Коми ФАН СССР в марте 1982—1983 гг. Увенчано Почетным дипломом на конкурсе, объявленном редколлегией, как одно из Выдающихся Произведений стенной печати.

В дальнейшем опубликовано в сборнике: Полное собрание разлук: Литературный альманах. — Сыктывкар: Геопринт, 2005, с. 69—72.

Перепечатано в книге: *Юдович Я. Э.* Записки геохимика. — Сыктывкар: Геопринт, 2007, с. 67—69.

Нового Лаборанта звали Андрей Мерц. Впоследствии он стал Аспирантом и Научным Сотрудником, а всего проработал с автором 15 лет — с 1981 по 1995 год, после чего (не ставши защищать практически готовую диссертацию) слинял в бизнес, где не без успеха подвизается по сию пору. *Примечание—2004.*

25.01.1983

В списке литературы к монографии вместо академика Баранова, на которого я сослался из тонких соображений высокой политики, — ловко вставлен совершенно другой Баранов, причем год совпадает.

Допрос лаборанта: Я спрашивал, и вы сказали: не лезь ко мне со всякой мелочью, привыкай работать самостоятельно.

Я так сказал? Странно.

28.01.1983

Мне пришла в голову мысль: подарить минералогам пакетики с тяжелыми фракциями, ибо в некоторых из них много флюорита, а они очень любят флюорит. Оказалось, что все пакетики выкинуты.

Допрос лаборанта: Я тут при чем? Ваши слова: отбери пирит, а прочее выкини к чертовой матери.

Я мог сказать такую нелепость? Более чем странно.

1.02.1983

Когда-то я разработал замечательную классификацию осадочных пород, изобразив ее на листе ватмана. Совершенно случайно сегодня обнаружилось, что этот лист используется в качестве подкладки под чайник. В результате этого основные таксоны серьезно пострадали.

Допрос лаборанта: Я спрашивал, можно ли взять лист, где нарисована какая-то ерунда? Вы сказали, если ерунда, то бери.

Неужели я мог назвать свою гениальненькую классификацию ерундой? И кто это может подтвердить?

15.02.1983

Принесли шлифы. Некоторые горные породы в шлифе совершенно непохожи на то, чем они должны быть.

Допрос лаборанта: Там было по два кусочка. Вы сказали, если похожие, то сдавай любой.

Неужели я мог сказать такую чушь? Очень и очень странно.

1.03.1983

Пропала замечательная конкреция (музейный штуф!), лежавшая на стеллаже на видном месте.

Допрос лаборанта: Ваши слова: когда у нас будет порядок в кабинете, выкинь к чертям все, на чем нет номеров. Я выкинул.

Каково: выходит, будто бы я сам велел выкинуть свою любимую конкрецию!?

Но пора, наконец, остановиться. Пора уже вспомнить о том, чем Ученый отличается от Неученого.

Ученый — умеет мыслить.

Ученый — смотрит в корень.

Ученый — роет, и роет глубоко.

Ученый — умеет обобщать, в то время как Неученый только разевает варежку.

Итак — ясно, что он работает на НИХ.

Давно? — Возможно, с первого дня (иначе как объяснить это его пристрастие к хорошему чаю — ведь у НИХ не знают, что такое грузинский чай...). Кроме того, он ведь никогда не жаловался на низкий оклад! Значит, хватало... Нужно выяснить — где и как он тратил свои иудины доллары.

Так. С одной стороны, работает грубо (случай с флюоритом) — это похоже на почерк ЦРУ. С другой стороны, иной раз диверсии и саботаж настолько тонкие (случай со шлифами), что приходит на ум Интеллидженс Сервис.

Может быть, работает сразу на обе спецслужбы?

Моя задача: спокойствие. Не показать, что я всё понял.

Выдержка! Наблюдение! Продолжение тщательной фиксации фактов! Всё записывать — и в папочку.

Сверху крупно, чертежным шрифтом: ДЕЛО ЛАБОРАНТА.

Когда папочка станет достаточно пухлой — разговор наедине. Без свидетелей.

— Сэр, ваша карта бита. Отпираться бесполезно. Нам все известно.

Поедете на сенокос на полный месяц.

(Март, 1982–март, 1983)

* * *

Диабаз[16]

Предисловие

Это сочинение было нацарапано в полевом дневнике в июле 1973 г., на р. Унье. Целый день я в скверных лесных обнажениях изучал «диабазы» и лишь к вечеру понял, что это все-таки карбонатные полимиктовые песчаники... Чтобы зализать рану, я в тот же вечер сочинил рассказ. Его первыми слушательницами у костра были две девушки, составлявшие весь персонал моего геологического отряда: моя штатная лаборантка Люся Морохина, и студентка-дипломница Ухтинского индустриального института Тамара Пономарева. Рассказ развеселил моих благодарных слушательниц, а можно ли требовать от беллетристики большего?

Геолог Николай отобедал, рыгнул и отправился в маршрут.

Его коллектор, девушка Маруся, взвалила за спину пудовый рюкзак и двинулась за ним. Они давно работали вместе и научились обходиться без лишних слов. Девушка Маруся знала: ежели геолог Николай рыгнул — быть маршруту, а ежели интеллигентно икнул — будет камеральный день.

...Маршрутная пара углубилась в дремучую тайгу.

Непроходимые заросли, без всяких признаков обнаженности, со всех сторон обступали путников. Компас показывал одной стороной на Север, а другой — на Юг. Геолог Николай всегда доверял компасу и шел туда, куда следовало.

В этих непролазных дебрях, где никогда не ступала нога белого человека, находился, согласно описанию Анны Ивановны Антошкиной, «превосходный разрез живетского яруса». Эти сведения геолог Николай почерпнул из эпохальной монографии Антошкиной *«Стратиграфия живетских отложений боров-беломошников в связи с проблемой поисков черники»*.

Через некоторое время геолог Николай остановился, перевел дух, утер пот со лба, достал карту Антошкиной, выдранную из ее монографии, еще раз сверил направление своего маршрута и спросил:

— Маруська! Ты там обнажениев не видела?

— Нету, — сказала, подходя, девушка Маруся.

— Где же превосходный разрез живетского яруса?– в недоумении сказал геолог Николай.

— Должно, левее от азимута, — степенно сказала девушка Маруся.

— Почем знаешь? — строго спросил геолог Николай.

— Думаю я так, значит. Подозреваю.

— Взять разве левее? — размышлял вслух геолог Николай, глядя на компас, стрелка которого была ориентирована субмеридионально.

Вдруг его рассеянный взгляд упал на бурые обломки в корнях вывороченного дерева.

— Глянь, Маруська! Обнажение!

Геолог Николай с живостью подошел к вывалу и стукнул молотком по одному из обломков.

---

[16] Впервые опубликовано в самопальном журнале воркутинского геолога В. С. Озерова «ЗКУ» (Золотоносные конгломераты Урала») и датировано 19 октября 1996 г.

Впоследствии напечатано в сборнике «Не ждите нас, жаркие страны. Литературный сборник». — Сыктывкар: Милета, 2001. С. 13—15.

— Маруська! Никак диабаз?

Девушка Маруся закурила, присев на свой рюкзак, сплюнула на диабаз и сказала:

— Едва ли.

— Почто споришь? — загорячился геолог Николай. Шаровидная отдельность — раз! Зеленоватый — два! Сверху бурый — три! В целом ни на что не похож — четыре! Все признаки диабаза налицо!

— А у Антошкиной обозначен? — бездушно спросила девушка Маруся. Геолог Николай снова вытащил из полевой сумки карту Антошкиной, еще раз отыскал среди непроходимой тайги точку 1132, обозначавшую «превосходный разрез живетского яруса мощностью 14.752 м», огляделся по сторонам и сказал:

— Ничего у ней не обозначено.

— Значит, не диабаз, — сказала девушка Маруся.

— А что ж тогда?

— А что у Антошкиной?

— Далась тебе Антошкина! — возмутился наконец геолог Николай. — Это ведь я, лично я нашел диабаз, а не твоя Антошкина! Впрочем... гм... У ней тут показаны песчаники карбонатные с этими... брахиоподами.

— Ищите брахиоподов, дядя Коля, — посоветовала девушка Маруся.

— Ты что?... — поперхнулся геолог Николай. — Нету их тут! Не живут они в диабазах, окаянные, не климатит им, понимаешь?

— А может раньше жили... — упрямо сказала девушка Маруся.

— Ну нет, девушка, — твердо возразил геолог Николай. — Диабаз-то, он знаешь, какой горячий был? Тут бы суп получился из твоих брахиоподов. Сварились бы они за милую душу, поняла?

Девушка Маруся докурила сигаретку, аккуратно загасила окурок о подошву сапога, поднялась с рюкзака, неспешно приблизилась к вывалу и, немного покопавшись, вытащила бурый обломок, выпачканный в суглинке.

Она потерла его рукавом, поплевала и снова потерла. Потом протянула геологу Николаю.

— Вот она, дядя Коля. С ребрышками.

Геолог Николай осмотрел брахиоподу, выругался про себя и спросил девушку:

— А где же тогда превосходный разрез живетского яруса?

— Должно, левее от азимута, — сказала девушка Маруся.

И они снова взвалили свои рюкзаки и пошли по азимуту, но левее.

* * *

Как я делал карту[17]

Документальная повесть с предисловием и послесловием

Предисловие

Разбирая свои старые бумаги, я нашел данное сочинение. Оно написано в середине 1970-х годов, когда я активно зарабатывал деньги, разъезжая по Республике с научно-популярными лекциями по линии общества «Знание». Точно уже не помню, но за лекцию кандидату наук полагалось то ли 12, то ли 16, то ли (страшно сказать) все 18 рублей. Правда, при расчете (по приезде) неизменно оказывалось, что оплачена только часть лекций — остальное «Знание» забирало себе. Но мы и тому были рады. Напомню, что в те годы (о которых многие вспоминают с плохо понятной нежностью) зарплата м. н. с. без ученой

[17] Опубликовано в самопальном журнале воркутинского геолога В. С. Озерова «ЗКУ» (Золотоносные конгломераты Урала»). Предисловие датировано 1998 г. **В дальнейшем опубликовано в книге: Дорога с грустным перекрестком: Лит. сборник. — Сыктывкар: [Самиздат], 2002. С. 24—29.**

В дальнейшем перепечатывалось еще дважды: в Коми республиканской газете «Красное знамя» (дату не помню) и в «Вестнике Института геологии» , 1998, № 3 (39). С. 22—24.

степени составляла от 90 до 130 рублей, а со степенью — от 150 до 180 рублей (в зависимости от стажа). Так что, прочитав в поте лица (по 3—5 в день!) 20 лекций за неделю и получив за них 200 рублей — указанный м. н. с зарабатывал как бы дополнительный месячный оклад.

Кроме того, чтение лекций всячески стимулировалось академическими начальством, потому что этот показатель («число лекций для населения Республики») учитывался при подведении итогов Социалистического Соревнования... Таким образом, на этом благородном просветительском поприще Приятное (благоволение начальства) гармонично сочеталось с Полезным (деньги).

Я терпеть не могу карт.

Я ничего на них не вижу.

Карта для меня — это самый настоящий Голый Король. Поэтому я просто не верю людям, утверждающим, будто бы они видят на геологических картах что-то, кроме гидросети. Я убежден, что они врут — ни черта они там не видят, но им стыдно в этом сознаться. Я готов пойти дальше и заявить: карты — это дьявольское измышление; оно придумано специально для того, чтобы утаивать информацию[18].

Мне только два раза в жизни пришлось строить геологическую карту. Первый раз — для диплома. Ее я благополучно передрал с карты своего шефа и в итоге защитил диплом на пятерку.

Второй раз — уже в более зрелом возрасте, в городе Якутске, где я занимался германием в углях. К счастью, эта моя карта была настолько секретна, что ни один знающий геолог не был допущен в зал, где я демонстрировал ее на Техсовете Геологического управления. И по этой причине я снова вылез сухим из воды — отчет приняли с хорошей оценкой.

Когда я попал в Институт геологии, то познакомился с Витей Пучковым. Для Вити рисовать карты — было столь же просто и естественно, как для Н. П. Юшкина — писать монографии. При этом я заметил, что Витя никогда не пользуется специальной аппаратурой вроде пантографа. Обладая изумительным глазомером, он просто подходит к белому листу и несколькими смелыми штрихами наносит на нем антиклинали и синклинали. Потом отходит в сторону и критически оглядывает свое творение. Сообразивши, чего в нем еще не хватает, он быстро и эффектно перечеркивает все пространство красными линиями разломов. И готово — есть карта! На ней и нефть, и газ, и вообще все, что только может понадобиться клиенту.

Сведя знакомство с Витей, я зажил припеваючи. Всякий раз, когда мне требовалось что-нибудь зачем-нибудь куда-нибудь нанести — я бежал к Вите. И он все безотказно наносил.

Недавно, для своего отчета, я попросил Витю *нанести на его карту мои обнажения, нанесенные на чужую карту — таким образом, чтобы его карта с моими обнажениями стала как бы моей картой с моими же обнажениями*. Это задание хоть кого могло бы поставить в тупик. Но только не Витю. Он незамедлительно исполнил мою просьбу левою ногой (правой же он в это время передвигал препараты с конодонтами, а его руки были заняты написанием очередной статьи).

И все шло в моей жизни прекрасно до того рокового дня, когда жители Удорского района (как мне сообщили из о-ва «Знание») не ощутили вдруг невыносимого желания услышать какую-нибудь лекцию про Богатства Недр Коми Республики.

Как поется в песне, *«Если Родина скажет НАДО, комсомольцы ответят ЕСТЬ!»* Хотя я давно уж не комсомолец, но духом я, безусловно, даже моложе Ани Антошкиной. И поэтому я тоже ответил Родине «есть!».

Ответил — и призадумался. А что, собственно говоря, есть?! Ничего у меня нету. Никакой готовой лекции не было и в помине.

По счастию, Слава Кривошеев к этому времени успел переписать лекцию П. Д. Калинина про полезные ископаемые, изрядно разбавив ее водою (минеральной)[19]. Поэтому моя задача существенно облегчалась.

---

[18] Замечательной иллюстрацией этого экстремистского заявления автора являются металлогенические карты ВСЕГЕИ, на которые нанесено ВСЕ, ЧТО ТОЛЬКО ФИЗИЧЕСКИ МОЖНО НАНЕСТИ (с плотностью примерно 1 знак на 1 кв. мм). В итоге на них нельзя понять НИЧЕГО. — *Примечание-1998.*

[19] В. С. Кривошеев занимался гидрогеологий — *Примечание-1998.*

Я перепечатал рукопись Кривошеева на машинке, придав ей некоторую таинственность в части, касающейся рудных полезных ископаемых: я давал понять слушателям, что эти ископаемые в Республике Коми может быть и есть, но не обо всем можно говорить...

Но текст — это пустяки. Наличие текста не избавляло меня от грозной необходимости показывать слушателям карту. Где ее взять, карту-то?

Слава Кривошеев ездил по селам и деревням с *административной* картой. Он вешал ее на порядочном удалении от первых рядов; это давало ему возможность почти безошибочно попадать в пространство между Тиманом и Уралом (*«... а вот здесь у нас бокситы... а тут — уголь...»*).

Но меня обуяло честолюбие. Презрев ценную методическую находку Славы — я решил лично изготовить раскрашенную карту, на которой все полезные ископаемые Республики Коми будут как на ладони.

Я взял административную карту и первым делом нанес на ней основные структуры.

Получилось очень неплохо.

После этого некоторые из структур я залил черной тушью. Это давало наглядное представление о том, что они переполнены нефтью.

Вспомнив о приемах работы Вити Пучкова, я отошел в сторону и оглядел карту. Сперва ничего, кроме восхищения, я не испытал. «Прекрасная работа!» — подумал я.

Но потом я подумал, что мне, чего доброго, могут задать вопросы. Поэтому на всякий случай каждую структуру я *подписал* — разумеется, тушью, чтобы надпись не стерлась в долгой поездке по плохим дорогам Удорского района.

После этого, опять же тушью — свободное от нефтегазоносных структур пространство я украсил изображением каменных углей, бокситов, титана и калийных солей.

Получилось еще лучше прежнего! Карта моя была как живая — только что не разговаривала. Я с грустью подумал о потерянных напрасно годах — теперь-то мне стало очевидным, что я просто закопал в себе талант незаурядного Картосоставителя!

И тут я вдруг с ужасом осознал, что на карте нет Главного. *На моей карте не было Перспектив!* Ведь дело-то вовсе не в том, что у нас уже *есть* сейчас, а в том, что у нас только *будет*. Ибо жизнь без перспектив — это не жизнь, а жалкое и пошлое существование.

И тогда я взял *акварельные краски*, воспользовавшись тем, что мой мелкий сын в это время спал.

И я стал трепетно раскрашивать карту. Высокоперспективные площади я закрасил малиновым, а просто перспективные — желтым.

... И тогда на моей прекрасной карте появились кошмарные подтеки, бравшие свое начало из нефтеносных структур, из названий этих структур, а также изо всех угольных, титановых и бокситовых месторождений.

В результате этого высокоперспективные и просто перспективные районы на карте окрасились в зловещий бурый цвет.

Но я не пал духом!

Я взял тряпочку и все, что вытекло из нефтеносных структур и других подземных кладовых — размазал по поверхности *неперспективных* районов. В результате перспективы последних тут же выросли!

После этого я взял две планочки и приколотил их к карте — сверху и снизу.

Получилось великолепно! Я горделиво распрямился над своей распростертой на полу картой и снова подумал о зарытом таланте.

Впрочем, выяснилось, что планочки были не совсем по размеру — они сильно выступали в обе стороны в субширотном направлении. Тогда я взял пилу-ножовку и стал их аккуратно подпиливать. Тотчас с воплем прибежала из кухни жена и заявила, чтобы я не смел сорить на ковер.

Отстаивая от недостойных нападок свое святое право на творческий труд, я и не заметил, как вместе с планочками перепилил пополам Денисовский прогиб и лучшую часть Удорского района.

Другой на моем месте мог бы пасть духом. Но я взял липкую красную ленту и всё, по ошибке перепиленное, — заклеил. Получилась замечательная звездообразная заплата, подобная следу от падения метеорита на поверхность Луны. «В этом что-то есть», — подумал я.

К сожалению, только теперь я вспомнил, что карту, даже такую прекрасную, как моя — придется куда-то вешать. Это осложняло мою задачу, хотя и не делало ее безнадежной. Я взял штопор для открывания винных бутылок и стал им сверлить дырочки в верхней планке.

Оказалось, что *туда* штопор шел очень хорошо, но *обратно* отчего-то не вынимался. Тем не менее, мне удалось в конечном счете и просверлить дырочки, и вызволить штопор.

После этого я стал пропихивать в дырочки веревочку. Но дырочки оказались спиральными, а веревочка в спираль не завивалась...

Наконец, мне это стало надоедать. Поэтому я взял *два больших гвоздя* и грубо пробил ими две широкие дырки в верхней планке. Теперь уж веревочке деться было некуда — пролезет, как миленькая. К сожалению, гвозди ушли далеко в пол. Стало ясно, что теперь мою карту можно показывать публике только на дому.

Жена, вновь прибежавшая на шум, увидела, как я, упершись коленом в Полюдов Кряж, а ступней — в Печорскую гряду — силюсь вытащить клещами гвозди, угодившие в карту где-то в районе перспективной Василковской структуры.

И после этого моя замечательная карта стала легко помещаться (в разъемном виде) за пазухой.

Я решил делать так: буду вынимать ее всего на несколько секунд из-за пазухи — и тотчас прятать обратно:

– «Видали? — Больше не увидите!».

Эта методическая новация обещает колоссально поднять интерес к моей лекции.

Послесловие-1998

Прошло почти четверть века после описанных событий. Я стал знаменитым и старым. Первое — это хорошо, но зато второе — плохо и полностью нейтрализует первое.

Однако дожив до седых волос, я так ничему и не научился, ибо мне снова пришла в голову безумная мысль — а не построить ли карту?

Я пошел по проторенной дорожке — взять нечто чужое и нанести туда нечто свое так, чтобы и чужое стало как бы моим.

Так как Слава Кривошеев давно живет в Ессентуках, а Витя Пучков тоже давно директорствует в Уфе, то я обратился к одной блондинистой дамочке из Воркуты. Она была геологом-съемщиком.

Случайно я услыхал, как она с презрением отозвалась о каком-то несчастном, который «не отличает магматических комплексов от стратифицируемых образований». *Стратифицируемые образования* произвели на меня большое впечатление; я попросил её сделать мне карту, нанеся туда некую формацию, битком набитую золотом, бокситами, алмазами и другими полезными и бесполезными ископаемыми. Я показал ей то место в разрезе, где должна располагаться эта формация, и спросил, можно ли ее изобразить на карте.

— Да это плевое дело, — заверила меня она.

Прошло время, и я получил из Воркуты карту.

Это была замечательная карта!

На ней было всё что угодно: и магматические образования (основные и кислые), и стратифицируемые комплексы (молодые и древние), и разломы (достоверные и предполагаемые), и разнообразные рудопроявления и месторождения (показанные с помощью полутора десятков значков).

Не было только моей формации.

Я обратился за разъяснениями. Люся (так звали эту дамочку) пояснила мне, что карта слишком хороша сама по себе, чтобы портить ее какой-то еще мифической формацией, про которую даже нельзя сказать — *стратифицируется* она или нет. Поэтому она сочла за благо вовсе ее не показывать, а мне предлагает пользоваться тем, что есть — и не капризничать.

Так закончился мой последний в 20-м веке опыт картосоставительских работ.

* * *

Ходьба на лыжах: объективный анализ общественного зла[20]

Автор настоящей статьи потратил 20 лет на изучение широко распространенного бедствия или, быть может, массового психического заболевания, которое известно в обиходе как «ходьба на лыжах». Полный текст этого исследования в ближайшие годы будет опубликован через издательство «Наука» (Магаданское отделение). Ниже, в интересах широкой публики, приводятся некоторые выдержки из этого сочинения, представленные по необходимости кратко.

1. Общие сведения демографического характера

Среди более чем 2 млрд. населения земного шара имеется всего 100 человек, которых можно отнести к *лыжникам* экстракласса. Внимательное изучение их биографий показывает, что встать на *лыжи* их вынудило какое-нибудь роковое внешнее обстоятельство, например, необходимость ежедневно ходить в школу за 20 км — при отсутствии транспорта.

Всего несколько тысяч человек умеют ходить на *лыжах* хотя и хуже этих ста, но все же очень хорошо. Это так называемые мастера.

Наконец, около миллиона человек в состоянии преодолеть 5 км быстрее, чем за 25 минут. Про этих говорят, что они «хорошо ходят на *лыжах*».

Еще 0.05 % — это люди, которые хотя и не умеют ходить, но имеют *лыж*и. Они не знают, что с ними делать — но никогда в этом не признаются.

Что же остается?

Остается 99.90 % всего человечества, которые не только не умеют ходить на *лыжах*, но даже и понятия не имеют о том, что это такое.

Приведенные цифры заставляют задуматься, ибо по *порядку величины* число *лыжников* сходно с числом гангстеров, беглых каторжников, матерых рецидивистов и особо опасных наркоманов.

Эта зловещая аналогия поневоле настораживает.

2. Технология

Путем тщательных многолетних наблюдений я установил, что эти 0.05 % человечества, так называемые *лыжники*, передвигаются особым способом, совершенно несвойственным нормальным людям. Они поочередно припадают, скособочась, то на одну, то на другую ногу, перенося её далеко вперед, и делая движение, несколько напоминающее гимнастический шпагат. Любопытно, что при этом они, как правило, предпочитают почву, покрытую снегом. На ноги они прикрепляют по две одинаковых дощечки, длиною 1.5—2.0 м каждая. Понятно, что такой противоестественный способ передвижения, чуждый человеческой природе, неизбежно вызывает у них потерю равновесия. Поэтому, для удержания себя в стоячем положении, они подпираются двумя палками, заостренными с одного конца.

3. Иерархия популяции

Среди бегунов, хоккеистов, стрелков, боксеров, шахматистов — никогда не узнаешь, кто перед тобой: мастер или рядовой любитель. У *лыжников* все иначе: здесь каждое сословие легко опознается по одежде.

---

[20] **Опубликовано в Коми республиканской газете «Молодежь Севера» за 17 февраля 1974 г. под придуманным редакцией заголовком «Они и мы». Затем перепечатано в «Вестнике Института геологии» (март 2000, № 3 (63). С. 20—21).** По свидетельству И. И. Кондратовича, публичной читкой этого сочинизма он с успехом развлекал в Апатитах членов Сборной команды СССР по лыжам (скромно умолчав об авторстве).

В дальнейшем опубликовано в книге: «Уезжают друзья с северов: Литературный сборник». — Сыктывкар: Геопринт, 2003. С. 41—44.

Лыжники экстра-класса носят осенние пальто, шею заматывают шарфом, и в любую погоду обувают лакированные туфли.

Очень хорошие лыжники опознаются по белым штанам и белым гетрам.

Просто хорошие лыжники — по белым штанам и серым или черным гетрам.

Все остальные, *у кого есть лыжи*, белых штанов не имеют и одеты кто во что горазд. Особо впечатляют субъекты с сигаретой в зубах, едущие на лыжах в выходном костюме и при галстуке. Таких особей мне приходилось встречать в процессе моих научных наблюдений в лесу, за железнодорожным вокзалом.

4. Нравы

Особенностью ходьбы на лыжах является пространственная локализация этого занятия. В частности, не принято ходить на лыжах по проезжей части шоссе, по тротуарам и в общественном транспорте. Поэтому *лыжники* облюбовывают для своих занятий сельскохозяйственные или лесные угодья. Но здесь вступает в игру давно известный социологам эффект, называемый «стадным чувством». Вместо того, чтобы равномерно распределиться в пределах некоторого ареала обитания, они скопляются в большие группы, вследствие чего у них возникает дефицит жизненного пространства. В результате развивается жестокая конкуренция за право ставить свои дощечки впереди других. На этот случай они выработали определенные правила, позволяющие им удерживать стабильную численность свой популяции, не истребляя друг друга.

Делается это так. Допустим, впереди, по двухколейной дорожке, называемой *лыжней*, идет трудящийся в синих штанах и шапке-ушанке. Его наряд без слов свидетельствует о том, что он принадлежит к самым низам иерархии. Сзади его догоняет некто в белых штанах. Ясно, что это — представитель элиты. Он приближается к ушанке и произносит магическое заклинание «Хоп!». Ушанка, ни слова ни говоря, сходит в сугроб и пребывает там до тех пор, пока белые штаны не скроются из глаз. Потом трудящийся снова взбирается на *лыжню* и начинает было упираться палками, но сзади наезжают новые белые штаны: «Хоп!». Ушанка снова сходит в сугроб и может находиться там неопределенно долгое время.

Для всякого, кто хотя бы поверхностно знаком с другими способами провести время, этот обычай *лыжников* представляется диким и варварским. Действительно, что бы мы сказали, если бы гроссмейстеры садились за доску с третьеразрядниками — но не в сеансе одновременной игры, а один на один? Если бы боксер-тяжеловес дубасил бы на ринге мухача? Если бы мотоциклисты участвовали в велосипедных гонках?

Тогда как у этих *лыжников* никто не находит странным, когда перворазрядник, подъехав сзади к трудящемуся, который честно отмеривает свои 5 км за законные 45 минут, говорит ему зловещее «Хоп!»...

5. Обычаи

Я подметил, что для своих ритуальных сборищ они предпочитают погоду не очень холодную, желательно безветренную, но, подобно Снегурочке, как огня боятся температур выше 0° по Цельсию. У многих из них имеются с собою небольшие коробочки с кремом, напоминающим гуталин. При первых признаках потепления они приходят в большое возбуждение, сбиваются в кучки, спорят, ругаются и жестикулируют. При этом каждый потрясает своей коробочкой и охаивает чужие. Наконец, чисто статистически, один из них берет верх, и тогда все лихорадочно бросаются натирать свои дощечки (а не обувь, как можно было бы предположить) кремом из его коробочки, старый же крем удаляют при помощи своих варежек. Любопытно отметить, что при этом палки они кремом не натирают.

6. Социальная опасность

Нам, образующим 95.95 % всего человечества, надо решить, как к *ним* относиться. Люди беспечные, пожалуй, скажут, что нам-де нечего бояться, ибо нас подавляющее большинство.

Опасное заблуждение!

Во-первых, нужно брать явление в динамике, а не в статике. Сейчас *их* еще немного и быть может, *они* не могут нанести ощутимого вреда нашим полям (вытаптывая озими) и лесам (истребляя молодую поросль и уничтожая деревья для изготовления своих дощечек и палок). Но налицо тревожная тенденция роста этой популяции, причем роста за счет молодежи!

Уже сейчас многие молодые люди вместо того, чтобы забить козла, расписать пулечку, наконец, просто посидеть за рюмочкой с хорошим человеком, одним словом вместо того, чтобы культурно отдохнуть — встают на *лыжи* и устремляются на поиски приключений и ложной романтики.

Во-вторых, нельзя забывать, что мы разобщены, тогда как *они* сплочены, *им* присущ корпоративный дух, везде и всюду *они* поддерживают *своих*, на *их* стороне, к сожалению, и все СМИ. Поэтому с нашей стороны недопустимо проявлять расхлябанность и беспечность.

Я верю, что в конечном счете мой труд даст свои плоды: человечество осознает грядущую опасность. Все прогрессивные люди доброй воли объединятся и сложат на площадях костры из *лыж*, а их дети будут плясать вокруг них и кричать: «Хоп, хоп, хоп!»

* * *

Отдых на Золотых Песках[21]

Рассказ воркутинского шахтера

...Морской переход запомнился мне смутно. Не берусь точно сказать, по какому морю мы ехали: по Белому, Красному или Черному. Дело в том, что ночью я спал в каюте, а днем пил пиво в судовом баре. Пиво было неплохое, хотя не мешало бы к нему подавать воблу или хотя бы кнедлики.

Вскоре бар закрыли: оказалось, что мы прибыли к месту назначения (к сожалению, я забыл, как оно называется).

На берегу нас радушно встретила черненькая девушка, которую, возможно, звали Таня (а может и не Таня), посадила в автобус и проводила до Золотых Песков. Она дала нам только одно указание-предупреждение: «*Просите чего хотите, но черного хлеба и селедки в нашей стране нет*».

Название отеля, куда нас поселили, я не помню. Возможно, «Морско око», но в этом оке бара нет, а в нашем отеле, как я точно знаю — бар был.

Оказавшись в номере, я выглянул в окно и увидел в 50 шагах море. Это мне не понравилось. Ведь я приехал отдохнуть, повеселиться, не так ли? Тогда как заунывный шум всяких там отливов, приливов, муссонов и пассатов мог помешать моему отдыху. Я хотел было пойти к администратору и потребовать более удобного номера, но вспомнил про бутылку рома, купленную еще на судне и предусмотрительно мною заначенную. Я насосался рому и заснул сном младенца.

На другой день я первым делом проверил свою наличность и сразу понял, что как следует отдохнуть не удастся — денег было скандально мало. Я пошел в бюро обмена валюты с вывеской Change и просунул в окошечко свои скромные трудовые сбережения. Девушка в окошке смутилась и сказала, что всю сумму она обменять не может и попросила немного обождать — а сама ушла.

– Безобразие! — закричал я ей вслед. Я отдыхать приехал, а не ждать! Я интурист! Я не могу ждать и не буду!

Пока я все это кричал, она вернулась и в сопровождении тысячи извинений протянула мне пачки левов. Я счел, что её можно простить и вышел.

Около отелей и баров было пустынно, ибо весь народ скопился на песке вблизи моря. Советские отдыхающие валялись на песке в разных позах и яростно резались в карты. Иностранные туристы, видимо, в карты играть не умели, потому что читали какие-то книжки или глупо фотографировали друг друга.

При этом те и другие были отчего-то раздеты почти догола.

Я с удивлением замечал, как некоторые, повалявшись на песке, вставали и бросались в море; иные при этом даже погружались в воду с головой, и поплескавшись, возвращались обратно.

---

[21] Написано в ноябре 1973 г. после возвращения из первой в моей жизни турпоездки в Болгарию. Публиковалось в стенной газете Ин-та геологии Коми фил. АН СССР. Здесь дано в новой редакции.

Вскоре мне это зрелище надоело и захотелось пропустить стаканчик. Рядом был ларек. Правда, там не оказалось русской водки, которую я предпочитаю по утрам, но и сливовая болгарская водка «Ракия» оказалась недурной. Я принял на грудь две бутылочки по 0.5 и пошел к себе в номер отдохнуть. У меня был план: проснуться к 22 часам, когда открываются ночные бары.

К 22 часам я уже был готов и направился в ближайший ночной бар «Цыганский табор». Мне говорили, что там можно посмотреть недурной стриптиз. Согласно рекламе, этот табор представляет собой *«... летний бар на романтической лесной поляне. Оригинальные цыганские шатры и повозки. Экзотичные восточные, цыганские и испанские танцы, цыганский оркестр и певицы напомнят Вам колоритную цыганскую жизнь»*.

Признаюсь, что ничего колоритного я там не обнаружил. В то время, как я, заняв место в одном из шатров, пил принесенный с собой джин, над моим ухом отвратно пиликали на скрипочке, а танцовщики молотили каблуками по эстраде. К тому же рядом хрустели овсом две настоящие лошади.

Я подозвал метрдотеля и сообщил ему, что на мой взгляд, здесь чересчур шумно. Одновременно я попросил принести пару бутылок ракии и 0.5 коньяку. Мне всё это принесли, но грубо заметили, что если я ищу тишины, то лучше бы сидел дома. Когда же я потребовал жалобную книгу, мне с наглым смехом ответили, что таковой у них нет, ибо все кочевники были поголовно неграмотны, так что такой предмет, как книга — нарушил бы им весь колорит.

Когда я выпил все, что имелось на моем столе, я попросил приготовить коктейль из рома, мадеры и томатного сока, выпил его и спросил у соседа, когда же нам наконец покажут стриптиз.

Мой сосед оказался тучным курчавым мужиком — греческим миллионером. Фамилию его я забыл, однако он уверял меня, будто пару месяцев назад развелся с Жаклин Кеннеди и теперь вот приехал на Золотые Пески отдохнуть от утомительного судебного процесса[22].

Чтобы поддержать разговор, я сообщил ему, что по возвращении тоже разведусь с женой, ибо она по субботам заставляет меня сдавать винные бутылки, хотя могла бы это делать сама.

– Мой друг, это ужасно! — сказал мне миллионер на каком-то зарубежном языке.

Мы тотчас решили выпить на брудершафт и с этой целью заказали по галлону рисовой водки.

Я уснул в этом проклятом таборе, так и не дождавшись стриптиза. Цыгане отвезли меня в отель, причем как потом выяснилось — в мусорной машине. Когда я на другой день добрался до администрации и потребовал объяснений по поводу плачевного состояния моего костюма, мне нахально ответили, что у них-де не было более подходящего транспорта.

С нетерпением я дождался следующего вечера и отправился в механу «Атлас». Механа по-ихнему значит «кабачок в народном стиле». Реклама сообщала, что там *«... подают раков, блюда из мидий, улиток и лягушачьих ножек и превосходные вина»*. Народу там было тьма-тьмущая, все они жевали улиток и лягушек. Я насилу нашел себе место, подозвал официанта и сообщил ему, что меня интересуют превосходные вина. Чтобы он был расторопнее, я дал ему на чай сотню левов. К сожалению, я не помню, что именно он принес, ибо немного захмелел.

Этот «Атлас» был на горе, а мой отель внизу. От механы к отелю вела крутая лестница с перилами. Один официант спустился вниз, а другой посадил меня на перила и пустил вниз, где меня принял его товарищ. Неприлично ругаясь, последний взвалил меня на спину и отнес в отель.

... Время шло незаметно. Я посетил бары, механы и рестораны «Трифон Зарезан», «Каракачанский стан», «Горски Кыт», «Ловно срешта», «Амбассадор», «Хайдушка срешта», «Колибите», «Каней», «Кукери».

Я ел фазанов, зайцев, косуль, оленей, кеклиц, перепелок, тянутые охотничьи пироги, боярское блюдо «Плиска», домашнюю колбасу, шницель «Царевец», печеное мясо, цыплят на шкаре, свинину на шкаре, шашлык по-каракачански, барашка на вертеле, цыплят на вертеле, брынзу, печеную в кувшине, грибную похлебку, голубцы по-гречески, каварму по-виноградарски, отбивную по-любительски, шашлык по-кавказски с жару, бабек, кеварму-кебап, а также целый ряд других кебапов.

Я пил ром, джин, виски, грог, водку, ракию, коблер, мастику, а также разные выдержанные вина, названий которых я вспомнить не в состоянии.

---

[22] Видимо, это был не кто иной, как Аристотель Онассис. Однако зачем он потащился в Болгарию из соседней Греции, где уровень обслуживания намного лучше — пока не установлено.

Наконец, в один прекрасный день я решил начать правильную жизнь и отправился в отель «Шипка», где можно было сыграть в рулетку. И здесь меня ждало ужасное разочарование! Я с ужасом обнаружил, что в кармане у меня имеется всего 50 стотинок. Пришлось смешаться с толпой таких же как я, безденежных горемык и из-за барьера наблюдать, как отдельные счастливчики загребали денежки лопатой.

... С грустью покинул я зал для игры в рулетку. Поскольку моих 50 стотинок нехватало даже на стакан виски, я купил жевательной резинки и отправил ее простой бандеролью в сыктывкарский институт геологии на имя Пименова Бориса и Мизина Андрея[23].

Лишь не обратном пути судьба мне снова улыбнулась. Я познакомился с одним парнем из Воркуты, не то Геной, не то Игорем. Всю дорогу мы просидели с ним в судовом баре, где пили пиво за его счет.

* * *

Положение о МДББ — Международном Дне Борьбы С Баллоносцем[24]

Введение

В последнее время, на фоне обострения международной обстановки и усиления происков империализма, сионизма и великоханьского шовинизма, небольшое количество абсолютно случайных победок, одержанных Баллоносцем над некоторыми Ведущими Шахматистами (ВШ) нашего города, стало особенно нетерпимым.

Тщательный научный анализ причин вышеуказанных жалких и ничтожных победок приводит к следующим выводам:

1) они все случайные;

2) ВШ подчас пренебрегали спортивным режимом, тогда как Баллоносец неустанно тренировался и злостно удерживал у себя шахматные книги, изучая их даже и по ночам;

3) имели место также отдельные происки Ильи[25], исказившие нормальное течение партий, в которых ВШ стояли на выигрыш;

4) Баллоносец умышленно портил шахинвентарь путем битья по нему кулаком;

5) иногда ВШ хотели спать;

6) иногда ВШ хотели есть;

7) Баллоносец нарушал Шахматный Кодекс, одновременно облыжно обвиняя в этом ВШ.

Все же и в этих трудных, а порой и невыносимых условиях, созданных интригами Баллоносца и происками Ильи, Баллоносец в общем и целом завалился выше головы, о чем неопровержимо свидетельствуют результаты всех матчей, блестяще выигранных ВШ.

---

[23] **Пименов** Борис Алексеевич, в те годы подававший надежды аспирант, в дальнейшем — зав. лабораторией нефти и газа в Отделе геологии горючих ископаемых Института геологии Коми НЦ УрО РАН. **Мизин** Андрей Иванович, младший брат работавшего в Ин-те петрографа Владимира Ивановича Мизина, в те годы аспирант-карбонатчик у А. И. Елисеева. Где-то в 1975 году, находясь под каблуком своей красивой жены, слинял в Воронеж, в чем впоследствии раскаивался. Впрочем, он в конце концов и там защитился и ныне как будто вполне благополучен. От его лица написано эссе «Умненький и Гениальненький». *Примечание-2002*.

[24] **Баллоносцем** был Волька, сын Револьта Ивановича и Вилены Анатольевны Пименовых. В то время ему было лет 12, но он имел уже первый разряд по шахматам и отлично играл блиц — намного сильнее своего отца (которого автор регулярно надирал со средним соотношением очков 10:2). С Баллоносцем же играть было неизмеримо труднее, ибо он был талантливым малым. А главное — он стремительно рос, и автор все чаще стал терпеть от него чувствительные поражения. Свое прозвище Баллоносец получил от автора, так как к тому времени заработал уже первый *кандидатский балл*, которого автор, увы, сроду не имел. Пименовы жили в соседнем доме. Настоящее Положение было отпечатано автором на машинке и подброшено в квартиру Пименовых, где и было изучено. После этого из-за двери в течение получаса раздавались раскаты хохота всей пименовской семейки. На другой день Положение было в основном и даже в деталях (особенно в отношении пирожков) — воплощено в жизнь.

[25] **Илья** — мелкий сын автора; в то время ему было 8 лет. Он был Публикой на наших матчах с Баллоносцем, тайно болея отнюдь не за своего отца. Происки Ильи, сколько помнится, состояли в одобрительных возгласах или прямых подсказках Баллоносцу.

Тем не менее, вся миролюбивая общественность нашего города решительно требует проучить Баллоносца, подобно тому как китайцы хотели проучить вьетнамцев.

Цель МДББ

МДББ проводится с целью проучить Баллоносца и доказать всему прогрессивному человечеству, что его редкие победки были случайными.

Это принудит Баллоносца публично объявить — через газету Югыд туй[26] или через журнал Курьер ЮНЕСКО — о своей безоговорочной капитуляции.

Задачи МДББ

Задачами МДББ являются:

а) нанести Баллоносцу ряд сокрушительных поражений;

б) поесть пирожков.

Место и время проведения МДББ

МДББ проводится в районе 6—8 марта с. г., на нейтральной территории, исключающей возможность интриг или происков Баллоносца или его родителей — т. е. у нас дома.

Программа МДББ

7:00

ВШ встают и приступают к Физической Подготовке (бег с ускорениями на дистанции 5—6 км).

Баллоносец спит.

8:00

ВШ приступают к Водным Процедурам.

Баллоносец спит.

Отец Баллоносца просыпается и велит подать ему полуштоф водки.

8:30—9:00

ВШ проводят морально-психологическую подготовку (завтракают).

Баллоносец встает.

Отец Баллоносца пьет водку и размышляет о неизбежном грядущем поражении Баллоносца.

Однако в силу развитой им недавно концепции Русского Национального Характера[27] — никаких превентивных мер не принимает.

Напротив, мать Баллоносца, под эту концепцию не подпадающая, поднявшись ото сна, тотчас начинает печь пирожки из теста, поставленного с вечера.

9:00—10:00

ВШ проводят теоретическую подгтовку.

Баллоносец проводит морально-психологическую подготовку (завтракает).

10:00—11:00

Официальное открытие МДББ. Зачитываются телеграммы от учреждений, организаций, министерств, ведомств и Отдельных Лиц Доброй Воли, в которых они гневно осуждают Баллоносца за его вредоносную деятельность.

---

[26] Республиканская газета на коми языке (Светлый путь)

[27] На домашних «пятницах» биолога и инженера В. С. Никифорова, где собиралось человек десять сотрудников Коми филиала АН СССР, Револьт Иванович Пименов время от времени делал нам разные доклады (мне запомнился один: «Женщины в жизни Наполеона»). Но содержания указанной концепции, увы, я уже не помню.

11:00—12:00
Пирожки.

12:00—13:00
Борьба с Баллоносцем. Прогнозируемый счет 10:0 в нашу пользу.

13:00—15:00
Обед, мультфильмы.

15:00—16:00
Пирожки.

16:00—17:00
Борьба с Баллоносцем. Прогнозируемый счет 10:0 в нашу пользу.

17:00—18:00
Пирожки, тихие игры.

18:00—19:00
Оглашение телеграмм от организаций, учреждений, министерств, ведомств и Отдельных Лиц Доброй Воли, в которых выражается горячее одобрение и единодушная поддержка ВШ в их бескомпромиссной борьбе с коварным Баллоносцем.

19:00—20:00
Пирожки.

20:00—21:00
Борьба с Баллоносцем. Прогнозируемый счет 10:0 в нашу пользу.

21:00—22:00
Торжественное закрытие МДББ.

Баллоносец зачитывает подготовленное для него Заявление по радио и телевидению. В этом заявлении Баллоносец единодушно одобряет одержанную над ним победу и подчеркивает, что его редкие и ничтожные предыдущие победки имели совершенно случайный характер.

(Март, 1979)

* * *

Голодовка[28]

Задолго до 5-го сентября — даты, на которую был заказан вертолет — я объявил персоналу: *«Если 5-го вертолета не будет, то со следующего дня начну голодать»*.

Этим своим ходом я надеялся из одного ствола убить сразу 6 зайцев:

(1) сэкономить стремительно тающие продукты, уменьшив угрозу голода на 25 %, ибо нас в отряде было четверо;

(2) поднять у персонала дух — вследствие п. 1;

(3) путем демонстрации могущества своей воли — укрепить свой авторитет, который, как известно, всегда полезно укреплять (на всякий случай);

(4) хотя бы отчасти скомпенсировать последствия непрерывного двухмесячного обжорства — для своего организма;

---

[28] Статья в стенной газете Ин-та геологии (1977 или 1978 г.). **В дальнейшем опубликовано в книге «Уезжают друзья с северов: Литературный сборник». — Сыктывкар: Геопринт, 2003. С. 39—40.**

(5) передать в эфир с помощью радиостанции «Карат» эффектное сообщение: НА КАРЕ ЛЮДИ ГОЛОДАЮТ и хотя бы таким путем умягчить задубевшие сердца воркутинских вертолетчиков;

(6) в случае, если бы не сработал п. 5 — передать другое сообщение: НА КАРЕ ЛЮДИ ГОЛОДАЮТ В ЗНАК ПРОТЕСТА. Тогда за нами хоть КГБ выслал бы вертолет...

Пришло 5 сентября.

Вертолет не прилетел.

Настало роковое утро 6 сентября: я приступил к голодовке.

Основную свою задачу я видел в том, чтобы как можно дальше обходить палатку, в которой топили печку, трижды в день звенели ложки и невыносимо пахло жареной рыбой.

Прошла неделя.

Вертолет не прилетал.

Однако дух мой был бодр, ибо я полагал, что как раз приспело время получить вознаграждение по всем запланированным шести позициям.

Увы! Человек предполагает, Аэрофлот располагает.

Все пошло прахом.

Во-первых, персонал даже не заметил какого-либо изменения в своем рационе. Ибо трое здоровых студентов без малейшего труда пожирали долю хилого старого начальника.

Во-вторых, как следствие из *во-первых*, — это породило у них чувство неуверенности в завтрашнем дне. Ибо им стало казаться (и они были правы!), что теперь продукты тают еще быстрее, чем раньше.

В-третьих, вместо ожидаемого укрепления, мой авторитет опасно упал. Как выяснилось — персонал просто не мог заставить себя *уважать дурака, который добровольно не жрет целую неделю*.

В-четвертых, вместо описанной в специальной литературе живительной легкости в организме, изнуренном двухмесячным обжорством, я вдруг ощутил: в почках — камни, в желудке — рези, в сердце — тоны, в печени — всхлипы. Всё это разительно отличалось от прогнозируемой картины укрепления здоровьичка.

В-пятых и *в-шестых*, связаться с внешним миром с помощью радиостанции «Карат» оказалось решительно невозможно: ИХ я слышал, а вот ОНИ меня — нет. Поэтому я не мог передать ни того, что на реке Каре люди голодают, ни того, что голодают они в знак протеста.

Однако ничего иного мне уже не оставалось: я продолжал тупо голодать. Ибо теперь прекратить головку было бы и неполезно для здоровьичка, и неприлично, и непедагогично.

Но я утешался мечтою: как я свински нажрусь, когда прилетит вертолет!

Эта трепетно лелеемая мечта дала совершенно неожиданный результат, который, как я думаю, вызвал бы острый интерес дважды нобелевского лауреата — академика Павлова.

Всякий раз, когда в воздухе раздавалось гудение (а вертушки шастали над нами ежедневно, только не садились!) — у меня начиналось интенсивное слюноотделение — в точности, как у павловских собачек!

Эпилог

Я уже давно дома. Но дела мои плохи: моя жена подала на развод.

Дело в том, что мы живем недалеко от аэропорта. И вчера она заявила, что с нее хватит — она больше не в силах меня прокормить:

ибо всякий раз, когда отправляется или прибывает очередной рейс, я непроизвольно сажусь за стол.

* * *

ОМЗ[29]

В вопросе об ОМЗ было допущено немало грубых ошибок и досадной путаницы. Давались зачастую торопливые, непродуманные (и не подтвержденные фактическим материалом) рекомендации; в печати появлялись «результаты», которых в действительности не было — и т. д., и т. п.

Одни — предлагали искать ОМЗ с помощью полевых радиометров, вывешивали на солидных совещаниях карты гамма-поля и нагло уверяли слушателей, что на этих картах якобы отлично прослеживались ОМЗ, которые они обозначали специальным крапом. Но под этим крапом не было ничего, кроме их воспаленного воображения.

Другие — не умея отыскать ОМЗ на поверхности, облыжно утверждали, что-де с глубиною ОМЗ становятся еще богаче. Поэтому они где попало задавали наклонные скважины. Следы этого головотяпства тундра хранит и поныне — в виде остовов брошенных буровых, ржавых бурильных труб и железных бочек из-под ГСМ.

Третьи — с пеной у рта уверяли, что им-де удалось подсекать ОМЗ с помощью поверхностных горных выработок — шурфов, траншей и канав. И эти зловещие следы хранит еще молчаливая тундра — полузасыпанные канавы, полуобваленные траншеи, заплывшие и полные черной водою шурфы...

Четвертые — те попросту заявляли, что следовать каким-либо рекомендациям, не исходящим от них — это пустая трата времени. И что единственный способ поисков ОМЗ — это небольшие штольни. *«Да, это дороже, зато эффективнее»*, — так цинично высказывались эти умники на техсоветах.

И был лишь один человек, который дал миру:

(а) и четкое научное определение ОМЗ,

(б) и однозначную рекомендацию по их поискам.

Вот что оставил миру этот человек, ныне всеми забытый:

– ОМЗ — это *Оптимальная Морошечная Зона*;

– ОМЗ располагается по краям низинных болот.

Там (и только там) ее надлежит искать и отрабатывать.

А этим человеком был я.

(Март, 1978)

* * *

Заседание специализированного Ученого Совета (сокращенный протокол)[30]

Предисловие-98

Это сочинение было опубликовано в одном из первых номеров только что начавшего выходить ВЕСТНИКА — малотиражки Ин-та геологии Коми научного центра. Правда, без ведома автора, редакция ВЕСТНИКА приклеила к рассказу дурацкий подзаголовок: «Юмори-

---

[29] Сочинено по мотивам первого полевого сезона автора, проведенного в 1977 г. на р. Каре, Пай-Хой. В марте 1978 г. опубликовано в стенной газете Института геологии Коми ФАН СССР.

В дальнейшем опубликовано в сборнике: Полное собрание разлук: Литературный альманах. — Сыктывкар: Геопринт, 2005, с. 72—73.

[30] **Впервые опубликовано: Вестник Ин-та геологии Коми НЦ УрО РАН, 1995, февраль. № 2 (2). С. 7—9.**

Перепечатано в сборнике: Не ждите нас, жаркие страны: Литературный сборник. Сыктывкар: Милета, 2001. С. 7—13.

Перепечатано в специальном выпуске Вестника Института геологии — «Избранное из 156 номеров». 2008, март, с. 2—4.

стический рассказ». Очевидно, из опасения, что без такого пояснения читатель всё поймет неправильно[31].

Но самое забавное произошло потом. Пока благодарные читатели переписывали это сочинение на дискетах, в Институт геологии был зачислен самый настоящий, а не вымышленный аспирант (Дима Пономарев), которому была поручена... палеонтологическая тема насчет мамонтов!

Новый аспирант никак не мог взять в толк, отчего все официальные лица, с которыми ему приходилось иметь дело, а также все его коллеги-аспиранты, лишь только завидев его, начинали хохотать. При этом некоторые еще извинялись («ты уж меня прости, старик»*), другие же просто ржали — без извинений. Наконец, нашлась добрая душа, ознакомившая аспиранта с заблаговременно опубликованным* **протоколом защиты** *его будущей диссертации... Аспирант с документом ознакомился, но отнюдь не смутился. Насколько мне известно, он с еще большим рвением предался своему научному исследованию.*

Итак, на долю сочинителя протокола выпала редкая удача — он уподобился легендарному Пигмалиону, создавшего живое существо одной только Силою Искусства...

Председатель (академик Н. П. Юшкин). Уважаемые члены Совета, я рад, что вы все в добром здравии. Кворум у нас есть, можем работать. Сегодня у нас защищается диссертация на соискание ученой степени кандидата геолого-минералогических наук **«Проблема эрекции у мамонтов»**. Слово диссертанту для доклада. Петр Иваныч, пожалуйста. У Вас 20 минут.

Диссертант (П. И. Сидоров). Уважаемые члены Совета!.. (делает доклад, переходя от плаката к плакату).

...

Таким образом, я закончил обоснование своего четвертого тезиса. Спасибо за внимание.

Председатель. Есть ли вопросы к докладчику?

Проф. В. А. Дедеев. Разрешите? То ли я прослушал, то ли докладчик не сказал. Каковы, по Вашей оценке, размеры... э-э-э... предмета эрекции? Это что — сантиметры, метры, десятки метров?

Диссертант. Про мнению академика Грум-Гржимайло, интересующий Вас предмет имел размер 1 метр 57 см. Но профессор Георг Штольценберг полагает, что эта оценка занижена по меньшей мере вдвое.

Председатель. Вы удовлетворены ответом?

Проф. В. А. Дедеев. Пока — да.

Проф. О. С. Кочетков. Я с большим интересом выслушал Ваш доклад, но так и не уловил: какова связь Вашей темы с полиморфизмом тиманского лейкоксена.

Диссертант. Связь есть, но она стохастическая. В общем, у мамонтов, которые паслись на песчаных пастбищах с железистым апоильменитовым лейкоксеном, эрекция была гораздо выше, чем у тех, которые обитали в области развития эйфельских песчаников с псевдорутиловым гомогенным лейкоксеном.

Проф. О. С. Кочетков. Я так и думал. А Вы не могли бы объяснить — почему?

Диссертант. Видимо, железо играло роль биостимулятора эрекции.

Д-р А. М. Пыстин. Эрекция — это, конечно, хорошо. Но почему на геологической карте не указаны хотя бы главнейшие разломы? Вы что же — полагаете, что это простая моноклиналь?

Диссертант (смущен). Я воспользовался картой, составленной в ГГП Архангельскгеология. А у них никаких разломов не показано.

Д-р А. М. Пыстин. Очень жаль. Надо бы все же более критично и ответственно относиться к вопросам геологии. Ведь что такое мамонт для геолога? Это ведь не какая-то там эрекция (которая то ли была, то ли нет), а в первую очередь — мамонтова кость, имеющая немаловажное практическое значение.

Проф. Л. В. Махлаев. Александр Михайлович отчасти предупредил и мой вопрос! Я хотел спросить вот что: не считаете ли Вы, что в том, что эрегировалось, была кость — как у моржей? Как будто бы такая точка зрения тоже существует?

---

[31] В 1970-е годы один деятель из ухтинского КГБ заявил: *«У нас в Ухте многие выписывают журнал «Новый Мир» и неправильно его понимают»*.

Диссертант. Да, её высказывал покойный академик Недыбайло. Однако она не пользуется популярностью, так как пока не подтверждена палеонтологическими данными.

Д-р Ю. А. Ткачев. У меня вопрос к Вашему плакату № 11. Что такое у Вас там значит N по оси ординат?

Диссертант. Я говорил в докладе — это частота эрекций.

Д-р Ю. А. Ткачев. Значит, я правильно понял. Но вот t по оси абсцисс — это что? Секунды, минуты, дни, месяцы, годы, наконец?

Диссертант (потупившись). Это годы.

Д-р Ю. А. Ткачев. Значит, если верить Вашему графику, эрекция происходила в среднем один раз в 3 года, так?

Диссертант. Да.

Д-р Ю. А. Ткачев. Но если это так, то неудивительно, что мамонты так быстро вымерли! Однако я все же склонен думать, что Вам перечертили плакат с ошибками, а Вы не проверили как следует.

Д-р Я. Э. Юдович. У меня вопрос по автореферату. На стр. 4 Вы пишете *«... проблемы эрекции весьма актуальны и в плане воспроизводства населения»*. Во-первых, «в плане» — это выражение манерное, пошлое и бюрократически-канцелярское. Во-вторых, почему Вы считаете, что вопросы эрекции у мамонтов актуальны и для нас — отнюдь не являющихся мамонтами?

Диссертант. По правде говоря, такова точка зрения моего научного руководителя. Но я с ним полностью согласен.

Д-р Я. Э. Юдович. Понятно. Но защищаете диссертацию сегодня Вы, а не Ваш руководитель. Как хотите, а я не вижу такой уж актуальности.

Диссертант (угрюмо молчит).

Д-р Я. Э. Юдович. Ну хорошо, спасибо.

Проф. А. М. Асхабов (проснувшись). Извините, может быть я прослушал. Кажется, Вы сказали, будто бы понижение температуры угнетало эрекцию, но почему не наоборот? Кстати, в горах очень бывает холодно, и ничего.

(Все смеются).

Ничего нет смешного! Например, если хотите знать, работами Юшкина давно доказано, что химическое выветривание в Арктике идет даже интенсивнее, чем в умеренном климате! Оказывается — за счет вымораживания растворителя — возрастает концентрация солей. Так что всё не так просто. Ведь что такое эрекция? Физико-механический процесс и не более того.

Проф. В. А. Дедеев. Я как раз вспомнил анекдот. Один старый генерал женился на молодой. Подруга ее спрашивает: Ну, как? — Да всё бы ничего,– отвечает,– да командами замучил. Как к печке прислонится, кричит *«ложись!»*, как отойдет — *«отставить!»*

(Все смеются)

Это я к тому, что температура влияет положительно. Отрицательная температура влияет отрицательно.

(Все смеются)

Председатель. Тихо, тихо! Пусть диссертант ответит.

Диссертант. Я могу лишь повторить то, что сказал в докладе: похолодание должно было угнетать эрекцию. Может быть, даже была какая-то критическая температура, ниже которой эрекция не происходила даже с частотой раз в 3 года.

Проф. А. М. Асхабов. Может быть с позиций классической термодинамики с этим и можно бы согласиться. Но не забудем о существовании нелинейной термодинамики и диссипативных структур. Эрекция может начаться и тогда, когда ее абсолютно не ждешь. Такие случаи известны.

(Общий хохот в зале заседаний)

Председатель. Прошу тишины! Надеюсь, больше нет вопросов? Тогда слово ученому секретарю Совета.

Ученый секретарь Совета (д-р А. Б. Макеев). На диссертацию и автореферат поступили 7 отзывов, из них 3 без замечаний. Интересно, что все замечания практически одинаковые. Отмечается, что необходимо было и в диссертации и в автореферате привести наглядный чертеж или схему, показывающий орган мамонта в спокойном и возбужденном состоянии. Авторы отзывов считают, что без этого чертежа построения диссертанта не выглядят достаточно убедительными.

Диссертант. (Благодарит за замечания и обещает привести чертеж в монографии, которую он намерен подготовить к печати).

Председатель. Слово представляется первому официальному оппоненту.

Первый оппонент (д-р г.-м. наук А. И. Елисеев). Товарищи, мы хорошо знаем диссертанта уже много лет. Парень он хороший, видный общественник и спортсмен. Должен сказать — очень усидчивый, хотя и занимался все это время всякой ерундой, вместо того, чтобы изучать осадочные формации.

Впрочем, я уверен, что диссертация выполнена на высоком научном уровне и удовлетворяет всем требованиям ВАК.

Если же говорить о существе дела, то мне лично безразличны проблемы эрекции у кого бы то ни было, если это происходило в четвертичном периоде. Вот если бы речь шла о раннем карбоне или хотя бы о позднем девоне, то я готов рассмотреть проблему эрекции даже у фораминифер, которые на мой взгляд гораздо интереснее волосатых и грязных мамонтов.

(Оживление в зале)

Я повторяю: парень грамотный, усидчивый, активный, вполне подготовленный и, между прочим, скромный не в пример кое-кому из других наших аспирантов. Он безусловно заслуживает присвоения ему искомой степени, у меня нет никаких сомнений на этот счет.

Председатель. Слово предоставляется второму оппоненту.

Второй оппонент (канд. г.-м. наук В. И. Силаев). Господа, просто диву даешься, до чего в конце концов докатился наш Институт под бездарным, вредоносным и я бы сказал даже — преступным руководством нашего академика! Нет, вы только вдумайтесь — не нашлось, видите ли, темы актуальнее, чем эрекция у давно попередохнувших мамонтов! И это — в то самое время, когда я совершенно один, без единого помощника тяну воз минералогии гипергенных фосфатов уже который год подряд!

Извините за каламбур — дирекцию интересует эрекция! А вот меня интересуют фосфаты, в особенности, не содержащие фосфора. Вот это и есть та самая проблема, которой следовало бы заняться, если бы Институтом руководили нормальные люди, а не шайка мафиози.

Ну что я могу сказать об этой дурацкой диссертации? Да-да, дурацкой. Разумеется, она никуда не годится. Ведь автора абсолютно не интересует *вещество* — ни его химизм, ни его фазовый состав. Это, я извиняюсь, *молоточная геология*. Это мы давно уже проходили. Диссертанту не то что степень кандидата наук присуждать — я б ему, извините, и козу пасти не доверил! И хотя я, к счастью, не член вашего ничтожного, жалкого, подобострастно-пресмыкающегося перед начальством Спецсовета — я бы хотел, чтобы у господ советников хоть на миг проснулась совесть, и вы все бы как один проголосовали «против».

Председатель. Не давите на Совет! Это запрещается инструкцией ВАК...

В. И. Силаев. ...такой же дурацкой, как и весь ваш Совет! А «давить» на т а к о й Совет, я вижу, совершенно бесполезно. Вы уже так все тут сдавлены безропотным подчинением начальству, что я не удивлюсь, если при минералогическом анализе отдельных членов Совета будут обнаружены высокобарические фазы: коэсит там, стишовит или что другое.

(Смех в публике, пришедшей на защиту).

Председатель. Тихо! Вы закончили, Валерий Иванович?

В. И. Силаев. Закончил *(вразвалочку покидает трибуну и принимает поздравления публики)*.

Председатель. Слово диссертанту для ответа на замечания оппонентов.

Диссертант. Я глубоко благодарен оппонентам за замечания. Особенно благодарен Валерию Ивановичу, который назвал мою диссертацию дурацкой. Другие отзывались о ней гораздо хуже. Все замечания я учту в дальнейшей работе. Большое всем спасибо.

Председатель. Начинаем общую дискуссию. Кто хочет высказаться?

Д-р Я. Э. Юдович. Разрешите мне. Я уже отмечал далеко не лучший стиль автореферата. К сожалению, не блистал и доклад. Не удовлетворен я и ответами диссертанта на вопросы — он пытается спрятаться за спины авторитетов. В частности, глубокое замечание проф. Асхабова о диссипативных структурах и о спонтанной эрекции — диссертант просто пропустил мимо ушей. Далеко не лучший способ дискуссии!

Смутное чувство оставила у меня и позиция диссертанта в вопросах геохимии. Ведь сам собою напрашивается вопрос: какие химические элементы благоприятствовали эрекции и какие,

наоборот, могли ее угнетать? Диссертант же зациклился на климате, словно в природе нет никаких иных факторов.

Я пока не знаю, как буду голосовать — посижу, послушаю дискуссию. Но в любом случае я с восхищением отмечаю глубокий анализ диссертации, данный Валерием Ивановичем. До тех пор, пока у нас есть в Совете такие отзывы — наш Совет представляет собою живой организм. Как только мы скатимся к комплиментарному стилю петухов и кукушек — нам конец. Выражаю личную благодарность Валерию Ивановичу за его принципиальную позицию.

В. И. Силаев (тихо, соседке). А пошел бы он со своей благодарностью сама знаешь куда... Такой же мафиозо, как и все они. Хотя поначалу корчил из себя демократа. Я даже за него один раз голосовал на выборах...

Д-р Ю. А. Ткачев. К сожалению, мне вновь и вновь приходится привлекать внимание членов Совета к тому, что наши диссертанты грубо пренебрегают правилами и приемами корректной математической обработки данных. Как я могу верить диссертанту, если на плакате № 11 обозначения перепутаны, под знаком суммы нет нижнего индекса, а уравнение № 3 на плакате № 8, как каждому очевидно, представляет собою тождество!

В отличие от уважаемого второго оппонента, я нисколько не сомневаюсь в актуальности темы диссертации. Что бы там ни говорили, но только с эрекцией жизнь полна настоящего смысла, а при отсутствии таковой — она позорна и бесцветна. Но почему же наши диссертанты не используют хотя бы простейшие математические методы — я не понимаю. Вроде бы все они в свое время сдавали мне зачет по информатике — и где же результат?

Председатель. Разрешите и мне сказать пару слов в заключение. Конечно, оппоненты и выступавшие совершенно правы — в диссертации немало недостатков. Может быть даже и не всё назвали. Но надо ведь учесть и новизну темы, и экзотичность самого объекта исследований.

Автор, по-моему, вполне справился с поставленной задачей. Я, конечно же, буду голосовать *«за»*. Кстати сказать, ни в одном столичном институте не взялись за такую трудную тему, а у нас, как видите, не испугались!

Извините, я может быть отвлекся, но не сказать об этом тоже было бы неправильно.

Что касается выступления Валерия Ивановича, то в его словах, как всегда, много справедливого; все мы порой в чем-то недорабатываем. Хотя в целом он, конечно, совершенно не прав в общей оценке работы. Повторяю, работа хорошая и всем требованиям ВАК вполне удовлетворяет, это бесспорно.

РЕЗУЛЬТАТЫ ТАЙНОГО ГОЛОСОВАНИЯ

Присутствовало членов Ученого Совета 13
Роздано бюллетеней 13
Осталось нерозданных бюллетеней 4
При вскрытии урны в ней оказалось бюллетеней 13
Подано бюллетеней «за» 13
Подано бюллетеней «против» ..... нет
Недействительных бюллетеней ..... нет

Протокол записал член Спецсовета Я. Э. Юдович

* * *

ДАН, комната 301[32]

Роберту Шекли посвящается[33]

В 12 часов по Гринвичу я позвонил по ухофону.

— Редакция ДАН, — ответил голос, явно принадлежащий Бабушке.

— Могу ли я проникнуть в ваше гиперпространство по академическому марсианскому пропуску?

Последовала пауза: они никогда не слышали про марсианские пропуска.

— Но я же инопланетянин. Мне говорили, что марсианские пропуска действительны.

— Не знаю, месье. На всякий случай я закажу Вам пропуск.

— Спасибо! — с чувством сказал я. — Я сейчас на противоположном конце Мегамосковии. Не поздно ли будет появиться у Вас в 16 по Гринвичу?

— Мы работаем до 17.

После этого я обратился к Юре-Дрюгу[34] за инструктажом. Он был аборигеном Мегамосковии и хорошо ориентировался на местности без гирокомпаса и карты.

— Тебе надо в Пентагон, — сказал Юра-Дрюг, выслушав меня.

— Правильно. Я там когда-то бывал в ЭДВПГ (Эпоху До Великой Перестройки Галактики), но с тех пор все перезабыл.

— Ну, Пентагон стоит, как стоял.

— Итак, сперва сабвеем до Всесоюзного Старосты...

— Видно, как давно ты не был на Земле! Этот стоппер теперь называется Сашкин Сад.

— Почему Сашкин?

— А черт его знает. Так называется чахлый садик наверху — любимое место встречи мегамосковитских желто-голубых.

— Потом мне нужно заскочить в свой отель на Лубянке — взять кое-какие бумаги.

— Жаль. Иначе ты мог бы сразу пересесть на Большое Кольцо Андромеды, просвистеть пару стопперов и отвалиться на Радиус Пентагона.

— Ладно, это несущественно. До Беляево я как-нибудь доберусь. Важнее другое — куда мне выйти?

— Садись в Последний Вагон сабвея.

— Зачем?

— Это долго объяснять. Когда выйдешь из Последнего Вагона, иди назад.

— В туннель?

— Нет, наверх, но Как Бы Назад.

— А потом?

— А потом два раза налево.

— Прекрасно. Вот я попадаю в живительный венерианский смог (в тот день в Мегамосковии термостаты показывали +32 по Цельсию). Куда же мне идти?

— Иди по направлению к Центру.

— Но где Центр?

— Как где? Там, откуда ты приехал.

— Но как я наверху узнаю, откуда я приехал внизу?

— Спросишь у прохожих.

---

[32] Сочинено под впечатлением поездки в Москву в знойном июле—2001 и посещения Издательства Российской АН на Профсоюзной улице. д. 90 (недалеко от метро «Беляево»), где, в частности, расположена и редакция Докладов РАН. Там автор намеревался добыть оттиски своих статей, которые редакция ДАН, ввиду полного своего обнищания, с некоторых пор перестала рассылать авторам по почте.

Опубликовано в «Вестнике Института геологии Коми НЦ УрО РАН», 2001, август, № 8 (80), с. 35—36.

Перепечатано в сборнике: Полное собрание разлук: Литературный альманах. — Сыктывкар: Геопринт, 2005, с. 54—58.

[33] Американский фантаст, автор очень смешных историй.

[34] Либеров Юрий Петрович, физик-металлург, сотрудник одного из московских академических институтов (см. фото на стр. 297).

Первые 15 женщин и 8 мужчин на вопрос о том, не знают ли они, двигаюсь ли я центробежно или центростремительно, ответить не смогли и лишь вежливо разводили щупальцами. Это тоже были андроиды с других планет. Попалось, впрочем и несколько юных аборигенов, но до того тупых, что кроме *проСОЧИться*, их тезаурус не содержал других слов.

Наконец, пожилая женщина, скорее всего Научный Работник, строго переспросила: «*К центру чего*?»

— К Центру города.

— Какого города?

— Этого.

— Так бы и сказали. Да, Вы идете правильно. Центр находится там — и она небрежным мановением щупальца подтвердила мой азимут.

По моим воспоминаниям периода ЭДВПГ, до Пентагона было около одного импульса электрошвинделя, но я всегда ходил пешком.

Все сходилось: Пентагон был на своем месте.

У ворот Пентагона курил тучный, совершенно обалдевший от жары Страж.

На мое заблаговременно развернутое марсианское удостоверение он даже не взглянул, что позволило мне с гордо поднятой головой миновать Бюро Пропусков, тем более, что там никого и не было.

Я вспорхнул на айрвэйве на третий ярус и пройдя по узкому штреку с многочисленными боковыми камерами не более 500 м, нашел дверь 301.

В небольшой комнате с пыльным Умножителем находились две дамы, пять деревянных столов и Картотека.

Одна дама располагалась ближе к двери. На вид ей было не больше 120 лет. Перед ней лежала обычная рукопись на целлулозном носителе, которую она явно пыталась редактировать с помощью деревянной палочки с вставленным внутрь графитовым стержнем.

Другой даме было лет 35. Я не заметил, чтобы она что-то делала.

— Могу ли я сбросить вам статью? — сказал я, обращаясь сразу к ним обеим.

— Сбросить?! — хором спросили они.

— Да.

— Я не знаю, что это означает, — с отвращением сказала Та, Что Была Моложе (ТЧБМ).

— Я привез электронный вариант статьи, посланной Вам обычным почтовым космолетом около 3-х марсианских недель назад. Теперь я хочу сбросить (скопировать, если вам непонятно) текст в ваш Умножитель.

— Мы этим не занимаемся, — все с тем же отвращением сказала ТЧБМ. В лучшем случае можете оставить дискету.

Хотя мне было жаль расставаться с дискетой, на которой были записаны недавно полученные мною из Глобальной Паутины «Сказки для идиотов» Бориса Акунина, я сообразил, что с ТЧБМ дискуссия неуместна.

— Хорошо, вот дискета, — сказал я.

Здесь в разговор вступила Бабушка.

— Это Вы звонили? Вы, кажется, из этого... Сыв... Сыв... Сывкаттырра?

— Правильно. Из Сык-тыв-кара. Это несложно, если немного потренироваться. Сначала скажите «Сык-» — а дальше само получится. Она попробовала, и с четвертого раза у нее получилось. Тогда она дала мне конверт б/у для дискеты и с невыразимым удивлением смотрела, как я надписал на конверте древнеримское название своего файла.

— Что это? — с изумлением спросила она.

— Это название файла.

— *Файла*? Никогда не слыхала такого слова! Что это?

— Да это просто-напросто статья, которая должна была к вам уже поступить.

— А почему же она называется на иностранном языке? — подозрительно спросила Бабушка.

— Для удобства: Умножители лучше понимают древнеримский язык. Хотя для нынешней популяции Умножителей это уже почти не имеет значения. Кстати, могу ли я включить этот Умножитель?

Она с ужасом замахала руками.

— Что Вы! Это Ее хозяйство, — и она сделала знак в сторону ТЧБМ. И добавила опасливым шопотом: «... а Она его никогда не включает...».

Тут Бабушку осенило.

— Назовите-ка авторов вашей статьи. Я проверю по Картотеке.

Я назвал. Она проворно пошарила по Картотеке и с торжеством объявила:

— Такой статьи нет!!

Я был поражен. Ведь статья была отправлена еще в Период Великого Противостояния Марса и Земли. Вот уж я и сам явился — а статьи нет?!

— Не удивляйтесь — утешила меня Бабушка. — Статьи нередко теряются вследствие изношенности Почтовых Рейнджеров. Говорят, что в Поясе Астероидов многим удавалось наблюдать до трехсот рукописей, представленных Академиками в ДАН, но высыпавшихся из щелей при авариях последней декады прошлого тысячелетия. Так, знаете ли, и болтаются на орбите и покрываются космической пылью.

— Несчастные авторы! — воскликнул я.

— Не берите в голову, — посоветовала Бабушка. — Ваша статья скорее всего тоже где-то там. Ходят слухи, что Узкий Президиум Большого Совета Мудрости обещал выделить ассигнования на постройку Почтового Мусорщика, который первым делом подгребет в Космосе все такие статьи. Может быть и ваша найдется...

Затем я обратился к ТЧБМ, все это время успешно изображавшей, что меня здесь как бы нет.

— Не могли бы Вы выдать мне оттиски? — Я протянул ей заранее заготовленный лист с названиями четырех опубликованных в ДАН статей.

— Ничего себе! — Она с возмущением воззрилась на лист.

— Стараемся — ответил я. — Пишем-с...

— Но таких страниц не бывает! — обрадовалась ТЧБМ, увидев в одной из статей страницы «1—4».

Но не на таковского напала. Я был тертый калач.

— Это страницы корректуры. Поищите и найдете.

Изрыгая невнятные ругательства в адрес невежественных и диких марсиан, она неохотно принялась рыться в горе журналов и вскоре с облегчением сказала:

— Ну разумеется, такой статьи нет. Нет, потому что не может быть.

— А Вы поищите получше. В этом же номере...

Находя каждую статью, она злобно подсовывала мне старую конторскую книгу, где мне надлежало расписаться (для совсем диких инопланетян, очевидно, достаточно было поставить крестик).

По Сверхновым Правилам, разработанным после ЭДВПГ, вместо старомодной высылки авторам 25 оттисков, теперь каждому инопланетянину (не делалось исключения и для аборигенов) полагалось только 5 несброшюрованных оттисков (число **n**) в сопровождении **m** обложек (неявно подразумевалось, что $\mathbf{n = m}$). За этими $\mathbf{n + m}$ модальностями надлежало явиться лично (даже если автор проживал на Плутоне), получить и расписаться. И только оказавшись дома на Марсе, я произвел подсчеты и убедился, что при $\mathbf{n} = 20$, число обложек **m** оказалось на единицу меньше. Все-таки ТЧБМ меня достала...

Выйдя из Пентагона, я глубоко вдохнул срединно-июльский венерианский смог Мегамосковии и вознес хвалу Всевышнему, что вследствие нынешней дороговизны гиперлевитации, мне еще нескоро придется вновь являться сюда за оттисками.

* * *

Женщины в моей жизни: 21-й век

(Полевые заметки сильно подержанного геолога)[35]

1. Дефиниции

Хотя вся созданная мужчинами мировая поэзия, как известно, инициирована женщинами, ни в каких из этих стишков нужных мне терминов не оказалось. Поэтому сперва придется (чтобы быть *правильно понятым*) дать кое-какие дефиниции. А именно — разделить всех женщин на два класса по функциональному признаку:

а) ***женщины Как Таковые***;

б) ***женщины как руководящие персоны*** — начальницы полевых геологических отрядов.

Ну, насчет класса (а) — более или менее понятно, поскольку мне уже крепко за 60. Посему указанный класс (а) меня так уж особенно не занимает. О, нет, нет — нельзя сказать, чтобы совсем... Но все же не так, как раньше, во всяком случае (скажем так) — *не всегда и не везде.* В общем, как-то оно так... не очень.

Зато с функциональным классом (б) мне в наступившем 21-м веке пришлось иметь дело самым непосредственным образом — а именно, в качестве ихнего ***персонала.***

2. Истинные причины

Итак, нижеследующие горестные заметки посвящены трем моим начальницам, попечению которых я на старости лет поимел неосторожность довериться.

— А всё почему?

— Потому, что нехватало у меня смелости признаться самому себе: всё, дорогой ЭЮЯ, баста — в поле ты больше не ходок; пора, пора тебе на теплую печку. И чтоб молодежь тебе туда (за печку, то есть) выносила щец похлебать, не сажая за общий стол. Как это описано в нравоучительном рассказике писателя Льва Толстого (Зеркала Русской Революции).

3. Вставная новелла-2000: докладная записка г-на Геолога

В 2000-м году случилось Редкое Геологическое Событие. А именно, знаменитый воркутинский (а ныне сыктывкарский) г-н Геолог Озеров В. С., открывший на Приполярном Урале всё, что только можно (а также — чего нельзя) открыть, подал своему начальству удивительную по своей наглости докладную записку. В ней утверждалось и заявлялось следующее:

а. В верховье Печоры имеется потенциально алмазоносная диатрема, осадочное выполнение коей лишь по недоразумению названо предшественниками «алевролитовой толщей». На самом деле, по убеждению г-на Геолога, это не что иное, как туфы.

б. Для доказательства этого тезиса г-н Геолог предлагал применить Секретное Оружие — а именно, особую науку, именуемую Литохимией.

в. Поскольку (вследствие пагубного падения нравов) в обществе расцвели оккультизм и суеверия, так что никто про Литохимию ничего не знает, — то «Полярноуралгеологии» надлежит срочно выписать из сыктывкарского Института геологии Юдовича и оплатить означенному полевое довольствие в соответствии с нормативом.

«Кондуктор удивился — трамвай остановился».

Озеровское начальство удивилось — и все наглые требования г-на Геолога были удовлетворены, т. е. отфинансированы.

Понятно, что упомянутый в записке Юдович был рад-радешенек, что его куда-то хотят выписать — появилась возможность на халяву съездить в поле.

---

[35] **Опубликовано в «Вестнике Института геологии Коми НЦ УрО РАН», 2002, № 9 (93), с. 38—40.**
Перепечатано в сборнике: Полное собрание разлук: Литературный альманах. — Сыктывкар: Геопринт, 2005, с. 73—79.
Перепечатано в книге: *Юдович Я. Э.* Записки геохимика. — Сыктывкар: Геопринт, 2007, с. 174—177.

4. Наталья Никулова: могучий материнский инстинкт

Читатель вправе спросить: а причем же здесь Никулова? Абсолютно не при чем. Просто мне не хотелось батрачить у г-на Геолога в единственном числе — без коллектора. Вот я и обратился к Наталье (формировавшей полевой отряд) — выделить мне одного из её студентов. Указанная Наталья с готовностью согласилась, но при условии, что весь её отряд тоже отправится с нами на В. Печору.

— Тебе же там нечего делать,– возразил я. — Помнится мне, что там на весь район имеется всего два обнажения твоего тельпоса[36].

— Ничего подобного! — с жаром заявила Наталья. — Я изучила отчеты съемщиков! Тельпоса там — море! Ну, а самое главное — как я могу упустить такой шанс для самообразования — поработать в поле с Самими Озеровым и Юдовичем ?!

Слаб человек... и я согласился.

Однако в результате никуловской стратагемы я оказался уже отнюдь не Почетным Академическим Гостем в отряде г-на Геолога, а всего лишь ***персоналом*** в академическом отряде Никуловой (почувствуйте четырехкратную разницу полевого довольствия!).

Между тем, задачи мои остались прежними: таскаться в маршруты и дробить пробы.

Отработав сперва *барщину* Озерова, я отпросился у начальницы на *оброк*: собрать материал для курсовой работы студента Миши Афонькина (который, между прочим, прогуливал с нами учебную усть-куломскую практику!).

И вот мы с Мишей, протащив по 10-километровому Медвежьему порогу тяжело груженую лодку (о грузе позаботилась начальница — чтобы нам служба медом не казалась!), дважды вымокнув до нитки под мощными грозовыми ливнями, ... августа 2000 г. наконец-то отделились от начальницы и встали одиноким лагерем супротив двух длиннейших обнажений D_2, которые я опробовал, помнится, еще в 1972 г.

«Свободен, наконец-то свободен!» — хотелось мне воскликнуть вслед за покойным Мартином Лютером Кингом. Ибо теперь-то я надеялся Заслуженно Отдохнуть. Вот только скоренько так, за пару дней, покажу Мише эти два разреза — и начнется мой Заслуженный Отдых на Печоре: черника (ее было Черное море!), смородина (ее было Красное море!), белые грибы (хоть косой коси!) и хариусы (так и кидались на кораблик!)...

Увы! Насладиться свободой мне не пришлось. Не успели мы со студентом перевести дух, описав наши девонские обнажения, как сверху наплыла начальница сам-три и, уделив нам ровно 5 минут, отбыла вниз, до кордона Шежим.

Оказывается, ей не позднее данной текущей недели надо уже быть дома: у беспризорного сына, видите ли, кончается смена в лагере!! Посему в Усть-Унью уже вызвана машина, которая и доставит начальницу со спутниками в Сыктывкар.

— А как же я — с надеждою на Заслуженный Отдых?!

Хотя внятного ответа на этот вопрос не последовало, мне дали понять: на пути к ребенку её не остановят ни потоп, ни землетрясение — а не то что какие-то там профессорско-студенческие охвостья персонала...

5. Вставная новелла: что сказал Герцог киллеру

В связи с этим не могу не вспомнить, как говаривал Бравый Солдат Швейк, «аналогичный случай» — из оперы «Риголетто». Темной грозовой ночью сукин сын Герцог, шлявшийся где ни попадя в поисках любовных приключений, зачем-то забрел в харчевню к разбойнику (киллеру, по-нынешнему) Спарафучилю. Киллеру, короче, конкретно подфартило: ему как раз надобно было замочить Герцога, заказанного ему этим фраером Риголетто (за то, что Герцог-де соблазнил его дочку Джильду, которая, если разобраться, нисколько против соблазнения и не возражала!).

Короче, прихилял в натуре этот сукин сын Герцог темной грозовой ночью и нагло требует:

— Помещение! Вина дай!

---

[36] Никулова занималась терригенной толщей нижнего ордовика — тельпосской (обеизской) свитой O_1tp (O_1ob). 1 июня 2011 г. эта дама (моя бывшая докторантка) защитила докторскую диссертацию. *Примечание-2011.*

Киллер Спарафучиль всё исполнил и скромненько поинтересовался у постояльца, где же теперь ночевать самому хозяину (киллеру, то есть). И получил прелестный ответ зевающего Герцога:

— На конюшне иль у черта!

На что обиженный киллер смиренно-язвительно пропел своим басом-профундо:

— Спаси-и-бо...

Новелла только кажется вставной — ибо об этом сукине сыне Герцоге нам еще придется вспомнить.

6. Начальница слиняла

Итак, теперь у меня не только не было недели (как я надеялся) для Заслуженного Отдыха — у меня не оставалось уже даже лишних полдня. Пришлось в отвратительной, панической спешке сваливать с только что обжитого гнездышка и безостановочно грести-упираться до Шежима, чтобы настигнуть Стремительную Начальницу.

Наконец, приплыли. Но Никуловой и К° на кордоне Шежим — *нет*!

— Как нет? — В тупом изумлении спрашиваю я у аборигенов.

— А сплыли вчера в Унью,– ответствуют аборигены. — На последней канистре их повезли.

Итак, бензина на кордоне нет — и, стало быть, нас уже не повезут.

Но всего замечательнее то, что брошенному на произвол судьбы персоналу никаких Руководящих Указаний оставлено не было (... *«на конюшне иль у черта!»*). Между тем, если нам упираться до Уньи своим ходом — то это три дня безостановочной гребли под дождем (который как раз лупил не переставая). За это время придет машина и увезет начальницу сам-три домой. А мы с Мишей останемся в Унье с вымытой шеей — на зимовку...

На этом месте я прерву свою горестную повесть—2000, дабы не утомить читателя дальнейшим описанием наших злоключений. Добавлю лишь, что, разумеется, тельпосской свиты на В. Печоре оказалось с гулькин нос — и, соответственно, вся эта экспедиция Н. Никуловой оказалась совершенно бесполезной для Большой Науки.

7. Ирина Козырева: бесшабашная лихость

Обжегшись на Наталье и выждав для верности годик, я решил попытать счастья с Ириной. Меня согревала надежда: поскольку она поступила в докторантуру (а туда, сказывают, берут не всяких), то, быть может, она окажется поумнее?

Надежда моя оправдалась с большим избытком — докторантка оказалась даже *чересчур умной*. И, будучи в таковом качестве, она отнюдь не стала утруждать себя занудным кабинетным изучением всяких там скучных топографических и геологических карт, геологических отчетов и разной прочей бумажной муры такого рода. Она сразу решила: главное — это выбить у начальства вездеход и как можно скорее (пока начальство не передумало) — рвануть в горы! А там всё как-нибудь само собой образуется...

Первая часть задуманной стратагемы удалась ей блестяще. Уже через пару дней она встала лагерем за 200 км от ж/д — посреди совершенно незнакомой горной местности в бассейне реки Погурей.

Нисколько не смутившись, начальница тотчас вытащила свой ультра-новейший прибор GPS (транскрипция: *жо-па-эс*) и, направив антенну этого чудо-прибора на ближайший к р. Погурей искусственный спутник Земли, установила, что лагерь находится в 5 км от начала каньона, где нам предстояло работать три недели...

Итак, каждый день 5 км *туда*, да плюс 4—5 км *там*, а затем 4—5 км плюс те же 5 км *обратно* — многовато выходит[37]. Особенно *обратно* — с грузом и по болоту. Лихая начальница это сама очень скоро прочувствовала — в первом же маршруте. Но виду не подала — терпела...

У Козыревой я был таким же ***персоналом,*** как и у Никуловой: таскался в маршруты и со студентами дробил пробы. Правда, теперь студентов было уже трое: двоим надо было обеспечить курсовые и одному (все тому же Мише Афонькину) — диплом.

[37] Поскольку предстоял еще бросок к югу за 300 км, вездеходный вариант маршрутов исключался — надо было беречь бензин.

Читатель уже догадался... Ну, конечно же: отработав свой *оброк*, я взалкал Заслуженного Отдыха. Я надеялся, что после трех недель со снегом, дождем и собачьим холодом — наступит когда-нибудь лето, и поспеет морошка. Поэтому по утрам, когда весь козыревский персонал находился в объятиях Морфея — я навещал окрестные болота и щупал: не завязалась ли морошка...

Наконец, все маршруты на Погурее были сделаны, студенты обихожены, пробы раздроблены, шлихи отмыты. И я сказал начальнице:

– Вы теперь катитесь, куда хотите (*«на конюшню иль к черту!»*),– а я остаюсь здесь для Заслуженного Отдыха. Через 5 дней меня на обратном пути подберет вездеход Иры Голубевой.

Мы вместе с Голубевой забрасывались на Погурей; они работали в 10 км по соседству и постоянно нас навещали, заботливо снабжая дровами: отчего-то там, где работала Голубева, дрова произрастали, а у нас — нет. По плану, к 1-му августа Голубева должна была вернуться на север в Елецкую (тогда как Козырева отбывала еще на 300 км южнее — в высокогорье Интинского района) и передать вездеход прибывшему туда отряду В. И. Силаева.

И вот снова настал долгожданный Миг Свободы. Утром 24 июля 2002 г. вездеход с отрядом Козыревой (4 человека плюс водитель — Леша Калмыков) отбыл на Знойный Юг — а я остался один посреди молчаливых, сказочно красивых гор и тундры.

Этот первый день после их отбытия был просто чудесен: как по заказу, вылезло солнышко. Я загорал, читал «Прогноз рудных месторождений» Л. Н. Овчинникова и время от времени подкреплялся оставленной мне сердобольной студенткой-поварихой холодной рисовой кашей с тушенкой.

Прошла тихая, светло-прозрачная ночь, наступило ясное солнечное утро 25-го июля. Боже, как прекрасен Твой мир: ни маршрутов, ни проб, одна Природа! Я встал, как и обычно, в 5 и часа полтора снова позагорал. Но в этот момент Всевышний спохватился и решил, что это уже перебор: столько счастья — одному человеку. Посему с юго-запада снова поползла хмарь, небо заволокло тучами, и с 7 утра дождь уже привычно (для этого июля) молотил по палатке. Отчаявшись понять хоть что-нибудь в *Прогнозе рудных месторождений*, я снова завалился спать — поскольку никаких других развлечений уже не предвиделось.

В 10^{30} меня разбудил шум вездехода...

8. Ира Голубева — фанатичная петрографиня

Я высунул нос из палатки. На вездеходе сидели вымокшие до нитки двое ириных студентов (Оксана Кателя и Андрей Лебедь), а из кабины шустро выскочила Ира Голубева и заявила:

– Яков Эльевич! Мы едем на Пагу! Собирайтесь!!

Я открыл было рот, чтобы возразить (мол, Пага от нас севернее, а ты же собиралась ехать обратно на Север только 29-го), но начальница не дала мне этой возможности:

— Нет, обратно с Паги мы за Вами возвращаться не станем! Собирайтесь!!

И снова пришлось под дождем сворачивать обжитое гнездышко и вместе со студентами (которым, впрочем, уже было всё равно!) — до нитки вымокнуть на вездеходе, в пути на совсем недалекую Пагу.

Приехали, поставили лагерь на Молюд-Воже — и дождь тотчас прекратился.

И вот так мною была открыта и сформулирована *Метео-закономерность Голубевой*: смена лагерей только в дождь. Какая бы ни была прекрасная погода ДО ТОГО или ПОСЛЕ ТОГО, но если Ира Голубева переносит лагерь — то с неба непременно льет. Ирины студенты давно уж к этому привыкли, а мне это в ближайшие пять дней только предстояло[38].

Итак, мы рванули в дождь на Пагу. Зачем?

Первое объяснение этого ВП-на-П (Внезапного Порыва на Пагу), который вроде бы вовсе не входил в её планы, Ира дала мне, пока я собирал палатку:

– Вы ведь *их* уже видели? На Паге такие замечательные гипербазиты! Мне их так хочется посмотреть!!

---

[38] Закономерность совершенно железная: даже когда Геннадий Васильевич Елькин с Ирой использовали вездеход в качестве такси — чтобы подвезти меня со студентами на 500 м от берега Ельца до домика вокзала в Елецкой — лупил дождь (которого не было ни до, ни после!).

Второе объяснение ВП-на-П Ира дала мне уже на Молюд-Воже (до обеда):

– А помните, когда мы ехали с Елецкой на Погурей, Вы обещали всем желающим экскурсию — показать лемвинский палеозой в Хойлинском каньоне? Вот мы — желающие! Нам и покажите!![39]

Третье объяснение ВП-на-П Ира дала мне тоже на Молюд-Воже (после обеда):

— А я ведь всю прошлую ночь не спала!

— ?!

— Я видела Вас во сне! Как Вы стояли в какой-то очереди! В поликлинике!!

Какому из трех объяснений следует верить (вполне возможно, что всем трем) — вопрос, что называется, *академический*, то есть не имеющий никакого практического значения. Ибо результат всё равно одинаков: опять из задуманного мною Заслуженного Отдыха на природе — ничего не получилось.

9. Эпилог

Итак, вывод очевиден. Или мне в самом деле пора на печку. Или — если я всё-таки мечтаю о Заслуженном Отдыхе в полевых условиях — проводить его не под началом прекрасного пола. Эти дамочки, короче, отдохнуть не дадут. В натуре. Конкретно.

* * *

Отчет Альберта Однокамушкина[40]

В 2011 г. у Альберта Однокамушкина, младшего научного сотрудника Ин-та геологии Коми НЦ УрО РАН, заканчивалась трехлетняя тема. Это значило, что если он и дальше желает получать свой дармовой приварок из бюджета РФ — надобно своевременно сдать отчет по теме. Поскольку в Патентном бюро (где он тайно подрабатывал) платили мало, а Милена после рождения дочки вдруг сделалась ярой феминисткой и заявила мужу, что если уж он (неведомо как) сумел-таки настрогать ребенка — пусть и няньчится с ним, а она тоже человек и желает преподавать физику, — то этот приварок (ежемесячная Институтская запрплата, переводимая на пластиковую карту Севергазпрома) — был в семейке нужен позарез.

Это означало, что хочешь не хочешь, а отчет придется писать, несмотря на его, Однокамушкина, глубокое отвращение к этому занятию.

... Дочка мирно посапывала в своей кроватке. Однокамушкин взял в руки скрипку и стал тихо наигрывать любимую сонату Гайдна — это занятие у него всегда способствовало размышлениям.

В итоге размышлений само пришло и решение проблемы — простое, как Принцип Относительности, и вообще — как всё подлинно фундаментальное.

— *«На фига я буду заново сочинять какой-то отчет?* — радостно подумал Однокамушкин. — *Когда я могу просто переписать свою статью из «Аннален дер Фюзик унд Хеми»! Во-первых, не надо ничего придумывать (с этой бесконечной стиркой пеленок я уже ни к какой интеллектуальной работе положительно не способен!), а, во-вторых, — статья-то опубликована в зарубежном журнале, а это нынче высоко ценится, и при начислении ПРНД — мне за нее еще добавят баллов!»*.

Он сел за компутер, быстро перевел ПДФ-файл статьи в ВОРДовский текст, сваял Титульный лист (каковой должен был подписать директор Института), сочинил Реферат, без труда создал Список исполнителей (исполнителем был он один), позвонил своей бывшей лаборантке Наташе Карасевой из планового отдела, чтобы узнать, сколько рублей израсходовал на его тему

[39] Что и было сделано.

[40] Написано по свежим впечатлениям от сдачи отчета по трехлетней теме (2009—2011). **Будет опубликовано в журнале Геологического института Кольского научного центра «Тиетта».**

Госбюджет РФ, ловко заполнил (гордясь своим искусством) обе стороны Информационной карты (благо было, откуда списать — поделилась Бюрократическим секретом Ученая секретарша) — и наконец, включил вожделенную опцию «Печать».

Лазерный принтер издал довольное урчание, и не прошло и пяти минут, как отчет Однокамушкина был напечатан в требуемых 3-х (трех) экземплярах. В отчете было ровно 30 страниц — как и в статье.

— *Все-таки это прекрасно, что сейчас не 1905 год,* — подумал Однокамушкин. — *Ведь тогда, вследствие крайней нищеты, у меня даже пишущей машинки Ундервуд не было бы — и пришлось бы заново перекатывать статью стальным пером, макая его в чернильницу, да еще мучиться, размечая нижние и верхние индексы в формулах*».

На другой день Однокамушкин явился в Институт и вручил свой опус ***Нормоконтролёру*** — доктору геолого-минералогических наук Владимиру Крабову. Крабов был не просто физиком по образованию — он был по совместительству профессором университета и читал курс физики студентам. А поскольку занятия Точными Науками развивают в человеке любовь к Следованию Инструкциям, то начальство поручило именно ему — неблагодарную работу Нормоконтролёра сдаваемых сотрудниками отчетов.

Что касаемо инструкций, то они имелись под рукой — это был напечатанный отдельной брошюрой в 2005 г. (через 100 лет после создания Теории относительности!) **СТАНДАРТ: «Порядок утверждения, регистрации и учета темы научно-исследовательских работ. Структура, правила оформления и представления отчета. СТП ИГ Коми НЦ 3472.1 — 2005».**

В отличие от давно устаревшей Теории относительности, в СТАНДАРТЕ ничего относительного не было: всё в нем было **абсолютным** и подлежащим неукоснительному исполнению.

Задача Нормоконтролёра была простой: сверить оформление отчета со СТАНДАРТОМ (содержание отчета его не касалось — это было делом рецензентов), выявить отклонения — и (при необходимости) принудить автора эти отклонения устранить.

Нормоконтролёр В. И. Крабов стал перелистывать опус Однокамушкина. По мере этого процесса, лицо его все больше мрачнело.

— Мы спросим: почему? Может быть, отчет Однокамушкина был плохим?

— Нет, отчет не был плохим... *Он был просто ужасным!*

Ибо то, что ему вручил Однокамушкин — вообще не лезло ни в какие ворота! Таких чудовищных документов, с нарушением ВСЕХ НОРМ И ПРАВИЛ — Крабову вообще не случалось держать в руках.

Глубоко вздохнув (ибо на самом деле, Крабов испытывал к Однокамушкину симпатию, полагая, что он, в сущности, не самый тупой малый, и мог бы — при надлежащем прилежании — достичь большего в этом Институте), Крабов взял чистый лист и стал писать Замечания Нормоконтролёра.

Их набралось, быть может, и не так много (поскольку Крабов великодушно решил пренебречь дюжиной мелких замечаний) — но и оставшихся было более чем достаточно для бедного Однокамушкина.

1. Титульный лист. Однокамушкин подписал его синей пастой (вместо положенной по СТАНДАРТУ черной), что было Очень Грубым Нарушением.

2. Реферат. Однокамушкин напечатал Реферат на листе с четвертью, тогда как в п. 10.3. Стандарта сказано ясно: *«Реферат печатается на одном листе < >».*

Автор набрал Ключевые слова строчными буквами, тогда как в п. 10.3.2. Стандарта сказано: *«Ключевые слова < > печатаются прописными буквами < >»*.

В основном тексте реферата Однокамушкин ни словом не обмолвился о том, является ли данный отчет — *Отчетом по этапу темы*, или же ее завершением — *Заключительным отчетом*.

Кроме того, в реферате отсутствовали пункты:

— цель работы;

— методы исследования;

— рекомендации по использованию результатов НИР или итоги уже использованных результатов;

— возможность приложения в смежных областях науки;

— экономическая эффективность или научная значимость работы.

3. Введение (Einleitung). Однокамушкин даже не заикнулся о Состоянии разработки проблемы к началу исследований. Читатель может, чего доброго, вообразить, что до работы автора этой проблемой вообще никто не занимался. Какое самомнение!

4. Структура отчета. Спрашивается, зачем автору понадобилось эти жалких 30 страничек (из которых половина приходится на недопустимо крупно напечатанные формулы, притом набранные в совершенно нестандартном редакторе) — делить еще на две части: *Kinematischer Teil* и *Elektrodynamischer Teil*, в каждой по пять параграфов (кстати, и само обозначение **§** Стандартом не предусмотрено!). Следует убрать эти нелепые части (которые были бы уместны, если бы Отчет был представлен в двух Книгах), и занумеровать параграфы просто — от 1 до 10.

5. Ну и, как говорят англичане, — *Last but not least* (последнее по счету, но не по важности) — это нечто совершенно скандальное... **В Отчете Однокамушкина — отсутствовал Список использованных источников!!**

В самом деле: во Введении упоминалась электродинамика Максвелла, а в параграфах 6 и 9 — уравнения Максвелла-Герца для пустого пространства и конвекционных потоков *(§ 6. Transformation der Maxwell-Hertzschen Gleichungen fьr den leeren Raum; § 9. Transformation der Maxwellschen Gleichungen mit Berьcksichtigung der Konvektionsstrцme*); в параграфе 7 — эффект Доплера (*§ 7. Dopplersches Prinzip und Aberration*); в параграфе 9 глухо упомянуто об «электродинамике Лоренца» — но НИКАКИХ БИБЛИОГРАФИЧЕСКИХ ССЫЛОК на вышеупомянутых авторов в отчете нет!

При этом примечательно, что ни на кого не ссылаясь, Однокамушкин вдруг в конце отчета выражает благодарность «за ряд ценных указаний» своему «другу и коллеге М. Бессо»: *«Zum Schlusse bemerke ich, daЯ mir beim Arbeiten an dem hier behandelten Probleme mein Freund und Kollege M. Besso treu zur Seite stand und daЯ ich demselben manche wertvolle Anregung verdanke»*.

Во-первых, никакие благодарности Стандартом не предусмотрены; во-вторых, хотелось бы знать — что это за «ценные указания» (*wertvolle Anregung*)? И если они действительно ценные — то не следовало ли включить «верного помощника» М. Бессо (*treu zur Seite stand*) в Список исполнителей?

Вывод однозначный: ввиду множества грубых нарушений, Отчет Альберта Однокамушкина должен быть безоговорочно отклонен, что создает для Института геологии тяжелую проблему списания затраченных бюджетных средств.

Также очевидно, что доверять Альберту Однокамушкину продолжение этих исследований нет никакого смысла, так что ему рекомендуется заняться поисками работы в другом учреждении.

ПОПЫТКИ БЕЛЛЕТРИСТИКИ

Начало повести «Альтернатива»
Иван
Первый шеф
Статья в «Доклады
Гусь
Оставляем мы сердца частицу
Конец сезона
Прорыв на Лену
В маршруте
Утро дальнего маршрута
Спасение на водах
Трансформисты и магматисты
Враг не дремлет

В молодости (примерно между 21 и 30 годами) я бредил изящной словесностью. Сперва пробовал писать рассказы, которые охотно публиковала молодежная газетка Якутска. Но мне этого было мало: я мечтал создать Нечто Великое. Так была задумана повесть «Альтернатива». Мне хотелось сопоставить в ней два полярных взгляда на жизнь: восторженно-романтичный и цинично-практичный.

Потом я осознал, что как и все в литературе, этот замысел не нов. Во-первых, были Фауст и Мефистофель. Во-вторых, была «Обыкновенная история» Гончарова (молодой человек Адуев и его дядя — которых так блистательно сыграли Олег Табаков и Михаил Козаков). Наконец, вариацией на эту тему можно считать «Черного принца» Айрис Мэрдок, моей любимой писательницы. Правда, у нее двуплановый замысел превратился в многоплановый: одни и те же события описываются в романе не с двух разных позиций, а с нескольких. Но тогда я не читал ни Гончарова, ни Мэрдок, и мой замысел был вполне оригинальным — он был рожден жизненной практикой автора — хоть и скудной, но все же собственной.

Замысел повести был такой.

В больнице умирает от рака геолог — романтичный молодой человек (несомненный автопортрет). И перед смертью он вспоминает наиболее яркие страницы прожитой жизни, записывая их задним числом в виде дневника.

Между тем, у него имеется alter ego — его рассудительный ироничный коллега, который всю жизнь с ним конкурировал абсолютно во всем (включая девушек), будучи при этом реалистом, циником и прагматиком. Всем событиям и оценкам, которым наш герой давал крайне субъективную, восторженно-романтическую оценку, этот Другой дает совершенно иную интерпретацию, обнажая истинные причины, механизмы и «пружины», неведомые глупому романтику. То есть его философия — это как бы беспощадно-суровая марксова философия исторического материализма — напрочь отрицающая «наивную и глупо-романтичную буржуазную историографию».

План «Альтернативы» был прост: повесть должна была состоять из двух контрастных частей — Записок умершего геолога и Комментария к ним, написанного Другим — его коллегой. Первые были лиричны и романтичны, тогда как второй должен был быть разоблачительно-ироничным и «раскрывать глаза» читателю на то, что всё написанное в первой части было хотя и искренним — но совершенно ложным. Предполагалось, что столь необычное альтернативное изложение и будет интересным читателю.

Однако, в дождливые немаршрутные дни лета—1968 на р. Подчерем (Северный Урал), в сырой палатке я сумел накалякать в тетрадке только:

а) традиционно-детективную завязку повести (Тот-Другой приносит в редакцию записки геолога со своим комментарием), и

б) несколько эссе из первой (романтической) части.

Поскольку последние были автобиографические — написать их было нетрудно.

А из задуманной Второй части мне не удалось ничего выродить по очень простой причине — отсутствия таланта. Перевоплотиться в Того, Другого (что с гениальной легкостью удалось Айрис Мэрдок) — я так и не сумел. Так что остались только фрагменты из Первой части.

Итак, хотя беллетриста из меня не вышло, все же теперь, 40 лет спустя, я нахожу, что написанные тогда куски *не лишены интереса*.

* * *

Начало повести «Альтернатива»[1]

Эти записки принес в редакцию один человек.

Он сказал, что выполняет волю покойного.

— Правда, покойный завещал исполнение своей воли жене, но это не важно: она теперь *моя* жена, и я принес эту рукопись, выполняя и ее просьбу.

Перед тем, как принести, я прочел ее. Покойный нигде не указал, что рукопись нельзя читать посторонним — это раз; наоборот, раз он завещал отдать ее в редакцию, то он, очевидно, надеялся, что ее будут читать миллионы людей — это два.

Секретарь редакции не знал ни покойного, ни рукописи, ни того, кто ее принес. Однако история показалась ему не совсем обычной. Он с интересом взглянул на посетителя.

Это был высокий человек крепкого сложения, которому можно было дать лет 35. Он был очень белобрыс: светлые, будто выгоревшие, волосы и светлые глаза. Резкие морщины на лбу и щеках старили его, придавая лицу жесткость и серьезность. Губы у него были тонкие, голос низкий, приятный — вот и все, что сумел уловить наблюдательный секретарь редакции.

— А что вы на меня смотрите? — вдруг спросил посетитель. — Разве не видно, что перед вами — Мефистофель?

Оба рассмеялись: секретарь воспитанно и сдержанно, а посетитель уверенно и не стесняясь.

— Вы привыкли, что Мефистофель — брюнет с рожками? Это не обязательно, типичный предрассудок. Вот покойный, тот был черен, и судя по его рукописи — почти ангел. А я, как видите, почти рыжий и добровольно взял на себя роль Мефистофеля...

Короче говоря. Я прочитал всю рукопись, и поскольку отлично знал покойного и весь материал — высказал об этом деле свое мнение. Ведь я имею право высказывать свое мнение? — вдруг спросил он.

Секретарь, все еще слабо соображавший, как надобно вести себя с Мефистофелем, неопределенно пожал плечами. Это был тертый калач: у него был нюх на графоманов.

— Покойный, видимо, был графоманом, — сказал Мефистофель, угадав, как ему и положено, мысли собеседника. — Но это не мое дело. Мои комментарии (вот они) — отдельно. Я просил бы убедительно — их посмотреть. Могу ли я надеяться (Мефистофель несколько замялся и даже как бы пригнулся), что мои комментарии не станут известны ... жене? Моей жене.

— Этого я, не зная материалов, гарантировать вам не могу,— вежливо, но уже вполне овладев положением, отвечал секретарь.

— Конечно, конечно, — торопливо сказал Мефистофель. — Вот на всякий случай, — он протянул листок, где было написано, как зовут его жену. — Но сама она не спросит! В этом не сомневайтесь. Если только вы сами с нею не свяжетесь...

— Можно посмотреть ваш паспорт? — спросил секретарь.

Мефистофель, нисколько не удивившийся, вытащил паспорт из того же портфеля, где были рукописи.

Брак с женщиной, имя и фамилия которой были записаны на листке, был зарегистрирован в одном из московских ЗАГС-ов два месяца назад. Фамилию она свою сохранила (по первому мужу — догадался секретарь). На следующей странице паспорта была вписана дочь этой женщины, 8 лет, носившая ту же фамилию.

— Удочерил, значит, — подумал секретарь и вернул паспорт владельцу.

---

[1] **Опубликовано в книге: Уезжают друзья с северов: Литературный сборник. — Сыктывкар: Геопринт, 2003. С. 17—20.**

Тот сунул его во внутренний карман пиджака, аккуратно поправил галстук перед зеркалом, без дальнейших церемоний сказал «до свидания» и ушел.

Две рукописи остались на столе.

Одна толстая, в сильно потрепанной папке с тесемками.

Другая — тонкая, в новенькой кожаной папке на молнии.

* * *

Иван[2]

1.

Тот сезон был тяжелым. В самый разгар работ шестой член отряда, студент Московского горного, вывихнул ногу. И его пришлось отправить на базу. Как только мы остались впятером, все вдруг осознали, что отряд держится на Иване. Наверное, один Иван этого не сознавал. Впрочем, ему некогда было заниматься размышлениями о своей роли в отряде: работы было по горло, да и не такой он был человек, чтобы рефлексировать о самом себе.

Теперь нам приходилось делать свою работу, и работу того, шестого. О нем почему-то говорили с усмешкой, словно он был виноват в своем несчастье.

К концу лета решено было разделиться. Начальник со своей группой должен был кончать основные работы, а нам с Игорем предстояла детальная съемка в 40 км восточнее их района.

В середине августа мы с Игорем ушли, а начальник, Иван и Лева — большой, пухлый и на удивление тупой — остались. В маршруты у нас ходили парой: геолог и коллектор. Значит, нужно было каждый день оставлять кого-нибудь в лагере. Сначала они оставляли Леву. От него требовались только две вещи: не уходить из лагеря и сварить обед к вечеру. Но вскоре обнаружилось, что вечерами за обедом у Левы пропадал аппетит. Это было настолько противоестественно, что Иван и начальник однажды, не сговариваясь, направились к тенту, растянутому под елью. Это был продовольственный склад. Иван вытащил брезентовый мешочек с сахарным песком и передал его начальнику. Тот потрогал его и, убедившись, что он наполовину пуст, вернул его Ивану. Они молчали, ибо говорить было не о чем. Таскать сахар у своих товарищей мог только кретин или негодяй. Начальник сказал: «Иван, завтра Вы останетесь в лагере».

2.

Было только 12 часов дня, а Ивану уже стало скучно. Он сделал новое топорище, укрепил палатку, накидал внутрь нее свежего лапника, вычистил ружье, постирал портянки — и теперь сидел над ручьем и скучал. Ему неловко было сидеть без дела. Он подумал, что сейчас начальник с Левой, поди, бредут где-нибудь по болоту километрах в 10 отсюда. На краю болота начальник в бинокль замечает обнажение и ломит к нему напрямик, а это чучело, вместо того, чтобы поискать хорошей дороги, тяжело чавкает сапогами сзади, и, наверное, ни о чем ином и не думает, как о жратве. А между тем лезут они в самую топь, а пока будут вылезать и сушиться, потеряют час светлого времени. Кончив маршрут, будут тащиться в лагерь ночью, и начальник будет освещать компас спичками... Лева будет пыхтеть у него за спиной, согнувшись под огромным рюкзаком с образцами.

Подумав про образцы, Иван и вовсе заскучал. Порядочная груда их уже лежала под тентом; сегодня они принесут еще, а завтра, вполне вероятно, придется менять лагерь и нужно будет от-

---

[2] Рассказ сочинен по мотивам двух первых (студенческих) полевых сезонов автора в отряде Андрея Константиновича Симона на Кольском полуострове (1957 и 1958 гг.).

Опубликовано в трех номерах республиканской газеты «Молодежь Якутии» (№№ 81, 82, 83) за июль 1963 г. (вероятно, 7—9 июля?).

Перепечатано в сборнике «Уезжают друзья с северов: Литературный сборник. — Сыктывкар: Геопринт, 2003. С. 4—14.

Перепечатано в журнале Геологического института Кольского НЦ УрО РАН «Тиетта», 2009, № 10, с. 105—110.

носить образцы на промежуточную базу. В одиночку ходить не разрешалось, а если они потащат образцы с Левой, то начальник без толку просидит в лагере один, и пропадут целых два маршрутных дня.

Чем больше Иван об этом думал, тем меньше нравилась ему ситуация. «Предложу-ка я ему отнести образцы. Работы завал, согласится», — подумал он.

— Согласится! — повторил Иван вслух. И как только он принял решение, то тотчас забыл, от кого оно исходит и стал привычно думать в том духе, что начальник, этот кровосос трудящегося персонала — заставляет его тащить образцы. Думать, что это вовсе не сам он *хочет* отнести образцы, а его *заставляют* делать эту тяжелую и неприятную работу — было гораздо привычнее. Иван не любил высовываться с инициативой. Когда спрашивали его мнение, он нагло ухмылялся и отвечал: «Да нам-то што? Нам все равно. Это вы у начальников спросите. Они и газеты читают, и по телефону разговаривают...».

Иван неприязненно оглядел груду образцов. *«Килограмм на 40 потянет, да еще спальник, ружье...»*. Он выругался и полез в палатку читать Есенина.

Начальник и Лева пришли в 22 часа, когда было уже совершенно темно, и притом, вопреки ожиданиям Ивана — совсем с другой стороны. Лева, злой и опухший больше прежнего, сбросил рюкзак и растянулся у костра, потерянно уставившись на огонь. Начальник Илья Яковлевич, напротив, был бодренький и отправился умываться к ручью. Иногда видно было выхваченное светом костра полотенце на сучке, да слышен был плеск и кряканье 30-летнего мужика, явно довольного жизнью. Потом он появился у костра в майке (ночью можно было уже не бояться комаров), щурясь на свет и напевая: «У любви, как у пташки крылья, ее нельзя никак пойма-ать». Все угнездились на лежащей возле костра сушине и принялись за кашу.

— Вы знаете, Иван, — сказал с набитым ртом Илья Яковлевич, — Вы знаете, на обратном пути мы совершенно случайно встретили полосчатые сланцы, которые мы тогда с Вами нашли. Помните?

Иван лицемерно удивился.

— Вот именно те самые! — с воодушевлением подхватил начальник, — с изумительной, знаете ли, ритмичной слоистостью!

— И какие вы, наверное, замечательно громадные штуфы приволокли, — заключил Иван, осклабившись и пихнув ногою Левин рюкзак.

— По-моему, геолог должен работать днем, а не ночью, — сорвался вдруг Лева, вытаращив глаза на Ивана, демонстративно встал и ушел к палатке.

— Левчик, а как же чай? Или сахару мало? — крикнул Иван вдогонку и ухмыляясь, стал разливать чай в две кружки.

Затем Иван развернулся на бревне лицом к начальнику и стал излагать свой план.

— Да, Иван, ваше предложение заманчиво, но... ведь я не имею права отпускать Вас одного!

Хотя это было чистым лицемерием (одиночные маршруты, несмотря на грозные запреты ТБ — техники безопасности, практиковались всеми и всегда), Иван должен был соблюсти правила игры. Он стал пресерьезно объяснять, что против медведя у него есть жаканы, что он вырос в тайге и тому подобное. Он мог бы добавить, что ориентируется без карты и компаса, но это его качество было отлично известно начальству. Да и вообще — ему решительно всё было известно, и видел он этого Ивана насквозь.

— Так я прошу Вас, будьте крайне осторожны! Имейте в виду, что я иду на преступление, отпуская Вас.

— Передачи носить будем, в случае чего, — сказал Иван.

— Вам всё шуточки, а я серьезно говорю.

Иван еще некоторое время сидел у тлеющего костра, усмехаясь в бороду и качая головою. Потом он зашвырнул головешку в болото и полез в палатку, из глубины которой доносился обиженный храп Левы.

3.

Иван совершал сложные вращательные движения туловищем, подбрасывая задом огромный рюкзак. Наконец, рюкзак принял нужное положение и словно прирос к спине. Иван сто-

ял, нагнувшись, расставив ноги в подвернутых бродняx. В правой руке у него была винтовка, левую он заложил под лямку рюкзака. Начальник и Лева кончали завтракать, сидя на бревне возле костра.

— Ну, так я пошел, Илья Яковлевич, — сказал Иван.

— Значит, Вы не забудете — в пятницу вечером я жду Вас на новом лагере.

Иван кивнул, оглянулся по привычке на солнце и пошел словно танк, треща сучьями и глубоко вминая нежный, еще не просохший от росы ягель. Боком перешел по бревну ручей и в том месте, где на кустах висело полотенце начальника, выбрался из зарослей полярной березки и скрылся в тайге.

... Иван шел около часу, нигде не останавливаясь для ориентирования, потому что не сходил с тропы. Тропа была проложена по нижней кромке каменистой гряды, по самой ее границе с болотом. Идти здесь было очень трудно, да и начала сказываться тяжесть груза.

Груз на этот раз был таким, который обычно носили два человека. Когда груз так тяжел, то подмывает просто сбросить его ко всем чертям, растянуться на ягеле и ничего, совершенно ничего не делать — только смотреть в небо и дышать полной грудью, — тогда нужно применить испытанный методический прием: идти себе потихоньку и думать о совершенно посторонних вещах. Илья Яковлевич советовал коллекторам, занятым переноской груза, размышлять о происхождении щелочных гранитов, которые обнажались развалами на вершине гряды. Иван не обладал способностью к абстрактному мышлению, и проблема происхождения щелочных гранитов его почему-то не волновала. Поэтому, когда стало уж очень тяжело идти, он принялся читать вслух стихи — те, что заучил в школе и «на флотах».

Он шел, сильно наклонившись вперед и бормотал одно стихотворение за другим, восполняя забытые места ритмическим мычанием.

Только подойдя к сухому болотцу, глубоко врезавшемуся в гряду, Иван взглянул на часы и увидел, что идет уже полтора часа без отдыха, вместо намеченного часа. «Отлично, мой мальчик!», — сказал себе Иван (где-то он это читал?), перешел болотце и опустился с рюкзаком на лежащее дерево. Потом высвободился из лямок и выполз из-под своей ноши на коленях.

...Солнце уже скрылось за лесом, когда Иван подошел к перешейку гряды, где находился базовый лагерь. Каменная гряда была здесь растащена на полкилометра чьей-то мощной рукой, и болото было видно уже не только справа, но и слева. За левым болотом темнела другая гряда, а справа по-прежнему открывался простор до горизонта.

Выйдя на перешеек, заросший полярной березкой и вересом, Иван увидел светлое полотнище тента в метрах в двухстах от себя. И сразу же тяжесть рюкзака стала невыносимой; проявилось, как всегда, сильнейшее желание скинуть груз прямо здесь, а потом уж дотащить его до места... как- нибудь... по частям.

Внезапно на фоне тента четко обрисовалась голова оленя. Он, оказывается, щипал ягель рядом с тентом и был закрыт от Ивана кустарником. Теперь он прислушивался, гордо и сторожко подняв голову и слегка повернув ее к Ивану, неподвижно-стремительный, как натянутая тетива.

Иван превратился в изваяние. Тяжесть груза куда-то исчезла. Он застыл в той позе, в какой увидел оленя: правая нога в шагу, большие пальцы рук — под лямками рюкзака, на шее — камнем — заряженная винтовка.

До оленя было метров 150; в сиреневом воздухе на светлом фоне тента голова его была словно вырезана. Наконец, голова опустилась; Иван перевел дыхание. Он видел теперь незаметный раньше верх спины оленя и светлый хвостик, который слабо шевелился.

Не двигаясь с места, Иван опустился на колени, прогнулся с рюкзаком до земли и высвободил руки из лямок, снял с шеи винтовку, осторожно оттянул затвор на боевой взвод и пополз, забирая влево, на открытое место, где почти не было кустов. Он полз, прижимаясь к земле, и подбирался весь как гусеница, наталкиваясь на сучки. От волнения, от боязни того, что олень, пока он ползет вслепую, может уйти, — сердце колотилось где-то в ушах, наполняя голову громким гулом. Он дополз до края зарослей вереса и здесь снова увидел светло-серое пятно тента. Но олень (Иван мысленно выругался) успел переместиться, и теперь закрывал задом только самый край тента. Иван стал целиться примерно в середину туловища, которое было едва различимо в сумерках.

Однако стрелять оказалось невозможно: сердце колотилось и мушка беспорядочно колебалась где-то около тента. Тогда Иван убрал палец со спуска, сделал два резких выдоха и затем пол-

ный глубокий вдох, затаил дыхание и снова прильнул к ложу, тщательно выцеливая в точку, находящуюся левее видимого зада оленя, на одном с ним уровне.

Хлестнул выстрел, зад оленя на фоне тента дернулся и пропал. Бежать смотреть было бесполезно. Если промазал — олень ушел, а если попал — то он там.

Иван перезарядил винтовку, снова поставив затвор на боевой взвод, вернулся к рюкзаку, залез в лямки и побрел к тенту, держа палец на спуске.

Олень лежал в трех метрах от тента, повалившись на передние ноги, и вздрагивал всем телом, пытаясь поднять голову. Пуля попала ему в шею. Иван сбросил рюкзак, обошел оленя с головы и, стараясь не смотреть, чтобы нечаянно не встретиться с его взглядом — вложил ствол в дергающееся тонкое ухо и выстрелил. Голова вздрогнула в последний раз и стала недвижной.

Только теперь Иван почувствовал, как он вымотался за этот день. Ноги уже не держали его. Он плюхнулся на рюкзак, достал из бокового кармана пачку «Севера» и блаженно закурил.

Стало уже совсем темно. Над болотами стелился белый холодный туман, постепенно растворяясь в темно-сиреневом небе. На все пространство призрачным покрывалом была наброшена необъятная, бездонная, беспредельная Тишина. Это был океан тишины, и на дне его застыли уснувшие леса и болота, и где-то там, на грани леса и болот, рядом с мертвым оленем сидел человек и курил дешевую папиросу...

Все вокруг спало, но день человека еще не кончился. Он тяжело поднялся с рюкзака и нарушил тишину усталым ругательством. Потом разыскал под тентом топор и стал рубить сухой верес для костра.

4.

Утро следующего дня застало Ивана спящим в мешке под тентом, среди ящиков с образцами. В десяти шагах от тента, в ручье лежали части разрубленной туши оленя. За ночь непрерывным перекатом ледяной воды с них смыло всю кровь. Голова и ноги оленя лежали на сушине возле черного пепелища костра.

В одиннадцатом часу, когда солнце стало просвечивать через тент, и лучи его попали Ивану на лицо, он проснулся. Первое, что он увидел, был рюкзак, грузно лежащий на боку прямо перед носом. Мысли Ивана, спутанные после сна, прояснились, и он вспомнил вчерашний день, оленя, ночь, когда он разделывал тушу, борясь со сном, и то, что сегодня он решил идти к ребятам, а сначала нужно их найти, а потому надо спешить, потому что — Иван вытащил из мешка руку с командирскими часами (подарок командования Северного флота за образцовую службу!) — потому что времени уже было очень много!

Он вылез из мешка, натянул штаны, рубаху, сунул ноги в сапоги и помчался к ручью с полотенцем на плече. Пробегая мимо костра, Иван спохватился, выругался, бросил полотенце и понесся к тенту за чайником, потом с чайником к ручью, зачерпнул воды, надрал бересты, запалил костер, подвесил чайник — и только тогда, не спеша, пошел умываться.

Напившись чаю, Иван переложил образцы из рюкзака в один из ящиков, сложил спальный мешок вчетверо и уже стал было засовывать его в освободившийся рюкзак, но остановленный новой идеей, вытащил спальник обратно и некоторое время сидел, пощипывая бороду.

Затем Иван поднялся, нарвал травы и выложил ею дно рюкзака. Выбрал в ручье три больших куска оленины, аккуратно разместил их в рюкзаке, закрыл верхний клапан, затянул все ремешки, посмотрел на солнце, стоявшее уже над болотом справа, взвалил рюкзак, немногим легче вчерашнего, — и стал подниматься на гряду.

Лес на вершине был реже, и росла неизвестно откуда взявшаяся сосна — дерево в этих местах редкое. Нужно было пройти еще с километр по плоской вершине гряды, затем спуститься к первому небольшому болоту, перейти его, потом пересечь еще одну гряду и еще одно болото — и выйти на край третьей гряды, окруженный болотом с трех сторон. Где-то там должен был находиться лагерь Андрея с Игорем, если — но об этом даже думать не хотелось, — если они, неровен час, не подались уже на следующий участок.

День сегодня был такой же ясный и теплый, как и вчера: на чистом синем небе сияло солнце, с берез неслышно опускались на мох желтые листья, на ветвях колебались, отдуваемые ветром, блестящие нити паутины.

Идти сегодня было гораздо легче, и причина этому была чисто психологического свойства: одно дело нести мертвый груз камней (увы, образцы оставались для Ивана только *камнями*), другое дело — нести свежее мясо для ребят.

Иван шел и рисовал себе всевозможные картины встречи...

Вот он приходит к ручью, видит палатку, полотенце на кустах, палку над костром (обязательно на двух рогатках — Игорь никогда не делает на одной), прячет мясо, забирается в палатку, там почитает книжек, застегнется изнутри и нахально уснет. Эти придут, рраз — что такое? — палатка застегнута изнутри! Андрей, вероятно, скажет, что впервые видит, как палатка сама изнутри застегивается, а Игорь, тот, пожалуй, и ружье на взвод поставит...

Или вот лучше так: придти, нарисовать на бумажке череп и кости, приколоть финкой к дереву возле костра и спрятаться. Они приходят, хотят сварить ужин, видят — череп; они в палатку — никого! Придется поломать голову — ведь здесь на 100 км вокруг нет ни единого человека...

А то можно еще положить мясо у костра и воткнуть в него финку: мол, ешьте, черти, подарок от саамского бога!.

5.

Мы с Игорем были в маршруте. Строго говоря, нужно это слово взять в кавычки, потому что называть маршрутом работу в 1.5 км от лагеря как-то неудобно. И такие вот маршруты были у нас каждый день. Дело в том, что мы занимались детальной съемкой. А это такая работа, когда по местности не ходишь, а как бы ползаешь на брюхе. То, что на мелкомасштабной карте начальника было закрашено одним цветом, на нашей детальной карте теперь расцвечивалось павлиньим хвостом десятка разновидностей горных пород, в самых хитрых и прихотливых сочетаниях. Поначалу мы никак не могли привыкнуть к новому масштабу работы; участок гряды, который в обычном маршруте пересекался, бывало, за полчаса, нам теперь предстояло изучать целый месяц!

Через неделю мы обжили площадь съемки до такой степени, что я мог по любому отбитому краю глыбы безошибочно назвать номера всех взятых образцов, не обращаясь к своей пикетажке.

Так вот, мы были в маршруте, и как раз подходило время обедать. Благодаря необычной легкости работы («груз не таскаем, далеко не ходим, живем как буржуи», — говорил Игорь) мы смогли наладить железный режим дня: 6 часов — подъем, 7.30 — в маршрут, 13—14 — обед в маршруте, 20 — домой. При этом мы успевали еще сыграть в шахматы, после чего до наступления темноты Игорь варил ужин и переводил страничку немецкого текста, а я оформлял записи в пикетажке.

Итак, мы были в маршруте и собирались обедать. Игорь уже запалил костер и кипятил чай, а я кончал описывать обнажение в 10 м от костра.

Все было тихо и мирно, как вдруг раздался истошный вопль: «Руки вверх!!» — из кустов на нас наставилось дуло тозовки, а затем вылезла и поперла на нас рыжебородая морда, осклабившаяся до самых ушей. Мы отупело уставились на морду, а она приближалась к нам, размахивая руками, хохоча, и притом изрыгая множество замысловатых флотских ругательств.

Сомнений оставаться не могло — это был Иван — и мы прямо-таки ошалели от радости! Ивана трясли, теребили, хлопали по плечам, по спине, пытались повалить на землю, издевались над его бородой и старались отобрать у него винтовку.

Затем попытались напоить Ивана чаем, но из этого ничего не вышло, потому что все суетились, хохотали и мешали друг другу.

Потом Иван заявил, что он сыт и с учтивостью виконта добавил: «Ну что ж, не буду вам мешать!».

Оказалось, что он нашел наш лагерь и собрался было ждать нас до вечера, но услышал мой свист и разыскал нас здесь, в маршруте. А перед этим он пережил пренеприятные минуты: шел вдоль края гряды, где должен был находиться наш лагерь и наткнулся на палку от костра, возле которой валялась пустая банка от сгущенки. А палаток не было и в помине. У Ивана сердце упало — он решил, что мы уже ушли на новый участок. Но на всякий случай прошел еще метров 200 за поворот гряды — и увидел наши две палатки. (А та палка от костра была случайной: когда мы шли с грузом, выбирая место для лагеря — то пили там чай).

— Я уж собрался обратно повернуть, и зло взяло меня страшное — зачем волок мясо, спрашивается?

— Какое мясо? — спросили мы хором.

— Хе, какое... Обыкновенное, в магазине по рупь сорок купил... Оленя я завалил, ясно? Тощие вы тут как шкелеты, может, думаю, жирок нагуляют ребятки?

Скоро он ушел в лагерь, а мы остались кончать маршрут. Но по совести сказать, никакого маршрута уже не было; мы просто шли и радостно болтали, хотя, правда, я и пытался что-то там писать в пикетажке. Помню лишь, что через каждые два слова кто-нибудь говорил: «Иван — это человек!».

— Иван-то? О, Иван — это человек!

К 18 часам даже такая работа сделалась нам непосильной и мы помчались в лагерь.

Я помню, как мы быстро шли по знакомой тропе, и в лицо нам поддувал холодный ветерок первых дней сентября, и как мы не замечали ничего вокруг, потому что всё, непосредственно не связанное с Иваном, казалось тогда нам, охваченным радостным возбуждением — неинтересным и незначительным.

С тех пор минуло три года, и я имел немало случаев убедиться, что именно это состояние душевного подъема, мощного всеобъемлющего чувства радости, делающее жизнь необыкновенно прекрасной — это и есть счастье.

... Мы с Игорем плескались в двадцати шагах от костра в болотном ручье и хохотали. Хохотали до слез, до колик, как только и могут хохотать здоровые парни, пришедшие из маршрута и давно лишенные развлечений. Возле костра на пригорке стоял Иван и продолжал, размахивая руками, философствовать, обращаясь к нам, хотя ветер уносил его слова, и мы ничего не слышали. К тому же он нас не видел, а мы его видели в деталях: в ободранном комбинезоне Робинзона Крузо, с рыжей бородой, которая, казалось, росла отовсюду, с улыбкой до ушей, освещенного сбоку и снизу неверным пляшущим светом костра.

А потом мы ели мясо оленя — первый раз в сезоне свежее мясо, проглатывали огромные куски, обсасывали кости, выколачивали из них мозг камнями, как пещерные люди. Ели упоенно и самозабвенно.

То ли оттого, что сытое брюхо располагает к лирике, то ли еще по какой причине, но именно после того, как мы отвалились от кастрюли с мясом, решили мы подарить Ивану рога. Эти рога были лагерной драгоценностью, которой мы с Игорем поклонялись. И хотя мы почти ежедневно находили в маршрутах лосиные рога — большие и маленькие, ветвистые или совсем простой формы, — эти рога были особенными. Они обладали изящным, стремительным изгибом, что в сочетании с исключительно благородной золотистой окраской производило сильное впечатление.

Ивану не надо было пояснять, что это за рога; когда Игорь из темноты за палаткой вынес эти рога и вручил их Ивану — тот как будто даже растрогался. Он их поворачивал, гладил, пробовал пальцем остроту отростков, любовался, отставляя от себя на вытянутую руку, и все приговаривал:

— Как же вам, ребятки, рогов-то таких не жалко?...

— Ничего, брат, владей, — великодушно отвечали мы.

Только глубокой ночью, когда всех нас стал одолевать сон, обнаружилось, что Иван (чтобы унести побольше мяса) явился без спальника. Напрасно мы пытались навязать ему один из своих — уговоры не помогали, и вдобавок Иван крыл нас в хвост и в гриву изощренным флотским матом.

Тогда мы натянули на него два свитера, игореву телогрейку и сняли со своих спальников чехлы. Я вытащил из рюкзака толстые шерстяные носки, хранившиеся на крайний случай. Иван натянул их поверх портянок, залег в два чехла и застегнулся с головой, а сверху мы еще обернули его брезентовой попоной, на которой обыкновенно сокращали пробы.

Игорь остался в палатке с Иваном, я пошел в свою; уже начинало светать, было очень холодно, на траве белел иней.

Я очень хотел спать — и заснул, как только залез в мешок.

Р. Кэнкэмэ (левый приток Лены), июль, 1961.

* * *

Первый шеф[3]

[...]

Вы были первым геологом, которого я видел на работе.

Итак, вы работали. Я тоже работал с вами, но я был студент, мне было 20 лет и у меня было еще очень-очень много важного, «постороннего» в жизни, помимо этой проклятой свиты Имандра-Варзуга, протянувшейся вдоль Кольского полуострова на добрых 200 км и отвратительно-слабо обнаженной.

У вас же всё «постороннее-важное» было уже позади: университет, женитьба, дети. Вы были младшим научным сотрудником Кольского филиала АН СССР в возрасте 29 лет, помимо прочной родительской базы в Москве имели очень недурную квартиру в Кировске — на территории Ботанического сада, основанного Ферсманом, жену и двоих сыновей почти школьного возраста. Посему ничего важнее свиты Имандра-Варзуга для вас тогда не было и не могло быть. Ибо что же может быть важнее работы — для зрелого взрослого человека?

Я узнавал вас постепенно: от оболочек до ядра. Я очищал вас как луковицу, и глаза мои слезились. Самая наружная кожица схватывалась легко, и я думал, будто знаю о вас уже очень много. Потом выяснилось, что это далеко не так.

Одно из первых поразивших меня впечатлений: казалось, что в маршруте вы вовсе не реагируете на погоду. Правда в солнышко и при теплом июльском ветре вы напевали разные лирические песенки, чаще всего *«всё гляжу я в окошко вагонное, наглядеться никак не могу»*, а во время циклонов и тоскливых затяжных дождей эти арии убывали в числе и тональности, но работали вы — одинаково.

Никогда нельзя было заметить, что дождь, холодный ветер, необходимость форсировать глубокий ручей, отсутствие еды, невозможность высушиться — имеет какое-то отношение к вашей работе. Стихия — она сама по себе, а работа — сама по себе. Стихия может расцветать солнечной улыбкой (и это, безусловно, хорошо), или нагонять тоску мелким холодным дождем в черном заболоченном еловом лесу (и это, безусловно, плохо) — но работа продолжалась...

Мы шли по азимуту, я «считал пары»[4], вы описывали обнажения, брали образцы, замеряли элементы залегания, совали мне этикетку, я запихивал этикету с образцом в мешочек, мешочки — в свой рюкзак, и мы шли дальше.

Как я ни высматривал (а я смотрел во все глаза!), мне не удавалось заметить элементов спешки, или нервозности, или хотя бы легкой халтуры, которые, как мне казалось, были бы вполне извинительны в наших условиях: когда от ближайшего населенного пункта — 100 км и от своей палатки — 10, когда на тебе нет сухой нитки, хочется есть, а вокруг только черные ели, болото и холодные клубящиеся тучи, цепляющиеся за верхушки елей.

В конце-концов, не обязаны же мы работать в дождь?! Ведь можно же отметить точку на карте, свернуть маршрут и двигать поскорее домой. А там скинуть с себя все мокрое, надеть сухой теплый свитер и мягкие шерстяные носочки, наесться горячей каши, напиться горячего чаю — и залечь в мешок в ожидании погоды. А маршрут никуда не денется; докончим в другой раз.

Но такого — не случалось никогда. Мокрые, озябшие как собаки, мы шли по линии маршрута, карабкались на мокрую высоту, ползали по мокрым обнажениям, перебирались через вздувшиеся, вышедшие из берегов пенящиеся ручьи, продирались через мокрые заросли полярной березки, пересекали унылые, наводящие тоску болота, у которых в не было видно другого берега, закрытого пеленой дождя.

---

[3] Публикуется впервые.

[4] Измерение расстояния обычно делается не шагами, а парами шагов (скажем, счет под правую ногу). Предварительно все коллектора в лагере подвергались «градуировке», подобно радиометру — устанавливалось индивидуальное среднее значение длины пары. Помнится, минимальной парой (у миниатюрной Маи — жены шефа) было 1.4 м, а максимальной (у длинного Игоря) — 1.8 м. Поскольку длина пар на болоте и в лесу существенно разнилась, и вдобавок зависела от времени суток и количества груза (у свежего коллектора утром шаг шире, чем у нагруженного коллектора вечером) — шагомерное определение расстояний между точками наблюдения в маршрутах никогда не было простым делом.

И только в сильный дождь — чтобы сберечь полевую книжку и этикетки, вы усаживались делать записи под елкой.

Меня удивляло именно то, что судя по всему, вам явно было так же скверно, как и мне. Если бы вы были человеком от сохи, задубелым и привыкшим — как, например, профессиональные охотники или рыбаки — то это было бы другое дело! Но вы были из интеллигентного (и как я узнал много лет спустя — дворянского!) московского семейства. Вы были ужасным чистюлей: зубы чистили не реже двух раз на дню, а иногда и после завтрака — перед маршрутом. Очевидно, что мокрая одежда, холод и голод были вам ничуть не приятнее, чем нам — студентам.

Но — вы занимались своей работой, т. е. самым главным делом своей жизни. Вас интересовало, появятся ли кварциты на краю этого болота, где им *надлежало* появиться. И ах-ах — там вдруг вылезали метадиабазы. Для вас это событие было неизмеримо интереснее, серьезнее и значительнее, чем холод, дождь и тоскливый болотный ландшафт, где даже кулики попрятались от дождя.

Впервые я получал тогда уроки профессионализма, впервые мне демонстрировалось, что работа для мужчины — это нечто в высшей степени серьезное.

Позже я сам выработал для себя принципы полевой работы и в значительной части отверг ваш опыт — но это особый разговор, и не в этом месте. Кроме того, только позже я смог сформулировать для себя важное — то, что вы были *«настоящим геологом»*. Настоящий геолог — это далеко необычная человеческая порода. Дело в том, что настоящий геолог обладает странным сочетанием абстрактного и конкретного мышления.

С одной стороны, это изощренная наблюдательность, умение извлекать информацию из внешне совсем ерундовых признаков (изменение цвета щебенки на тропе; небольшая смена растительности и т. д.), а с другой — необходимость представлять себе структуру в целом, для чего чаще всего нужно как бы не замечать рельефа — ни гор, ни поворотов реки, ни болот — все это только затемняет картину.

По наличию этого странного (и безусловно врожденного) абстрактно-конкретного сочетания я бы разделил всех геологов на «настоящих» и «тоже геологов». В городе их не различишь, но в поле все становится ясным.

«Настоящему» всегда понятно, идет ли он по простиранию или вкрест его, пересек ли он складку, видит ли он опущенный или смещенный по разлому блок. Все эти вещи — для него словно таблички, развешенные на обнажениях — он «чувствует» свое движение по структуре. А вот «тоже-геолог» видит только отдельные обнажения. Он может отлично описать каждое из них, и нередко делает это лучше всех. Детали для него ближе и понятнее, чем целое. Представить себе структуру ему трудно, хотя он и пытается это делать. Однако, пока он не разнесет все данные на карту и не придумает кучу всяких вариантов интерпретации — ясности у него не появляется.

И горе региональщику, если он на самом деле — «тоже-геолог». Тогда он обречен быть просто жалким ремесленником.

И я заметил, что наша геологическая братия молчаливо поделила сферы влияния: все «тоже-геологи» заняты важной и нужной, но всегда частной работой: они занимаются палеонтологией, петрографией, геохимией. Интересно, что и большинство наших женщин — «тоже-геологи». Я сам — «тоже-геолог».

Есть еще одно замечательное свойство «настоящего геолога», если он занимается геологической съемкой: он ощущает себя *хозяином своего района*. Все другие, кто бы и когда бы тут ни работал — не более чем гости, а вот он — хозяин. Все известные мне субъекты из популяции съемщиков — люди очень самостоятельные, независимые, знающие себе цену, с сильно развитым чувством собственного достоинства. Все эти качества, у них, можно сказать, профессиональные...

Я не знаю другой профессии, которая в такой же мере удовлетворяла дремучий инстинкт собственности, как профессия геолога-съемщика. Составляя карту *своего* района, съемщик просто обязан учесть решительно ВСЕ данные о геологии и полезных ископаемых. Кажется, что всего знать нельзя? — Но для съемщика такого слова нет.

Конечно, в первую очередь это производственные геологические отчеты предшественников — но это далеко не все!

Кроме детального знания отчетов, съемщик обязан:

— знать историю исследования района, начиная, допустим, с академических экспедиций 18-го века;

— быть в курсе всех материалов краеведческих музеев и даже геологических походов школьников (иногда и школьники находят месторождения);

— быть в курсе всех ведущихся на его территории земляных работ (котлованы под фундаменты, дорожные выемки, карьеры для добычи стройматериалов и даже просто колодцы);

— следить за научной литературой и собирать у себя копии всех публикаций, имеющих отношение к его району (включая самые халтурные и бредовые, каковых бывает немало).

Его район — это его удельное княжество. И поэтому в *его* районе для него не должно существовать глухих углов — где «людей не ступала нога». Ведь нормальные люди ходят по дорогам или передвигаются по рекам. Дикое племя — геодезисты — ходят по своим просекам, которые сами же и рубят. А съемщик, словно танк, ломит по компасу, задавая азимуты своих маршрутов вкрест простирания толщ горных пород. Непролазная чаща, отвесные скальные стенки, болота — и везде съемщик обязан пройти и поставить точки на карте. Нет необходимой густоты точек — и карта считается некондиционной, ее не примут к изданию в качестве такого-то листа Государственной геологической карты.

Поэтому уважающий себя съемщик старается обследовать свое княжество от края и до края (подобно Державину, предпринявшего опасное путешествие по Олонецкой губернии — когда Екатерина Вторая назначила его туда губернатором). Для настоящего съемщика просто непереносима мысль, что он не может попасть в какую-то точку своего района. Говорят, что когда Джона Кеннеди отговаривали от поездки в Даллас, он сказал, что для него непереносима мысль, что он в своей стране не может посетить любой город. Такие же чувства испытывает и съемщик. Вершина за 3000 м? (предмет вожделения редких туристов) — Он полезет и на нее. Скверное болото в самом углу планшета? — он непременно захватит его маршрутом. Заросли кедрового стланика, где невозможно двигаться ни человеку, ни лошади, а надобно быть либо ящерицей, либо птицей — он полезет в эти заросли. Я знал одного съемщика, который специально изучал технику альпинизма, приступив к горному массиву с труднодоступными точками.

Вы, шеф, и были настоящим, классным съемщиком — первым из тех, кого я видел в деле. Карта прирастала *каждый день* — не было случая, чтобы вы легли спать, не нанеся все маршруты дня на карту! Это было как обязательная молитва: ежевечерне в палатке с хрустом и шуршанием разворачивалась карта и наносились все маршруты.

Перед каждым новым маршрутом вы всегда имели перед глазами, можно сказать, итог всех своих трудов — за день, за месяц, за этот сезон, за прошлый год, за три года. Ибо *Она* всегда была с вами — ваша жизнь, ваша мечта, ваша гордость, ваше мучение и ваша радость — длинная, в несколько метров рабочая карта на истертой на сгибах и аккуратно подклеенной хрустящей кальке.

...Когда я вас посетил в Москве лет через 10, то вместо ковра, вместо картин, вместо оленьих рогов, вместо зеркала — во всю длинную стену, от пола до потолка не висела — а можно сказать, простиралась та самая рабочая карта, на которую пошло в общей сложности около 8 лет — ваших лучших лет. И я знал, что каждая линия, каждый штрих этой удивительной настенной росписи был добыт хребтом — больше всего вашим, но также и тех коллекторов, кто с вами работал в разные годы, был полит соленым потом — больше всего вашим, но и других тоже, был плодом настойчивой, напряженной, долголетней, иногда мучительной мысли — это уже вашей, только вашей...

* * *

Статья в «Доклады»[5]

Она поступила в аспирантуру и стала получать стипендию — 89 руб.

Однажды я увидел её графики и попросил растолковать, что они означают. Она стала объяснять, и постепенно я установил, что она, собственно говоря, придумала новую классификацию гранитоидов — корректную теоретически и очень удобную практически. Оказывается, они там

[5] **Опубликовано в сборнике «Прервана точкой строка: Литературно-художественный сборник. — Сыктывкар: Народный дом, 1997. С. 28—32. Здесь дается в новой редакции.**

на кафедре уже года три как пользовались её классификацией и нарадоваться не могли — как она хороша.

Сперва я ощутил нечто вроде зависти: мне бы такое придумать... Но быстро удовлетворился: «А чья это жена-то придумала эту чудненькую классификацию? — Моя. Вот то-то же...».

— Что ж, — сказал я. — Давай, пиши в «Доклады». Материал как раз для «Докладов» — и ново, и интересно и вполне можно уместить на 8 страничках — такая у них там в «Докладах» норма.

Она воодушевилась.

— «Доклады» — это здорово. А у тебя есть статьи в «Докладах»?

Я покраснел.

— У меня нету. Раза три посылал — все вернули.

Она жалостливо на меня посмотрела и замяла разговор.

В следующее воскресенье началась тяжба, затевая которую, я и понятия не имел — чего это будет мне стоить.

— Ты что это там делаешь? — спросил я девушку, которая валялась на кушетке и наглым образом отлынивала от работы.

— Марочки вставляю в альбом! — горделиво ответствовала она.

— К дьяволу твои марочки! Пиши статью.

Она собрала свои марочки и поплелась за обеденный стол (другого у нас не было). Там она долго вынимала какие-то бумаги из папки, раскладывала их по столу, потом снова убирала... Долго шуршала и вздыхала.

Я же непоколебимо смотрел по ящику хоккей.

— А сколько листов надо?

— Пиши сколько выйдет, потом сократишь до нормы.

Через полчаса она спросила:

А как лучше: «К вопросу о...» или просто «О...» ?

— Пиши «К вопросу...».

Снова шуршание, вздохи и шорохи.

К вечеру она выродила первый абзац, после чего заявила, что она не каторжная, чтобы работать весь выходной, и что она тоже обожает хоккей (вдруг заобожала...). Затем она устроилась у меня на коленях, особым образом обвилась вокруг меня и замурлыкала, глядя в пол-глаза на экран.

Неделю я не напоминал о статье.

В воскресенье с утра мы шатались на лыжах по Гатчинскому парку, и я помалкивал. Но дома — сразу же спросил, как там поживает статья.

— Какая статья? Ах, эта... Ты же видел, что я уже начала ее писать!

Расследование показало, что больше она не создала ни строчки; абзац же, рожденный в прошлое воскресенье, ей не понравился и был истреблен.

На этот раз творческий процесс окончился совсем скоро.

— А у меня тут графиков нету! — радостно сказала она. — Без них я работать не могу.

— Как же нету? Ты же с ними без конца возилась?

— А все унесла на работу.

Я разозлился, подозревая, что она сделала это нарочно, и полдня с нею не разговаривал. Она заходила то с одного, то с другого боку, потом и сама рассердилась, а в конце-концов стала плакать, *поскольку я ее совершенно не люблю*. Этот методический прием, как всегда, возымел успех. Мир был заключен на условиях безоговорочной капитуляции: она поклялась с завтрашнего дня засесть за статью.

Мы порадовались нашей мудрости: отныне она будет сочинять статью не дома, а на кафедре, где я ей не смогу давить на психику.

Через три дня я уезжал в экспедицию. Было, как водится, полно хлопот, мне было не до её статьи. А ей и тем более — она меня собирала и могла отговориться тем, что ей недосуг.

За лето в два приема я получил от неё штук 7 писем. В них говорилось о чем угодно — только не о статье. И я тоже как-то позабыл о ней, отчего-то вообразив, что статья давно написана и отправлена.

Приехал я только в октябре и лишь к концу осени вдруг вспомнил о статье.

— Как там твоя статья в «Доклады» поживает? Приняли?

— Статьи нет, — с наглым спокойствием ответила она, глядя на меня совершенно невинными глазами.

— Почему же нет? — безразлично спросил я, чувствуя, что могу сейчас растерзать ее на части.

— Потому что она устарела, вот!

Оказалось, что кто-то там на кафедре видел немецкую сводку на близкую тему, где, по слухам, уже были разобраны все когда-либо предложенные классификации. И раз уж целую сводку напечатали — куда уж нам с кувшинным рылом в калашный ряд... Сама она, впрочем, сводку не читала, ибо не знала немецкого.

Я велел завтра же принести мне библиографическую карточку, что и было с готовностью исполнено.

Затем я отправился в Библиотеку Академии наук, взял эту сводку, перевел ее и переписал от строчки до строчки; не поленился даже срисовать все графики. Насколько я понял — ученый немец и понятия не имел об её классификации.

Дома я швырнул перевод на стол, её бросил на стул, стул придвинул к столу и велел ей изучить мои записки.

Она тотчас внимательно все прочла, всё усекла и затем... Нет, она не стала писать статью. Она целый вечер целовала меня из разнообразных положений, которые она мастерски умела придумывать.

Я успокоился: статья должна была появиться в ближайшие три дня.

... Когда статья не была написана и через три недели — я решил разводиться и учинил грандиозный семейный скандал. Я орал, что не желаю более выносить *подобного отношения* к себе! Я смею, черт побери, рассчитывать на большее внимание с ее стороны! Она меня *совершенно не уважает*, ей просто наплевать на меня! Ей безразлично, что я тут переживаю из-за её дурацкой статьи, да, это ей до лампочки! Она возится со своими идиотскими марочками, которые я завтра же — нет, сейчас же — отдам соседскому Витьке, которому, слава Богу, не надо писать статей! И если она меня не уважает — то на фига притворяться?! Лучше разойтись сразу — пока нет детей, чем тянуть резину и лицемерить — и т. д., и т. п.

Она сперва смотрела на меня с испугом и состраданием, потом попыталась что-то возражать, затем принялась безутешно плакать...

Делать было нечего — развод пришлось временно отложить.

... Ночью долго не могли уснуть, потрясенные этой ужасной ссорой. И тогда она попросила меня написать статью самому, а уж потом она кое-что там поправит и переделает на свой вкус, и всё будет в порядке. На том и договорились, и она уснула, уткнувшись заплаканным лицом в мое плечо.

Статью я написал на другой день.

Она бережно уложила ее в папочку и сказала, что будет изучать ее на работе, где лежат все нужные материалы. Я понял, что теперь уж ей деваться некуда — победа была близка.

Как я заблуждался!

Через пару дней она сообщила, что мой текст, несомненно, замечательный и очень ей понравился. Но это — не совсем то, что ей нужно. Она бы все это изложила *в другом плане, в другом аспекте и в другом ключе*.

— Что ж ты до сих пор этого не сделала? — как можно спокойнее спросил я, уязвленный в самое сердце.

Она ничего не ответила, но подошла и стала отвратительно подлизываться, вызвав у меня приступ возмущения и негодования, в конце которого, впрочем, я принужден был поцеловать её — и, к сожалению, не единожды. Слаб человек... Она тотчас замурлыкала и пропела что-то насчет того, что статью она обяза-а-ательно скоро (!) напи-и-и-шет...

Статья, конечно, никогда написана не была.

Должно было пройти время — и немалое — прежде чем до меня дошло, что я домогаюсь от неё чего-то такого, что противоречит самой её природе.

В самом деле — чего я добивался? Я заставлял её написать статью, дабы рассказать всем про свою классификацию. *Но у неё-то не было такой потребности!* Сделанная работа принесла ей

удовлетворение, к тому же оказалась и практически полезной. Большего — ей не требовалось, у неё не было никакого желания поведать о своих достижениях всему Миру. Для неё это было так же противоестественно, как для меня — кормить грудью младенца.

...О, если б я (а не она) придумал эту чудненькую классификацию! Ого-го! Я бы моментально скроил не одну, а две статьи. Одну бы тотчас послал в «Доклады» — чтобы не опередили! А другую, втрое длиннее — в другой журнал. После чего ждал бы долгие месяцы, с замиранием сердца всякий раз открывал бы почтовый ящик, нервничал бы, не получая ответа из редакций. Затем (вполне вероятно) статью вернули бы с разгромной рецензией. Я бы три дня ходил сам не свой, на всех бы кидался, глубоко несчастный...

А она бы, бедняжка, молча выносила бы меня, полная сострадания к такому — столь чуждому ее здоровой природе — горю.

* * *

Гусь[6]

Стоял жаркий август 196... года. Мы были в нею в деревне, у моей мамы.

Всё было впервые, всё радовало, всё волновало.

Впервые мы были вместе летом — а то всё бесконечные экспедиции («*Ты уедешь к северным оле-е-ням, / В жаркий Туркестан уеду я*», как пели в нашей факультетской песне).

Теперь же я пребывал в аспирантуре, следовательно, что хотел, то и делал. Она ждала ребенка.

И мы впервые были на моей родине.

Впервые не скитались по ленинградским углам, а жили у мамы, то есть объедались пирожками, клубникой со сливками, купались и загорали целыми днями, валяясь в высокой, дремучей траве по берегам речки.

Сейчас мне и припомнить-то трудно: а когда же я сочинял свой «кирпич» — и сочинял ли вообще.

Стоял жаркий август...

Мы с нею собирали в саду черную смородину. Грозди были синеватые, крупные и прохладные, из-под высоких кустов веяло духовитой сыростью. Ладони и губы у нас были лиловыми. Солнце плавилось в белой эмали ведра и подсвечивало пушок на спелых, налитых ягодах.

Она была в сарафане, что создавало мне немалые удобства: и шея, и плечи, и нежная, горячая от солнца спина, с таким же пушком, как на ягодах — все было доступно моим поцелуям.

Мы медленно пробирались среди высоких кустов, как в лесу, и никто нас не видел.

— Гусь кричит, — сказала она, оборотясь ко мне.

Действительно, за плетнем сада раздавался громкий, резкий, гортанный, напряженный крик гуся.

— С чего бы это ему кричать, гусю-то? — сказал я, исхитряясь поцеловать ее за ушком.

— Гусь кричит! — тревожно прислушиваясь, повторила она.

Я ничего не ответил. Мы послушали и снова принялись обрывать ягоды.

Но теперь уже нельзя было отвязаться от этого крика. Гусь кричал: трубно, громко, требовательно, и в крике его чудилось что-то странное... Видимо, он ходил по лугу перед плетнем: крик то удалялся, то приближался.

— Гусь кричит... — растерянно сказал она, опустив руки. Она смотрела на меня — я должен был что-то сделать.

— Пойду разузнаю, чего он там беспокоится, гусь-то, — бодро сказал я и стал выбираться на межу к калитке.

Скоро я разыскал соседа (гуси были его) и выяснил, что утром зарезали гусыню, а гусь, стало быть, ее ищет, чует неладное и зовет ее.

---

[6] **Опубликовано в сборнике «Прервана точкой строка: Литературно-художественный сборник. — Сыктывкар: Народный дом, 1997. С. 32—34.** Здесь дается в новой редакции.

...Мы отлично знали его гусыню. Она была белая и важная. Они всегда вместе щипали травку, это была гордая и неразлучная пара. Гусь не терпел, когда их беспокоили.

Она уже ждала меня у калитки.

— Видишь ли, какое дело... — Я не знал, как ей сказать.

— Густ-то, того — вроде как овдовел. Ну, вот он и кричит.

Она смотрела на меня с ужасом. А что я мог сделать?

— Гусь, может, еще не догадывается, — попробовал соврать я.

Мы побрели обратно в сад. Мне было очень не по себе.

А гусь все кричал... Он звал Её; он грозил, что если Она нарочно спряталась, то он покажет Ей, кто хозяин в доме; потом он извинялся, просил Её не валять дурака и показаться; умолял, жаловался, рассказывал Ей, невидимой, как невыносима, как бесцельна жизнь без Неё; потом снова вскипал гневом и отчаянием — он требовал, чтобы Её вернули ему!

Он говорил, говорил, без конца пересекая луг до плетня и обратно — что никто — ни собака, ни свинья, ни человек — никто не имеет права отнять Её у него.

И он всё кричал, всё звал. Иногда он затихал, высоко вытянув шею: слушал, не отзовется ли Она.

Но все было тихо. И он снова кричал, и чем дальше, тем сильнее в крике его чувствовалось отчаяние.

От этого крика некуда было деться. Мы молча рвали ягоды.

— Гусь кричит! — сказала она и разрыдалась.

Я увел её в дом и уложил на диване.

И весь этот наш день летнего счастья обратился в день тягостной жары, раздражения и тревоги.

Когда я вспоминаю этого гуся, и её лицо, и глаза, и голос, и это тревожное-отчаянное-жалобное-беспомощное «Гусь кричит!», то мне, как и много лет назад, делается не по себе. И я снова спрашиваю себя — за что же она меня полюбила, а с нею вообще такие, как она — других, таких как я. Ведь мы-то (другие) — можем даже не услышать, что кто-то мучается и страдает совсем рядом с нами.

* * *

...Оставляем мы сердца частицу[7]

О, как бы мне выразить то, что — никак не получается выразить словами. Лишь в зрелые годы, когда я познакомился с творчеством Бунина, Набокова и нашего геолога Олега Куваева — я понял, что выразить это на русском языке все-таки можно. Им это удавалось, а мне, увы — не дано таланта.

А так хочется рассказать о тех местах, где я оставил нечто из *того, сам не знаю чего*. А впрочем, зачем мудрить? Давно написана хорошая песня, где об этом сказано ясно и точно: *«В разных краях оставляем мы сердца частицу»*.

Может быть, это самое тонкое и глубокое чувство из всех, что мне довелось пережить.

...Это бывало в одиночестве. Чаще всего — в одиночных маршрутах, которые формально строжайше запрещены геологу (но все мы этот запрет нарушаем). И притом не всегда, отнюдь не всегда — а лишь тогда, когда был подавлен профессиональный интерес к местности (ибо обычно геолог видит не обрывистую скалу, а труднодоступное *обнажение*), когда Природа представала не как объект изучения, а как нечто иное — невероятно волнующее.

И наступали таинственные мгновения, когда я, один среди шума леса, среди свиста ветра на болоте, — один, погруженный в себя, спокойный и свободный от всего лишнего, я — такой,

---

[7] **Опубликовано в книге: «Уезжают друзья с северов: Литературный сборник». — Сыктывкар: Геопринт, 2003. С. 34—39.**

Перепечатано в книге «Сыктывкар: Литературный альманах».– Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 2003. С. 69—72.

Перепечатано в журнале: «Горный журнал: Литературный альманах. Специальный выпуск «Моим Северам». — М.: Изд. дом «Руда и Металлы», 2008, с. 4—6.

какой я и есть на самом деле, с душою, открытой всему Миру, трепещущей от его красок, звуков и запахов, — когда я вдруг останавливался, скидывал рюкзак — и смотрел «окрест себя».

И всегда чувства мои были одни и те же, поразительно устойчивые, одинаковые, на протяжении десятилетий. Это значит, что проступала генетика — душа. А чувства были примерно такими.

...Я становился как бы деревом. Я недвижимо стоял на этом неизменном месте — долгие дни, месяцы, годы, десятилетия. Я видел синие клубящиеся тучи, я созерцал болото во все часы дня; и летом, и в жуткой тоске осени, и в белой стуже зимы. Я раскачивался от ветра и скрипел; я мок под дождями; нагревался от солнца; покрывался ледяной коркой; меня секли метели, сухие и жесткие, как песок. И все это я платил только за то, чтобы без конца созерцать эти ели, это синее болото, и это небо... За то, чтобы ощущать себя частью Космоса.

Жуткий восторг охватывал мою душу!

Я действительно замирал и не ощущал присутствия жизни в теле — ведь я перевоплотился, я стою недвижно, я только смотрю, смотрю, смотрю без конца... И облака идут и идут, и проходят мимо и сквозь меня. Видимо, это нечто вроде буддизма и придумано было за много веков до меня[8].

Но всегда кончалось всё так быстро! Я был слишком живым, слишком теплым, слишком слабым, чтобы надолго погружаться в нирвану. Стоило мне, в моем кажущемся перевоплощении, представить себя действительно одиноким — без тех, кого я люблю, по ком я тоскую — как я приходил в ужас.

— Прочь, прочь, мертвый мир! Я жив! Я не хочу, не хочу быть частью безжалостного Космоса!

И я влезал в потные лямки своего рюкзака, снова навешивал на шею ружье и с трудом подымался с места. Прощай, мой Космос. Расти и умирай сам по себе, как и раньше, а я — сам по себе. У меня другая жизнь. Я ухожу. Мы виделись с тобой впервые. Мы не увидимся больше никогда. Никогда. Я ухожу насовсем, навеки.

...И я уходил насовсем. Но незаметно для себя уносил в памяти как бы негативы тех мест, где душа моя была ничем не стеснена, и где я пытался раствориться в Космосе[9]. Я могу вспомнить — проявить в памяти эти места, эти мгновения, но надо сильно сосредоточиться, и нужно, опять-таки, полное одиночество. С годами это удается все реже.

Их много, таких мест, я могу перебирать их последовательно по годам, или вперемежку. Они все мои, как дети для матери, но это странное обладание — оно наполняет душу пронзительной грустью.

— В чем смысл и значение того, что человек привязывается к мертвым пейзажам, которые были до него и будут — после него?[10]

— Отчего мы так устроены? Отчего образы того края высотки на грани синего болота, где я целый месяц стоял лагерем на преддипломной практике (а высотку и болото, и елки, и сову, которая там жила, я вижу ясно и резко) — отчего эти образы сдавливают мне грудь тоскою, а этой высотке и болоту наплевать на меня — они жили и живут своей жизнью?

— Конечно же, потому, что мы, жалкие живые твари, привязываемся, и любим, и тоскуем — тоже к живому и по живому. Это ведь только кажется, будто на том болоте никого нет. Там — я! Мне 21 год, и каждый вечер, придя из маршрута, изнурительно-интересного, самостоятельного, трудового, я моюсь в ручье, смотрю, как садится солнце за высотку на том краю болота, вижу, как поднимается снизу белый шлейф тумана, как сиреневеет и углубляется бездна неба, слышу крик совы, вышедшей на охоту... Я сижу у костра до наступления полного августовского мрака, доделываю рисунки в полевой книжке, пишу свой дневник, в котором меня сейчас так волнует каждая строчка, хотя я прекрасно знаю, что было тогда во мне много лицемерия и мало толку — да что мне сейчас до этого?

---

[8] А позже оказалось, что практически то же самое чувствовал Даниил Андреев — и он смог с мощной силой описать это в своей «Розе Мира». Впрочем, он не впадал в анабиоз, как автор, — наоборот, он анимировал Природу. И даже дал родовое имя созданным его воображением существам — *Стихиали*. В сущности, и у него были предшественники — древние греки с их вполне живыми *нимфами* ручьев, долин и рощ. — *Примечание-2002.*

[9] Видно, как молодо-туп был автор... Нет, чтобы сказать и проще, и точнее — *«И где моя душа была непосредственно обращена к Богу»*. — *Примечание-2002.*

[10] Из предыдущего примечания этот смысл очевиден. — *Примечание-2002.*

... А то могу представить себе мыс на Лене. Я два месяца жил за этим мысом — в трех километрах ниже по Лене. И каждый день мы ходили маршрутом вверх — копались в расчудесном угленосном разрезе. О, это самый лучший Мыс в мире, и об этом стоило бы написать отдельно[11].

Солнце уже с утра освещало Мыс, и держалось на нем часов до 17, так что весь рабочий день можно было загорать. А вечером, когда мы с рабочими возвращались в лагерь по знакомому-презнакомому бечевнику, мимо своих канав, выкопанных в обрыве коренного берега, канав — уже нами описанных и опробованных, шли с чувством спокойного удовлетворения в душе (подобно тому, как крестьянин идет мимо скошенного луга, на котором стоят аккуратные копны), и здорового голода в брюхе — дорогу нам уже пересекали тени от деревьев на верхушке обрыва, и некоторые из них доходили до воды.

Иногда, в полукилометре от лагеря, если день бывал особенно жарким, я раздевался, отдавал сапоги и одежду мужикам (они почему-то никогда не купались), кидался в Лену, и быстрина мчала меня к лагерю — только сумей вовремя выгрести к берегу, чтобы не просвистеть мимо. Я успевал переодеться и обсудить новости с дежурным, и лишь тогда к палатке подходили наши работяги с моими сапогами, полевой сумкой и спецодеждой.

— Есть ли человек на свете, столь часто, как я, карабкавшийся по обрывам Мыса?

— Есть ли человек, который как я — так часто ходил по Мысу?

Ведь это происходило ежедневно по два раза, а иногда по четыре: это когда я не выдерживал, и после маршрута бежал в шахтерский поселок в 12 км от лагеря за письмом от любимой.

... И на Мысу, и на пойменной террасе, где мы стояли два месяца, там где ветер, дождь и полые воды давно стерли даже следы моего лагеря — я и сейчас там, ибо песня права — там оставлен клок моего сердца.

Я боюсь сказать, что *это* обогатило меня. Сейчас я вижу в себе только грусть, только необратимость... Решился бы я через много лет — проехать на теплоходике мимо моего Мыса? Ведь я, наверное, мог бы заплакать — мужчине же плакать не пристало...

... А то я вижу ничем не примечательное место в якутской тайге, всего в 400 м выше моста через Кэнкэмэ, а через этот мост шла дорога от Якутска до колонии; заключенные валили и пилили лес, складывали его в кубы, а шофера-вольняшки отвозили дрова в город.

От этого заклятого места должен был начаться мой маршрут вверх по Кэнкэмэ. Речонка была неглубокой и узкой, но имела обширную, прекрасно разработанную долину с двумя террасами. Когда-то здесь даже старались — мыли золотишко (впрочем, где его только не мыли).

Я приехал сюда с тонной полевого барахла прямо из города, попросил шофера заехать прямо в лес, чтобы ни с дороги, ни с моста не было видно лагеря, разгрузил с рабочим Терентием машину, поставил палатку и стал ждать...

Между тем — было уже начало июля! Никогда еще я не выезжал так поздно. И как это всегда бывает в безделье — погода, как на зло, стояла изумительная. По практически необитаемой долине Кэнкэмэ стояли упоительные — некошенные благоуханные луга; смола вытапливалась из нагретых духовитых лиственниц; бурундучок, который жил рядом с моей палаткой, каждый день носился как угорелый, собирая припасы.

А я — молодой специалист, всего второй раз в жизни поехавший в поле начальником отряда — сидел в палатке рядом с горой барахла, укрытого брезентом, и ничегошеньки не делал — ждал лошадей. Еще в городе двое моих (коллектор и рабочий) были посланы в колхоз за 70 км отсюда — за лошадьми. И вот мы разгрузились на этом (заранее условленном) месте — и стали их ждать.

В день нашего приезда они отсутствовали уже пять дней, и я никак не понимал, что можно столько времени делать в колхозе. Конечно, я догадывался, что они там пьянствуют, и без конца высчитывал, на сколько же дней хватит им еще моего аванса.

Прождав еще три дня — я отправил в колхоз и рабочего Терентия, передав с ним самые жуткие проклятия на головы персонала.

И тогда я остался один.

---

[11] Что и было потом сделано в научно-популярной книжке «Грамм дороже тонны. Редкие элементы в углях». Глава называется «Эти замечательные головешки».

Лагерь стоял на второй террасе Кэнкэмэ, и здесь проходила звериная тропа. Каждое утро я садился перед палаткой так, чтобы видеть поворот тропы, которая уходила от меня вниз — к речке. И я так долго смотрел на этот поворот, что иногда стал видеть галлюцинации: лошадиные морды, возникающие снизу, как бы из-под земли, и с ними — всю свою команду из трех человек. Я действительно видел их — ибо так страстно этого желал.

...Но день уходил за днем: жаркие июльские дни! Уходило, уплывало между пальцами золотое времечко для работы. Со злобной завистью думал я о тех счастливчиках, которые забросились в поле еще в мае, по снегу, и стало быть, отработали уже полтора месяца — в то время как моя работа еще и не начиналась!

Через неделю ожидания нервы мои сдали, и я совершил должностное преступление: оставив пустой лагерь на целый день, сделал два маршрута по Кэнкэмэ: вверх и вниз от лагеря. Неразумно, безответственно и беззаконно было оставлять лагерь — но я не мог больше этого выдержать — не получилось из меня сильной личности...

Потом, испугавшись содеянного (жутко было подумать в маршруте, что я застану разграбленный лагерь — это грозило тюрьмой) — я стал снова сидеть в лагере.

...И каждый день тягучие, бесконечные часы я смотрел на лиственницы, которые изучил уже лучше, чем березы возле родного дома в Подмосковье; наблюдал за своим шустрым полосатым соседом-бурундучком; пытался изо всех сил долбить «Высшую математику для начинающих»; писал пьесу; бесконечными часами заполнял всякой чепухой страницы дневника.

Тропа была пуста.

Только тени перемещались по ней вместе с солнцем — жарким трудовым июльским солнцем. Я слышал иногда гул редких самосвалов, едущих в колонию или обратно, но для меня не было иной жизни, кроме бессмысленных и мучительных часов ожидания. Всякий звук, напоминавший фырканье лошадей, заставлял меня вскакивать и нестись к повороту тропы: не идут ли?

Я провел в этом лагере 16 суток.

И лишь тогда они явились — конечно же, в дождь, как символ расплаты за безделье в лучшее летнее время.

Они вдруг выплыли из тумана — сперва уши, потом головы лошадей, потом и все они, измученные, до нитки мокрые (шли три дня под дождем!) — вошли в лагерь и заняли его весь сразу, заполнили запахом лошадиного пота, фырканьем, храпом, скрипом и шорохом коры — это лошади терлись искусанными комарьем боками о стволы лиственниц.

...Что там, на месте моего первого лагеря в том сезоне? Есть ли хоть один не сгнивший колышек от палатки? Может быть, висит еще на сучке ржавая консервная банка?

Но и это место я не решился бы посетить вторично, если бы и дали мне такую возможность. Ведь и там остался навсегда я — человек 24-х лет, всего второй раз начальник отряда и в первый раз — с лошадьми, Хитрыми Животными...

* * *

Конец сезона[12]

...Особенно славно, когда ты еще молод, и когда кончается сезон.

Конец сезона! К осени так надоедает тайга. В ней пропадают запахи смолы, цветов и трав, улетают птицы. Ветер уже не освежает потного тела, как в июле, а выстуживает и сквозит; он холоден и враждебен. В маршруты нужно теперь брать брезентовую куртку или плащ из разряда «непросыхаемых». А то, бывало, тащишься в маршрут в телогрейке.

---

[12] **Опубликовано в книге: «Уезжают друзья с северов: Литературный сборник». — Сыктывкар: Геопринт, 2003. С. 31—34.**

Перепечатано к книге: «Сыктывкар: Литературный альманах».– Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 2003. С. 67—68.

Перепечатано в книге: Юдович Я.Э. Записки геохимика. — Сыктывкар: Геопринт, 2007, с. 177.

Перепечатано в журнале: «Горный журнал: Литературный альманах. Специальный выпуск «Моим Северам». — М.: Изд. дом «Руда и Металлы», 2008, с. 8.

Дни короткие. Уже в обед откровенно беспокоишься — попадешь ли в лагерь до темна.

Мы пришли в тайгу как гости — на время. И она напоминает нам, что пора и честь знать, что мы тут лишние, что нам пора домой, а ей — оставаться со своими хмурыми холодными реками, в которых уже нет рыбы (она скатилась вниз, в глубокие плесы), с мокрыми елями, голыми лиственницами, продрогшими болотами — ждать скорой зимы.

Словом, пора, пора домой. Доделывай свои дела поскорее, хватай последние маршруты — пора сматываться.

Бывает и так, что конец маршрутов застает тебя либо в таежной деревушке из пяти домов, либо — в палатке на базе. Там мы еще с полмесяца кантуемся, разбираем и чиним барахло, которое давно надобно списать (но не спишут, потому что другого нет), чистим черные чайники и ведра, камеральничаем, играем в карты и шахматы, пьем спирт, слушаем радио. Конечно же, это славно, что уже не надо в такую собачью погоду тащиться в маршрут — но все же сезон еще не кончился.

Я всего такого растянутого завершения сезона не люблю. Конец сезона должен быть резким и красивым.

Мне 21... В поле я был на преддипломной практике. К назначенному еще в мае-июне сроку весь отряд выползает из тайги к некому месту. Это озеро. Сюда за нами прилетит гидросамолет.

25 сентября. Последние две недели тянулись так медленно. Эх, как я соскучился по белой булке с изюмом, и по маме, а всего больше — по одной особе, росточку небольшого, с теплыми руками, симпатичной рожицей, и с очень строгими (слишком строгими!) синими глазами. Писала ли она мне? Обещалась. Но связи у нас с внешним миром никакой не было — за весь сезон ни единого населенного пункта. И кто знает, может быть на почте в поселке для меня накопилась целая куча писем?!

Сегодня, если повезет с погодой, то самолет прилетит. А потому укладываемся быстро и весело. Все ощутили новый интерес друг к другу: вот-вот кончится общая работа, спаявшая нас так крепко, и связи начнут распадаться — у каждого своя жизнь. (Так будет происходить всегда. Это неотвратимо). И вот кто-то роняет недоклеенный сапог и шипит на всех:

— Тих-ха! Самолет...

Все, разинув рты, прислушиваются. Ничего не слыхать. Померещилось. Виновника начинают травить со всех сторон — маленькое, а все же развлечение. Но он упрям и сидит с лицом злым и напряженным.

— Тих-ха, говорю! Слушайте, олухи!

Да!! Теперь и мы уже слышим: гудит, гудит, болезный! Толкаясь, мешая друг другу, вылезаем из палатки наружу. Самолета за низкими серыми тучами не видно, но гул все сильнее.

— А-а-а! Вон он где!

Выскакивает откуда-то, чуть ли не из-за деревьев, делает облет озера. Пилот высунулся из кабины, делает вид, что нас тут и вовсе нет: смотрит, куда сесть...

Самое главное — потом. Только в воздухе, в оглушительном реве двигателя, сидя на своих ящиках и баулах с образцами, держась за что попало (это тебе не ТУ—104...), понимаешь, что сезон — кончен.

Я прилипаю к иллюминатору: подо мною проплывает *мой район*. Для пилота — это такой же клок карты, как остальные. А я — я исходил тут все ручьи, пересек все высотки, прошел по болотам, кидал блесну вон на том озере... Во-он там — была ночевка в тяжелом двухдневном маршруте; а вон там, и там, и еще там, у восточного склона высоты 415.6 м, у ручья — стояли наши лагеря. Как это мелко и безобидно сверху. Вон — желтое красивое поле с зеленой извилистой лентой — это болото с ручьем. А вспомнить, как мы его переходили... А вон — озеро, так отлично вписано в долину — очень правильный длинный эллипс. Это чертово озеро нам пришлось обходить поверху, по бурелому — берега у него оказались топкими. А вон (как хорошо видно, однако!) — устье ручья на нашей магистральной реке. Здесь мы стояли почти две недели, и маршрутов было много, и дождь был три дня, и оленя ели. Славно мы там пожили...

А это что такое: красивые белые кружева, тонкой полосочкой пересекающие реку? Ба, да это же порог! Кто ж его забудет? Две лодки здесь проскочили, а третью, где ребята зазевались, развернуло поперек и захлестнуло; они успели выскочить, а груз затонул. Хорошо, что это был не сахар. Вытащили, потом целый день сушились. А сверху-то порог совсем безобидный.

Итак, пролетел и навсегда исчез из глаз клочок тайги, где прошло три трудных, незабываемых месяца. Я скручиваю себе шею, потом перебираюсь в хвост самолета и еще некоторое время вижу изгиб *нашей* реки. Но и она уходит, уходит, затягивается синей дымкой, и вот уж делается неразличимой среди пестрой желто-зеленой осенней тайги...

Внизу проплывает длинная незнакомая высота — пожалуй, уже за левой рамкой планшета. Неужели — всё?

А подо мною наплывают все новые и новые места — такие же реки, и ручьи, и болота, и высотки, и озера — такие же, только *не мои*. Я тут не был, я ничего тут не оставил.

...Как необъятно-огромна, величава и прекрасна моя Родина. И как это полезно — вот так сверху — прочувствовать свое истинное место и значение — вполне соизмеримое с тем клочком территории, который ты облазил, полил своим по*том* и нанес на геологическую карту.

* * *

Прорыв на Лену[13]

Лена... У меня была Лена — целых пять лет, из них три — настоящих полевых сезона и два — командировки, белый речной трамвайчик, мимолетные «летние» знакомства, которые к осени забываются без следа.

А что выделить, о чем написать? И запахи, и ветер, и плеск воды, и облака. Лучше всего — ветер. Больше всего в жизни я любил теплый мощный ветер на великой Лене. Он отгонял комаров, обдувал мою гладкую коричневую кожу, раздувал береговой костер, почти не видный на слепящем солнце, бросал на берег звонкие мелкие волны, крутил на них белые гребешки (это уже приличный ветерок, балла 4!), а то и громоздил черные горы яростной воды — страшно и весело смотреть на них с берега. И не дай бог, если такой ветер застигнет на середине реки — ведь в иных местах на Лене и берегов-то не видно.

Но все-таки самые чудные, самые дорогие моменты — выход из тайги на Лену. Раз двадцать приходилось мне выползать маршрутом на Лену — и никак невозможно было к этому привыкнуть.

...Тащишься, продираешься сквозь строй проклятых молодых лиственниц, растущих до отвращения, до идиотизма плотно, чертыхаешься, соскользнув сапогом на обомшелых гнилых стволах, идешь-бредешь не первый час, залитый потом, облепленный оводами, в зудящем облаке комарья, идешь — и страстно ждешь *этого момента* — но тайге нет конца, нет в ней просвета.

Нервничаешь, начинаешь прибавлять ходу, то и дело смотришь на часы (по времени уже давно пора!), а тайга вокруг — все та же, без просвета, молчаливая, равнодушная.

Иногда в сердцах остановишься, вытащишь карту, со злобою проверишь азимут — да нет же, все верно, правильно мы идем, а Лены почему-то нету.

Топаем дальше, чуть ли не бежим, откуда только силы берутся — а тайга вокруг молчит — без края, без проблеска.

... Тогда надобно взять себя в руки и успокоиться.

— Подумаешь, время! Время ни о чем еще не говорит. Я брал нашу скорость — 3 км/час, но мы шли по заболоченной тайге и, стало быть, едва ли давали больше двух километров... Затем два раза ориентировались — еще накинем минут двадцать. В общем, настраиваю себя идти, не дергаясь, еще полчаса — с запасом и принуждаю себя думать о чем угодно — только не о Лене. Сразу становится легче — перестаю чуть ли не бежать с рюкзаком и вдруг...

...И вдруг (всегда вдруг!) — Мир распахивается мне навстречу, и весь я — распахиваюсь навстречу Миру!

---

[13] **Опубликовано в книге: Уезжают друзья с северов: Литературный сборник. Сыктывкар: Геопринт, 2003. С. 27–31.**

Перепечатано в журнале «Наш современник», 2005, № 11, с. 154—157, с получением авторского гонорара в размере 261 руб. 00 коп.

Перепечатано в журнале: Горный журнал: Литературный альманах. Специальный выпуск «Моим Северам». — М.: Изд. дом «Руда и Металлы», 2008, с. 6—7.

У моих ног расстилается грандиозная долина Лены.

О, простор! О, свобода! О, безграничные, синие дали...Видно всё на десятки километров. Сияющие зеркала озер на первой террасе. Свежий, влажный, пьянящий, теплый, тугой, пахнущий водорослями ветер раскачивает сосны на краю громадного стометрового обрыва коренного берега под нашими ногами.

А посреди всего этого великолепия царственно распростерлась сама Лена, наработавшая себе просторную, бескрайнюю долину и теперь неторопливо текущая в ней. Она в ней разлилась, расстелилась, раскинулась привольно и спокойно.

Вон виден маленький теплоходик, с трудом ползущий вверх. А мы тут — крошечные два человечка на кромке коренного берега — замерли в дурацком, блаженном восторге, заполненные зрелищем до краев, и ощущающие, что — «жизнь прекрасна и удивительна».

Пусть это ощущение держится недолго (мощные чувства вообще скоротечны), пусть впереди еще предстоит час утомительного спуска (до реки-то еще будь здоров, сколько — километра три будет...) — но все остальное уже не запоминается, куда-то пропадает.

...Так выходил я на Лену с Запада — со стороны Ленского плато. Другими, но может быть еще более волнующими были выходы с Востока — из Приверхоянья. Там низкий коренной берег не образует обрыва, и поэтому из дремучей тайги, без всякой переходной грани — сваливаешься прямо в Лену! Ибо увидеть ее можно только с горки, не ближе, чем километров за 10 — а потом, спустившись, ничего уж не видно, кроме непролазной чащобы.

Вдруг (опять вдруг) вырываешься из таежного мрака — в слепящую синеву воды и неба — к белому, сыпучему раскаленному песку пляжа, в струю мощного ветра, где вмиг, словно растаяв, исчезают комары.

Долой, долой намозоливший спину потный, грязный, тяжко гнетущий рюкзак! На песок, на горячий сухой песочек — взмокшие портянки! А сам, прямо в соленой рубахе — кидайся в Лену, только не зевай, а то вмиг унесет вниз за километр, не успеешь оглянуться.

Ныряю, под водой стаскиваю рубаху и вышвыриваю ее на берег — выстирал! А сам, косо к течению, чешу кролем к песчаному острову, метрах в 300 от берега..

— Ого-го-го! — Я хохочу от счастья. Я молод, здоров, я шел к Лене, я свалился в Лену, я режу сейчас ее мощное течение, оно тащит меня, но остров-то все ближе, эге-ге-гей! Я доплыву до него!

С некоторых пор (на моей памяти) по Лене стали ходить шикарные комфортабельные теплоходы, сделанные в ГДР. И вот бывало, в командировке, сидя в мягком кресле, глядя на берега через зеркальные стекла ультрасовременного салона — я ловил себя на совершенно идиотской воображаемой картинке. Наверное она никому кроме меня, в голову не приходила, а впрочем — кто знает?

— А что, думалось мне,— если из тайги сейчас вылезет человек. На 100 км вверх и на 200 км вниз по Лене нет населенных пунктов. Одна лишь тайга, такая же безграничная, беспощадная, молчаливая, вечная, неодушевленная, как и в 20, 100, 200 км в сторону от Лены. Она просто случайно оказалась здесь разрезана Леной — но от этого не стала ни добрее, ни знакомее; она хмуро и дико смотрится в свое отражение на плесах; она обрывается у Лены точно такой же, какова она повсюду — мрачными листвягами, буреломами, болотами, мшистыми черными ручьями; и она отнюдь не собирается стать похожей на веселые домашние леса по берегам европейских рек. Я гляжу на нее через зеркальные стекла — она все так же дика, неуступчива и грозна...

И вдруг выползает человек. Нет, не геолог, не охотник — просто шахтер, случайно заблудившийся в тайге. Такие случаи бывали, я слыхал.

Он уже неделю блуждал по тайге, в отчаянье и ужасе. Уже неделю он питался только ягодами. Его лицо, шея и руки побагровели и вспухли от комариных укусов, и он был близок к сумасшествию — комары терзали его больше, чем голод и страх от возможной встречи с медведем. Только на третьи сутки он понял, что окончательно заблудился, определил по солнцу, где юг, и догадался, что единственный шанс на спасение — выйти к Лене — она должна быть там, на юге. Тогда же он натолкнулся на речку, текущую как будто к югу, и решил не отходить от русла ни на шаг, хоть это и значило удлинить свой путь на десятки километров...

И вот — он победил! Он вырвался из роковых лап тайги — вот она, Лена! Шуми тайга, стучи в бессильной злобе костяными сучьями сухих лиственниц, цепляйся за ноги железными узлова-

тыми петлями скрюченных корней — вот она, Лена! Простор, мощный свежий ветер, никаких комаров, свободный косой полет чаек, веселый плеск волн — спасение и жизнь!

И вот этот человек видит наш «Аржаков», гордо несущийся вниз по фарватеру, видит беззаботных людей на палубе — и люди видят его, ибо расстояние до берега не больше 200 м. Он размахивает руками, кричит — бессвязно, отчаянно, хрипло. Он умоляет остановиться и подобрать его — но *никто не понимает его.* Все видят — какой-то мужик на берегу, видимо, охотник или геолог, а скорей всего турист, бестолково машет руками — рад, бедолага, что увидел теплоход. И ему тоже приветливо машут с палубы — салют, салют, дружище! А один в белых штанах даже нацелился на него кинокамерой, но его отговаривают: брось, далеко — не получится.

А рулевой смотрит вперед, ему некогда и незачем разглядывать берега, ибо здесь сложный фарватер, кругом полно песчаных мелей — смотри в оба. А хоть бы и увидел он этого, на берегу — удивился бы, конечно, — какой-то мудак там, турист небось, они нынче везде лазают. К тому же и расписание — не шуточки, и так идем с громадным опозданием, слезали с мели в устье Вилюя — полдня потеряли...

И вот — прошли одна-две минуты, и спасение, горячая еда, кофе, сухость, чистота, ленивый комфорт, телевизор в салоне — пропыли мимо и уходят, уходят все дальше...

А человек бежит по берегу, спотыкается, падает, он кричит, он все еще не верит! Наконец, теплоход превращается в точку и скрывается из глаз — и остаются только чайки, только ветер, только вода. И теперь, через мгновение после того, как рядом были люди — вся эта Лена с ее простором, мощью, островами, протоками, чайками и плеском волн — становится такой же грозной и беспощадной, как и стерегущая сзади тайга. Но в тайге хоть ягоды есть, а здесь? А у него нет ничего — ни нитки, ни проволочки, из чего можно было бы соорудить удочку.

Что делать, что ему делать?

Еще двое суток он оставался на этом месте, пытаясь остановить проходящие теплоходы и баржи. Один раз он и вплавь бросился — но и тогда никто его не понял — думали, ну, купается мужик, туристы ведь любят купаться... А плавал он плохо, боялся попасть в быстрину, да и сил не было; едва выбрался на берег и потом уж не пытался.

Лишь на третьи сутки после выхода на Лену, страдая мучительным поносом от ягод (больше ведь он ничего не ел), страшно ослабевший, измученный постоянным ожиданием теплоходов, надеждами и крахом надежд — решился он идти вверх по Лене. Ему казалось, что шахтерский поселок, где он жил — расположен выше. Я-то знаю, что идти ему надобно было около 100 км — но он этого не знал. А сколько на пути будет рек, впадающих в Лену — которые можно только переплыть? А сколько он еще продержится на ягодах? А начнутся дожди? Ему уже не обсушиться на солнце, и спичек нет...

Где-то в этом месте я встряхивался и отрывался от своих мыслей — и ах, как славно, право, что я-то сижу в салоне, мягко гудит мощный дизель, из репродуктора льется соната Гайдна, чуть покачиваются, позвякивают стаканы на столике.

— Мне, пожалуйста, два черных кофе с лимоном.

Миловидная деваха, стрельнув по мне взглядом, берет мой заказ и уходит, ловко обходя столики.

* * *

В маршруте[14]

Утро, свежее утро!

Лагерь на берегу озера. Солнце бьет прямо в палатку. Комаров еще, как кажется, мало. Выскакиваю из палатки в плавках — комары, ошарашенные такой наглостью, не бросаются, а как-то вяло жужжат около...

Солнце, солнце! Птицы поют в тайге, вода в озере слабо лижет берег.

---

[14] **Опубликовано в книге «Прервана точкой строка: Литературно-художественный сборник. — Сыктывкар: Народный дом, 1997. С. 26—27.**

Кидаюсь в воду, плыву, распластанный, под водою, скольжу гладкой коричневой рыбой. Дно видно, вода как кристалл, и нельзя сказать, что теплая... Боже, как это хорошо. Вылез. Апельсиновая ручка зубной щетки, голубая паста — и краски какие-то все чудные, умытые.

День начинается жаркий — иду, как есть, к костру: комары покусают, но не сильно (они жару не любят). Зато позагораю, подышу после душного сиротского спальника.

Иду, как сказал Поэт «красивый, двадцати (тридцати-, сорока-, *нужное подчеркнуть*)-двухлетний». Дежурный встал час назад, завтрак готов. Уха, каша, чай. Все прекрасно.

Обжираемся. Все шуточки-прибауточки, все одно и то же на всех широтах. Они передаются в поле, как вирусы: *«чай не пьешь — какая сила? Чай попил — совсем ослаб»* и т. п. Фольклор.

Ах, не все ли мне равно? Я их слушаю в пол-уха. Утро, солнце, здоровье в теле, упругая сила в отдохнувших ногах. Кажется, не пойти сейчас в маршрут — заболеешь.

Эх, черт: нажрался как свинья. Сколько раз все собирался начать Новую Жизнь и перед маршрутом кушать умеренно — куда там! Еда сама собой глотается. Мы как волки, едящие впрок.

Голова ясная. Мыслей никаких нету. Маршрут проложен на карте с вечера. Коллектор укладывает маршрутный рюкзак. Несколько минут мне делать нечего. Молоток мокнет в воде. Солнце уже высоко. Долго ли он будет копошиться?

–Всё? Пошли.

Идем медленно, как бы вяло. Это сердце-мотор приспосабливается к нагрузке. Сначала — пустой ход; работа редко начинается у самого лагеря. Это славно, когда есть километра два пустого ходу. Каждый день — всю жизнь — надо заново привыкать к маршруту. Идем по берегу речки. Трава по пояс. Цветы, цветы... Почти ни одного не знаю. Желтые вроде лютиков, мелкие. Тоже желтые, вроде купавок, растут у воды, пахнут упоительно. Красные, крупные как розы — это пионы. А разной цветочной мелочи — не счесть. На сыром бечевнике полно незабудок — таких голубых, таких родных. Это её любимые цветы. Но собирать их незачем — она далеко.

Раздвигаем траву. Пронзительно кричат трясогузки, отманивают от гнезд. А мы идем себе, дышим запахом луга, который никто и никогда не косил.

Вышли к излучине. Берем азимут в тайгу. Теперь — внимание! Работа началась.

Глаза — смотрите! Долой мысли о незабудках. Обнажения, слои, породы. Колотим, ковыряемся, рисуем, пишем. Вот мыслишка вылезла — сюда ее, болезную, на левую сторону полевой книжки, чтоб не затерялась. Снова пишем, смотрим, колотим. Сегодня как будто ничего сложного. Почти всё это я уже видел. Но в этом опасность — не расслабляться! Внимание! Так легко сконструировать себе Природу как тебе захочется, а нужно стараться увидеть ее такой, какова она есть. Но для этого работа непременно должна быть напряженной — легкой или трудной, — все равно напряженной.

Идем дальше. Солнце уже высоко. Хорошо идти по солнцу: целый час можно не подправлять азимут по компасу. Голова работает: значит, как говаривал Юра Гагарин, «полет (маршрут) проходит нормально».

— А вот — видели бы те, кто понимает! Это — награда мне за напряжение, за усердие, за хорошее поведение. Небольшое обнажение песчаников в береге ручья, а в нем, как на картинке — косая слоистость. Великолепная, четкая — серийные швы и косые слойки отпрепарированы выветриванием. Персонально для меня подарочек. Ведь мог же я пройти в 10 метрах выше или ниже по ручью — и ничего не заметить за кустами.

Планшет — с плеча. Коллектор скидывает рюкзак: знает, что здесь провозимся долго.

Вытащил фотоаппарат — подарок друзей к 25-летию. Дорогая и тонкая штука — зато уж и снимочки, любо-дорого... Щелк-щелк эту слоистость оттуда: для масштаба Сережа в ручье, в героической позе. А теперь поближе — для масштаба молоток. А теперь совсем близко, насколько позволяет фокусное расстояние аппарата — только одну косую серию со слойками, длиной в карандаш.

Теперь надо сделать гарантийную зарисовку из позиции второго снимка — с молотком. Только самое основное. Ну да. Молоток-то выходит лучше всего. Наловчишься тут рисовать молотки...

Правда, некоторые коллеги не рисуют — рассчитывают только на снимки. Ну и дураки: фотоглаз объективен, но он видит совсем не то, что вижу я. А дай нарисовать это же обнажение художнику — тот очень красиво изобразит тени и полутени, а косую слоистость может и не заме-

тить. Для меня же в ней всё важно: и то, как слойки выполаживаются книзу, а сверху резко срезаются, и то, что серии разнонаправленные, и многое другое.

Когда у меня будет в руках рисунок, где изображено то, что вижу я, и снимок, где запечатлено то, что видно при данных условиях вообще — я сделаю нечто лучшее и того и другого — рисунок по фотографии. Тушью на толстом ватмане, тщательно, красиво. И в этом произведении искусства будут соблюдены точные размеры натуры и вместе с тем не будет ничего лишнего — только косая слоистость.

Так... Есть картинка. Теперь можно описывать. Занятие нудное, но необходимое. А время-то! Скоро уже 14, а ведь раньше, чем через час мы отсюда не уйдем. Между тем, брюхо уже подводит...

— Серега! Ставь чай.

Тот уж давно ждет команды. Через минуту трещат в костре сухие лиственничные сучья, и над жарким желтым пламенем повисает маленький чайник, черный как дырка. Он появился у меня с того времени, как появилась язва желудка от еды не вовремя и в сухомятку. Цены ему нет, этому чайничку. Входит в него ровно четыре кружки. Специально засекали время: если наловчиться, то можно заставить его закипеть за 5 минут — это к сведению тех товарищей, кто в маршруте «экономит время», запивая сиротский сухарик сырой водицей.

Измеряю, пишу. По особому алгоритму, придуманному для этого дела одной умной тетенькой — доктором наук, которая всю жизнь занимается расшифровкой слоистости. По слоистости можно узнать, что здесь было: донные отложения реки, пойма, старичное озеро, лагуна, песчаный бар, дюна, прибрежная подводная дельта или же настоящие морские отложения. Поэтому такое обнажение — праздник для геолога, и поэтому работается легко и вдохновенно, даром что сама работа — нудное описание, как 19-ом веке. Но зато в те времена о породах такого обнажения смогли бы сказать разве что так: «осадки отложились в текучей воде». По современной мерке этого очень мало. Куда текла эта вода? Быстро, медленно? Где накапливался осадок? Откуда сносился материал в бассейн? Долго ли и сильно ли перемывался? Если это прибрежные отложения морского бассейна, то нет ли здесь древней россыпи?

Но вот и чай готов и разлит в кружки. Спешу управиться до обеда, чтобы потом сразу уйти отсюда. А живем мы нынче богато, все-то у нас есть: сухари, масло, рыба-малосолка (вчера только пойманная). «Завтрак на траве». Трава в наличии. Правда, нету на ней женщин в белых платьях. Беда небольшая — нам и без них отменно хорошо.

Голод волчий, будто и не ели никогда. Едим молча. Возбуждение от находки постепенно спадает, остается сытое удовлетворение.

Теперь хорошо закурить — просто за компанию. Я могу год не курить и ничего. Мне нравится не столько курить, сколько пускать дым.

Но — надо топать дальше. На обед не должно уходить больше 40—45 минут.

Поднялись, забросили головешки в ручей. Рюкзак у Сереги не стал меньше — ибо вес съеденного несоизмерим с весом добавленных образцов.

Я — груз в маршруте не таскаю, хотя всегда беру второй рюкзак (для пустого обратного хода, где я забираю у коллектора половину груза). Но в маршруте — нет. И не потому, что я геолог, а он — коллектор, а просто потому, что груз на спине мешает мне думать. Однако среди нашего брата есть любители многодневных маршрутов: навьючатся, как верблюды (палатка, спальные мешки, посуда) — и ломят, пока сил хватает. А по пути как бы работают, если это можно называть работой. Ведь каждый образец — небольшая драма: брать или не брать, когда впереди еще 20 км маршрута? Черт знает, какими качествами надо обладать, чтобы нормально работать в таких условиях — когда тяжкая туша груза давит, сплющивает, гнет к земле, убивает подвижность и всякую умственную деятельность. У меня, во всяком случае, этих качеств нет. А вот мой первый шеф, к слову сказать, в многодневных маршрутах не только брал десятки образцов, но еще и штуфы (здоровенные куски пород) — «для музея».

...Солнце ниже, жара спадает. Кажется, подвезло — обнаженность пропала. Стыдно, конечно, но мы этому рады. Пусть лучше сегодня больше не будет обнажений, чем встретить нечто сложное, в чем я сейчас, к концу дня, не сумею разобраться.

Ура! Болото. Теперь-то уж точно обнажений не будет. Правда, по середине болота течет пакостный ручей, который так просто не перейти. Ну — что поделаешь. А за ручьем нас ожидают еще

полкилометра по болоту, километр по высотке с диабазами — и лагерь. На диабазах все будет просто, мы по ним без конца ходим в этом сезоне. Возьмем по-быстрому пару образцов, да и точка.

Вот проклятый ручей. К нему, после «нормального советского» болота — метров 30 надо пробираться по огромным, метровой высоты кочкам, между которыми стоят окна черной воды, как раз по пояс. *«Как бы не юркнуть»*, — говаривал один мой коллектор. Термин освоили — фольклор. *«Как бы не юркнуть, Серега!»*.

Хохоча, прыгаем по кочкам. А что нам?

Ручей шириной метров 5 и глубокий — будь здоров. Его не перейти даже в бродняx. Снимаю часы, раздеваемся. Комары в восторге. Кусают, падлы. За что?!

Полезли: образцы и сумка над головами. Вода в общем по брюхо, но ужас какая холодная! Еще бы, ведь в болоте подо мхом — лед. Это, братец мой, Север. Ого! Провалился в яму — вода уже по бороду. Серега уже переправился. Белый он, Серега. Загар к нему не пристает, да и боится он загорать — комары.

Одеваюсь в судорогах: замучили, кровопийцы. Проверили азимут и пошли дальше по болоту. Вот и край — заросли полярной березки. За ними начинается покрытая белым ягелем залесенная высотка с диабазами. Пробежим ее — и дома.

— Эге-ге-гей!

Это он с берега, метрах в 30 правее меня. Что там у него?

Подхожу. Здравствуйте! Мандельштейны. Обнаженьице небольшое, но эффектное. Это те же диабазы: зеленые, плотные, звонкие, мелкокристаллические. Те же, да не те: в них масса крупных, до 2—3 см поперечником, округлых светлых миндалин. Мандельштайн по-немецки и значит «миндальный камень». Миндалины — это бывшие пузырьки газа, заполненные поздними минералами. В миндалинах могут сидеть всякие редкости — цеолиты, например. Загадочные минералы с водой в кристаллической структуре — «молекулярные сита».

Но все же для нас важнее не минералогия мандельштейнов, а сам факт их наличия: ведь это неопровержимое доказательство эффузии — излияния базальтовой лавы на поверхность. Тогда как на обычном диабазе это «не написано» — он мог и излиться, а мог и на некоторой глубине застыть, и так сразу — определить это трудно.

Смотрю, нет ли переходов мандельштейнов в диабазы без миндалин.

Фотографирую. Благо ночи пока белые и вечером еще совершенно светло. Опять рисую, но уже откровенно наспех.

Колотим, берем кучу образцов и отдельно — штуф килограммов на 5. Красивая штука, для музея. Вот когда пригодился второй рюкзак — приходится и мне нагрузиться.

Прелестный, однако, маршрутец сегодня. Такие всегда запоминаются. А простые, без геологических впечатлений, даже очень тяжелые, но профессионально-скучные — те все забываются, без следа. Вот и славно — надо помнить только хорошее.

Однако же мы устали. И я, и Сережа. Ведь уже 12 часов работаем.

Но нужно еще 15 минут внимания — не упустить, проследить взаимоотношения мандельштейнов с диабазами. Если, конечно, таковые тут имеются.

Плохая обнаженность — наш бич, наше проклятие, наш крест. Вот не будет обнажено в каком-то нужном, ключевом месте — и хоть ты тресни — что тут сделаешь со своим молотком. А как известно из геологического фольклора, все лучшие контакты в мире — не обнажены.

Касаемо геологического молотка, даже странно, что о нем фольклор умалчивает. А вот кайло, которым рубают уголек, как научил меня шахтный геолог из Сангар (на Лене) Иван Ляхов — следует гордо именовать *«кайлометром»*... Такая вот у геологов замечательная техника.

Между тем, на часах уже 21-20: нам бы давно пора быть дома. Очень возможно, что в глубокой тишине синего вечера удары наших молотков доносятся до лагеря — слышимость в этих местах поразительная. Это бы хорошо: значит, ребятки знают, что мы на подходе, и может быть, уже обед греют.

Уф!... Скинули рюкзаки у палаток.

Долой с себя всю маршрутную сбрую. Почти одновременно кидаемся в озеро. Из палатки выполз, наконец, дежурный (скорее всего, он дрых) и стал шуровать в костре. Ясно, что остальные давно дома, поели, залегли в пологах, а он разогревает еду только для нас.

У каждого в отряде есть свое занятие — вот их и не видно. Один (студент-заочник) долбит немецкий язык, другой пишет бесконечные письма жене. Письма как бы секретные. Но посколь-

ку жена его писем не получает (ибо связи с нами никакой нет), то он их пишет в толстую тетрадку: каждый вечер по письму. О сём все прекрасно осведомлены, но виду не подают. Интересно, как это она прочитает их все сразу? Поймет ли его настроения, его душу?

Женат он всего полгода, так что, надо думать, со временем это у него пройдет. Это сейчас он бросает к её ногам все богатство своей молодой души, и ничего ему не жаль, и всего у него много, и всё — только для неё.

А потом? Потом он заматереет, станет настоящим полевым волком. Где-нибудь раз в сезон со случайной оказией пошлет ей записочку: *«У нас все здоровы. Погода хорошая. Питаемся хорошо, не беспокойся. Не скучай, целую»*. А хорошей жене геолога ничего больше и не надобно — чтобы муж был здоров и хорошо питался. И про погоду ей тоже все понятно — сама в поле бывала не раз и знает, что значит работать в ненастье.

...Что-то в таком роде, то есть как бы философическое, быстро проносилось в моей голове, пока я плавал и нырял в озере. Не успел вылезти на берег, как уже забыл об этом. Серега — тот еще плавает и плещется, как ондатра.

Солнце уже зацепилось за верхушки елок над озером — и вот-вот «юркнет» за лес.

Ах, как славно устроена жизнь! Какой, право, чудный маршрутец пробежали мы сегодня! Где-то, пугливой тенью проскочила привычная, всегдашняя мыслишка о милой — тенью тягучей тоски, долгой разлуки — но долой, долой ее! Нельзя позволить себе расслабляться, жизнь прекрасна и удивительна, а мужчине надобно уметь не распускаться, ему должно хватать собственного ресурса для поддержания душевного здоровья.

Мы переодеваемся в сухое, мягкое, «лагерное». Вместо резиновых бродней — тапочки.

Бросаемся на обед.

Вон, Вадик выполз — идет к огню. Вскоре и все трое вокруг нас — смотрят, как мы обжираемся, будто впервые видят. Это просто повод — лишний раз попить чаю.

Снова фольклор, шуточки-прибауточки. Настроение у всех отличное. Это, между прочим, нормальное состояние в поле. Человек, который в тайге хмурится и молчит — такой человек нездоров. На «моральной» почве это бывает редко, но и это, в общем-то, надо в себе подавлять — правило общежития.

...И вот они, степени прекрасного: хорошо было в маршруте, еще лучше — обедать, но и вовсе замечательно — теперь залезть в мешок, и не заснуть, а как бы нырнуть в сон, нырнуть с закрытыми глазами, с идиотской улыбкой счастья на лице.

* * *

Утро дальнего маршрута[15]

Мише Еремкину, верному коллектору,
впоследствии меня предавшему

Палатки полу отшвырну,
Пьянящих запахов вдохну,
В бурлящий перекат нырну —
Плашмя скользну, почти по дну.

Сверкает солнце на росе,
Свежо на галечной косе:
Длинна еще обрыва тень...
Уходим мы! На полный день.

---

[15] **Опубликовано в книге «Прервана точкой строка: Литературно-художественный сборник. — Сыктывкар: Народный дом, 1997. С. 26—27.**

Перепечатано в книге: *Юдович Я. Э.* Записки геохимика. — Сыктывкар: Геопринт, 2007, с. 76.

В воде лежат два молотка[16].
Циклон ушел, река мелка.
— Старик! Размяк у костерка? —
Дорога нынче далека!

...
Привычна тяжесть рюкзака,
Удобна ручка молотка.
Ах, как жемчужны облака!
Как неба бездна глубока!

Пошли... Задвигался маршрут.
Портянки чистые — не трут,
Ремень ружья плечо не жмет,
Душа живет и счастья ждет.

Река Харута (Лемвинская),
август, 1981 г.

* * *

Спасение на водах[17]

(три эпизода из жизни геолога)

Предисловие: зависть как двигатель искусства

*В нашем **Вестнике** один за другим стали появляться замечательные автобиографические «Эпизоды» Юрия Андреевича Ткачева. Я был их первым читателем и сразу понял, что нашим стажированным писателям впору складывать свои перья — до Ткачева им далеко! Ибо ему удалось придать интереснейшему, познавательно-полезному содержанию — художественную, а местами даже лиричную форму.*

То, что Ю. А. неправдоподобно умный — это общеизвестно.

Достаточно сказать, что, когда Юшкин учредил в Сыктывкарском университете кафедру геологии, Ткачев стал читать: геодезию, геоинформатику, экономику геологоразведочного производства. Но если бы ему дали такую возможность, он спокойно (так сказать, не отходя от кассы) прочитал бы еще курсы (в алфавитном порядке): астрономии, географии, геологоразведки, геоморфологии, геохимии вообще и геохимии углей в частности, математической статистики и теории вероятностей, метрологии, политэкономии, правовых основ недропользования, тектоники вообще и тектоники плит в частности, теории эксперимента, четвертичной геологии, экспериментальной седиментологии.

Кроме того, он мог бы прочитать спецкурс «Ошибка Карла Маркса», в котором бы рассказывал студентам о роковом заблуждении вышеназванного в его теории стоимости, которое имело столь далеко идущие последствия.

И вот, в довершение ко всему перечисленному — он оказался еще и беллетристом! Не слишком ли много для одного завлаба?! «Нет, никогда я зависти не знал» — как отметил в свое время старик Сальери. Но, спрашивается (как отметил тот же источник): «где справедливость»: почему одним дано всё, а другим — кукиш с маслом?

И вот — я стал жутко завидовать Ткачеву.

---

[16] Геологи обычно на ночь опускают в воду головку деревянной ручки молотка.

[17] **Впервые опубликовано в «Вестнике Института геологии», 2000, август, № 8 (68). С. 22—24.**
Частично перепечатано в книге: *Юдович Я. Э.* Записки геохимика. — Сыктывкар: Геопринт, 2007, с. 110, 143—145.

Проще всего было бы его отравить (проверенный способ). Но я гуманно подумал, что у Ткачева на шее большая семья, которая лишится кормильца. Кроме того, могут возникнуть осложнения с его дочерью, у которой мне иной раз приходится принимать зачеты (кровная месть и всё такое).

Не найдя ничего подходящего, я решил, по примеру Ю. А. Ткачева, удариться в воспоминания. Ибо и мне есть, что вспомнить — ведь не один же Ткачев в молодости занимался геохимией углей!

Я вырос в живописнейших местах южного Подмосковья — там, где речка Северка (приток Оки) с плоской залесенной равнины вдруг попадает как бы в известняковые «горы», а потом снова выходит на равнину, уже луговую.

В полутора километрах от нашего дома в лесу была старая каменоломня, где я в первом классе нашел белый кружевной обломок «окаменелого дерева». Ни моя учительница (недавняя зенитчица — дело происходило в военном 1944 году!), ни кто другой в школе не подозревали, что это на самом деле — кусок колониального коралла среднекаменноугольного возраста. Только 11 лет спустя, сдав на первом курсе геолфака МГУ зачет по палеонтологии и ставши вследствие этого необыкновенно мудрым — я, заехав домой после практики, с важностью объяснил друзьям детства, что в нашей каменоломне, кроме ежевики, оказывается, в изобилии водятся кораллы, брахиоподы, морские лилии и морские ежи...

Впрочем, это всё, так сказать, бентос. А тема этих записок — нектон, ибо я в этой самой Северке очень рано выучился плавать.

У моей матери был старинный знакомый — московский инженер Николай Андреевич Барбинов. Это реальный исторический персонаж повести Алексея Толстого «Хлеб» (писатель только слегка изменил его фамилию). Еще с Гражданской войны он был приятелем Клима Ворошилова и вдобавок не состоял в партии. Эти два обстоятельства, по-видимому, спасли ему жизнь в 1937—38 гг., когда героев Гражданской войны сажали тысячами[18]. Когда я был еще мал, он как-то отдыхал у нас на природе — и вот он-то и научил меня держаться на воде. Я запомнил его главное наставление: «Не суетись!»

Вскоре я достал брошюрку тренера, многократного чемпиона СССР по плаванию Мешкова и по приведенным в ней картинкам научился плавать брассом. Кроль у меня получался хуже, но кое-как я овладел и этим стилем.

После этого я стал алкать славы. Я собирал небольшую компанию восхищенных девчонок и доверял им Высокую Честь — нести мою одежонку по берегу Северки, сопровождая мой рекордный заплыв. Я приказывал им засечь время и кидался в реку. Наивысшим моим достижением было что-то около 2 км — до плотины в соседней деревне. Это были настоящие геракловы подвиги, потому что из воды я вылезал уже совершенно посиневшим. Дело в том, что вода в нашей Северке даже жарким летом была ледяная на глубине уже 0.5 м — как раз потому, что речка в основном питалась ключами из тех самых среднекарбоновых известняков!

Умение плавать и нырять в дальнейшем мне пригодились.

Эпизод 1: тогунки в награду за подвиг

Лето-1960 было моим первым профессиональным сезоном в качестве начальника геологического отряда в Тематической экспедиции Якутского геологоуправления. Весь персонал моего отряда состоял из одного студента (родом из поселка Сангар на Лене). Мы должны были с ним за одно лето объехать все (кроме южноякутских) угольные месторождения Якутии и опробовать их на предмет обнаружения германия и *«других полупроводниковых элементов»* (как загадочно было записано в названии моей темы).

Для достижения этой амбициозной цели мы были во всеоружии: располагали кайлом и лопатой, с помощью которых раскапывали обнажения и брали бороздовые пробы, а также брезентом, на который насыпали уголь для последующего квартования. Для передвижения по Вилюю, Мархе и Алдану мы нанимали (точнее — покупали) у местных жителей лодку и передвигались: вверх — бечевой, вниз — на веслах.

[18] Когда я вырос, я расспрашивал его о Ленине. Он рассказал, как они привезли Ильичу с Дона гостинец — несколько белых булок. Ленин (несомненно, ужасно голодный) при них распорядился передать булки в детдом. Так что эта история не выдумана — она была на самом деле.

Как-то раз мы причалили на берегу Вилюя, поставили палатку и собрались было в маршрут, как вдруг налетела буря: завыл ветер и захлестал дождь. Мы со студентом проворно заползли в палатку, успев обменяться соображением о том, что маршрут — это, конечно, хорошо, но незапланированный выходной — это еще лучше... Студент мгновенно уснул (он мог это делать в любое время суток и без всякого ограничения), а я вытащил книжку Ботвинкиной «Слоистость осадочных пород», в надежде тихо позаниматься.

Однако вскоре послышались какие-то крики и лошадиный топот. Я выполз наружу и увидел, что лиственницы сгибаются под ветром до земли, Вилюй совершенно почернел, по нему бегут огромные волны, а по берегу в панике мечутся на конях двое якутов-сенокосчиков: оказывается, у них оторвалась лодка, которую теперь стремительно уносило. Как раз в этот момент лодка, захлестываемая волнами, уже метрах в 70 от берега (Вилюй — река широкая!) шкандыляла на траверзе нашей палатки.

Побуждаемый героическими чувствами, я кинулся вниз по берегу, чтобы опередить лодку, прыгнул в воду и поплыл наперерез, стараясь по возможности не смотреть на осыпающиеся надо мною пенные гребни беснующейся, так сказать, стихии. В 23 года человек может себе позволить быть таким дураком — а когда же еще? Я успел поймать лодку, а так как залезть в нее у меня уже не было сил, то я стал толкать ее перед собой к берегу, и вскоре операция успешно завершилась, к восторгу и ликованию мужиков-сенокосчиков.

Лязгая зубами, я залез в спальный мешок в надежде согреться (ливень не утихал, о костре не было и речи), но вскоре опять послышались голоса и конский топот. Оказывается, мне прислали награду: ведро горячей ухи из тогунков! Тогунок — это такая небольшая жирная рыбка, вроде кильки, которая, как будто, водится только здесь. Она так нежна, что ее не чистят — едят целиком. Знатоки сказывали, что соленые тогунки — это лучшая в мире закусь, но будучи позорно безалкоголен, я не мог этого оценить по достоинству.

Зато уху мы оценили (студент тотчас проснулся, ибо есть он также мог в любое время суток и также без ограничения). Хотите верьте, хотите нет — но полное ведро ухи, в которой ложка стояла, — мы сожрали вдвоем за один прием. Я готов присягнуть: с тех пор ничего вкуснее я не ел никогда.

Эпизод 2: не профессиональный, но романтический

Лето-1962 в Приверхоянье у меня не получилось: отработав меньше месяца в геологосъмочной партии, я занозил ладонь, копая шурф. Домашние средства (раскаленная игла и проч.) не помогли, ладонь стала нарывать. Я уже не мог спать, не то что работать.

Начальник дал мне рабочего и отправил в ближайший поселок Сангар на Лене, до которого было два дня ходу. Там фельдшерица сделала мне операцию, страшно возмущаясь тем, что я скрипел зубами. (*«Не скрипи! Матери меня как хочешь, но только не скрипи!!»*. К сожалению, материть женщин я так и не выучился). Потом велела пошевелить пальцами и с удовлетворением заметила, что слава богу, жилу не задела...

В результате инвалидности я оказался в середине сезона в Якутске, когда все хорошие мальчики и девочки были там, где им и положено — в поле. Время тянулось тоскливо; я был чуть ли не один во всей камералке. Наконец, лето прошло, наступил октябрь, народ стал возвращаться с полей. И тут мой шахматный друг, геофизик Юра Шасткевич, упал мне в ноги, умоляя — поехать с ним в Сочи, куда его срочно вызывала внезапно заболевшая там жена. Он объяснил мне, что в существующем на тот момент состоянии семейной жизни — он очень не хочет оказаться в Сочи один-на-один со своей женою.

Ехать я совсем не хотел, но отказать другу не мог.

В первый же день, на берегу мрачного Черного моря, по которому ходили штормовые валы, я услышал откуда-то из пустынных волнующихся пространств за пирсом крики «Тону!». Как и подобает славному покорителю Северки и Вилюя, я кинулся в море и не без труда обнаружил метрах в 100 от берега дамочку, которая то ли в самом деле тонула, то ли просто испугалась, когда ее накрыло волной.

Завидев меня, дамочка мигом успокоилась, и мне не пришлось даже применять патентованные приемы спасения утопающих — она, как выяснилось, вполне могла плыть самостоятель-

но. Мне оставалось лишь вытолкнуть её на пирс — это потребовало усилий, потому что штормовые волны не давали выйти на берег.

Но тогда началось нечто ужасное: её-то я вытолкнул, но сам вылезти уже никак не мог, как ни пытался! Как только я вставал на ноги, налетала волна, опрокидывала меня и утаскивала обратно в море. Оказалось, что море — это вам не речка Северка, не Ока, не Поной (на Кольском полуострове), не Вилюй и даже не Лена — тут нужны навыки, которых у меня не было. Я уже было совсем ослабел в напрасной борьбе с волнами, когда кто-то из торчащих на берегу зевак догадался кликнуть спасателя. Прибежал парень, бросил мне конец и помог выбраться на пирс.

И тут я увидел на берегу свою дамочку. Она была занята бурным объяснением с мужем (который, как выяснилось, всё то время, пока она как бы тонула, находился на берегу!!) — а на меня даже не взглянула...

Эпизод 3: на дне Лембы

Лето-1982 началось как нельзя лучше! Я еще в городе мудро разделил полевое барахло на две кучки: большую и малую. Все места из малой кучки были помечены очень заметными красными лоскутками, ибо я знал, что размышлять при посадке будет некогда. Малая кучка предназначалась для выкидного маршрута в верховья Лембы, а большая — для базы в 20 км ниже, в устье Б.Надоты. Таким образом я одним вертолетным рейсом делал сразу две заброски: сперва выкидывал на базу свой отряд и основную кучу барахла, а потом (оставив в кабине только пять тючков с красными лоскутками!) летел дальше под Тисва-из, и там с коллектором Мишей Еремкиным десантировался сам, с запасом продуктов на неделю и двумя резиновыми лодками.

Всё прошло как по-писаному. Вдобавок у нас был «Карат», и мы связались со своими уже в первый же вечер.

И начался чудный лодочный маршрут. Мы ставили лагерь так, чтобы ходить было поближе, работали, потом сплавлялись, снова ставили лагерь и т. д.

Каждый вечер с базы приходили оптимистичные радиограммы: *«Проходка отличная!»*. Я знал, что эфир прослушивается и поэтому строго-настрого запретил персоналу передавать бытовую информацию открытым текстом. Для этой цели мной был разработан специальный код; данная радиограмма означала, что рыбалка у них там идет как нельзя лучше...

Однако по мере того, как мы приближались к базе, всё больше росло мое недоумение! Дело в том, что Витя Пучков давно предупредил меня о том, что Верхняя Лемва — река опасная. Кто-то из геологов там некогда утонул, а потом и сам Витя (с другим, молодым Витей — Юдиным) — тоже почти утонул... А Юдину запомнилась такая деталь кораблекрушения: Пучков плавает около перевернутой лодки и тщетно ищет свои очки...

Настороженный этими рассказами, я представлял себе что-нибудь вроде грозных «Яшмовых скал» на Каре — какого-нибудь там каньона с отвесными стенками, с ревущим длинным перекатом, а ниже переката мощная струя косо бьет в берег, и лодка, подпрыгивая на волнах, несется с бешеной скоростью на скалы...

Между тем, мы потихоньку сплывали себе уже пятый день, а ничего похожего на «опасную реку» не было и в помине.

Чудесная погода начала июля. Мирная, уютная речка с ивами по берегам, с невысокими, легко доступными обнажениями, тихие плесы, безобидные песчаные перекаты. Правда, полно островов и проток, но ведь струя сама вынесет на фарватер, беспокоиться не о чем.

Так что маршрут наш катится к концу как по маслу, и на базе, поди, в ожидании нас уже оладушки пекут.

...Это случилось, когда до базы оставалось плыть, наверное, меньше часа.

Я загорал на первой лодке, Миша держался метрах в 100 позади.

Внезапно на стремительном перекате узкую протоку перегородила толстая ветка — прямо перед моими глазами. Глупо-инстинктивно (вместо того, чтобы нагнуться!) — я схватился за неё.

Меня, как из пушки, выбросило из лодки, и я мгновенно оказался под водой.

Еще ничего не поняв, я отчаянно барахтался, пытаясь выбраться на поверхность. Однако выбраться не могу — меня что-то держит! Я делаю рывок, второй, третий — тщетно.

Прошла, вероятно, минута; я продолжал безуспешно трепыхаться и, наконец, понял, что я сейчас захлебнусь — воздуха уже не хватит.

Мне стало очевидно, что пришла моя смерть.

Я торжественно свидетельствую, что в этот ответственный момент (вопреки тому, что пишут в книжках) *«вся жизнь перед моими глазами»* отнюдь не пролетала. В голове сидела одна-единственная мысль, и я её прекрасно помню: *«Боже ты мой, погибнуть так глупо!!»*.

И тогда ко мне вернулся разум: я сообразил, что мои ноги в бродняx попали в ловушку между коряг. Я нырнул вниз (а не вверх!) и безо всякого труда освободившись, всплыл на поверхность.

Дальнейшее происходило как во сне — в полном молчании. Словно сомнамбула, я побрел обратно по берегу острова — за своим веслом, которое выбросило на берег. Подобрал и потащился вниз — там метрах в 100 на песчаной косе я обнаружил Мишу Еремкина с двумя лодками. Лицо у него было совершенно белым, а взгляд — безумным.

Дар речи вернулся к нам обоим не сразу.

И тогда Миша рассказал, что он пережил за эти несколько минут.

Он всё время видит мою спину впереди. — Вдруг я внезапно исчезаю! — Моя лодка несется без пассажира! — Он наплывает, успевает обогнуть ветку. — На плесе ловит мою лодку и оглядывается: меня нет!! — Он причаливает к косе. — Меня нет...

Да, Мише не позавидуешь: ведь ему предстояли бесконечные объяснения о том, как и при каких обстоятельствах он утопил начальника.

Из жизненного опыта надлежит извлекать какую-нибудь полезную мораль.

Мораль рассказанных эпизодов, по всей видимости, такова: кому суждено быть повешенным, тот не утонет.

* * *

Трансформисты и магматисты[19]

Стремительная историческая пиеса в нескольких действиях

Действующие лица

Шкрезило — директор института, вождь магматистов. Лет под 50, цветущий мужчина.

Белка Соловьева, его секретарша. Ранее училась в МГУ вместе с Яркиндом.

***Яркинд*, молодой специалист, трансформист. Необычайно рыжий парниша.**

Дубик, глава трансформистов. Длинный, тощий, лет 30. Яркие носочки, пиджак в крупную клетку, галстук с обезьянами, бородка.

Троше, Киркинский и др. — магматисты, сотрудники Института Шкрезило.

Рябчиков, как будто трансформист. Хорошо знает физхимию и английский язык. Во время действия пьет чай и молчит. Влюблен в проф. Д. Рейнолдс.

***Дорис Рейнолдс*, профессор Висконсинского университета, блестящая молодая женщина, приехавшая в СССР на дискуссию по проблеме гранита. Неравнодушна к Рябчикову. По-русски говорит с акцентом.**

Пугин — человек с Луны.

Лашков — человек из Антарктиды.

Хобот — философ. Носит косоворотку, носовым платком не пользуется.

Денисов — сумасшедший.

Участники дискуссии — научные работники, как свои, так и зарубежные гости.

Действие происходит в 1959 г.

---

[19] **Опубликовано в книге: «Был у меня хороший друг: Литературный альманах». — Сыктывкар: Геопринт, 2004. С. 168—189.**

Перепечатано в «Уральском геологическом журнале», 2008, №6 (66), с. 98—109.

Действие первое

В кабинете Шкрезило. Посредине динный стол под зеленым сукном. Человек десять магматистов, сотрудников института, расселись по стульям у стен.

Из дверцы в стене входит Шкрезило.

Шкрезило: Магма есть?

Все (*встают)*: Есть, есть!

Шкрезило: Прошу садиться. Я пригласил вас, дорогие коллеги, чтобы объявить пренеприятное известие...

1-й магматист: К нам едет ревизор?

Шкрезило *(угрюмо)*: Вы бы воздержались от своих шуточек, коллега. Сейчас вам будет не до шуток.

Все в сборе?

Звонит в колокольчик. Входит Белка Соловьева.

— Вы всех оповестили?

Белка. Да. Но Пополитау в больнице, а Юлиан Павлович отправился навестить его. Он предупредил, что опоздает...

Распахивается дверь и входит заплаканный Троше.

Троше. Коллеги! Он... он... скончался[20] (плачет). Эдуард Иванович в последние минуты велел передать, что он умирает с твердым убеждением, что магма существует...

Все *(перебивая друг друга)*. Какой героизм!... Он жил для науки... С женой они, батенька, давно уж не жили!... Пример для молодежи... Ужас, ужас... А я говорил ему — с радиоактивностью шутки плохи!... Вот вам и вакансийка старшего!... Какая потеря... А мне, между прочим, десять червонцев покойничек задолжал... Лаборатория осиротеет...

Шкрезило. Почтим светлую память нашего героического Эдуарда Ивановича — 18-секундным молчанием.

Все встают и молчат. Белка подкрашивает губы.

Шкрезило (смотрит на секундомер). Прошу садиться. *(Белке)*. — Вы можете идти. Позвоните насчет мемориальной доски. Коллеги! Пусть светлая память об Эдуарде Ивановиче придаст всем нам мужества в тяжких испытаниях, которые предстоят в недалеком будущем.

Все со страхом ждут.

Вчера, в 19 часов по московскому времени, мне был вручен запечатанный сургучом пакет из Америки. Печать принадлежит архивариусу Карнеджи-Института, где трудился Великий Н. Л. Боуэн *(при упоминании этого имени все встают)*.

Справа вверху на пакете значилось: *«Заказная бандероль, ценная 10 000 долларов, Б. У. Шкрезило, директору, строго приватно»*.

При вскрытии пакета в нем оказалось частное письмо Великого Н. Л. Боуэна (*все встают*), адресованное его супруге.

Коллеги! В этом письме содержатся удручающие сведения относительно проблемы гранита. Всем нам необходимо ясно представить, что сложившаяся обстановка потребует готовности принести новые жертвы, и я не хотел бы скрывать...

1-й магматист *(истерично)*: Да читайте же, не томите!

Все *(хором)*: Читайте, читайте!

---

[20] Когда эта веселая пьеска сочинялась на лекциях по геохимии в 1959 году, кто мог бы подумать, что она окажется пророческой? Ибо Эдик Пополитов действительно рано умер в Иркутске в расцвете лет (6 июня 1981 года), и Юля Трошин действительно был там его ближайшим другом (и переживает потерю до сих пор). — *Примечание-2002.*

Шкрезило (достает из сейфа машинописный лист, отпечатанный через два интервала).

Вот это письмо. Оно написано по-английски. Не поручусь за точность передачи стиля, но точность смысла гарантирую.

«Дорогая Элизабет! Ты знаешь, я всегда оставался верен тебе. Только ты и наука — вот те два увлечения, которые я пронес через всю свою жизнь. Я никогда не имел обыкновения что-либо скрывать от тебя, дорогая. Но сейчас, когда дни мои сочтены, я не могу себе позволить роскошь сойти в могилу без единого пятна в своей биографии.

Хотя ты никогда не проявляла ни малейшего интереса к диаграммам четверных систем в проекции на плоскость, ты несомненно слышала от многих друзей нашего дома, что я внес выдающийся вклад в петрологию своей теорией кристаллизационной дифференциации. Не имея целью втягивать тебя в длинную и запутанную дискуссию, поясню лишь, что согласно моей концепции (которая хотя и пользуется в последнее время сомнительной репутацией, все же имеет значительное число приверженцев-магматистов), из исходной полужидкой кашеобразной магмы, нагретой гораздо более, чем ты могла бы, например, подогреть рождественскую индейку на газовой плите, — путем последовательной фракционной кристаллизации получается целая серия горных пород, начиная от бедного кремнеземом перидотита и кончая этим злосчастным гранитом, содержащим избыток кремнекислоты.

Однако экспериментально — и вот именно это обстоятельство гнетет меня уже много лет — экспериментально мне ни разу не удалось получить из исходного расплава гранита как такового! У меня всегда получалась порода промежуточного характера — вроде гранодиорита.

Когда я впервые начал свои эксперименты (а мне было тогда всего 22 года) — я принял эту породу за гранит, что было вполне извинительно, учитывая мой маленький опыт и большой энтузиазм. Но я совершил роковую ошибку, тотчас послав статью в «Нэйчур».

Работа вызвала настоящую сенсацию в ученом мире! Все наперебой поздравляли меня; солидные ученые называли меня своими учениками; я был избран действительным членом Королевского общества Великобритании и почетным членом еще пяти национальных академий...

Повторяю — я был молод, опьянен успхом и счастьем — ведь именно в ту весну я сделал тебе предложение!

Только значительно позже мною была установлена ошибка, но результаты моих работ считались уже аксиомами, и сотни последователей во всем мире развивали мои идеи. И я не нашел в себе сил выступить с саморазоблачением...

Сказать по правде, моя дорогая, наука не так уж много потеряла от этого. Ведь моя теория, хоть и не вполне правильная, дала мощный импульс поискам и стимулировала многие большие умы к тщательному исследованию.

Однако сам я все эти 40 лет не знаю покоя, и весь шум вокруг моей теории, и славу, и почести — воспринимаю как подлинное наказание Божие.

Что же сказать о самом граните? В результате долгих размышлений я пришел, дорогая, к тому, что гранит как таковой, не имеет с магмой ничего общего».

Троше медленно сползает со стула и грохается об пол.
Все вскакивают, толкутся, шумят, крики «Воды!»

Вбегает Белка Соловьева, за ней два санитара с носилками. Троше укладывают на носилки. Белка плескает ему водой в лицо из стакана; его уносят. Все в беспорядке устремляются за ним.

Шкрезило (вполголоса Белке): Гипертоники паршивые... Кретиноиды... даже до конца не дослушали. Ну, народ...

Запирает письмо в сейф. Кричит вслед уходящим:

— Коллеги! Продолжим чтение в четверг, на дискуссии!
(Белке). А вы проследите, чтоб все были.

Уходит.

Белка остается в кабинете одна. Садится на стол.

Эти стариканы все о магме. Один только и есть мужчина — Шкрезило. Но он, скотина, директор — бережет репутацию. Приглашает на дачку. А если я не хочу на дачку?! А если сердце мое застывает, словно эвтектика?! Любовь? Ха! Про неё только в книжках пишут. В дурацких. Все лгуны и психи. Никакой любви нет. Так же как и магмы! Вот эти — носятся со своей магмой всю жизнь. И студентам голову морочат. А кто из них эту магму хоть раз видел? Никто! Один сболтнул спьяну, а другие повторяют... К черту магму! Провалитесь вы все со своими летучими компонентами. Не желаю диссоциации, сольватации, ликвации, дегидратации, эвапорации (*всхлипывает*). Проклятые четверные системы! Котектики! Фигуративные точки! Неужели нормальные люди могут всем этим заниматься всерьез?! Не желаю никакого метасомато-о-за (*рыдает*). Сил моих нету терпеть... Рыженький мой... конопатенький...

Вынимает фотографию Яркинда и долго смотрит на нее.

Конец 1-го действия.

Действие второе

Приемная перед кабинетом Шкрезило. В центре стол с телефонами и пишущей машинкой, за ним сидит Белка. Слева дверь с табличкой: *«Б. У. Шкрезило. До 14 часов не беспокоить»*. Справа дверь в коридор Института. Оттуда появляется необычайно рыжий Яркинд. Увидев его, Белка радостно подымается, сияя улыбкой. Яркинд озирается вокруг на богатую обстановку, шаркает подошвами сапог по ковру.

Яркинд: Так...так, значит... Выходит дело, ты тут работаешь. Нд-да...А я вот... К вам на работу устраиваюсь.

Белка: К нам? На работу? Вот молодец!...

Яркинд: Главный ваш у себя?

Белка: У себя. Ты посиди, Игоречек. Он скоро освободится.

Яркинд садится и смотрит в пол. Ему явно не по себе.

Белка: Игорь... ты знаешь... Я тебе хочу что-то сказать...

Яркинд *(мрачно)*: Знаю.

Белка: Знаешь... И что же?

Яркинд *(вызывающе)*: Ничего. Я сознательно иду на это.

Белка *(оскорбленно)*: Сознательно? Вот оно что. Ты приносишь себя в жертву, что ли?

Яркинд: Приношу! Ты-то хоть можешь меня понять? Я абсолютно убежден, что магмы не существует!

Белка *(облегченно)*: Ну и что? Я хотела тебе сказать не это...

Яркинд: Это я тоже знаю. В этом трагедия моей жизни!!

Белка *(сбитая с толку)*: Почему же трагедия? Разве мы не можем быть счастливы?...

Яркинд *(передразнивает)*: Счастливы! Сказанула! Как думаешь, может быть счастлив разведчик?

Белка: Какой еще разведчик? Что ты несешь? *(Убежденно)*. К тому же все геологоразведчики очень даже неплохо живут. Особенно если коэффициент 1.8. Хочешь, уедем в Магадан?

Яркинд *(кричит):* Я не геолого-, я просто!

Белка: Тише! Сумасшедший! Кто же тебя завербовал, дурачок?

Яркинд *(снисходительно)*: Всегда ты, Белка, была тупая. Я сам себя завербовал.

Белка: А-а... кажется, усекаю... Тебя послал Дубик, чтобы...

Яркинд: Тс-сс...

Открывается дверь в кабинет Шкрезило и оттуда выходит магматист.

Шкрезило (из кабинета): Проходите.

В кабинете Шкрезило.

— Проходите, садитесь, пожалуйста. Магма есть?

Яркинд: Чего?

Шкрезило: Магма есть?

Яркинд (с отвращением): Мы этого не проходили. Может и есть...

Шкрезило: Так у нас дело не пойдет, молодой человек! На вопрос «Магма есть?» у нас в институте положено отвечать четко, без разных интеллигентских экивоков: «Есть!». А чтобы не быть голословным, принято повторять еще раз «Есть!». Уловили? Итак: магма есть?

Яркинд: Есть, есть...

Шкрезило: Вот и чудесненько. Ну-с, Игорь Иванович. Я смотрел Ваше личное дело. У Вас как будто нет трудового стажа?

Яркинд: Как же нет? Есть. Я дояром работал после семилетки.

Шкрезило: Кем?

Яркинд: Ну, дояром. Это как бы доярка, но только мужчина.

Шкрезило: Чудесно. Значит, вам и жизнь в деревне знакома. Нам нужны такие люди. (Доверительно). Между нами, Игорь Иванович: все трансформисты — гнилая интеллигенция. Спросите любого, что такое фуражная корова, а? *(Хохочет)*.

Яркинд молчит.

Да-с. Кстати. Кто вам читал петрографию?

Яркинд: Дубик.

Шкрезило: Вот как? И вы что-нибудь усвоили?

Яркинд: Вообще-то... Ну, кое-что, может, усвоил...

Шкрезило: И это «кое-что», вам тоже, товарищ Яркинд, придется забыть как можно скорей. Все, что читает студентам негодяй Дубик, это, я извиняюсь, брэд ов сив кэбл, что в переводе с английского означает примерно «бред сивой кобылы». Придется начать с классиков (снимает с полки том). Вот — «Эволюция изверженных пород» Великого Боуэна. Три-четыре страницы утром, две-три страницы вечером. Главное — принимать ежедневно. Пропускать недопустимо. Кстати, я сейчас сказал «Великого Боуэна». А вы что должны сделать?

Яркинд (тупо):Что я должен сделать?

Шкрезило: Вы должны встать. Так у нас принято. Давайте потренируемся. Великого Боуэна *(Яркинд встает)*. Хорошо. Садитесь. Великий Боуэн *(Яркинд встает)*. Садитесь. У Великого Боуэна *(Яркинд встает)*. Очень хорошо. Садитесь, пожалуйста.

Ну, ладно. Для начала вы назначаетесь лаборантом в отдел Юлиана Павловича Троше.

Яркинд: Разве он жив? Я понял так, что он жил в прошлом веке.

Шкрезило: Правильно поняли: жил. И в нынешнем веке живет. Я думаю, что он еще нас с вами переживет.

До свидания.

Яркинд: Досвиданье.

Уходит.

Шкрезило звонит. Входит Белка.

Шкрезило: Вы его знаете?

Белка: Да.

Шкрезило: Откуда?

Белка: Учились вместе.

Шкрезило: Гм... Как его настоящая фамилия? *(Белка молчит)*.

Ваше молчание ему пользы не принесет.

Белка: Яркин.

Шкрезило: Что побудило его сменить фамилию?

Белка: Почем я знаю? Стеснялся, наверное.

Шкрезило: Чего же ему было стесняться?

Белка: Дурачок, конечно. Дразнили его ребята. У нас курс был — не приведи господи. Всё профессорские детки. Увидят его в читалке и кричат: «Ярочка!». И блеют: бе-е-е...

Шкрезило: Ну, ясно.

Всё на сегодня. Не забудьте насчет четверга.

Конец 2-го действия

Действие третье

Вечеринка у Дубика.

Человек 10 трансформистов расселись в небольшой комнате. Среди них Дорис Рейнолдс — очень красивая женщина лет 30, профессор Висконсинского университета. Она приехала на дискуссию по проблеме гранита.

Справа в углу сидит И. Д. Рябчиков и пьет чай.

Дубик показывает гостье коллекцию абстрактных картинок.

1-й трансформист *(Дубику):* Юра, как думаешь, можно мне задать вопрос госпоже Рейнолдс?

Рейнолдс: Отчего же неможно? Валяйте! Я хорошо понимал по-русски. *(Рябчикову)* Не так ли, darling?

Рябчиков *(пьет чай):* Угу.

1-й трансформист: Мисс Рейнолдс! Мы все конечно понимаем, что магмы нет. Но магматисты утверждают, что она наоборот — имеет место. Как быть?

2-й трансформист: Я могу ответить! Пиши в «Комсомольскую правду»: «Дорогая редакция! Магма есть, но я её не люблю. Как быть?» *(Общий хохот).*

Рейнолдс: Хорошо сказано. А если говорить серьезно — то зачем гранит образует 98 персент изверженных породов? И всего несколько персент излившихся породов? Пусть ваши уважаемые оппоненты-магматисты объяснят этот факт.

Все (кроме Рябчикова). Браво, браво! (аплодируют).

Рейнолдс: Джентлмен, зачем столь многий эмоций? Я этого не заслужил. Добавлю, отвечая тот джентлмен, что если гранитный магма имел место, зачем он в 98 случай из сто не выходит наружу, но образовать интрузив? Концепия магма не может иметь быть принята без противоречие.

Дубик: А как быть с полезными ископаемыми, мисс Рейнолдс? Магматисты упрекают нас в том, что наша теория ничего не дает для поисков.

Рейнолдс: Мистер Дубик! Я есть поражен постановка вопроса! У нас на поиски заняты специальный people. Тысяча чертей! И этот people получает за это деньги! Зачем же тут проблем гранит? Это не есть чистый наука!

Распахивается дверь, и врывается Яркинд. Он очень возбужден.

Яркинд: Коллеги, я узнал тайну!

Рейнолдс *(в сторону, по-английски):* Боже мой, какой он рыжий...

Дубик: Ребята, это один из моих бывших студентов. Малый с головой, между прочим. *(Яркинду).* Проходи, садись. *(Рейнолдс).* Зыс из май студент.

Рейнолдс: О, мистер Дубик. Я все понял. *(Яркинду).* Какой у вас есть тайна, юный джентльмен?

1-й трансформист: Это, дружище, профессор Рейнолдс из Висконсинского университета.

Яркинд *(изумлен):* Д. Рейнолдс?

Рейнолдс: Юный джентлмен имеет железная хватка.

Яркинд *(к Рейнолдс):* Я думал, Вы мужчина...

2-й трансформист: Не ты один...

Яркинд: Какая Вы красивая... И у Вас есть любовник?

Рейнолдс: О, конечно. Всякий порядочный женщина должен иметь любовник. *(Около головы Яркинда разбивается стакан, пущенный Рябчиковым. Тот наливает второй стакан и продолжает пить чай).* Вон тот джентлмен в углу, который совершил сейчас досадный промах, есть мой любовник.

Дубик: Когда мы услышим насчет тайны?

1-й трансформист: Ты что, парень? Пришел сюда говорить пошлый вздор нашим зарубежным гостям?

2-й трансформист: Я лично пока не слышал от тебя ни одного умного слова!

3-й трансформист: Я в твои годы уже успел отбыть заключение!

Яркинд *(совершенно уничтожен):* Я... Я поступил на работу в институт Шкрезило...

Возгласы негодования.

Дубик: Спокойно, мальчики, это я ему велел. Ну и что же дальше?

Яркинд: У меня там знакомая...

1-й трансформист: У малого какое-то недержание речи. Где же тайна?

Рейнолдс: Джентлмен, дайте ему говорить. Может быть, это и есть тайна?

Яркинд: Нет... То есть да... С одной стороны. И вообще Шкрезило получил частное письмо Боуэна, в котором сообщается, что магмы нет!

Общий шум, смех, голоса: Мальчишка! Мы это и без Боуэна знаем... и т. д.

Рейнолдс: Джентлмен, я есть поражен ваше легмыслие! Я слишком хорошо знал старик Норман, чтобы поверить, что все это есть столь безобидно. *(Яркинду).* И это есть все, что имеется в письмо?

Яркинд: Нет. Третью страницу Шкрезило унес с собой, и ее в сейфе не оказалось.

Дубик: В сейфе? Да ты просто молоток, парень! Возьми вот эту картинку в подарок от меня.

Снимает со стены абстрактную картинку и ставит автограф.

Рейнолдс: Джентлмен, ставлю 100 галлон пиво против дохлый кошка, что на третий лист имеет быть самый интересный информация!

Дубик: Узнай, что на третьей странице, и твое имя будет на скрижалях!

1-й трансформист: Тогда можешь ко мне в аспирантуру — без экзаменов.

2-й трансформист: Или рули ко мне — зав. отделом кадров.

Яркинд *(важно):* Это неплохо. Но мне больше нравится, чтобы мое имя... это... наскрежетали.

Собирается уходить.

Рейнолдс: Одна минута! Один момент, сэр. Кто есть адресован письмо мистер Боуэн?

Яркинд: Его жене, Элизабет.

Рейнолдс: Сэнк ю, мистер Яркинд.

Дубик: Ну что ж, коллеги! Завтра дискуссия. Надо бы повторить кое-что из петрографии.

Провожает всех до дверей. Рябчиков подает Рейнолдс пальто. Они уходят вместе.

Дубик *(один):* Что же на этой третьей странице? Может, ничего особенного. Какие-нибудь прощальные поцелуи? А в рыжем я не ошибся. Шустрый малый.

Конец 3-го действия.

Действие четвертое

Сцена представляет собой большой конференц-зал. На возвышении находятся два стола: в глубине стол президиума, покрытый зеленым сукном, а перед ним — стол, покрытый линолеумом, на котором разложены образцы горных пород. При заполнении зала народ рассаживается поближе к своим: магматисты преимущественно справа, трансформисты — слева.

Сначала появляется Белка. Она пристраивается сбоку, у стола с образцами и приготовляет блокнот для стенографирования. Красит губы и пудрит круги под глазами.

Постепенно зал заполняется людьми, сначала одиночными лицами, затем из правых дверей вываливает сразу большая толпа магматистов, которые вносят на носилках Троше.

В президиуме появляется Шкрезило.

Шкрезило: Дорогие коллеги! Глубокоуважаемые дамы и господа, так сказать леди и джентльмены! Разрешите мне, по поручению Президиума Академии Наук, открыть нашу всемирно-историческую дискуссию.

Для ведения собрания... э-э-э... дискуссии необходимо избрать президиум.

(В исключительно быстром темпе). Поступило предложение избрать в президиум...

***Дубик** (с места):* Одну минуту! *(Встает).* Кто внес предложение?

***Хобот** (с места):* А тебе не все равно?

Дубик: Не тебе, а Вам, товарищ Хобот! И, стало быть, не все равно.

***Хобот** (соседке, но достаточно громко):* Ну и м**о**лодежь мы себе на смену вырастили! Нагрубить старшему — им все равно что плюнуть и растереть.

Шкрезило: Тише! Предложение о президиуме внес лично я.

Смех, шум, иронические аплодисменты слева.

Я предлагаю избрать Почетный президиум в составе: Н. Л. Боуэна, американского ученого *(магматисты встают, Троше аплодирует)*, Барбота де Марни, русского ученого, и Сергея Николаевича Бубнова, немецкого ученого.

Дубик: Предлагаю дополнительно избрать французского ученого Эли де Бомона, основоположника трансформизма, нашего великого учителя *(Трансформисты аплодируют).*

***Хобот** (соседке):* Слыхали? Нигде от жидов покою нет.

Шкрезило: Голосуем. Списком или по отдельности?

Голоса: Списком! По отдельности!

— Кто за Боуэна? Против? Воздержался? Покойный Норман Л. Боуэн *(магматисты встают)* избран в Почетный Президиум.

Шум, аплодисменты.

— Кто за Барбота де Марни? Единогласно. Кто за Бубнова? Раз, два, три... *(Белке).* Вы считайте трансформистов... Двадцать пять, тридцать. Кто против? Раз, два, три... *(Посовещавшись с Белкой).* Итак, 41 ЗА, 41 ПРОТИВ, 18 — ВОЗДЕРЖАЛИСЬ. Какие будут предложения?

Хобот: А какие тут могут быть предложения! Хватит нам немцев и без того. И Ломоносов их не любил. Предлагаю избрать в Почетный Президиум замечательного русского ученого академика Левинсон-Лессинга Франца Юльевича! Ура, товарищи!

Бурные аплодисменты.

Шкрезило: Левинсон-Лессинг избран единогласно. Теперь нам необходимо избрать рабочий президиум.

Троше: Прошу слова. Предлагаю: Шкрезило — председатель, Соловьева — секретарь.

***Шкрезило** (бесцеремонно):* Ценю ваше доверие, коллеги.

Белка молча раскланивается.

Глубокоуважаемые коллеги!

Мы собрались здесь в тот момент, когда наша любимая наука переживает небывалый творческий подъем! Всем нам, здесь присутствующим, необычайно приятно и не скажу как радостно сознавать, что наше общее дело, наше выпестованное и любимое детище, наша заботливо оберегаемая зеленая поросль — проблема происхождения гранита — за истекшие каких-то 200 лет пережила поистине стремительное развитие.

Только в руководимом мною Институте за последние годы выполнено несколько фундаментальных исследований. Это прежде всего монография коллектива авторов под руководством Б. У. Шкрезило «Гранит как горная порода», затем историко-геологическое исследование Б. У. Шкрезило и других «Псевдо-учение о гранитизации как отражение общего кризиса империализма».

В своих работах мы непрерывно поддерживаем теснейшие связи с народным хозяйством. Свидетельством этого служит монография Шкрезило Б. У., Троше Ю. П. и других: «Некоторые особенности гранита как материала для памятников деятелям Прогрессивного Человечества».

Последние дни все работники нашего института переживают небывалый патриотический подъем в связи с героическим подвигом младшего научного сотрудника Э. И. Пополитау, чья преждевременная жизнь... э-э-э... простите, кончина открыла нам новые горизонты в познании четырехкомпонентных систем в условиях проникающей радиации (Троше аплодирует).

Не хочу более задерживать вашего внимания *(принимает записку от Белки)*. Слов для доклада «Магмы и магмы» имеет В. А. Киркинский.

Киркинский: Глубокоуважаемые коллеги и другие! Нашей задачей является о том...

Шум, смех, иронические аплодисменты слева.

...нашей задачей является о том, повторяю, чтобы разъяснить некоторым, которые непонимающиеся насчет магмы, гранита и вообще. Вот. В связи с этим мне вспоминается высказывание древних римл**я**н: Panet et circensis[21], что означает «Ищите и обрящ**и**те»

Шум, хохот, аплодисменты.

Так вот и в нашей среде есть отдельные, которые ищут, но не обрящут, наряду значит с такими, которые не только ищут, но и обрящут. К последним относится наш замечательный руководитель и вождь Б. У. Шкрезило, автор настоящего доклада и некоторые другие.

Как я уже сказал выше, насчет магмы могут сомневаться только псевдо-ученые (что означает «казалось-бы-ученые-на-самом деле-нет»), которые не только магмы не знают, но и жизни в деревне не нюхали. А что до истинных так сказать ученых, то они все знают, что магма есть. И гранит произошел от этой магмы на манер яйца от курицы.

Шум, аплодисменты.

И мне довольно-таки удивительно, коллеги, что можно не понимать таких простых вещей. Я выше уже говорил о псевдоученых. Но и среди них нужно различать две группы на манер двух сторон одной и той же медали. Одни, как Дубик, чьи похождения в прошлый полевой сезон всем вам хорошо известны, и чье гнусное сообщение вы прослушаете опосля моего, и другие — честные, но обманутые.

(Обращаясь к трансформисткой галерке). Это я про вас говорю. Которые обманутые — у вас не все в жизни потеряно! Я знаю, сам был молодой и мне зачастую все новое казалось прогрессивным то есть передовым. Вот вам говорят: магмы нет. А вы спросите: что же есть? Никто не знает, в том числе и Дубик. Из этого ясно, что заместо магмы у трансформистов ничего нет. А раз заместо магмы ничего нет, то выходит дело — магма есть!

Шум слева, аплодисменты справа. Несколько студентов с галерки трансформистов переходят на правую сторону, сопровождаемые улюлюканьем и аплодисментами.

[21] Хлеба и зрелищ.

Как я уже упоминал выше в своем довольно-таки остроумном замечании насчет курицы и яйца, гранит произошел от магмы. Но в свою очередь, как следующая курица происходит от предыдущего яйца, так и некоторая часть магмы, в свою очередь, происходит от гранита!

Из этого видно, насколько наша новая теория лучше объясняет все явления природы, чем довольно-таки бредовые потуги трансформистов насчет потоков ионов, которых никто никогда не видел...

Вам скоро станет понятным скрытый смысл заголовка моего доклада «Магмы и магмы». В первой части заголовка я хотел сказать...

Сильный шум слева, крики «Время!», «Довольно!», свист и т. д.

Шкрезило: Ваше время истекло, уважаемый Виталий Алексеич.

Магматисты молчат. Рейнолдс шепчет что-то на ухо Рябчикову.
В полной тишине на трибуну поднимается Дубик. В руках у него желтая папка на молнии.

Дубик: Коллеги! В отличие от предыдущего докладчика я буду необычайно краток.

Все люди, как известно, делятся на две большие группы: догматиков и циников. Первые составляют большинство и обладают минимумом интеллектуальных возможностей *(жест вправо)*, вторые являются меньшинством, но имеют несравненно более высокую умственную и нравственную организацию.

Справа сильный шум, выкрики «К делу!»

Первым самой природой уготована жизнь, ограниченная железными рамками традиций и предрассудков, заполненная тяжелым трудом без цели и проблесков идеи, который ничего не дал бы обществу... если бы не было вторых. Циники — безо всякого преувеличения, являются цветами общества, произрастающими на почве, унавоженной догматиками.

Несколько студентов переходят справа налево.

Кое-кому все сказанное может показаться не относящимся к делу...

Справа смех, возгласы «Угадал!»

...однако это в корне ошибочное мнение. Мой предшественник, к счастью не успел закончить своего сообщения, которое я не рискую назвать «научным».

Но даже из того, что было им сказано, с очевидностью следует, что В. Киркинский является махровым догматиком, с позволения сказать, догматиком чистой воды.

Возьмем квинтэссенцию его нелепого выступления — рассуждение о яйце и курице. Здесь чудовищный догматизм, столь характерный для всех магматистов, — выступает с удручающей отчетливостью.

Свое рассуждение достопочтенный магматист Киркинский (которому давно пора бы на пенсию) начинает с того, что яйцо якобы произошло от курицы, при этом начисто игнорируя принципиально важный вопрос о генезисе самоей курицы!

Правда, в дальнейшем он был вынужден сделать неуклюжую уступку новейшим идеям и под напором неопровержимых фактов признал происхождение последующей курицы от уже имевшего место яйца; но ведь всем нам ясно, что такая уступка носит чисто формальный характер, обходя молчанием весь узел противоречий (пьет воду).

Нашими исследованиями общая проблема гранита была, для удобства рассмотрения, разделена на 18 частных проблем: 1) проблему времени, 2) проблему пространства, 3) проблему...

Сильный шум справа, свист, выкрики: «А про ионы когда?»

***Шкрезило** (сухо):* Ваше время истекло. Слово предоставляется доктору философских наук Хоботу Егор Егорычу.

***Хобот**:* Друзья мои!

Смех в зале.

Которым смешно, могут выйти в коридор. Друзья мои, мы здесь прослушали два выступления представителей нашей отстающей отрасли естественных наук — геологии. Конечно, не имея философской подкованности (особенно это касается трансформистам!), вам нелегко разобраться, что к чему

Оживление в зале.

И это совсем не удивительно, если учесть, как мало вас в вузах учили философии, и особливо — как вас мало в детстве мамка драла, хе-хе-хе. На ваше счастье есть наука из наук, для которой решить ваши вопросы — это, я извиняюсь, все равно что плюнуть и растереть.

Вот мне так просто удивительно, сколько на вас на всех денег тратит государство, и между прочим безо всякого толку. Тычетесь вы в свой гранит, хе-хе-х, словно слепые щеняты. А главное — что? Главное — поменьше о себе полагайте, а побольше трудитесь на благо Родины. Вы ведь небось ждете, что решения научных вопросов на вас как манка с неба посыпятся?

Продолжительный хохот в зале.

Ну, посмеялись и будет. Делу, как говорится, время, потехе, что называется, час.

Друзья мои! Вся наша страна, весь народ, все наиболее прогрессивное человечество переживают сейчас небывалый патриотический подъем, и вам надо, как говорится, еще больше развернуться, сплотиться, мобилизоваться и повести людей за собой, поскольку вы все являетесь ИТР[22] — к новым славным свершениям.

И в этот данный текущий момент вы открываете свою дискуссию, которая в полной мере отражает застой и мертвечину в вашей замечательной науке. Это что же такое, друзья мои? Ведь это же есть хвостизм, граничащий с махровой безидейностью! *(Пьет воду).*

В основном, конечно, магматисты покоятся на более здоровой идейной платформе, поскольку употребляют в своих трудах философские термины, чего нельзя в каждом конкретном случае сказать о трансформистах.

Аплодисменты справа.

Но и у первых, товарищи, нет должной принципиальности в философских вопросах!

Скажу несколько слов о граните. Гранита лично я никогда не видел...

Хохот в зале.

..., но это даже, друзья мои, является отрадным фактом, поскольку форма зачастую только маскирует сущность явления...

С самого начала нужно размежеваться (ибо, как учил нас Ленин, «прежде чем объединяться и для того, чтобы объединяться, нужно решительно и бесповоротно размежеваться!») — нужно размежеваться с обоими докладчиками, которые в своих сообщениях допустили грубую ошибку, товарищи, сравнивая магму с курицей, а гранит с яйцом.

Хотя это есть безусловно отрадный факт, что наши ученые все больше интересуются сельским хозяйством и как отметил первый докладчик — жизнью в деревне, — здесь красной нитью проходит незнание основ философии.

[22] Инженерно-технические работники

Товарищи! Ведь курица это — что? Это — птица, живое существо. Значить, ее должна изучать особая наука — птицеводство. А магма, это — что? — Неодушевленный предмет. Для нее надо задолжить другую науку. Сравнивать магму или гранит с курицей, это поступать все равно как философы-метафизики, которые жили в восемнадцатом веке и сравнивали человека с хрупким сосудом.

Шкрезило смотрит на часы и вздыхает. В зале читают книжки или играют в карты.

Что такое гранит, товарищи?

Это прежде всего — что? Материя. А материя это — что? Это реальность, данная нам — в чем? — В ощущении. Выходит, гранит, это то, что действуя на наши органы чувств, производит ощущение — чего? — Гранита.

Вот так-то, друзья мои. Философия, скажу я вам, наука не из легких, и не одни штаны протрете, покамест ее одолеете.

Я вот, представьте себе, до седых волос дожил, а не знаю, что такое «жупел». Может кто подскажет? — Буду весьма благодарен, а то студенты покою не дают.

С достоинством уходит с трибуны.

Шрезило: Объявляется перерыв.

Все расходятся. На возвышении вокруг Шкрезилы собирается кучка магматистов. Тут же и Яркинд.

Шрезило: А вам, товарищ Яркинд, кого нужно?
Яркинд: Мне? Никого.
Шрезило: Ну так идите! Отдохните, проветритесь, покурите. Идите, идите.

Яркинд уходит, но незаметно залезает под трибуну. Троше бодро соскакивает с носилок и опирается на шею Белки.

Коллеги, вы не забыли, о чем мы говорили во вторник?
Голоса: Нет, нет. Дочитайте письмо!
Шрезило: Тс-с! Кругом уши. Идите ближе.

Достает лист из внутреннего кармана пиджака.

Вот конец письма:

«Итак, дорогая, я могу сойти в могилу с душой чистой перед тобой и Всевышним. Dixi et animam levavi[23].

Но мне хочется сказать тебе также и то, что может послужить для меня оправдательным свидетельством в день Страшного Суда. Дело в том, что разбирая бумаги покойного Swolochnow, я обнаружил в них в высшей степени интересное указание на возможность надежной экспериментальной проверки всех теорий происхождения гранита.

Этот ученый исследовал зависимость интенсивности магматической деятельности от количества пятен на Солнце, и путем ряда вычислений, которые позволь мне опустить, чтобы не забивать тебе голову, он пришел к тому, что попытка синтеза гранитного вещества (тут в подлиннике — matter) возможна лишь в Последний Четверг Геофизического Года, при условии выпадения достаточного количества атмосферных осадков, в точке, расположенной на границе атмолито-гидро- и биосфер, с координатами 37° восточной долготы и 45° северной широты, в 24 часа по московскому времени».

Ну, там дальше про любовь и всё такое. Нас это не интересует.

Все сильно возбуждены.

***Троше** (из-за спин):* Коллеги!

[23] Сказал и облегчил тем душу (латинск.)

Все оборачиваются.

Глубоко... глубоко... уважаемые коллеги! Ведь сегодня четверг! И дождь будет... У меня ревматизм болит.

***Все** (разом):* Правильно! И год — Геофизический! Четверг тоже последний!

Кто-то разворачивает карту, ее расстилают на полу. 1-й магматист вытаскивает горный компас, все смотрят на стрелку, потом бросаются ориентировать карту, вырывая друг у друга. Происходит столкновение лбами, вылетает сноп искр.

***1-й магматист**:* Ого! Не лоб, а броня!

***2-ой магматист**:* Лучше броня, чем медь!

***Шкрезило** (грубо):* Заткнитесь! Судьбы науки поставлены на карту!

***1-й магматист и 2-ой магматисты** (одновременно):* Вот! Вот!

Оба показывают противоположные точки: один в Западном, другой — в Восточном полушариях.

***2-ой магматист**:* Да что вы тычете! Восток вон где! Нужно встать лицом к северу и восток будет справа!

***1-й магматист**:* Ничего подобного: посмотрите на компас! Восток слева!

***Несколько голосов**:* Действительно... Восток слева... А может, компас нам подбросили трансформисты?... Диверсия!!

***2-ой магматист** (1-му магматисту):* Где Вы взяли компас?

***Шкрезило** (брезгливо):* Коллеги, коллеги, успокойтесь, черт вас подери. Чего лезете? На горном компасе действительно восток слева, а запад справа. Почему так — я не знаю. *(К Троше)*. Вы, Юлиан Павлович, не в курсе?

***Троше** (смущен):* Признаюсь, я этого никогда не понимал.

В рядах магматистов ропот.

Но я точно знаю, что на самом деле восток расположен справа от севера!

***1-й магматист**:* Можете гарантировать?

***Троше**:* Клянусь!

Все снова склоняются над картой.

Вот... вот... 45 северной широты ... 37 восточной долготы... Тут квадратик... Село Большое Алексеевское... Тут недалеко кружок... Детдом № 3[24]... Восточнее... А тут — крестик...

Все в недоумении.

***Троше** (в сильном волнении):* Боже мой! Коллеги, это же моя родина! Да, да! Раньше там был приют, потом трудколония, а теперь детдом. И Сережку Сволочного я знал, он из нашей колонии.

Шкрезило: Позвольте, Юлиан Павлович! Где же тут граница лито-атмо-гидро-биосфер?

***Троше** (плачет от радостного возбуждения):* Как где? Как где? Вот — здесь протекает речка Нудовка, приток Северки. Вот вам и гидросфера. Атмосфера и литосфера — это так, для виду, мы ведь все живем на границе лито- и атмосферы. А биосфера — видите, вот здесь крестик? Это кладбище...

Все: Браво! Ура! Виват! Гип-Гип! Качать Юлиана Павловича!

Шкрезило (замечая стоящую рядом трибуну): А это здесь откуда?

Яркинд вылезает из-под трибуны, хватает Белку за руку, и они убегают.

Голоса: Держи его! Измена, измена!

Конец 4-го действия

[24] Место, где автор пьесы прожил свои школьные годы (1944—1954).

Действие пятое

Тот же зал. Все рассаживаются.

Шкрезило: Разрешите открыть прения. Вынужден предупредить всех выступающих, что мы уже ограничены временем. В прениях записалось 42 человека, а мы должны освободить помещение не позднее 23 часов *(возгласы недоумения)*, поскольку здесь сегодня состоится вечер танцев.

Шум, смех, аплодисменты.

В связи с этим я бы предложил ораторам сосредоточить все внимание на определении понятий «гранит» и «магма», с учетом регламента — одной минуты.

Разрешите сначала предоставить слово нашим дорогим гостям — покорителям Луны и Антарктиды!

Бурные аплодисменты.

Слово имеет Е. Лашков.

Лашков: Я из Антарктики. Проездом. Плотят неплохо. Пересек круг — 200 руб. Обратно — опять же 200 руб. Обнаженность — дрянь. Снегу — километр. Льду — пять. Подо льдом — гранит. Краснеет морковкой. Микроклин, кварц, андезин, биотит. Обычен и пошл. Стар как мир. Магмы не видел. Возможно — задернована. Лично не верю: застынет. Мороз. Благодарю за внимание.

Бурные аплодисменты.

Шкрезило: слово имеет В. Пугин.

Пугин: *Меня, коллеги, просто смех разбирает: какие вы тут все розовые да упитанные* (смеется). *А я, хотите верьте, хотите нет, когда работал на Луне, не жрал почти два лунных месяца ничего, кроме ученых* (смеется). *Ракета на базе сломалась, и мы остались на подножном корму* (смеется). *Там были еще физик Ваня и биолог Женя. Так я чуть со смеху не помер: сперва Ваня... съел Женю, а потом* (хохочет) *я сам съел Ваню!*

Все в ужасе.

Ну, извините — отвлекся. Уж я такой — душа нараспашку. Мне весело, так, поверите, хочу, чтоб все кругом смеялись! А как мне грустно — так все вокруг, сукины дети, чтоб плакали!

Да, забыл сказать: полевые на Луне идут с неземной надбавкой...

Бурные аплодисменты.

Так вам что — насчет гранита рассказать? Гранит из магмы или может наоборот — магма из гранита, так я понял?

Возгласы с мест: «Правильно!»

Я так и думал. Так я вам доложу, что на Луне... ни черта нету *(смеется)*. Залезешь в кратер — а там один пепел по колено[25]. Под пеплом порода вроде базальта. А больше ни черта нет. Вообще-то магма, наверное есть. Некоторые кратеры выделяют вонючую углекислоту[26]. Вот её спектр, если интересуетесь.

---

[25] Читатель должен помнить, что это сочинялось в 1959 г. — за 10 лет до высадки человека на Луне. Тогда всерьез опасались толстого слоя пыли на поверхности Луны, что потом, к счастью, не подтвердилось.

[26] Намек на тогдашнюю сенсацию ленинградского астронома Козырева, якобы обнаружившего на Луне проявления вулканизма.

Показывает большую ярко размалеванную абстрактную картину. Все отупело молчат.

Ну, я пошел, мне сегодня еще на двух торжественных вечерах выступать. Что это на улице: не дождь ли? На Луне в этом смысле хорошо *(уходит)*.

Упоминание о дожде вызывает сильное возбуждение в зале. Троше знаками показывает Шкрезиле на дверь. Дубик совещается с трансформистами.

Шкрезило: Уважаемые коллеги! Меня срочно вызывают в ЦК с отчетом. Предлагаю временно избрать председателем молодого, но уже раннего... э-э-э... перспективного ученого Яркинда. Давайте, тов. Яркинд, не задерживайте.

Преисполненный важности Яркинд поднимается за стол президиума.
Шкрезило, вслед за ним и Троше, быстро уходят.

Яркинд: Слово имеет Денисов.
Денисов *(показывает пальцем в зал и смеется):* Гы-гы-гы *(все ошеломлены)*. Меня-то не проведете... *(грозит пальцем)*. Я все наскрозь вижу... Мне доктор грит: ты, грит, псих. А я яму грю: чем, грю, докажете? Яму и крыть нечем. У меня и документ есть.

Гнусно хихикая, достает из дыры в пиджаке засаленную, разодранную на сгибах бумажонку.

Вот. Убедитесь, кто не верит.

В зал врываются четыре санитара в белых халатах.

1-й санитар: Денисов здесь?
2-ой санитар: Вон он, гад — на трибуне!

Денисов бросается бежать, санитары его настигают и волокут в проходе к дверям.

Денисов *(вопит):* Не имеете права! Все поплотитесь! Магма образуется в результате парагенезиса!!

Зал покидает большая группа людей.

Яркинд *(мужественно):* Слово имеет Рид.
Рид: Джентльмены! Прошу прощения: леди и джентльмены! Согласно определению, предложенному мною для Британской Энциклопедии, гранит представляет собой прочную, зернистую горную породу различного цвета, широко используемую при мощении дорог и сооружении памятников.

Смех, аплодисменты.

Яркинд: Слово имеет Вебер. *(Голос из зала: «его нет»)*. Тогда Бандуркин. *(Голос: «нет его!»)*. Слово имеет Колонин. *(Голос: «ушел»)*. Слово имеет Кравченко *(Голос: «нет его!»)*.
У нас уже нет кворума!
Хобот *(с места):* Лучше меньше, да лучше! *(хохочет)*.
Яркинд: Слово имеет Лебедев.
Лебедев: Коллеги! Братцы! Мальчики и девочки!

Смех в зале.

Я гранитом не занимался, так как всю свою жизнь посвятил базальтоидам. Но глядя на то, как вы тут мучаетесь, хочу дать справку: гранит — это не диабаз.

Жидкие аплодисменты.

Хобот: Прошу слова!

Яркинд: Вы в самом конце записаны...

Хобот: Что? Молоко не обсохло, а учить берешься! Я в твои годы еще и грамоте не знал, и галстуков не носил! Стыдно, молодой человек!

Яркинд *(надувшись):* Слово имеет Егор Егорыч.

В зале осталось совсем мало народу.

Хобот*:* Дорогие товарищи! В своем замечательном докладе я уже, выходит дело, давал определение гранита, но видимо отдельным хоть кол на голове теши, а они всё своё. *(Возвышая голос)*. Чтобы покончить с этой недостойной дискуссией раз и навсегда, я уполномочен заявить (достает отпечатанную бумагу и читает):

Гранит — это есть тот гранитный фундамент, на котором зидж... жизд... зиз... На котором зиждется и будет зиждиться в дальнейшем наше мировоззрение! Ура, товарищи!

В зале уже никого нет, кроме Яркинда и Белки. Они целуются на переднем плане.

Хобот *(проходя мимо — зрителям):* Я лично не против любви. Я против разврату. Целоваться положено дома, а здесь — учреждение! Ну и м**о**лодежь вырастили! *(уходит)*.

Белка *(переводя дух):* А ведь он прав, Игоречек. Поедем ко мне.

Уходят обнявшись.

Сцена некоторое время остается пустой. Затем из других дверей входят Рейнолдс и Рябчиков.

Часы бьют полночь.

Рейнолдс*:* Уже полночь. Все устремились получать гранит, насколько я понимал?

Рябчиков улыбается, кивает утвердительно.

Но меня удивляет двойной обстоятельство: первый — покойный Норман никогда не разлучался с жена, и следовательно не имел причин писать ей письмо; второй — его жена называется Мэри, это не есть Элизабет...

Рябчиков*:* В-третьих — откуда я мог все это знать?

Рейнолдс *(пораженная):* Ты?!

Рябчиков *(обнимает её):* Разумеется! Во-первых, я хотел поупражняться в английском языке, а, во-вторых, я хотел, чтобы все куда-нибудь убрались, хоть бы в детдом № 3 и оставили тебя, наконец, в покое!

Продолжительный поцелуй.

Занавес. Конец.

Москва — р. Кэнкэмэ (лев. приток Лены), 1959—1963 гг.

* * *

Враг не дремлет[27]

Фантастически-документальная повесть с приложением

Четвертое издание

Предисловие ко Второму изданию 1973 г.

Первое издание этой Повести было выпущено в 1970 г. на пишущей машинке тиражом 6 (шесть) экземпляров.

Таким образом, все Прогрессивное Человечество разделилось на два неравных по численности лагеря. В первом сосредоточились 5 (пять) Особо Доверенных Лиц, которым автор разослал свою Повесть, а во втором — все остальные. Некоторые из последних брали Повесть почитать у счастливых владельцев, но не всегда возвращали. Вследствие этого к 1973 г. число экземпляров Повести сократилось до опасного уровня, свойственного объектам Красной Книги.

Создавшаяся ситуация и мольбы обездоленных владельцев вынудили автора предпринять настоящее второе издание.

Следует отметить, что первое издание было рассчитано на очень узкий круг специалистов-геологов. Поэтому неотъемлемой частью Повести была приложенная к ней рукопись научной статьи *«Медно-цинковые проявления в карбонатных породах верхнего палеозоя р. Подчерем (Сев. Урал)»*, которая только по счастливой случайности избежала публикации.

Однако вскоре выяснилось, что круг читателей Повести оказался гораздо шире, чем это мог предположить автор. При этом большинству читателей тонкости, связанные с фактом написания научной статьи, были плохо понятны; их вполне устраивал текст Повести и без Приложения. Поэтому в данном Втором издании *Приложение* более не является обязательной частью сочинения.

В текст Второго издания внесены также значительные стилистические исправления, кое-где текст был несколько дополнен. В частности, добавлены «Эпилог» и глава «Академик дает интервью», которых в Первом издании не было.

При посмертных изданиях Повести просил бы использовать только настоящее, Второе издание.

Воркута, март 1973, в квартире Дяденьки.

Предисловие к Третьему изданию 2001 г.

Настоящее Третье издание предпринято с целью введения текста Повести в компьютер для прочтения ее широкой публикой.

По сравнению с текстом Второго издания 1973 г., в текст внесена лишь косметическая правка, но ничего существенно нового.

Новыми здесь являются лишь Персоналии — за давностью лет, автор решил рассекретить прототипов Повести. Для удобства читателей эти данные приводятся в подстраничных примечаниях — по мере того, как появляется тот или иной из персонажей. Кроме того, как оказалось, не всем читателям был понятен юмор таких выражений, как *«...натыкаясь на дифракционные решетки от спектрографов»*. Для таких бедолаг пришлось дать разъясняющие примечания (что, конечно, не украсило Повесть).

За истекшие 30 лет (1970—2000) Повесть много раз зачитывалась в кругу подвыпивших друзей на разных юбилеях — и всегда принималась публикой с энтузиазмом. Автор тешил себя надеждой, что этот энтузиазм только отчасти был обусловлен алгокольным опьянением, а отчасти все-таки и некоторыми литературными достоинствами данного сочинизма.

Теперь, в 21-ом веке, уже сильно подержанный автор рассчитывает на то, что благодаря Интернету круг читателей этой Исключительно Правдивой Истории может расшириться до размеров Всея Руси.

Сыктывкар, август 2001.

---

[27] **Опубликовано в сборнике: Был у меня хороший друг. — Сыктывкар: Геопринт, 2004, с. 125—167.** Перепечатано в «Уральском геологическом журнале», 2008, № 6 (72), с. 98—109.

Предисловие к Четвертому изданию 2009 г.

Третье издание повести было опубликовано (2001) в геологическом сыктывкарском Литературном альманахе (уже десятом по счету) «Был у меня хороший друг». Тираж альманаха — 300 экз.; из них около полусотни разобрали сами авторы.

Настоящее Четвертое издание было предназначено для самого знаменитого Желтого Геологического Журнала под названием УГЖ (бесцензурный «Уральский геологический журнал», издающийся в Екатеринбурге проф. О. К. Ивановым). Это дает надежду на то, что круг читателей этой Глубоко Правдивой истории расширится за счет профессиональных геологов, проживающих за пределами республики Коми.

За время, прошедшее с 2001 г., кое-кто из персонажей повести ушел в иной мир, что пришлось отразить в Комментарии. В остальном текст полностью соответствует Третьему изданию.

Сыктывкар, 28 января 2009 г.

Глава 1. Открытие

В ясный мартовский день 1969 г., в г. Сингапуре рядовой Академик Яшкин[28] стоял возле установленного на письменном столе ящика из-под микроскопа, который заменял ему конторку. Академик Яшкин следил за своей фигурой и поэтому работал стоя.

Академик размышлял о том, чем бы нынче заняться.

Мысли его были невеселыми. Вот уже 32 года протрубил он на белом свете, из них два последних — занимался наукой в стенах Сингапурского филиала Академии наук. И ничего не сделано для бессмертия!

Ни горного кряжа, ни хотя бы крошечного острова, ни месторождения какого-нибудь крайне дефицитного редкого элементика — ничего.

А между тем, в мечтах своих он часто грезил, как было бы славно, если бы новый промышленный центр возле открытого им месторождения или на обнаруженном им острове назвали, ну, как-нибудь скромно, допустим — Яшкинском...

— Не мешало бы все-таки открыть что-нибудь, — рассеянно думал Яшкин, постукивая карандашом по пустому гулкому ящику из-под микроскопа.

В кабинете было пусто; тянулись минуты, ползли часы; рабочий день съеживался, как шагреневая кожа — и понемногу уходил в небытие.

Внезапно дверь отворилась...

В жизни Академика наступил момент, которые военные называют «**час Ч**».

Итак, внезапно дверь отворилась — и в комнату вошла Аспирантка [29].

Это была грубая, старая и дерзкая женщина. Эмиссионную спектроскопию, которой она занималась по службе, она выучила давно и окончательно и всегда рассматривала её лишь как хобби; истинным же её призванием было хоровое пение.

Грубая женщина приблизилась к Академику и швырнула ему на ящик последние результаты спектральных анализов.

— Возьмите свои анализы, — сказала она своим хриплым пропетым голосом. Голос у нее был сорван от постоянных и безуспешных попыток взять «ЛЯ» второй октавы.

Академик Яшкин, несмотря на пожиравшее его желание прославиться, был человеком воспитанным.

— Спасибо, — вежливо сказал он Аспирантке.

---

[28] *Юдович Яков Эльевич*, в описываемый период — старший научный сотрудник Ин-та геологии Коми филиала АН СССР в г. Сыктывкаре, кандидат геолого-минералогических наук, геохимик. К тому времени уже третий год работал в Сыктывкаре, куда приехал из Ленинграда после защиты кандидатской диссертации в 1967. Подробности об этом персонаже можно получить из книги: ***Юдович Я. Э.*** Записки геохимика — Сыктывкар: Геопринт, 2007, 196 с.

[29] *Иванова Тамара Ивановна*, м. н. с., физик-спектроскопист. Академик Яшкин соблазнил ее поступить в заочную аспирантуру (вопреки противодействию институтского начальства, полагавшего, что незачем развращать аналитиков научной работой). Темой ее диссертации была геохимия карбонатных пород карбона Зап. склона Севера Урала, а материалом — коллекция Академика. В те годы это была очень красивая женщина лет 30.

Дерзко ухмыльнувшись, грубая женщина удалилась, хлопнув дверью.

Академик принялся рассматривать принесенные ему спектрограммы.

К сожалению, все здесь было давно знакомо, все было ординарно и потому абсолютно неинтересно. В сущности любой анализ Яшкин мог угадать заранее — с ошибкой, не превышающей ошибки самого анализа.

Особо тоскливое впечатление производили на него анализы карбонатных пород: эти пошлые известняки и доломиты никогда ничего не содержали: спектрограммы карбонатов представляли собою большие унылые листы, заполненные прочерками, означавшими *отсутствие* определяемого элемента.

— Бериллий — нет, скандий — нет, мышьяк — нет, сурьма — нет, галлий — нет, вольфрам — нет, молибден — нет...

Скулы Яшкина медленно сводило от зевоты. Становилось все очевиднее, что и в этот день ничего открыть не удастся.

И вдруг...

(О, это восхитительное «вдруг», так волшебно преображающее нашу жизнь!)

И вдруг — Академик Яшкин прочитал:

«Cu — 0.3».

Академик Яшкин протер глаза. Анализ показывал, что в образце обыкновенного, ничем не примечательного известняка, содержалось 0.3 % меди (промышленное содержание!), а лучше сказать — 3 кг на тонну породы.

Яшкин стал лихорадочно перелистывать спектрограммы и везде находил в них сумасшедшие содержания меди:

Cu — 0.5; 1.0; >1.0; 0.6; >1.0 ....

Вот она — минута, которую он ждал в этом тухлом Сингапуре целых два года. И выходит, не зря говорил Михайло Ломоносов (тоже, кстати сказать, Академик): *«Металлы и минералы сами на двор не приидут, а требуют глаз и рук к своему прииску»*.

Разве не была ошеломляющая находка лучшим подтверждением этих слов — разве не была она достойной наградой Яшкину за его трудолюбие?

Однако Яшкин за два года профессиональной деятельности усвоил, что главное в науке — наблюдения, наблюдения и еще раз наблюдения. Его научили, что наблюдениями надлежит подкреплять или опровергать другие наблюдения.

И Академик погрузился в наблюдения.

Чем больше он всматривался в листы спектрограмм, тем яснее становилось ему, что он открыл нечто уникальное, науке безусловно неведомое.

И в самом деле: Яшкин, как всякий геолог, знал, что рудные элементы в природе в одиночку не встречаются: они всегда появляются группами[30]. Они обычно коррелируются: медь — со свинцом и цинком, ртуть — с сурьмой, индий — с кадмием, германий — с галлием, вольфрам — с молибденом...

Спектрограммы, которые Яшкин держал в руках, ясно показывали, насколько несовершенными и ограниченными, более того — просто убогими и примитивными — были прежние представления о природе рудной минерализации.

Дело в том, что медь в образцах известняков коррелировалась только с цинком — без никакого свинца! И нет никаких других рудных элементов, которые так и называются *халькофильными* (т. е. любящими медь) — тут медь никто больше, кроме цинка, не полюбил... Этого еще никто не видел.

Яшкин привычно прикинул в уме, что коэффициент корреляции между Cu и Zn равен 0.85343[31]. Для выборки объемом 30 (именно столько оказалось аномальных проб) такой коэффи-

---

[30] Такие группы называются *парагенетическими ассоциациями* и служат важным поисковым признаком при отыскании новых рудных месторождений.

[31] Понятно, что сделать это в уме даже Академик Яшкин не мог. Здесь и далее читатель обнаружит много таких издевательств в части *математизации геологии* — поветрие, которым в 1960—1970-е гг. советские геологи были заражены поголовно.

циентик имел бы уровень значимости 0.01 или, другими словами, надежность больше 99.99 %. Так что ни о какой случайности не могло быть и речи.

Прошел час, в течение которого Яшкин продолжал внимательно рассматривать спектрограммы.

Только один час — но как все переменилось! Вместо убогого прозябания, вместо каждодневной рутины — ярко вспыхнул и загудел костер Открытия, и отныне всё вокруг озарилось его праздничным и будоражащим светом.

С прошлым было покончено — начиналась Новая Жизнь.

Родина ждала медь.

Журналы ждали статей.

Цели были ясны. Задачи определены.

— За работу, товарищи! — сказал сам себе Академик Яшкин[32].

Глава 2. Некоторые трудности

Академик Яшкин хорошо понимал, что анализы Аспирантки никто всерьез не примет: её страсть к хоровому пению была общеизвестна. И хотя шансов на успех было немного, не мешало бы для начала лично переговорить с Аспиранткой и выяснить кое-какие детали аналитической процедуры.

Излишне говорить о том, что Аспирантку не интересовала медь. Точно также её нисколько не волновали серебро, золото, платиноиды или лантаноиды. Дело в том, что назревало грандиозное событие: гастроли в Сингапуре эстрадной дивы Буби Баби. Чтобы обеспечить уже сильно подержанной великой диве аншлаг, требовалось распространить по филиалу АН 100 билетов. Пока ей удалось распространить 3. Остальные 97 лежали стопкой на столе Аспирантки — как вещественное доказательство неразвитости эстетического чувства в среде академиков.

В кабинете Аспирантки было весело.

Трое научных работничков из других лабораторий травили анекдоты. Две сослуживицы Аспирантки делились впечатлениями о детском утреннике в филиальском садике. Три лаборантки давились от смеха, вспоминая вчерашний КВН по ящику, остальные пятеро находились, по-видимому, просто для поддержания разговора.

Кабинет был рассчитан на четверых.

Эту мысль в осторожной форме высказал академик Яшкин, входя в кабинет.

Ответом ему был общий хохот. Впрочем, сама Аспирантка не повернула головы. Она смотрела в бинокуляр, расшифровывая спектрограмму. Что бы там ни болтали злые языки, а работа была ее любимым хобби. Бывали даже моменты, когда она вовсе бросала петь в хоре и полностью отдавалась своему застарелому увлечению спектральным анализом.

— Видите ли, — проговорил, обращаясь к ней, Яшкин, — в Ваших анализах чересчур много меди и цинка...

— А Вам-то что от этого? — грубо спросила Аспирантка.

— Как что? — удивился Яшкин. — Медь крайне нужна Родине.

— Ну а Вам-то что?

Аспирантка продолжала дерзко глядеть в бинокуляр. Одной рукой она двигала фотопластинку спектрограммы, другой ловко писала цифры на бланке.

Яшкин стоял возле, переминаясь с ноги на ноги.

— Однако...— промямлил он. — Можно ли полностью верить Вашим анализам? Бывают, знаете ли, ошибки...

Только тут Аспирантка повернула, наконец, к Академику свою курносую физиономию, внезапно покрывшуюся красными пятнами.

— У нас сроду ошибок не было, — сказала она. Еще чего придумали — ошибки! — закричала она, на глазах распаляясь. — А ну, валите все отседова! Минуты не дадут поработать, идолы!

---

[32] Как известно, это слова Первого секретаря ЦК КПСС Никиты Хрущева, закрывающего 22-й съезд КПСС (1962): *«Наши цели ясны, задачи определены. За работу, товарищи!»*

Толпа посетителей хлынула к выходу, попутно опрокинув инфракрасный спектрометр. Яшкина затолкали в дверях и вынесли наружу. В коридоре он не досчитался пуговицы на своем сюртуке.

Глава 3. Появляется Дяденька

Как бы там ни было, но анализы все равно надо было проверить. Правда, в своем Институте сделать это было трудно.

Аналитики вроде Аспирантки были убеждены, что у них ошибок не бывает[33]. К тому же Институт жил строго по плану. Открытия этим планом не предусматривались.

Директор был опытен и мудр. Он хорошо знал, что все открытия уже давно сделаны, поэтому новых открытий на его веку быть не должно. Уже сорок лет он занимал свой кресло, и за это время ни он сам, ни кто-либо из уважаемых людей в Институте, слава Богу, никаких открытий не делали.

Постепенно все серьезные люди в Институте стали понимать, что делание открытий — это свидетельство дурного вкуса, удел каких-нибудь журналистов, а не настоящих ученых. Правда, достигнуто это было не сразу, потребовав многих лет кропотливой воспитательной работы.

Те же подозрительные личности, которые, потеряв всякий стыд, брызжа слюной, утверждали, что они якобы что-то там такое открыли — постепенно сходили на нет — они покидали Институт «по собственному желанию». Четкая закономерность состояла в том, что впоследствии (после их увольнения) всегда обнаруживались их дотоле скрытые пороки: все они, как оказывалось, были на самом деле невыносимыми склочниками, карьеристами или авантюристами[34].

И все же, как это было Академику ни грустно — служебная субординация вынуждала его поставить Директора в известность об Открытии.

Академик зашел в кабинет Директора. Густые клубы дыма окутывали последнего[35]. Когда они рассеялись, выяснилось, что Директор сидел за своим столом и смотрел в микроскоп. Лицо его выражало безмятежное удовлетворение человека, наблюдающего сдвойникованный плагиоклаз.

Яшкин достал из директорской пачки сигарету и тоже закурил. Сам-то он сроду не курил, но в кабинете всё настолько было пропитано никотином, что мысль о вреде курения здесь казалась просто нелепой.

— Видите ли, — сказал Яшкин, — у меня там в известняках медь полезла.

— Где это? — доброжелательно спросил Директор, с наслаждением поворачивая плагиоклаз двойничком то вдоль, то поперек.

— На Потомаке.

— На Потомаке?! — Директор восхитился. Он снял очки и отодвинулся от микроскопа. Его посетили воспоминания...[36]

---

[33] Историческая фраза: *«Яша! У нас ошибок не бывает»* — на самом деле принадлежит коллеге Аспирантки, другой спектроскопистке — *Галине Евгеньевне Юшковой* (впоследствии также защитившей диссертацию). Такова была поразившая Академика первая реакция спектроскопистов на его предложение экспериментально изучить ошибки спектрального анализа. Тем не менее, такая работа была успешно проделана и даже в чем-то опередила работу В. Г. Хитрова, впоследствии проведенную в ИГЕМ гораздо более основательно. Статья сорокалетней давности не устарела и по сию пору: ***Юдович Я. Э., Гольдберг Ю. И., Юшкова Г. Е., Иванова Т. И., Соколов М. Б.*** Полуколичественный спектральный анализ для геологических целей // Литол. и полез. ископаемые, 1970, №5, с.131—142.

[34] Академик Яшкин в первый же год своего пребывания в Институте как раз застал финал многолетней драмы — выдворения очень талантливого геолога, но в то же время крайне скандальной и амбициозной личности — *Георгия Александровича Чернова* (Чернова-младшего), и это произвело на него большое впечатление. Именно этот геолог *открыл* угольную Воркуту и нефтяную Усу...

[35] *Марк Вениаминович Фишман*, петрограф, второй по счету директор Института геологии, бывший танкист, всем говорил, что он шутя может бросить курить. «*Захотел — бросил, захотел — снова закурил*», — объяснял он. И лишь много позднее он бросил курить окончательно. Он умер 5 декабря 2003 г. Его памяти посвящен очерк академика Яшкина, опубликованный в УГЖ-2008, № 5, с. 74—78.

[36] Еще бы не посетили, если это была его первая экспедиция на Печорский Урал в 1948 г., в Отделе геологии А. А. Чернова, когда еще не было Института. О ней он рассказал в статье, написанной по настойчивой просьбе Н. П. Юшкина: ***Фишман М. В.*** Моя первая экспедиция на Приполярный Урал // Вестник Института геологии Коми НЦ УрО РАН, 2001, Июль, № 7 (79), с. 23—29.

— Хорошие местечки, не правда ли? Как сейчас помню — дело было в 1918 году. Мы там бродили вдвоем с коллектором. Тогда знаете, не то что вертолетов — и лодок-то деревянных не было.

Яшкин издал возглас вежливого удивления.

— То есть вообще-то лодки были, но знаете ли, плохие — без днища. Обычно кто-нибудь из нас ложился спиною на дно, брался руками за борта, клал груз себе на брюхо, а другой тащил лодку бечевой по порогам...Извините, я Вас перебил. Так что там, говорите, у Вас?

— Да медь, говорю, полезла...

— Медь? И много?

— Десятые...

Директор поморщился. Вообще-то ему нравился Академик Яшкин. Он недавно появился в Институте и по мнению Директора удачно сочетал в себе шустрость и скромность. Все говорило о том, что этот малый не подведет и не станет делать открытий. Неужели он мог так грубо ошибиться в этом Яшкине? Директор задумчиво осмотрел Академика.

— Ну что Вам сказать, голубчик? Это не шибко-то и много. Я бы даже сказал — мало. Промышленность этого брать не будет.

— Не будет? — упавшим голосом спросил Яшкин.

— Не-е, не будет. Как сейчас помню. У нас в 1928 г. замечательный случай был на Мыльной Коже. Вы ведь знаете Мыльную Кожу?

— Не приходилось бывать...

— Ах да, Вы ведь у нас недавно. Так вот. Два месяца лил дождь. Раз приходим мы из маршрута, снимаем сапоги, выливаем воду...

— Разрешите? — Дверь кабинета приоткрылась и появился доктор Юшин.

— Можно? — спросил он, просунув из осторожности внутрь только часть своей худой щуплой фигурки[37].

Воспользовавшись появившейся щелью, Академик Яшкин поспешил ретироваться, пробормотав что-то вроде благодарности за ценные указания.

Итак, помощи ждать было неоткуда.

Аспирантка была легкомысленна и самонадеянна.

Директор был ретроградом и не любил прогресса.

Может быть, доктор Юшин? Он, конечно, любил прогресс, но всегда был по горло занят своими делами: писал монографии, в среднем по штуке ежегодно.

Оставалась одна надежда — Дяденька[38].

Яшкин поставил на свой ящик машинку и принялся печатать Дяденьке письмо в Клондайк под копирку. Копии он оставлял себе, подшивал и таким образом мог контролировать аккуратность ответов своих респондентов.

«Дорогой Дяденька! — быстро отстукивал Яшкин. — *Помогите мне, чем сумеете, а уж я Вас тоже не обижу и буду любить пуще прежнего*».

Далее он сообщал Дяденьке, как для того было бы невыносимо интересно, а для Науки — неслыханно полезно, ежели бы Дяденька сделал количественные спектральные анализы на медь у себя в Клондайке.

Дяденька был спектроскопистом экстра-класса. Это было его неоценимым достоинством. Но, к сожалению, он терпеть не мог науку и особенно Академию.

Это было его очевидным недостатком. Поэтому, общаясь с Дяденькой, приходилось тщательно взвешивать каждое слово. Из воспитательных соображений Яшкин в переписке слово *Наука* всегда писал только с прописной буквы и подчеркивал двумя жирными чертами.

---

[37] Он уж давно не худенький — *Юшкин Николай Павлович*, минералог милостью Божьей, ныне академик и (до 2008 г.) директор Института, сменивший Фишмана в 1985 г. О нем написана масса биографической литературы. Интересующимся можно рекомендовать его автобиографическую книжку (***Юшкин Н. П.*** Начало пути. — Екатеринбург: УрО РАН, 1996. — 172 с.) и газетный очерк крупного юшкиниста — Академика Яшкина (***Юдович Я. Э.*** Феномен Юшкина // Геолог Севера, 1996, 20 сентября.), воспроизведенный в книге «Записки геохимика» на с. 69—71.

[38] *Фридлендер Наум Германович*, воркутинский физик, химик и спектроскопист. Его иногда приглашали в Институт для консультаций. Как-то раз М. П. Кетрис сказала Академику Яшкину: «*Там тебя какой-то дяденька спрашивает*». С тех пор и прилипла к нему эта партийная кличка. Ныне проживает в Нью-Йорке.

«*... А погода у нас отличная. Приезжайте, поиграем в преферанс, заодно сделаете нам парочку спектрографов. Я видел у нас в гараже массу подходящих материалов...*».

Отправив письмо, Яшкин вздохнул.

Оставалось только ждать и надеяться.

Глава 4. Письмо от Дяденьки

Прошло полгода.

За это время Аспирантка успела трижды выступить на Республиканских смотрах самодеятельности и удостоиться дипломов. Ее дважды пытались отчислить из аспирантуры за неуспеваемость, но ее выручали могущественные покровители из хора. Двое академиков ушли на пенсию. Приняли новых двоих. Трое защитили кандидатские диссертации и один подготовился к защите.

Приятель Яшкина Вик[39] стал Лауреатом и целую неделю носил значок, охотно давая его подержать всем желающим.

В конце сентября 1969 г. пришел пакет от Дяденьки. В пакете было письмо, выпачканное угольным порошком, и результаты определений Cu, Zn, Pb, Ag и Ba в пробах Яшкина.

Как и ожидалось, последних трех элементов в пробах не было вовсе; анализ устанавливал наличие высоких содержаний только меди и цинка. Приятной неожиданностью оказалось то, что полуколичественные анализы Аспирантки в общем и целом подтвердились. Яшкин расценил это как сюрприз и устыдился тому, что был так несправедлив к Аспирантке.

В самом радужном настроении он пошел порадовать Аспирантку своим сообщением.

— Плевать я хотела на вашего Дяденьку, — сказала Аспирантка, презрительно выслушав его. — Пусть *Дяденька* радуется, что его анализы совпали с моими! А я Вам сто раз говорила: у нас ошибок не бывает!

Аспирантка ухмыльнулась. Сегодня она была в благодушном настроении — вчера ей удалось наконец взять ЛЯ второй октавы.

— Проверяльщики! Поди ж ты — проверять вздумали! Посадить бы Вас самого за спектрограф — а я Вас проверять буду!

И она хрипло захохотала.

Между тем в душе Академика Яшкина все пело и ликовало.

Мир казался ему прекрасным, и даже грубая старая Аспирантка представилась ему вдруг довольно приятной девушкой.

Глава 5. Яшкин пишет статью

Со дня открытия прошло уже 9 месяцев.

Академик Яшкин взял чистый лист, подложил под него разлинованный трафарет, и отступив сверху 5 сантиметров, аккуратно написал: *«Аномалии меди и цинка на реке Потомак»*.

Академик прочел написанное и скривился. Название получилось куцым и неинформативным.

Он выкинул лист в корзину, взял новый и написал: *«Об аномалиях меди и цинка в карбонатных породах на реке Потомак»*. Это уже было заметно лучше, но не могло удовлетворить придирчивого читателя.

Что это за карбонатные породы такие? Что это за река Потомак? Между тем название должно быть таким, чтобы полностью удовлетворить познавательный инстинкт читателя — чтобы последний, прочтя заголовок, уже не испытывал позыва читать саму статью.

Яшкин взял новый лист...

Наконец после двухчасовых упорных трудов корзина наполнилась отвергнутыми вариантами титульного листа, но статья получила замечательное название: *«Медно-цинковые проявления в карбонатных породах верхнего палеозоя на реке Потомак (Приполярные Аппалачи)*.

Яшкин вздохнул — полдела было сделано. Вот только еще пару вводных фраз выродить.

Стиснув зубы и мучительно напрягшись, он написал: *«Летом 1968 г. нами...»*.

---

[39] *Пучков Виктор Николаевич*, ярко-талантливый человек, в те годы даже еще не кандидат наук, получил Премию Коми комсомола. Ныне это ученый с мировым именем, член-кор. РАН, директор Ин-та геологии в Уфе.

Нет, это нехорошо — *нами*. Это звучит нескромно. В конечном счете, Родине ведь до лампочки, *кто именно* из ее граждан открыл медь. Тем более, что все крупные месторождения были открыты отнюдь не академиками, а охотниками-аборигенами, имена которых никого не интересуют...

Поэтому лучше бы так: *«Летом 1968 г. в ходе региональных геохимических исследований ...»*.

Ну вот, «в ходе»...Разве исследования ходят?!

Яшкин зачеркнул «в ходе» и быстро написал: *«Летом 1968 г. в процессе регионально-геохимических исследований ...»*. Это была несомненная удача: *«регионально-геохимических»*. То есть с одной стороны как бы и региональных, а с другой несомненно геохимических. Здорово, потому что непонятно. Читатель это обожает[40].

Написать остальную часть статьи для матерого Академика было уже делом техники.

Вдохновенное перо Яшкина так и порхало. Белые листы, исписанные вдоль и поперек, вспархивали с ящика, и покружившись в воздухе, с приятным шуршанием устилали пол кабинета.

Статья предварялась лаконичным «Введением», где Яшкин с мужественной прямотой признавался читателю в том, что аномалии Cu и Zn были открыты им случайно, а не были научно предсказаны им десятью годами ранее — на основании глубоких исследований. Все равно никто бы этому не поверил.

Затем следовал раздел: *«Геология района и размещение аномальных точек»*.

Надо заметить, что Яшкин был геохимиком и не шибко-то разбирался в проблемах региональной геологии. Сознавая это, он всегда прибегал к помощи Лауреата Вика.

Этот Вик был отличный парень. Он лазал по горам с помощью веревочки, зимой бегал на лыжах, играл в волейбол, гонял маленький шарик по столу, умел нажимать кнопку на шахматных часах, и держал дома три пуда железа в форме гантелей и небольшой штанги. Кроме того, он рисовал, сочинял стихи, играл на гитаре и пел в хоре с Аспиранткой. На досуге (дождливыми днями в экспедициях) он выучил три языка и читал в подлиннике детективы Агаты Кристи. В промежутках между перечисленными занятиями он сочинил 25 статей и уже подготовил диссертацию. Наконец, как уже говорилось, он никогда не отказывал желающим подержать его лауреатский значок.

Когда Яшкин познакомил Вика с материалами, тот моментально подметил, что аномальные точки расположены на местности не хаотически, а вполне закономерно:

а) они тяготели к разломам земной коры, притом не ко всяким, а лишь к наиболее крупным;

б) они тяготели к ядрам антиклинальных складок (переверните чашку донышком вверх и получите представление о форме такой складки), но опять-таки не ко всем, а лишь к таким, которые осложнены разломами (донышко с трещинами!);

в) наконец, все они явно тяготели к поверхности стратиграфического несогласия между нижнепермскими и подстилающими отложениями!

Последнее было особенно здорово — ибо наглядно показывало тот путь, по которому некогда *в проницаемых зонах двигались рудоносные флюиды*.

Этот раздел, составленный по указанием Вика, Академик Яшкин писал с особым удовольствием, ибо участи лауреата Вика Яшкину льстило.

Следующий раздел статьи назывался *«Вмещающие породы и рудная минерализация»*. Он состоял из описания двух совершенно различных вещей: вмещающих пород и рудной минерализации.

Первые были, как говаривал Лучший Талантливейший Поэт Нашей Советской Эпохи[41] — весомы, грубы, зримы. Образцы известняков, на первый взгляд ничем не примечательные — громоздились в пыльном лотке на подоконнике, перед самым носом Яшкина. Время от времени он рассматривал их, черпая в их (казалось бы) заурядном виде свое вдохновение.

Но с рудной минерализацией дело обстояло значительно хуже. Её не было.

Все попытки Яшкина отыскать под микроскопом рудные минералы ровным счетом ничего не дали. Лишь кое-где были видны какие-то мелкие непрозрачные точки, о которых нельзя было сказать ничего определенного.

---

[40] Впоследствии Яшкин даже сочинил об этом предмете докторскую и написал книгу (***Юдович Я. Э.*** Региональная геохимия осадочных толщ. — Л.: Наука, 1981. 276 с.)

[41] Для невежественного молодого читателя вынужден напомнить, что таково определение Владимира Маяковского, данное товарищем Сталиным.

Это не лезло ни в какие ворота. С одной стороны, в породах анализом устанавливалась медь в концентрациях в тысячу раз выше обычных (фоновых). С другой стороны, эта медь, казалось бы, не имела никакого материального воплощения. Её как бы и не существовало вовсе. Ибо шлифы из «оруденелых» образцов решительно не отличались от таковых из образцов «безрудных».

Академика эта ситуация весьма озадачивала.

Однако недаром Иван Павлов, тоже академик и дважды Нобелевский лауреат, говаривал, что факты — это воздух ученого. Ведь наличие меди было фактом! Правда, отсутствие рудной минерализации тоже было как бы фактом — но не таким уж и бесспорным. Все же черные точечки имели место... Притом, как подметил Яшкин, все точечки были приурочены к поздним трещинкам, что явно свидетельствовало *о наложенном характере рудного процесса* — то есть как раз о проникновении по этим трещинкам того самого *рудоносного флюида*.

Академик Яшкин был парькой честным. Поэтому, перед лицом Фактов ему пришлось с мужественной прямотой вторично уведомить читателя, поставив для верности слово «рудной» в кавычки: *«Прозрачные шлифы дают весьма скудную информацию о природе «рудной» минерализации, самое существование которой еще не может считаться доказанным»*.

Но мало ли в геологии недоказанного! Например, на Среднем Урале уже 200 лет известны алмазы в речных россыпях, тогда как коренной их источник до сих пор не доказан. Это ведь никому не мешает — алмазы преспокойно добывают...

Итак, Академик Яшкин исполнил свой долг ученого, не утаив от читателя своих сомнений на пути к истине. Одновременно Академик счел необходимым сфотографировать под микроскопом трещины, заполненные непрозрачными точечками.

Теперь, как казалось Яшкину, самое тяжелое в статье было уже позади. Оставалось написать самое приятное — «Распределение меди и цинка».

Глава 6. Распределение меди и цинка

Этот раздел статьи Академик Яшкин писал с наслаждением. Он был в своей стихии.

Сперва он подробно изложил метод, которым Дяденька определял в его пробах медь и цинк. Затем произвел тщательное сопоставление Анализов Дяденьки с анализами Аспирантки. Для пущей объективности, сопоставление было сделано с привлечением параметрического *t-критерия Стьюдента*.

После этого выборки аномальных проб были подвергнуты обстоятельному статистическому исследованию. Были изучены частотные распределения меди и цинка, проведен изящный дисперсионный анализ, и уточнены некоторые вопросики взаимной корреляции Cu–Zn.

Неожиданно на этом месте работа зашла в тупик.

Детальное изучение распределения меди и цинка в зависимости от разнообразных свойств вмещающих пород давало ни с чем несообразный результат: аномалии решительно ни от чего не зависели!

В частности, аномалии не зависели ни от первичных, ни от вторичных признаков пород. Но если первое было ожидаемо — и свойственно именно *наложенному рудному процессу* — то второе было по этой же причине совершенно непонятно. В самом деле, если оруденение вторично (поздние трещинки с черными точечками!), то оно непременно должно увязываться с чем-то, тоже вторичным!

Таким явно вторичным образованием в темных известняках был белый кальцит[42] в виде прожилков. Поскольку вторичный кальцит в прожилках был связан с разломами, аномалии же, согласно указаниям Вика, также тяготели к разломам — то разве не должны были бы как-то коррелироваться между собою аномалии и вторичный кальцит?

Между тем, на первый взгляд, между аномалиями и количествами вторичного кальцита не усматривалось определенной зависимости.

Итак, Яшкин зашел в тупик.

Теперь вся надежда была только на Консультантов.

---

[42] Карбонат с формулой мела — $CaCO_3$.

Глава 7. Консультанты

Консультанты работали в соседнем здании. Их было двое.

Главный Консультант[43] обладал в Филиале репутацией величайшего зануды. Он носил очки и свитер с драными локтями. Его постоянно одолевали приступы хронического недержания речи. Он был фантастически, до неприличия болтлив. Вынужденный скрывать свой порок от сослуживцев, он отводил душу на лицах, приходивших к нему за консультациями.

Его ассистентка (Консультантка) также была занудой, но несколько иного типа. Она не носила очков. Она вообще избегала носить что-либо лишнее. До середины января в суровом климате Сингапура она обходилась без шубы, облачаясь в красный кожаный редингот. Любому платью она предпочитала линялые и заштопанные джинсы. В отличие от шефа, она была молчалива, как рыба. Лишь немногие слышали от нее больше трех слов подряд[44].

Эта парочка отлично сработалась.

Главный Консультант, завидев клиента, уже издалека привлекательно улыбался и тотчас начинал сладострастно трепаться.

Консультантка обыкновенно сидела неподалеку, змеисто ухмыляясь. Клиенту бывало ясно, что она не верит ни единому слову своего шефа. Впрочем, Консультант это тоже знал, но не мог обходиться без нее в своей профессиональной деятельности.

Консультанты на самом деле были инженерами.

Однако судьба их не баловала: они занимались ловлей мышей.

Поймав мышь, они облучали ее ошеломляющей дозой альфа-, бета- и гамма квантов[45]. После этого обезумевшую мышку загоняли в 100-канальный регистрирующий спектрометр. Против каждого канала заранее устанавливалась мышеловка.

В задачу исследования входило тщательное математическое описание поведения мышевидного грызуна, в частности, стохастическое моделирование факторов, заставляющих животное выбрать тот, а не иной канал.

Консультант был также не чужд музам и вследствие этого иногда надевал вельветовые штаны. Однажды он опубликовал в городской молодежной газете статью под названием *«Дороги, которые мышь выбирает ...»*. В этой статье вся Молодежь Севера призывалась к усиленному отлову мышей и леммингов для научных целей.

Но все же главным, что в корне отличало консультантов от остальных сотрудников Института биологии — было умение считать на логарифмической линейке.[46]

Направляясь к вольеру, в котором работали консультанты, Академик Яшкин с тоской рисовал в своем воображении всё то, что его ожидает... Сначала последуют двое суток безостановочного трепа Консультанта в сопровождении ехидных ухмылочек его ассистентки. После этого ему скажут, что прежде чем получить консультацию, ему не мешало бы сформулировать — чего он,

---

[43] *Никифоров Виталий Сергеевич*, по образованию инженер по сельхозмашинам. В Отделе радиобиологии сперва занимался починкой приборов, потом долго разрабатывал научную тему — определение дозовых нагрузок, получаемых мышевидными грызунами в природных условиях. Найти Ученый Совет для того, чтобы защитить эту работу, ему не удалось: биологи говорили, что мало биологии, физики — что мало физики. Создал Лабораторию вычислительной техники (которую впоследствии возглавил высланный в Сыктывкар очень крупный математик, известный диссидент *Револьт Иванович Пименов*), внедрил в практику работ сыктывкарских биологов первые советские ЭВМ, обучил программированию массу народа и организовал сервисное вычислительное обслуживание научных работников Коми филиала АН, за что и получил от Яшкина прозвище Консультанта. В 1980-е гг. внезапно сделал блестящую работу по генетике крупного рогатого скота, быстро защитил кандидатскую, стал читать лекции по генетике в Университете и энергично клепать докторскую. Налицо были все признаки процветания. Однако в 1995 г., уже с практически готовой докторской — без объяснения причин ушел на пенсию, с той поры перебиваясь случайными заработками (чтением курсов лекций по информатике).

[44] *Модянова Анастасия Георгиевна*, по образованию радиоинженер. В отличие от Консультанта, не унизилась до биологии и в Отделе радиобиологии всегда занималась только техникой (приборами, потом ЭВМ и их обслуживанием). Всегда, сидючи сама без гроша, помогала всем несчастным, сирым и убогим. Как и Консультант, при первой возможности ушла на пенсию. Как только Р. И. Пименов создал в Сыктывкаре отделение «Мемориала», стала его виднейшим членом. Очень деятельная православная христианка диссидентского толка (последовательница о. Кочеткова). Одна из умнейших и образованнейших женщин (литература, история, математика, философия, богословие), которых посчастливилось встретить Академику Яшкину.

[45] Альфа- и бета-квантов не бывает.

[46] Увы! С появлением персональных компьютеров это искусство умерло, как и ряд других...

собственно говоря, хочет. А затем, не дав ему отворить рта, они же сами и разъяснят, чего же он, оказывается, хочет...

И вот так — сперва охмурив, потом оплевав, и в заключение раздавив его своим подавляющим Интеллектуальным Индексом — они, возможно, снисходительно посоветуют: *в какой книжке* можно прочитать всё то, что его интересует. И Яшкин, униженно поблагодарив консультантов (которые отпустят его с явной неохотою) — пойдет в библиотеку и возьмет рекомендованную книжку. Уже из предисловия выяснится, что для проработки параграфа 3 части II необходимо знать векторную алгебру, тензорное исчисление и функциональный анализ, а понимание остального не потребует от читателя никакой особой подготовки — кроме курса теории вероятностей для механико-математических факультетов государственных университетов...

Однако другого выхода не было.
Родина ждала медь.
Журналы ждали статью.
Яшкин ждал славы.

...Консультанты сидели перед осциллографом и играли в подкидного дурака. Ровная зеленая линия на экране свидетельствовала о том, что запуганные и травмированные мыши не хотят вылезать из каналов.

Приход Яшкина был встречен выражением плохо скрытой хищной радости на лице Консультанта и одобрительным мычанием его сотрудницы.

Яшкин кратко обрисовал ситуацию, воспользовавшись коричневой доской из линолеума и цветными мелками. Это оборудование в данный момент простаивало и использовалось консультантами для записи карточных проигрышей.

Наступило продолжительное молчание.

Яшкин поежился.

Консультант поудобнее расположился в кресле, явно приготовившись взять от жизни всё, что ему причитается.

— Тэк, — сказал он. — Тэк-с... Этот ваш кальцит — он, судя по названию, изготовляется по всей вероятности из кальция? Надо полагать, что он будет неустойчив на воздухе, и вследствие этого, должен жадно соединяться с водой...

Ассистентка ухмыльнулась.

— Причем здесь вода? — тоскливо сказал Яшкин. — Медь меня интересует, а не вода.

Консультант просто замурлыкал от удовольствия.

— Мне случалось не раз замечать, — сказал он, — что геологов, как общее правило, интересует отнюдь не то, что им на самом деле нужно...

— На черта мне твоя вода? — грубо вскричал Яшкин. — Мне нужно узнать, есть ли связь между появлением кальцита и наличием меди в пробах, и точка.

Консультант смаковал тупые речи клиента. Его очки фосфоресцировали.

— С точки зрения Лапласовского детерминизма, — сказал он, развязно потягиваясь в кресле, — в природе все несомненно взаимосвязано. Например, мышевидный грызун, который...

— Хи-квадрат, — вдруг сказала ассистентка.

Консультант отворил было рот, но в этот момент одна из мышеловок щелкнула, а на экране осциллографа появился зеленый пик. Консультанты схватились за логарифмические линейки, тотчас утратив всякий интерес к своему клиенту.

Тупо посмотрев на них, Яшкин поднялся и стал выбираться из вольера, то и дело натыкаясь на счетчики Гейгера-Мюллера.

Глава 8. Хи-квадрат говорит «нет»

Против ожиданий, не прошло и недели, как Яшкину позвонили и попросили зайти за результатом.

На этот раз в вольере была одна ассистентка. При виде Яшкина она ухмыльнулась и протянула ему листочек с каракулями, нацарапанными зелеными чернилами.

Посреди листка было написано:

$$\chi^2 = 0.174$$

Яшкин тупо смотрел на Хи-квадрат.

— Что это значит? — спросил он.

Ассистентка прижала листок пальцем, с ногтем, почерневшим и оплавленным от постоянной пайки схем. Оказывается, сверху на листке было написано: «*Проверка гипотезы о независимости встречаемости аномалий меди от наличия в пробе вторичного кальцита*».

А внизу, под Хи-квадрат, было написано: «*Гипотеза не отвергается*».

— Не отвергается, значит, принимается, что ли? — спросил Яшкин.

— Как хотите, — ответила ассистентка.

— Как же? Раз не отвергаем, выходит, принимаем?

— Не-е, — пропела ассистентка, откровенно издеваясь.

— Так что же — никакой связи между медью и кальцитом что ли нету? — заорал Яшкин.

— Консультантка ухмыльнулась и покачала головой.

— Значит, связь есть?!?

Консультантка снова помотала головой. Она наслаждалась. Чем клиент был тупее, тем ей было с ним интереснее.

Взбешенный Академик Яшкин хлопнул дверью и выбежал из вольера.

Глава 9. Статья идет к концу

Итак, критерий Хи-квадрат показывал, что гипотеза о независимости меди и вторичного кальцита не отвергается. За этой иезуитской формулировочкой, свойственной теории вероятностей, скрывался крах надежд Яшкина.

Выходило именно так, как и предполагалось безо всякой статистики — медь ни с чем не была связана, если не считать цинка, каковой опять же ни с чем не коррелировался, кроме меди.

Это было совершенно необъяснимо. Геологи к этому не привыкли. Геологи любят связь.

Поэтому Яшкин сознавал, что геологи могут ему не поверить.

Но ведь не сам же он это придумал? За него говорили факты. Против него говорил Хи-квадрат... Деваться было некуда. Выбора не было.

Либо малодушно отступить перед Вызовом Природы, исходя из сомнительной метафизической посылки о том, что-де «так не бывает». Либо же смотреть фактам прямо в лицо — и принимать Природу такой, как она есть — со всеми ее атомами и галактиками.

И Яшкин выбрал последнее. Это значит, что надо было заканчивать статью — написать *Заключение*. Яшкин собрал волю в кулак и напрягся.

Как финал могучей симфонии, так и составленное им *Заключение* дышало мощью позитивного знания и властно звало читателя к новым свершениям.

Заключение состояло из 11 пунктов. Из них 5 начинались словом «не»: *«не удалось», «не выявлено», «не обнаружено»* и т. п.

А в пункте одиннадцатом широкими мазками были намечены задачи дальнейших исследований.

«Настоятельно необходимо провести дальнейшие исследования, в ходе которых:

а) установить, имеется ли стратиграфический контроль в размещении аномалий;

б) выяснить минералогическую природу проявлений меди и цинка;

в) уточнить лабораторными методами связь аномалий с физическими свойствами пород;

г) охватить дальнейшими поисками меди и цинка карбонатные отложения среднего карбона и нижней перми в соседних районах Приполярных Аппалачей».

Всё! Точка.

Академик Яшкин вздохнул раскованно. Несмотря на все препоны — он таки написал статью. Теперь оставалось отнести ее машинистке, да попросить доктора Юшина дать краткий отзыв.

Через неделю все было готово.

Доктору Юшину статья в целом понравилась. Однако он в своей рецензии выразил настойчивое пожелание, чтобы автор взглянул на вещи шире. По его мнению, Яшкин должен подчеркнуть *закономерное размещение аномалий — в широчайшем региональном аспекте.*

Согласно Юшину, открытие Академика Яшкина вовсе не было чем-то случайным, нарушавшим глобальные закономерности — отнюдь нет! Как указал Юшин, все яшкинские аномальные точки прекрасно укладывались в пределы выделенной Юшиным меридионального Кордильерско-Андийского флюоритово-полиметаллического Линеамента, протянувшегося с Севера на Юг на добрых 3000 километров.

Чтобы отразить это замечание доктора Юшина, пришлось дать в статье на стр. 18 специальную сноску.

Еще раз проверив правильность расстановки запятых и пересчитав рисунки, Яшкин отправил статью в журнал заказной бандеролью.

Теперь ей предстояло пролежать в редакционном портфеле два года.

По неписаным канонам, редакторы научных геологических журналов подписывали статьи в печать не ранее, чем бумага приобретала благородный цвет слоновой кости.

Глава 10. Появляется Галка

Галка приехала из Клондайка.

Слово «приехала» лишь приблизительно передает сущность ее появления. Лучше сказать, что она ворвалась в Филиал, словно фугасный снаряд, начиненный цитатами из первоисточников: она приехала сдавать кандидатский экзамен по философии.

Пока что она шныряла по Институту как разведчик в поисках языка.

Все окружающее вызывало у неё смешанные чувства недоумения, растерянности и возмущения. Вид этих академиков, спокойненько посиживающих в своих захламленных кабинетах и безмятежно ковыряющих каждый свою грядку Научного Огорода — приводил ее в ярость. Она совершенно не понимала, за что этим трутням платят деньги. Да и вообще, все минералы, кроме оливина, и все химические элементы Периодической системы, кроме Fe, Mg, Ni, Cr, вызывали у нее чувство тоскливого недоумения: «зачем?!».

Яшкина она когда-то помнила по университету[47]. Нахождение его здесь, среди академиков, она восприняла как личное оскорбление.

Она влетела в кабинет к Яшкину, как ракета, накрывшая цель.

Если из их бурного диалога убрать слабые реплики Яшкина, то получится примерно следующее:

— Ты что здесь делаешь?

...

— Почему ты до сих пор не в Клондайке?!

...

— Работаешь? Как можно работать в этом вонючем Сингапуре?

...

— Академики — не люди! Я бы вас всех пересажала — в клондайкский лагерь строго режима!

...

— Философия — не наука!

...

— Я открыла оливин без спайности!

...

---

[47] *Савельева Галина Николаевна*, ныне доктор геол.-мин. наук, главный научный сотрудник ГИН РАН, специалист по петрологии гипербазитов Полярного Урала. Яшкину чуть ли не с первого курса запомнилась красивая румяная волейбольная парочка — Галка и Саша Савельевы (о последнем см. далее — в главе 12). Этот выпуск геолфака МГУ (1959 г.) дал нашей стране много примечательных личностей. К 40-летию курса была выпущена интересная книжка доктора геол.-мин. наук, палеонтолога *Олега Владимировича Амитрова* «Воспоминания о Курсе: МГУ. Геологический факультет 1954—1959. М., 1999. 150 с.». Оттуда можно почерпнуть массу интересных сведений, и, в частности, что девическая фамилия Галки — Матвеева.

— Говорят, ты нашел медь?

...

— А где же минералы?

...

— Как это нет? Так не бывает! Надо работать, а не болтать ногами!

...

— Что это? Фотографии? Это дерьмо, а не фотографии! У нас любой рабочий лучше сделает!

...

— Снимать надо оливины!

...

— Что это черненькое? Не знаешь?! А что же ты знаешь — чему тебя учили в нашем Храме?[48]

...

— Где твой микроскоп? Это — микроскоп?! Да у нас в такие микроскопы окурки бросают!

...

— Где у тебя рудный микроскоп?

...

— У тебя нет рудного микроскопа?! А что же у тебя есть?

...

— Академиков надо отстреливать! По лицензиям! Где включается твой драндулет? Включи!

...

— Где твои шлифы?

...

— Это что? Не знаешь? Академиков передушить мало! Это рудный минерал!!

...

— Как это какой? Вероятно, медный!

...

— Как это непохож? Сама знаю, что непохож!

...

— Где же все эти вторичные минералы?...Где всякие там малахиты и азуриты?... Они же синенькие!.. Ничего синенького нет! Это черт знает что такое! Академиков перевешать мало... В упор смотрят на рудный минерал и нагло пишут: *«рудная минерализация, самое существование которой еще не может считаться установленной»*. Кретин! А что же тогда «может»?! Я бы академиков порола розгами! По субботам! Для профилактики!...Я, например, открыла оливин без спайности!

...

— У них нет рудного микроскопа! Я бы академиков кормила стрихнином!

...

Убежала она так же внезапно и стремительно, как появилась, приказав Яшкину срочно изготовить аншлифы.

— Я посмотрю дома,— крикнула она ему на бегу, — твои дурацкие аншлифы!.. Минералов у них нету... А что же есть? Сортир — и тот переоборудовали. Я бы академиков травила газом... в душегубках!

Галка исчезла.

Оплеванный и раздавленный Академик Яшкин остался стоять за своим ящиком, совершенно утратив дар речи.

По столу были разбросаны шлифы и смятые листы его статьи с микрофотографиями шлифов.

Рядом валялся перевернутый микроскоп, в который в Клондайке бросают окурки.

---

[48] Выпускники МГУ (после 1953 г.), используя газетный штамп («храм науки»), любили называть свое высотное здание на Ленинских горах Храмом.

Глава 11. Академик дает интервью

Не успел Яшкин выйти из транса после посещения Галки, как ему позвонили из редакции молодежной газеты. До них дошел слух, что в Институте сделано открытие, и что автором его является еще хорошо сохранившийся академик. Поэтому они решили подготовить очерк про молодого ученого.

Яшкина предупредили, что к нему выезжает девушка из редакции для сбора материалов непосредственно на месте событий.

Едва он успел поправить галстук и придать своему лицу интеллектуальное выражение, как появилась красивая девица в унтах и беличьей шапке, предложила звать ее попросту Валей, бросила свою шапку на бумаги Яшкина, закурила, выдохнула дым в академика, с интересом осмотрела его с головы до ног, открыла блокнот и стала быстро строчить.

Минут через пять она сказала Яшкину вполне дружелюбно:

— Ну, а теперь расскажите, пожалуйста, подробно, как это все было.

— Что было? — спросил Яшкин.

— То, как Вы пришли к своей идее. Про Ваши бессонные ночи. Про то, как Вам мешали. Про то, как Вы все же добились своего.

При этом она не переставала строчить, делая Яшкину ободряющие знаки, чтобы он не робел, и говорил, не обращая на нее внимания.

Однако, услышав про бессонные ночи и прочее, Яшкин смутился.

— Да мне никто не мешал, — сказал он.

— Ну, мы-то знаем, — ласково сказала девушка Валя, на мгновение оторвавшись от блокнота. — Новаторам всегда мешают. Ваше изобретение кое-кто ведь не хотел признавать, не так ли?

— *Изобретение*?! — Яшкин был поражен. — Я ничего не изобрел!

— Не скромничайте, — строго сказала Валя. — Эти изобретатели вечно ломаются. Только, пожалуйста, без технических подробностей. Главное для нас — это Человек. И давайте факты, голые факты. Не ищите формулировок — мы сами как-нибудь сформулируем[49].

— Да говорю я вам, что я не изобретатель! Геолог я, геолог! — закричал Яшкин, как будто разговаривал с собеседницей по телефону из Магадана.

— Геолог?

— Ну да.

— А это ваше... Ну, контора-то как называется?

— Это не контора, — сказал Академик с обидой. Это Сингапурский Филиал Академии Наук. Все пишется с большой буквы.

— Да ведь это же чудесно, товарищ! — Девушка Валя сделала пометки в блокноте и с уважением посмотрела на Академика. Затем еще минут 5 она сосредоточенно писала, не выпуская сигаретки изо рта.

Яшкин понял это так, что ему деликатно дают собраться с мыслями.

— Итак, Вы — молодой ученый?

— Видите, уклончиво сказал Яшкин. — Как бы это точнее... Я не так уж стар, но в общем... и не начинающий (Яшкин был кандидатом наук 32-х лет от роду).

— Ну и что же? Вы же все равно неуклонно шли к своей цели по крутым горным тропам Науки? Ведь в Науке нет широких торных дорог, не так ли?

— Не знаю, — промямлил Академик, постепенно утрачивая черты своей творческой индивидуальности.

Между тем Валя продолжала писать...

— А чего Вы пишете? — глупо спросил Яшкин.

Девушка Валя захлопнула блокнот и ободряюще улыбнулась Академику.

— Такая уж работа у нас — все пишем и пишем! Вы вот открываете, а мы пишем. А век-то у нас, сами знаете, какой — НТР, урбанизация, стрессы, экологические проблемы. А в центре всего — Человек. Чем он живет, чем дышит. А Вы мне понравились. Рада буду еще с Вами поработать!

Она вырвала из блокнота листик, черкнула на нем свой служебный телефон (*«спросите просто Валю — позовут!»*) и ушла, на ходу натягивая беличью шапку и запихивая блокнот во внутренний карман шубы.

---

[49] Так сказал товарищ Сталин бывшему фронтовику Воропаеву в повести Павленко «Счастье», которую когда-то Яшкин проходил в средней школе по литературе. Он мог бы уличить Валю в плагиате.

Впечатление было такое, что она сейчас же сядет в вертолет, чтобы десантироваться для взятия интервью в каком-нибудь оленеводческом стойбище. На самом деле, как это установил Яшкин, глядя из окна своего кабинета, она направилась на обыкновенную автобусную остановку.

Лишь теперь Яшкин с удивлением понял, что в своем интервью он решительно ни о чем — ни о самом открытии, ни об Аспирантке, ни о Дяденьке — рассказать так и не успел. Однако он мог поклясться, что она ушла с исписанным блокнотом.

— Вот как надо работать, — с завистью подумал Яшкин.

Дня через два Валя сама позвонила Яшкину.

— Видали очерк? Материал, по-моему, ничего. Удачный. Наши все хвалят. Поздравляю!

Яшкину было стыдно признаться, что он не выписывает и не читает молодежной газеты, и он соврал:

— А я как раз читаю. До половины дошел.

Тотчас он велел лаборантке сбегать в газетный киоск и купить 10 экземпляров «Юности Сингапура».

С замиранием сердца развернул Яшкин газету, всю вторую полосу занимал Валин очерк «Дерзание».

«Меня встретил широкоплечий молодой человек с открытой улыбкой».

Это начало Яшкину очень понравилось. Он с удовольствием оглядел себя в зеркале, расправил плечи и открыто улыбнулся.

«В его лаборатории сесть было некуда. До самого потолка громоздились циклотроны, гамма спектрометры, установки для сверхвысоких температур и другая сложная электронная техника».

Яшкин новыми глазами осмотрел свой обшарпанный двухтумбовый канцелярский стол, ящик из-под микроскопа, лотки с камнями и пыльные папки с анализами на стареньком стеллаже. Циклотронов здесь не было, однако он решил, что надо сделать скидку на элемент художественного вымысла, присущий настоящей Беллетристике.

«Академик Яшкин открыл несгораемый шкаф и высыпал мне на ладонь горсть крупных синих кристаллов с нестерпимым блеском.

— Вот полюбуйтесь — это алмазы, — просто сказал молодой ученый. — Мне удалось найти несколько подземных кладовых, хотя кое-кто утверждал, будто в окрестностях Сингапура нет кимберлитовых трубок...».

Яшкин бросился к телефону. После нескольких попыток он связался с Редактором «Юности Сингапура». Судя по голосу, это был бодрый и жизнерадостный молодой человек.

Он не сразу понял, чего от него хочет Яшкин.

— Говорите, медь? Во-первых, алмазы для нашего читателя ближе, понятнее, интереснее. А во-вторых, разве Вы исключаете возможность находки алмазов в наших краях?

Яшкин был вынужден признать, что такую возможность наука безоговорочно отвергнуть не может. Хотя алмазов у нас пока не нашли, они могут найтись при дальнейших изысканиях.

— Вот видите! — радостно сказал Редактор. — А про медь — пожалуйста, дадим следующий очерк!

Однако настырный Академик не унимался. Он заорал в трубку, что требует поместить в газете опровержение.

Голос Редактора посуровел.

— Никаких опровержений наша газета не публикует, товарищ Яшкин. Тем более, что опровергать нечего — Вы это сами только что признали.

...К несказанному удивлению Яшкина, академики отнеслись к очерку вполне терпимо! Иные, правда, зубоскалили насчет алмазов, но подавляющее большинство, в особенности женщины, находили, что закручено в газете всё очень лихо — и смотрели на Яшкина с одобрением.

Директор специальным приказом объявил Яшкину благодарность за популяризацию науки среди населения республики.

Отдел же, в котором числился Яшкин, вследствие Валиного очерка заработал в соцсоревновании с другими отделами сразу 50 добавочных баллов.

Глава 12. Преступник оставляет след

Через два дня аншлифы были готовы. К этому времени Аспирантка нашла медь еще в 13 пробах. Меди было еще больше, чем прежде.

Яшкина нисколько не смущало, что в статью придется вносить дополнение — он заранее это знал. Важно было как можно раньше заслать статью в журнал, чтобы она встала в очередь. Потом взять и поменять редакционный экземпляр на новый, дополненный — это было плевое дело, и Яшкин многократно проделывал такой фокус.

Итак, исследования надлежало продолжить — может быть, как раз при изучении этих новых проб что-то и прояснится?

Поскольку в дробильную мастерскую института вечно была очередь, и они очень неохотно брали внеплановые заказы, Яшкин велел лаборантке по-быстрому вручную растереть эти 13 проб в агатовой ступке. После этого они сами смешали порошки проб с буфером — дабы как можно больше ускорить работу Дяденьки.

После чего Яшкин отправился к одной сослуживице, работавшей прежде ночным сторожем, и выпросил у нее драный тулуп и почти новые валенки.

Теперь все было готово к поездке в Клондайк.

Влезая в своем тулупе в комфортабельный лайнер, Яшкин волочил за собой рюкзак с образцами и новыми меденосными пробами.

По прибытии в Клондайк Яшкин первым делом направился к Главному Геологу[50].

Этот последний был крайне утомлен и снисходителен; он напоминал Министра Колоний, вынужденного цивилизовать диких туземцев для их же пользы — и притом постоянно подвергаться нападкам. В роли туземцев выступали начальники партий. Они постоянно роптали.

Министр Колоний принял Яшкина тепло и рассеянно. Он расслабленно снял трубку и вяло пошевелил пальцем диск.

— Люся? Это я, Люся. Люся, у нас тут есть граммов двести протолочки... Что? Из известняков... Да... Я попрошу, Люся, выделить тяжелую фракцию. Да... Правильно. Сперва на ситечках, потом в бромоформчике... Зачем? Там должны быть медные минералы... Что? Понятия не имею. Может и халькозин.

Яшкин с жалостью смотрел на Министра Колоний. Видно было, что последнего утомляли даже звуки собственного голоса.

— Завтра сделают, — сказал Министр и вяло помахал Яшкину рукой на прощанье.

Похоже было на то, что Яшкин приехал не напрасно — все складывалось отлично.

Еще до конца дня Академик успел переговорить с Дяденькой и упросил его сделать контрольные анализы к завтрашнему утру. Дяденька скривился, но обещал. Помогло (как всегда) произнесение Яшкиным слова *Наука* с особо значительной интонацией.

На следующее утро мартовское солнце осветило город Клондайк, окруженный живописными терриконами. После долгой полярной ночи всё хотело здесь жить и цвести махровым цветом. Даже часовые на вышках одобрительно сморкались в воротники тулупов, наблюдая краем глаза, как огненный шар медленно вползал на небосвод: нынче грех было жаловаться на видимость...

Академик Яшкин вбежал в кабинет Министра Колоний. Тот выглядел еще более усталым. Видимо, и ночью он не мог освободиться от бремени просвещения туземцев. Он слегка потискал академическую руку и протянул Яшкину описание тяжелой фракции:

«1. Халькозин — 4 зн.[51] , 2) пирит — 5 зн., 3) лимонит — 4 зн., 4) хромит — 3 зн.»

— Халькозин!!! — вскричал Яшкин, не в силах сдержать восторга. — Сульфид меди! Да здравствует Галка!

---

[50] Во времена описываемых событий в структуре Воркутинской геологии была создана группа геологосъемочных партий, главным геологом которой стал *Александр Александрович Савельев* (муж Галки). Как и она, Саша специализировался на геологии гипербазитов, но был региональным геологом-тектонистом широкого профиля — достойным представителем школы А. А. Богданова в МГУ. Впоследствии защитил докторскую и вместе с Галкой был приглашен на работу в ГИН РАН. Пережил инсульт и несмотря на самоотверженную заботу Галки (позволившую ему прожить несколько лишних лет), в 2000 году умер. Эпизод, когда он был Главным Геологом, оказался недолгим, но это были как раз годы расцвета воркутинской геологии.

[51] Редкие минеральные зерна в шлихах и протолочках (не имеющие массового распространения) принято называть «знаками».

— Министр поморщился. Он не любил таких эмоций. Все туземцы были эмоциональными, а ведь он призван был их воспитывать.

Яшкин выскочил из камералки и помчался в соседний корпус — в Лабораторию Дяденьки.

Дяденька встретил его без всякого энтузиазма.

— В ваших пгобах меди нет, — сухо сказал он.

Глава 13. Следы ведут в Сингапур

— В ваших пгобах меди нет, — сказал Дяденька.

Яшкин остолбенел.

— А где же она? — глупо спросил он.

— Я знаю, где ваша медь? — ехидно спросил Дяденька. — Все геолого-газведчики непгеменно тгебуют гуду со спектгоскописта! Спетгоскописты могут ошибаться — геологи не могут ошибаться!

Яшкин хлопнул себя по лбу. Каким же он был до того идиотом — искал Природные Закономерности там, где была самая настоящая Шпионско-Диверсионная деятельность! Ведь страна была окружена кольцом враждебных государств, которые использовали любую возможность для вредительства!

Как же можно было быть таким растяпой — ведь пробы с буфером смешивала новая лаборантка. Она утверждала, что муж ее работал валторнистом в музыкальном театре — как раз напротив дома, где жил Яшкин. Между тем, по данным Аспирантки (Яшкин на всякий случай поинтересовался), в оркестре театра не было ни одной валторны. Кроме того, было известно, что до приезда в Сингапур, эта лаборантка долго жила в Польше. Надо полагать, что граница по Одеру-Нейссе была не так уж далеко...По всей вероятности, ее завербовали еще там.

— Что же она сделала? — размышлял вслух Яшкин. — Она истерла в ступке буфер — чистый кварц, а вместо пробы насыпала что угодно — ну хотя бы поваренную соль!

— Пгавильно, — подтвердил Дяденька. — Линия натгия в спектге очень сильная.

Яшкин нервно ходил по лаборатории, натыкаясь на дифракционные решетки от спектрографов[52]. Кулаки его сжимались. Ему не терпелось поскорее вернуться в Сингапур и разделаться с вражеской агентурой.

Яшкин давно догадывался, что иностранные разведки плетут вокруг него свои сети. Периодически у него со стола исчезал журнал проб и словно проваливался сквозь землю — кого ни спросишь, никто не видел. Потом журнал так же внезапно появлялся, по-видимому, перефотографированный вдоль и поперек.

Кроме того, то и дела прибегала Аспирантка с криком, что на её градуировочных графиках прямые загибаются книзу (что было чревато занижением истинных результатов в анализе). Это могло быть только в случае злостного заражения основы, на которой были приготовлены эталоны. Через несколько дней прямые так же загадочно и необъяснимо начинали загибаться кверху...

Последний случай был всем еще памятен. Из Ньюсибска прислали квантометрические анализы, где содержание щелочей было занижено ровно в два раза по сравнению с истинными. Тем не менее, сумма, подбитая ловкой рукой опытного агента, безукоризненно сходилась к 100 %. К счастью, вскоре пришел второй пакет уже с советскими анализами, где первые результаты были полностью дезавуированы.

— А пгобы? — внезапно спросил Дяденька.

— Какие пробы? — сказал Яшкин.

— Есть у Вас остатки пгоб, или нет у вас остатков пгоб?

— Ах да! Я же привез образцы! — сказал Яшкин.

— Хогошо. Я попгобую их пготолкнуть на полягоггафию.

Яшкин уже вполне овладел ситуацией. Ум его, обостренный напряженной борьбой с происками разведок, вновь стал щелкать, как стальной капкан.

— Передайте химику, что возможны очень высокие содержания, — со значением сказал он. — Как бы у них там прибор не зашкалило. Пусть берут навески поменьше.

[52] На самом деле это крошечные пластинки размером около 1 см.

Дав это указание, Яшкин выбежал из лаборатории. Внизу его ждала военная машина. Тридцать фанатиков — солдат из стройбата во главе со своим майором — уже ждали его в Доме культуры, заранее расставив колобашки[53] на столах, развернутых буквой «П». Сеанс одновременной игры начинался через 20 минут. Мотор машины нетерпеливо урчал.

Глава 14. Враг не дремлет

Через день Яшкин вернулся в Сингапур.

Как и следовало ожидать, новой лаборантки на работе не оказалось. Она якобы заболела вирусным гриппом (намек на то, что и внеслужебный контакт с нею опасен).

В остальном всё было по-старому. Время здесь словно застыло.

После нескольких дней в Клондайке, когда Яшкин познавал Новое, давал научные указания, агитировал за Большую Науку, спускался в угольную шахту, заключал двусторонние договора, и наконец, напряженно размышлял о происках разведок — после этих дней, наполненных духом Штурма и Дранга, — ему показалось, что он погрузился в стоячее болото...

«Академиков перевешать мало!» — вспомнил Яшкин и вздохнул.

Не зная, чем бы заняться, Яшкин встал за свой ящик и принялся сочинять отчет по теме, которая заканчивалась через 7 лет. Тем не менее, ему было далеко до своего знакомого Академика Ткаченко[54], который вообще никогда не начинал новой темы, не написав заблаговременно отчет.

Яшкин чувствовал, что постепенно впадает в привычное состояние анабиоза возле своего ящика...Наступательный порыв, который только что наполнял его, улетучивался на глазах.

Но судьба заготовила ему новые испытания.

...13 апреля 1970 года Яшкину позвонили снизу. Он спустился к вахтерше и расписался за телеграмму.

Телеграмма была от Дяденьки.

«Новых образцах меди нет цинка нет ничего нет» — прочитал похолодевший Яшкин.

В этой ситуации многие бы пали духом и прекратили борьбу.

Но Яшкин был не из таких.

Дело в том, что Яшкин, как уже отмечалось, не всегда был Академиком: он прошел суровую жизненную школу на производстве. Ему приходилось *проектировать*, притом, что он никогда не забывал предусмотреть в Проекте возведение богоугодного заведения на 2 очка. Он умел, соответственно Проекту, *задалживать исполнителей*, и знал, что и как надлежит *осмечивать* .

Восемнадцать раз он ходил по азимуту в противоположную сторону, но вследствие шарообразности Земли, всегда возвращался к своей палатке. Три раза он тонул — и все три раза в сапогах.

На его счету было три жестоких голодовки. В первую он съел подстреленную ондатру, во второй — ременную упряжь колхозных лошадей (за съедение самих лошадей грозила тюрьма), и в третьей — своего молоденького коллектора Пашу. Последнего он вспоминал всегда с теплым чувством. По приезде с поля он поместил о нем в стенной газете статью под названием *«Жизнь, без остатка отданная Науке»*.

Итак, Яшкин решил не сдаваться.

Шанс еще был.

Был шанс найти серу.

Академик Яшкин направился к Бабушке.

---

[53] На сленге ленинградских перворазрядников так называли шахматы. Вообще же *колобашка* — слово из псковского диалекта, означающее деревянную чурочку.

[54] Ныне профессор *Ткачев Юрий Андреевич*, доктор г.-м. н., крупнейший российский специалист в области геоинформатики, человек огромной эрудиции и учености. В 1975 г. они с Яшкиным сочинили бестселлер, популярный и по сию пору: «***Ткачев Ю. А., Юдович Я. Э.*** Статистическая обработка геохимических данных. Методы и проблемы. — Л.: Наука, 1975, 233 с.». Биографический очерк к 70-летию проф. Ткачева, принадлежащий перу Академика Яшкина, опубликован в сборнике: «Геология угольных месторождений: Межвуз. науч. темат. сб. / Редкол.: Алексеев В. П. (отв. ред.) и др.: Изд-во Уральского гос. горного университета, 2005. Вып. 15, с. 258—271.

Глава 15. Бабушка ищет серу

Бабушка была химиком[55]. Она была так стара, что никто толком не знал, сколько ей лет, равно и как её настоящее имя. Все, включая Директора, звали её Бабушкой. Даже старожилы Института утверждали, что Бабушка была здесь задолго до того, как Ваня Кочетов впервые применил микроскоп в кулачном бою[56]. Несмотря на свои седины, Бабушка была весьма спортивной старушенцией. Она бегала на лыжах, играла в волейбол и плавала в бассейне. Встречаясь с нею на водной дорожке, Яшкин всегда с изумлением отмечал, что она превосходно сохранилась.

Стол Бабушки был в самом темном углу Большой Аналитической Лаборатории. Бабушка курила сигаретку и стряхивала пепел в холостую пробу.

Приблизившись к Бабушке, Яшкин поинтересовался, умеет ли она определять серу.

Бабушка загасила окурок и сплюнула в холостую пробу.

— Мне это раз плюнуть, — заявила она.

— А с каких концентраций начиная? — спросил Яшкин.

— С каких? Да сотые увижу. Слава Богу, в очках пока не нуждаюсь. Бабушка тряхнула короткой спортивной стрижкой и снова закурила. Она всегда фильтровала через самые плотные фильтры с синей лентой, что заметно увеличивало продолжительность перекуров.

Академик Яшкин быстро прикинул в уме.

Допустим, у него в пробе содержится один процент меди. Поскольку уже найден халькозин, то медь, несомненно, находится в форме сульфида. В такой пробе должно было содержаться около полпроцента серы.

— Полпроцента? — удивилась Бабушка. — Да тут и делать нечего. Растворить, окислить, капнуть бария — и все ваши полпроцента вывалятся, как из дырявого мешка.

Яшкин отправился к Главному Химику[57], и поторговавшись с ним, выменял три причитавшихся ему по плану силикатных анализа на пять определений серы. Главный Химик был очень доволен, что так ловко облапошил Академика: на самом деле три силикатных анализа по трудозатратам были эквивалентны тридцати анализам на серу.

Бабушка приступила к анализам в тот же день. За долгие годы она научилась не брать навесок, отмеривая порошочки на-глаз.

Ненужность навесок стала ей очевидной лет 10 тому назад, когда она прочла книгу Карла Дёрфеля «Статистика в аналитической химии». Теперь она твердо знала, что уж в *двухсигмовый интервал* она всегда уложится, а про *трехсигмовый* и говорить нечего. Главный Химик высоко ценил Бабушку за сноровистость.

...В половине пятого Бабушка ворвалась в кабинет Яшкина. В каждой руке она держала по два химических стакана, один был у ней в зубах и на голове стоял еще один, с эталонной пробой.

Она боднула головой и со звоном и плеском сгрузила всю посуду на стол Академику.

— Вы что! — закричала она. — Смеяться вздумали над старухой?

— Позвольте, — сказал Академик. — О чем Вы?

— О чем? Вот видите — эталонный раствор?

— Вижу, — сознался Яшкин.

— На дне видите — белые крупинки?

— Вижу, — сказал Яшкин.

— Это сульфат бария! Сколько, по-вашему, серы в этом растворе?

— Сколько? — как эхо повторил Яшкин.

---

[55] *Бабушкина Эля*, спортсменка лет 30, хорошо делала силикатные анализы. Вскоре ушла из Института и сделалась тренером по настольному теннису.

[56] *Кочетков Олег Сергеевич*, тиманский геолог и минералог, впоследствии — доктор г.-м. н. и проректор Ухтинского индустриального Института. Вследствие шрама на лице, студенты прозвали его «Скорцени». Яшкин еще застал его в Институте; сказывали, что в каком-то старом конфликте он замахнулся на своего шефа микроскопом... После создания Юшкиным в 1994 г. Диссертационного совета при Институте, О.С. стал его «иностранным» членом и, регулярно приезжая из Ухты на защиты, неизменно выполнял роль городского сумасшедшего — вследствие анекдотической нелепости своих вопросов и выступлений.

[57] *Павлов Лев Петрович,* в войну командир расчета гвардейского миномета «Катюша», с 1958 г. почти 40 лет возглавлял химико-аналитическую лабораторию Ин-та геологии. См. о нем биографический очерк: ***Елисеев А. И., Юдович Я. Э.*** Генерал-лейтенант аналитической химии // Вестник Ин-та геологии, 1999. — Декабрь № 12 (60), с. 14—15.

— Одна сотая, вот сколько! А теперь взгляните на свои паршивые пробы. Что Вы там видите? А?

Яшкин ничего не видел. Растворы были чисты, как утренняя роса.

Академик стоял, разинув рот, бессмысленно переводя взгляд с эталона на пробы и обратно.

Бабушка с грохотом смахнула стаканы со стола и разревелась.

— Стыдно, стыдно Вам, молодой человек, так шутить со старушкой, — говорила она, сморкаясь в фильтровальную бумагу.

Яшкин молчал. Он не мог утешить Бабушку. Он сам нуждался в утешении.

Круг замкнулся.

Податься было некуда.

И Яшкин снова побрел в соседний корпус, где размещался Институт биологии.

Глава 16. Консультант чертит схему

На этот раз Консультант был один. Осциллограф был выключен. Вельветовые штаны Консультанта указывали на то, что сегодня он выступает по телевидению.

Вследствие этого он сосредоточенно углубился в себя, боясь расплескать, не донести нажитое и выстраданное — до миллионов телезрителей. Консультант шевелил губами, заучивая наизусть текст, присланный ему с телестудии.

Появление Яшкина его не удивило. Он знал, что если клиент начал ходить, то это надолго. Он считал, что лучше иметь немного клиентов, но зато постоянных — нежели много, но эпизодических.

Выслушав сбивчивый рассказ Яшкина, Консультант взял лист миллиметровки и расстелил его на захламленном полу вольера. В правом углу он нарисовал кружок и букву **П** в середине. От кружка отходили стрелки вниз и вбок. Кроме того, он нарисовал квадратики — с индексами **А**, **Б**, **Д**, **М** и **Х**. Они обозначали соответственно: Аспирантку, Бабушку, Дяденьку, Министра Колоний и Халькозин.

В стороне от основной схемы Консультант изобразил ромбик, которым на военных картах обозначают бронетанковые части. В этот ромбик он вписал латинскую **S**, что должно было символизировать Шпиона.

Все узлы схемы соединялись друг с другом линиями — жирными, тонкими, пунктирными и штрих-пунктирными. Возле каждой линии стояли значки: **Э**, **ЭЭ**, **ЭЭЭ** и **ЭЭЭЭ**.

— Это эффекты, — пояснил Консультант заинтригованному Академику. — Каждый *Индуктор* определенным образом воздействует на соответствующего *Перципиента*. Это воздействие я называю *Эффектом*. Первичный эффект — **Э**, вторичный — **ЭЭ** и так далее.

Яшкин был восхищен. На его глазах рукою мастера начинал распутываться зловещий клубок преступления. Даже беглого взгляда на схему было достаточно, чтобы обнаружить штрих-пунктирную линию, которая шла от ромба с латинским **S** к квадратику с буквой **А**. Кроме того, тонкая (но вполне заметная!) линия соединяла *Министра* и *Халькозин*, а *Проба* жирными линиями соединялась сразу с тремя узлами: с *Аспиранткой*, *Дяденькой* и *Шпионом*.

Дело начинало проясняться.

Глава 17. Ночной визит

Становилось очевидным, что необходима организация тщательной слежки за всеми подозреваемыми лицами, мастерски выявленными Консультантом.

Для того, чтобы до сроку не спугнуть вражескую агентуру, Яшкин написал заявление, в котором просил разрешить ему организацию в лаборатории трехсменной роботы. Мотивировал он это жестокой необходимостью круглосуточного прогрева флуориметра[58]. Разрешение вскоре

---

[58] При этом показания непрерывно работающего флуориметра отчего-то плавно снижались со временем. Об этом странном эффекте Яшкин с Консультантом и Дяденькой написали специальную статью (см. ***Юдович Я. Э., Никифоров В. С., Кетрис М. П., Фридлендер Н. Г***. Количественное определение битумов на модернизированном флуориметре ФО-1 // Геол. нефти и газа. 1973. № 9. С. 68—72.

было получено, хотя и не без осложнения; профсоюз потребовал удлинить ночные смены на час, чтобы гарантировать трудящимся законный обеденный перерыв.

Теперь, под видом проверки ночных смен, Яшкин мог появиться в Институте в любое время суток, не возбуждая ничьего подозрения.

Первая неделя круглосуточных дежурств показала, что флуориметр прогревался хорошо — но ввиду того, что прогрев был круглосуточным, времени для работы на нем уже не оставалось... Яшкин опасался, что это со дня на день будет замечено администрацией.

К сожалению, ничего существенного заметить не удалось, разве что то, что Аспирантка торчит в своем кабинете до поздней ночи, в чем, однако, ничего странного не было. По истечении трех лет аспирантуры ей велели срочно продумать план диссертации, после чего приступить к составлению автореферата.

Яшкин пал духом. Ему казалось, что он сбился с верного пути.

...На исходе недели, протекшей с начала дежурств, к Яшкину вдруг явилась изможденная женщина из подвала. Ее звали Маркина[59]. За два года он видел её не более трех раз.

Она провела всю жизнь, снимая спектры люминесценции кристаллов кварца. Для того, чтобы снять спектр, прекрасный хрусталь надлежало разбить пестом в чугунной ступке. И вот, разбивая чудесные хрусталики на уродливые обломки, она тем самым ежедневно разбивала свое сердце. Ибо она нежно любила все прекрасное. Жестокая действительность вынуждала ее ежедневно убивать в себе то, для чего она была создана.

Никто не знал, что она пишет стихи! Она и сама не подозревала об этом. Между тем, записи в ее лабораторном журнале рифмовались сами собою:

Воскресный вечер. Ах, как он сер!
Люминесцентный снимаю спектр.
Три крупных пика. Затем провалец.
В железной ступке разбили кварец...

Вдобавок ко всему, несчастная была глухонемой и панически боялась своего шефа, академика Букашина[60]. Никто не знал, в чем причина этого страха. Академик Букашин был мужчиной в высшей степени учтивым и обходительным. Никто в его отделе (кроме лаборанта, занимавшегося фотографированием кварцев), не слышал, чтобы он когда-либо повышал голос.

Тем не менее, здесь была какая-то тайна: бедная женщина менялась в лице при одном виде шефа и спешила скрыться в свой подвал. В Институте поговаривали, что дело тут не чисто, но мало ли что болтают люди?

Неожиданный визит поразил Яшкина.

Маркина тронула себя за ухо, почесала нос и трижды стукнула себя по лбу — то был язык глухонемых.

Яшкин в отчаянии смотрел на неё, ничего не понимая.

Очевидно, что ему сообщали тайну. Ах, если бы здесь оказался Лауреат Вик, который наверняка знал и язык глухонемых! Но Вик в этот вечер играл в волейбол против сборной команды Горломстроймаша и Химдымпиввода.

Озираясь по сторонам, Яшкин увидел на столе лист бумаги и карандаш. Он схватил их и протянул Маркиной.

---

[59] *Маркова Галина Александровна*, физик, правая рука Юшкина в исследовании оптического флюорита, за что и была в его коллективе увенчана Премией Совмина СССР. Остроумная обаятельная женщина, которую не смогло испортить даже членство в КПСС (она была чуть ли не парторгом). Сочиняла изящные стишки, была неизменно иронична, отзывчива и милосердна.

[60] *Буканов Владимир Валентинович*, зав. лаборатории минералогии «до-юшкинского периода», кандидат г.-м. наук. Больше всего занимался горным хрусталем, о чем написал хорошую книжку (***Буканов В. В.*** Горный хрусталь Приполярного Урала. — Л.: Наука, 1974, 212 с.). В начале 1970-х поменялся квартирами со ссыльным ленинградским диссидентом Пименовым Револьтом Ивановичем (которому КГБ все равно не дал бы вернуться в Ленинград) и стал главным геологом в могущественной ленинградской фирме «Северкварцсамоцветы». Пименов из избушки в Затоне переехал в букановскую квартиру (где и прожил до своей смерти), а Юшкин на обломках букановской лаборатории создал свой великий Отдел минералогии.

Несчастная отрицательно помотала головой: она умела писать только в лабораторном журнале. Когда шеф приносил ей совместные статьи, она торопливо ставила вместо своей подписи дрожащий кривой крест и спешила скрыться.

Внезапно она цепко ухватила Яшкина за рукав и потащила в подвал.

В подвале пахло кошками. Было тихо и темно. Только из-под двери комнаты № 13 пробивалась полоска зловещего красного цвета. Маркина поднесла палец к губам и пошла на цыпочках.

С замирающим сердцем Яшкин последовал за нею.

Глава 18. Леденцы Академика Букашина

Предваряемый Маркиной, Яшкин неслышно приблизился к двери.

Остановившись перед нею, Маркина припала к полу и жестом пригласила Яшкина сделать то же.

Яшкин лег на пол, проклиная себя за то, что не догадался переодеться в рванье, которое он хранил специально для воскресников.

Вся внутренность кабинета № 13 была видна отсюда как на ладони. Слева стояли две шаровые мельницы для растирки проб. Справа — щековая дробилка.

Посреди кабинета на цементном полу была развернута портативная радиостанция. Зловещим красным огнем светилась индикаторная лампочка.

Перед рацией сидел Академик Букашин без пиджака и в наушниках. Он работал на ключе, не выпуская изо рта гаванскую сигару.

Было тихо, только гудели трансформаторы и попискивал зуммер телеграфа.

Прошла минута, а может быть и десять. Яшкин потерял счет времени. На цементном полу в коридоре было очень холодно.

Наконец, Букашин перестал стучать ключом и перебросил тумблер на панели. Зажглась зеленая лампочка. Букашин вскочил, и все время, пока рация работала в режиме приема, стоял по стойке «смирно».

Лампочка погасла.

Букашин сбросил наушники, выплюнул сигару и снял со спинки стула свой пиджак. Он быстро распорол зубами подкладку и вытащил пакетик с леденцами. Надкусив целлофановый мешочек, Букашин высыпал леденцы на ладонь и принялся их внимательно рассматривать.

Яшкин с трудом подавил возглас удивления.

Между тем Букашин осторожно отделил от кучки три леденца и сунул их себе в рот, остальные вместе с пакетиком выкинул в мусорную корзину.

После этого он стал сновать по комнате, наводя порядок. Рация была быстро и ловко демонтирована, снова превратившись в обыкновенную чугунную ступу с пестом для ручного дробления больших петрографических проб. Окурок сигары он поднял, облил спиртом из маленького пузырька и аккуратно сжег на спичке.

Все это время он с видимым наслаждением сосал и причмокивал.

Наконец, он выплюнул что-то в ладошку, критически осмотрел выплюнутое, подойдя под свет голой лампочки под потолком, и внезапно прыгнул к двери, резко распахнув ее.

Яшкин и Маркина чудом успели отпрянуть в стороны и замерли не дыша.

Букашин высунул голову из двери и внимательно прислушался. Потом он плотно закрыл дверь и задвинул изнутри защелку.

В коридоре стало еще темнее: теперь не было даже узкой щели для наблюдения.

Не прошло и минуты, как Букашин отворил дверь, погасил в комнате № 13 свет, закрыл ее своим ключом и удалился, насвистывая старую полузабытую мелодию *«буги-вуги»*. Проходя по коридору, он наступил Яшкину на палец подкованным башмаком явно зарубежного производства.

Яшкин скрипнул зубами. Как никогда ранее, ему была нужна сейчас выдержка.

Как только шаги Букашина стихли, Маркина вскочила и ловко открыла дверь кривым гвоздем, который она уже давно держала в кулаке наготове. Она щелкнула выключателем и бросилась в левый дальний угол, где стояли шаровые мельницы для растирки проб. Маркина быстро подняла кожух.

Крик ужаса невольно вырвался из груди Академика Яшкина.

Среди нескольких десятков серых стальных шариков нестерпимо выделялись своим дьявольским блеском три шарика из желтой латуни. Они были еще слюнявыми: Академик Букашин добросовестно обсосал их, скушав маскировочную леденцовую оболочку.

Завтра в этой мельнице должны были растирать пробы Академика Яшкина...

Глава 19. Шухер на малине

Едва забрезжило утро, Академик Яшкин был уже на ногах.

Он прокрался в свой кабинет мимо сонной вахтерши и первым делом бросил взгляд на флуориметр. Прибор был раскален докрасна, потому что не выключался всю последнюю неделю. Яшкин быстро набрал воды из-под крана и плеснул на ФЭУ-38. Раздалось паровозное шипение, комната окуталась клубами пара.

Яшкин выждал, когда пар рассеется и подошел к телефону.

Он снял трубку и долго жал гудка. Потом набрал три двойных нуля. В трубке щелкнуло, но долго ничего не было слышно. Очевидно, включилась звукозапись, и на том конце ждали, когда кончится холостой ход ленты.

Потом Яшкина спросили:

— Зачем звонишь?

— Надо, —ответил Яшкин сурово.

— Соединяю, — сказал голос.

Теперь в трубке щелкнуло два раза.

— Майор Пронин слушает, — сказал другой голос брюзгливо.

Майор только собирался вздремнуть после пятнадцатисуточного дежурства.

— Шпион тут, товарищ майор, — сказал Яшкин сдавленным голосом.

— Ты сам-то откудова будешь? — потеплевшим голосом спросил Майор Пронин. Предвкушая начало Операции, Майор Пронин, обалдевший от дежурства в вытрезвителе, где ему приходилось записывать и дешифрировать компрометирующие высказывания алкоголиков — мечтал о настоящей работе.

— Откудова, говоришь? — переспросил Майор.

— Из Академии, — стыдливо сказал Яшкин.

— Дак что же ты, скотина безрогая, людям спать-то не даешь?

— Видите ли..., — упавшим голосом начал было Яшкин.

— «Видите ли» — передразнил его Майор Пронин. Морда твоя немытая. Профессор кислых щей! Академик называешься, а по телефону звонить не можешь!

— В трубке щелкнуло три раза, и тотчас Яшкин услышал приветливый мягкий баритон, принадлежащий безусловно интеллигентному человеку[61].

— Слушаю Вас, товарищ Яшкин, — сказал голос.

— Вы меня знаете? — обрадовался Академик.

— Как же мне, товарищ, Вас не знать? — удивился голос. — Жена про Вас того не знает, что я знаю...

Яшкин был счастлив. Он возбужденно и сбивчиво стал рассказывать всё, что знал, и при этом выражал отважное желание принять личное участие в задержании агентов иностранных разведок.

Его ни разу не перебили.

Голос на том конце провода тактично и благожелательно молчал, давая возможность измученному академику излить, наконец, всё, что у того было на душе.

Между тем, по мере того, как Яшкин рассказывал, он всё яснее сознавал, что на самом-то деле ему ужасно повезло. Подумаешь — медь! В конце-концов, кто помнит этих бедолаг-первооткрывателей? Зато имя штандартенфюрера Штирлица знает каждый ребенок!

---

[61] Офицеры КГБ, приставленные к учреждениям, назывались *кураторами*. Кстати сказать, Яшкин имел в свое время отнюдь не выдуманную встречу с таким куратором. Тот усиленно вербовал Яшкина, склоняя его к стукачеству — эпизодической поставке *любой информации* о сослуживцах. Когда Яшкин отказался, то был тотчас взят на подозрение и все последующие годы провел «под колпаком».

Душу Яшкина все более захватывало горячее чувство Преданности и Готовности. Ему страстно захотелось щелкнуть каблуками и встать навытяжку. Захотелось поесть начальство глазами, получить Приказание, мужественно, четко и отрывисто ответить «есть!» и броситься выполнять.

— У меня дома и мелкашечка есть, — возбужденно и фамильярно изливался Яшкин. — Если Вы сочтете нужным — я возьму! Незаметно! Я бывало, в коробок с сорока шагов...

— Товарищ Яшкин! — вдруг сказал голос.

Яшкин застыл с разинутым ртом. Что-то в интонации показалось ему странным.

— Товарищ Яшкин! Позвольте дать Вам совет. Я бы очень рекомендовал Вам прислушаться. Вы меня поняли? — *Очень.*

— Слушаю Вас, — сказал обессилевший Академик. Бедняга был уже совершенно дезориентирован.

— Я бы советовал Вам, товарищ Яшкин, впредь растирать свои пробы в другой ступке.

В трубке три раза щелкнуло.

Стало совсем тихо.

За окнами Института занималось светлое апрельское утро.

Академик Яшкин шагнул к своему ящику и принялся сочинять отчет по семилетней теме.

Эпилог: Коридорный Ученый брал среднее

Через год после описанных драматических событий, Академик Яшкин шел по скверику, волоча за собой санки, в которых сидел его трехлетний сын.

В этом же скверике прогуливал своего дога Академик Ущербов[62].

В отличие от Яшкина, типичного кабинетного ученого, Ущербов был Коридорным Ученым. Его очень редко можно было застать на месте за рабочим столом. Почти все время он проводил в коридорах Института, где поджидал сотрудников, выходящих перекурить. Каждый курильщик думал, что Академик Ущербов вышел только что, и никто не догадывался, что он на самом деле практически не покидает коридоров.

Такой образ жизни позволял Академику Ущербову глубоко вникать в подводные течения институтской жизни. Он всегда был осведомлен, кто чем живет и кто под кого копает. Разумеется, больше всего его занимало, кто копает под него. Имея возможность всесторонне обдумать каждую появившуюся гипотезу, он выявлял своих потенциальных врагов путем чистой дедукции. Установив таким образом, откуда ему грозит опасность, он начинал борьбу заранее, путем распространения о потенциальном противнике компрометирующих слухов (напрямую следуя рекомендациям дона Базилио, которые тот в свое время давал дону Бартоло).

К издержкам его образа жизни следовало отнести то обстоятельство, что пребывая в коридорах, он был лишен физической возможности писать научные отчеты, за что иногда навлекал на себя гнев начальства.

Повстречав Коридорного Ученого, академик Яшкин вспомнил, что ведь и Ущербов был в числе клиентов Аспирантки, кроме того, дробилка-то была общая — одна на весь Институт. Значит, и в анализах, выданных Ущербову, тоже должны были попадаться аномальные содержания меди? Между тем, Ущербов никому об этом не рассказывал и никаких статей как будто не писал.

Академик решил выпытать у Коридорного Ученого, в чем дело и спросил его: попадались ли ему в пробах высокие содержания меди?

Ущербов насторожился. Ему не хотелось остаться в дураках, а напротив — хотелось бы вытянуть из Яшкина что-нибудь для себя полезное.

С одной стороны, если у него в пробах имеются аномалии, он мог бы сделать открытие, безо всякого Яшкина, который, чего доброго, примазался бы к его славе. Значит, надо быть осторожным и не выболтать лишнего.

С другой стороны, если он скажет, что аномалий не заметил, а они на самом деле есть — Яшкин бы его осмеял, и вышло бы, что он остался в дураках — не сделал открытия, когда оно

---

[62] *Эдуард Степанович Щербаков*, литолог. В 1970-х гг. защитил в ГИНе кандидатскую диссертацию и выпустил книжку (***Щербаков Э. С.*** Терригенный девон западного склона Северного Урала. — Л.: Наука, 1977, 160 с.). После этого решил, что отныне ему надлежит лишь руководить, но не работать. Не встретив понимания у начальства, ушел преподавать в Пединститут, иногда выезжая в поле со знакомыми геологами и студентами.

само лезло ему в руки. Трудность была в том, что пребывая в коридорах, он давно уже разучился обрабатывать анализы и даже стал забывать, как они выглядят.

Коридорный Ученый сделал значительное лицо.

— Аномалии? Как же! Аномалии... Конечно! Безусловно! Иногда. Опять же, смотря какие?

— Яшкин понял, что Ущербова на кривой не объехать.

— Я просмотрел архивы спектральной лаборатории за два последних года, — сказал он. И знаешь ли, в некоторых твоих пробах — навалом меди!

— А как же! — с достоинством сказал Коридорный Ученый, ловко скрывая охватившее его беспокойство. Он догадывался, что этот проклятый Яшкин заманивает его в западню. — Конечно, в кое-каких пробах было много меди.

— До процента, — вкрадчиво подсказал ему Яшкин.

— Правильно, в одной пробе было даже 1.5 %, — тотчас соврал Коридорный Ученый.

— Ну и как же ты поступил? — спросил Яшкин. Он думал, что поймал Коридорного Ученого в ловушку. Ведь ясно же, что последний не мог иметь никакого понятия *о генезисе* аномалий в своих пробах.

Но Яшкин недооценил Коридорного Ученого.

— Очень просто, — с расстановочкой произнес Ущербов. — Я взял среднее.

— Как это? — тупо спросил Яшкин, уже понимая, что проиграл.

— А очень просто. Будто не знаешь. Анализов сколько? — Правильно, тысячи. А аномалий сколько? — Ну, один-два десятка. То-то. Берем среднее, лучше всего — среднее геометрическое. И где твои аномалии? Нету их. Так-то, брат Яшкин. Статистику надо изучать.

И Ущербов, подозвав своего дога, отправился дальше, оставив униженного Яшкина на дорожке со своим мелким сыном в саночках и с мыслями о пользе статистики.

Послесловие

В марте-апреле 1969 г., по результатам полуколичественного эмиссионного спектрального анализа проб карбонатных пород с р. Подчерем (Сев. Урал), выполненных спектроскописткой Института геологии Коми фил. АН СССР Т. И. Ивановой, ст. научным сотрудником указанного Института Я. Э. Юдовичем были зафиксированы аномально высокие содержания меди и цинка.

Вскоре после этого 30 проб с аномальными содержаниями были отправлены на контрольный анализ в спектральную лабораторию Воркутинской КГРЭ, ст. методисту Н. Г. Фридлендеру. Анализ, выполненный по специально разработанной для данного случая методике, хорошо подтверждал данные полуколичественных анализов.

Дополнительно предпринятое исследование тяжелых фракций, выделенных из протолочек аномальных проб в Минералогической лаборатории ВГРЭ дало указание на присутствие в породах знаковых количеств халькозина. Однако при изучении пород в прозрачных шлифах (М. П. Кетрис) и аншлифах (Г. Н. Савельева) никаких рудных минералов обнаружено не было.

Контрольные химические анализы на медь, проведенные в хим. лаборатории Института геологии (Л. П. Павлов) и на серу (Э. Г. Бабушкина), показали практически полное отсутствие указанных элементов в «аномальных» пробах.

Статистическая обработка аналитических данных, проведенная при консультациях сотрудников Отдела радиобиологии Института биологии Коми ФАН В. С. Никифорова и А. Г. Модяновой, показала отсутствие значимых связей между содержанием в пробах металлов и любым другим свойством породы.

По результатам трудоемких и продолжительных исследований Я. Э. Юдовичем с группой соавторов была написана статья. Работа получила два положительных отзыва (В. И. Чалышева и Н. П. Юшкина) и была принята к печати в № 14 «Трудов» Ин-та геологии.

Вскоре после этого было обнаружено, что контрольным химическим анализам были подвергнуты новые пробы из тех же исходных образов — но растертые для анализа *вручную*, тогда как все «аномальные» пробы растирались на механическом истирателе.

Таким образом, было установлено заражение проб латунью в процессе механической растирки.

Более того, «следствие» показало, что латунная деталь появилась в истирателе после безграмотно проведенного ремонта — очевидно, вследствие отсутствия стальных (штатных) запчастей к прибору.

ПОРТРЕТЫ И ЗАРИСОВКИ

Якутские зарисовки
Восхождение (В. Н. Пучков)
Александр Иванович Елисеев
Карьера геолога (Н. И.Тимонин)
Наш человек в Сыктывкаре (Г. Ф.Семенов)
Лицо кавказской национальности (А. М. Асхабов)
Донна Анна (А. И. Антошкина)
Генерал-лейтенант аналитической химии (Л. П. Павлов)
Любовь на всю жизнь (И. В. Швецова)
Судьба (Ю. В. Степанов)
Воспоминание о редакторе (Э. И. Лосева)
Сыктывкарский музыкальный феномен (Л. П. Мосунова)
Пропащая девушка (Т. В. Майдль)
Устройство мира (И. В. Рязанов, Г. Г. Капатурин, В. И. Белкин)
Прощание с Учителем (А. К. Симон)
За шахматной доской (В. Н. Демин)
Штрихи к портрету свободного человека (Р. И. Пименов)
Моя юшкиниана (Н. П. Юшкин)
Человек Возрождения (Ю. А. Колясников)
Есть истинные ценности (М. В. Фишман)
Феномен Шулеповой (А. Н. Шулепова)
Никифор Александрович Шуреков
Лев Мигунов
Ручей Тимониной (Р. И. Тимонина)
Незнакомый Молин
Фосфорные размышлизмы от Яна Нюссика
Загадка кальцитовых псевдоморфоз (М. Е. Каплан)
Забытая история русских фосфоритов (А. Н. Энгельгардт)
Профессор (Ю. А. Ткачев)
Воркутский Сократ(А.В.Македонов)
Валерьяныч (С. В. Лыюров)
Перечитывая Сергея Мейена

* * *

Якутские зарисовки

Рассказ неизвестного[1]

Роста он был невысокого, ниже меня. Лицо не старое; голос очень спокойный, негромкий. Выражался безо всяких несуразностей, очень четко, ясно, я бы сказал даже — литературно.

Я шел домой; он вышел из бокового проулочка и сказал дружелюбно:

— Автобусы, что — не ходят совсем?

Я ответил, что возможно и ходят, но редко.

Не ожидая дальнейших расспросов, я продолжал идти. Он — рядом, не отставая, без всяких признаков назойливости, по-прежнему дружелюбно.

— Я только что поставил машину в гараж, — сообщил он. — Сейчас иду развлечься — так не хочется, чтобы машина стояла, мерзла. Когда ездишь, нужно обязательно держать себя в рамках, — очевидно, почувствовав мое удивление (машина — а ходит) добавил он.

Мы говорили на ходу о том, о сём. Он рассказал мне, где живет:

— Здесь на углу, около магазина.

---

[1] Дневниковая запись. Якутск, 1959. **Опубликовано в сборнике: Прекрасная и черная работа: Литературный альманах. — Сыктывкар: Геопринт, 2006,с. 49—56.**

Перепечатано в книге: *Юдович Я. Э.* Записки геохимика. — Сыктывкар: Геопринт, 2007, с. 103—108.

Я из вежливости сказал, что, наверное, видел его дом.

— Ну, как его не увидеть.

Одно время пробежали с ним метров 200, думая, что сзади идет автобус. («Дадим кросс» — его выражение). Наверное, так бы и разошлись, если бы не долгая дорога и не желание человека излить горе — кому угодно, первому встречному.

— Вы давно в Якутске?

— Первый год.

— А я уже 11 лет.

— А раньше где жили?

Он не спешил отвечать. И вообще он, как я скоро убедился, относится к числу собеседников, не любящих встречных вопросов или услужливого поддакивания. Нить разговора он не терял ни на минуту, и ему нужен был только слушатель.

— Я сам из Иркутской области, из деревни. Жизнь моя прошла колесом. Отец умер, когда мне был год. Четырнадцати лет я ушел из дому, на самостоятельный баланс. Тогда (1930—1932) из деревни уезжали далеко — на Сахалин, на Север. Присылали домой письма и большие деньги. Я тоже хотел присылать домой деньги! Я хотел, чтобы обо мне сказали: вот, гляди: жил пацан невзрачный, а теперь ишь ты — матери сколько денег идет?! И свою первую получку, 60 рублей, я всю перевел матери, написав вскоре, что всё у меня в полном порядке.

Да... Скоро я пообтерся, пожил, многое повидал (разная братва, на катерах). Годам к 18 я кончил кое-как 7 классов, поступил в автошколу. Году в 1938 я съездил на курорт в Сочи. Там познакомился с одной девушкой, из университета; ну, обженился, приехали с нею к родителям, в Москву. Там пожили два месяца — и домой. Приехали домой, и я добился своей цели — смотрели в деревне и удивлялись: был голый пацан, а вот — с деньгами, жена московская, расфуфыренная. Ну — мне приятно.

С этого и пошла жизнь ломаться, завертела колесом. Через шесть дней, как я встал на учет — пришла повестка. Я служил три года, и как только пришел срок демобилизации — началась война. Тогда я написал жене: меня не жди, устраивай жизнь, как хочешь.

Служил я пять лет. Был ранен, но, по счастью, неопасно.

На мой вопрос — где воевал, ответил недоуменно (как будто это само собой разумелось):

— Как где? На Втором Украинском.

(Здесь я заметил, что ему не нравится, когда перебивают его мысль).

— После войны я не хотел ехать в Якутию. Люблю опрятность, а на мне были одни сапоги, да грязная телогрейка. Поехал в Киргизию, пожил там (был 1946 год). Плохо там оказалось. Бедно, голодно. На троих людей — одно одеяло. Да и заработать невозможно. Решил опять в Якутию... Мать у меня умерла три года назад.

— А жена?

— Что жена — я ведь ей написал, устраивай жизнь, как хочешь. Узнал только, что в такомто году уехала. Куда — неизвестно.

Стал опять здесь жить. Завел много знакомых, друзей. Долго присматривался, выбирал. Наконец, выбрал одну — женился. Она ко мне пришла в одной драной телогрейке. Я дал ей всё: дом, достаток, деньги, машину. Я никогда ничего не жалел. Мой принцип в жизни — справедливость и точность. Еще, бывало, только на складах что появится, она говорит: Павел, можно мне это? Ну что ж, — говорю, — хочешь — возьмём. Она, бывало, еще и захотеть-то не успевала — как уже имела вещь.

Да, пошла жизнь. Странная жизнь. У неё был пацан четырех лет, до меня. И общий ребенок — сын — появился. Жизнь, знаете, как ниточка, непрерывная ниточка. Так вот у меня из этой ниточки был целый кусок выпущен — война — и встал он на другое место. Вроде не ко времени, а ниточка всё тянется, жить надо...

Да... Женщины. Вы, извините, не женаты? Так я вам одно скажу — не верьте ей. Они все — по-своему живут, особо. Три месяца назад она, наконец, ушла. Ушла, оттянув моего имущества через суд тысяч на 25 [2]. Пять раз судился. Сына взяла. Суд подмазала. Вот как у нас делается...

---

[2] Это было до хрущевской денежной реформы 1960 г., когда рубль потяжелел в 10 раз. — *Примечание-2002.*

И ведь как жила. Бывало, приедет поздно. Скажет: «Ты почему меня не спрашиваешь, где была?». — «А что, — говорю, — спрашивать. Задержалась. Собрание на работе (она бухгалтером работала), или в магазине, или еще что...». Зачем же спрашивать. Я такой человек — у меня все открыто. Всё мое — наше.

Да вот, два раза такое было. Заезжаю за ней на работу — вижу, ее встречает один. Ни слова не говорю. Ничего. Как будто не видел. Другой бы стал что говорить, ругаться, или там ещё что — верно? Вот.

Что ни говорите — сучки они, все. Хоть и обойтись без них невозможно. Я сейчас, поверите — всех их презираю. Ни на одну, какая она ни есть, смотреть не могу.

Семейная жизнь, это такое заведение, где кто кого, извините, об...ёт. И он спокойным своим, ясным голосом произнес ругательство. Оно у него получилось как цитата из книги. Так всегда произносят люди, сами не привыкшие сквернословить.

— Я вот, знаете, читал рассказы Горького. Там один лег спать, и приснился ему сон. «Тебе уже сорок лет. А что ты сделал в жизни. Что ты достиг для себя? Что ты дал государству?»

Я когда читал, не понимал, а вот сейчас подумал: точно сказано, будто обо мне. Вот мне уже 41 год. А опять один. Ни семьи, ни детей. Жизнь без толку прошла.

Очередь в женской консультации

Беременные женщины. Стоят длинной вереницей на лестнице, где над перилами большой плакат «Женская консультация». Все — с осунувшимися, какими-то нездоровыми лицами. Впрочем, не все — есть и такие, у которых физия выражает исключительно животную тупость и покорность судьбе.

Стоят тихо, переговариваются редко. Больше оглядывают друг друга косым, бегающим взглядом, по-особому: сначала с ног, потом двигаются выше и на очень короткое время встречаются глазами, чтобы сразу их отвести — с кажущимся равнодушием, а на самом деле — недружелюбно и настороженно.

Мое появление на лесенке встречается с общим изумлением.

— Вы сюда? — спрашиваю я крайнюю, молодую девчонку с большим животом.

— ??... Сюда...

Ничего. Я стою, причесываясь и чувствуя, как все женщины меня рассматривают: каждая пуговица не ускользает от этого осмотра.

Одна говорит соседке: «Наверное, не туда попал?».

Другие, постарше, понимают, что попал я туда, но смотрят с явным неодобрением: ***они*** вот стоят, а ***та*** — небось, сидит дома.

И вдруг сверху через перила нагибается девушка из регистратуры и обращается прямо ко мне: «Вы где живете?».

Теперь уж все они уставились на меня.

— Я?!

— Ну, ваша жена...

Я говорю. Спросив, как фамилия жены, девчонка выдает мне талончик, свесившись через перила — хотя я в очереди, пожалуй, на 40-м месте!

По очереди прокатывается ропот возмущения.

Пожилая баба начинает наступать на визгливой ноте: «Он мужчина, значит ему без очереди?!».

Но я успеваю смыться, красноречивым взглядом выразив регистраторской девочке свою благодарность.

7 апреля 1960 г. Якутск

Толик Поляков

Ждать больше было нельзя — на дворе уже стояло жаркое якутское лето. Проекта у меня не было — значит, не было и казенных денег на командировку. Поэтому я отправился из Якутска в Кангалассы за свой счет — опробовать угольные пласты. И вот что записал в своем дневнике.

11 июня 1960 г. Кангалассы.

В автобусе познакомился с мальчишкой из Кангаласс, 12 лет. Зовут Толик Поляков. Уши — самоварчиком. Глаза карие, страшно хитрые. Белесые волосы ежиком. Немного веснущат. Полдороги мы с ним трепались, причем я только мысленно разевал рот от удивления... Договорились, что вечером пойдем с ним на рыбалку.

Он показал мне, где общежитие — я там поселился.

Геолога в конторе не оказалось, и я отправился гулять по Ленской террасе. Оказалось, что до шахты я не дошел совсем немного. Назад в поселок шел по нижней дороге, рассматривая в обнажениях пластики угля — это я видел впервые![3]

Слои осадков очень красивы и местами здорово изгибаются; уголь местами образует настолько выпуклые линзы, что они становятся как шар![4]

Недалеко от поселка в обрыве террасы над дорогой — ласточкины (или стрижей?) гнезда, на уровне груди человека — я никогда так низко не видел. По этой дороге люди ходят и ездят на мотоциклах — а этим птичкам хоть бы что.

Придя часов в 16, поспал часа два; проснулся — а геолог Николай сидит в комнате. Не хотел меня будить.

Вся моя деятельность здесь прямо зависит от него, без его содействия я тут нуль. Пока мне неясно — захочет ли он пойти со мной в штольню завтра — в воскресенье?[5]

Он поинтересовался, как мы зарабатываем, да не нужны ли геологи в полевых партиях или на разведках. Но я мало интересного мог ему сообщить. Он был очень учтив — напомнил, чтобы я поужинал до закрытия столовой и сообщил, что можно сходить в кино.

Я уж было собрался в кино — как явился Толик. Оказывается, он заходил раньше, но меня не застал. Друзья его уже ушли на рыбалку — на всю ночь. После некоторого обсуждения мы решили идти — разыскать их, половить с ними часов до 24 и вернуться.

Пошли вниз по берегу Лены[6]. По дороге я узнавал массу интересных вещей. В 12 лет он знает о жизни столько, сколько мне в мои 23 и не снилось.

Зашла речь об электролобзике:

— Они всё дорожают! Сейчас уж дороже школьного костюма! Школьный костюм — 205, а он — 250 руб...

И тут же выясняется, что где-то надо было убрать большую кучу кирпичей. Позвали Толика. Он спросил: «Сколько?». Ему пообещали 200 руб. за два дня. Он всё пошвырял, получил деньги и купил себе школьный костюм.

Стоило мне заикнуться о резиновой лодке, как он тут же сказал: «Да ведь она же дорогая! Рублей 400!». А я не имел об этом никакого понятия (плавал в поле на казенных лодках, и вовсе не интересовался их стоимостью).

Каждое лето он работает в колхозе на сенокосе.

Ловит рыбу, частью таскает домой, частью продаёт. Когда идет лед, ловит налимов. А окуни, оказывается, чудно идут на ершей — я об этом и не подозревал никогда (хотя с детства ловил окуней — но лишь на пошлых дождевых червей).

Охотится — у него Ижевка 16-го калибра. Продает уток — и таким путем опять же подрабатывает.

Познания его в моторах и моторных лодках — глубоки и разнообразны.

Жизнь для него в своей главной (экономической) части никакой загадки не представляет. Он о ней знает всё.

Он знает: чтобы достать хорошие грузила, надо слесарю поставить пол-литра. И ставит — грузила-то необходимы («а у нас тут только за пол-литра все делают»).

Он отлично знает: мотоцикл на самом деле выгоднее более дешевого велосипеда с моторчиком — ибо с последним масса возни, а эффект невелик.

---

[3] Естественно, что студенческие практики у А. К. Симона на древних метаморфических толщах Кольского п-ова мне такой возможности дать не могли... (*Примечание-2002*).

[4] Весьма сомнительное наблюдение...Скорее всего это были срезы углефицированных стволов, пробы которых я уже брал сотнями в 1961 и особенно в 1963 гг.

[5] Хороший человек Николай — пошел.

[6] Это и был Кангаласский мыс, на котором я провел свой едва ли не лучший в жизни полевой сезон через 3 года — в 1963 г.

Он знает: есть на свете такие отличные старики-рыбаки, которые покажут, где ловить. Но есть и сволочи-якуты, каковых надлежит остерегаться.

Один такой пьяный (?) якут охранял склад аммонала на горе, а Толик шел мимо с охоты. Тот стал что-то кричать. Толик идет себе своей дорогой — мало ли что пьяные орут? Но вдруг тот стал палить — пуля свистнула рядом и взрыхлила землю! Толик мигом скатился в промоину. Якут погнался за ним, увидел и еще раз пальнул.

— Ну погоди, сволочь, — сказал себе этот мальчишка.

Обогнул по лесу опасную зону, подкрался к сторожке якута, зарядил ружье нулевкой — и «как шарахнул по окнам — так они и полетели!»

Кротов он стреляет из воздушки. Я сознался, что никогда не имел с нею дела. Он с воодушевлением мне растолковал — и показал одну пульку с оперением: «Во! Человека можно ранить, не то что крота!»

Очень недоволен тиром в Якутске: какие-то глупые картинки: «Маша и Медведь» и прочая детская ерунда. То ли дело здесь в Кангалассах — здесь очки, стоящие денег: 10 рублей, 9, 6 и т. д. Если удачно попадаешь — можно кое-что заработать — те же пол-литра, например. На Новый Год в школе выбил таким образом бутылку красного...

Мы ушли с ним далеко, никаких ребят, конечно, не нашли. Вскарабкались наверх, набрав полные ботинки песку (одно было мне утешение, что песок был не простой, а, видимо, нижнемеловой!)[7], сняли несколько видов Лены[8] и вернулись домой поверху — обсудивши по дороге вопросы разведения кроликов. А также — чем бы ему заняться в Сочи, куда он с матерью отправляется завтра.

Я выдал ему на утро фотоаппарат — он хочет перед отъездом поснимать друзей.

Он деловито осведомился, не женат ли я и не собираюсь ли жениться. Спокойно и рассудительно — как о деле важном, серьезном и необходимом взрослому человеку. Я бы не удивился, коли бы он мне и бабу какую подходящую порекомендовал для женитьбы...

Когда я выразил опасение, что вот, может у меня проп*а*сть для работы целый день (воскресенье), он с пониманием сказал: «Конечно, гроши-то зарабатывать надо...»

Эта тематика у него всегда на первом плане. И при этом он остается страшно симпатичным мальчишкой. Если бы у меня был такой сын, я бы его наверное, очень любил... Ведь мне уже было бы 35, я бы стал уже совсем солидным дядей...

Семейка Таюрских

Наконец после трех месяцев изнурительной борьбы, 7-го июля 1960 года мой проект был подписан — и я смог законно отправляться в первую экспедицию для опробования угольных пластов Ленского угленосного бассейна *«на германий и другие (!) полупроводниковые элементы»*, как загадочно значилось в титуле моего Проекта.

Летом-1960 эти экспедиции планировались на шахты, т. е. в места обитаемые. Поэтому, хотя я и получил со склада палатку, спальные мешки и примитивное снаряжение — полевые поездки имели вид обыкновенных командировок, с периодическим возвращением в Якутск, где мы сдавали в лабораторию на анализы привезенные пробы угля.

В соответствии с Проектом мне полагался один коллектор.

Я нанял студента 3-го курса Якутского университета (с какого факультета — не помню) — Юрку Таюрского, местного парня, родом из поселка Сангары на правом берегу Лены, километрах в 300 ниже Якутска. Туда-то, на угольную шахту, мы с ним первым делом и отправились.

Для экономии денег я поселился во дворе Юркиного дома, где проживало его огромное семейство. Там я поставил себе палатку, в которой и ночевал. Ниже — дневниковые записи.

19 июля 1960. Сангары. Загораю на берегу Лены километрах в 1.5 выше поселка.

Дела наши такие. С пробами всё заканчивается. Здесь нам очень повезло — у них оказались с апреля месяца неотправленные пробы в количестве 29 штук, адресованные прямо к нам в лабо-

[7] В этих песчаных обрывах на левобережье Лены мне пришлось в охотку покопаться в 1963 году...

[8] Здесь нет ошибки; хотя время было позднее — это ведь была белая летняя ночь. *(Примечание-2006)*.

раторию! Я их подсократил и забрал — и это основная часть того, что здесь надо бы сделать. Сам я ограничился, по согласованию с Иваном[9], доопробованием и секционным опробованием[10] (чего они не делали).

Сейчас работа нарушилась приездом из Совнархоза Васильева[11]. Здесь убило рабочего: он решил покататься на скипе — и ему оторвало голову. Васильев заодно решил освежить свои познания по части рудника — и Иван будет водить его дня два. А что *нам* делать в это время — неизвестно. Я уж и так, по случаю вчерашнего ночного дежурства Ивана и последующего его отсыпания — камералил, а Юрия отправил в шахтоуправление копировать планы опробования. Но что делать завтра — совершенно неясно.

Вообще-то мы могли бы пойти и вчетвером, потом согласовать с Иваном место взятия проб, а он отправился бы себе дальше с Васильевым. Но дело в том, что Васильев схватил одну нашу спецовку. Тоже — шахта, где нехватает даже спецовок...[12]

Позавчера я переселился в общежитие, после того как в этой провонявшей дворовым псом дырявой палатке меня ночью залило дождем — и сверху и снизу. Даже простыня намокла. Да и не будь дождя — я бы уже долго там не протянул. Надоело слушать, как матерятся мать с отцом, отчего-то полагая, что я сплю и ничего не слышу[13].

Надоело видеть этого отвратительного старикашку — Дядю Ваню, совершенно пропившего человеческий облик. Не знаю, когда он моется; во всяком случае, спит он не раздеваясь в своих лохмотьях на грязнейшем, частью закрытым таким же тряпьем, топчане, укрываясь тоже гнусными невообразимо грязными тряпками.

Приютившее его семейство Таюрских стоит лишь на одну ступеньку выше на лестнице цивилизации: девчонки спят по-двое, притом не на простынях, а на сомнительной чистоты покрывале, притом подушка — без наволочки. О таких же вещах, как пододеяльник, здесь, видимо, не подозревают.

Меня поразило, что так спят девчонки — одной 16, а другой уже 18—19 лет! О ребятах или об отце с матерью и говорить не приходится.

Семейство Таюрских: отец, мать и 11 (!!) детей. Из них четверо взрослых (два сына или три?), шестеро собралось летом здесь, самая младшая Оля — в Якутске у сестры.

Здесь — четверо сыновей и две дочки. По старшинству:

Юрий — студент университета, перешел на 3-й курс;

Генка — на год младше (20?), рабочий; работает уже лет шесть. В данное время, видимо, основной кормилец и поилец (водкой).

---

[9] Иван Ляхов, молодой парень моих лет — шахтный геолог (см. о нем ниже).

[10] Пробы по угольным пластам бывают так называемыми «пластово-промышленными», когда в пробу забирается уголь из борозды, пересекающей весь пласт сверху донизу, и «пластово-дифференциальные» (они же — секционные), когда пласт опробуется отдельными секциями, с учетом неоднородности его строения и состава. Опробование углей на германий должно было быть непременно секционным, поскольку этот «полупроводниковый элемент» имел мерзкое обыкновение скопляться только в узких секциях, прилегающих к почве, кровле пласта и к внутрипластовым прослоям пустой породы. Поэтому среднее содержание германия в пластовой пробе всегда — гораздо ниже, чем в приконтактовых секциях — и тем ниже, чем толще (мощнее) угольный пласт.

Составители министерских инструкций полагали, что если данные секционного опробования покажут кондиционные (годные для промышленности) содержания германия, то можно будет организовать селективную выемку угля — отдельно германиеносного и отдельно «пустого». В большинстве случаев, конечно, такая усложненная процедура слишком удорожила бы добычу, и насколько я подозреваю, — нигде на практике не применялась.

Но «для науки», конечно, угли на редкие элементы надлежит опробовать только секционным способом, причем чем короче секция — тем детальнее получится картина распределения редкого элемента в пласте. Американцы уже тогда имели изящные приспособления для опробования, с помощью которых геолог мог быстро и легко вырезать полную колонку пласта от подошвы до кровли — а в комфортных лабораторных условиях спокойно изучить ее, разделив его на секции, толщиною вплоть до долей сантиметра. Нам же, берущим свои пробы в мокрых, холодных и грязных шахтах при помощи кайла («кайлометра», как говаривал Иван Ляхов) и брезента, — такое и во сне не могло привидеться ...

[11] Какой-то начальник — не помню.

[12] Характерная деталь. Наверное, продукции (товарного угля) Сангарская шахта выдавала на сотни тысяч рублей — а спецодежда для шахтеров была в дефиците. Потом я это постоянно наблюдал и на других шахтах.

[13] Как я теперь думаю, ничего такого супруги Таюрские не «полагали» — начхать им было на такие тонкости *(Примечание-2002).*

Мила — 18 лет, студентка Якутского техникума, будущий экономист или товаровед, или что-то в этом роде.

Галинка (15—16 лет) — разносит почту (рассыльная).

Руслан, лет 11—12 — белоголовый, голубоглазый, спокойный, рассудительный, крепкий, практичный, бесхитростный, но отнюдь не глупый малый. Самый достойный человек в семействе. Своеобразное издание Юлика Трошина в молодости[14].

Наконец, *Мишка*, 9—10 лет — младший. Всеобщий любимец и баловень, кажется, единственный во всем семействе (кроме матери-домохозяйки), кто не зарабатывает денег.

Младшее поколение, вообще, чрезвычайно снисходительно к старшему. Здесь народец тертый, спокойный... Например, все спят; является среди ночи в доску пьяный отец. Замечает, что невод забыли прикрыть брезентом, когда начался дождь — и начинает громогласно материть свое семейство от велика до мала. Для каждого он находит свое особое, индивидуально-специфическое ругательство. Генка — пропойца х...ев, мать — ё...ая в рот курва старая, Милка с Галинкой — две засранки, которым, б..., видно, делать не х...я. И даже Мишка удостаивается ...

Про Юрку же он дипломатично умалчивает, ибо знает, мерзавец, что я проснулся, могу чего доброго обидеться (что матерят *моего* коллектора!). А гостя обижать — ни-ни. Можно безобразно орать среди ночи на своих и даже разбудить гостя — но обидеть никак невозможно.

Наоборот — он явно адресуется ко мне, нарочито громогласно поливая своих домашних (посмотри, мол, образованный ты человек, каково мне живется!) — наплодил щенков, выкормил и выпестовал, а они, ё... е в рот курвы — даже чаю — и того не согрели, зная, падлы позорные, что отец ночью придет пьяный...

Между тем, реакция семейства очень спокойная. Ребята просыпаются, сонно выругиваются — и на другой бок, шурша соломой на чердаке. Девчонки вяло сетуют: «и как ему чужого-то человека не совестно...» и снова засыпают. А старуха, если он её уж очень достанет, сама начнет визгливо материться.

То, что работать нужно с самых нежных лет — здесь ясно каждому, и никаких дискуссий не вызывает. Семья большая, нужно и самим кормиться, и помогать зимой своим в городе, наконец, постоянно нужны деньги (и немалые) — для возлияний.

Больше всех пьют Генка и отец — но они соответственно больше всех и зарабатывают...

Замечательное отношение к труду в этом трудовейшем и по-своему сплоченном коллективе. Вот Милка приехала с практики (где-то была на Индигирке). Погуляла два дня (т. е. стирала и шила, убирала в доме и принимала посильное участие в возлияниях) — и уже работает. *На погрузке угля* — вот тебе и студентка... Когда я её спросил, с кем она там работает — красивая, белобрысая и веснущатая Милка ухмыльнулась и ответила: «С лопатой!». И её совсем не занимает мысль о подыскании более интеллектуальной работы — она с детства привыкла к физическому труду.

А Юрий в домашней обстановке взыграл — отбивается у меня от рук.

Когда я у них жил, то по утрам будил его — и ему, скотине, не совестно было, что начальник его будит. Но вот вчера ему было назначено явиться на шахту к 9:00. А это было воскресенье, и Иван хотел воспользоваться отсутствием работы в шахте — чтобы спокойно поводить нас и взять пробы.

Однако Юрка не явился ни к 9, ни к 10, ни к 12, ни к 14 часам. Впрочем, Иван после бурно проведенного дня рождения тоже дрых. Но, Иван, во-первых, отличный человек и может себе позволить один раз не сдержать слова (по уважительной причине), тем паче, что речь шла о совершенно добровольной работе по его собственной инициативе; во-вторых, Ивана здорово подпоили. Но *этот тип* какое право имел не являться — он же как-никак, на службе!

Когда я, мрачный как туча, расквартовав все наши пробы один, явился в поселок пообедать[15], Милка мне сообщила, что он — на Лене! Отец добавил, что будильник у Юрки не сработал и тот проснулся в десятом часу и произнес: «Ну, я опоздал, они, наверное, уже спустились» — и преспокойно отправился на Лену.

---

[14] Трошин Юлиан Павлович — геохимик, доктор наук, мой университетский товарищ. Он всю жизнь после распределения в 1959 г. проработал в Иркутском Ин-те геохимии. Я его навестил там дважды — где-то, кажется в 1961 г. (когда мы из Якутска приехали на профсоюзные шахматные соревнования) и в 2001 г. — когда академик Ф. А. Летников пригласил меня на Молодежную конференцию почитать лекции. (*Примечание-2002).*

[15] Помнится, шахта находилась на горе, где-то в километре (?) от поселка.

Кабы он хоть испытывал бы какие-то угрызения совести — то должен был, стервец, не жрамши немедля бежать на шахту. На худой конец — сидеть дома и кончать карту, которую он не кончил[16] .

Я сначала пошел было его искать — но, спохватившись, вернулся[17] и передал через Милку — чтоб его немедля сыскали и передали указание — явиться к 15 часам на шахту — не то хуже будет.

Идя туда после обеда, я его догнал. Сказал ему, что если он ещё раз хоть на 10 минут опоздает на работу — то получит расчёт и одновременно на факультет пойдет соответствующий донос.

— Раз ты, студент, по-другому не понимаешь — буду поступать с тобой, как с последним работягой.

На этом инцидент был исчерпан. Кажется, студент восчувствовал...

Ивана Ляхова я опишу позже.

3 августа 1960, Нюрба

Моисей Соломонович Штриль

Это был горный мастер на Сангарском руднике (кстати, шахта здесь называется — рудник) и по совместительству — преподаватель на курсах по технике безопасности, где мы с ним и познакомились. Порядки были там строгие — не сдавших экзамены по ТБ в шахту не пускали.

Он абсолютно не похож ни на Моисея, ни на Соломона!

Белокурый, со славянскими чертами лица, который безобразил шрам под левой скулой (следствие флегмоны, которую в Сангарах не сумели вылечить вовремя), но с красивой улыбкой.

На вид очень добродушный, но не без ехидства. Под видом добряка-балагура явственно проступает очень сильная воля, жизненный опыт, национальный скепсис и национальное же понимание всех и вся.

Плюс к этому под тенниской горбятся мощные бицепсы, на что я сразу обратил внимание («необыкновенное здоровьичко», как говаривал Иван Атласов).

Он фаталист. Как-то на занятиях зашел разговор о гибели шахтера по собственной глупости. И он сказал тетке — заведующей этими курсами ТБ — что так-то оно так, и глупость конечно, имела место — да только бывают такие ситуации, когда ничего предотвратить нельзя. Она, было, заспорила — всё, мол, только от собственной глупости.

— Нет, не скажите,— сказал Моисей.— Вот, допустим, едем на пароходе в океане — наскочили на льдину — все ко дну! И тут уж я ничего не сделаю, хотя мне — по нации (!!) и полагалось бы вывернуться...

Она засмеялась и согласилась.

Он очень скромный и явно — порядочный человек. Узнав на второй день, что я кончил МГУ (моего студента Юрку-то он знал, ибо тот когда-то проходил курсы ТБ у него же) — он сказал с изумлением:

— Ну, чему же я Вас могу научить?

Поэтому на мои (вполне идиотские) вопросы отвечал очень осторожно, волнуясь и явно подыскивая выражения, хотя и внешне сдержанно. Но легко впадал в азарт, если я осмеливался возражать. Никак он не мог усечь, что я просто тупой и чего-то могу не знать. Всё ему чудилось, будто я хочу его уесть, подловить — поэтому он и был так насторожен.

На экзамене он не задал мне ни одного вопроса, хотя работяг гонял немилосердно. Спрашивать человека с Высшим Образованием, геолога — ему, горняку, работавшему еще до института и отлично знавшего цену ученью — казалось, видимо, просто кощунством.

Между тем, я боялся — как бы он не спросил чего-нибудь про проценты метана, или, того хуже — не предложил бы разобрать самоспасатель.

В перерыве он выпытывал у работяг — чем заняты демобилизованные ребята в свободное от курсов время.

— Ну что — дорвались до наших девушек?

---

[16] Большое удовольствие читать эти филиппики спустя 46 лет! Ну, жутко строгий был товарищ Яков Эльевич — хоть куда...

[17] Недопустимая Потеря Лица Начальником!

И с усмешечкой вперялся в них своими грустными, всё понимающими голубыми глазами.

— Они что — ваши, что ли? Общие! — обиделся было один.

— Ну нет, брат. Мы тут местные — так что и девушки все тут наши.

Но и в такой болтовне — дистанцию он держал с ними четкую, никакого панибратства. Он с ними работает в шахте, последним уходит из шахты со своей сменой — но он *техническая интеллигенция*, а не работяга. Они все это прекрасно чувствуют.

3 августа 1960, Нюрба.

Об Иване Ляхове

Иван — достойнейший человек. В сущности, все хорошие русские люди, как я давно заметил — по преимуществу Иваны... Такая вот эмпирическая закономерность, как сказал бы Вернадский. Например, самолюбивый до черта, настойчивый и очень способный Ванька Верниковский пришел в шахматную секцию МГУ без разряда и через два года имел уже первый. Это на худой конец может сойти как олицетворение таланта.

Или Иван Федино. В любой обстановке, самой жуткой и немыслимой, сделает то, что нужно. Вынесет из огня человека и притом постарается скрыться, как Дядя Степа. В 1958 голодный Иван убивает оленя, но не жрет его в упоении трое суток, и не возвращается на свой лагерь к Андрею, а выкладывает свой спальник, напихивает полный рюкзак оленины и тащится за 15 км по тайге искать нас с Игорем, причем точно не знает, где мы можем быть. Стимул: а вдруг нам есть нечего?

Ну, а Иван Ляхов — это интеллигенция. Он кончает институт, увлекшись в последние годы оловом и пишет интересный диплом. Едет в Якутию (где, как известно, есть месторождение «Депутатское») — и его направляют... в Сангары, на уголек.

Иван возмущен, Иван протестует, но уже через неделю — начинает работать как лошадь.

Прошло только полгода, но уже никто на шахте (включая и друзей) не назовет его Иваном — а только лишь Иван Яковлевичем, а женщины — те исключительно — Ванечкой...

Выражаясь языком советской журналистики, «секрет Иванова обаяния» — знание дела, исключительное трудолюбие и буквально бьющая в глаза (именно так!) скромность. Ну и молодость, сама собой — хотя Иван быстро привык к тому, как его величают.

Иван росту среднего, физию имеет обыкновенную — с умными серыми глазами, крупным носом, круто переломленным на конце — горизонтально, и выраженными складками от носа ко рту. (Только позже я вспомнил, на кого он похож — на изобретателя и чудака с нашей военной кафедры — майора Петрова.) Вот эти складки делают Иваново лицо очень энергичным и характерным. Да и выставленный подбородок — тоже признак заметный.

Прежде чем ответить, Иван смотрит на тебя своими серыми глазами — думает, причем складки у рта обозначаются очень резко. Потом говорит ломким баритоном, и кадык у него ходит на сильной длинной шее.

Про шахту Иван знает абсолютно всё. О каждом пласте — каков он был, есть и будет. О старых выработках, о том, почему породу в кровле пласта «В» правильнее называть не глинистым алевролитом (как я предлагал), а — «алевропелитом».

Иногда покажется, будто вопрос поставил его в тупик. Не спешите с выводами — просто Ивану не приходилось думать об этом *в таком аспекте*. Через минуту он даст четкий и исчерпывающий ответ.

Он очень многим интересуется. Ко мне он отнесся вполне прагматически — как к потенциальному источнику полезной информации. Расспрашивает, на лету запоминает, иногда — записывает. Он не скулит по поводу провинции и отсутствия здесь книг: всё, что только можно — он выписывает.

Когда-то в эпоху до Ивана на шахте обходились без геолога — теперь это всем кажется совершенно немыслимым! Вот идут по пласту штреком — и нету пласта — пропал. Был пласт, и нет его.

Сброшен? Взброшен? Сдвинут? Наконец, размыт? Эти вопросы никого здесь не волнуют — волнует отсутствие добычи, заработка и невыполнение плана.

Немедля является Иван и говорит: долбите там-то и там-то. Шахтеры с остервенением принимаются долбить — и находят пласт там, где указал Иван.

Определяющее качество Ивана (которое все, конечно, чувствуют, да не все могут ясно его определить) — это *интеллект*.

Интересно, что с ним дальше будет. Даст ли он что-нибудь науке? Или просто проживет всю жизнь классным специалистом, и всё?

По-моему, Ивану суждено на роду сочинять диссертацию. Он всё же по своей сути — человек науки. Не легко интересоваться наукой, ползая на брюхе в узких норах углеспускных печей и рискуя быть задавленным, каждый день бродя многие километры по затопленным водою штрекам, в мертвой подземной тиши вечной мерзлоты, без единого человека рядом — с кем можно бы поговорить о геологии...

Иван является кумиром шахтных дам и не прочь приволокнуться за ними — если это не ущемляет интересов приятелей (в этих делах он очень щепетилен). Но как и положено умному и честному человеку — Иван как дурак влюблен в местную училку. Между тем, эта девка сказала, отбывая в отпуск: «Если ничего лучше не подвернется — выйду замуж за Ивана».

Пьяный еврей

Сочетание слов непривычное...

Я едва с ним не подрался на речном трамвайчике «Аржаков», на котором я предпринял экспедицию вверх по Лене от Сангар, пытаясь взять пробы на заброшенном угольном разрезе Собо-Хая.

Сперва он куражился на палубе и орал:

— Езжайте к нам вниз![18] Мы — дикие! Мы вас там ... ppp — съедим! Мы всех там едим!

И произносил какие-то бредовые речи на смеси эвенкийского, якутского, английского и, как будто — идиша.

Назвался «якутским евреем» и стал приставать ко мне:

— Дддодика знаешь?

— Нет.

— Да какой же ты еврей, если Ддодика не знаешь?! Ддодика все знают!!

И точно рассчитав момент, когда я уже собирался съездить по пьяной его харе — пояснил:

— Додик — это же Давид! Давид Ойстрах...

Потом снова пристал:

— А Ив Монтана любишь? Нет? Да какой же ты еврей, если моего брата Ив Монтана не любишь?! Его надо любить!!

Между прочим, он трепанулся, что будучи матросом, бывал в Нью-Йорке (не врал ли?).

— О ! Нас все уважают... Да! У нас — Хрущев!

Ни социального положения, ни рода занятий, ни имени этого забавного якутского сиониста я так и не уяснил — очень уж он был пьян.

Когда я немного остыл, и желание бить его пропало, я сказал ему:

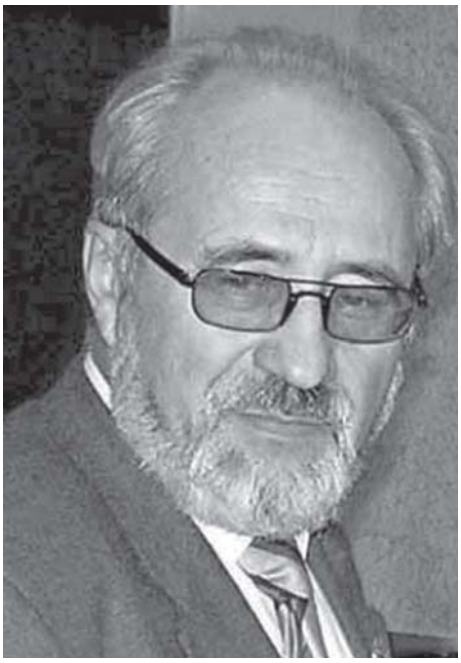
— Как же вам не стыдно — в 45 лет вести себя как мальчишка?

Почему-то это подействовало, и он вскоре убрался.

[18] По Лене.

* * *

Восхождение[19]



Родился он в 1938 году в Туле, в семье военнослужащих. Потом была школа. Учился хорошо, увлекался спортом. Кончил школу и в 1955 г. без труда поступил в Московский университет: решил стать геологом. Показалась заманчивой специальность «Геологическая съемка и поиски месторождений полезных ископаемых». Отличные природные данные позволяли ему легко сдавать даже неинтересные предметы.

Весь этот период, примерно до первой серьезной геологической практики, можно, пожалуй, отнести к «предыстории». Как человек, имеющий определенное жизненное призвание, Виктор Пучков в ту пору, безусловно, еще не родился. Это произошло позже — и здесь ему немного повезло.

Учитель

Руководителем дипломной геологической практики студента Пучкова оказался замечательный педагог и крупный геолог — доцент Милановский[20].Район работ представлял собой отличный учебный полигон для будущего геолога — это был Кавказ с его резко оформленными тектоническими структурами; в бортах ущелий можно было слой за слоем перебрать всю историю формирования огромных толщ горных пород. При внимательных наблюдениях удавалось не только найти потоки лавы, но и жерла древних вулканов, из которых они некогда изливались.

Милановский распознал в своем практиканте задатки исследователя — любознательность, отличные способности, быстроту схватывания. Очень существенным оказалось и то, что студент Пучков оказался хорошо физически подготовлен для тяжелых ежедневных маршрутов в условиях высокогорья. Здесь как нельзя кстати оказалось его увлечение альпинизмом.

На этой практике будущий тектонист Пучков приобрел важные навыки, которые ему весьма пригодились в дальнейшем. Во-первых, он освоил методику работы в сложных районах, где нужно хорошо разбираться в петрографии вулканических горных пород. Породы эти — хитрые, диагностика их нередко представлет большие трудности. Во-вторых, он воспринял от Милановского умение ставить вопросы по существу, мыслить широко, то есть за отдельными частностями видеть целое — тектоническую структуру региона.

...Кроме гор могут быть только горы

...А, в-третьих, он на всю жизнь «заболел» горами. Только в горах геолог Пучков чувствует себя вполне счастливым. Горы коварны и опасны, в них тяжело ходить, но зато они чертовски красивы! Тот, кому красота их запала в душу — всегда будет рваться в горы с их внезапными, невесть откуда взявшимися ледяными туманами, с их тундрами на высоких плато, с их скрюченными карликовыми березками на склонах, продуваемых свирепыми северными ветрами, с их ледниковыми карами и нетающими летом снежниками, с их курумниками — громадными каменными реками, россыпями циклопических глыб в морщинах склонов.

Пучков знает горы и не боится их. Поэтому излюбленные районы работ Пучкова — это труднодоступные горные цепи Приполярного и Полярного Урала. В предгорье и на равнине ему скучновато, хотя и там ему не раз приходилось прокладывать свои маршруты.

Но мы немного забежали вперед...

---

[19] Напечатано в двух номерах Коми республиканской газеты «Молодежь Севера» за 28 сентября и 3 октября 1973 г.

[20] Ставший впоследствии академиком. — *Примечание-2002.*

Путь наверх

В 1960 году окончен геологический факультет МГУ. Молодой специалист Пучков с новеньким дипломом прибыл по распределению в Институт геологии Коми филиала АН СССР в Сыктывкаре. Год работал старшим лаборантом, затем переведен в младшие научные сотрудники. К сожалению, на этом его восхождение по служебной лестнице (соответственно, и зарплата) и застряло... Геолог Пучков и по сию пору пребывает в «мэнеэсах», хотя по своему уровню он «старше» многих своих коллег[21].

Но служба службой, а научный рост имеет свои законы. Первые годы у него еще не было своей темы — он, как молодой специалист, стажировался, приобретал опыт работы в сложных районах Тимана и Урала. Есть такое выражение — «трудности роста». Не избежал их и Пучков. В процессе роста, обогащения опытом и навыками, одно время, казалось, наступил сбой. Он рвался на самостоятельную тему, но ее не давали. Наступил опасный для молодого специалиста момент, когда его рост мог затормозиться, а сам он — превратиться в ходячий тип брюзги-неудачника, слоняющегося по коридорам и клянущего начальство за свою неудавшуюся карьеру. Пучков счастливо избежал этой опасности — он нашел свой путь.

— Нет своей темы? Прекрасно! Значит, есть время для самообразования!

И Пучков с головой залез в литературу. Для этого пришлось срочно выучить еще два языка — в дополнение к английскому. Вскоре он свободно, без словаря, читал статьи по геологии Аппалачей и Гималаев, Кордильер и Альп, африканского Атласа и латиноамериканских Анд. За короткое время интенсивной литературной работы он стал эрудирован в области так называемой глобальной геологии — геологии земного шара, как целого. При этом вопросы геологии экваториальной Африки или полуострова Флорида оказались весьма актуальными для правильного понимания... геологии Урала. Так, использовав некоторую паузу в собственной региональной работе, Пучков овладел ценным качеством: научился уверенно ориентироваться в бескрайнем море геологической литературы. Значит ли это, что он читал все подряд? — Конечно, нет. Чтобы ориентироваться в море, нужен компас. Таким компасом для него явилась возрождавшаяся к жизни теория дрейфа континентов.

Дрейф континентов

В 1920-х годах блестящий австрийский ученый Альфред Вегенер выдвинул ошеломляющую гипотезу дрейфа континентов. Его внимание привлекло сходство очертаний атлантических побережий Африки и Америки — и тихоокеанских побережий Азии и Австралии. Контуры континентов (с учетом их затопленной океаном периферии — шельфа) совпадали настолько хорошо, что это, казалось, исключало всякую возможность случайности такого совпадения. Напрашивалась мысль, что современные континенты были некогда спаяны в монолитную плиту, окруженную океаном, а впоследствии эта плита раскололась, и ее части «разъехались» по поверхности Земли, образовав современные континенты. Гипотеза Вегенера встретила восторженные отклики одних, — и жестокую критику других геологов. Понемногу под влиянием суровой оппозиции геофизиков (указавших, что легкий «сиаль», слагающий континенты, просто физически не может передвигаться в тяжелой базальтовой «симе» их «подстилки»), сторонники дрейфа континентов («мобилисты») оставались в явном меньшинстве перед сплоченными рядами его противников («фиксистов»). К началу 1950-х гг. казалось, что теория дрейфа континентов прочно обосновалась в коллекции отвергнутых научных идей. Но в это время началось усиленное изучение океанов, сильно шагнула вперед геофизика, резко возрос интерес геологов к вопросам глобальной геологии. Теория мобилизма обрела второе дыхание — и вновь, уже но уже на более прочной основе, стала завоевывать умы, главным образом, геологической молодежи. Пучков оказался в

[21] Это было не последней причиной ухода Пучкова из Института. М.н.с. получал 120 руб., а с.н.с. со степенью и стажем — около 200. Почувствуйте разницу... В 1975 г. Пучков (ведя свои переговоры в строгой тайне) — как бы внезапно получил в Свердловске (где его давно оценили по достоинству) лабораторию тектоники и с тех пор стремительно продвигался — пока не стал, наконец, директором Ин-та геологии в Уфе и членкорром РАН (куда был избран, впрочем, тоже с большим опозданием — только в 2000 г.). А я на этих выборах, увы, «пролетел», не выдержав конкуренции с директором Ин-та минералогии в Миассе — В. Н. Анфилоговым. *(Примечание-2002).*

числе тех немногих, кто с начала 1960-х годов стал в нашей стране активным приверженцем мобилизма. Изучение огромной литературы убедило его, что доводы фиксистов вовсе не являются неотразимыми, более того — те противоречия, на которые они указывали, в ряде случаев только подтверждали основные концепции мобилизма. В результате усиленных занятий уральский геолог Пучков опубликовал в престижном журнале «Известия Академии наук СССР» статью, посвященную ни много, ни мало, как происхождению рифта (щели) Красного моря, а через год в не менее престижной «Геотектонике» вступил с пространной критикой идей фиксизма в глобальном аспекте[22].

Структурные связи

Тем временем уже вполне сформировавшийся геолог-тектонист Пучков получил-таки самостоятельную тему, посвященную важному вопросу о так называемых структурных связях нефтегазоносных земель к западу от Урала и самого складчатого сооружения Урала. Одним из практических результатов выполнения этой темы мог явиться научный прогноз нефтегазоносности западного склона Урала — области, где, по укоренившемуся мнению, едва ли могут сохраниться месторождения нефти или газа.

При работе над этой темой способности Пучкова развернулись в полной мере. Очень быстро выполнил он и саму тему, и одновременно представил блестящую кандидатскую диссертацию.

В 1968 году за серию научных работ по геотектонике, Виктор Пучков удостаивается премии Коми комсомола, а в 1970 году — досрочно сдает отчет и защищает диссертацию.

Для некоторых «путь наверх» на этом и заканчивается. И в этом есть объективная причина: время после защиты кандидатской — это непростое время. До этого человек рос, работал по 16, по 18 часов в сутки, рвался к заветной цели, терял многие килограммы веса в предзащитной суете, и вдруг — все позади. Цель достигнута.

— Но что это? Когда карабкался наверх, видел перед собой только одну, заветную вершину. А когда достиг ее — вокруг развернулись новые горные цепи науки, и впору хоть все начинать сначала. И многие довольствуются тем, что «обживают» покоренную вершину. отнюдь не стремясь снова куда-то карабкаться...

Конодонты

Но для Пучкова такого вопроса — идти дальше или передохнуть — даже не возникало. Его движение не останавливалось ни на мгновение: в его кандидатской было вполне достаточно идей, которые требовали дальнейшей разработки.

В 1971 году, занимаясь своими излюбленными районами Приполярного Урала, Пучков сделал открытие, о масштабах которого, наверное, поначалу и сам не догадывался. Представьте себе плитку серого глинисто-кремнистого сланца с ровной, слегка шелковистой поверхностью. Покрутишь ее в руках, посмотришь и так и эдак, и либо отбросишь в сторону, либо небрежно кинешь в рюкзак образец, снабдив его стандартной этикеткой: «Сланец глинисто-кремнистый». И всё.

Оказывается, далеко не всё. На этой ничем не примечательной плитке Пучков сумел заметить небольшую черную точку. Десятки геологов до него отбивал образцы подобных пород и не обращали внимания на такие мелочи. Но его интуиция, знания и уже немалый опыт подсказывали: «Стой! Не торопись. Это может оказаться важным». Он вгляделся — и не столько разглядел, сколько угадал, что крошечная точка на поверхности сланца имеет зазубренный контур. Шевельнулась мысль: *«Уж не конодонт ли это? Где-то я про них читал...»*. Догадка оказалась верной — это и в самом деле оказались конодонты — загадочные зубчатые образования весьма прихотливой формы, размером меньше миллиметра. Никто из специалистов до сих пор толком не знает, что это такое. Предполагают, что конодонты — либо что-то вроде зубов таинственных давно вымерших морских существ, либо кусочки их скелета. Ничего другого от этих существ не сохрани-

[22] Добавлю, что эта критика была вполне адресной — в статье развенчивались взгляды весьма крупного и авторитетного советского геолога Ю. М. Шейнманна! (*Примечание-2002).*

лось. Однако это и не особенно волнует геологов — гораздо важнее, что облик конодонтов быстро изменяется в геологическом разрезе, и следовательно, конодонты являются драгоценными *руководящими ископаемыми* — они могут замечательно точно указывать возраст слоев. А возраст слоев — это основа основ геологии — стратиграфия. Еще ценнее то, что конодонты «водятся» и в тех слоях, в которых вовсе нет других ископаемых организмов — в печально знаменитых «немых толщах». Встретив такую немую толщу, геолог может, например, принять карбон за ордовик, то есть ошибиться с возрастом на 150 млн лет...

Можно смело сказать, что уже теперь — найдя конодонты, Пучков открыл новую страницу в геологическом изучении Севера Урала. Но меня подкупает не столько сам факт открытия (хотя и он весьма примечателен), сколько то, что за ним последовало. Мы вдруг увидели еще одно качество Пучкова-исследователя: фундаментальность. Найдя конодонты, тектонист-мобилист, геолог, интересующийся глобальными проблемами дрейфа континентов, на долгие месяцы засел за микроскоп и переквалифицировался в микро-палеонтолога: ему надо было научиться самому выделять крошечных ископаемых из пород, делать препараты и отправлять их узким специалистам для более детального изучения[23]. Однако медлительность этой процедуры его тяготила — Пучков хотел иметь определения как можно скорее. Поэтому пришлось переквалифицироваться в палеонтолога — Пучков научился определять конодонты хотя бы до рода — и теперь он в какой-то мере мог сам себя «обслужить», отсылая на сторону лишь часть своих препаратов.

Прошло немногим более года — и появились замечательные результаты. Овладев новым оружием — научившись искать, выделять и определять конодонты, Пучков учинил маленькую революцию в геологии излюбленной им — так называемой Лемвинской зоны Севера Урала. С помощью конодонтов он заставил заговорить прежде «немые» толщи. Определив же возраст этих толщ, он — уже в качестве тектониста — получил возможность уверенно расшифровать тектонические структуры этой части Урала.

Снова континенты…

Так получилось, что все, чем занимался в свое время Пучков, оказалось, на поверку, взаимосвязанным. Всякий раз, когда со стороны могло показаться, что он уходит от своих «глобальных» увлечений в более частные вопросы региональной тектоники или даже в узкую область палеонтологии, он фактически искал новые подходы для проверки своих мобилистских идей. Так случилось и с конодонтами. Опираясь на свои находки, Пучков в последнее время усиленно разрабатывает идею поисков реликтов (остатков) так называемых переходных областей между континентальными и океаническими структурами земной коры. Те самые лемвинские кремнистые толщи, в которых он впервые нашел конодонты, он склонен теперь трактовать как реликты именно таких областей. Эта идея впечатляет своей новизной и смелостью. Ведь если лемвинские сланцы (по Пучкову) — часть древнего континентального склона (края древнего континента, располагавшегося к западу от современного Урала), то за этим краем должна была простираться океаническая пучина. А это требует признать правильность идеи, которая и раньше уже высказывалась некоторыми геологами, включая и самого Пучкова: на месте Урала было в свое время не просто мелководное море (как геологи издавна привыкли считать), а самая настоящая океаническая впадина. Получается, что Урал — это как бы заваренный шов на теле Земли — шов, растянувшийся на тысячи километров, причем зародился он вначале на дне глубокого океана! Эти идеи еще очень новы и не вполне разработаны, но нельзя не подивиться их радикальности.

Новый подход к толщам, казалось бы, хорошо известным, оказался весьма важен для практики. Дело в том, что Пучков настойчиво доказывает, что некоторые толщи, которые мы ныне наблюдаем на современном западном склоне Севера Урала, на самом деле формировались не здесь,

---

[23] Методика выделения конодонтов — это целая кухня. Сперва раздробленные до сантиметровых кусочков породы отмачивают в воде и бензине, а потом много дней обрабатывают уксусной кислотой для удаления кальцита. В то время в Лаборатории региональной геологии и тектоники только я со своей группой располагал комнатой с вытяжным шкафом (мы занимались определением битумов и выделением кислото-нерастворимых остатков из пород). Помню, как Виктор Пучков довольно бесцеремонно потеснил наши колбочки под тягой — на долгие месяцы заняв все свободное пространство своими уксусно-вонючими банками с пробами. *(Примечание-2002).*

а в десятках километров восточнее, на месте современного горного сооружения. Он считает, что в результате грандиозных тектонических процессов, сопровождавших рождение Урала, эти толщи, в виде громадных пластин, были переброшены (надвинуты) далеко на запад. Пучков ездит к коллегам — уральским геологам — и, выступая с докладами, не устает доказывать реальность столь мощных процессов перемещения. А доказывать необходимо, ибо вопрос о структурном положении той или иной толщи — это центральный пункт геологического картирования. В свою очередь, без правильной геологической карты нечего и думать о научном прогнозе полезных ископаемых. Именно поэтому идеи Пучкова получают резонанс у геологов, ведущих геологическую съему Печорского Урала[24].

Таков наш товарищ, геолог Виктор Пучков, лауреат премии Коми комсомола. Ему уже 35 лет, но мне он представляется моложе иных представителей молодежи. Ведь молодо всё то, что растет и развивается. А за развитием Пучкова иной раз нелегко и уследить — оно происходит непрерывно, и пока не видно, чтобы он сбавил свои темпы.

Может быть, нашему молодому читателю, еще только выбирающему свой путь в жизни, покажется интересным узнать: а каков он, этот Пучков, как человек?

Отвечаю: он из тех людей, на которых можно положиться. С которыми можно пойти в любой, самый трудный маршрут. После утомительного горного маршрута ему еще не лень, растянувшись в палатке, почитать на сон грядущий Дж. Лондона или Э. Хемингуэя — в подлиннике. А то, бывало, вечером возьмет гитару и часами поет наши геологические песни. Некоторые из них он сам и сочинил — у него много стихов. Вдобавок Пучков отлично рисует — это очень помогает ему и в работе[25].

Пучков скромен, но полон чувства собственного достоинства. В обращении с друзьями (или с персоналом своего геологического отряда) — неизменно спокоен и доброжелателен. Про таких говорят: «легкий характер». Но я считаю, что характер только наполовину от природы, а наполовину — продукт самовоспитания. Так вот, у Пучков очень сильно проявлено волевое начало: под симпатичной мягкой внешностью интеллигентного «очкарика» находится мужик с железной волей, всегда добивающийся поставленной цели.

[Последний абзац этого очерка, восхваляющий «коммуниста Виктора Пучкова» — я здесь не считаю нужным воспроизводить. Нет никакого сомнения, что Пучков вступил в партию исключительно из карьерных соображений — и в этом отношении он отнюдь не был исключением. В противном случае, пробиваться ему было бы неизмеримо труднее. И уж точно — Пучкову-беспартийному никогда не предложили бы в Свердловске лабораторию! Например, вопрос о *моей* лаборатории в Сыктывкарском институте геологии — никогда даже и не поднимался. Лишь когда мне стукнуло 50, и за плечами были уже и докторская (которую квалифицировали как «новое научное направление»), и дюжина книг — новый директор Юшкин предложил мне лабораторию. Но я резонно ответил, что лабораторию уместно предлагать человеку в 30 лет, а не в 50...].

---

[24] Справедливости ради надо сказать, что у Пучкова был великий предшественник — первопроходец Лемвинской зоны (который и выделил ее в 1945 г.) К. Г. Войновский-Кригер. Он первый заявил о наличии в Лемвинской зоне крупных горизонтальных перемещений земной коры *(надвигов*). Заметим, что отзвуки лысенковщины, как ни странно, докатились и до геологии — поэтому, в частности, у нас охаивались идеи «буржуазных» геологов о мощных тектонических покровах (*шарьяжах*) в складчатых зонах (как «не наши идеи»). Поэтому гениальные прозрения Войновского (который скорее всего, стал бы академиком, если не был бы вынужден провести свои лучшие годы в Воркуте) о крупных надвигах в Лемвинской зоне — в 1940—1960-е годы подвергались шельмованию его же коллегами — воркутинскими геологами Еще более яростное противодействие оказывалось «китами» советской геологии прогрессивной теории мобилизма, что, кстати сказать, ощущается и до сих пор! Конечно, не могло быть и речи, чтобы такие вещи (о которых мне рассказывал Пучков) были опубликованы в республиканской комсомольской газетке. (*Примечание-2002*).

[25] Лет в 50 Пучков, как мне стало известно от А. И. Елисеева, занялся и масляной живописью. — Примечание-2002.

* * *

Александр Иванович Елисеев[26]

Начало пути

Александр Иванович Елисеев — один из наших ведущих ученых, подлинный ветеран Института геологии Коми научного центра Уральского отделения РАН, который до 1985 г. был Коми филиалом АН СССР. Он начал работать здесь в 1952 г. — еще до создания самого института (1958) и до сих пор, в свои 75 лет, продолжает продуктивно трудиться — уже 52 года!

Александр Иванович — крестьянский сын, родился 7 марта 1929 г. в затерянной среди тайги карельской деревушке Пелгостров Пудожского района. Детские годы Саши прошли среди чудесной карельской природы — возле кристально-чистой воды озер и рек, среди древних гранитных валунов, под сенью сосновых боров. Нет ничего удивительного в том, что способный и любознательный мальчик уже в детстве захотел стать исследователем — изучать родную природу. Где-то классе в шестом он прочитал книгу М. Ильина «Горы и люди», где рассказывалось о работе геологов. *«Эти люди мне так понравились, что я решил стать геологом и этому призванию больше никогда не изменял»* — рассказывал Елисеев < >. В этих бесхитростных словах — весь Елисеев, с его прямотой, открытостью и редкостным постоянством во всем. Последнее особенно ярко проявилось впоследствии — в его профессиональной научной деятельности.

В 1947 г. Елисеев окончил среднюю школу в Петрозаводске и сразу же поступил на геологический факультет местного университета. В те годы в Петрозаводском университете, еще с военных лет, училось немало красивых девушек из далекой Коми АССР. Здесь Саша Елисеев встретил свою первую (и последнюю!) любовь — Нину Завьялову из Коми и уже очень скоро юный студент обзавелся семьей — женой и маленьким сыном. Но в молодости человеку — все нипочем; крутясь, как белка в колесе между учебой и младенцем, воспитание которого требовало и времени, и дополнительного заработка (на скудную студенческую стипендию молодая семья прожить не могла), Елисеев, тем не менее, в 1952 г. успешно кончает университетский курс, получает квалификацию геолога и распределяется на родину жены — в Сыктывкар.

Однако во время учебы произошло важное событие, на много лет вперед определившее будущие научные пристрастия Елисеева — он заочно познакомился с великим литологом — академиком Н. М. Страховым и с той поры стал убежденным «страховцем».

В те годы жизнь академической науки в СССР отнюдь не была безмятежной. Время от времени в ней появлялись фигуры, подобные печально известному Лысенко, которые хотели бы добиться жизненного успеха не путем «скучной» научной работы, а быстрее и надежнее — путем дискредитации своих чересчур сильных оппонентов. Так, Лысенко сумел полностью разгромить до того занимавшую передовые позиции советскую генетику, уничтожив (или лишив работы, что практически одно и то же) своих оппоннентов, начиная с великого Н. И. Вавилова < >.

Вдохновленные успехом Лысенко, появились желающие повторить его «достижения» и в других областях науки. К сожалению, поддался этому соблазну и талантливый литолог, проф. Л. В. Пустовалов, которому, видимо, не давала покоя громкая слава восходящей звезды советской литологии — Николая

---

[26] Это написанная мной часть одноименной брошюры «*Я. Э. Юдович, В. А. Салдин.* Александр Иванович Елисеев. Биобиблиография ученого». — Сыктывкар: Геопринт, 2004, 40 с.» выпущенной в связи с 75-летием А. И. Елисеева. Он был очень доволен моим очерком и подарил мне экземпляр брошюры со стихами из обожаемого им Пушкина (в стишке, написанном по поводу его портрета кисти Кипренского): «*Себя как в зеркале я вижу // Но это зеркало мне льстит*».

Имевшиеся в брошюре ссылки на литературу здесь заменены угловыми скобками (*Примечание-2011*).

Михайловича Страхова. И в конце 1940-х гг. Пустовалов развернул на страницах научных журналов знаменитую литологическую дискуссию, в которой построения Страхова (и главное его детище — сравнительно-исторический метод в литологии) подверглись беспардонной, уничтожающей критике. В этой дискуссии научные аргументы ловко чередовались с грубо замаскированынми доносами (например, выискивалось, сколько в трудах оппонента ссылок на работы отечественных ученых, и сколько — на зарубежных. Если последних оказывалось «подозрительно» много, то можно было обвинить оппонента аж в отсутствии надлежащего патриотизма!)

Однако повторить в геологии печально известную сессию ВАСХНИЛ — уже не удалось. Корифеи отечественной геологии (Н. С. Шатский, В. В. Белоусов и другие), впечатленные разгромом советской генетики — не дали Страхова в обиду. Но главную роль в дискуссии сыграл, конечно, сам Страхов. Он оказался не только великим литологом, но и блестящим полемистом, отважным несгибаемым бойцом — и на каждый выпад Пустовалова он отвечал сокрушительным ответным ударом! В итоге, прошедшее в 1952 г. Всесоюзное литологическое совещание закончилось полной победой передовой страховской школы, а член-корреспондент АН СССР Л. В. Пустовалов после этого уже так и не стал академиком...

Трудно сказать, почему (видимо, было у него правильное чутье на истину!), но студент Александр Елисеев безоговорочно принял сторону Страхова, и на научной студенческой конференции сделал доклад «К вопросу об общей теории осадочного процесса», в котором проявил себя как ярый сторонник учения Страхова. Как он впоследствии вспоминал, *«доклад вызвал большой интерес, и я получил за него премию!»* < >.

Эта история имела романтическое продолжение. В 1956 г., будучи в командировке в ГИНе АН СССР, Елисеев случайно заглянул в конференц-зал на защиту кандидатской диссертации, и там хорошо знавшая молодого сыктывкарского геолога, ветеран-палеонтолог Д. М. Раузер-Черноусова (дожившая потом чуть ли не до 102 лет!) представила его Страхову, который пришел на защиту в качестве официального оппонента.

«...Дагмара Максимилиановна сказала: «Николай Михайлович, этот молодой человек жаждет с Вами познакомиться»... Я представился и сразу же рассказал о своем студенческом докладе. Николай Михайлович живо заинтересовался этим. Так мы познакомились и беседовали целых полчаса...

Затем я встречался с Николаем Михайловичем в разные годы еще несколько раз...

Беседы с Николаем Михайловичем были весьма ценными, и они не раз направляли мои исследования в нужное русло...

В частности, Николай Михайлович представлял две моих статьи в «Доклады Академии наук». В ходе этих бесед я неоднократно убеждался в строгости и принципиальности Николая Михайловича. Однако чувствовалось, что он с удовольствием поддерживает тех, кто искренне предан своему делу» < >.

Гряда Чернышева

Но все это было потом, а пока что — 22 августа 1952 г. молодой специалист Елисеев прибыл в Сыктывкар.

В те годы в Коми АССР существовала научная академическая ячейка — Коми филиал Академии наук СССР. Теперь в самом центре Сыктывкара располагается мощный научный центр в составе шести красавцев-институтов и со штатом более 1000 человек, а тогда это была городская окраина. Воспоминания Елисеева отличаются фотографической четкостью:

«...22 августа мы прибыли с женой и сыном в Сыктывкар на пароходе. Железной дороги тогда еще не было. Город был маленьким, дома в основном деревянные, кирпичных зданий было не более полутора десятка. Тротуары — деревянные, даже мостовые выложены деревянными чурками.

Наутро я пошел устраиваться на работу. Здание филиала Академии наук находилось на самой окрине города. Рядом с ним было кирпичное трехэтажное здание и деревянное двухэтажное. Это были жилые помещения для сотрудников филиала. Дальше шли огороды, а затем лес» < >.

В Коми филиале АН СССР имелся Отдел геологии, которым руководил легендарный «отец Коми геологии» — профессор Александр Александрович Чернов, открывший в 1920-х гг. Печорский угольный бассейн. Весь отдел Чернова насчитывал 11 человек.

«Однако найти рабочее место было трудно, поэтому Александр Александрович посадил меня в свой кабинет — за маленький журнальный столик, прямо напротив его большого письменного стола. Там я сидел полгода» < >.

Нравы тогда были простые; геологи делились только на два класса: магматисты, которыми руководил М. В. Фишман, впоследствии — директор института, и осадочники, группу которых возглавляла тогда еще очень молодая А. И. Першина. Чернов спросил молодого специалиста о

его склонностях, тот назвался поклонником осадочных пород — и таким образом оказался в группе Антониды Ивановны Першиной.

На следующий год, в конце июня 1953 г. А. И. Елисеев оказался с А. И. Першиной в своей первой экспедиции на гряде Чернышева — на реке Большой Сыне. Как это было заведено в те годы (не только о вертолетах, но и о лодочных моторах тогда и не слыхивали), в верховья реки геологи забросились, таща лодку с грузом с помощью бечевы. Уже первый год работы с Першиной, которая, по словам Елисеева < >, в тяжелейших многодневных маршрутах *«ходила так, что мужчинам не угнаться»*, привил молодому геологу все необходимые полевые навыки, с которыми он потом прошел еще 30 (!) экспедиций.

Елисеев вернулся с поля, где они с Першиной имели возможность увидеть почти весь палеозой, и А. А. Чернов спросил — что же он выбрал для собственных исследований (поначалу имелась в виду аспирантура у Чернова). Повинуясь больше эстетическому чувству, нежели чему-то иному, Елисеев выбрал отложения карбона, эффектные белые скалы которых («Печорские Альпы», как их называл известный путешественник В. А. Журавский) особенно понравились молодому геологу в Верхних Воротах Большой Сыни.

Так началась его работа на гряде Чернышева, занявшая почти 10 лет, и в январе 1962 г. увенчавшаяся блестящей защитой кандидатской диссертации в ГИН АН СССР. Если следовать нынешним меркам, то сделанное Елисеевым по карбону гряды Чернышева никак нельзя было бы назвать кандидатской работой — сейчас ему без колебаний любой Ученый совет присудил бы докторскую степень. Но тогда времена были суровые, в Отделе геологии было всего два доктора наук (сам А. А. Чернов и его соратница, знаменитая В. А. Варсанофьева), и никого особенно не удивляло, что над кандидатской диссертацией молодой геолог проработал целых 10 лет. Может быть, это и не было общей нормой, но безусловно было в порядке вещей.

Уже в 1963 г. вышла первая (и, по-видимому, самая популярная до сих пор) монография Елисеева: «Стратиграфия и литология каменноугольных отложений гряды Чернышева». Книгу эту можно назвать как угодно: настольной (если изучать ее за столом), полево-сумчатой (если носить ее в полевой сумке), рюкзачной (если таскать ее за спиной в рюкзаке) и т. д. — не в названии суть. Важно, что без этой книги уже никто не мог продолжать работать на гряде Чернышева — настолько елисеевская книга была содержательна, фактографически точна и инструктивна.

Если говорить коротко, то в том обширном белом пятне, которое представлял в те годы карбон гряды Чернышева, Елисеевым впервые была разработана стратиграфия — с выделением горизонтов, аналогичных горизонтам унифицированной шкалы Русской платформы. В те времена это было огромным достижением! Однако не была забыта и юношеская любовь Елисеева — литология. Недаром несколько его статей (вошедших потом в диссертацию и монографию) были представлены Страховым в «Доклады АН СССР» (а такая публикация всегда была «знаком качества» в русской науке) — это были классические добротные исследования по стратиграфии, по окремнению карбонатных толщ, о происхождении карбонатных брекчий. Лет через 10 Елисеев вместе со своим верным помощником, Геннадием Федоровичем Семеновым, подготовит фундаментальный Атлас текстур и структур изученных им карбонатов, к сожалению, так и оставшийся неопубликованным. А в 2003 г. его аспирант Андрей Сандула, опираясь на богатейшие елисеевские коллекции шлифов и образцов, в своей диссертации вновь обратится к старой проблеме генезиса загадочных карбонатных брекчий Печорского Урала.

Африка

После защиты кандидатской встал вопрос — чем заниматься дальше. Скорее всего, уже тогда Елисеев занялся бы карбоном Лемвинской зоны, но судьба распорядилась иначе: представилась возможность отправиться поработать в Африку! Этот важный эпизод в карьере Елисеева лучше всего описан им самим в трех замечательных мемуарных публикациях < >, и мы рекомендуем читателю обратиться к «Вестнику Института геологии» за 1997 г.

Здесь отметим только самое главное: группа советских геологов под руководством Елисеева впервые в истории провела геологические исследования в самом центре Сахары — в мае, в условиях чудовищной жары. Сами жители Республики Мали панически боялись Сахары, и Елисееву пришлось проявить недюженные волевые качества, чтобы хотя бы принудить малийских шофе-

ров, проделав путешествие длиной 1200 км по саванне от Бамако вдоль великого Нигера — доставить русских геологов до места полевых работ. Вот как описывает Елисеев один эпизод работы — 150-километровый маршрут из Кидаля на восток, до Тин-Ессако:

«Дороги туда нет, на машине можно было бы проехать, но с опытным шофером. Зная наше положение, комендант округа Кидаль посоветовал нам ехать на верблюдах, так будет надежнее. Зная, что будут трудности с водой, мы выехали впятером. Пять человек, но целая интернациональная бригада: мы с геологом Дмитрием Трофимовым — русские, радист Амиду — негр (бамбара), проводники — араб Браим и туарег Амбру. Поездка на верблюдах заняла десять дней. Она была самой тяжелой. Жара достигала днем пятидесяти с лишним градусов в тени, а тени никакой... Передвигались только рано утром и поздно вечером. Днем же приходилось скрываться под колючим кустарником, накинув на него простыни, устроив таким образом подобие тени. Шесть-семь часов лежали неподвижно. Вдруг подует ветерок — пахнет жаром, как из русской печки. Не было отдыха и ночью — температура не опускалась ниже сорока. Но самая страшная проблема Сахары — даже не жара, а отсутствие воды, в знойный период многие колодцы пересыхают» < >.

Об этой романтической и героической странице в биографии Елисеева сухо свидетельствуют «анкетные» автобиографические данные:

«В 1963—1964 гг. я работал в Республике Мали начальником партии по изучению опорных разрезов в пустынной зоне востока страны, в Мали-Нигерской впадине... Заниматься мне пришлось в основном типично платформенными, маломощными отложениями верхнего мела и палеогена. Конечно, они мне показались гораздо менее интересными, чем палеозойские отложения Урала. Я твердо решил, что, закончив работу в Мали, вернусь на прежнее место в родной институт» < >.

Лемвинская зона

Как задумано — так и было сделано. Елисеев вернулся из Африки, на заработанные деньги купил автомобиль (что тогда было предметом черной зависти сослуживцев!) и снова занялся карбоном — но уже в Лемвинской зоне.

Знаменитую Лемвинскую зону открыл на Урале великий геолог — К. Г. Войновский-Кригер. Отсидев «положенное» (за подозрительное происхождение и еще более подозрительную фамилию) и подарив Коми краю открытое им Еджыд-Кыртинское угольное месторождение (за что был досрочно освобожден), в начале 1930-х гг. он благоразумно решил не возвращаться в Центральную Россию и остался работать на Воркуте, будучи «вольняшкой», но постоянно имея в числе своего персонала воркутинских заключенных. Так он пережил и страшные 1937—38 гг., и войну, а в 1945 г. сделал свое самое главное открытие: обнаружил на Севере Урала два совершенно различных комплекса палеозоя — мелководно-морской Елецкий, существенно карбонатный (позже Пучков и Елисеев сказали бы — шельфовый), и глубоководный сланцевый Лемвинский (позже они же сказали бы — батиальный!).

В отличие от Елецкого комплекса, карбон которого прямо-таки кишел ископаемой макро- и микрофауной, Лемвинский карбон был практически «немым», так что задача его стратиграфического расчленения была архисложной — но как раз по плечу Елисееву, в расцвете сил вернувшемуся из Африки.

К тому времени в арсенале геологов появились вертолеты, и Елисеев сумел всего за два года (1965—1966) посетить практически все основные разрезы карбона Лемвинской зоны (заметим, что первый раз он попал туда еще в 1961 г.) и сделать чудесную стратиграфическую работу. Она восхитила Войновского, и он взялся редактировать очередную елисеевскую монографию «Карбон Лемвинской зоны Севера Урала».

И снова Елисееву удалось написать емкую краткую книжку, которую геологи носили с собой в полевых планшетах. Давний приятель Елисеева, стратиграф Владимир Афанасьевич Молин, обладавший недюжинным юмором, написал в юбилейной статье про Елисеева: *«Встречали мы геологов из Воркуты на Адзьве, а позже на Каре. Показалось нам подозрительным, что на разрезах они не пишут в дневниках, а что-то все читают. Присмотрелись — оказывается, читают книгу А. И. Елисеева: «Карбон Лемвинской зоны Севера Урала». Вот уж поистине — настольная полевая монография!»* < >.

Перспективы нефтегазоносности Печорского Урала

В апреле 1967 г. Елисеев создал диковинное чудо природы — некую сборную солянку, под общим названием «Лаборатория региональной геологии и тектоники». В ней в самом деле были

региональные геологи и тектонисты — сам кандидат наук Елисеев и буйно растущие аспиранты в лице Виктора Пучкова, Николая Тимонина и Всеволода Гецена. Но в ней числились и знаменитый Георгий Чернов (Чернов-сын, открыватель Воркуты), и весьма уже пожилой старожил Коми геологии П. Д. Калинин. А уже в мае того же года явился из Ленинграда новоиспеченный кандидат наук Яков Юдович (отнюдь не тектонист и не региональный геолог, а геохимик), который позже притащил сюда же опытного геолога А. И. Галкина, затем в штате лаборатории появился педагог-химик (!) Л. А. Фефилова, гидрогеолог В. Я. Кривошеев, в помощь Пучкову явился молодой специалист В. В. Юдин и т. д.

Дело в том, что полная мощных сил, молодая елисеевская лаборатория была «секретным оружием» Института; перед ней была поставлена задача — подготовить почву для прихода в Институт Большой Нефти... Начальство (М. В. Фишман) здраво рассудило, что прежде чем приглашать в институт профессиональных нефтяников, нужно, с опорой на собственные силы, попытаться сделать общий анализ перспектив нефтегазоносности тех толщ и того района, который никто не знал лучше геологов Коми филиала — палеозоя Западного склона Севера Урала (обычно именуемого Печорским Уралом).

Под энергичным водительством Елисеева, в лаборатории с самого начала поставили три темы: «Структурные ограничения Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции» (В. Н. Пучков, Н. И. Тимонин и В. Г. Гецен), «Литология карбонатных формаций верхнего девона–нижней перми восточных районовТимано-Печорской нефтегазоносной провинции» (А. И. Елисеев, Г. Ф. Семенов) и «Геохимия органического вещества палеозойских отложений восточных районов Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции» (Я. Э. Юдович) < >

Не лишним будет отметить, что из тогдашней елисеевской лаборатории вышли: член-корр. РАН Виктор Пучков, ныне директор Ин-та геологии в Уфе, доктора наук: сам Елисеев, геохимик Юдович, тектонисты Тимонин и «без пяти минут доктор» Гецен (впоследствии назвавшийся по отцу — Оловянишниковым), затем ныне уже член-корр. Украинской академии наук, но в свое время — вполне «российский» доктор наук Юдин, кандидаты наук — гидрогеолог Кривошеев и нефтяник, историк науки Галкин. Неплохой кадровый урожай...

Елисеевская команда с блеском выполнила все темы, в 1974 г. передала в геологические фонды отчет, а в 1975 г. опубликовала программный препринт < >, в котором было показано, на что способна классическая (не специфически «нефтяная») академическая наука: впервые была дана солидная оценка перспектив нефтегазоносности Западного склона Севера Урала по всем трем критериям: тектоническому, литологическому и геохимическому.

Что касается личного елисеевского вклада, то он впервые провел важный для нефтяной геологии *фациальный анализ* карбонатных толщ верхнего девона–карбона Печорского Урала. Здесь давно были известны разнообразнейшие по текстурам и структурам известняки и доломиты, однако их первичная (фациальная) природа толковалась по-разному. Елисеев убедительно показал, что в карбонатном комплексе преобладают мелководные фации, часть из которых формировалась при энергичных движениях воды. В этих условиях возникали очень своеобразные осадки — карбонатные по вещественному составу, но обломочные по структуре! Таковы были многочисленные известняковые кластиты — *детритовые известняки.* Наряду с ними в разрезе присутствовали и биоморфные карбонаты, в частности, вожделенные нефтяниками *рифогенные породы.* Те и другие могли в процессах литогенеза сохранить часть своей высокой первичной пористости и (в особенности при наложении вторичной доломитизации) послужить коллекторами для нефти или газа.

Вместе с такими (потенциально коллекторскими) фациями, Елисеев впервые описал в указанных толщах доманикоидные, *депрессионные отложения*, представленные темными тонкослоистыми и мелкозернистыми карбонатными сланцами с большой примесью кремнистого или глинистого вещества. Такие сланцы были установлены им в отложениях верхов фамена и низах турне на Подчереме, Средней Печоре и Кожиме, а также в визе на Верхней Печоре. Кстати, явившись со своим верным коллектором Г. Ф. Семеновым в 1977 г. в пайхойскую тундру, около 1 000 км от Верхней Печоры, Елисеев тотчас узнал там эти породы — выделенную им некогда «кушковатскую фацию». В отличие от мелководных — *коллекторских*, депрессионные фации должны были служить *нефтематеринскими.*

Выдвинутая Елисеевым идея нашла полное подтверждение в проведенном под его патронажем геохимическом исследовании — депрессионные фации в самом деле оказались обогаще-

ны органическим веществом и, в частности, — сингенетичными битумоидами. Попутно выяснилось, что вдобавок они еще и аномально обогащены марганцем, что могло произойти только в том случае, если фации периодически были аноксическими (бескислородными) или даже эвксинными (сероводородными). Этот вдохновляющий результат послужил толчком для развития на базе палеозоя Печорского Урала нового научного направления — *региональной геохимии осадочных толщ.* При этом Елисеев (всегда демонстративно подчеркивавший, что он геолог, а не геохимик) выступил, фактически, в роли повивальной бабки нового научного направления < >.

Вскоре я установил, что Елисеев принадлежит к редкому генотипу людей — прирожденных геологов. Редкость этой популяции обусловлена необычным сочетанием двух типов мышления — абстрактного и конкретного. Прирожденный геолог как-то ухитряется и замечать всякие мелочи на обнажении или в рельефе, и одновременно понимать геологическую структуру, умеет выполнить занудное послойное описание разреза — и одновременно способен к мощной генетической абстракции. У Елисеева это всё есть.

Впрочем, поначалу он меня сильно удивил. Дело было в 1968 году, и три отряда нашей Лаборатории (Елисеева, Пучкова и мой) забросились вертолетом практически в одно место в верховье Подчерема, километрах в 70 от уже открытого тогда Вуктыла. Впрочем, никакого города Вуктыла тогда и в помине не было, и Подчерем-1968 мало отличался от той глухой таежной речки, где до нас работали А. А. Чернов, В. И. Есева, М. В. Фишман, Н. Н. Кузькокова и другие знаменитые геологи.

Я пришел в гости в лагерь Елисеева, перебредя речку (я встал на левом берегу, а он на правом) и увидел его в каком-то кургузом пальтишке, в шляпе (!), в туфлях и чуть ли не в калошах. Он сильно зяб (июньский вечер был свеж) и тянул руки к костру. К тому времени я уж лет десять бывал в поле и насмотрелся на бравых молодцов-геологов со щегольскими офицерскими планшетками, двустволками, кинжалами в ножнах, с начищенными бляхами солдатских ремней поверх телогреечек, словом — со всякой прочей амуницией, вызывавшей у меня зависть. На таком фоне Елисеев выглядел безнадежно штатским малым: у него был вид сугубо городского человека, которого только по ошибке занесло в тайгу на студеную реку. Но ничто не могло быть более ошибочного этого первого наивного впечатления!

На другой день я забрел к нему в скальный каньон — поглядеть, как он работает. Оказалось, что вчерашний «штатский» куда-то исчез — а здесь чуть не бегом носился необыкновенно дотошный геолог, который без устали ползал вверх и вниз по скальным обрывам, без устали колотил молотком, капал из пузырька кислотой и громко диктовал послойное описание своему молчаливому как рыба коллектору — Геннадию Фёдоровичу Семенову. При этом он непрестанно сверялся с описанием разреза по тетрадке, которую не выпускал из рук, и всё время чертыхался, замечая то тут, то там, как подхалтурил предшественник: то вместо известняка оказывался доломит, а вместо доломита — известняк, то мощности не сходились. В конце-концов он в сердцах отбросил тетрадку и заявил, что этому описанию верить нельзя — и придется описывать всё заново.

Впоследствии я имел удовольствие убедиться, что всё, описанное Елисеевым, во-первых, реально существует в природе, а, во-вторых — находится в точности на том самом месте, где им указано. Поэтому работая на карбоне, я носил в полевой сумке его книжки и просто вытаскивал их на обнажении, легко привязывая свои пробы к описанным Елисеевым слоям.

Через 10 лет мы снова оказались в одном районе — на Пай-Хое. Правда, не рядом: он сидел на турнейской фтанитовой толще на Силовой, а я сплавлялся по Каре. Между нами было километров 30 или 40. Пока я не очень далеко сплыл вниз по Каре — мы каждый вечер связывались по радио с помощью «Каратов», и он без конца жаловался, что Пай-Хой ему не нравится: очень уж холодно, и разрез ужасно скучный, и каша надоела и вообще он хочет домой.

И снова оказался бы весьма наивным тот, кто принял бы всё это за чистую монету. Дело в том, что за недолгое свое пребывание в холодной тундре Пай-Хоя Елисеев углядел то, что до него проморгали первоклассные геологи: ордовикские песчаники подозрительно быстро сменились фосфатоносными черными кремнистыми сланцами (которые считали тоже ордовикскими).

«*Этого не может быть,*— решил он. — *Глубоководные кремни не должны непосредственно ложиться на мелководные песчаники. Скорее всего, это контакт тектонический. А эти чертовы кремни неспроста так похожи на силурийские — надо поискать граптолитов!*».

Граптолитов он быстро нашел, и они действительно оказались силурийскими. И вскоре Елисеев выступил на Геологическом семинаре с сенсационным докладом о широком развитии на Пай-Хое региональных надвигов. Оказывается, пологие надвиги считывались даже с мелкомасштабной геологической карты — на них все глядели, да никто до той поры не замечал[27]! Заодно оказалось, что поскольку черные кремни не ордовикские, то в нижнем палеозое на Пай-Хое существует только *один* фосфоритоносный горизонт — известный ранее силурийский, тогда как в ордовике никаких фосфоритов нет. Так что подсчитанные прогнозные ресурсы (исходившие из *двух* фосфатоносных горизонтов — силурийского и ордовикского) надлежало уменьшить в два раза... Триумф академической науки[28]!

Вот так и работал Елисеев, в соответствии с девизом «mente et malleo» — однако же, не столько молотком, сколько головой. И в итоге он заработал себе имя: широким кругам геологов он стал известен как крупнейший специалист в области стратиграфии и литологии. Два этих кита, на которых покоится научное творчество Елисеева, жестко взаимосвязаны: сначала достоверная стратиграфия, без которой немыслимо ничто иное, а потом доброкачественная детальная литология страховской школы.

Надо признать, что достижения Елисеева в стратиграфии и литологии карбона Севера Урала до сих пор никем не превзойдены: его ученики могут пока только мечтать хотя бы на цыпочках дотянуться до его замечательных результатов, добытых на гряде Чернышева, на Печорском Урале и на Пай-Хое.

Осадочные формации

Хотя к изучению разрезов девона-карбона Лемвинского (глубоководного) типа Елисеев еще вернется в 1977 г. на Пай-Хое (где развит комплекс палеозоя — почти полный гомолог Лемвинской зоны Печорского Урала), мысли о формациях стали появляться у него задолго до того. Они были вполне естественным итогом многолетних экспедиций, когда за пестротой и изменчивостью стратиграфических разрезов все более проступало нечто общее, что позволяло подняться на более высокий уровень обобщения и понимания.

Этим общим оказалось *учение об осадочных формациях* — крупных и очень крупных, тектонически (по Шатскому) и климатически (по Страхову) обусловленных комплексах отложений. Здесь снова дадим слово одному из коллег Елисеева.

«Научная карьера Елисеева весьма поучительна; она может служить прекрасным примером для молодежи, потому что в ней ярко проявлен процесс «того самого» перехода количества в качество. Этим новым качеством явился для Елисеева *формационный анализ*. Дело в том, что сверхзадачей его исследований, которая просвечивала через десятилетия упорного труда в тяжелых экспедициях — было исследование *геологии зон перехода от платформ к горноскладчатым сооружениям*.

Замечательно, что хотя за время его работы на Урале, Тимане и Пай-Хое успела кардинально смениться парадигма геологии — фундаментальные елисеевские результаты от этого ничуть не пострадали, а зоны перехода от платформ к геосинклиналям безо всякого ущерба для Елисеева — плавно перетекли в зоны перехода от мелководного шельфа к океану!

Надо сказать, что в геологии не так уж много закономерностей, которые можно было бы сравнить с закономерностями точных наук. Елисееву посчастливилось найти именно такую закономерность: его *формационные ряды* на периферии кратонов и складчатых зон, их принципиальное несходство — на мой взгляд — одна из самых красивых эмпирических закономерностей, установленных в геологии. Эта такая редкая по своей глубине, общности и убедительности концепция, за которую Елисееву (в дополнение к имеющемуся у него ордену!) следовало бы выдать диплом на научное открытие < >

Вообще же в научном творчестве Елисеева прослеживается чудная гармония — соразмерность частей. И подобно тому, как его формационный анализ возник путем синтеза стратигра-

---

[27] Кстати сказать, после этого профессиональные тектонисты надвиги сразу «заметили», а про не-тектониста Елисеева постарались поскорее забыть. Дескать, мы это давно знали, а при чем тут стратиграф и литолог Елисеев!?

[28] См. препринт коллектива Лаборатории литологии и осадочного рудогенеза под руководством А. И. Елисеева: «Осадочные формации Пай-Хоя и перспективы их рудоносности». — Сыктывкар, 1984. 50 с. < >.

фии, литологии и тектоники, так и региональное обобщение в масштабе Севера Урала естественно и красиво переросло в глобальное обобщение — в масштабе палеозоя на планете Земля < >».

Понятно, что вышеприведенные «юбилейные» строки (написанные по случаю 70-летия Елисеева), предназначенные для широкой публики, нуждаются здесь в более профессиональном пояснении. Что же конкретно сделано Елисеевым в учении об осадочных формациях, которому отдали дань почти все крупные геологи нашей страны? Заметим, что концепция осадочных формаций — это родовая метка именно отечественной геологии: на Западе такое понятие практически отсутствует, и «формациями» там называют просто свиты. Согласно Елисееву, который следует за своими великими предшественниками Шатским и Страховым,

«Осадочная формация — это парагенез пород или чаще ассоциаций пород, отличающихся своим составом и строением от смежных парагенезов и являющийся вещественным выражением определенной стадии развития крупной тектонической зоны» < >.

После того, как сам Елисеев и талантливейший член его команды Виктор Пучков возобновили изучение Левинской зоны, которая стала рассматриваться в тектоническом отношении как аллохтон, а в фациальном — как комплекс глубоководных отложений континентального склона и подножия на западном берегу древнего Уральского океана, встал вопрос о соотношении палеозойских толщ Елецкой и Лемвинской зон. Ведь к тому времени дальше того, что Елецкий комплекс «похож на платформенный», а Лемвинский — «больше похож на геосинклинальный», геологические интерпретации не шли.

Елисеев со своим формационным анализом совершил настоящий прорыв в решении этого принципиально-важного вопроса. Он установил, что *вертикальные формационные ряды палеозоя* соседствующих в современной тектонической структуре Елецкой и Лемвинской зон западного склона Севера Урала и Пай-Хоя — совершенно различны! В Елецкой зоне от ордовика до перми в разрезе трижды повторяется замечательная *триада формаций* (всем новым формациям Елисеев придумал красивые греческие названия, отражающие какие-либо их яркие признаки): *фалаховая* (терригенная, существенно кварцевая, выделенная ранее Б. М. Келлером) → *платамовая* (глинисто-карбонатная, с характерной плитчатой отдельностью пород, от «платамон» — плоский камень) → *калейдовая* (существенно карбонатная, от калейдос — красивый!). И на весь этот ритмичный разрез при заложении в начале перми Предуральского краевого прогиба — трансгрессивно легла пермская орогенная — *молассовая* формация.

Фалаховые формации (O_1–O_2, D_2^1, C_1^{2-1}) накапливались при начале трансгрессии моря на континент в условиях влажного климата; платамовые (O_2, D_2^2, C_1^{2-2}–C_1^{2-3}) — отвечали максимуму трансгресии и относительному тектоническому покою территории (климат большой роли уже не играл, но в общем становился суше); калейдовые (O_3–D_1, D_3^1–C_1^1, C_1^3–C_3) формировались на фоне регресии, а климат чаще был аридным. Каждая такая триада отвечала одному эпейрогеническому ритму, как бы «вдоху и выдоху» Мирового океана. Стало быть, на протяжении палеозоя от раннего ордовика до начала перми на Печорском Урале таких «вдохов-выдохов» было три.

В то же время, в Лемвинской зоне никакой закономерной ритмичности в формационном ряду не видно! Разрез начинается с *палиноровой* песчано-алеврито-глинистой формации (O), далее следует типично черносланцевая — *нижняя толеровая* карбонатно-кремнисто-глинистая формация (S–D_1), затем не получившая специального греческого названия «кремнисто-терригенная» формация (D_2), выше — самая глубоководная *фтанитовая* формация (D_3–C_1^1), развитая, однако, не повсеместно, и образующая как бы кремневый клин, отделяющий местами нижнюю толеровую формацию от *верхней толеровой* формации (D_3–C_2).

Все эти толщи, подобно тому, как их одновозрастные корреляты в Елецкой зоне перекрываются пермской молассой, — здесь перекрыты сначала *флишоидной* (развитой только на востоке) кремнисто-терригенной формацией (C_2–C_3), а затем, уже повсеместно — *флишевой* граувакковой формацией (P_1). На Урале она соответствует знаменитой *кечпельской свите* К. Г. Войновского-Кригера.

Таким образом, вместо трех «вдохов-выдохов» Мирового океана в карбонатной Елецкой зоне, в сланцевой Лемвинской зоне наблюдается только один, необыкновенно длительный «вдох—выдох», по крайней мере именно так было на Пай-Хое:

«Территория сланцевой зоны испытывала погружение, начиная с конца кембрия и до позднего девона—раннего карбона, вплоть до образования фтанитовой формации, которую мы считаем наиболее глубоководной.

Затем происходит смена знака движения: идет образование толеровой формации верхнего девона–среднего карбона, после происходит быстрое накопление флишевой формации (верхний карбон–нижняя пермь) < >.

В результате формационного анализа Елисевым была поставлена точка в дискуссии о границе между платформой и складчатой зоной.

«Вопрос о границе платформы и геосинклинали в рассматриваемом регионе является спорным. Одни исследователи (Н. П. Херасков, А. С. Перфильев и др.) считают Елецкую зону миогеосинклиналью, другие (В. А. Варсанофьева, А. А. Султанаев, И. С. Муравьев, В. Н. Пучков и др.) относят ее к краевой части платформы. Решение этого вопроса во многом зависит от выяснения характера формаций Елецкой зоны. Сравнение формаций Елецкой и Лемвинской зон показывает, что их нельзя объединять под общим названием «миогеосинклиналь». Широкое развитие карбонатных формаций в Елецкой зоне, характерная платформенная цикличность указывают на то, что этот район относится к краевой части платформы, к зоне ее перикратонного опускания... В Лемвинской же зоне проявляется иной цикл, единый для всего палеозоя: от ордовика до визе идет опускание территории, а затем происходит инверсия с образованием флишоидной и флишевой формаций. На основании резкого отличия формационных рядов мы считаем, что Елецкая зона является краевой частью платформы, а Лемвинская — краевой частью геосинклинали. Граница между ними является соответственно границей между платформой и геосинклиналью. Резкое отличие этих двух зон свидетельствует о том, что сочленение их происходило скорее всего по краевому шву» < >.

Тем не менее, Лемвинская пучина не оставалась совсем уж индифферентной к «дыханию» соседнего края Европейской платформы. Регрессии, происходившие на платформе и порождавшие там калейдовые формации — здесь также ощущались, но лишь на общем фоне преобладающего погружения. Так, в частности, Елисеев трактует появление в однообразном кремневом разрезе фтанитовой формации Лемвинской зоны пачек микрозернистых известняков в D_3: *«На прилегающей платформе именно в это время фиксируется несколько крупных регрессивных циклов, с которым связан размыв франско-фаменских рифовых массивов...»* < >.

Докторская диссертация

К основным выводам о формационных рядах Елецкой и Лемвинской зон Елисеев пришел еще в конце 1970-х гг. — до начала специализированных тематических исследований в Лемвинской зоне и на Пай-Хое коллектива Лаборатории литологии и осадочного рудогенеза (которую он возглавил в 1976 г., с немалыми трудами покинув Отдел горючих ископаемых В. А. Дедеева, который сам же активно помогал создавать).

По нынешним меркам, основополагающие выводы о формационных рядах двух зон (кратко изложенные выше) — были более чем достаточны для защиты в качестве тезисов докторской диссертации. Но, как и во времена, когда Елисеев защищал свою кандидатскую, тогдашние требования ВАК к докторским диссертациям были очень высокими — можно сказать, свирепыми.

Поэтому Елисеев несколько опасался, что ему могут предъявить претензию в чрезмерной «региональности» исследования — дескать, доктор наук должен (как в «Слове о полку Игореве») *«соколом ширять под облакы»* и представить диссертационному совету закономерности не меньше чем в глобальном масштабе...

Тем не менее, даже такое (негласное) условие не казалось Елисееву ни чрезмерным, ни трудновыполнимым: он и сам давно уже искал аналоги западного склона Урала в других районах земного шара, а точнее — там, где пассивные окраины палеозойских платформ сопрягались с подвижными областями (геосинклиналями). Эти поиски значительно облегчились, когда Виктор Пучков, опередив своего былого начальника и старшего друга, в 1979 г. опубликовал замечательную книгу «Батиальные комплексы пассивных окраин геосинклинальных областей» (то была его докторская, блестяще защищенная в ГИН АН СССР). В этой книге Пучков мастерски обобщил много зарубежной геологической литературы < >; понятно, что двигаться по его стопам Елисееву было уже значительно легче, чем по целине.

Зная французский (вот когда пригодился африканский опыт!) и английский, Елисеев быстро «перемолол» огромный массив иностранной геологической литературы и сумел подняться на новый — действительно глобальный — уровень обобщения. Он установил, что изучавшееся им в течение 20 лет ограничение Европейской платформы — случай необыкновенно типичный, но не единственный. Оказалось, что кроме этого типа ограничений (который он назвал *западноуральским*), существуют еще два: *западнотасманский* и *восточноиндийский*.

Заодно интенсивный «опрос источников» выявил глубокую правоту его давнего кумира Страхова — роль климата в литогенезе оказалась огромной. Дело в том, что сравнивая геологические разрезы по всем странам мира, Елисеев с удивлением установил, что на южных материках Гондваны периплатформенные осадочные формации были в целом гораздо более терригенными, нежели на северных материках Лавразии! Такого обилия карбонатных пород, как в нашей Елецкой зоне — нигде не наблюдалось в одновозрастных толщах Африки, Южной Америки и Австралии. Поскольку тектонические условия ограничения платформ были в общем очень сходными, то вывод мог быть только один: в палеозое на материках Гондваны, в целом, было гораздо холоднее, чем на материках Лавразии.

В 1983 г. в ГИН АН СССР состоялась блестящая защита Елисеевым докторской диссертации под названием «Палеозойские осадочные формации зон ограничения платформ и геосинклиналей».

Учителя и ученики

После защиты докторской Елисеев еще некоторое время был увлечен идеей — сделать глобальное обобщение по формациям, далеко выйдя за рамки уже освоенной «литературной территории». Но... началась пресловутая «перестройка», советская наука стала рушиться, а вместе с нею — стал иссякать и без того тонкий ручеек межбиблиотечного абонемента, без которого Елисеев был так же бессилен, как без воды в Сахаре... К тому же Елисеев, никогда не отличавшийся железным здоровьем, стал все чаще болеть, а задуманное им грандиозное предприятие по глобальному обобщению — требовало слишком больших сил, которых уже не было...

Поэтому, потратив несколько лет на так и не написанную монографию, Елисеев отступился — и весь остаток своих сил направил на учеников и... учителей. Именно так — подготовив ряд биографических книг, он воздвиг настоящие памятники своим учителям — Александру Александровичу Чернову и Константину Генриховичу Войновскому-Кригеру < >.

Сделанное Елисеевым в биографическом жанре несло на себе печать всего его научного творчества: тщательность, достоверность и ясность. Поэтому, когда в 1995 г. вышла из печати книга «Александр Александрович Чернов», где Елисеев впервые выступил в новой для себя роли редактора-составителя, — она произвела большое впечатление. В прессе отмечалось, что «деятельность Елисеева, не первое десятилетие протекающая у нас на глазах — яркая иллюстрация живой связи поколений. Поэтому академик Юшкин именно Елисеева попросил подготовить книгу об его учителе А. А. Чернове. Безошибочность этого выбора всем нам стала очевидна — когда оказалось, что Елисеев собрал и отредактировал бесценную, поистине замечательную книгу!» < >.

В этой книге < > перу Елисеева принадлежит биографический очерк (с. 8—18) написанный совместно с Н. Н. Кузькоковой, и личные воспоминания (с. 230—234). Однако самое главное, что было сделано Елисеевым — это создание, в качестве редактора-составителя, впечатляющей архитектуры книги, в которой гармонически сочетались факты и материалы вроде бы уже известные — с абсолютно новыми, ранее никогда не публиковавшимися материалами из дневников, воспоминаний и писем самого А.А.Чернова и его соратников и учеников. Не удивительно, что эта книга получила восторженный отклик общественности. Вот что писалось в одной из рецензий [14]:

«...нам только представлялось, будто мы все знаем об Александре Чернове. Только что вышедшая книга показала, что мы , оказывается, знали очень мало... Эта книга — настоящий подарок читателю. Ее приятно даже взять в руки — твердая обложка благородного темно-синего цвета, хороший шрифт, удивительно хорошее качество фотографий. Петербургские умельцы в издательстве сумели «вытянуть» казалось бы вовсе безнадежные для печати, пожелтевшие от времени снимки, которым просто нет цены ... Книга завершается профессионально сделанным справочным аппаратом, который включает: «Основные даты жизни и деятельности А. А. Чернова», «Список опубликованных работ А. А. Чернова», «Литература о жизни и деятельности А. А. Чернова» и «Краткие сведения об авторах»...

... Книга весьма содержательна. А все-таки: что же в ней главное? Главное — это сама книга. Дело в том, что список публикаций о Чернове насчитывает 57 статей и небольших брошюрок, а вот КНИГ, да еще таких книг — не было. Можно поздравить геологов и всех любознательных жителей нашей Республики: книга будет интересна решительно всем, что называется, «категориям читателей».

Освободившись от многолетнего бремени своей научной работы, Елисеев с головой окунулся в преподавание. Вот что писали о нем в одной из статей:

«...Вся жизнь Елисеева столь же гармонична, как и его научное творчество. Молодой период бури, натиска и многомесячных экспедиций естественным образом сменился зрелым периодом раздумий и глубоких обобщений, а затем столь же естественно, в свой черед — пришел период Учительства — когда Елисеев с присущей только ему страстностью, азартом и самоотдачей стал учить своей любимой Геологии студентов и аспирантов ... Никто не удивится, если при опросе сыктывкарской геологической молодежи окажется, что самым популярным и любимым профессором у них является Александр Иванович Елисеев. Так и должно быть, ибо Елисеев, во-первых, любит своих учеников (а это не каждому по силам!), а, во-вторых, не жалеет для них своего времени и сил» < >.

Личность Елисеева

Все, кому посчастливилось общаться с Александром Ивановичем, в один голос свидетельствуют о том, что он является яркой, незаурядной личностью. Как писал один из его сотрудников в 1999 г. (в год 70-летия Елисеева*), «ни для кого у нас не секрет, что Александр Иванович Елисеев является любимцем всего института. У него не было, нет и не может быть врагов. Ибо Елисеев — всегда талантлив, всегда открыт и общителен, всегда излучает на нас свою доброжелательность и жизнелюбие ... Меня сосватал в Институт геологии Миша Соколов. 10 мая 1967 г. я явился в Сыктывкар, и на другой день Миша подвел меня к рослому голубоглазому мужику с прекрасной улыбкой — это и был заведующий недавно созданной Лаборатории региональной геологии и тектоники кандидат наук Александр Иванович Елисеев, под началом которого мне предстояло работать. Правда, я тогда еще и думать не думал, что мы проработаем с ним вместе целую жизнь — 32 года!*

По прошествии этих 32 лет Елисеев мало изменился. Каждое утро он всё с той же прекрасной улыбкой говорит мне и всем нам, своим коллегам: «Здравствуйте!». Пожалуй, это единственный известный мне человек, которому желать людям каждый день здоровья — доставляет очевидное удовольствие» < >.

Спустя еще 5 лет — к этим словам нечего добавить. Разве что вместо 32 — написать 37...

К числу незаурядных качеств Елисеева надо, конечно, отнести его редкий талант лектора. Когда выступает Елисеев — аудитория замирает и внимает ему, словно завороженная. Вот что об этом писал В.А.Молин: *«После работы в 1963 —1964 годах геологом в Африке, в республике Мали, Александр Иванович прочитал десятки лекций во многих организациях и сотни лекций о достижениях науки! Причем... в самых отдаленных уголках республики. Многие жители Коми края знают А.И. как интересного, живо рассказывающего лектора. Еще первый директор Института Юрий Павлович Ивенсен отмечал эту [его] особенность — краткость речи и ее доходчивость»* < >.

Последнее достижение Елисеева в этой области навсегда останется у нас в памяти. Дело было осенью 2003 г. Предстояли традиционные, очередные XVII-е Черновские чтения, где Елисеев должен был делать доклад о своих последних архивных разысканиях — о мало известной Монгольской экспедиции 1907—1909 гг. молодого А. А.Чернова в составе экспедиции известного русского путешественника П. К. Козлова. Перед этим Елисеев долго и тяжело болел и к моменту Чтений все еще пребывал на больничном листе. Мы уже не надеялись его услышать, а без Елисеева — и сами Черновские чтения казались нам как-то осиротевшими... Но он — все-таки пришел, и слабым голосом прочитал совершенно замечательный доклад, вызвавший овацию зала.

А есть ли у Елисеева недостатки?

В юбилейных биографических брошюрах такой вопрос выглядит неприличным, и никто его себе не позволяет. Юбиляра принято только изо всех сил хвалить. Но, по-видимому, читатель уже заметил, что данная брошюра не совсем традиционна, ибо написана лицами, очень неравнодушными к юбиляру.

Итак, мы зададим этот вопрос и ответим: да, есть.

Как вспоминал Елисеев, когда они, почти умирающие от жажды, пустились в обратный путь из своего неправдоподобно-дерзкого маршрута по Сахаре, *«вода в колодцах была уже совершенно протухшей, ее не пили даже верблюды, но нам пришлось ее пить, чтобы не умереть. Увидев наше самочувствие, проводник Браим что-то долго нам говорил, но мы не понимали по-французски, а перевести было некому. Мы поняли только одно слово «кураж»... Потом спросили у радиста Амиду, что означает по-французски «кураж». Он долго думал, как бы нам объяснить, и, наконец, нашелся: «Гагарин — кураж». Ну, раз Гагарин — кураж, значит, это неплохо»* < >.

Так вот, в вопросе о формациях Елисееву, увы, не хватило куража... Вспоминается 1987 год, когда на Всесоюзном совещании по черным сланцам в Сыктывкаре доклад Елисеева по формациям был встречен собравшимися «на ура». Елисеевские формации и формационные ряды восхитили всех своей красотой — сочетанием строгой логичности и «геологичности», что придавало им статус фундаментальности.

Всем тогда казалось очевидным, что благодаря Елисееву сделан крупный прорыв в начавшем было загнивать учении о формациях, в него внесена струя мощного свежего ветра. Но... участники разъехались — и постепенно всё вернулось на круги своя. В литологическую литературу продолжал изливаться мутный поток статей и книг, авторы которых называли осадочными формациями всё что попало — вплоть до пачек пород мощностью всего несколько метров, нисколько не заботясь о том, чтобы формации отвечали своему назначению — *т. е. представляли бы, как у Елисеева, действительно крупные историко-геологические этапы осадочного процесса.*

А Елисеев между тем сидел дома, никуда не ездил, не пропагандировал свои замечательные формации на всякого рода научных «тусовках» и даже не рассылал своих трудов — словом, не проявлял никакого куража — совершенно необходимого для того, чтобы новые идеи завоевали умы консервативного по своей природе научного сообщества.

И в результате случилось то, что случилось — про достижения Елисеева просто забыли, на него не ссылались и не ссылаются ни в монографиях, ни в учебных пособиях.

И если вся жизнь Елисеева может служить прекрасным примером подражания для геологической молодежи — то чрезмерной елисеевской скромности в проблемных вопросах мы бы подражать не посоветовали. В этих делах необходим кураж — и чем больше куража, тем лучше!

* * *

Карьера геолога

(к 50-летию Николая Иосифовича Тимонина)[29]

...Сперва он родился. Потом учился. Учился долго и нудно.

Очень надоело. Стал работать.

Сперва работал в Казахстане. Надоело.

Потом работал на Тимане. Надоело.

Подался на Среднюю Печору. Не успело надоесть: появился конкурент. Даже и не конкурент, а лишь слух о том, что конкурент возможен.

Конкурентов он не выносил — и мигрировал к северу, на гряду Чернышева. Там места оказались такие дикие, что кроме медведей никто с ним конкурировать не мог.

Повеселел, поправился. Написал диссертацию. Стал почивать на лаврах.

Сперва было приятно, потом надоело.

Стал было руководить в качестве Ученого секретаря Института геологии. Но вскоре понял свою ошибку: завы его не слушались. Зато он принужден был слушаться директора, который полагал, что завы его слушаются...

Смекнул: надо бежать. Но куда? От хороших геологов он уже отбился, а к плохим — сам не хотел. Кроме геологов хороших и плохих, были еще нефтяники. Подался к нефтяникам.

Но вскоре всерьез затосковал среди коллекторов и покрышек.

Решил: «Пойду-ка я на *настоящую* руководящую работу. Чтобы, к примеру, я говорю — сделать так-то и так-то, а мне отвечают: будет сделано!».

И с этой мечтою пошел в партийные секретари.

[29] Приветствие к юбилею. Публикуется впервые.

Год поработал и ясно осознал: если Ученым секретарем быть плохо, то партийным — в 2.5 раза хуже. Ибо два раза дадут по шее просто так, и еще полраза — добавят дополнительно, для профилактики.

Заскучал, решил снова пойти работать — обыкновенным старшим научным сотрудником.

Поехал на Пай-Хой. Там было чудесно: хариусы выскакивали из воды на голый крючок, олени приходили из тундры прямо к палатке и напрашивались на котлеты, куропатки сами вспархивали в кузов вездехода.

Но... ему снова чего-то нехватало, что-то его постоянно томило. Он понял — его тянет к Северному Полюсу.

Поехал на Новую Землю.

Там оказалось еще чудеснее, чем на Пай-Хое: скалы были синими от флюорита или золотистыми от самородной меди, галечные косы — серыми от гусей, море кипело от тюленей.

Сначала понравилось. Но походил маршрутами туда-сюда и в который уж раз понял — нет, это не то.

Снова метнулся к югу — вернулся на Пай-Хой.

Но — молодость уже прошла, и дело не заладилось. То вездеход сломается, то продукты кончатся, то в середине июля вдруг повалит снег. И рыба стала ловиться плохо, и куропатки куда-то подевались, и олени разбрелись по тундре. Экология!

Заскучал, затосковал пуще прежнего.

Подумалось: «А все же руководить, как ни говори, спокойнее».

Но и тут фортуна отвернулась: ничего руководящего в наличии не оказалось. Пока он бедствовал на Новой Земле и Пай-Хое, все руководящие кресла давно расхватали.

И уже ничего иного не оставалось, как идти в Зампреды.

... И началась старая суета на новом месте: директора институтов его не слушались, зато сам он был принужден слушаться Председателя, который полагал, что директора его слушаются, и т. д.

Совсем поскучнел, ушел в себя, стал думать, куда бы еще податься.

Говорят, на Шпицбергене места еще ничего? Только стал было обдумывать это дело, бац — 50 лет!

Решил: вот отмечу юбилей, а там видно будет...

* * *

Наш человек в Сыктывкаре[30]

К юбилею Г. Ф. Семенова

22 сентября 1996 г. Геннадию Федоровичу Семенову исполняется 60 лет. Хоть в это и с трудом верится, но не миновала чаша сия и его: подошла очередь...

Ветераны Института знают Г. Ф. прекрасно, молодежь не знает совсем, среднее поколение (которого у нас сейчас как раз почти нет) — может быть, что-то о нем слышало, хотя и это сомнительно. Причина такой малой известности этого во многих отношениях замечательного человека только одна — он очень скромен. Вот именно про таких было принято говорить — «скромный труженик». В данном случае оба этих штампованных слова совершенно точно отражают содержание: исключительно скромный и подлинный труженик науки.

Как заметил А. И. Елисеев, проработавший с Г. Ф. без малого 30 (!) лет, Геннадий Федорович воспитал, можно сказать, двух докторов наук (В. А. Разницына и А. И. Елисеева), и несчетное число кандидатов. И в этом смысле очень напоминает мне героя (А. Баталов) фильма «Москва слезам не верит». Дело в том, что среди

[30] **Опубликовано в «Вестнике Ин-та геологии Коми НЦ УрО РАН», 1996. № 8—9 (20—21). С. 26.**

многочисленных талантов Г.Ф. один все же доминирует — талант первоклассного научного фотографа. Именно его фотографии украшают многочисленные диссертации, монографии и статьи наших геологов. Бывало, в Москве с завистью спрашивали наших: неужто вы сами делали эти фотографии? Ну, а наши, скромно потупясь, отвечали, что, мол, конечно же, сами — кому же еще поручишь...

В начале июня этого года я докладывал в Воркуте отчет по хоздоговорной теме. Как положено, воркутинцы мне написали рецензию, в которой были и замечания. Но вот насчет фотографий шлифов (сделанных Г. Ф.) была написана в рецензии такая удивительная фраза: *«Некоторые фотографии так прекрасны, что этого нельзя выразить словами»* (!!). Ну, и я, как водится, тоже скромно потупился — дескать, стараемся, работаем...

Вот так оно всё и происходит последние 38 лет (Геннадий Федорович в Институте аж с 1958 года!): одни фотографируют (и не совсем понятным образом как-то существуют на зарплату лаборанта), а другие скромно принимают знаки восхищения восхищенной публики.

Надо иметь в виду, что у нас в Ин-те в области фотографии всегда было несколько первоклассных профессионалов, среди которых «выдвинуться» очень непросто. Тем не менее, Г. Ф. это удалось. Одно из высших достижений Г. Ф. — «Атлас карбонатных пород», который он составил с А. И. Елисеевым в качестве приложения к отчету (1975 г.) по карбонатным формациям верхнего девона–карбона Зап. склона Урала. К большому сожалению, эта уникальная работа не была оценена по достоинству. Сколько мне помнится, вопрос об ее издании даже не ставился. Но если мы ныне вытаскиваем из архивов и печатаем старинные работы А. А. Чернова — то почему бы не издать этот замечательный и весьма нужный «Атлас» ? Это тем более актуально, что скоро, вполне может случиться, у нас вообще не останется людей, просто умеющих смотреть в микроскоп — не только что определять карбонатные породы (для чего необходимо обязательное знание основ палеонтологии). Ветеранам Ин-та Г. Ф. известен как один из наших корифеев-полевиков, где он стоит в одном ряду с Г. П. Давыдовым и еще некоторыми, которых можно пересчитать на пальцах одной руки. Его послужной список вызывает почтение даже у видавших виды полевых волков: Тиман, гряда Чернышева, Северный, Приполярный и Полярный Урал и, наконец, Пай-Хой. Разве что на Новую Землю не выбрался (но еще не поздно!). А в общей сложности три десятка экспедиций! И в каждой из них Г. Ф. оставался самим собою, т. е. человеком: — все умеющим, все делающим, никогда не ноющим, раньше всех встающим (и всех питающим) — одним словом, Человеком, На Которого Можно Положиться. Иметь такого помощника — заветная мечта каждого геолога. Остается только завидовать Разницыну, Елисееву и (в 80-е годы) — А. Беляеву, которым посчастливилось работать с Геннадием Федоровичем в поле.

А что — ведь и в самом деле недурно, не правда ли ? В поле с ним — как за каменной стеной (про рыбу не будем и говорить — поймает всегда, даже там, где «рыбы нет»), а в камералке сам тебе опишет карбонатные шлифы, выделит конодонты (а попутно и акцессорные минеральчики), сделает препараты, с поразительным мастерством сфотографирует шлифы и полировки, великолепно вычертит карты и разрезы, да еще сам их и размножит. Ну прямо как работник Балда — «яичко спечет, сам же и облупит»...

И что же, собственно говоря, остается делать научному сотруднику с таким, с позволения сказать, «лаборантом» ? — А просто найти местечко, где поставить свою фамилию да отправить очередное сочинение в печать...

Кстати о фамилиях. С этим просто беда — с Г. Ф. лучше не связываться. Я издавна привык включать в авторский коллектив людей, которые принимали участие в работе. Мне совершенно чуждо дурацкое разделение работы на «творческую» и «техническую», потому что геохимия, например, на 95 % состоит как раз из «технической» работы. Поэтому, сочинив в 1995 г. (с А. Беляевым и М.Кетрис) пайхойскую монографию, я, натурально, включил в авторский коллектив и Г.Ф. Ведь даже перечислить все, им сделанное для этой работы, — очень трудно, гораздо проще указать то немногое, что им НЕ делалось... Но увы — нашла коса на камень. Г. Ф. в самых решительных выражениях от соавторства отказался, и никакие уговоры не помогли.

Вот так, скоро уже 40 лет, живет и работает в Ин-те геологии Наш Человек в Сыктывкаре — Геннадий Федорович Семенов — очень молчаливый, очень скромный и в высшей степени достойный человек.

Я. Э. Юдович, один из тех несчастных, обиженных судьбою людей,
которым, увы, ни разу не довелось быть с поле с Г. Ф. (Подчерем, 1968 — не в счет!).

* * *

Лицо Кавказской Национальности[31]

К юбилею А. М. Асхабова

Данные внешнего осмотра. Мордально похож на еврея, но почему-то не еврей. Носит бороду и никогда не снимает очки. Ходит согнувшись по причине перманентного радикулита. Часто бывает соплив по причине перманентной простуды. Имеет глухой утробный бас, напоминающий голос генерала Лебедя. В рабочее время всегда изучает коммунистическую и лево-радикальную прессу, причем в огромных количествах. Никогда не был замечен за каким-либо другим занятием.

Генезис. Утверждают, что он — аварец. Обычно люди в недоумении спрашивают: это где — на Канарах или на Бермудах? Оказывается, на Кавказе — в Дагестане, притом сам он из Махачкалы. Это такое место, где ежедневно кого-нибудь смеху ради или взрывают, или проверяют на крепость при помощи ручного гранатомета. Между тем наш воинственный аварец едва ли знает, с какого именно конца надо заряжать ружьё. Тем не менее, с Абдулатиповым он на «ты» — из одной деревни родом. О Хасбулатове отзывался сочувственно, о генерале Дудаеве — с восхищением. Рассказывал мне, что чеченцы очень образованы. Когда стал член-кором, по-видимому, стал своим и у всех нынешних академиков.

Привязанности. Кроме основного занятия — чтения коммунистической и лево-радикальной прессы, имеет хобби — кристаллографию. При этом его интересует не столько рост кристаллов (как всех нормальных кристаллографов), сколько их растворение. В этом, по-видимому, проявляется какой-то подавленный комплекс садизма. Поэтому много занимался регенерацией кристаллов. Вероятно, в экспериментах регенерирующий кристалл представлялся ему в виде ящерицы, которой он оторвал хвост и теперь наблюдает, что с ней будет. В последнее время, сказывают, совершенно помешался на каких-то кластерах. Никто в Институте не понимает, что это такое, а от его объяснений делается еще непонятнее. Он уже раз пять докладывал про эти кластеры, и всякий раз — по-новому. Создаётся впечатление, что это — *вечно живое учение.*

Пороки. Пьёт и курит. Очень нравится женщинам, но трусливо старается их избегать (ибо жена очень крута на расправу).

Отличительные особенности. Особенность всего одна, но зато крайне неприятная — он вызывающе и почти неправдоподобно умный. Это страшно раздражает. Вот другие как-то могут скрывать свои недостатки и поэтому живут в ладу с окружающими. Например, Ткачев — тоже ведь умный, но понимает правильное обхождение. Например, он взял себе в привычку приносить мне все свои свежие сочинения (в которых я ничего не понимаю) и всегда почтительно просит — посмотреть. Этим дается ясный намек, что мне всё нипочем — хоть верхние, хоть нижние индексы в его кошмарных формулах. Кажется, пустячок — а приятно. Тогда как это Лицо никогда мне ничего не приносит — кроме разве что коммунистической пропаганды.

Перспективы. Имеет шанс стать академиком, если не сопьётся (см. выше: *пороки*).

---

[31] **Опубликовано к 50-летию А. М. Асхабова: Вестник Ин-та геологии Коми НЦ УрО РАН Коми НЦ УрО РАН, август 1998. № 8 (44). С. 23.**

* * *

Докторская мантия Анны Антошкиной[32]

25 января 2000 г. в Институте геологии стало одним доктором наук больше. Кажется, событие не Бог весть какое — по нашим коридорам бродит уже чертова дюжина докторов, у нас даже имеется свой академик (Юшкин) и свой членкор (Асхабов). Но — на этот раз докторскую мантию надела Анна Ивановна Антошкина — всего вторая женщина в нашем институте после незабвенной Веры Александровны Варсанофьевой. Кстати, случайно ли такое совпадение: и В. А. Варсанофьева (первая женщина в СССР — доктор наук!) и А. И. Антошкина — дамы, неравнодушные к силуру?

Судя по документам, мама произвела нашу докторшу на свет — на радость всем нам и во славу нашей геологии, — 12 марта голодного 1946 года, первого послевоенного. И если бы Анна даже захотела — ей никак не удастся скрыть своё рязанское происхождение — сколько бы она ни прожила на гостеприимной угро-финской земле и сколько бы она ни моталась по международным конгрессам в Аляске и Австралиях. Дело в том, что Рязанскую Мадонну всегда выдает её особенная стать: сила духа, безграничное терпение и буквально ежедневное преодоление таких трудностей, которые показались бы совершенно невыносимыми любой западной дамочке из числа её знакомых профессорш...

Кроме того, мои биографические разыскания показали, что Аня Антошкина была примерной пионеркой и невыносимо активной комсомолкой. Не лишено интереса, как она училась: побывши три года в Томске, она переменила фациальную обстановку — перевелась в МГУ. И непроизвольно впитала в себя традиции двух существенно разных геологических школ: Усова и Павлова.

С 1969 г. на протяжении 30 лет научная карьера Антошкиной протекала уже на наших глазах. Со свойственной ей основательностью она не спеша одолевала ступеньки служебной лестницы — от старшего лаборанта до старшего сотрудника. Впрочем, опыт учёбы (сосание двух маток) ей понравился; побывши в течение 17 лет Стратиграфом, она перешла в нашу лабораторию, где заделалась Литологом. Да притом так ловко это провернула, что и у литологов пришлась ко двору, и стратиграфы её до сих пор считают своей. Хитра, однако, Рязанская Мадонна!

Трудно сказать, когда именно (может быть во время работы над кандидатской, с блеском защищенной в Ленинграде в 1975 году) — но потянуло нашу Рязанскую Мадонну отнюдь не в рязанские поля, а в густые заросли тропических коралловых рифов. Все последние годы Анна ни о чем другом не желала и думать. Ей показалось мало 80 статей, кандидатской диссертации, своей монографии, участия еще в трех монографиях, экспедиций в Японию, Польшу, Австралию и на Аляску...

У неё созрело твердое убеждение, что палеозойские коралловые и особенно водорослевые рифы просто так и останутся погребенными в безвестности — если она не сочинит про них докторскую. Что она и сделала. Правда, опять-таки не без хитрости: она поступила в докторантуру. С помощью этого приёма она за один раз решила две проблемы: во-первых, финансовую (ибо Юшкин приплачивает нашим докторантам стипендию — дай Бог всякому!), во-вторых — научную. Ибо в консультанты Анна выбрала себе Александра Ивановича Елисеева — человека, под руководством которого она даже при большом желании не смогла бы сочинить слабую работу.

Мне довелось присутствовать на докторской защите Анны Ивановны, и я свидетельствую, что там было много занятного. К защите была представлена работа по специальности 04.00.01 —

---

[32] Опубликовано: Вестник Ин-та геологии Коми НЦ УрО РАН Коми НЦ УрО РАН, 2000. Февраль. № 2 (62). С. 16—17.

Общая и региональная геология, под титлом ***«Палеозойские рифы Печорского Урала и сопредельных областей».***

Сперва Анна, бодрым маршрутом переходя от картинки к картинке, довольно-таки внятно рассказала про палеозойские рифы — как они обитали, чем питались рифостроители и что всего обиднее — как они деградировали под влиянием суровой среды. Потом члены Совета задали ей кучу вопросов (причём напирали в основном на деградацию рифов — многих эта тема отчего-то задела за живое). Однако Анна держалась весьма достойно и сумела всех излишне любопытных поставить на место...

Потом секретарь диссертационного совета доктор Макеев занудно перечислил и отреферировал 24 (!!) отзыва, пришедших на автореферат. Среди этих отзывов было 11 без замечаний. Я бы такие отзывы сразу пускал в макулатуру (нужно регенерировать бумагу), а их сочинителей считал бы весьма полезным сечь по субботам — с воспитательной целью. Ведь отзыв без замечаний — это нонсенс, цена ему грош, он просто никому не нужен. И уж тем более не следует ничего зачитывать из таких отзывов — когда истощенные голодом члены совета изнывают, разлученные с обедом...

Потом снова выступила Анна и дала отлуп отдельным товарищам, которые рискнули высказать замечания в отзывах. Но при этом она поступила методически очень грамотно: все слабые замечания разбила в пух и прах, а с прочими тотчас согласилась, следуя проверенной формуле — *благодаря и кланяясь, кланяясь и благодаря.*

Именно в этот момент нам в Совете стало ясно — придется голосовать «за» — никуда не денешься.

Однако интересно было ещё послушать оппонентов. Интрига заключалась в том, что два оппонента были закоренелыми тектонистами (наш Н. И. Тимонин и профессор Н. В. Короновский из МГУ), и было крайне любопытно — что и как может сказать неспециалист о диссертации, которая ему вовсе не по профилю?

И мы были полностью вознаграждены! Блестящий соросовский профессор Короновский выступил с такой увлекательной речью, что мы просто ушки развесили! И лишь когда он закончил, дав высокую оценку диссертации, мы оторопело сообразили, что, собственно говоря, о самих рифах он как-то того... ничего нам не рассказал. Этот методический приём оппонирования произвёл на меня сильное впечатление, и я тотчас решил его взять себе на вооружение.

Что же касается нашего Н. И. Тимонина, то он решил проблему отзыва ещё радикальнее: он зачитал свой отзыв таким тихим шепотом, что мы просто ничего не услышали. Впрочем, главное до нас дошло — работу он одобряет, и то же рекомендует сделать и нам.

Наконец, выступил третий оппонент (или, если угодно — первый) — крупнейший специалист по ископаемым рифам профессор-нефтяник В. Г. Кузнецов. Он преподнёс нам ещё один урок. Нанося сокрушительные удары по защищаемым положениям, он, однако, проделывал эту экзекуцию настолько деликатно и нежно — что диссертантка просто обмирала от удовольствия. И если кому-то и могло показаться, будто маститый оппонент её избивает — то уж сама-то она была твёрдо уверена в обратном. И эта её неколебимая уверенность телепатическим путём передалась и всем нам. Тем более, когда интеллигентнейший оппонент, закончив процедуру избиения, сделал главный вывод — *несомненно достойна*!

Ну, а потом настала наша очередь. И тех, кто видел рифы, и тех, кто не только никогда их не видел, но и понятия не имел, что бы это такое могло быть. Однако подобные мелочи нас остановить не могли. Мы выступали один за другим (а некоторые и по два раза!) и воскуряли фимиам донне Анне за то, что она наконец-то открыла нам глаза на феномен палеозойских рифов. Ведь даже тот, кто их никогда не видел, твёрдо знал: там, где риф — там наверняка имеется либо нефть, либо газ. Стало быть, по части *актуальности* и *практической значимости* диссертации сомнений у нас быть не могло, а по части *научной новизны* нам уже всё растолковали оппоненты.

Правда, оставался еще один маленький вопросик, который не сводился ни к одному формальному критерию. Никакая ВАКа сформулировать его не в состоянии. И никакой оппонент здесь, к сожалению, не является для нас абсолютным авторитетом. Ответ на этот вопрос каждый член Совета должен найти только сам — наедине с урной, куда надобно опустить бюллетень. Вопрос этот звучит очень просто: ***Анна Антошкина — доктор наук или нет?***

Ответ же до поры есть тайна, и тайна сия велика есть...

И когда вскрыли урну, тайное стало явным: блестящая победа Анны Антошкиной со счетом 14:0!

Хочу пожелать тебе, дорогая донна Анна, счастья и процветания на благо Литологии и Палеогеографии, на благо нашего Института, в котором ты поднялась и расцвела. А также от души желаю успехов твоим деткам, которых ты вырастила и воспитала, отрывая своё время от водорослевых рифов и мужественно преодолевая рифы житейские!

* * *

Генерал-лейтенант аналитической химии[33]

К 75-летию Л. П. Павлова

Лев Петрович Павлов поступил на работу в сектор геологии (еще до создания института) 1 августа 1955 г. Было ему тогда 30 лет, но за спиной его остались война и трудные послевоенные годы.

Родился он 11 декабря 1924 г. в селе Усть-Вымь. Однако вскоре семья переехала в г. Ленинград, где и прошли детские годы Льва Петровича, Отец его преподавал, а мать работала лаборантом в одном из институтов. С началом войны мать с сыном-подростком эвакуируются в Усть-Вымь. Отец же остался в Ленинграде, где и погиб во время блокады.

В 1942 г. Л. П. призывают в армию. На фронтах Великой Отечественной он находится с августа этого года до мая 1944 г. Он служит в орудийном расчете 310-го гвардейского минометного полка — полка грозных «Катюш».

Льву Петровичу со своим полком довелось сражаться на Сталинградском, Калининском, Первом и Втором Прибалтийском фронтах.

Ему сказочно повезло: он остался живым и даже не был ранен. Наградой за его ратные подвиги являются медали «За оборону Сталинграда» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне».

Красная Армия несла огромные потери. Нужны были офицеры, имеющие боевой опыт. В мае 1944 г. образцового солдата Павлова направляют в Москву на учебу в офицерское артиллерийско-минометное училище. Когда он вышел из училища (сентябрь 1946 г.), война уже кончилась. Новоиспеченного младшего лейтенанта направили на север Карелии, в Петсамо.

Наконец, после многолетней военной службы — долгожданная демобилизация! Лев Петрович возвращается в Ленинград, оканчивает вечернюю среднюю школу (ведь надо было зарабатывать на жизнь) и в 1950 г. поступает на физфак Ленинградского университета. Через год он переводится на химфак и таким образом делает свой выбор на всю жизнь — Ее Величество Химия.

Тогда же он сделал и другой счастливый выбор — сумел завоевать сердце Клавдии Семеновны. Вскоре у молодых родилась дочь Наташа, и вот уж почти полвека эта пара неразлучна. Клавдия Семеновна всю жизнь преподает английский язык, у нас её все прекрасно знают.

По окончании университета Лев Петрович попросил распределения в родную республику. Он поступил на работу в Коми филиал Академии наук СССР, где был зачислен на должность младшего научного сотрудника.

---

[33] Опубликовано (в соавторстве с А. И. Елисеевым): Вестник Ин-та геологии Коми НЦ УрО РАН Коми НЦ УрО РАН. Декабрь 1999. № 12. С. 14—15.

Так началась долгая трудовая карьера Павлова-химика. В январе 1958 г. его назначают на должность заведующего химико-аналитической лабораторией, после чего он многократно переизбирался в этой должности вплоть до 1990 г.

Тридцать два года Лев Петрович обеспечивал всех наших академиков, докторов, кандидатов, научных сотрудников и аспирантов первоклассными анализами! Его анализы опубликованы в тысячах статей и сотнях монографий — и это уже навсегда.

Почти все новые методики разрабатывались и осваивались им. Поэтому его имя по праву стоит в числе авторов десятков научных статей.

Главное, что отличало всегда работу химика-аналитика Павлова — это творчество, скрупулезность и разумная осторожность. И только убедившись, что методика надежна, он передавал новую разработку «в серию» — в руки своих аккуратных помощниц. Персонал химико-аналитической лаборатории все годы был исключительно женским. Единственный мужчина в своей лаборатории, Лев Петрович был всегда не только ее мозгом, но и руками (мастерил все подручное обрудование, необходимое для нормальной работы), а также ногами (таскал емкости с кислотами, возил на тележке дистиллят и пр.). С таким заведующим наши женщины-аналитики всегда чувствовали себя, как за каменной стеной.

Лев Петрович и сейчас стоял бы у аналитического стола, если бы не трагическая инвалидность, настигшая его в 1995 г.

В один из его юбилеев Лаборатория литологии и геохимии осадочных формаций присвоила бывшему лейтенанту Павлову звание *«Генерал-лейтенант Аналитической Химии»*. Но Павлов — отнюдь не только выдающийся химик-аналитик.

Он совершил вместе с геологами полтора десятка экспедиций на Север Урала и Тиман, порой весьма нелегких. Хорошо известно, что в таких условиях человек полностью раскрывает черты своего характера. И Лев Петрович показал себя как прекрасный товарищ, на которого можно положиться. Ровный, доброжелательный и спокойный в общении с коллегами, вдобавок, весьма незаурядный кулинар и превосходный рыбак. К тому же Л. П. всегда был заядлым грибником и ягодником. Одному из нас посчастливилось много раз бывать вместе с ним в экспедициях и бессчетное число раз выезжать под Сыктывкар за грибами и ягодами.

Зимой Лев Петрович неизменно вставал на лыжи. А где-то лет 25 тому назад, соблазненный одним из нас — пристрастился бегать по утрам и очень быстро превзошел по объему и регулярности нагрузок своего соблазнителя.

Характеристика была бы неполной, если бы мы не отметили, что Лев Петрович — прекрасный семьянин: муж, отец и дедушка.

Стало уже традицией, что каждый год мы, друзья и коллеги, приходим к Льву Петровичу на его день рождения и в День Победы.

В эти дни многое вспоминается... Лев Петрович жадно слушает рассказы о том, что происходит в Институте. Он до сих пор душой болеет за состояние аналитики в нашем институте, ревностно выпытывает у нас все данные о возможностях новых приборов, которыми оснащается Институт. С большой теплотой он вспоминает свои поездки в экспедиции. В эти минуты он становится таким же энергичным, бодрым и деятельным, каким мы его знали всегда.

Пожелаем нашему дорогому юбиляру не падать духом еще многие годы!

* * *

Любовь на всю жизнь[34]

К 40-летию научной деятельности И. В. Швецовой

В августовский день уже очень далекого 1959 г. первый автор этих строк был единственным на весь Коми филиал АН СССР инженером. И вследствие столь высокого чина сидел в одном кабинете с заместителем председателя Президиума А. Ф. Любушиным. И вот в этот кабинет довольно робко вошла симпатичная девушка. Это была молодая выпускница Ленинградского университета Ира Чулкова — ныне всем известная Ирина Викторовна Швецова.

А известна она тем, что вот уже 40 лет сидит за бинокуляром, 40 лет в каждом минералогическом сборнике выходит ее статья, и обязательно раз в несколько лет — монография с её участием. И хотя в нашем Институте полным-полно минералогов (и некоторые из них — весьма знаменитые доктора наук) — другой такой, как бывало писали в наших газетах, «скромной труженицы» — мы больше не знаем.

Научная карьера Швецовой проста и поучительна.

Проста потому, что в ней не было никаких катаклизмов, она как-то естественно переходила от темы к теме. А поучительна потому, что показывает молодежи — как много можно сделать, если просто любить свое дело, работать и не лениться.

На её долю выпало трудное военное детство, эвакуация из блокадного Ленинграда в Сибирь, гибель отца при прорыве блокады, полуголодное существование первых послевоенных лет. Постепенно ковался ее характер, отличительными чертами которого являются трудолюбие, стойкость, обязательность, выдержанность.

Нам думается, что никто и никогда не слышал, чтобы И. В. на кого-то повысила голос; никому не случалось видеть И. В., праздно болтающую в рекреациях института — в рабочее время ее можно обнаружить только возле бинокуляра или у своих подруг-рентгенщиц; никогда начальству не приходилось напоминать И. В., что, мол, надо поторапливаться, чтобы сдать в срок отчет — она бы очень этому удивилась, так как любую работу делает досрочно.

Наконец, последнее по счету, но не по важности: нам не приходилось видеть И.В. злой или раздраженной — она неизменно окружена аурой ровной доброжелательности. Это именно тот человек, о котором говорят — «с ней легко работать». В этом убеждает список лиц, которые с ней в разное время сотрудничали: Янулов, В. Беляев, А. Беляев, Лихачев, Мальков, Юдович, Салдин и даже воркутинец Жарков... Трудно найти людей, больше непохожих друг на друга, чем перечисленные персоны — и вот оказывается, со всеми ними Ирина Викторовна легко нашла общий язык!

В годы студенчества И. В. принимала активное участие... нет, не в научной работе — тогда было не до этого — а в сельхозработах и лесозаготовках! Как и многие в те годы, она ездила в Казахстан — на освоение целинных земель.

Придя в Институт, Ирина Викторовна попала в лабораторию минералогии и шлихового анализа — к Кириллу Паскальевичу Янулову. Это была отличная школа для молодого специалиста. Очень важно, что много лет она сама занималась рентгеноструктурными анализами минералов, уже будучи занятой в тематических исследованиях минералогии Тимана.

Первые годы её работы оказались определяющими в её научной карьере — под руководством Янулова она занялась исследованием минералогии уникального Ярегского нефтетитанового месторождения. Прошло уже почти 40 лет, а на знаменитую статью Янулова-Чулковой ссы-

[34] **Опубликовано: Вестник Ин-та геологии Коми НЦ УрО РАН Коми НЦ УрО РАН. Август 1999. № 8. С. 21—22, в соавторстве с В. В. Беляевым, как первым автором.**

лаются в литературе и до сих пор! Дело в том, что им впервые удалось выявить особенности состава и строения ярегского лейкоксена, раскрыть основной механизм формирования лейкоксеновых псевдоморфоз по метаморфогенному ильмениту.

Так, в работе на переднем крае тогдашней минералогии, сформировался классный специалист-минералог, которому все дальнейшие задачи были уже по плечу. Такой специалист был нужен всем; поэтому Ирину Викторовну активно привлекали к разработке таких плановых тем Института, как изучение магматизма и металлогении Тимана, минералогия горного хрусталя Приполярного Урала. При этом она не бросала своей рентгеновской определительской работы — через ее руки проходили десятки труднодиагностируемых минералов.

Накопив солидный материал, в 1967 г. она поступила в нашу очную аспирантуру, и точно в срок (так как по-другому она не умеет!) выдала отличную диссертацию *«Минералогия полиморфических модификаций двуокиси титана на примере Ярегского месторождения»*. Диссертация послужила основой для монографии *«Минералогия лейкоксена Ярегского месторождения»*, которая стала (и до сих пор является) настольной книгой для всех тех, кто интересуется технологией обогащения и переработки титановых руд Тимана.

В этой работе широко использованы разработанные И. В. Швецовой оригинальные приемы исследования зерен лейкоксена в прозрачно-полированных шлифах, в сочетании с точечным рентгено-фазовым анализом (о микрозонде тогда никто еще и не слыхал, не было и методики РЭМ). Такой подход позволил весьма убедительно расшифровать природу лейкоксена как в самой Ярегской россыпи, так и в рифейском метаморфическом фундаменте, выявить стадийность полиморфных трансформаций ильменита, раскрыть механизм формирования сагенитовых сростков рутила, ориентированных по структурным мотивам материнского ильменита.

Следующий крупный этап в научной карьере Швецовой — это многолетнее изучение акцессорной минералогии латеритных бокситов Тимана и палеозойских кор выветривания. Здесь ею выполнено фундаментальное описание нескольких десятков акцессориев, установлены их типоморфные особенности, проведен сравнительный анализ минералов в бокситах и корах выветривания по разным субстратам. Особый, и может быть, наиболее важный раздел этой работы составило детальное изучение сложных редкоземельно-ниобиевых минералов в редкометальных бокситоносных корах выветривания, образовавшихся по субстрату полевошпатовых метасоматитов. Помимо крупного собственно-минералогического значения, эти работы имели очевидный практический эффект: они позволили уточнить типы бокситоматеринских пород и более рационально ориентировать поиски бокситовых залежей на Тимане. Они могут пригодиться и при выборе технологических схем извлечения редких металлов из тиманских бокситов.

В последние годы Ирина Викторовна, которая, вроде бы, не была обделена судьбою по части объектов исследования, напала в буквальном и переносном смысле — на золотую жилу. Речь идет о цикле ее работ по минералогии золотоносных метаморфических толщ на Приполярном Урале, где ей пришлось погрузиться в неизведанный мир редкоземельных, марганцевых, мышьяковых и вольфрам-молибденовых редкостей. Эти работы, которые она ведет с Я. Э. Юдовичем, и о которых у нас уже много писали (см., например, статью И. В. Козыревой в Вестнике 1999, № 5), открывают новый мир диковинной микро- и нано-минералогии. Черновит, арденнит, удивительные лантан-неодимовые арсенаты, странные марганцевые алланиты и еще с десяток экзотических минералов, либо очень редких, либо, может быть, новых, в науке еще неизвестных. Теперь уже Ирина Викторовна, кроме своего любимого рентгена, вооружена микрозондом — и её открытия следуют одно за другим, успевай только следить за публикациями.

Кстати сказать, мы не подсчитывали числа ее научных публикаций, потому что их многие десятки, включая несколько монографий. Но вот число её детей мы знаем точно — два сына и дочь, один другого лучше, да плюс два внука! И всё это — не отходя от бинокуляра...

Над рабочими столами наших мужчин часто висят фотографии голых красоток.

Над рабочими столами наших женщин часто висят фотографии кошечек и собачек.

Над рабочим столом Ирины Викторовны висят роскошные РЭМ-изображения акцессориев Тимана и Урала. Такова у Швецовой эстетика, такова любовь на всю жизнь — Её Величество Минералогия.

* * *

Судьба

К 70-летию Юрия Степанова — фронтовика, узника, геолога[35]

Когда-то Михаил Шолохов создал потрясающий рассказ с названием «Судьба человека», описав в нем жизнь обыкновенного русского солдата. Казалось поразительным и почти неправдоподобным, что столько перенесший человек сумел сохранить в себе живую душу.

Однако как бы мы отнеслись к истории о том, как 18-летний солдат попал раненным в плен, бежал, снова воевал, форсировал Днепр, вновь был ранен и демобилизован. Почти закончил геологоразведочный институт, но диплом получить не успел — был арестован. Получил по приговору ОСО 25 лет как опасный враг народа; прошел два круга ада на Лубянке и в Бутырке, третий в Абези и четвертый — на подземных работах в Инте.

После семи лет тюрем и каторги был реабилитирован и сразу же восстановился в институте (МГРИ). Получил диплом и немедленно поступил в заочную аспирантуру.

Создал мощное научное подразделение в Воркуте — группу шахтной геологии. Воспитал два десятка учеников. В 1966 году защитил кандидатскую диссертацию, создал новый метод изучения и поисков углей, получил фантастические результаты и в 1983 году стал доктором наук.

Написал 70 производственных отчетов, опубликовал полторы сотни научных работ — в том числе 6 фундаментальных монографий, которые составляют теперь гордость Института геологии Коми НЦ.

Все эти годы растил учеников, помогал им встать на ноги, ободрял и поддерживал, сотрудничал с десятками людей, будучи для всех символом надежности, порядочности, доброжелательности и профессионализма.

Яростно боролся с тяжелыми недугами — последствиями войны, плена и каторги.

Наконец сегодня, в 70 лет — пытается спасти от гибели свое главное детище, подлинное достояние Коми республики — воркутинскую угольно-петрографическую науку. Он пытается укоренить ее у нас в Сыктывкаре — в Коми научном центре, ибо в Воркуте она уже выжить не может.

Вот такая, в конспективном выборочном изложении — Судьба Человека — Юрия Васильевича Степанова.

И где же тот писатель, который описал бы нам эту жизнь? Более невероятную, чем любой приключенческий роман. Более страшную, чем фильм ужасов. И в то же время — жизнь столь прекрасную. Она обнажает нечто подлинное и неподдельное, а именно — величие духа и могучую творческую силу русского человека. И как жалки и ничтожны рядом со Степановым красно-коричневые «патриоты», надрывающие глотки на митингах, сеющие вокруг себя злобу и ненависть, пытающиеся утолить свой неизбывный комплекс неполноценности поношением и оскорблением других народов...

Когда знакомишься с жизнью Степанова, то с полной ясностью понимаешь, в сущности, очень простой секрет величия России. Почему Россия, потерявшая цвет своего человеческого генофонда, все еще жива? Более того — верит в свое будущее и надеется на лучшее! Да лишь потому, что русский народ еще не утратил способности рождать степановых. Это — самое главное. А все прочее (территория, ресурсы и так далее) — второстепенно и особого значения не имеет.

---

[35] **Впервые опубликовано в Коми республиканской газете «Республика» 17 мая 1993 г.**

В дальнейшем опубликовано в сборнике: Полное собрание разлук: Литературный альманах. — Сыктывкар: Геопринт, 2005, с. 396—400.

Перепечатано в книге: ***Юдович Я. Э.*** Юрий Васильевич Степанов. Сыктывкар: Геопринт, 2006, 115 с. (с. 62—65).

Я познакомился с Юрием Васильевичем в 1967 г. во время первой же поездки в Воркуту. Еще в Ленинграде меня напутствовал бывший воркутинский узник, выдающийся геолог и не менее выдающийся литературовед (земляк Твардовского) Адриан Владимирович Македонов: «Разыщите в Воркуте Степанова — он фактически один сохраняет угольную науку. Остальное почти все погибло». И действительно, после того, как в 1960—61 гг. ассигнования на угольную геологию были сокращены с 14 миллионов рублей до 2.9 миллиона (Хрущев решил, что уголь нам больше не нужен: нефти много, хоть залейся), некогда цветущая угольная геология Воркуты стала чахнуть вследствие губительной убыли своего золотого запаса — кадров геологов-угольщиков. И только Степанов сумел уберечь свою группу. Словно утес, возвышалась она среди пучины, поглотившей угольную геологию.

Так начиналось наше сотрудничество со Степановым — совместное изучение геохимии углей Печорского бассейна.

Я не сразу привык к его манере общения. Бывало, встретимся, договоримся о программе работ, Ю. В. все тщательно запишет в книжечку. Через полгода или год встречаемся снова. Он вытаскивает свою книжечку и начинает допрос по пунктам.

— Так, № 1. Я тебе обещал?

— Обещали.

— Я это сделал?

— Сделали, конечно, о чем разговор!

— Нет, не спеши. Ставлю галочку. Пойдем дальше...

Я пытался протестовать: мол, к чему такое занудство? Но Ю. В. как-то жестко сказал: *«Вот поживи с мое, тогда не так будешь разговаривать. Знаешь ли, сколько раз меня в жизни продавали? Так что пусть уж я буду занудой, но между нами не должно быть ничего недосказанного, никакого скрытого недовольства или обиды»*.

Много позже, ссорясь иной раз по пустякам с хорошими друзьями, я понял, что Степанов был прав.

...Как-то в 1970-е годы в канун Дня победы мы с ним сидели, выпивали и слушали радио. Рассказывали о встречах ветеранов у Большого театра в Москве.

— А я и не знаю, что это такое, — вдруг сказал Степанов.

— Как это? Вы не встречаетесь с однополчанами?

— Эх, Яша, дорогой мой. Знаешь ли, сколько нас, связистов, уцелело? Я да еще один. Вот и все ветераны...

Я поинтересовался — очень ли страшно было на фронте. Ответ меня поразил:

— Я тебе так скажу: хуже, чем в Ростовском пехотном училище — уже ничего не было! Веришь ли, когда нас, зеленых курсантов, через два месяца бросили под Ростов, фактически на верную смерть — так я вздохнул с облегчением!

О лагерной жизни он в те годы особенно не распространялся. И я стеснялся расспрашивать его об этом. Но он, бывало, кое-что все же рассказывал. А о своем аресте отзывался даже с некоторым восхищением.

— Я на преддипломной практике в горах был. Высоко в горах. Так ведь, суки позорные — не поленились, забрались наверх, чтобы меня взять. Не могли дождаться, когда сам спущусь!

А как-то в разговоре сказал нехотя: *«Ну, я ничего не подписывал и в лагере первым делом попал в БУР»*.

— А что такое БУР?

Степанов посмотрел на меня с невыразимым презрением: надо же, взрослый мужик, кандидат наук, а что такое БУР — не знает...

Потом уже, начитавшись «тамиздатского» Солженицына, я просветился насчет Барака Усиленного Режима (то есть внутрилагерной тюрьмы), куда попадали особо строптивые личности вроде Степанова.

В 1963 году Степанову исполнилось 40 лет. За его спиною была жизнь, которой вполне хватило бы и на 40 человек. И в этом самом году он начал новое дело. Дело, которое, как я думаю, навсегда вписало его имя в историю освоения Печорского угольного бассейна.

Если кусочек угля отполировать, он станет отражать свет. Оказывается, есть строгая зависимость между качеством (маркой) угля и его отражательной способностью. Например, у бурого угля отражательная способность низкая, а у антрацита — самая высокая. Можно взять совсем

крохотную частицу угля, буквально пылинку, заделать ее в препарат, отполировать и под микроскопом с помощью высокочувствительного фотоэлектронного прибора точно измерить отражательную способность. И тогда мы определим качество пласта угля по его ничтожной крупинке и безо всяких химических анализов!

Степанова эта идея захватила целиком. В Воркуте, на голом месте, он выписывает и устанавливает фотоэлектронные установки, организует первоклассную лабораторию и уже в конце 1963 года выдает первые определения отражательной способности угля. Вскоре выяснилось, что без этих определений не могут обойтись не только угольщики: едва ли не больше всех в них нуждаются нефтяники!

А уже через несколько лет Степанова осенила блестящая идея. Что, если замерять отражательную способность по перенесенной угольной крошке, рассеянной в речных отложениях? Ведь тогда можно будет предсказать качество еще не открытых углей. Более того, определяя количество и состав крошки, шаг за шагом отыскивать скрытые под наносами угольные пласты, словно неизвестного человека в толпе — по его фотографии.

И старый шахтный геолог Степанов решил тряхнуть полевой геологической стариной. Он соорудил плот, усадил на это пиратское судно команду отчаянных парней — своих учеников, встал за штурвал и отправился в плавание по Усе. Искать новые угольные пласты, строить невиданные ранее карты прогноза, разгадывать сложные вопросы палеогеографии и новейшей тектоники Печорского угольного бассейна. Все эти задачи, как доказал Степанов — можно решать с помощью изучения отражательной способности угольной крошки.

И он снова победил. Как и во всем — что бы он ни делал.

Каждый из нас проживает свою — сугубо индивидуальную жизнь. Но все мы нуждаемся в жизненных ориентирах, ищем, как говорил Поэт, «сделать бы жизнь с кого». И когда знаешь, что на свете живет и продолжает творчески работать Юрий Степанов — то жизнь приобретает дополнительный смысл, значимость и полноту.

* * *

Воспоминания о редакторе[36]

Предисловие 2001

Настоящее сочинение написано в стенную газету Ин-та геологии к 8 марта 1970 г. Так что сейчас самое время его опубликовать...

Традиционный женский праздник 8 марта парализовал деятельность нашей редакции, которая, как известно, на 80 % представлена женских персоналом.

Оказалась не у дел и Эмма Ивановна Лосева — Редактор, лицо, облеченное доверием, олицетворение надежды широких масс и руководства на то, что на страницы нашей газеты не проникнут всякие несерьезные и тем более — смешные заметки и статьи.

Теперь Эмма Ивановна, парализованная по рукам и ногам своим праздником, который она, по всей видимости, проклинает на чем свет стоит, вынуждена сидеть и смотреть, как ЕЁ газета наводняется безответственными материалами. Итак, воспользовавшись благоприятной ситуацией, которая никогда уже не повторится, мы публикуем здесь эти Воспоминания.

Воспоминание 1. Впервые я встретился с Редакторшей лет 40 тому назад[37]. Она была несколько моложе и не подо-

---

[36] **Опубликовано: Вестник Ин-та геологии Коми НЦ УрО РАН Коми НЦ УрО РАН, 2001. Май, № 5 (77). С. 22.**

[37] Для сведения читателей вынужден сообщить, что в действительности все три Воспоминания относятся к периоду с 1967 по 1970 год. *(Примечание-2001).*

зревала, что когда-нибудь займет свой ответственный пост. В те времена в нашем городе существовал шахматный клуб, занимавший двухкомнатную квартиру по ул. Карла Маркса недалеко от булочной. Зашел я как-то в этот клуб и увидел Э. И., играющую с какой-то девицей. Сидят они, значит, и мучают ни в чем не повинные маленькие деревянные фигурки. И вдруг — хап! — девица скушала у Э. И. целого ферзя. Эмма Ивановна спокойненько так встает со стула, надевает шарф, шубу, шапку, валенки, рукавицы... и преспокойно продолжает игру, как ни в чем не бывало! Обалдевшая от такого неожиданного «хода» противница допускает подряд несколько кошмарных ошибок... и получает мат.

Воспоминание 2. Лет через 20 после описанного случая, Боб Мальков, тоже еще не старый кандидат наук, организовал у нас лекции по математической статистике. Редакторша записалась на эту курсы второй по счету — за Бобом Мальковым. На первом занятии в зале было просто некуда плюнуть, на втором — народу было в два раза меньше, на третьем — в четыре, на четвертом — в 8 раз меньше... и т. д. Короче говоря, количество слушателей на этих занятиях убывало в геометрической прогрессии по следующей формуле:

$$N(\tau) = N_0 2^{-\tau} + 1$$

Единица в правой части обозначает как раз Эмму Ивановну, ибо она была единственным человеком, который присутствовал на всех занятиях, включая последнее, где не было никого, кроме неё. Эмма Ивановна и до сих пор бережно хранит тетрадку, исписанную непонятными значками: ей приятно, что она личным примером поддержала ценное прогрессивное начинание. Вот как раз тогда, когда она одна записывала бредовые речи преподавателя на последнем занятии, я и сказал себе: «Ну, быть ей Редактором!».

Воспоминание 3. Это было совсем недавно; сбылась вековая мечта Эммы Ивановны, сбылось то, к чему она втайне готовилась всю свою жизнь: она стала Редактором. Вспоминаю первое заседание Редакционной коллегии. Слово взял Редактор. «*Запомните, товарищи*, — сказал она. — *Ваш голос — совещательный, мой голос — решающий. Ваше дело — сочинять, мое дело — выкидывать к чертовой бабке всё, что вы там насочиняли и предлагать что-нибудь более достойное. Ваше дело — выдвигать, мое дело — отвергать. Ваше дело — неустанно выдумывать новые формы и новые идеи, мое дело — превращать новые формы в старые, а новые идеи сопоставлять со старыми, и в случае необходимости заменять их последними. Они хотя и старые, но проверенные. Надеюсь, друзья, что мы отлично сработаемся*».

Послесловие—2001

Как ни странно, но она оказалась права! Мы с нею после описанных событий тихо и мирно проработали в нашем Институте еще 31 год. Это, на первый взгляд невероятное и невозможное сосуществование реализовалось только потому, что мы нашли правильный modus vivendi — *мы никогда больше не занимались чем-либо совместно*. Она тихо рассматривала в электронный микроскоп своих мелких вошек[38], издавала книжки и защищала диссертации. И я тихо изучал свои мелкие химические элементики[39] и делал всё то же самое. Решающим моментом оказалось только то, что мы занимались своими делишками поодиночке. Потому так хорошо и сохранились...

[38] Диатомовых водорослей.
[39] Sr, Mn, Cr, F, Ti и т. д.

* * *

Сыктывкарский музыкальный феномен[40]

Казалось бы, начиналось все совсем недавно, а как стали вспоминать — оказывается, уже 10 лет пролетело! Просто не верится. Тем не менее — первое занятие Клуба любителей классической музыки имело место быть в январе 1986 года. А придумала и организовала все это дело наша милая Люба — Любовь Павловна Мосунова.

Журналист со стажем. Подвизалась в разных газетах — в «Красном знамени», в «Трибуне», может быть, еще где-то; каюсь — ее журналистская карьера как-то меня не занимала. Познакомились мы с нею, когда она служила у нас в Академии наук — в Редакционно-издательском отделе. Ну что рассказать о ней, как о редакторе ? Ничего особенного, доложу я вам: редактор как редактор, не лучше прочих. Так же, как и другие знакомые мне дамы-редакторши, с нашими эпохальными рукописями она обращалась крайне бесцеремонно: они были навалены у нее на столе грудой в полнейшем беспорядке. И ежели, бывало, придешь к ней с неким вопросом — то она не вдруг отыщет в этой груде твое сочинение. Иной раз бедный автор мог обнаружить на страницах своего трепетного детища — следы сигаретного пепла и масляные пятна от съеденных пирожков — обыкновенной трапезы редакционного коллектива...

И тем поразительнее был для меня эффект Преображения — какой она явилась на нашем первом занятии. Глаза ее сверкали, голос звенел, вдохновенная образная речь лилась сама собою: она рассказывала нам о Музыке. Вот где, оказывается, скрывалось истинное призвание этой женщины: в том, что называют иностранным словечком «хобби». Да какое там хобби — когда рядом с нею просто некого поставить из тех «музыкоедов», которые перед концертами утомляют слушателей своими байками. До сих пор с содроганием вспоминаю насквозь фальшивую дамочку, которая в стародавние времена вела «Музыкальные вечера для юношества», с ее штампованными восторгами и дурацким пафосом.

Наша Люба — совсем другая, в ней все органично-подлинное. Мне думается, ее обаяние и авторитет складываются из двух компонент.

Во-первых, из бескорыстной преданности Музыке, по-видимому, основанной на твердой вере в то, что ничего лучше музыки в этой жизни нет. Когда она нам что-то рассказывает: о певцах, о композиторах, об опере, о симфонии, о церковном хорале — то в ней нет ни грамма суетности — только душевный трепет и вдохновение. Внимая ей, я всегда с завистью (ибо для меня это недостижимо) отмечаю, что в ней напрочь отсутствует стремление самоутверждаться, которое всегда присутствует в подтексте у любого мужчины — чем бы он ни занимался. Она же, так глубоко и страстно любит Музыку, что наделяя нас своей любовью — получает от этого радость, и ничего большего ей от нас не надобно.

Во-вторых, она обладает глубокими и серьезными, а не поверхностными познаниями. И вдобавок весьма ответственно относится к подготовке каждого очередного занятия, доставая и перемалывая горы музыковедческой литературы, разыскивая в городе нужные (иногда очень труднодоступные) диски, и постоянно огорчаясь плохим, по ее мнению, качеством звучания. В академической аудитории Человек Знающий — это уже автоматически человек уважаемый. Рядом с нею мы себя ощущаем как любители на сеансе с гроссмейстером; что называется — чувствуем дистанцию, хотя она всячески пытается внушить нам, что-де никакой дистанции нет.

За эти, так незаметно промчавшиеся 10 лет, наш Клуб (а на самом деле просто небольшой кружок давно знакомых женщин с редкими вкраплениями мужчин) уже обзавелся своей историей.

Наше образование Люба начала с огромного цикла «Золотые голоса оперы». Когда-то у нас в Коми филиале АН работал страстный меломан Артур Загинайко, рано умерший. Он был первым, кто пытался собрать любителей музыки. Люба приняла эстафету из его рук и занималась с нами, используя замечательную коллекцию дисков, собранную Артуром. Мы познакомились со всеми великими мастерами бельканто, с самого начала граммофонных записей. Тенора — Карузо, Джильи, Скипа, Пертиле, Ди Стефано, Бьёлинг, Корелли и пр., сопрано — Патти, Тетрацци-

[40] **Опубликовано в газете «Геолог Севера» за 15 марта 1996 г.**

ни, Каллас, Скотто, Сазерленд, Кабалье, басы и баритоны — Христов, Дидур, Касторский, Баттистини, Страччари, Бекки, Гобби, Руффо, Каракаш...

Это продолжалось очень долго и грозило никогда не кончиться. В конце-концов я поднял бунт и заявил, что все эти тенора и баритоны мне надоели — даешь симфонию! Наша публика очень благодушно отнеслась к моему бунту — симфонию так симфонию, мы не против. В качестве возмездия за дерзость Люба велела мне подготовить занятие по Баху. Пришлось проштудировать книжки, которые она притащила — и «своими словами» их пересказывать. Ничего — тухлыми яйцами не закидали, благо вещать пришлось всего раз, а зато потом слушали Баха много занятий.

... Оказывается, Бах вовсе и не считался в свое время композитором —просто церковный служащий на жалованье у магистрата, ловко управляющийся с органом: он считался всего лишь очень умелым ремесленником — виртуозом-органистом. А «композиторов» тогда почти и не было; таковым считали Телемана, о котором сейчас мало кто и знает кроме профессионалов-музыковедов. У Иоганна Себастьяна Баха была такая служба: к каждому воскресенью и наособицу ко всем церковным праздникам — извольте, господин Бах, сочинять соответствующую случаю музыку — хорал там, мотет или что иное. Ни филармоний, ни кино, ни проигрывателей, ни тебе телевизора — никаких наших развлечений в те поры не было, все их заменяла церковь. И господин Бах усердно сочинял. И еще руководил церковным хором, следя за посещаемостью и успеваемостью... И еще учил музыке своих детей, которые оказались все в отца — необыкновенно одаренными. Правда, старшенький потом сильно закладывал за воротник, и в конце концов так опустился, что, нуждаясь в деньгах, один раз бессовестно выдал сочинение Баха-старшего за свое собственное, чем ужасно расстроил старика...

После Баха — стала нам Люба давать музыку эпохи барокко. И тут мы вволю наслушались моего любимого Вивальди. (Видимо, какие-то струны в моей душе резонируют с вивальдиевской музыкой больше, чем с любой другой).

А потом наступил черед великого Моцарта. Снова Люба велела мне прочитать несколько книжек и пересказать их своими словами. По-видимому, образ Моцарта из фильма «Амадеус» — самый правильный; во всяком случае, именно таким я и представил себе Моцарта.

... Привалился парень к биллиардному столу, время от времени лениво загоняя «желтого в угол» — а в промежутках, как бы прислушиваясь к какой-то диктовке, записывает на листке нотной бумаги очередную гениальную мелодию. Этот процесс не столько сочинения, сколько «записывания» музыки у него не прекращался никогда.

И действительно: то, что мы узнали о Моцарте, а главное — то, что мы прослушали из Моцарта — всё это укрепило нас в мысли о том, что он не был человеком в обычном смысле слова — а был словно бы пришельцем Оттуда. Он являл собою как бы некий инструмент-ретранслятор, посредством которого с людьми разговаривало само божество. И лучше всех это понял, и точнее всех это выразил мучимый всепожирающей завистью господин Антонио Сальери: *«Ты, Моцарт, Бог, и сам того не знаешь»*. Так написал Пушкин; но, быть может, Моцарт это и сам осознавал — кто его знает.

Мне врезалась в память одна любина фраза (рассказывая о Музыке, она подчас находит удивительные выражения): «*Мелодика Моцарта — это золотая лава*». Что называется, — умри, лучше не скажешь! Именно лава: беспрерывное, неостановимое извержение музыкальных тем и образов. Слушаем какой-нибудь концерт Моцарта (а он сочинял их десятками): вот одна тема, вот другая, вот третья — и ничего ему не жалко, потому что у него этих тем — неисчерпаемый запас. То мелодическое богатство, который умелый профессионал, например Сальери, расчетливо использовал бы в 10 сочинениях — Моцарт беспечно и щедро выплескивает в одном. Чего ему жалеть — лава она и есть лава...

Потом Люба попыталась увести нас на боковые тропинки Большой Музыки — хотела приобщить к Шопену, Гаврилину, Свиридову. Шопена слушали почтительно, от гаврилинских «Колоколов» публика пришла в восторг, а Свиридову не повезло: дело было прошлым летом, народ наш не собрался.

В этом году задумала Люба просветить нас по части Мессы и Реквиема, и очень обстоятельно вдалбливала в наши головы происхождение, жесткую каноничность и плавную эволюцию (от сугубо богослужебной музыки к вполне светской) этих музыкальных форм. Ангельское пение

хоров, мощное, потрясающее душу звучание духовых и струнных — оказывается, всем этим понастоящему можно насладиться лишь тогда, когда понимаешь суть. А суть очень простая — солисты и хор на все лады варьируют всего лишь несколько латинских фраз из разных мест Библии.

У нашей руководительницы планы обширные; в числе прочего, она полна решимости приобщить нас к православному храмовому пению и отдать должное русским оперным певцам и русской симфонической музыке.

Итак, сыктывкарскому музыкальному феномену — устойчиво-регулярному собранию любителей Музыки во главе с Л. П. Мосуновой — исполнилось 10 лет, что и само по себе удивительно. Я думаю, что пока у нас не перевелись люди, которые подобно ей, понимают приоритетность жизни Духа над всем прочим — до тех пор можно не опасаться за будущее России.

* * *

Пропащая девушка[41]

Ах, как она красиво начинала...

Мы занимались с ней тем, что запоем читали массу упоительно-интересных статей по геохимии карбонатных пород. У нас в стране тогда (1970-е) этим почти никто серьезно не занимался, поэтому статьи были все сплошь на басурманских языках. Хотя она кое-как разбирала только немецкий (а статьи были в основном на английском), ее это нисколько не смущало. Она усердно выписывала всю цифирь из таблиц и строила придуманные нами диковинные гистограммы, где для каждого вида ракушек и для каждой разновидности карбонатной породы полагался свой особый значок. Некоторые столбики на гистограммах получались такими высокими, что нехватало клетчатого листа формата А-4... Вот какими большими выборками она ворочала!

А потом мы с нею и первой моей аспиранткой Тамарой Ивановной Ивановой сочинили бестселлер — книжку «Геохимия стронция в карбонатных отложениях». Прекрасно понимая, что никто такую книжку читать не станет, я добавил подзаголовочек в скобках: *«В связи с проблемой геохимической диагностики рифов»*. И тогда книжку стали рвать из рук, весь скромный академический тираж просто смели с прилавков. Ибо это только дилетанты думают, что рифы — это где отдыхающие ныряют с аквалангами, в какой-нибудь там Хургаде. Нет, господа, рифы — это, знаете ли, нефть и газ. А там, где нефть и газ — там кончается всякая наука и начинается разная мафия.

Таким образом, мы издали самую мафиозную книжку в Академии наук СССР.

В итоге Таня Майдль совсем еще в юном возрасте прославилась.

Мои московские и питерские друзья спрашивали: *«Этот Ваш Майдль — он что, в самом деле талантливый парень?»*. И я им с удовольствием объяснял: «*Во-первых, все мои ученики — талантливые. Во-вторых, это никакой не парень, а очень даже симпатичная девушка!*». И все мне завидовали.

Между тем, я строил радужные планы, как вслед за Геохимией стронция мы с Таней сочиним новый бестселлер.

— Что еще бывает в карбонатных породах, кроме стронция?

— Правильно, в них ничего больше не бывает. Кроме *марганца*. Поэтому логичным путем развития успеха было бы написать «Геохимию марганца в карбонатных отложениях».

Заранее мудро предвидя такой оборот событий, я велел ей в таблицах, куда она выписывала цифирь по стронцию, выделить графу и для марганца. И таким образом, по мере того, как шла

[41] **Опубликовано: Вестник Ин-та геологии Коми НЦ УрО РАН, 2000. — Декабрь. № 12 (72) — С. 22.**

наша работа по стронцию, накоплялись данные и по марганцу — в точности как пенсии у тех двух генералов (помните? — *«...вот они на всем готовом живут, а в Петербурге между тем пенсии ихние все накапливаются да накапливаются»*).

Но вскоре скользкие щупальца нефтяной мафии добрались и до меня. В Институт явился Дедеев и сколотил из подручных материалов Отдел геологии горючих ископаемых, проглотив (не поперхнувшись) всю нашу процветающую Лабораторию региональной геологии и тектоники. Чуть ли не в первый день после своего появления он пренаивно спросил у меня (как у геохимика): *«Вы постройте мне карты распределения органического вещества?»*. Несчастный! Он и не подозревал, что его такой невинный с виду вопрос содержал два совершенно невыносимых и ненавистных для меня слова: ***мне*** и ***карты***. Стало ясно — надо уносить ноги.

Дедеев чрезвычайно удивился, когда узнал, что я собираюсь уйти. Когда выяснилось, что мое намерение твердое, он ласково сказал: *«Но учтите. Я отпущу Вас голым»*. Голым — это значило без созданной мною мощной группы и лабораторной комнаты.

Вот так я расстался с Таней Майдль.

Поскольку за ней уже некому было присмотреть, то она занялась (стыдно сказать) *карбонатными коллекторами*. Даже выговорить, и то противно — так и разит от этих слов керосином или соляркой.

Поскольку замечательная книжка про марганец в карбонатных отложениях так и не была написана, то Мировое Научное Сообщество в отчаянии даже созвало специальный Симпозиум на эту тему (кажется, в Будапеште). Как водится, выпустили толстенный том трудов. Но вы же понимаете — мог ли этот жалкий и ничтожный том сравниться с тем, что могли бы сочинить мы с Таней Майдль...

Бедная девушка! Она навсегда пропала для Большой Науки.

Опять же, только совсем наивный человек может спросить:

— Почему же пропала?

— А потому, что существует Классификация Геологов: геологи делятся на: хороших, плохих и ... нефтяников.

* * *

Устройство мира[42]

Предисловие-98 в форме цитаты

Это сочинение было написано зимой 1972 года в Воркуте, в одну из моих очередных командировок в Воркутинскую геофизическую экспедицию. О том, чем я там занимался, дает представление отрывок из автобиографической брошюры *«Тридцать лет в Сыктывкарском институте геологии. — Сыктывкар: Геопринт, 1997. С. 11»:*

«...Нельзя не сказать об удивительном научном явлении, которое в одной из книг я назвал «воркутинским феноменом». В начале 70-х годов геофизики Печорского угольного бассейна разрабатывали задачу дистанционного определения зольности углей путём гамма-каротажа скважин. Начальник геофизической экспедиции А. А. Гипш организовал сильную группу в составе Г. Г. Капатурина, В. И. Белкина, В. Н. Дьяченко и И. В. Рязанова. Каждый занимался своим делом: А. А. Гипш руководил, Геннадий Капатурин опробовал угольные пласты в шахтах и определял в них радиоэлементы, молодой Виктор Дьяченко (в дальнейшем партийный функционер, а ныне крупная акула сыктывкарского бизнеса) выполнял работу лаборанта, блестящий литолог, бывший узник Воркуты Виктор Исаевич Белкин немедленно давал каждой добытой цифре вдохновенные палеофациальные интерпретации, а самый талантливый из них — Игорь Владимирович Рязанов строил математические модели и вообще был мозгом всей группы.

---

[42] **Впервые опубликовано в самопальном журнальчике воркутинского геолога В. С. Озерова — Золотоносные конгломераты Урала, 1999, № 3, февраль, с. 5—9.**

Перепечатано в книге: *Юдович Я. Э.* Записки геохимика. — Сыктывкар: Геопринт, 2007, с. 83—86.

Перепечатано в сборнике: Пусть россыпями стелются года: Литературный альманах. — Сыктывкар: Геопринт, 2011, с.195—203.

Вся эта компания не просто выполняла интересную работу, но и была призвана написать диссертацию своему шефу (человеку, понятно, занятому).

Однако излучение углей создаётся присутствующими в них радиоактивными элементами — калием, ураном и торием. Исполнители быстро сообразили, что без угольной геохимии нельзя разобраться в природе корреляционных связей между зольностью и гамма-активностью. Для консультаций по геохимии пригласили из Сыктывкара и меня. Так началось моё интенсивное и плодотворное сотрудничество с Рязановым...».

Предисловие-98 в форме некролога

Из текста сочинения легко понять, что Беликан — это Белкин, Элипут — это я, Гагатурин — Гена Капатурин, а Софизик (он же Солитолог или Согеохимик) — это, конечно, Игорь Рязанов.

Прошло 25 лет с той поры, как было написано это сочинение. Где же теперь его герои?

Сначала умер Белкин. После описанных здесь событий он уехал в Тюмень, работал в ЗапСибНИГНИ, где, по слухам, процветал. Года его смерти я не знаю.

Затем страшная трагедия обрушилась на Рязанова. Его единственный сын, в котором он души не чаял, талантливый, румяный и веселый Вовка, по непонятным причинам вырос монстром. Однажды он ни с того, ни с сего жестоко избил мать, был судим, таскался по медэкспертизам, по слезному ходатайству матери был оправдан, определен в психушку, где при неизвестных мне обстоятельствах выбросился из окна. Деталей этой истории я совсем не знаю, потому что к тому времени Игорь совсем перестал со мною общаться (отчасти по моей вине). Вскоре Рязанов уехал из Воркуты (кажется, году в 1993—1994?) и с тех пор мне о нем ничего не известно.

У Гены Капатурина всегда была повышенная возбудимость, что становилось особенно заметным в пьяном виде. После жестокого избиения жены (с покушением на убийство) он долго таскался по тюрьмам и психушкам, и будучи наконец выпущен — убил-таки жену и затем себя.

В 1972 году такое мне не могло бы присниться даже в самом страшном сне.

В. И. Белкину — посвящается

Жили-были два народа — Беликаны и Элипуты.

Беликаны населяли обширную страну Литологию. Они отличались могучим телосложением, исключительной бодростью духа, любили пожрать и поспать и вполне терпимо относились к существованию соседних народов.

Беликаны вели преимущественно земледельческий образ жизни: они вспахивали поля песков, глин и алевритов, засевали их различными физическими свойствами и каждую осень защищали отчёт, собирая обильный урожай идей и похвалы рецензентов.

Элипуты, проживавшие по соседству, населяли страну Геохимию.

Эта страна была мала, и поэтому элипуты, как все жители малых стран, обладали скверным характером. Они были подозрительны и эгоистичны, а по виду — хилы и болезненны. Природа предназначила им всю жизнь ковыряться в деталях. Если они замечали, что *pH* водоёмов, около которых стояли их маленькие домики, изменился на единицу, они приходили в волнение и тотчас созывали научный симпозиум, все доклады на котором имели одинаковое название: *«Так что же нам делать?!»*

Элипуты не любили чужаков, которым не были дороги их святыни. Они были замкнуты и угрюмы, легко впадали в пессимизм и творческую депрессию, постоянно заботились о своём здоровьичке и поэтому кушали и спали умеренно. Если им случалось на прогулке завидеть вдали Беликана, они опасливо обходили его. Детям элипутов строго-настрого запрещалось водиться с юными беликанчиками.

— У них, детка, даже *pH* нету, — внушали детям родители, — вот ведь что это за люди!

Так и жили Беликаны и Элипуты в соседних странах.

Беликанам в общем и целом было наплевать на существование Элипутов, а последние были рады тому, что их по крайней мере не трогают.

Беликаны вспахивали свои песчано-алевритовые гряды и во всё горло распевали дурацкую песню:

Фации-формации,

Вот наши сенсации!

Элипуты, к которым из-за кордона доносились слова неприличной песни (ибо слово *фация* было у них ругательным), прерываемые раскатами громового хохота, нервно вздрагивали, однако продолжали усидчиво изучать вопросик о том, почему это в малозольном угле германия мало, тогда как в многозольном — заметно больше.

Но вот однажды...

Однажды в стране Беликанов появился Талантливый Беликан.

В отличие от своих соплеменников, он имел более широкий кругозор. Существование соседних Элипутов не переставало его удивлять просто как факт. Ему всё время хотелось выяснить: зачем — это?

Время от времени он совершал познавательные экскурсии к границам Геохимии, отлавливал зазевавшегося Элипута, и наговорив ему сперва комплиментов, начинал выспрашивать:

— А скажи-ка, братец, — говорил он, — ежели, к примеру, к одному пэ-ашу прибавить ещё один пэ-аш — это сколько же пэ-ашов получится?

Возмущенный, красный от злобы Элипут, только заикался, изрыгая бессвязные проклятия, и в конце-концов убегал, ничего толком не разъяснив Талантливому Беликану. А тот возвращался во-свояси, размышляя вслух:

— Нулежды нуль — нуль, нулежды один — один? Нулежды два?...

На этом месте он обычно сбивался и начинал вычисления сначала.

Шло время. И вот в стране Геохимия завёлся один Интересующийся Элипут. Существование огромной Литологии, простиравшейся по соседству, в отличие от соотечественников, не вызывало в нём отрицательных эмоций. Конечно, как и все они, он тоже считал невежественных Беликанов грубыми дикарями; однако он находил, что в их образе жизни немало забавного. Кроме того, сама страна Литология удивляла его своими размерами и очевидным отсутствием какого-либо порядка в её отдаленных провинциях. И он лелеял мечту — как-нибудь взять отпуск по службе и объехать всю Литологию в качестве туриста.

И что же вы думаете? Через несколько лет его мечта приблизилась к осуществлению! Выяснив, зачем и почему в углях содержится германий, и написав на эту тему ряд эпохальных трудов, он взял отпуск, обратился в контору Интуриста — и с неожиданной лёгкостью получил путёвку!

Как раз в это время поблизости от границы околачивался Талантливый Беликан; он тотчас предложил Элипуту свои услуги в качестве гида.

...Бедняга Элипут! В своём легкомыслии он не имел никакого понятия о тяжких испытаниях, которые ему предстояли. Он не придал значения тому факту, что ни один уважающий себя Элипут не совался в эту дикую страну. Те же, которые (по разным причинам) всё же перешли кордон — так и не вернулись на родину. Лишь изредка они присылали семье посылочки с *тяжелыми фракциями* — с просьбой сделать рентгеновский анализ, и никогда не поясняя, какой именно анализ и зачем его надобно делать.

Едва наш Элипут и сопровождающий его Беликан успели сделать несколько шагов от границы, как Элипут увидел невдалеке что-то черное, по виду — очень знакомое.

— Постойте! Это же уголь! — вскричал он радостно.

— Ну да. Уголь и есть, — подтвердил Беликан. — У нас он служит для удобрения. По слухам, в нём есть какие-то стимуляторы.

— Стимуляторы! А Вы знаете, что это за стимуляторы?

— Зачем мне знать? — удивился Беликан. — Ежели мне понадобится, то я просто возьму две части этого угля, добавлю восемь-десять частей глины или алеврита и получу чудесную почву для выращивания пиритовых и сидеритовых конкреций.

Элипут почувствал себя оскорбленным.

— Ваши дурацкие стимуляторы — это редкие элементы! — заорал он. — Молибден! Германий! Бор! Медь! Кобальт! Бериллий!

— Да неужто? — Беликан был несказанно поражен. — Но это же просто замечательно! Значит, пирит состоит из молибдена или германия? Великолепно! Ново и свежо! Вы не откажетесь быть соавтором моей статьи, где я предложу переименовать пирит и впредь называть его, допустим, молибденитом?

— Не кощунствуйте! — взвизгнул Элипут. — Пирит не состоит из молибдена! Сами пишите свои статьи!

— Дело ваше, — сказал добродушный Беликан. — А всё же Вы это напрасно. Я так люблю новые термины — страсть!

Они прошли немного дальше.

— А это что? — спросил Элипут.

— Это? Это, знаете ли, такая углистая порода.

— Вот как? В вашем сельхозе она тоже нашла применение?

— К сожалению, как удобрение она не идёт. Но мы её используем в быту. От неё тараканы дохнут. А вот извольте — сами взгляните.

Они приблизились к куче бурой углистой породы, и у подножия её Элипут действительно увидел целый слой тараканов. Иные ещё шевелили усиками, но большинство было дохлых и лежали кверху лапками.

Элипут долго разглядывал тараканов, наморщив лоб.

Внезапно его осенило. Он вытащил из кармана портативный радиометр, с которым не расставался никогда, снял колпачок с детектора и поднес трубку к земле. И тотчас в микрофоне лихорадочным пулеметным треском замолотили сотни тысяч импульсов.

— Бежим! — закричал Элипут и бросился прочь от проклятого места. Отбежав на приличное расстояние, он остановился и, переведя дух, сказал подбежавшему Беликану:

— Ну, поняли, отчего тараканы дохнут?

— Неужели активность?

— Да-с... И притом, заметьте, не урановая, а ториевая! Нет уж, дорогой Беликан, дальше я с Вами не пойду. Сами можете ходить по своим ториевым глинам, а я не желаю подхватить лучевую болезнь.

— Клянусь косой слоистостью — в глинах нету никакого тория! — закричал Беликан. — Вы сами увидите — тараканов там тьма-тьмущая!

— Простите... — едко возразил Элипут. — Ведь **в угле** у нас тория не было, не так ли?

— Не было, — сказал Беликан.

— А в **углистой породе** его стало много?

— Много, — как эхо, сказал Беликан.

— Значит, в **глине** его будет еще больше, не так ли? Ведь Вы согласны с тем, что торий связан с **минеральной частью** угля?

— Согласен, — задумчиво сказал Беликан, уставившись в одну точку и выбивая дробь на своём брюхе.

Логика Элипута его смущала. Но вместе с тем, он твёрдо знал, что на глине тараканы не дохнут, значит, никакого тория там нету. Наконец, он догадался — зловредный Элипут его попросту охмурял.

— А **фации-то** Вы забыли? — загремел он растерявшемуся партнёру.

— Какие фации? — сказал Элипут. В своей стране он сроду не видывал никаких фаций и знал лишь, что это что-то неприличное.

— Как это — какие? Что значит — какие?! Разные — вот какие! Понятно? Вот ваш вонючий уголь. Это что? Это — одна фация. А вот — углистая порода. Это — другая фация. Вот — глина. Это — третья фация.

— Ну и что? — тупо сказал Элипут.

— Как это «что»? — Беликан перешёл в решительное наступление. — Как это «что», спрашивается? А то, что в одной фации тория мало, в другой — много, а в третьей — опять же мало.

— Да неужто? — сказал Элипут.

Он уже оправился от потрясения и готовился нанести ответный удар.

— Допустим, Вы взяли пустое ведерко. Оно символизирует у нас весь уголь — и органическую, и минеральную часть. Взяли?

— Ну, допустим, взял, — подозрительно сказал Беликан. Ему не были нужны никакие ведёрки, ибо ни одно ведёрко не могло вместить в себя фацию.

— Теперь насыпьте в ведёрко 90 % чистого беззольного угля и 10 % золы. Получили уголь с 10 % золы, в котором мало тория.

— Правильно, — сказал Беликан, — получили.

— Чудесно. Теперь выньте из ведёрка 10 % угля и замените его на 10 % золы. Получите уголь с зольностью 20 %. Больше стало тория в ведёрке?

— Конечно, — сказал Беликан.

— Ну, а теперь мы добрались до углистой породы: в ней 40 % угля и 60 % золы. Тория очень много. Ваши тараканы попередохли. Ответьте мне: каким образом, продолжая добавлять в ведёрко золу (и убирая уголь) нам удастся теперь снизить содержание тория? Я догадываюсь, как это можно сделать, однако здесь без pH не обойтись.

— Подите к чёрту со своими ведёрками и со своими pH! — заревел Беликан, чувствуя себя совершенно одураченным. — У меня **разные** ведёрки! Разные! Понимаете? В одной фации я сыплю в Ваше вонючее ведёрко, допустим, желтую золу без тория, в другой фации — сыплю в другое ведёрко красную золу с торием...

— Опомнитесь, безумец! — завопил Элипут. — Если Вы налили в ведро 10 литров воды, то как Вы будете отрицать, что в один момент там было 2 литра, а не 10? Как Вам удастся избежать этой стадии со своими фациями?

— А я Вам ещё раз говорю — подите к чёрту со своими ведёрками! Было у Вас ведёрко с 10 % золы?

— Конечно, было.

— Ну так вот: чтобы получить углистую породу с 60 % золы, я и не подумаю ковыряться в ведёрке — вынимать уголь и добавлять золу. Я сделаю проще — я выкину к чёртовой матери всё содержимое Вашего ведёрка! Я **его сначала опорожню**, а потом наполню новым углем и новой красной золой. **Изменение фаций сопровождается изменением состава золы**, кретин Вы эдакой!

— Отчего же состав золы меняется? — спросил совершенно оплеванный Элипут.

— Ну, этого Вам не понять, приятель. Вы чужеземец. Химическая денудация сменяет механическую, механическая сменяет химическую... Континенты подымаются и опускаются... Фации и формации...

— ... «вот ваши сенсации», не так ли? — сказал Элипут.

Беликан захохотал.

— Вот именно. Теперь, друг мой, Вы поняли, что к чему.

— Знаете что? — сказал задумчиво Элипут. — Может быть, Вы и правы. Но я уже хочу домой. Сами ходите по своим глинам и облучайтесь.

Домой Элипут вернулся потрясённый и тотчас впал в творческую депрессию.

Весь мир его рушился. Выросши возле родного водоёма, в котором вся жизнь зависела от изменения pH на единицу, и в котором всякое изменение имело свою причину или являлось равнодействующей нескольких, но вполне конкретных причин, — он не мог привыкнуть двигать континенты, не мог представить себе чудовищного мира Беликанов.

— Допустим, я добавлю к этой воде — ещё воды, бедной торием, — бормотал он. — Ведь всё равно количество тория в этом водоёме возрастёт, как ни крути. Значит, для того, чтобы **уменьшить** количество тория в этом водоёме с этим количеством воды, мне не остаётся ничего другого, как спустить воду и провести новую, бедную торием, как предлагает этот дикарь Беликан. Но ведь никто и никогда не видел таких чудовищных катастроф. Неужто одна «фация» сменяет другую «фацию», ничего не наследуя? Неужели в разных фациях процессы всякий раз начинаются с нуля?

Дело принимало весьма серьёзный оборот.

Дело, которое началось с мелочей, по сути дела — с тараканов — становилось роковым вопросом бытия.

Дискретен ли мир, и тогда его «кванты» можно считать независимыми друг от друга, и описание процесса как непрерывного является просто пустой формальностью? Или он всё же непрерывен, и тогда не нужно всякий раз опоражнивать ведёрко и наполнять его заново другим содержимым?

Как-то Элипут поделился раздумьями со своим приятелем Гагатуриным. Гагатурин был необычайно экспансивен. Любая мысль — своя или чужая — приводила его в восторг. Вообще

тот факт, что его мозг функционирует, то есть *выделяет мысли*, подобно тому, как печень выделяет желчь — не переставал восхищать его сам по себе. Его восторженность не давала ему возможности дослушать ни одной идеи, ни одной лекции и ни одной телепередачи.

Слушая Элипута, он непрерывно перебивал его ликующими возгласами. Когда потом восстановили магнитофонную запись этого разговора и вырезали все реплики Элипута, получилось следующее:

...Мир дискретен! Беликан гений!

...Мир непрерывен? Беликан дикарь!

...Мир, разумеется, дискретен!

...Само собой, мир непрерывен!

...Если бы мир был дискретен, мы не могли бы рисовать непрерывные кривые! А мы их всё же рисуем! Значит, он непрерывен!

...Если бы мир был непрерывен, у нас на графиках не было бы точек. А они у нас есть! Значит, мир дискретен!

...Беликан — голова!

...Да пошёл этот Беликан со своими фациями...

...Да пошёл ты со своими ведёрками...

Таким образом, беседа с Гагатуриным не способствовала воцарению мира в душе бедного Элипута.

Оставалась ещё надежда, что рушащийся мир удастся удержать с помощью знакомого Софизика.

Софизик занимался тем, что в свободное от служебных обязанностей время охотно сотрудничал с Нефизиками. Он обладал поразительной способностью в мгновение ока перевоплощаться то в Солитолога, то в Согеохимика.

Самым впечатляющим результатом его деятельности было то, что его клиентура, поработавши с ним, всегда начинала казаться себе гораздо умнее, чем раньше. Поэтому Софизика все нежно любили, и у него никогда не было врагов. Его отличало полное отсутствие экстремизма и величайшая терпимость к умственной неполноценности своих клиентов.

Софизик участливо выслушал Элипута и, подумавши, сказал, что по его мнению, в мире не произошло ничего особенного.

— Если Вас устраивает непрерывная модель мира — пользуйтесь ею. Если, конечно, эта аппроксимация удовлетворительно объясняет Ваши кривые. Не всё ли Вам равно, как **в действительности** устроен мир? Этого никто не знает. Может быть, если Бог есть, и если Он создавал этот мир, то Он знает... А зачем нам это надобно знать?

Элипут ушёл от Софизика просветленным.

Всё стало на свои места. Слава Богу, в его водоёме никакого тория не водилось, и надо думать — и не будет.

... А о своих беседах и потрясениях в стране диких Беликанов, он, состарившись, рассказывал иногда внукам, покуривая трубочку на завалинке теплым летним вечером, наблюдая за тем, как по зеркалу воды бесториевого водоёма плавают его домашние утки.

Воркута — Сыктывкар, зима 1972 г.

* * *

Прощание с Учителем[43]

Памяти Андрея Константиновича Симона

А. К. Симон и Игорь Кондратович (справа). Кольский п-ов, 1958 г.

Вот и со мной это произошло: я потерял своего первого и единственного Учителя. В феврале этого года, не дожив до начала грандиозного Второго Всероссийского петрографического совещания всего несколько месяцев — внезапно умер Андрей Константинович Симон. Как я ему и предсказывал, — его забыли немедленно.

Даже мы в своем ***Вестнике***, еще не опомнившись после многотрудных хлопот по организации этого совещания — ухитрились забыть, что именно Симон стоял у его истоков, на дальних подступах к Совещанию приезжал в Сыктывкар и вел переговоры с мэром города и другими высокопоставленными лицами.

Эти заметки — исполнение моего морального долга; я хочу поставить хотя бы временный памятник на его свежей могиле — в надежде, что десятки людей, которые очень многим ему обязаны, когда-нибудь соберутся и сделают сборник воспоминаний о нем. Потому что А. К. Симон вне всякого сомнения был необыкновенным человеком, и роль его в отечественной петрологии и лыжном спорте — не должна быть забыта.

1957 год. Сейчас я уже не могу вспомнить, как я попал в отряд Кольского филиала АН СССР в 1957 г. на производственную практику — т. е. не помню, кто меня туда «сосватал». Но Симон счел необходимым предварительно прощупать студента и назначил мне рандеву — живя и работая в Кировске, он располагал и своей московской квартирой. Он подробно рассказал мне о предстоящем полевом сезоне в кольской тундре, не скрыв, что работа предстоит тяжелая. Поскольку мне было 20 и я был глуп — то именно это мне очень понравилось...

Мы забросились гидросамолетом на озеро Пурнач. Обратный рейс был заказан на 25 сентября. Больше никакой связи с внешним миром не предусматривалось (о вертолетах и портативных «Каратах» тогда в академической геологии и помину не было).

Работа состояла в геологической съемке «свиты Имандра-Варзуга», которую позже стали называть «полоса Имандра-Варзуга-Сосновка», а ныне, насколько я знаю, трактуют как некий рифтогенный пояс карелид в теле архейского кратона. Но тогда стратиграфия этой полосы писалась с чистого листа — и писал её как раз Симон. Уже тогда он находился в длительном творческом конфликте с «окружающей средой». Эта среда была петрографической ленинградской школой академика Полканова. Ведущими сотрудниками Геологического института Кольского филиала АН СССР были выдающиеся петрографы, что определяло упор исследований на петрографию в ущерб геологии.

Между тем Симон был питомцем московской геологической школы Леонова-Богданова (кстати, он, кажется, был однокурсником Зоненшайна, и я впервые от него услышал эту фамилию — А. К. отзывался о нем, как о ярком таланте). Симон подошел к сложнейшей метаморфической толще в первую очередь как геолог, и лишь во вторую — как петрограф. Такой подход (ныне общепризнанный) тогда был новым, отсюда напряженные отношения Симона с его предшественниками, построения которых он практически полностью дезавуировал.

---

[43] **Опубликовано в Вестнике Ин-та геологии, 2000. — Октябрь. № 10 (70). — С. 32—34.**

Перепечатано в книге: Прекрасная и черная работа: Литературный альманах. — Сыктывкар: Геопринт, 2006, с. 283—289.

Перепечатано в книге: *Юдович Я. Э.* Записки геохимика. — Сыктывкар: Геопринт, 2007, с. 86—89.

В дальнейшем многолетнее картирование Симоном полосы карелид в сердце Кольского полуострова, созданная им схема стратиграфии и магматизма — были восприняты и «потреблены» производственной геологией, а также всеми представителями академической науки, работавшими после него. Только (и это его, так сказать, типоморфная особенность!) после первых (сделанных как бы нехотя) ссылок — на Симона, как правило, быстро переставали ссылаться, оправдывая тем самым афоризм Коржинского о том, что *«на классиков не ссылаются»*.

Не будучи петрологом, я не могу в полной мере оценить величие всего, сделанного Симоном по Имандре-Варзуге. Скажу лишь об одном элементе его построений, который ярко иллюстрирует творческую мощь Симона, его «геологические приоритеты» в изучении метаморфических толщ, и как следствие — его способность делать по-настоящему крупные открытия.

Речь идет о странных лейкократовых породах с условным полевым названием «инъекционные гнейсы». Эти кислые полевошпат-кварцевые породы с биотитом и гранатом мы встречали чуть ли не в каждом маршруте, в очередной раз пересекая толщу Имандра-Варзуга, представлявшую собою чередование мощных пачек кварцитов, мраморов и амфиболитов. И всякий раз, когда в одной из полос амфиболитов-мандельштейнов вдруг появлялись гранатовые амфиболиты — мы знали: сейчас жди симоновых «инъекционных гнейсов». И они непременно появлялись — светлые, полосчатые, красивые, легко узнаваемые и тем радующие сердце геолога-съемщика.

Интерпретация этих пород Симоном меня тогда поразила, но продолжает удивлять и сегодня — уже спустя 43 года[44]. Он считал их отнюдь не изохимическими метаморфитами по какому-то кислому субстрату, а новообразованиями — региональными метасоматитами, следствием и вещественным доказательством глубинных разломов-линеаментов, рассекавших толщи базальтоидов.

Теперь, когда такие или похожие метасоматиты давно открыты и описаны в фундаменте щитов (например, знаменитые эйситы — ураноносные альбититы), когда закартированы зоны пропилитизации, тянущиеся на десятки километров вдоль разломов, когда развито целое учение *о метасоматических формациях* — представления Симона кажутся естественными и даже тривиальными. Но тогда-то это было совершенно новым, оригинальным взглядом на вещи!

... Мы все дальше удалялись от своей базы на озере Пурнач. Поэтому примерно раз в неделю двое студентов забирали накопившиеся образцы и тащили их на базу. Там мы нагружались продуктами и возвращались к заранее согласованной с начальником новой стоянке. Сперва ходки туда-обратно можно было сделать за день. Потом стали уже ночевать в избушке на озере. А под конец сезона приходилось ночевать уже и по дороге к базе.

Время шло, наступил сентябрь, но Симона это как бы не касалось — мы продолжали удаляться от базы, хотя (по разумению персонала) давно следовало поворачивать назад...

Наконец, когда до 25 сентября оставалось всего несколько дней, начальник распорядился: студентам (Толе Лукашеву из Петрозаводска и мне) поднимать лодку с грузом по речонке Пурнач на базу, а он со своим лаборантом (Игорем Кондратовичем — сокурсником Юшкина по горному техникуму) пока останется, ибо должен еще поработать.

Мы с Лукашевым отправились в путь. День или два с грехом пополам как-то еще продирались на шестах по этому мелкому, густо заросшему ивняком и невероятно петляющему ручью, гордо именуемому рекой Пурнач. Но потом, крутясь в бесконечных меандрах и продвинувшись за полдня всего на километр, мы отчаялись и решили, что такими темпами нам к сроку не успеть. Поэтому мы бросили лодку и принялись перетаскивать груз в избу в рюкзаках — напрямик по азимуту, через гряды и болота. Сделали то ли одну, то ли две ходки (сейчас уже не помню) и выбились из сил. В общем, студенты с заданием начальства не справились — кишка у нас оказалась тонковата.

Отряд соединился в избе на озере только ночью 24-го сентября. На начальника и Игоря было страшно взглянуть — оба они были как из концлагеря. Они-таки подняли до озера нашу лодку с остатками груза (при этом, как стало известно, у Игоря от непомерных перегрузок шла носом кровь).

Игорь шепотом поведал нам о некоторых других деталях их возвращения, из которых мне запомнилось только одна. На одном из присмотренных еще летом обнажений (оставленных про запас!) А. К. черной сентябрьской ночью — считал при свечах (!!) гальки в конгломератах, а Игорь

[44] Напомним, что это написано в 2000 г. (*Примечание-2006*).

писал в пикетажке под его диктовку... Эпизод был вполне типичный и ярко характеризовал этого фанатика, для которого Работа — это было всё, а остальное — ничего (или почти ничего) не значило. Он был беспощаден к себе (все мы таскали страшные рюкзаки, но его рюкзак я и поднять не мог) — и соответственно к своему персоналу.

Я хорошо помню, что в течение всего сезона-1957 у персонала симоновского отряда никогда не было других тем для разговора, кроме как о Нем, об этом Проклятом Фанатике, который нас так нещадно эксплуатировал, и которого, тем не менее, мы безгранично уважали, перед которым преклонялись, и которому некоторые из нас хотели бы подражать.

Как-то я писал под диктовку в его пикетажке и случайно прочитал на последних страницах набросанную карандашом его Жизненную Программу под названием *«Идеалы и цели жизни мужчины»*. Оттуда мне запомнились три пункта, кажется, именно в такой последовательности: 1. Партия, 2. Мама, 3. Работа. В те годы он был фанатиком-коммунистом.

Забегая вперед, отмечу, что в 1970-е годы он с гордостью поведал мне, что лично знаком со всеми крупными московскими диссидентами. Теперь он сделался фанатиком-диссидентом, и я услышал от него удивительное ругательство — он меня за что-то обвинил в *бытовом ленинизме* (!). Одновременно он стал фанатиком-лыжником. Ему было мало просто поддерживать свою физическую форму — его неукротимая натура требовала полного напряжения сил — надо было непременно ставить рекорды. И организатором он тоже был совершенно ненормальным. Если средний организатор может от силы собрать за год 2—3 совещания, то он проводил их десятками. Когда же он увлекся искусством, то заделался таким же фанатиком — крупным знатоком живописи.

1958 год. Но вернемся назад. На преддипломную практику я снова поехал к Симону. Это был беспрецедентный случай, ибо до меня никто из студентов-практикантов к нему второй раз уже не приезжал, впечатленный тяжестью полевой работы.

В начале сезона мы с ним ушли от места выгрузки на реке Поной куда-то вглубь Кольского полуострова, бросив остальной персонал отряда нас догонять — Симону не терпелось как можно скорее начать работу. Поскольку ночи были белые, а днем жарко и комары, то мы работали преимущественно по ночам. Продуктов у нас было всего на несколько дней — но было оговорено с нашими место встречи, куда они в указанный день придут. Как водится, указанного на карте места они не нашли, и мы с начальником стали голодать.

Сперва я плавно уменьшал норму выдачи продуктов, которые таяли прямо на глазах. Скоро уже и уменьшать стало нечего. В отчаянии думая только о том, где бы раздобыть пропитание (а это был июнь — ни ягод, ни грибов), я разорил ястребиное гнездо и скормил начальству яичницу, в которой явственно угадывались зародыши птенцов — но Симону всё было нипочем — его интересовала только геология... Я помню, что варианты нашего возвращения на Поной даже не рассматривались — *«придут же они когда-нибудь!»* — бодро произносило начальство, когда мы с подведенными животами тащились в очередной маршрут. В конце-концов, они пришли — когда мы с ним от голода уже качались на ветру (но тем не менее, продолжали яростно работать).

1960—1970-е годы. Когда я окончил геолфак МГУ, Симон прислал на меня заявку из Кольского филиала, но я ею пренебрёг и уехал в Якутию. Этого он мне долго не мог простить.

Встретились мы снова через несколько лет уже в Москве, куда он вернулся и стал работать в ИГЕМе, сразу став ключевой фигурой в Петрографическом комитете — той ломовой лошадью, которая тащит на себе весь груз организационной работы. Одновременно он пытался написать кандидатскую диссертацию. В Кольском филиале АН у него для этого времени не хватило (немаловажная деталь — он несколько лет был председателем профкома...). Кроме того, в Москве он занимался и всякими другими делами, из которых одно стало в дальнейшем чуть ли не главным в его жизни.

Этим делом был любительский лыжный спорт. Он возглавил (а может быть и создал — я многого здесь не знаю) Лыжный союз, и тогда всем стало ясно, что Симон — это Великий Организатор. Когда я его впервые посетил в новой кооперативной квартире (в доме, который он фактически и выстроил, и озеленил всю окрестную территорию), то разговаривать вечером было просто невозможно, так как телефон звонил непрерывно — и это всё были лыжники, «от Москвы до самых до окраин». Несколько позже эта его деятельность приобрела международный размах. Но в конечном счете именно лыжи и свели его в могилу.

И горько и смешно — кандидатскую диссертацию выдающийся геолог Андрей Симон защитил много позже своего бывшего студента — по-моему, где-то году в 1972.

1980-е. Он был по уши погружен в организационную деятельность в Петрокомитете и в своем Лыжном союзе, и мне казалось (мы встречались редко), что роман с наукой у него окончился. Но вот где-то, то ли в 1986, то ли в 1987 г. он мне сообщил, что:

а) он имеет тайное (я плохо понял, почему и от кого это надо было скрывать) желание сочинить докторскую;

б) для этого ему необходим я — для оказания моральной поддержки и для предварительной формулировки тезисов (!?).

Безмерно удивившись (ведь он, кроме прочего, был еще и активным редактором), я взял нацарапанные им черновые наброски, сел за машинку и напечатал (отредактировал) ему тезисы.

Надо было видеть, как расстрогался этот Проклятый Фанатик. Он понёс что-то несусветное: что-де я — велик и могуч, и что благодаря моей безмерной доброте у него-де открылись глаза, что-де он только теперь ясно увидел полную реальность своей диссертации (в каковой *до того* сомневался), и прочее в том же духе — короче говоря, полную ахинею.

Но необходимо сказать о том, что легло в основу его замысла. Это был второй крупнейший (после Имандры-Варзуги) результат в его жизни — настоящее открытие века. Блестяще организовавши работу двух талантливых мальчиков-изотопщиков (один из них теперь процветает в зарубежной науке), и главное — улестив их начальника Игоря Чернышева (ныне член-корра РАН), он получил от них сенсационные Rb-Sr датировки: на казалось бы, хрестоматийных архейских разрезах Украины (а позже и Алдана) были обнаружены древнейшие на Земле породы с возрастом около 4 млрд лет!

На базе этого открытия Симон выстраивал три важных вывода: а) знаменитые «серые гнейсы» отнюдь не являются самыми древними породами на Земле (как это тогда считали), б) древнее их были амфиболиты-базальтоиды — это и была первозданная земная кора; в) серые гнейсы — продукт натрового метасоматоза этих афиболитов, имевшего глобальный характер.

Помню, что меня поразил последний вывод, как свидетельство неизменности его мышления — от региональных метасоматитов-1957 в карелидах Кольского полуострова — к глобальным метасоматитам-1997 в катархее всех щитов на Земле!

Секретная докторская. За этим последовали некоторые «секретные» события — которые теперь (увы) уже можно рассекретить...

Будучи безмерно перегружен работой в Петрокомитете, и опасаясь, что ему не дадут возможности легально заниматься своей докторской, он составил грандиозный План диссертации (каждая глава, а их было, по-моему, намечено семь — была как минимум кандидатская!) и принялся его тайно реализовывать.

Для этого он поступал следующим образом. Брал по службе командировку куда-нибудь, допустим, в Апатиты. Заезжал туда на пару дней, отмечал командировку и быстро возвращался... но отнюдь не в Москву, а в Сыктывкар, где поселялся у меня. С утра до ночи на моей машинке он кропал диссертацию, а М. П. Кетрис его питала и целыми сумками таскала ему книги из нашей библиотеки. Люди, которые его иногда видели в нашем Институте (В. Л. Андреичев или Л. В. Махлаев) и не подозревали о том, что он находится здесь, так сказать, на нелегальном положении.

В конце каждого такого секретного пребывания (это было, кажется, раза три) он выдавал мне машинописный «отчет», в котором занудно сообщал, сколько процентов диссертации им сочинено...

Дело шло споро, и я тихо радовался, предвкушая его скорый триумф.

Однако как-то незаметно эта секретная работа прекратилась. Он не счел нужным объяснить — почему, а я, оскорбленный, — не спрашивал.

Катастрофа. В 1995 г. на очередных лыжных гонках его хватил тяжелейший инфаркт прямо на дистанции. Когда мы с М.П.Кетрис посетили его в московской клинике, где он выкарабкивался практически с того света, он выглядел очень бледно.

За этим последовали события, знакомые мне только по его рассказам и письмам. После выписки и реабилитации выяснилось, что дальше жить он не сможет — необходима операция на сердце такого же типа, как у Ельцина, но более тяжелая.

Российский лыжный союз и мировое сообщество лыжников-любителей собрали большие деньги и определили его в германскую клинику, где ему сделали сложную операцию.

1998 г. — Меморандум. Вторично вернувшись с того света, он заметно приободрился (хотя в Москве жизнь его проходила в непрерывной борьбе с периодически отнимающимися конечностями и прочими напастями, которые у нас почему-то лечить не умели) — и опять занялся своей невероятной по объему и напряженности организационной деятельностью — как в Петрокомитете, так и в Лыжном союзе.

В повестке дня у него стояла подготовка очередного Петрографического совещания, для чего он снова явился в Сыктывкар — уже вполне легально. О своей диссертации (как и до инфаркта) он и не заикался — словно бы этого предмета никогда в природе не существовало.

Когда в один из дней он явился к нам в гости, то за ужином ему был вручен Меморандум, приводимый ниже в сильном сокращении (опущены не интересные для читателя пункты).

Генеральному Секретарю Петрокомитета России,
Президенту Лыжного Союза Спортсменов-Инфарктников России,
Вице-Президенту Аналогичного Международного Союза,
Кандидату геолого-минералогических наук,
Моему Первому и Единственному Учителю
Симону Андрею Константиновичу

МЕМОРАНДУМ

Ваше Превосходительство, г. Генеральный Секретарь,

поскольку всё говорит о том, что Вы всё-таки вернулись с того света — настало время нам, наконец, объясниться.

1. Известно ли Вам, г. Генеральный Секретарь, что в Вашей жизни имеется тёмное пятно — один весьма неблаговидный поступок. А именно — Вы продали своего ученика. Обычно ученики продают своих учителей, и это как бы даже в порядке вещей. Однако в данном случае Вы — продали меня.

...

7. Но теперь, когда непосредственной опасности Вашей жизни, слава Богу, как будто уже нет — я бы просил Вас задуматься над тем, что Вы оставите на Земле после себя.

Вместо одного Симона в Петрокомитет наберут 5 бабок, которые много хуже будут делать его работу... Вместо почившего Президента и Вице-Президента найдут других, а почившего забудут через месяц. Внучка в силу естественных причин забудет дедушку через два месяца. Мая будет ухаживать за могилкой. Один Юдович будет помнить своего Учителя до собственной кончины... От силы лет 5 в научной литературе будут еще фигурировать ссылки типа *«Пухтель и др., 1990»*, но и это едва ли...

Не маловато ли ?

8. Я предлагаю Вам: чтобы выполнить То, Ради Чего Вас Послали в Этот Мир — НЕМЕДЛЕННО приступить к сочинению компактной книжки (листов на 10) «**Древнейшие горные породы Земли**». Эту книжку необходимо написать за 2—4 месяца — до лета-99.

9. Я отредактирую книжку и напишу предисловие — где изложу биографию автора — Учёного, Спортсмена, Организатора. Можно даже портретик автора поместить (как сказал Поэт, *монумент — и то бы вылепили с Вас!)*

10. Лыжный Союз даст денег на издание.

11. Книжку надо издать не позднее конца 1999 года. Только так Вы сможете искупить свой неблаговидный поступок, изложенный в пп. 1—5.

Составлено в городе Сыктывкаре 15 ноября 1998 г., воскресенье, в 9 час утра.

Хмыкая и крякая в особо сильных местах, он прочитал Меморандум, и заявил, что увезет его в Москву, где *изучит* его (как дипломатическую ноту) и даст мне достойный отлуп... Впрочем, он не выдержал (Меморандум его глубоко уязвил) и стал кричать, что диссертации и тому

подобная бумажная макулатура — это чушь, суета, прах, зола и чешуя — но зато (!?) благодаря Международному лыжному союзу он объездил за последние годы весь мир и насладился Великим Искусством.

— *Я был в галерее Уффици*, — кричал он, — *а Вы, Яша, со своими дурацкими книжками, на которые угробили всю жизнь — Вы видели эту галерею?! Нет, Вы её не видели!!*».

В ответ я тоже орал, что я в гробу видел эту галерею, что есть же книжки с цветными репродукциями (смотри себе на здоровье), и что (не в пример ему) художники-то в этой галерее оставили нечто после себя...

Но это был разговор глухих.

Прощание. И вот — он умер. Всё кончено — его уже нет.

Я даже не знаю, где его похоронили.

В загробную жизнь я не верю.

Хотя бессмертие души теоретически вполне допустимо (например, путем записи биологической информации на нейтрино), но практически — зачем бы понадобились Богу наши бессмертные души — для коллекции?

Андрей Константинович ушёл навсегда, а когда я последую за ним — то мы безусловно *там* не встретимся — и не продолжим дурацкую дискуссию насчет галереи Уффици...

Книга, которую лучше всех мог бы написать только он — не написана. Конечно, что-то в этом роде напишут другие, а что более вероятно — переведут с басурманских языков и будут раболепно ссылаться (нам не впервой, мало ли у нас таких симонов, проложивших новые пути и напрочь забытых?)

Я плачу и рыдаю.

Я потерял Учителя, и эта потеря невозвратна и невосполнима.

Сыктывкар, сентябрь 2000 г.

* * *

За шахматной доской (В. Н. Демин)[45]

III Академиада Северных филиалов АН СССР, 2—6 марта 1978 г. Фото Т. Г. Барковой

С шахматистом Володей Деминым я познакомился больше тридцати лет назад — когда мне сказали, что есть такой аспирант в Пединституте, звать Володя Демин, занимается коми поэзией и хорошо играет.

Потом уж, когда он перешел на службу в Коми филиал АН СССР, мы познакомились ближе и сыграли с десяток турнирных партий и несчитанные сотни — блиц.

Кроме того, мы были с ним в составе сборной филиала на выездах — на памятной Новосибирской Академиаде-1978 и нескольких Академиадах Северных филиалов, проводимых поочередно в Сыктывкаре, в Апатитах и Петрозаводске. К сожалению, документальных свидетельств у меня не сохранилось, но помнится, что по меньшей мере два раза мы играли с ним за нашу команду здесь и в Петрозаводске.

Для читателя, далекого от шахмат, я должен пояснить, что этот интеллектуальный спорт во многом отличается от других видов спорта.

Во-первых, статус шахматных чемпионов совершенно особый — он сравним лишь со статусом самых ве-

[45] **Опубликовано в книге: Демин Владимир Николаевич: Страницы воспоминаний. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО Российской АН, 2001. С. 88—91.**

ликих деятелей человечества, и намного выше статуса знаменитейших бегунов, прыгунов, боксеров, тяжелоатлетов, лыжников или теннисистов. Всех шахматных чемпионов было всего-то 13 человек (сейчас вот появился 14-й — Володя Крамник), и каждый из них остается в Истории навечно, даже будучи поверженным более молодым, более талантливым или просто более удачливым соперником.

Во-вторых — шахматы представляют собою крайне причудливый культурный феномен: сплав Игры (развлечение!), Спорта (соревнование!), Науки (точное знание!) и Искусства (красота маневров и комбинаций!).

Шахматисты все — люди очень разные, и каждого в этом удивительном человеческом изобретении (поначалу просто имитировавшего военную игру двух армий — белой и черной) больше привлекает что-то одно.

Например, можно видеть пенсионеров, с утра до вечера «гоняющих» друг с другом легкие партии (без часов) — для этих, как очевидно, шахматы — это Игра. Кстати, теперь этим можно заниматься на компьютере — с партнером, не знающим усталости...

Большинство других шахматистов бесконечно играют блиц-партии с пятиминутным (а то и с трехминутным!) контролем времени. Это, конечно, в первую очередь, спортсмены, для которых в жизни превыше всего — сладость победы. Ни науки, ни искусства им в шахматах, в общем-то, не надобно... К стыду своему, и я отношусь именно к этой (преобладающей) популяции шахматистов, хотя не вполне равнодушен и к эстетике шахмат.

Довольно многие (в их числе — немало людей науки) ценят шахматы за то, что в этом казалось бы, безбрежном Пространстве Возможностей все же существуют какие-то законы, которые никому не дозволено безнаказанно нарушать. Это люди, глубоко чтущие теорию дебютов и эндшпилей и весьма уважительно относящиеся к Общим Принципам, открытым в шахматах первым официальным чемпионом мира — Вильгельмом Стейницем (надо бы говорить — Штайницем, так как до своей натурализации в Англии он все же был австрийцем).

И совсем немного таких шахматистов, которые ценят в шахматах их иррациональную и эстетическую стороны, не подвластные ни оценке, ни точному расчету. И это то немногое (или, наоборот, очень многое?) что может только человек и чего не умеет сегодня даже самый мощный компьютер.

К какой из этих категорий шахматистов можно отнести Володю Демина? Я думаю, что он определенно тяготел к третьей, но будучи натурой художественной и отчасти артистичной, был не чужд и четвертой.

По своему стилю он был солидным позиционным шахматистом, к шахматной «теории» относился с уважением и отнюдь не рвался ниспровергать ее догмы.

Володя был очень добрым человеком — а это мешает в спорте.

Помню, как я костерил его за то, что в Новосибирске-78 он согласился на ничью в лучшей позиции, где, как мне казалось, еще следовало поиграть, помурыжить противника. Володя вяло оправдывался — «выжимание» очка в положении, где он ясно видел объективную ничью — было ему совершенно чуждо.

В блице — этой крайне нервной и чрезвычайно азартной игре (имеющей с настоящими Шахматами мало общего — разве что инвентарь...) он был уязвим для агрессивно-амбициозных драчунов, не сдающихся даже при лишнем ферзе у противника — и любой ценой стремящихся «уронить» флажок на его шахматном циферблате. Такая игра была ему откровенно неприятна, и я не припомню, чтобы он сам когда-нибудь играл «на флажок».

Он был в игре интеллигентен и благороден, и в отличие от многих «блицунов» — всегда вел себя достойно при поражениях, никогда не пытался что-то доказывать после партии (вроде того, что «у тебя же было безнадежно», или «я тебе просто зевнул, а то бы...»), чем грешат многие наши не в меру азартные коллеги.

Мне очень нравилось в нем сильно развитое чувство юмора.

В том же Новосибирске-78 Коми филиал представляла команда всего из двух человек — Демина и меня. Однако при нас был еще «представитель команды» — обаятельный парень из Отдела математики (очень рано сгоревший от рака), талантливый и самобытный шахматист Володя Парначев. Самому играть (по молодости лет) мы ему не доверили — но с тем большим рвением он исполнял роль нашего тренера. Бывало, прогуливаемся по залу в ожидании хода противника, и Демин, грозно нахмурив свои густые брови, повелительно произносит голосом Парначе-

Володя Парначев. Сыктывкар, III Академиада Северных филиалов АН СССР, 2—6 марта 1978 г. Фото Т. Г. Барковой

ва: *«Вы — думайте!!»* (ибо именно так Парначев нас «тренировал»...) — и мы покатываемся со смеху. В таком настроении снова сядешь за доску, и своя тусклая позиция (а противники у нас были весьма титулованные!) — покажется вполне приемлемой...

В последний раз за шахматной доской я встретился с Володей на блиц-турнире, организованном нашим старинным общим знакомым, журналистом Валерием Туркиным — в честь юбилея газеты «Красное знамя». Мы давно не видались с Володей (шахматная жизнь в научном центре уже много лет, как испустила дух) и были рады снова встретиться. Я от души поздравил его с недавно им завоеванными докторскими эполетами.

Совсем незадолго до его нелепой и непонятной кончины я встретил Володю на улице — на вид вполне бодрого. Радостно поздоровались и решили, что было бы не худо как-нибудь встретиться — поблицевать...

Но судьба распорядилась иначе.

* * *

Штрихи к портрету Свободного Человека[46]

Впервые я услышал о нём где-то в начале 1970-х. Во дворе Института геологии мы устроили теннисный корт, где с нами играл и наш демократичный директор, которому в ту пору было лет 50. Он был не просто хороший директор — вдобавок, он был фронтовик, член партии и еврей — стало быть, прошел в своей жизни огонь и воду.

— А знаете ли, — сказал он мне, — какая со мною недавно история приключилась? Звонит какая-то женщина из Затона. Так, мол, и так — не нужен ли вашему Институту геологии доктор наук? И притом, заметьте, не геолого-минералогических, а физико-математических. Ну, я, конечно, поинтересовался — что этот доктор делает в Затоне. А на пилораме, говорит, работает...

— Ну, и что же Вы?

— Я вежливо ответил, что, к сожалению, в настоящий момент в Институте доктора наук такой специальности не требуются. Она что же — за дурачка меня держит!? Доктор наук! В Затоне! На пилораме! Да ведь и ежу понятно, как он мог там оказаться. Возьми такого — потом век не расхлебаешься. Вы же понимаете — дело-то придется иметь не с Академией наук, а совсем с другим ведомством...

Директор был явно горд своей сообразительностью — как он ловко избежал опасности. Очевидно, что ему, с его советской жизненной школой, мысль о том, что помочь ссыльному интеллигенту — это хорошо, а отказать в помощи — это плохо, просто не приходила в голову.

В ту пору Президентом АН СССР был Келдыш — крупный математик, внесший огромный вклад в обеспечение ракетной мощи страны. Он сменил на этом посту чрезмерно свободомысля-

[46] **Опубликовано в газете «Вечерний Сыктывкар» 24 января 1991 г.**
Перепечатано в книге: *Юдович Я.Э.* Записки геохимика. — Сыктывкар: Геопринт, 2007, с. 77—79.

щего Несмеянова, стал энергично проталкивать в Академию наук директоров, но что самое главное — он единственный из всех президентов АН был членом ЦК КПСС! Поэтому с его мнением очень считались на самом верху. ***Деталей я не знаю, но именно Келдыш порекомендовал руководству Коми филиала АН СССР принять Револьта Пименова на работу.*** Нет никакого сомнения, что эта рекомендация была согласована с КГБ.

Так Пименов был принят на работу — правда, не к нам, а в соседний Институт биологии. Так сказать, для внедрения царицы наук математики — в серую массу прочих естественных наук.

Он не был научным работником, как большинство из нас — он был Учёным с большой буквы. Я думаю, что люди такого интеллекта встречаются примерно один на миллион. Это значит, что во всей России учёных его масштаба наберется не больше сотни.

Характерным для Пименова было умение «переключить диапазоны» научного общения. Диапазон задавался уровнем интеллекта и профессиональной подготовки собеседника. Если этот уровень был достаточно высоким — то Револьт свободно общался с партнером на этом высоком уровне. Если же уровень оказывался низким (скажем, собеседник не знал даже элементарных вещей), то Пименов непринужденно «переключал диапазон», используя только те слова, которые были понятны собеседнику. Это качество присуще только Большим Учёным — узкие профессионалы, как правило, совершенно неспособны что-либо внятно растолковать «любителям».

Пименов же не просто умел — как прирожденный Человек Кафедры он очень любил «проповедывать», достигая удивительной простоты и доходчивости. Я помню, как на одной из организованных на квартире В.С.Никифорова «пятниц» я доложил реферат по книжке Шопенгауэра, которую дал мне Пименов. И как он потом обобщил и тактично поправил мой довольно бестолковый реферат (в Шопенгауэре я сумел понять далеко не всё) и в двух-трех словах кристально-ясно сформулировал суть воззрений Шопенгауэра, не забыв упомянуть о том, что причиной крайней желчности этого философа-диссидента была сжигавшая его зависть к более удачливому «официальному» Гегелю.

Филиальское руководство действовало по шаблону: раз Академик-Президент сказал, что этот Пименов действительно крупный ученый — поставим его начальником, и пусть он создаст нам специальный Отдел математики. Отдел-то он создал, но начальник из него, по правде сказать, был никудышный. Он не умел администрировать — то есть подбирать и правильно расставлять кадры, следить за тем, кто, как и что делает, улаживать неизбежные конфликты в коллективе и решать постоянно всплывающие сиюминутные проблемы. Я помню, что вместо того, чтобы захаживать к начальству, которого он терпеть не мог (уверяя нас, что все они — стукачи!) он засыпал начальство рапортами и докладными. Мол, довожу до вашего сведения, что в Отделе нет того-то и того-то, и что ежели этого вскорости не будет, то я не отвечаю за последствия — и проч. Такие писульки страшно раздражали начальство, которое и без того Пименова не любило и боялось — как постоянно действующий источник, так сказать, идеологической радиации.

Но начальство было само виновато — истинное призвание Пименова было вовсе не в том, чтобы управлять Отделом математики. Для него идеальным вариантом была бы несуществующая в Академии наук должность «научного руководителя». Ибо раньше всего он был — Учителем, а для этого надобно иметь за душой некое богатство, которое можно передать другим. Интеллектуально-духовный потенциал Пименова был так огромен, что он мог практически без подготовки прочитать циклы лекций из области топологии, теории относительности, теории вероятности, истории России и СССР, философии, истории искусств, политологии или социологии.

Некоторое представление об этом потенциале дал нам его блистательный курс лекций по истории русской революции, который читался им в аудитории Сыктывкарского университета при огромном стечении народа со всего города. Между тем, это лишь малая доля того, что он мог бы еще дать людям. Дать нам — воспитанным в тоталитарной системе и глубоко пораженным внезапно открывшимся феноменом — абсолютно свободной, раскованной, дерзкой, парадоксальной — острой, как бритва — мыслью.

В 1970—80-ее гг. он собрал вокруг себя небольшой кружок сыктывкарской научной и педагогической интеллигенции. Мы сходились раза два в месяц и чего только ни обсуждали! Кроме уже упомянутого Шопенгауэра мне почему-то запомнился блистательный реферат Пименова на тему «Женщины в жизни Наполеона».

Когда на волне горбачевской «гласности» стала издаваться самая невероятная литература, я впервые в жизни прочитал Евангелие от Матфея, выпущенное каким-то странным издательством, которые появлялись тогда, как грибы после дождя. Кое-что в манере поведения Иисуса из Назарета мне очень не понравилось — его черствость по отношению к матери, призыв к ученикам тунеядствовать («будьте как птицы небесные») и в особенности шокировала история с труженицей-Марфой и бездельницей-Марией. Я позвал Револьта с Виленой на чай — чтобы обсудить мои сомнения. Деталей его разъяснений уже не вспомню, но главную идею я понял: для того, чтобы быть понятым неграмотными и духовно неразвитыми соплеменниками, Иисус, как умелый преподаватель, должен был использовать специальные методические приемы — в виде «доходчивых» притч и нарочито парадоксальных форм поведения...

Живя в Сыктывкаре, сперва в «законной», а потом уже в фактической ссылке (когда его принудили обменять ленинградскую квартиру на сыктывкарскую, чтобы не допустить его возвращения в Ленинград), Револьт Иванович поддерживал активную связь с остатками разгромленного правозащитного движения; в его доме всегда находили приют люди гонимые или безработные.

При этом весьма замечательной была его манера поведения. Прекрасно зная, что вся его почта перлюстрируется, а телефон прослушивается, он, тем не менее, занимался политической деятельностью совершенно открыто и дерзко — демонстрируя своё глубокое презрение к какой-либо «большевистской» конспирации.

Естественным следствием этого были вызовы на унизительные допросы в КГБ и полицейские обыски в его квартире с изъятием «самиздатской» и «тамиздатской» литературы, а также его рукописей (которых было так много, что друзья продолжают публиковать их и до сих пор). Мог ли в те годы кто-то из нас поверить в то, что хорошо знакомая нам старинная пишущая машинка (его главный рабочий инструмент и объект многократных изъятий) — будет еще до конца 20-го века красоваться в Краеведческом музее Республики Коми среди других экспонатов, посвященных правозащитному движению и личности самого Револьта Пименова?!

Револьт Иванович был самозабвенным, азартным, страстным шахматным игроком. При этом, как и многие настоящие ученые, он считал совершенно невозможным тратить свое время на серьезное изучение шахматной теории. Шахматы для него были только развлечением, разрядкой, спортом — соревнованием воли и нервов — и ничем иным. Его упорство и оптимизм были просто феноменальны. Бывает, проиграет с треском десяток партий заведомо более сильному игроку — и хоть бы что ему — никаких признаков подавленности или уныния. Проигрывая «всухую», ухитрится-таки вырвать хотя бы ничью — и говорит, радостно потирая руки: «так, главное — это *отделиться от нуля*, теперь всё в порядке» — и после этого зачастую начинал выигрывать у крайне раздраженного партнера. И каков бы ни был общий счет бесчисленных партий — он был готов сражаться всю ночь и никогда первым не предлагал прекратить игру.

Револьт Пименов играет за команду Коми филиала АН СССР. III Академиада Северных филиалов АН СССР, 2—6 марта 1978 г. Фото Т. Г. Барковой

Он живо интересовался всей занятной околошахматной политикой — его весьма занимали личности и поступки Спасского, Корчного, Фишера, Карпова, Каспарова. Перед тем, как по его выражению «лечь под немецкий нож» (в берлинскую раковую клинику) он просил меня прислать ему последние материалы об «очередном» матче Каспаров-Карпов (1990). Кроме того, Револьт Иванович более или менее свободно читал литературу на пяти языках, наизусть знал «Евгения Онегина» Пушкина, «Двенадцать» Блока, «Спекторского» Пастернака...

Долгие годы нам врали, будто бы «незаменимых людей нет». Нет ничего более нелепого! Сколько уже людей ушло, которых некем и некому заменить: Александр Мень, Андрей Сахаров (который в мае 1989 г. специально приезжал в Сыктывкар, чтобы поддержать Пименова на выборах), Дима Холодов, Лев Разгон, Галина Старовойтова, Анатолий Собчак... Одних убили топо-

ром, других застрелили или взорвали, третьи до срока сгорели, торопясь наглотаться воздуха свободы — материи неслыханной для нашей страны.

Револьт Пименов — в этом же мартирологе. Заменить Пименова в культурной и политической жизни Коми и России некем, его место до сих пор ощущается как зияющая рана.

* * *

Моя юшкиниана

Я начал следить за ним очень давно — можно сказать, с первого дня прибытия в Сыктывкар. Прямо с поезда я отправился к Мише Соколову (который и организовал мое приглашение из Ленинграда в Сыктывкар) и заночевал у них с Олей Поповой. И в первый же день я попросил Мишу дать мне краткие характеристики персонала института геологии — тех, с кем мне предстояло, как я надеялся, проработать долгие годы.

Миша диктовал, я записывал в красную адресную книгу. Эта книга у меня сохранилась. Все мишины характеристики очень лаконичны. Но про Юшкина написано совсем просто:

«Юшкин, Николай. Почти Ломоносов».

В последующем мой кабинет с вытяжным шкафом на втором этаже «лабораторного корпуса», который делили геологи и биологи, оказался напротив кабинета, где сидел Юшкин — невысокого роста тощий востроносый малый. Вскоре оказалось, что с ним практически невозможно вести праздные разговоры, не связанные с наукой. Я почти физически ощущал мощное интеллектуальное поле, которое он излучает — и разговаривать с ним по пустякам было как-то неудобно.

Ниже помещены несколько газетных статей, написанных к юшкинским юбилеям, а также рецензия на его автобиографическую книгу «Начало пути».

От лаборанта до профессора[47]

Тот, кто захочет написать о Юшкине, окажется в трудном положении: уже писали и не один раз. Писали не доморощенные, а вполне профессиональные журналисты. Писали в «Правде», писали в «Красном знамени», писали в «Молодежи Севера», писали в «Югыд Туй». Писали во многих книжках и брошюрах. Но такова, видно, судьба всех незаурядных личностей — сколько ни пиши, все мало, так как они привлекают к себе постоянный, неослабевающий интерес.

Николаю Павловичу Юшкину — 47 лет. Доктором наук стал в 32 года, за свою докторскую работу «Минералогия и парагенезис самородной серы в экзогенных месторождениях» был удостоен премии Ленинского комсомола. В 1971 году он получает орден Трудового Красного Знамени и создает Лабораторию генетической и экспериментальной минералогии, которая через 10 лет превращается в Отдел минералогии. Через год Юшкин становится профессором и получает премию Совета Министров СССР за важнейшие разработки по флюориту. Проходит еще год — и Государственный Комитет утверждает открытие, одним из ведущих авторов которого является

[47] **Опубликовано в юбилейном выпуске стенной газеты Коми фил. АН СССР «Исследователь» от 17 июня 1983 г.,** специально отпечатанного небольшим тиражом в республиканской типографии (г. Сыктывкар) по случаю 25-летия Института геологии. Статья прошла цензуру физиолога М. П. Рощевского (ныне академика), который в то время готовился занять пост Председателя Президиума Коми филиала АН СССР.

Н. П. Юшкин; называется оно «Закономерности кристалломорфологической эволюции минералов в минералообразующих процессах». Наверное, читателю интересно будет узнать, что в геологии зарегистрировано всего 20 открытий.

У доктора Юшкина — 230 научных трудов, из которых более 180 — опубликованных. В числе последних 9 крупных монографий и 8 брошюр — препринтов докладов по узловым проблемам теоретической и региональной минералогии.

Профессор Н. П. Юшкин уже вырастил 10 кандидатов наук и еще 8 — «на подходе»; он редактор десятка монографий, член ряда ученых советов и редакционных коллегий, организатор шести Всесоюзных минералогических форумов в Сыктывкаре. Труды Юшкина и его талантливых учеников приобрели уже и мировую известность. Права гражданства получило понятие «Сыктывкарская минералогическая школа».

Я не стал писать о числе юшкинских дипломов, почетных грамот и прочих знаков отличия. Все эти цифры, конечно, впечатляют. Но человек не может быть описан цифрами, как математическая величина. Всякий человек представляет собою феномен, а Юшкин — тем более.

Мне нередко приходится водить экскурсии по нашему минералогическому музею. Пытаясь объяснить слушателям, зачастую очень далеким от науки, что же такое Юшкин, я люблю рассказывать им историю открытия пай-хойского янтаря...

В 1972 г. несколько геологов нашего института, руководимые Юшкиным, недалеко от побережья студеного Карского моря наткнулись на кусочки янтаря. Взбудораженные находкой, Юшкин и его коллеги увлеченно ползали по крутому песчаному обрыву, прослеживая янтареносные слои и с радостью убеждаясь, что им повезло — залежь оказалась богатой.

Итак, найден янтарь. Что сделал бы рядовой научный сотрудник? Сначала, конечно, собрал бы побольше зернышек янтаря для исследования. Потом в лаборатории изучил бы кое-какие его характеристики доступными методами. Ну, а потом написал бы статейку. Все, как заведено: нами впервые обнаружен ... отложения перспективны ... рекомендуются дальнейшие исследования». И на этом была бы поставлена точка.

Что же сделал Юшкин? По форме — то же самое: собрал, изучил, написал. Форма та же, но зато — какое содержание!

Во-первых, на основе единичной находки и тщательного анализа решительно всех письменных источников *была обоснована постановка проблемы* — янтареносности арктических областей СССР (!). Таким образом, работа сразу приобрела характерную для Юшкина масштабность.

Во-вторых, янтарь был изучен как минерал — но как изучен! Юшкин привлек для этого все современные методы, причем многие исследования с поразительной оперативностью организовал за пределами института, во многих учреждениях Союза. Для этого недостаточно всех знать; нужно, чтобы и тебя самого знали и были готовы помочь. В итоге янтарь был изучен с удивляющей глубиною и разносторонностью, и это позволило выявить его местные (региональные) особенности.

В-третьих, фундаментальное исследование позволило Юшкину дать столь же основательный, глубоко продуманный научный прогноз и ценные практические рекомендации.

Работа о янтаре — это всего лишь одна из работ профессора Юшкина. Но, как известно, «по когтям узнают льва» — работа эта для него типична. В ней мы видим замечательные, достойные удивления и подражания качества ученого: размах, глубину, виртуозное владение методами, мощь и смелость научного прогноза, и вместе с тем то, чего Юшкин никогда не упускает: скорое и эффективное внедрение новейших научных разработок в практику.

Николай Павлович Юшкин проработал в Институте геологии 21 год. За это время он прошел путь от лаборанта до профессора, от студента-заочника до крупного руководителя. Тем не менее все мы, его коллеги, убеждены в том, что главные свершения у Юшкина — еще впереди.

Феномен Юшкина[48]

20 мая 1996 года у Николая Павловича Юшкина круглая дата — 60 лет. Никому из нас не хочется называть себя старым, но приходится признать, что 60 лет — это уже, увы, не юный возраст. Впрочем, есть и приятное — в этом возрасте принято подводить итоги. Действительно, воз-

[48] **Опубликовано в газете «Геолог Севера» за 20 сентября 1996 г.**
Перепечатано в книге «Записки геохимика», 2007, с. 69—71.

раст самый подходящий: с одной стороны, еще можно интенсивно работать, а с другой — если уж за предыдущие 60 лет ничего стоящего не добился, то теперь не стоит и пробовать — лучше сразу на пенсию... Так что — карты на стол, гг. юбиляры образца 1935—1937 годов!

Что касается нашего юбиляра — то ему одного стола просто не хватит — такую груду научных трудов, публицистики и даже беллетристики он может вывалить на этот воображаемый «стол». Юшкиным сделано не просто много — а поразительно много. Правда, все геологи знают, что хитрый канцелярский оборот *«работа проделана большая»* применяется на защитах таких отчетов, о которых ничего хорошего сказать нельзя, а плохого говорить не хочется... Посему, если бы речь шла о «большой работе, проделанной академиком Юшкиным за 40 лет его творческого пути» — то я просто не стал бы и сочинять эту юбилейную заметку. Ибо желающих польстить академику и директору найдется немало и без меня.

Меня же Юшкин остро интересует именно своей необычностью, непохожестью на многих других крупных ученых. Я наблюдаю его уже 30 лет, и он не перестает меня удивлять. Правда, в последние годы, когда Юшкин «однозначно» (по Жириновскому) определился в политике как махровый реакционер, «красный академик» — активный член интеллектуально убогой РУСО («Российские ученые социалистической ориентации»), к моему удивлению неизменно примешиваются чувства горечи и разочарования. Но — феномен есть феномен. С ним ничего не поделаешь — извольте принимать его таким, каков он есть.

Что же в Юшкине такого необычного?

Во-первых, необычной является чрезвычайно широкая известность Юшкина далеко за пределами научной среды. Академиков в России много, даже чересчур много (причем некоторые из них, как мне представляется, имеют уровень среднего кандидата наук), однако лишь об очень немногих из наших академиков писали в широкой прессе столько, как о Юшкине. Такая необычная популярность имеет несколько причин.

(1) Подобно Ломоносову, Юшкин происходит из северной крестьянской деревни, причем в отличие от своего великого предшественника — из очень бедной семьи. До 31 года (когда он получил докторский диплом) он жил попросту в нищете, ибо свою жалкую зарплату (сперва техника-геолога, потом лаборанта) он почти целиком тратил на покупку научных книг и интенсивнейшую научную переписку. Да что там — уже и будучи академиком и директором Института, он до самого последнего времени не имел даже сносных жилищных условий. Ученый с мировым именем держал свои уникальные минералогические коллекции ... на балконе маленькой квартирки, где ютился со всеми чадами и домочадцами. Вполне понятно, что при прочих равных условиях «профессорский сын», вступая на научную стезю, имеет гораздо лучшую стартовую позицию. Разумеется, эта особенность биографии Юшкина прибавляла ему популярности.

(2) Но опять-таки подобно Ломоносову, единственной движущей силой стремительного выдвижения Юшкина в первые ряды российских ученых явилась его исключительная природная одаренность. Ну, а трудолюбие, о котором любят взахлеб писать журналисты? Да, конечно, не без этого — уж ленивым Юшкина никак не назовешь. Но с другой стороны, занятие любимым делом доставляет человеку ни с чем не сравнимое наслаждение. А наука — это и есть любимое дело Юшкина. Так что, конечно, трудолюбие — трудолюбием, но без редкостного природного таланта Юшкиным не станешь.

(3) Вместе с тем, крестьянское происхождение Юшкина оказалось весьма полезным фактором в советской системе! Коммунистическое начальство никогда не доверяло потомственной российской интеллигенции, истребляло и преследовало ее. Юшкин же казался властям вполне «нашим человеком», от него трудно было ожидать строптивости и опасного свободомыслия (так оно в действительности и было). Поэтому карьере Юшкина никто не мешал, хотя и нельзя сказать, чтобы шибко помогали — все-таки он всего добивался сам. При этом внешняя, кажущаяся очевидной ангажированность Юшкина властями порождала у многих интеллигентных людей со стороны настороженное, недоверчивое к нему отношение. Друзья в Москве и Ленинграде очень часто спрашивали меня: «А что, этот ваш Юшкин — в самом деле талантливый парень, или просто дутая пропагандистская фигура?» Такой вопрос был вполне оправдан, если человеку посвящала хвалебные очерки такая газета, как «Правда»... И я всем скептикам терпеливо растолковывал: «Нет, Юшкин — это настоящий, неподдельный феномен. А то, что его любят власти — что поделать? Одних они любят, других нет... Но в действительности он еще крупнее, чем можно судить

по апологетическим (и не всегда грамотным) газетным статьям. Так что — не сомневайтесь !».

Во-вторых, Юшкин — это очень редкий тип Естествоиспытателя . Ему бы лучше было родиться в 18-ом веке, а не в 20-м ! И хотя его главная негасимая страсть — конечно же, Её Величество Минералогия, Царица Всех Наук, его всегда глубоко интересовала вся Природа как таковая. Вот почему в его сочинениях мы находим множество разнообразных, зачастую драгоценных наблюдений, например — географических, а вовсе не минералогических. Чтобы читателю было понятно, что это такое — Естествоиспытатель, я горячо рекомендую прочитать автобиографическую книжку Юшкина «Начало пути», которая скоро выйдет из печати. В ней он описывает, в частности, чем он занимался на каникулах, будучи студентом Горного техникума. Чем может заниматься студент на каникулах, приехавший в родную деревню из занесенного снегами заполярного Кировска с его полугодовой полярной ночью? — Ясно чем: отсыпаться, рыбачить, бродить по лесу с ружьишком, бегать к знакомым деревенским девчонкам, валяться на сеновале и читать в охотку не учебники, а детективы. Одним словом — отдыхать.

А чем же занимался Юшкин в свои отпуска? — Он проводил геологическую съемку в м-бе 1:500 000... Проводил один, иногда пользуясь «услугами» выпрошенной у председателя колхоза лошади, иногда на велосипеде, чаще же пешком, прокладывая маршрут за маршрутом по болотам, лугам, речкам, ручьям, карьерам, лесам и перелескам, заполняя наблюдениями самодельные полевые дневники, открывая десятки месторождений местных полезных ископаемых... Какой же надо иметь для этого громадный, всепоглощающий интерес к Изучению Природы !

В-третьих, это только кажется, будто бы со временем научные интересы Юшкина как-то эволюционировали — одни, мол, сменялись другими. Ничего подобного! Юшкин однолюб, человек очень цельный и постоянный. Я совершенно уверен, что всё, чем ему пришлось заниматься за 40 лет научной карьеры — было заложено в его голове еще в юношеском возрасте. И просто ждало своего часа — когда удастся реализовать давно задуманное. Возьмем например, такие темы, как *геохимия и минералогия серы, болотное минералообразование, карстовые процессы в сульфатной толще на Новой Земле, сернокислотное выветривание и алюмо-железо-фосфато-сульфатное минералообразование в черных сланцах Пай-Хоя, янтарь Арктики, минералоиды как форма существования природных твердых тел, процессы минералообразования в каменной соли, фиброкериты из пегматитов Волыни и проблема коэволюции Живого и Косного вещества на планете Земля*. Обо всем этом Юшкин написал замечательные статьи, брошюры и книги, сделал десятки докладов на престижных научных форумах. Добавим к этому перечню генерированные Юшкиным работы его учеников по *эволюции твердых битумов, по минералогии железо-марганцевых конкреций Океана, по низкотемпературному синтезу минералов в гелях, в том числе — по имитации формирования почечных камней*.

Казалось бы, что все это — совершенно разные темы, тем паче, что и занимался он ими в разные годы. Однако все они крепко сшиты единой красной нитью, которая называется *«Минералообразование в Биосфере»*, или, по Ферсману — в условиях гипергенеза. Просто Юшкин, обладая мощным синтетическим мышлением, видит одновременно гораздо больше сторон явления, чем большинство из нас. Поэтому то, что нам может показаться разным, для него является органической частью некого целого.

В-четвертых, с синтетическим мышлением Юшкина связана и его тяга к законченности, завершенности. У него почти нет брошенных, недоделанных работ. Чем бы он ни занимался, как правило, дело кончается первоклассной монографией. Среди них такие бестселлеры, как «Теория и методы минералогии» и такие настольные книги для геологов нашего региона, как «Опыт среднемасштабной топоминералогии: Пайхойско-Южноновозмельская минералогическая провинция» (Л.: Наука, 1980. 376 с.) и «*Юшкин Н. П., Ромашкин Ю. М., Маркова Г. А.* Уральско-Новоземельская флюоритоносная провинция» (Л.: Наука, 1982. 220 с.), увенчанная премией Совмина СССР.

В-пятых, Юшкин обладает счастливым талантом Организатора Науки. Трудно кому-либо тягаться с ним в области «научной экспансии» — создания и идейного оплодотворения новых научных направлений, новых научных структур, дирижирования научными форумами, массового выпуска десятков томов научных изданий. Впрочем, как директора-администратора я ставлю Юшкина не слишком высоко (в этом качестве, как мне кажется, его предшественник М. В. Фишман был сильнее). Юшкин — чересчур творческая натура для того, чтобы просто ад-

министрировать. По своей природе он скорее Завоеватель новых территорий в науке, чем искусный Правитель, бдительно руководящий возделыванием захваченного, регулярно контролирующий исполнение, карающий нерадивых и поощряющий старательных... Он подобен скорее Александру Македонскому, нежели Наполеону с его Кодексом, Вернадскому (который по отзывам сотрудников Биогела был никудышним администратором), нежели Келдышу...

В-шестых, конечно же, экстраординарно количество учеников, которых он выпестовал. Впрочем, «пестованием» он, пожалуй, вовсе не занимался. С учениками он обращался сурово — как со щенками, брошенными в холодную воду Большой Науки. Если побарахтается и выплывет — хорошо, молодец. А коли не выплывет... Особых сантиментов в этом случае я у него не замечал. Сам прошедший в юности очень жестокую жизненную школу, он к неудачам учеников (впрочем, справедливости ради — редким) относится спокойно. В результате такого, «искусственно-естественного» отбора появились на свет два десятка кандидатов наук и ряд докторов, чуть ли не каждый из которых имеет громкое имя и добрую сотню первоклассных работ: А. М. Асхабов, В. А. Петровский, В. И. Силаев, А. Б. Макеев, В. И. Ракин, Б. А. Остащенко, С. К. Кузнецов, В. П. Лютоев... Добавим к этому блестящему списку — лиц, которые по заслугам разделили с Учителем высокие награды и премии: Г. А. Маркову, Ю. А. Ромашкина.

Широкую публику всегда интересуют не только результаты научных трудов ученого, но и его личные качества. К сожалению, об этом я мало что могу рассказать: Юшкин человек достаточно скрытный, с натурой отнюдь не нараспашку. К тому же, в традиционных минералогических междусобойчиках (обычно проводимых весною на природе), где я мог бы «изучать» Юшкина в состоянии «под мухой» — я, слава Труду, никогда не участвовал.

И все же об одном эпизоде, как мне кажется, стоит рассказать: он дает любопытный штрих к портрету Юшкина. *Некто* из числа первых учеников Юшкина — с некоторых пор не взлюбил Учителя. Пробежавшая между ними кошка была настолько черной, что ученик не только ушел из Отдела минералогии, но и как только мог (на всех пяти этажах Института геологии!) костерил Учителя на все корки.

И как же в этой «нештатной ситуации» поступил наш Красный Академик? Приняв во внимание незаурядную научную продуктивность своего недоброжелателя, Юшкин «волюнтаристски» попрал все правила — и назначил его на должность *ведущего сотрудника*. Между тем, «ведущего» у нас дают только докторам наук, тогда как наш назначенец, поглощенный творческой работой, так и не собрался защитить докторскую. Самое забавное, что как выяснилось на недавней аттестации, о его должности не знали ни он сам (исправно получая соответствующую зарплату!), ни его заведующий, просивший Аттестационную комиссию назначить первого... ведущим сотрудником, чем немало изумил комиссию. Неплохая картинка академических нравов, не правда ли?

И наконец, последнее по счету, но не по важности. Огромное значение для коллег и так сказать, «современников» Юшкина является не столько все вышеперечисленное, сколько просто ***сам факт того, что в городе Сыктывкаре живет и работает представитель очень редкой породы людей — Настоящий Ученый.***

Одно это само по себе задает *масштаб* нашим ученым трудам. Без такого масштаба можно иной раз впасть в спячку или предаться самолюбованию, ностальгически перебирая листки докторского диплома... Но пока Юшкин активно работает рядом — такой опасности нет: нам есть, на кого равняться.

Рецензия на книгу академика Н. П. Юшкина «Начало пути»[49]

Перед нами — новая книга известного ученого–геолога, академика РАН и АЕН РФ, члена многих зарубежных научных обществ, лауреата государственных и академических премий, директора Института геологии, Председателя КЕПС Республики Коми и прочая, прочая...

Н. П. Юшкин является автором не менее двух десятков первоклассных научных монографий, однако эта книга — не научная, а мемуарная, с элементами беллетристики. У Юшкина уже

[49] **Была написана для Издательства, но потом по просьбе Юшкина была опубликована в «Вестнике Ин–та геологии» за июнь 1997, № 10 (34), с. 3.**

был опыт такого рода сочинений: его перу принадлежат две интересные книжечки — «Уральскими маршрутами» и «На островах Ледовитого», выпущенные Коми книжным издательством. Есть у него и опыт научно-популярного труда — такова весьма солидная (и не слишком популярная!) книга «Оптический флюорит», написанная в соавторстве с Г. А. Марковой.

И все же эта книга — нечто совсем новое. Нигде еще автор так не открывался читателю, как здесь. Нигде еще (несмотря на добрую сотню журналистских очерков о его необыкновенной научной карьере) мы так зримо, воочию, не представляли себе Начало Пути — рост и развитие такой редкой человеческой породы, как Природный Ученый.

И в этом смысле — отнюдь не опасаясь переборщить — я берусь назвать эту книжку замечательной. Я прочитал ее залпом, и вполне убежден, что с неменьшим интересом ее воспримет и массовый читатель. А главным ее читателем, думается, станет молодежь — ведь книга написана о жизни и учебе деревенского мальчика, потом отрока-школьника и затем — юноши-студента Горного техникума.

Книга состоит из двух больших частей, которые отвечают двум естественным отрезкам жизни автора повествования: детству + отрочеству и юности.

Каждая часть состоит из разных по величине главок, представляющих собою довольно самостоятельные фрагменты, которые вполне можно читать и вразбивку, не опасаясь утратить нить повествования. Основное содержание книги — это в чистом виде мемуары: воспоминания о себе самом, о своих родителях, друзьях, многочисленных знакомых, учителях.

Автор владеет главным инструментом беллетриста — он умеет лепить образы. Несколько фраз — и мы можем представить себе человека. Не все эти образы получились удачно, некоторые отдают газетной казенщиной (таким, например, показался мне образ советского писателя Александра Чаковского — деятеля, на мой взгляд, весьма сомнительной репутации). Но все же литературных удач в книжке гораздо больше, чем слабых мест.

Для ученого-профессионала всегда очень трудно писать о своей профессии для широкой публики. С одной стороны, надо по возможности не употреблять специальной терминологии, а с другой — избежать ее невозможно, ибо это и есть родной язык науки, без него она становится косноязычной и нелепой. Юшкин удачно преодолевает эти трудности. Безо всяких «комплексов» он пишет о гидротермальных процессах, магматогенных рудах, пегматитах, грейзенах, моренах, аллювии и прочем — сугубо геологическом. И тут же на общедоступном житейском языке разъясняет читателю, далекому от геологии, что это всё значит, а главное — в чем там был для него интерес. Я думаю, что избранный им подход правилен: читатель сейчас в массе своей вполне грамотный.

К драгоценным достоинствам книжки я бы отнес глубоко искренние и ярко-образные описания деревенского быта крестьянства Тверской (Калининской) области, в котором десятилетия коммунизма так и не смогли вытравить православного образа жизни. **Именно так — я считаю православие не религией в полном смысле слова, а просто *русским образом жизни*.** В котором, кстати сказать, языческие колядки и масленица мирно и безболезненно уживаются с христианскими Рождеством и Пасхой.

Не покажется ли читателю мой отзыв чересчур комплиментарным? Что поделаешь — уж очень хороша, свежа и необычна эта книжка. И все же надо выделить в ней самое главное. Здесь я должен повторить уже сказанное: самое главное в этой книге — это уникальное само по себе описание того, как растет и развивается человек, в которого Бог заронил гены Настоящего Ученого. Это и поражает, и удивляет, а иногда даже пугает.

Ну подумать только, чем может заниматься студент на каникулах, приехавший в родную деревню из занесенного снегами заполярного Кировска с его полугодовой полярной ночью?

— Ясно чем: отсыпаться, рыбачить, бродить по лесу с ружьишком, бегать к знакомым деревенским девчонкам, валяться на сеновале и читать в охотку не учебники, а детективы. Одним словом — отдыхать.

А чем же занимался студент Юшкин в свои каникулы?

— Он проводил геологическую съемку в м-бе 1:500 000... Проводил один, иногда пользуясь «услугами» выпрошенной у председателя колхоза лошади, иногда на велосипеде, чаще же пешком, упрямо прокладывая маршрут за маршрутом по болотам, лугам, речкам, ручьям, карьерам, лесам и перелескам, заполняя наблюдениями горы самодельных полевых дневников, открывая десятки месторождений местных полезных ископаемых...

Какой же надо иметь громадный, всепоглощающий интерес к Изучению Природы ! Вот это, пожалуй, и есть самое мощное из тех впечатлений, которые произвела на меня новая книга Николая Юшкина.

Было бы странно предположить, что в *такой* книжке нет недостатков. Кое-какие из них я уже отметил. Есть и другие. Так, очевидна ненужность в главе «Хибинские экскурсии» забегания вперед — и скомканного (и вследствие этого не везде понятного) описания последующей экспедиции в Ловно-тундру: ведь она подробно описана в следующей главе.

Я думаю также, что автору не следовало бы обнажать перед читателем свои политические взгляды, которые иначе, как пещерными, я бы не назвал. Например, в одном месте автор сетует о невостребованном «наследии» Сталина. А ведь наследием этого палача народов являются десятки миллионов — гекатомбы трупов. И в этих гекатомбах (или автор уже подзабыл это?) — лежат и лучшие российские ученые. Например, Павел Флоренский, замученный только за то, что верил в Бога. Должен признаться, что читать эти места мне было крайне неприятно. Я тотчас вспомнил про Макса Планка: этот великий ученый был в политике таким же наивным реакционером, как и наш Юшкин (это с горечью отмечал Альберт Эйнштейн, глубоко чтивший и любивший Планка).

Говорят, что-де из песни слова не выкинешь. Но все же *такие* слова из этой прекрасной, глубоко личной книжки-песни я бы посоветовал без сожаления выкинуть. Право же, книжка станет лучше.

Последнее по счету, но не по важности. Книга, что называется, несет отпечаток индивидуальности автора: это ее стилистика, зачастую более близкая к разговорной речи, нежели к литературной. Очень важно, чтобы редактор издательства проявил достаточно такта и не стремился все тотально пригладить. Очевидные шероховатости, разумеется, подлежат коррекции, но надо, чтобы в целом стилистика, как важный компонент образа самого автора — была бы по возможности сохранена.

Сыктывкар, 11 января 1996 г.

Из непроизнесенного[50]

К 65-летию Н. П. Юшкина

21 мая 2001 на 899-ом (!) заседании Сыктывкарского Минералогического семинара при большом стечении народу, среди которого были замечены два академика, один член-корр и видимо-невидимо мелких докторов и кандидатов разных наук, отметили 65-летие Юшкина.

Сперва сам юбиляр обозрел 30-летнюю историю Сыктывкарской Минералогической школы.

Потом выступил Асхаб Асхабов. Он уточнил, что на самом деле Школа называется не Сыктывкарской, а Юшкинской. После чего сделал впечатляющий доклад на тему: *«Ленин и партия — близнецы-братья»*. Юшкин — это как бы Ленин, а партия — это как бы Отдел минералогии.

К сожалению, обилие официальных лиц (как бы волхвов) с дарами новорожденному породило большой цейтнот (ибо всем невыносимо хотелось поскорее перейти от речей к делу, т. е. к дармовой выпивке).

Поэтому мне не удалось полностью сказать всего того, что я намеревался. Ниже я, как выражаются авторы статей и монографий — «восполняю этот пробел».

1. Гамбургский счет

В нашей стране публичные репутации людей могут абсолютно не соответствовать действительности. Например, я знавал лиц, которые были увенчаны профессорскими званиями, имели степень доктора наук и были до пупка обвешаны, как породистые псы, Высокими Правительственными Наградами. Об этих славных личностях были написаны пухлые биографические книги и даже повешены мемориальные доски (здесь, мол, некогда бывал Этот Великий Человек). И тем не менее, эти Великие Люди представляли собою вполне пустое место. Просто-напросто — Подпоручики Киже (*«Арестант секретный. Фигуры не имеет»*).

---

[50] **Опубликовано в Вестнике ин-та геологии, 2001, май, № 5 (77), с. 23.**

Более того, в наши дни телевидение вообще избавляет от необходимости вешать мемориальные доски и писать прославляющие книги. Достаточно твоей физиономии каждый день не вылезать из ящика — и все поверят, что ты, не сегодня-завтра, станешь Президентом...

Однако существует истинная оценка значимости людей — оценка «по Гамбургскому счету». Как известно, цирковые борцы-профессионалы раз в году собирались в городе Гамбурге и там, в отсутствие публики — боролись по-настоящему (а не понарошку), чтобы выявить свою истинную табель о рангах.

У нас «гамбургский счет» ведется обычно дома на кухне, в теплой узкой компании за бутылкой водки. Или — в тайге у костра. В обоих ситуациях тщательно перемываются косточки сослуживцев и дается им (сослуживцам) беспощадно-объективная оценка. Здесь уж тебе не помогут ни телевизор, ни мемориальные доски.

Так вот — по Гамбургскому счету на пространстве почившего СССР насчитывается не более десятка Действительно Крупных Ученых-Минералогов. ***А среди этого десятка — как ни крути, — а №1 неизменно отдается Юшкину***. Вот этот, казалось бы, вполне виртуальный №1 — на самом деле неизмеримо важнее гипсовых бюстов, биографических сочинизмов, мемориальных досок, дипломов и прочей материальной мишуры.

2. Мое изобретение

На юбилей пришла Циля Израилевна Зильберг из Национальной библиотеки Республики. Она всю жизнь была неравнодушна к изобретательству и рассказала про возглавляемую Юшкиным такую хитрую Академию (забыл, как называется), где состоят два наших Знатных Изобретателя — Ю. А. Ткачев и Б. А. Остащенко.

Однако и я претендую на членство в этом богоугодном заведении — потому что я тоже изобретатель! Я изобрел экономный виртуальный способ поздравления юбиляров, позволяющий не тратить ни копейки казенных (а тем более своих) денег на цветочки, конфетки и прочие глупости.

Формула изобретения:

«Способ одаривания юбиляров-минералогов, *отличающийся* тем, что предмет дарения не обладает никакими макроскопическими материальными качествами, но подлежит рассматриванию в электронный микроскоп JSM-6400 с энергетическим спектрометром Link».

Это изобретение знаменует огромный прогресс в методике одаривания юбиляров, который имел место всего лишь за последние 5 лет. В самом деле, на 60-летие Юшкина я пошло-материально подарил ему диаспоровую конкрецию с хребта Малды-нырд. Но за прошедшие 5 лет И. В. Козырева, И. В. Швецова и В. Н. Филиппов понаоткрывали в этих конкрециях целую кучу удивительных новых нано-минеральчиков, иные из которых имеют размер всего лишь в доли микрона.

И вот теперь я все наши наноминералы щедро дарю Юшкину. Пускай, понимаешь, владеет. И мне никакого убытка, и юбиляру приятно.

* * *

Человек Возрождения[51]

Памяти Юрия Андреевича Колясникова

Ушел Колясников...

Это самое нелепое известие на рубеже тысячелетий.

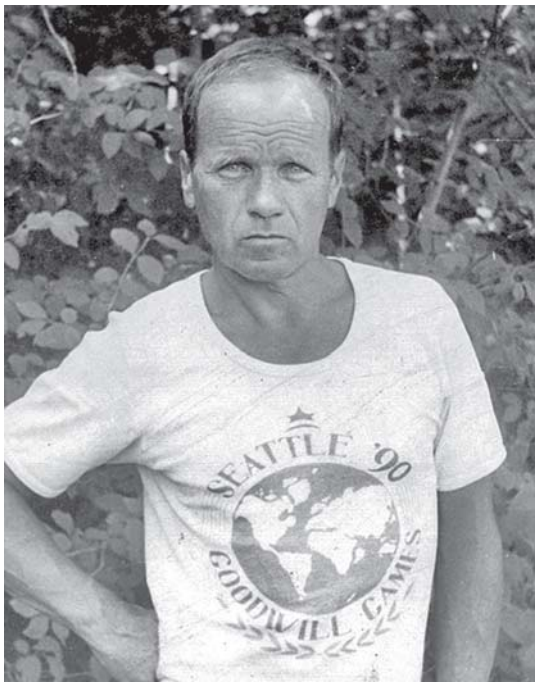
Это ошеломляюще-неправдоподобно.

Это самая жестокая наша потеря.

Еще 29-го декабря 2000 г., как сообщают, он лихо отплясывал на институтском вечере в своем Магадане, а 3-го января 2001-го встревоженные коллеги нашли его уже неживым в одино-

[51] **Опубликовано в «Вестнике Института геологии» под предложенным Н.П.Юшкиным заголовком «Магаданский мудрец» (2001, январь, № 1(73), с. 18—19.**

кой квартире. Предполагают (точно никто не знает), что он умер 30-го[52].



Удар слишком внезапен, чтобы сейчас мы могли в полной мере осмыслить то, что он сделал в науке.

Ясно лишь, что этот маленький курносый пермский мужичок, больше всего похожий на деревенского плотника — с самой что ни на есть «ненаучной» внешностью, с недоверчивым пытливым взглядом исподлобья, простой геолог, не имевший никаких чинов и занимавший скромную должность директора краеведческого музея в Магадане, успел к своим 59 годам сделать невероятно много.

В числе им созданного:

— тетрамерная модель воды, из которой он извлек ошеломляющие глобальные следствия, в числе которых и такие, как Механизм Грозы и Происхождение Жизни;

— глобальная «бароплазменная» модель пульсирующей Земли, в числе следствий которой и такие, как происхождение магмы, механизм тектонических диастрофизмов и причины периодичности черносланцевых эпох.

Его идеи были ошеломляющими.

Он был настолько значительным Явлением в современной узко-специализированной науке, что самым простым было бы просто не принимать его всерьез.

В самом деле — не может же никому дотоле неизвестный Колясников из Магадана знать так много — и так свободно, с таким вкусом, с таким юмором рассуждать о вещах, казалось бы, бесконечно далеких от геологии — о нейтронной плазме, о квантовых жидкостях, о холодном термоядерном синтезе, о сложнейших проблемах кристаллографии, о хиральности молекул в связи с Биопоэзом, наконец, о митохондриях!

Да, в том числе и о митохондриях... Когда он, следуя своей железной логике, непринужденно перебросил мост от тетрамеров воды к тетрамерам кремнезема и таким ошеломляющим способом истолковал, ни много, ни мало, феномен выплавления силикатной магмы (!), то оказалось, что его идеи заинтересовали пущинских биофизиков, занятых механизмом работы митохондрий и интересующихся кремнием в биологических структурах! Я свел его с проф. М. Н. Кондрашовой; не долго думая, Колясников явился в Пущино и сделал перед ошеломленной биологической публикой доклад на семинаре...

Главной, профильной особенностью Колясникова было напряженное, многолетнее обдумывание коренных, глобальных проблем науки. Этим своим качеством и полным отсутствием каких-либо «комплексов» (казалось, что он ничего не боится и читает труды Ландау так же легко, как труды по игнимбритам Камчатки) он невольно напоминал мне людей Возрождения.

А главным его внешним качеством была воистину ртутная подвижность! Кажется, не случилось ни одного юшкинского научного форума последних лет, куда бы не явился Колясников: либо прямо из Магадана (со службы), либо из Перми, Астрахани, Москвы или Петербурга (в отпуске). На дружеских фуршетах, которыми неизменно завершались научные встречи, всегда пили за «нашего» Колясникова — рекордсмена-конгрессмена, давно ставшего как бы штатным сотрудником Сыктывкарского института геологии!

Всякий раз он говорил со вздохом, что приехал из Магадана чуть ли не за свой счет, и видимо, это уж в последний раз. Но приезжал снова и снова... Он был у нас и на очередных «Биоминеральных взаимодействиях» позапрошлой осенью, и снова говорил, что теперь-то денег точно нет, и он уж не приедет. (На этот раз он угадал — может быть, что-то о себе знал?).

Он был поразительно плодовит, и ему ничего не стоило написать, собственноручно набрать, сверстать, сброшюровать, переплести и разослать из Магадана по 2 книжки в год!

---

[52] По неподтвержденным данным, Колясников был УБИТ — умер от побоев (*Примечание-2011*).

Он печатался в «Докладах» и в «Известиях» АН СССР, в «Геологии и геофизике», в «Вулканологии и сейсмологии», в «Журнале Всесоюзного химического о-ва им. Д. И. Менделеева», в Трудах многочисленных форумов — геологических, кристаллографических, геофизических, биологических...

Его стиль был блестящим и завораживающим. Так писать мог только человек высокой культуры.

Вот наудачу взятый фрагмент из его пленарного доклада на Петрозаводском форуме-1998 «Углеродсодержащие формации в геологической истории», который назывался «Черносланцевые события — следы экстремального состояния пульсирующе-расширяющейся Земли»:

«Поскольку в фазе расширения Земли, сменяющей, по Е. Е. Милановскому [...], сжатие, на границе ядро-мантия снижается давление и следует распад нейтронной материи, уместно привести здесь и саму реакцию нейтронизации, имеющую обратимый характер и широко распространенную в Космосе: $p + e + \nu \leftrightarrow n + \uparrow$*, где* $\uparrow$ *— квант электромагнитного 3 °K-излучения. Ведь электрон при переходе на более низкий энергетический уровень обязан испускать фотон, в данном случае при «падении» на ядро уже неспособный к возбуждению других электронов и потому вынужденный вечно блуждать в необозримых просторах дрожащего Космоса. Совокупность таких импотентных фотонов, концентрация которых сопоставима с нейтринной (450 см*$^{-3}$*) и создает изотропный фон 3 °K-излучения [...], не более реликтового, чем мы с Вами! По-видимому, любой спонтанный, казалось бы, процесс нуждается в неком толчке энергии активации, как полагал Я. И. Френкель, и даже мизерная энергия 3 °K-кванта может быть достаточной для инициации распада нейтрона. Тем более, что «природа не любит пустоты»* («не терпит»! — Я. Ю.)*, ничего не производит, не делает зря, и считать, что густонаселенные безбрежные вселенские «океаны» нейтрино и 3 °K-квантов абсолютно ни на что не годятся, по меньшей мере нелогично...*

Несмотря на оптимизм сторонников тектоники литосферных плит, считающих ее безальтернативной теорией, концепция расширения и пульсаций планеты имеет больше шансов стать общей теорией Земли. В ней планета рассматривается не как аналог доменной печки с исходной железо-силикатной шихтой, а как сложный саморазвивающийся астрофизический объект, в жизнь которого органически вписывается вся многотрудная эволюция биогеосферы, включая рудообразование [...]»

Каково? Он непринужденно расправляется с общепринятыми парадигмами: с реликтовым 3 K-излучением Космоса (преспокойно замечая, что оно никакое не реликтовое) и с Теорией Литосферных Плит (ибо его эстетическому чувству претит ее сходство с «доменной печкой»). А как вам нравятся «дрожащий Космос», «импотентные фотоны», «океаны нейтрино», «многотрудная эволюция биосферы»? Дух захватывает от таких текстов. Может быть, в чем-то он и был дилетантом — не знаю. Но если и так — то бесспорно, дилетантом гениальным.

Как прозорливо написал Ферсман в некрологе Вернадского (1945 г.) — еще не пришло время для осмысления всего, что сделал Вернадский — на это понадобится много лет. Так оно и случилось.

Может быть, и Время Колясникова еще не пришло — и по-настоящему оценить все, сделанное им, мы сумеем не скоро?

10 января 2001 г.

* * *

Есть истинные ценности»:

37 лет в одном Институте с М. В. Фишманом[53]

Казалось, Фишман не умрет никогда. Вот в 1994 г. ему исполнилось 75, он выступил и поведал нам с трибуны, с никогда не покидавшим его чувством желчного юмора: «Я вам хочу доложить, что 75 — это все-таки очень много!». Вот в 1999 г. ему исполнилось уже 80 — а он (в промежутках между пребыванием в кардиоцентре, куда он регулярно попадал по нескольку раз в год) как ни в чем не бывало ходит на службу — пишет очередную книгу и жалуется мне на Юшкина,

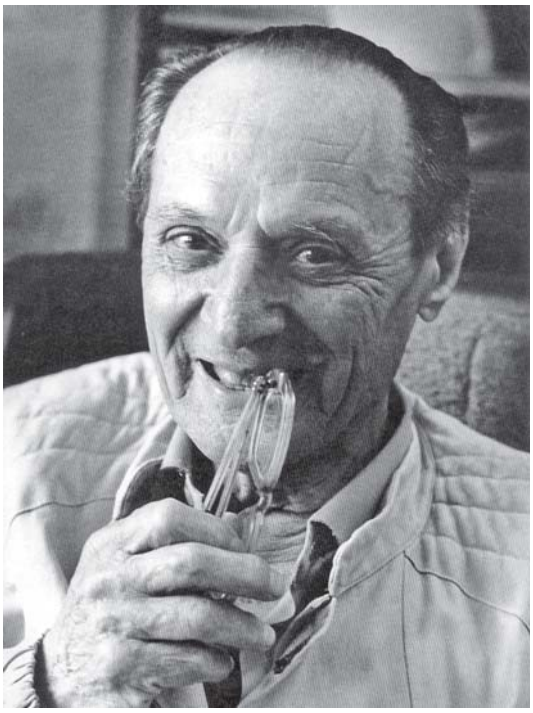
[53] **Опубликовано: Уральский геологический журнал, 2008, № 5, с. 74—78.**

Перепечатано в книге: «Марк Вениаминович Фишман: воин, ученый, человек. — Сыктывкар: Геопринт, 2011, с. 42—57.

который заказал и даже пообещал ему издать сочинение про историю поисков золота в Коми; и он давно уж написал это сочинение, а Юшкин-де что-то все тянет и тянет с изданием... И вот ему уже 82 — а он все такой же, ни одного седого волоса, только голос стал тише, и взгляд — каким-то потухшим, что стало особенно заметно, когда он потерял Нину Николаевну. Было видно, что из-под ног у него выбили опору, однако он продолжал упрямо бороться за жизнь и не хотел сдаваться ни за что.

Я прожил с ним рядом в одном институте 37 лет, и был, вероятно, одним из последних, кто видел его перед смертью в больнице, когда он плакал (жуткое зрелище — плачущий Фишман) и жаловался мне на медсестру, которая, как он уверял, погубила его безграмотными процедурами — когда он мог бы еще жить...

О Фишмане будут долго вспоминать и не раз писать — ибо он был по-настоящему Крупной Личностью.



1. Мудрый администратор

Весною 1967 г. в Гатчине под Ленинградом, незадолго до защиты кандидатской диссертации во ВСЕГЕИ, я получил письмо от директора Института геологии Коми филиала АН СССР — Марка Вениаминовича Фишмана. В письме содержалось приглашение на работу в Институт — для занятия геохимией органического вещества в связи с прогнозом нефтегазоносности на Западном склоне Урала.

Это приглашение организовал мне Миша Соколов — мой дальний родственник (мой старший брат был женат на его старшей сестре). Как известно, под началом М. В. Фишмана Миша создал в Институте сложнейший аналитический комплекс — Лабораторию изотопной геохронологии.

10 мая я приехал в Сыктывкар и явился к М. В. Фишману, который сразу же повел меня представляться В. П. Подоплелову (тогдашнему Председателю Президиума Коми ФАН СССР). Был тогда такой порядок; институты были еще маленькие и несамостоятельные, и приглашение специалиста из «центра» было определенным событием для Филиала. В кабинете Подоплелова висела карта; Фишман ткнул куда-то на Среднюю Печору и гордо сказал, что — вот, видите, у нас недавно открыли здесь крупное Вуктыльское газоконденсатное месторождение! Это — чтобы я проникся надлежащим почтением к региону, который мне предстояло изучать.

Затем мы вернулись в Институт, и директор сходу предложил мне: чтобы познакомиться с будущими объектами исследования (предполагалось, что я займусь всем палеозоем Печорского Урала) — поехать в поле на Щугор с Виктором Пучковым. И для начала не ставить перед собой амбициозных целей, а просто получить представление о геологии палеозоя, приглядеться к разрезам. Впрочем... мне было рекомендовано взять в поле ступки для дробления проб (что было для меня, ранее работавшего на производстве в Якутии — в диковинку). Директор пояснил — вот приедете с поля с готовыми пробами — быстрее сумеете протолкнуть их на анализы — быстрее получите результаты.

Лишь значительно позднее я оценил всю мудрость этих, вроде бы, совсем нехитрых советов.

Во-первых, — поехать в поле именно с Пучковым, а не с кем-то еще (выбор отрядов был большим). Это теперь все знают В. Н. Пучкова — член-кора РАН и директора Уфимского института геологии, ученого с мировым именем. А тогда об истинном масштабе дарования молодого Пучкова (еще даже и не кандидата наук!) мало кто догадывался. Но Фишману догадываться не требовалось — он, один из немногих, цену Вите Пучкову знал достоверно.

Во-вторых, поехать на Щугор. Щугорское пересечение палеозоя Западного склона Урала — одно из самых полных, от ордовика до перми (а чуть ниже устья Щугора на Печоре есть и триас). Казалось бы, петролог-магматист Фишман, профессионально занятый своими гранитами, мог бы таких вещей и не знать. Но на самом деле Фишман, как достойный ученик А. А. Чернова, знал в геологии Урала абсолютно все и едва ли не везде — сам побывал.

В-третьих, заставить лаборантов в лагере не бездельничать, а дробить пробы — чтобы им, так сказать, «служба медом не казалась». Неожиданно оказалось, что этот процесс воздействовал и на меня — вместо ленивых «созерцательных» рекогносцировочных маршрутов мне пришлось с первых же дней, безо всякой «раскачки», заняться массовым опробованием палеозойских толщ. И щугорская коллекция—1967 стала первым камнем в здании Региональной Геохимии палеозойских осадочных толщ Печорского Урала, которое я строил после того еще 10 лет!

И вот, вспоминая всё это, я вижу, что Фишман был мудр, т.е. обладал способностью предвидеть будущее. Умных людей в научном институте хватает — а вот много ли мудрых? — Совсем мало.

2. Человек, вернувшийся с войны

Познакомившись с Фишманом и время от времени обсуждая с ним свои служебные дела, я с удивлением отметил его абсолютный оптимизм: какая бы производственная проблема ни возникала, он никогда не унывал, не паниковал и не падал духом — а спокойно и методично искал решение, излучая несокрушимую уверенность в том, что решение непременно найдется — надо только хорошенько поискать... Это касалось не только внутри-институтских проблем, но и обще-политической обстановки в стране (которую Академия наук всегда остро ощущала — ибо любые зигзаги «генеральной линии партии» в первую очередь сказывались на финансировании академической науки!). Например, когда эпоха хрущевской оттепели сменилась эпохой закручивания гаек, у молодой научной интеллигенции это породило пессимизм, безразличие к жизни и общий упадок духа — яркие приметы тогдашнего «застоя». У Фишмана же никогда ничего подобного не наблюдалось! Встретив препятствие, исходившее с самого верха и потому казавшееся непреодолимым, — он спокойно анализировал: что здесь все-таки можно попытаться сделать — как это сделать реально — и как в данной сложной ситуации не просто выжить, но и неплохо жить...

Размышляя над этим его качеством, я понял: это было мироощущение фронтовика. Фишман прошел войну, оставшись живым и даже не был ранен. Поэтому он воспринимал мирную жизнь по-особому — как Нежданный Подарок Судьбы. По-видимому, сам биологический факт жизни как таковой был настолько важен и самодостаточен для него — что все возникавшие рабочие проблемы, приводившие в уныние молодежь, казались ему сущими пустяками. Например, что за беда, если ему надо через месяц отправить в поле 20 отрядов, а «спущенных» денег хватает только на 15? Надо просто подумать хорошенько, без паники, что тут можно предпринять — и недостающие деньги где-нибудь найдутся. И они, как правило, находились — возникавшие проблемы решались.

3. Человек сильной воли

Было еще одно необычное качество, которое я тоже быстро обнаружил у директора: возникающие проблемы приводили его в хорошее расположение духа! Ведь у обычных людей — как оно бывает? Всякого рода трудности, заморочки, хлопоты, возникающие вдруг препятствия — все это порождает негативные эмоции, делает человека суетливым, озабоченным, сумрачным или даже угнетенным. С Фишманом же все было в точности наоборот. Появление нежданного препятствия словно бы радовало его, он оживлялся, становился энергичным и азартным.

Опять-таки, пронаблюдав это несколько раз и удивившись, — я сообразил, в чем дело: он был Волевым Человеком, и всякого рода препятствия воспринимал, по-видимому, как полезную и приятную тренировку своей воли. Поэтому трудности его не угнетали, а наоборот, вдохновляли, подзадоривали, добавляли куража!

Кстати, таким же качеством отличался и В. А. Дедеев, приглашенный Фишманом в Институт в 1975 г. Может быть, на этой почве они испытывали (как мне казалось, но, может быть, я ошибаюсь?) взаимную симпатию.

4. Конфликт, оставшийся между нами

Все эти 37 лет моего пребывания в институте у меня были с Марком Вениаминовичем весьма добрые отношения — и в период его директорства (до 1985 г.) и после того. В последние лет 10, встречая его в Институте, я всегда радовался просто тому факту — что вот, идет себе Фишман, как ни в чем не бывало, как шел и 10, и 20, и 30 лет тому назад — а это значит, ребятки, что в этой жизни покамест все в порядке: жизнь устроена правильно! Я всегда радостно приветствовал его, и он, как я думаю, чувствовал такое мое отношение.

И все-таки в начале моей карьеры в Институте один конфликт у нас был. Он имел сугубо закрытый характер и о нем никто не знает, кроме А. И. Елисеева.

После того, как я сколотил сильную геохимическую группу, и мы занялись массовым анализом собранных обширных коллекций по Щугору и Подчерему, приехав из отпуска — я вдруг узнаю от своего зава А. И. Елисеева о том, что Фишман решил забрать у нас лабораторную комнату 59 (с вытяжным шкафом) — и передать ее нашим химикам. Проблема помещений в Институте была острейшей, и химики, кормившие анализами весь институт, в самом деле, сильно бедствовали. Вот Фишману и пришла в голову идея — «раскулачить» богатенького Юдовича (авось, как-нибудь перебьется — парень шустрый). Однако такое решение было, увы, далеко не мудрым. Мало того, что оно было принято за моей спиной; оно в корне подрубало всю ту *геохимию органического вещества*, ради которой меня сам Фишман и пригласил в Институт! Александр Иванович виновато разводил руками и говорил, что-де переубедить директора он пытался, но не сумел...

Я понял, что момент — критический, и надеяться мне не на кого, только на самого себя. Я сел и написал Фишману приватную докладную записку, которую вручил ему, минуя бюрократическую инстанцию. В ней я указал: (а) я прибыл в Сыктывкар по его приглашению — для изучения органической геохимии; (б) честно выполняя свои обязательства, я создал лабораторную базу для этого, нашел нужных специалистов и организовал работу: к тому времени мы уже делали до 1.5 тыс. битуминологических анализов в год; (в) лишение нас кабинета 59 означает крах всей «нефтяной» темы, которая была так важна для престижа Института в глазах обкомовского начальства — завершить тему будет невозможно; (г) соответственно, и мне больше нечего делать в этом институте.

Не знаю, что именно из этих пунктов оказалось наиболее весомым (вполне возможно, что только последний, ибо мой уход означал и потерю для Филиала только что полученной мной квартиры в доме 3 по улице Чернова!), но явился от директора Елисеев и сказал мне — «Все в порядке; можете работать дальше».

Замечу, что мы с М.В. этого вопроса не обсуждали — никакого конфликта словно бы никогда и не было. И на наших взаимоотношениях это в дальнейшем никак не отразилось.

5. Директор в трудной ситуации выбора

В сентябре-октябре 1973 г. мы с Мариной Петровной Кетрис съездили по турпутевке на Золотые Пески в Болгарию, и там встретились со своей давней (но только заочной!) знакомой — доцентом Гретой из Софийского университета. Грета занималась геохимией болгарских углей, и у меня с нею была интенсивная научная переписка. Мы поселились в дешевеньком отеле «Тинтява», и Грета, взяв отпуск в университете, приехала к нам на несколько дней: понежиться на пляже, покупаться в море и просто вволю потрепаться по вопросам, «представлявшим взаимный интерес». Среди этих вопросов был и такой: нельзя ли устроить в Софийском университете издание нашей книги по геохимии углей — на русском языке? Книга была нами написана, но ее никак не удавалось протолкнуть в план издания АН СССР. Грета обещала разузнать, и с тем уехала.

Однако «общение с иностранными гражданами» для советских туристов было делом криминальным, и включенный в нашу тургруппу шпион КГБ донес об этом куда следовало. По возвращении из Болгарии меня стали таскать в КГБ, и дело (после долгих разбирательств) кончилось тем, что В. П. Подоплелов отобрал у меня допуск (а у меня всегда был допуск по Второй форме — т. е. к сов. секретным материалам).

Не имея допуска, я теперь не мог выехать в поле — мне просто не выдавали топографические карты в спецчасти! Таким образом, лишение геолога допуска был формой *запрета на профессию*.

В этой ситуации Фишман стал требовать от меня — чтобы я покаялся в своих преступлениях — и тогда меня могут помиловать... Я каяться отказался, потому что виноватым себя ни в чем не считал. «Но Вы же не сможете работать! — убеждал меня директор. — «Ну и пусть!» — в запальчивости отвечал я. Так тянулось три года, в продолжение которых я, хотя и бывал в поле, — но не в качестве начальника отряда, а «на подхвате» — у Лиды Кыштымовой на Вычегде, у Володи Чермных на Кожиме...

Как мне потом рассказали информированные люди, Фишман рассуждал вслух: «Что же мне с ним делать? С одной стороны, КГБ и Подоплелов без покаяния допуск Юдовичу не вернут. Однако он тупо упирается, и рано или поздно ему придется увольняться. С другой стороны, это для института весьма нежелательно, поскольку Юдович — ценный кадр». Фишман сообразил, что от таких упертых личностей, как я, ничего нельзя добиться «мытьем» — значит, надо применить «к*а*танье». И тогда он стал «катать» меня — снова и снова настойчиво убеждать в том, что покаяться — увы, все равно придется, хотя бы и в некой «ослабленной» форме — не размазывая сопли по щекам...

И он своего добился — в конце-концов я написал-таки заявление, в котором признавал, что *вел себя неправильно* — т.е. имел приватные переговоры с зарубежной гражданкой — минуя начальство (как мне доходчиво «разъяснили» по приезде — подобные переговоры можно было вести только через соответствующие инстанции Академии Наук СССР).

Весной 1977 г. пришел Елисеев и сообщил: «Допуск есть. Можете собираться в поле». Позже выяснилось, что подлые «органы» вернули мне допуск только по Третьей форме, т.е. еще раз унизили.

В этой истории Фишман проявил себя и как тонкий психолог, и как очень умный администратор. В итоге он и «органам» потрафил, и Ценный Кадр сохранил...

6. Есть истинные ценности!

На одном из юбилеев Фишмана я поднял тост за его здоровье — в форме рекламы Инкомбанка: *«Есть истинные ценности!»*.

Я сказал, что пока в Институте работает такая личность, как Фишман, — у нас сохраняются некие устои жизни — существуют Истинные Ценности.

... И вот 5 декабря 2003 г. он умер, его положили в гроб и закопали.

Он ушел, еще полностью сохранив ясность ума и даже свой юмор, но вконец замученный нескончаемыми отказами полностью изношенного сердца. Однако образ сыктывкарского Института геологии без Фишмана, который руководил им 24 года и потом еще 18 лет в нем работал — просто невозможен. Сыктывкарский Институт геологии и Фишман, это, как сказал Поэт, «близнецы-братья» (как, к слову сказать, и Юшкин, принявший институт от Фишмана и руливший нами 22 года — достойнейший наследник Фишмана).

Это значит, что Фишман будет продолжать находиться с нами не только на портрете перед конференц-залом (кстати, написанном с удивительным сходством!), но и незримо — в нашей памяти. И пока еще живы мы, его младшие современники — будет жив и он.

* * *

Феномен Шулеповой[54]

Убедиться в том, что этот заголовок отнюдь не является поэтической гиперболой, может всякий, кто сравнит две фотографии Анны Николаевны за микроскопом. На одной ей около 35, а на другой, снятой совсем недавно — около 80.

— И что же, есть разница?

— Да никакой! Даже марка микроскопа та же самая — старый добрый МП-7 образца 1947 года, изделие Ленинградского ЛОМО. Только на первом фото она сидит за собственным микро-

[54] **Опубликовано в брошюре: Анна Николаевна Шулепова. Сыктывкар: Геопринт, 2005. С. 20—28.**

скопом в Воркуте, в расцвете профессиональной карьеры, а на втором — за моим, в Сыктывкаре, будучи уже давным-давно на пенсии...

Так вот — я не встречал в своей жизни (а ведь мне уже 68!) *никого*, кто бы, как она, на протяжении почти 60 лет профессиональной деятельности, сохранял в своей душе такой живой, такой страстный, такой любовно-восторженный интерес к петрографии — изучению горных пород в оптическом поляризационном микроскопе. А ведь у неё было и есть в жизни всё — и толпы поклонников в молодости, и признание начальства в зрелые годы, и правительственные награды, и общественная деятельность, и множество друзей, в том числе с высокими учеными и чиновными титулами (которым она совершенно бескорыстно описывала сотни шлифов), и немеряное число учеников и учениц; у нее, наконец, есть вполне благополучная семья — дочка, член Правительства Республики Коми Вера Скоробогатова (зам. Главы Республики!), и внучка, ныне уже студентка. Всё это есть, — но больше всего в жизни бабушка Анна Николаевна любит описывать шлифы...

Повторяю — ничего подобного этой её всепоглощающей страсти я не видел *ни у кого* из своих знакомых коллег-геологов (а у меня их немало).

При этом совершенно замечательна, опять-таки, не имеющая аналогов её *страсть к знаниям*: она (если не болеет!) старается побывать на всех наших многочисленных научных форумах и часто забавно жалуется мне, посетив, например, сборище высоколобых кристаллографов, что ну просто-таки ничегошеньки не поняла из докладов — но всё равно ходит и будет ходить! А с жадностью заполучив в руки очередную партию шлифов (зная её слабость к шлифам, «клиенты» нещадно эксплуатируют старушку, которой по состоянию здоровья уже давно просто *вредно* часами смотреть в микроскоп!), она немедленно отправляется в библиотеку и отыскивает там специальную литературу (нередко это толстенные монографии) — *«почитать что-нибудь по теме»*. Здесь очень уместны слова Некрасова: *«Эту привычку к труду благородную / Нам бы не худо с тобой перенять»*.

Сколько я ее знаю, она всегда была преисполнена благородного профессионального тщеславия и непременно стремилась выдать свое заключение клиенту на надлежащем уровне — по привитому ей с молодости высокому «воркутинскому» стандарту, ныне большинством практических петрографов давно уж утраченному. При этом она имеет презабавную слабость — обожает зачитывать свои описания шлифов вслух, проверяя реакцию слушателя, и словно девочка, ожидая от него обязательных комплиментов! И мы, её постоянные клиенты, никогда на такие комплименты не скупимся. Например: *«Ну, Вы даете, Анна Николаевна! Это ведь надо так ухитриться — все гранулометрические фракции песчаников найти и подсчитать — по шлифу! Я бы, конечно, сроду так не смог — терпения бы не хватило!»*. И она всегда детски-простодушно радуется нашим похвалам...

Поскольку её бескорыстная любовь к петрографии известна всем — она самым бессовестным образом эксплуатируется. В 1996 г. академик Юшкин «пробил» кафедру геологии на базе физфака Сыктывкарского университета. Сначала переучивали на геологов желающих физиков с 4-го курса, взалкавших геологической романтики, но через пару лет стали учить студентов уже с первого курса. Поскольку штатных педагогов на кафедре не было, то Юшкин без лишних слов «забрил в рекруты» большинство научных сотрудников собственного института, сделав докторов — профессорами, а кандидатов — доцентами. Тем не менее, преподавателей все равно не хватало — особенно для практических занятий. И тут как нельзя ко двору пришлась Анна Николаевна со своим огромным практическим опытом! Мы попросили ее консультировать студентов по петрографии. Студенты — курсовики и дипломники (как мне по секрету рассказывали) тотчас передали друг другу радостную новость: *«Слыхали? — У профессора Юдовича в кабинете сидит старушка и описывает шлифы всем желающим!»*.

К сожалению, это было правдой. Напрасно я просил и умолял Анну Николаевну — ни в коем случае не делать за студентов их работу, а только лишь консультировать их в особо трудных случаях. Всё было тщетно! Положив под микроскоп хотя бы один студенческий шлиф, она забывала обо всем на свете и немедленно принималась его описывать, а студенты, не будь дураками, — тотчас подсовывали ей остальные шлифы, зная, что никому из мальчиков и девочек, она, по доброте душевной, — отказать не сможет. А потом многие студенты в курсовых работах преспокойно выдавали шулеповские описания за плоды собственного труда, вызывая восхищение наивных (несведущих) преподавателей...

Вспоминаю живые эпизоды нашей совместной работы, которая началась уже в 1967 г. — как только я, свежеиспеченный ленинградский кандидат наук, по приглашению директора Института геологии Коми филиала АН СССР М. В. Фишмана приехал в Сыктывкар и поступил на работу в Институт геологии.

Еще в Ленинграде мой оппонент по диссертации, ставший с тех пор моим старшим другом, бывший узник Воркуты, замечательный литолог Адриан Владимирович Македонов порекомендовал мне свою воркутинскую ученицу А. Н. Шулепову, как очень толкового петрографа. Поэтому, обрабатывая коллекцию своего первого полевого сезона (на Щугоре, с Виктором Пучковым), я быстро связался с Шулеповой и попросил описать несколько шлифов верхнепермских граувакк со Средней Печоры, из которых я набрал много проб угольных включений — углефицированной древесины, богатой редкими элементами. Помню, как поразили меня полученные от нее описания. Анна Николаевна (поднаторевшая в свое время у Македонова на описаниях аналогичных пермских песчаников Печорского бассейна) сумела разглядеть в моих граувакках до 19 (!) разновидностей обломков горных пород и пять типов их цементации! Эти описания так меня впечатлили, что в дальнейшем я старался подсунуть ей все сколько-нибудь трудные и интересные шлифы — и в результате рождались наши совместные публикации, некоторые из которых получили большой резонанс в геологической литературе.

В частности, за 35 лет нашего знакомства, она описывала мне:

— диабазы, опробованные мною в 1970 г. в верховьях Илыча (относящиеся к выделенной Б. А. Голдиным Верхнепечорской трапповой формации);

— обнаруженные мной на Илыче в том же году — оолитовые руды железа в ордовикских известняках (и конечно, сами эти известняки);

— сидеритовые и лимонитовые руды с Подчерема;

— многочисленные прослои «цветных кремней» из разрезов Лемвинской зоны на Харуте, Лемве и Хойле, которые при тщательном изучении оказались ничем иным, как преобразованными туфами, о которых раньше никто не знал;

— удивительные каолинитовые породы среди верхнедевонских черных кремнистых сланцев на Харуте — они оказались продуктом древнего выветривания тех самых туфов;

— замечательные щелочные метасоматиты по субстрату базальтоидов на Полярном Урале;

— уникальные рудоносные импактиты на Каре;

— встреченные А. В. Цымбалюком в разрезе рифея на р. Щекурье странные черные сланцы, которые при ближайшем рассмотрении оказались марганценосными;

— удивительные пирофиллитовые, гематитовые и диаспоровые породы с хребта Малдынырд, из района открытых В. С. Озеровым и М. Б. Тарбаевым золоторудных месторождений Чудное и Нестеровское;

— золотоносные гипербазиты с руч. Николай-Шор на хр. Росомаха;

— удивительные полимиктовые конгломераты («выдерьинская толща» В. С. Озерова) на Верхней Печоре...

В этих наших ученых трудах случались разные эпизоды — и детективные, и драматические, и забавные, причем с годами наш петрографический симбиоз приобрел довольно странный характер: Шулепова консультировала Юдовича, а последний — консультировал Шулепову, к полному удовольствию обоих...

Так, «детективным» оказалось изучение на вид обыкновенных миндалекаменных базальтоидов с ручья Хойдышор на Приполярном Урале, недалеко от давно известного (и напрочь забытого, так что я его, по невежеству своему, «нашел» снова), месторождения медных руд.

Вначале я прочитал, как всегда детальные, описания, сделанные моей дорогой Анной Николаевной корявым почерком на клетчатых тетрадных листах, где она с явным удовольствием живописала, как выглядят под микроскопом опробованные мною «лиловые мандельштейны», окаймляющие линейные зоны сильно окисленных халькопиритовых руд. Эти базальтовые и андезито-базальтовые порфириты обладали совершенно обычными, типовыми микроструктурами основной ткани: пилотакситовыми, микролитовыми, литокластическими; на этом темном фоне располагались миндалины и очки, выполненные светлыми минералами — альбитом и кальцитом. Очевидно, что при описании этих легко узнаваемых и широко распространенных базальтоидов Анна Николаевна не испытывала никаких затруднений, ибо наблюдала давно знакомую ей картину, многократно встреченную в тысячах шлифов других уральских геологов, которые ей приходилось описывать.

Каково же было мое изумление, когда сделанные позднее химические анализы этих «базальтоидов» показали до 5.7 % K_2O, хотя никакой слюды (вероятного носителя калия) в них, как правило, не наблюдалось! Стало ясно: завороженные «ординарными» микроструктурами пород, мы с А. Н. непростительно грубо ошиблись — проморгали присутствие в породе калишпата! И действительно, стоило нам еще раз поставить эти шлифы под микроскоп, как мы тотчас увидели, что некоторые «альбитовые» миндалины — на самом деле являются *ортоклазовыми* !

— *Боже мой, как же я могла не заметить характерную пелитизацию — она же в глаза бросается*! — без конца сокрушалась и причитала бедная Анна Николаевна.

Но я-то знаю, как это произошло... Дело в том, что *характерный минеральный парагенезис* (например, хлорит-кальцит-альбит) — это такой признак-подсказка, который используется петрографом в своей работе гораздо чаще, чем о том догадываются его доверчивые клиенты-геологи ... Вот и в данном случае — ни ей, ни мне при первом описании даже в голову не пришло проверять оптические константы «альбита» в миндалинах — ввиду его совершенно типичного парагенезиса.

Этот эпизод послужил мне жестоким, но очень полезным уроком. В частности, я, можно сказать, на своей шкуре прочувствовал, что такое *метасоматоз*! В нашем случае поздние калиевые гидротермы, промывавшие мандельштейны по ослабленным трещиноватым зонам, произвели твердофазное замещение материала былых миндалин ортоклазом — но настолько тонко-деликатно, что исходная структура базальтоидов полностью сохранилась. Это и был давно известный специалистам *дорудный щелочной метасоматоз*, с которым я, по недостатку опыта — столкнулся впервые в жизни.

Вообще, надо сказать, что геолог, как правило, замечает только то, что он уже знает. А чего раньше не знал — того может «не увидеть», буквально глядя на объект в упор. Так случилось, когда я, еще начинающий уральский геолог (а для геолога *региональный опыт* играет огромную роль в его ремесле!) — нашел на Ильче в ордовикских известняках какие-то обильные округлые черно-зеленые штучки размером до 1.2 см, с множеством тонких концентрических зон. Я обегал весь Институт, отвлекая занятых людей от дела и домогаясь у этих старых уральских волков — что это за «фауна» такая мне встретилась? Но увы, никто мне помочь не сумел. И только когда Анна Николаевна (тоже видевшая такие породы впервые) определила в составе этих «штучек» железистый хлорит шамозит (диагноз, затем подтвержденный рентгенометрически[55]) — мы сообразили, что это не что иное, как промышленный тип *оолитовых железных руд*. Исследование показало, что в оолитах чередовались тонкие оболочки шамозита, карбоната, какого-то слюдистого минерала (по-видимому, смешанослойного), и оксидов железа — скорее всего, продукта окисления шамозита.

В незабываемом для меня 1977 году я впервые оказался на Пай-Хое, на реке Каре. Помимо массы разных геологических диковин, Кара знаменита еще и тем, что в районе поворота ее течения с субширотного на субмеридиональное расположена «кальдера» возле острова Марей-Го — уникальное место, где когда-то, на рубеже мела и палеогена, произошла глобальная катастрофа — здесь «шарахнул» колоссальный метеорит, создавший, в числе прочего, и громадную Карскую депрессию, видную на любой географической карте. Упомянутая «кальдера» Марей-Го со-

[55] Теперь, на склоне лет, я знаю, что то, что мы раньше (как и все другие) именовали «шамозитом», является на самом деле — бертьерином. (*Примечание-2011*).

здана небольшим осколком этого гигантского метеорита, а для геолога удобна тем, что горные породы-*импактиты* (продукты ударного метаморфизма пород «мишени») здесь прекрасно обнажены по берегам Кары. Наши геологи (М. В. Фишман, Н. И. Тимонин, потом Саша Беляев и многие другие) отдали дань этому замечательному геологическому объекту, тогда как академик Юшкин (некогда описавший здесь импактные алмазы!) со своими аспирантами продолжает изучать его минералогию и до сих пор.

И вот в одном из маршрутов, существенно выше по Каре от «кальдеры» Марей-го, в самую межень конца августа, мне посчастливилось найти на низком (обычно скрытым под водой) бечевнике Кары весьма необычные кремневые брекчии с сульфидным оруденением. Между тем, на геологических картах наших воркутинских коллег, классных геологов А. С. Микляева и М. А. Маслова, никаких брекчий здесь показано не было. Когда Анна Николаевна тщательно изучила брекчии под микроскопом, то оказалось, что это — не что иное как импактиты! Только в отличие от *пермских* импактитов Марей-Го, развитых по субстрату угленосных граувакк, здесь обломки были представлены *девонскими* кремнями. Я понял, что случайно (сухое лето, низкая вода в Каре) наткнулся на более далекий выброс раздробленного вещества горных пород из метеоритного кратера — а именно, здесь выпали продукты разрушения самых нижних слоев его ложа. Дело в том, что когда вещество выбрасывается из кратера, то верхние слои разрушенной мишени ложатся ближе, а нижние — дальше от кромки кратера.

Полевая коллекция оруденелых брекчий была настолько интересной, что еще ДО ТОГО (т.е. задолго до того, как я вернулся в Сыктывкар и сделал шлифы) — я в Воркуте принес ее показать главному геологу ВКГРЭ М. А. Маслову. Мне было важно узнать у этого опытнейшего талантливого геолога, который ранее изучал карские импактиты — не встречал ли он таких пород раньше? Маслов честно ответил, что *таких* брекчий он не видел, чем успокоил мою душу (действительно, что за радость «открывать» то, что давно открыли до тебя?). Однако благородства ему хватило не надолго. Когда мы некоторое время спустя сочинили с Анной Николаевной статейку об этих импактитах, она принесла ее Маслову — он по должности должен был подписывать Акт экспертизы, без чего в советские времена никакую статью опубликовать было нельзя. Видимо, в душе Маслова взыграла ревность — и он безо всяких объяснений категорически отказался подписать Акт.

Увы, и в нашем Институте также не удалось опубликовать эту бедную заметку, ибо редактор петрографического сборника, крупнейший знаток геологии Полярного Урала Виталий Николаевич Охотников (даром, что он был давним приятелем Анны Николаевны и очень тепло относился ко мне) с горячностью заявил, что он-де с готовностью возьмет нашу статью ... если я уберу из неё рассуждения о метеорите. Охотников был яростным противником космической (импактной) природы Карской депрессии, объясняя ее происхождение (и мощный молодой магматизм) вполне «земными» событиями — пересечением в этом месте глубинных разломов земной коры. К великому сожалению, такая нетерпимость к альтернативным мнениям коллег была (и есть!) присуща многим крупным геологам. И это было причиной того, что некоторые статьи с неортодоксальными идеями так и не доходили до печати.

Так случилось и с нашей скромной заметкой. В итоге она провалялась в архивной папке с 1977 до 1992 г., когда я, наконец, опубликовал ее в основанном группой воркутинских, ухтинских и сыктывкарских энтузиастов «частном» журнале «Народное хозяйство Республики Коми».

Однако эта история имела неожиданное продолжение. Как-то я заглянул по делам в кабинет нашего директора академика Юшкина и застал его за чтением нашей статейки. В заметном возбуждении, он протянул мне один из своих старых пайхойских полевых дневников, где, как оказалось, он задолго до меня описал эти самые брекчии!

— Вот, понимаешь ли, просто руки у меня не дошли — изучить коллекцию и опубликовать! — огорченно сказал Николай Павлович, а я ему лицемерно посочувствовал...

Отдельно хотелось бы сказать о такой вещи, которая мне профессионально особенно дорога — об углях. А. Н. Шулепову все знают как петрографа «для всех», т. е. всю жизнь «пахавшей» на определительских работах — что ей принесут геологи, то она и описывала. Но мало кто уже помнит о том, что она была автором уникальной *тематической работы* по изучению минеральных примесей в углях Печорского угольного бассейна. Не могу сказать с полной уверенностью, но думаю, что написанный ею в 1956 г. замечательный отчет был одним из первых в СССР

исследованием такого рода. Это был воистину каторжный труд, притом выполненный на самом примитивном оборудовании. А с блеском защищенный отчет (в числе «оппонентов» был Сам великий Войновский!), по объему и характеру изученного материала, по глубине и тщательности его проработки — вполне мог бы послужить иному (но только не ей, петрографу-напроизводстве, бесконечно далеком от Большой Науки!) основой для полноценной кандидатской диссертации!

О многом другом «петрографическом» в моей жизни, связанным с Анной Николаевной, я мог бы вспомнить — но для этого данной брошюры явно не хватит, понадобилась бы целая книга...

Все же один из последних эпизодов я должен отметить — он пригодится будущим историкам изучения алмазоносности Республики Коми.

В 2001 г. прекрасный воркутинский (а тогда уже сыктывкарский) геолог Галина Яковлевна Казанцева заподозрила присутствие алмазов в керне скважины, пройденной по пермским отложениям Западного Притиманья. И действительно, при термохимической обработке одной из проб наша Татьяна Шумилова — нашла алмаз! Это было выдающееся открытие. Из лиц, имевших то или отношение к открытию и определению алмаза, следует назвать сыктывкарца С. Н. Митякова, петербурженку Л. И. Лукьянову, москвичей В. А. Кононову и Ю. К. Голубева, наших институтских — Л. А. Янулову, В. Н. Филиппова, И. И. Голубеву.

Однако будущим историкам нужно знать, что еще ничего не зная о будущем открытии, шлифы Казанцевой описывала Анна Николаевна (с моей скромной помощью). Хитрая Галя потихоньку от нас подсунула эти же шлифы еще четырем (!) специалистам в Сыктывкаре, Москве и Петербурге. И все дали разные диагнозы! Так, петрографиня из ГИН РАН назвала породу «оолитовым известняком», наша Лена Малышева, крупный специалист по терригенной перми, — «узнала» в породе свои любимые палеопочвенные «калькреты», а наша петрографиня Ира Голубева — наоборот, свои любимые эндогенные «туффизиты».

Ничего этого не ведая, мы с А. Н. также сочли возможным определить породу как *туфогенную*, отметив, помимо присутствия анальцима (вероятного продукта перерождения вулканогенных полевых шпатов), её удивительную *иерархическую структуру* (вложенные друг в друга, словно матрешки, шарики, которые мы сочли былыми газовыми пузырями) и присутствие в ней странных идиоморфных кристаллов, чем-то замещенных (возможно, былых оливиновых?). ***В свете последующей находки алмаза, похоже, что Анна Николаевна оказалась ближе всех к истине.*** И пусть о ней не забудут (как это нередко бывало в прошлом), когда начнут навешивать ордена на шеи тех, кого «там не стояло»...

В 1997 г., выступая на торжестве по случаю 50-летия Полярно-Уральской экспедиции (известный всем нашим геологам «110-й километр» железной дороги Сейда-Лабытнанги, построенной через Урал на костях заключенных в самое тревожное время Отечественной войны по приказу Сталина), Анна Николаевна произнесла, обращаясь к присутствующим, такие прекрасные слова:

— Я люблю вас всех, мои дорогие геологи, и счастлива тем, что избрала в жизни геологию — самую лучшую в мире специальность. Потому что ею заняты самые лучшие в мире люди.

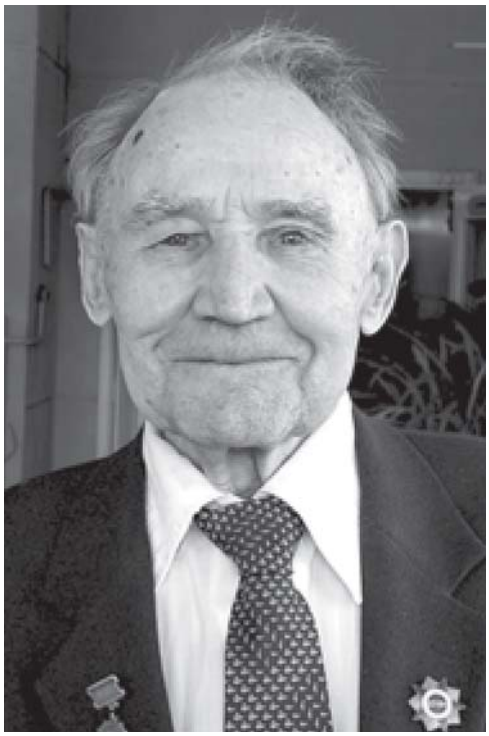
Но если наша геологическая популяция и в самом деле такая элитная, как это ей представляется — то не в последнюю очередь это объясняется именно тем, что среди нас есть такие прекрасные люди, как Анна Николаевна!

А закончить я хотел бы тем же, с чего начал. Пусть и в 2025 году, когда Анне Николаевне исполнится 100, явился бы к ней фотограф — и снял ее за микроскопом!

И я думаю, что это — вполне вероятно; ***во всяком случае, я ей этого от души желаю!***

* * *

Никифор Александрович Шуреков[56]



25 июня 1996 г. в нашем Институте произошло из ряда вон выходящее событие: была защищена докторская диссертация.

— Что же здесь необычного ? — спросит читатель. — Ведь это же нормальная практика работы Диссертационного Совета: рассматривать диссертации и присваивать ученые степени.

А необычным был возраст диссертанта — 80 лет! Притом перед советом явился отнюдь не дряхлый старец, а полный энергии творческий работник, который задиристо, упрямо и неутомимо отстаивал свои научные концепции (показавшиеся многим специалистам очень спорными).

Этим человеком был известный исследователь Печорского угольного бассейна, геолог и литолог-угольщик Никифор Александрович Шуреков.

В основу своей докторской диссертации он положил громадный материал по стратиграфии, литологии и угленосности бассейна, который он собирал 40 лет! А для обоснования своей оригинальной концепции углеобразования диссертант привлек солидную геолого-географическую литературу.

В итоге произошло удивительное событие: хотя оппоненты и большинство членов Диссертационного Совета не согласились с оригинальной концепцией углеобразования (которую можно назвать гидрогеологической), развитой диссертантом и опубликованной в двух его монографиях — все они оказались единодушны в оценке многолетнего труда геолога — ДОКТОРСКОЙ СТЕПЕНИ ДОСТОИН! Трудно даже припомнить другой аналогичный случай в науке...

Жизненный путь нашего диссертанта был настолько тернист, что можно лишь удивляться его живучести и беспредельной преданности любимому делу — геологии. Родился наш доктор 9 июня 1916 г. в чувашской крестьянской семье, в селе Старые Алгаши б. Симбирской губернии (ныне Цыльненский р-н Ульяновской области). В 1932 г. он окончил школу-семилетку и пошел «в люди» — стал работать в колхозе «Правда». Впрочем, через год, как и миллионы крестьян в эти годы индустриализации СССР, он перешел в ряды рабочего класса и отправился на стройку завода в Новом Сормове (Нижн. Новгород). Но, видимо, в генах крестьянского парня была заложена страсть к знаниям; с 1934 г. он снова учится: сперва на рабфаке при Ульяновском пединституте, а с октября 1935 г. Н. А. становится студентом геолого-почвенного факультета знаменитого Казанского университета.

В эти годы в Казани преподавали профессора Л. М. Миропольский и В. А. Чердынцев, и, в сущности, еще молодые люди — доценты (ставшие впоследствии профессорами) Е. И. Тихвинская, А. В. Миртова, С. Г. Каштанов, Б. В. Селивановский. Заметим, что многие из них в свое время учились у выдающегося геолога — Михаила Эдуардовича Ноинского (1875—1932), чей вклад в геологию был исключительно высоко оценен акад. Н. М. Страховым в труде по истории российской и советской литологии (Страхов, 1971, с. 154—161).

В феврале 1941 г. наш герой получил университетский диплом с отличием и тотчас был направлен к черту на кулички — в городок Вытегру Вологодской области, работать в должности инженера-геолога одной из партий Главгидростроя СССР. Партия эта занималась гидрогеологическими изысканиями по трассе строящегося Волго-Балтийского канала. Вот откуда, оказывается, тянется стойкая привязанность Н.А. к гидрогеологии!

Трудно сказать, как бы дальше сложилась карьера молодого геолога, но наступил роковой для нашей страны день — 22 июня 1941-го... Геолог Шуреков был немедленно призван в Крас-

[56] **Опубликовано (в соавторстве с Г. П. Каневым) в газете «Геолог Севера», 1997, 23 мая, № 9 (354).**

ную Армию, получил в петлицы кубики младшего лейтенанта — командира огневого взвода и вместо занятий гидрогеологией оказался в самом пекле на Северо-Западном фронте.

Он не погиб и не был ранен — просто не успел, так как очень скоро под Псковом оказался в плену. Потом он проходил круги немецкого ада, мотаясь по лагерям военнопленных в Двинске, Эденроде, Старгороде, Берлине, Вайдене... Ему удалось выжить и дождаться конца апреля 1945 г., когда его освободили наступавшие части Красной Армии.

Но радость узника немецких концлагерей оказалась недолгой. Очень скоро он уже мог сравнивать их с советским Печорлагом, который «специализировался» на строительстве железной дороги Котлас-Воркута. Вряд ли бы Шуреков дожил до своей докторской защиты, не будь этой лагерной «специализации», благодаря которой его инженерно-геологическая квалификация пригодилась! Сперва его назначили на стройке техником, потом инженером и даже старшим инженером (ноябрь 1946–май 1949). А потом и вовсе повезло: выпустили из лагеря и отправили на спецпоселение, на север республики Коми. Современной молодежи уже непонятен настоящий смысл этого слова, но в царские времена это называлось проще: «ссылка под гласным надзором полиции». Тем не менее, по сравнению с лагерем спецпоселение было счастьем...

Увы, и такое «счастье» оказалось совсем коротким. В 1949 г. на страну снова накатилась черная волна репрессий: для великих строек нужны были новые миллионы рабов. В первую очередь всемогущие «органы» стали подметать людей, уже единожды сидевших (скорее всего, не перевоспитавшихся и, следовательно, очень опасных). 23 мая 1949 г. постановлением знаменитого ОСО (Особого Совещания), заменявшим судебную расправу, Н. А. Шуреков получил новый срок по не менее знаменитой статье 58, п. 1б — 10 лет! Теперь его отправили геологом в Казахстан, на шахту в г. Абай Карагандинской области.

Лишь через два года после смерти «отца народов» в 1955 г. — заключенный геолог Шуреков обрел, наконец, свободу. И уже после того, как добился реабилитации, стал он по праздникам получать свои законные юбилейные медали — общим счетом 9...

В мае 1956 г. Шуреков вернулся в Коми республику — туда, где оставалась его семья. По существу, лишь с этого времени его жизнь стала похожей на нормальное человеческое существование. Ему уже стукнуло 40.

Позади война, лагеря и ссылка. И Н. А. с огромным желанием, можно сказать, со страстью, с упрямством и вдохновением — набросился на изучение геологи Печорского угольного бассейна. Когда пройдут годы, то в итоге окажется, что он отдал бассейну ни много, ни мало, 40 лет!

Надо сказать, что как в довоенные годы в Казани, здесь ему снова повезло с наставниками: на Воркуте трудились выдающиеся геологи, такие как К. Г. Войновский-Кригер, Г. Л. Стадников, В. В. Погоревич, А. В. Македонов, Г. М. Ярославцев, Б. Л. Афанасьев... Последний был к тому же крупным руководителем, хорошо разбиравшимся в людях. Именно он в 1960 г. перевел Н. А. Шурекова из Интинской ГРЭ на тематическую работу в Воркутинскую комплексную экспедицию.

Тематическая работа в производственной геологии — это, по существу, та же научная. Она очень понравилась нашему герою, который всегда старался отыскивать в природе «причину вещей». Он с азартом включился в разработку темы «Составление генерального проекта поисков углей в Печорском бассейне» под непосредственным руководством таких асов, как Ярославцев и Македонов. В итоге в 1965 г. была опубликована знаменитая монография — том 3 (Печорский бассейн) в серии «Геология месторождений угля и горючих сланцев СССР». В этом томе заметна и его лепта: описание Тальбейского и Среднеадзьвинского месторождений. В действительности, вклад Н. А. больше: ведь в описании месторождений Инта-Кожимского района составители использовали и его материалы 1956—60 гг.

По мере накопления регионального опыта Н. А. Шуреков постепенно выдвигается в ряды лучших знатоков бассейна. В круг его интересов входят проблемы расщепления угольных пластов, литологии, причин углеобразования. И в эти годы у него зарождается стержневая идея будущей монографии (1991) и докторской диссертации — причинная связь углеобразования с водонапорными артезианскими бассейнами.

Важное событие происходит в его жизни в 1976 г. — производственный геолог защищает кандидатскую диссертацию «Пермские угленосные отложения юга Печорского бассейна». На уха-

бистом пути к заветным «корочкам» его ангелом-хранителем оказался известный геолог, казанский профессор Иван Степанович Муравьев, знаток карбона и перми Сев. Приуралья (1922—1990). Именно ему он посвятил свою первую книгу «О гидрологической и гидрогеологической сущности угленосных отложений».

Как бы наверстывая все те годы, которые он провел в неволе, уже очень немолодой геолог Шуреков развивает бурную научную активность, выступая с докладами на многочисленных производственных и научных форумах в Иркутске, Свердловске, Перми, Сыктывкаре, Нарьян-Маре, Архангельске, ведет интенсивную научную переписку с учеными ленинградского ВСЕГЕИ, московского ГИН и с нашими стратиграфами.

Похоже на то, что разменявший девятый десяток доктор Шуреков отнюдь не собирается уходить на «заслуженный отдых» (хотя в данном случае, признаем — более чем заслуженный...). Он по-прежнему погружен в проблему поисков печорских углей, а конкретно — на одной из перспективных площадей Инта-Кожимского района. С юношеским азартом он описывает керн и смотрит шлифы, строит колонки и разрезы, пишет геологические отчеты...

Трудная судьба, но зато какая же поучительная! Надо так любить свое Дело, как Никифор Александрович Шуреков, чтобы суметь все перенести, сохранив в себе живую душу и страсть к работе. Пока в России не перевелись такие люди, как Шуреков — нам, по правде говоря, нечего опасаться.

* * *

Лев Мигунов[57]

Со Львом Мигуновым я учился на одном курсе геологического факультета МГУ (1954—1959), но, как помнится, не сказал и двух слов; наш курс был очень большой, Лев был в группе геологов, а я — геохимиков.

Однако не заметить Льва было невозможно — это был жизнерадостный круглолицый румяный юноша в суворовской форме — единственный такой на всем курсе! Он словно бы сошел с замечательной картины художника Решетникова, где изображен в дверях внук-суворовец, прибывший домой на каникулы, а около наряженной новогодней елки стоит по стойке «смирно» его седоусый вояка-дед — и отдает ему честь! Глаза обоих светятся радостью и любовью. Вот таким — полным радости, румяным и жизнерадостным — я его и запомнил после университета, после окончания которого мы не виделись более четверти века.

И вот, как-то в конце 1980-х гг. ко мне в кабинет робко постучал одутловатый, сильно подержанный малый с заискивающим взглядом, выглядевший настоящим стариком, назвал меня Яковом Эльевичем (вместо Яшки) и в самых униженных выражениях попросил содействия в устройстве на работу в Институт.

Контраст с румяным мальчиком-суворовцем, которого я помнил с первого курса университета, был просто поразительным; если бы он не назвал себя — я сам ни за что бы не узнал его. Но самое ужасное было не столько в изменении его экстерьера (все мы с годами делаемся развалинами) — а в его жалком поведении, выработанном долгими годами тяжелой жизни. От этого мне стало совсем не по себе. Однако все мои попытки перевести разговор в беседу однокурсников на равных — Львом упорно игнорировались, и он

[57] **Опубликовано: Вестник Ин-та геологии, 2004. Сентябрь, № 9 (117). С. 33—35.**

продолжал обращаться ко мне не как Левка к Яшке — а как униженный проситель к важному чиновнику (каковым я никогда не был).

Оказалось, что уже в течение многих лет у него было какое-то заболевание типа шизофрении (?), и по этой причине отделы кадров отнюдь не горели желанием принимать его на работу. Сейчас я уже ничего в деталях не помню, но он долго рассказывал мне о своих запутанных и трудных семейных обстоятельствах. Опять-таки, ничего толком не знаю, но думаю, что находясь под многолетним психологическим прессингом, он крепко пил (вполне возможно, что я ошибаюсь).

Такова была наша по существу первая встреча с крупным гидрогеологом, навсегда записавшим свое имя в науке — кандидатом наук Львом Владимировичем Мигуновым. После того, как он устроился в наш Институт, дела его пошли на поправку, он повеселел и посвежел, через несколько лет подал заявку на открытие и принялся активно сочинять докторскую, которую намеревался опубликовать в виде монографии. Вот в этих делах я, как умел, — активно ему помогал в качестве научного редактора, и мы с ним близко сошлись на основе совместной работы в теплой обстановке взаимной симпатии.

Хотя «открытие» ему не утвердили, диссертацию он защитить не успел, а книжка «Инфильтрационная минеральная зональность надсолевых толщ» (Л.: Наука, 1994, 150 с.) вышла уже после его смерти, ***Лев Мигунов оставил миру в своей единственной книге важное научное наследство.*** Поэтому знакомство с монографией Л. В. Мигунова может обогатить каждого геолога — не только вследствие большой содержательности этой книги, но и по причине ее чисто методологического изящества.

Дело в том, что основное содержание этой книги действительно составляет научное открытие. Л. В. Мигунов обнаружил, что в верхнепермской надсолевой толще Верхнекамского района (а затем и в некоторых других районах, которые, впрочем, ему не удалось изучить с той же детальностью) сверху вниз по разрезу закономерно изменяется состав эпигенетической минерализации, заполняющей тектонические трещины в осадочных породах.

Сначала, примерно до глубины 160 м, располагается зона, где трещины заполнены кальцитом совместно с гидроксидами Fe и Mn. Ниже, в интервале глубин 160—190 м, трещины заполне ны только кальцитом; еще ниже, до глубины 210 м — волокнистым гипсом. Затем до глубины 250 м следует зона бесцветного галита, а под нею — на вскрытую скважинами глубину (до 400 м) — трещины выполняет розовый галит совместно с халцедоном и мелкозернистым гипсом.

Минералы нижней зоны автор трактует как продукты *глубинного эпигенеза* (в терминах известной книги петербургского геолога-нефтяника Б. А. Лебедева, 1992 г.); минералообразующие растворы-гидротермы поступали сюда снизу — из более глубоких горизонтов осадочной толщи.

Но три вышележащие зоны — это результат *инфильтрационного эпигенеза*: растворы просачивались сверху. При этом происходили сложные процессы растворения твердых фаз в одних горизонтах разреза и осаждение их в других. Эти процессы ему удалось вполне убедительно промоделировать на ЭВМ с помощью специальной программы.

В общем, физическая суть обнаруженного Львом Мигуновым минералогического феномена крайне проста: чем ниже по разрезу, тем все более растворимые эпигенетические минералы появляются в качестве заполнителей трещин. Однако, вникая в рукопись его книги, я был впечатлен тем богатством выводов и приложений, которые он сумел извлечь из своего открытия. Опираясь всего на одну (но зато — фундаментальную!) эмпирическую закономерность (минеральная зональность эпигенеза) — ему удалось получить не менее шести новых, важных и нетривиальных результатов.

Во-первых, он ввел понятие о новых геологических границах. Таковыми и являются, согласно Л. В. Мигунову, границы между зонами с разным составом инфильтрационных минералов — *секущие по отношению к стратиграфическим и литологическим границам*. Когда я уже заканчивал редактирование его книги, пришел Лева и, очень довольный моей работой, «намекнул» мне (как в известном неприличном анекдоте)[58], что было бы совсем хорошо, если бы редактор в

[58] На завалинке лузгают семечки Маня и Дуня. Появляется Ваня.

Ваня. Дунька, пошли....!!

Дуня (хихикая, Мане): Слыхала? Намекает!

своем предисловии ненавязчиво предложил бы назвать эти новые границы — *границами Мигунова*. Опять же (как в другом известном анекдоте, вполне приличном) — «я так и сделал»[59].

Во-вторых, им показано, что «границы Мигунова» — неровные. В частности, они куполовидно изгибаются под руслом крупных рек, повторяя аналогичное залегание минерализованных подземных вод.

В-третьих, выясняется, что некоторые четко индивидуализированные литологические тела в действительности являются не седиментогенными, а карстогенными, а потому основанные на них фациальные построения — по меньшей мере сомнительны. Соответственно, изменчивость химического состава таких тел по латерали приходится трактовать в терминах эпигенеза, а не седиментогенеза!

В-четвертых, выдвигается нетривиальная идея о том, что латеральная фильтрация подземных вод происходит не столько вдоль границ напластования (как мы привыкли думать), сколько по «границам Мигунова», которые разделяют не что иное, как гидрогеологические подразделения разреза. *Собственно гидрогеологические*, а не какие-то иные (литологические, стратиграфические, структурные), которые часто используются гидрогеологами.

В-пятых, обнаруживается ясная связь между тектонической структурой и гидрогеохимическими процессами: в антиклиналях идет растворение солей, а в синклиналях — их осаждение. Это неожиданно открывает возможность для решения обратной задачи: судить о былой тектонической структуре по составу эпигенетической минерализации! Более того, можно даже определить знак новейших тектонических движений.

В-шестых, помимо указанных, выполняются неочевидные палеогеологические реконструкции: определяется время формирования солянокупольных структур (миоцен) и время формирования тектонической трещиноватости (уфимский век поздней перми).

Но и перечисленное — оказывается, еще не всё! Возможен еще один важный теоретический вывод, который Лев Мигунов мог бы сделать — но не захотел, как я ни пытался его переубедить. ***Дело в том, что открытая и детально описанная Мигуновым инфильтрационная минеральная зональность, на мой взгляд, есть не что иное, как зональность коры выветривания надсолевых толщ***. Однако ограничившись чрезвычайно узким, догматическим пониманием коры выветривания (как образования сугубо субаэрального), Лева употребил немало усилий, чтобы убедить читателя в том, что описанные им процессы *не должны* трактоваться в терминах коры выветривания. Поскольку меня он нисколько не убедил, мне представляется, что ***на самом деле Лев Мигунов своей книгой внес заметный вклад в теорию литогенеза***, значительно обогатив наши представления о корах выветривания — а именно, показав, что из себя представляет мощная кора выветривания надсолевых толщ, находящихся в гумидной (Кама, Печора) и аридной (Вахш) климатических зонах.

Остается раскрыть «технологический» секрет исключительного успеха исследований Мигунова. Дело в том, что основой его работы послужили данные, полученные по Верхнекамскому району во времена щедрого государственного финансирования безумного «проекта века» — переброски северных рек в Каспий. Огромная удача для науки, что хотя проект (к счастью) не был реализован, он дал возможность геологам получить бесценную информацию о строении и составе пермской соленосной толщи. Именно на этих богатейших материалах и выстроена изящная концепция Мигунова. ***А изюминка работы заключается в том, что ему удалось использовать данные специального бурения без промывки до глубины 500 м. Только такая методика обеспечивает сохранение в породах растворимых эпигенетических минералов, и это придает материалам Л. В. Мигунова характер уникальных.***

Лев Мигунов ушел, не успев стать доктором наук (перечисленных выше тезисов хватило бы и на две диссертации), но безусловно успев внести свой неповторимый вклад в геологию.

---

[59] Одного судят за убийство партнера по карточной игре.

Судья: Подсудимый, расскажите суду, как было дело.

Подсудимый: Ваша честь, сели мы играть. Я захожу с пички, и покойничек — с пички. Я — с пички, и покойничек — с пички, представляете? Я — с пички…

Судья: Так Вы б его — подсвечником!

Подсудимый: Я так и сделал.

* * *

Ручей Тимониной[60]

В 1980 г. Римма Гавриловна подарила мне свою книжку с трогательной надписью: *«Единственному человеку, который читает мою книгу»*. Разумеется, это был такой юмор (вообще ей очень свойственный — женщина она была ехидно-обаятельная), но надпись имела предысторию. Дело в том, что я в самом деле очень внимательно, передав ей несколько страниц замечаний, изучал в 1978 г. её диссертацию — ту, что и была потом издана в форме книги.

В числе моих замечаний было и такое: я указал на возможность альтернативной трактовки обнаруженных ею на Кожиме дистен-хлоритоидных сланцев. Уже после смерти Риммы эта история получила неожиданное продолжение. В 1986 г. блестящий воркутинский геолог В. С. Озеров не только выяснил широкое площадное распространение на Приполярном Урале хлоритоидных и пирофиллитовых сланцев, но и нашел новый тип гидролизатных пород — диаспориты. Его не смутило, что красные диаспориты с гематитом, содержавшие до 63 % глинозема, сформировались по мало подходящему для бокситообразования субстрату — малдинским риолитам.

Он прямо назвал диаспориты — древними метаморфизованными «латеритными бокситами»[61].

Идея Озерова была встречена в штыки. Охотно признавая, что парень он талантливый — начальство полагало, что его представления чересчур уж завиральные. Тем более, что он кроме «латеритных бокситов» нашел еще и золото в тельпосских конгломератах O_1, прямо связывал его с теми же древними корами выветривания и домогался выделения средств на продолжение своих изысканий. Совместными усилиями Б. А. Яцкевича и А. А. Котова идеи Озерова были похоронены, а сам он с горя подался в Челябинскую губернию выращивать бычков...

Когда мне в 1986 г. довелось начать геохимические исследования метаморфических толщ Севера Урала — я считал своим моральным долгом продолжить дело, начатое Озеровым. И в 1987 г., еще раз внимательно перечитав соответствующее место из книжки Тимониной — отправился на разрез, описанный ею на безымянном ручейке в 2 км ниже устья р. Б. Каталамбию. Этот ручей я сразу же и нисколько не задумываясь о том, можно ли так делать — назвал ***Ручьем Тимониной***, и в дальнейшем использовал это название в двух публикациях 1992 г. — препринте и статье[62].

Ручей Тимониной круто сбегает с СВ бока хребта Росомаха прямо в Кожим, имея длину около 4 км. Километрах в трех от устья он расходится на две рассохи-составляющие, из которых лучше обнаженная правая (северная) берет начало из обрывистого ледникового кара у гребня хребта. Так как хлоритоидные сланцы выходили не очень далеко от устья, то я описал разрез только до развилки ручья, а дальше в гору лезть поленился. Потом выяснилось, что, по-видимому, так

---

[60] **Впервые опубликовано в газете Геолог Севера, 1995, 1 сентября.**

Перепечатано с дополнениями в сборнике: Петрология и минералогия севера Урала и Тимана. — Сыктывкар, 2005, с. 168—173. (Тр. Ин-та геол. Коми науч. центра УрО Российской АН. Вып. 119).

[61] В дальнейшем В. С. Озеров модифицировал свою идею и стал утверждать, что «латеритные бокситы» образовались по субстрату не риолитов, а кимберлитов, и, ради пущего эпатажа публики, назвал усыпанный конкрециями диаспоритов небольшой пятачок на Малдинском плато чуть выше каньона Алькесвожа — «Трубка Неудачная»!

[62] В настоящее время уже трудно даже перечислить все публикации (как наши, так и воркутинских геологов), где употребляется это название. — *Примечание-2005*.

же поступали и все мои предшественники — иначе то, что обнажается в каре, не могло бы остаться никем неописанным.

Прошло еще недели две, и ежедневное созерцание не посещенного мною кара (он был прекрасно виден из моего лагеря на левом берегу Кожима, рядом с устьем Бол. Каталамбию) стало меня раздражать. К тому же я вспомнил, что при описании разреза подобрал в аллювии валунчик красивого зеленого мрамора, который по берегам нигде не обнажался. Можно было предположить, что он принесен ручьем откуда-то сверху. В один прекрасный день в конце августа я вместе с В. Терешко снова отправился на Ручей Тимониной; с удовлетворением отмечая, что зеленых валунчиков вверх по ручью становится все больше — я не спеша поднялся, наконец, до самого кара. Здесь действительно оказались прекрасные скальные выходы зеленых мраморов, окраска которых вызывалась хлоритом и более поздним фукситом (впоследствии анализы показали, что хлорит — с никелем и хромом, а фуксит — с барием). Быстро выяснилось, что зеленые мрамора — это экзоконтактовые роговики по известнякам верхнерифейской мороинской свиты. А вот и эндоконтактовые роговики по базитам или, скорее, гипербазитам — хлоритовые сланцы. Они образуют серию мелких будинированных апофиз в мраморах.

Итак, на Ручье Тимониной мы имеем два геологических объекта, каждый из которых, несомненно, заслуживает статуса охраняемого геологического памятника (можно сказать — природного памятника Тимониной!):

— уникальные обнажения кианит-хлоритоидных сланцев (а также эффектного крупнокристаллического жильного кианита — такой штуф я сдал в наш музей); последующие исследования показали, что почти все хлоритоидные сланцы содержат и пирофиллит;

— редкое проявление красивого поделочного камня — зеленых мраморов (в 1993 г. я возил туда экскурсию учителей — членов Комиссии Верховного Совета Коми по науке и народному образованию — и они остались в полном восторге от увиденного).

Замечательной особенностью этих двух объектов является их ПРОБЛЕМНОСТЬ.

Первая проблема, так сказать, залегает в нижнем течении ручья Тимониной. Дело в том, что метаморфиты-гидролизаты проявляют свойства геохимической конвергентности. Они могли образоваться и так, как это представляла себе Тимонина — т. е. быть, в духе Коржинского, тыловой частью высокотемпературной метасоматической колонки — конечным продуктом процесса «кислотного выщелачивания». Но они вполне могут быть и продуктом древнего гипергенеза и последующего метаморфизма — т. е. метаморфизованной кембрийской корой выветривания по субстрату верхнерифейских сланцев и базитов мороинской свиты. Тем более, что в соседнем районе — на хр. Лапча и Малды очень похожие породы образуются по субстратам сланцев и базитов пуйвинской и саблегорской (маньинской) свит. Эта идея мне ближе, и за нее яростно бьется неукротимый Озеров, к счастью для геологии вернувшийся с «посевных площадей» на площади геологического картирования.

А вторая проблема отвесно «стоит» в скальных стенках кара в истоке Ручья Тимониной. Что это за гипербазиты такие, ороговиковавшие мороинские мрамора и сами при этом превратившиеся в хлоритовые сланцы? Уж не сивьягинский ли это «комплекс пикритовых порфиритов» Б. А. Голдина и В. П. Давыдова (1973), который нынче датируют поздним кембрием?

Этот вопрос с исключительной остротой встает потому, что НАКОПИЛАСЬ УЖЕ ЦЕЛАЯ СЕРИЯ ФАКТОВ О КАКОМ-ТО ТАИНСТВЕННОМ ПАЛЕОЗОЙСКОМ МАНТИЙНОМ «СОБЫТИИ», имевшем место в районе хр. Росомаха и Малды.

Во-первых, в аллювии здесь находили минералы-платиноиды. Во-вторых, А. А. Котов на Алькес-воже открыл россыпь палладистого золота. В-третьих, хотя россыпь уже отработали, в 1994 г. все тот же неугомонный Озеров сделал очередное открытие: он нашел на Алькес-воже проявление коренного золота! Им оказались зоны фукситизации (!) в казалось бы, исхоженных вдоль и поперек малдинских риолитах. Порывшись в наших сборниках, я тотчас выяснил, что самородное золото в протолочках малдинских риолитов еще в 1976 г. описал в своей статье Б. А. Голдин — но по свойственной «академикам» безалаберности не придал этому факту никакого значения — и не кинулся искать золото в риолитах...

В-четвертых, как только Озеров нашел это золото, наши минералоги М. Б. Тарбаев и С. К. Кузнецов быстренько установили, что оно — палладистое, и таким образом вопрос о коренном источнике алькесвожской россыпи был решен бесповоротно.

В-пятых, зоны фукситизации на хр. Малдынырд известны и в нескольких других местах вблизи межформационного контакта уралид с доуралидами. Вполне возможно, что и там они окажутся золотоносными[63].

Ну, и в-шестых — наши метагипербазиты и фуксит на Ручье Тимониной (кстати, не мешало бы поискать золото и здесь)...

Напрашивается мысль: не являются ли все эти факты уликами одного и того же Мантийного События, которое произошло то ли в кембрии, то ли гораздо позже — может быть, синхронно с интрузиями гипербазитов на Полярном Урале?!

Вот уж воистину — Проблема с большой буквы — такая, которой не стыдно и всю жизнь посвятить, особенно в аспекте новомодной (и главное, очень деньгоносной!) программы «Платина России». И вполне может случиться так, что уникальный рудный букет района Малды–Росомаха–Лапча (хрусталь + кварц + россыпное золото + коренное золото + найденный все тем же Озеровым алмаз[64] + редкоземельные диаспориты[65], которые и сами по себе могут быть керамическим сырьем, если уж не глиноземным) пополнится в недалеком будущем еще и платиноидами...[66]

Так оно будет или не так — мы скоро увидим; работа уже кипит, Озеров и наши геологи выехали в поле. Будем надеяться, что они приедут не с пустыми руками. Но в любом случае, как теперь уже очевидно, имя Риммы Гавриловны Тимониной останется в памяти геологов надолго, если не навсегда.

Послесловие-2005

Эта газетная статья 1995 г. представляет несомненный «исторический» интерес, так как в ней запечатлен тот момент, когда ныне всем известное золото-палладиевое месторождение «Чудное» (в малдинских фукситизированных риолитах) было уже найдено В. С. Озеровым, но еще не получило общепринятого названия!

Только в 1998 г. мне удалось заманить Озерова с хребта Малдынырд на ручей Тимониной; потом он побывал там еще раз, и нашел пластовое тело сильно измененных гипербазитов (которое мне при работах 1987 г. так и не удалось увидеть). Обо всём этом (и о многом другом, имеющем то или иное отношение к ручью Тимониной) можно прочитать в монографии «Геохимия древних толщ Севера Урала» (2002), в том числе и в специальном *Комментарии* к этой книге, где подробно разбирается история поисков и ошибок, открытий и разочарований в том районе Приполярного Урала, где когда-то прокладывала свои маршруты Римма Гавриловна Тимонина.

Литература,
упомянутая в газетной заметке и в Послесловии-2005

Вулканогенные комплексы рифея и нижнего палеозоя Севера Урала / Б. А. Голдин, М. В. Фишман, В. П. Давыдов, Е. П. Калинин. — Л.: Наука, 1973. 212 с.

Геохимия древних толщ Севера Урала / Отв. ред. академик Н. П. Юшкин. — Ред.-сост. Я. Э. Юдович и М. П. Кетрис. — Сыктывкар: Геопринт, 2002. 333 с.

Геохимия метаморфизованной коры выветривания в подошве уралид на Приполярном Урале / Я. Э. Юдович, М. П. Кетрис, А. В. Мерц, В. В. Терешко. — Сыктывкар, 1992, 32 с. (Сер. препринтов «Научные доклады». Вып. 288).

Голдин Б. А. Акцессорные минералы рифейско-раннепалеозойских комплексов Севера Урала // Магматизм и металлогения Севера Урала и Пай-Хоя: Науч. тр. / Ин-т геологии Коми фил. АН СССР. — Сыктывкар, 1976. — Вып. 22. С. 58—81.

Золото-палладиевая минерализация в риолитах на Приполярном Урале / С. К. Кузнецов, Л. И. Ефанова, М. Б. Тарбаев, А. А. Соболева // Гранитоидные вулкано-плутонические ассоциации: петрология, геодинамика, металлогения: Информ. матер. Всерос. совещ (21—23 мая 1997 г., г. Сыктывкар). — Сыктывкар: Геопринт, 1997. С. 36—38.

---

[63] Это предположение в дальнейшем как будто не подтвердилось. — *Примечение-2005*.

[64] В керне скважины на участке «Самшитовый», вблизи месторождения «Чудное». (*Примечание-2005).*

[65] Ныне этим замечательным породам посвящены не только статьи, но даже целые книги. (*Примечание-2005).*

[66] Уже пополнился. — *Примечание-2005.*

Никеленосные карбонатные роговики на Приполярном Урале / Я. Э. Юдович, М. П. Кетрис, А. В. Мерц, В. В. Терешко. — Литология и геохимия осадочных формаций Северо-Востока европейской части России. — Сыктывкар, 1992. С. 4—19. (Тр. Ин-та геологии Коми НЦ УрО РАН. Вып. 79).

Новый золото-палладиевый тип минерализации в Кожымском районе Приполярного Урала (Россия) / М. Б. Тарбаев, С. К. Кузнецов, Г. В. Моралев и др. // Геология рудных месторождений. — 1996. — Т. 38, № 4. С. 15—30.

Озеров В. С. Метаморфизованные россыпи золота Приполярного Урала // Руды и металлы, 1996.— № 4. С. 28—37.

Озеров В. С. К вопросу о генезисе рудопроявления золота Чудное (Приполярный Урал) // Золото, платина и алмазы Республики Коми и сопредельных регионов: Матер. Всерос. конф. (17—19 февраля 1998 г., г. Сыктывкар). — Сыктывкар: Геопринт, 1998. С. 16—18.

Тимонина Р. Г. Петрология метаморфических пород Приполярного Урала. — Л.: Наука, 1980. 102 с.

* * *

Незнакомый Молин[67]

Можно ли проработать с человеком лет 35 в одном институте — и не сказать с ним «двух слов»? — Отвечаю по своему опыту: очень даже можно. В нашем институте есть лица, с которыми я не только двух, но, как будто, даже и одного слова не сказал...

Что касается Молина, то «два слова» — это, конечно, преуменьшение, но очень небольшое... Мы перекинулись за эти десятилетия с Молиным, вероятно, двумя десятками слов, но не больше. — Как это возможно? — Да ничего странного в этом нет. Разные лаборатории, разные специальности, разные интересы, разные компании. И на этом фоне фактически полного незнакомства с Молиным — тем более странно, что мне, как оказалось, есть что вспомнить. Я сам этому удивляюсь...

Первый раз мы контактировали с Молиным, когда в отделе горючих ископаемых под само собой разумевшимся водительством В. А. Дедеева была подготовлена брошюра-препринт по горючим сланцам, в которой отчего-то должен был принять участие и я, хотя я категорически избегал любого сотрудничества с Дедеевым. Ибо это «сотрудничество» всегда выглядело одинаково: Дедеев споро сколачивал рабочий коллектив, побуждал членов коллектива или дать свои материалы или что-то написать, потом ставил впереди свою фамилию — и в свет выходила очередная статья, брошюра или книжка. Правда, сказывают, что Дедеев все написанное редактировал, однако я считал, что эти две вещи должны быть разделены — редактор есть редактор, автор есть автор. Редактор не должен быть автором, если он не написал ни строчки.

Тем не менее, ЭТО случилось: уже не помню, как и почему, но я оказался в авторском коллективе брошюры «Прогноз сланценосности Европейского Севера СССР» (1981)[68]. Хотя в брошюре были геологи и с производства, ясно, что авторами были в основном «академики» — сотрудники Коми филиала АН СССР. Поэтому я нисколько не удивился, когда именно Молин вручил мне текст уже написанной брошюры и попросил «внести свой вклад». В силу вредности своей натуры я, конечно, не мог просто так написать свой раздел и отдать Молину. Я прочел текст

[67] **Опубликовано: Вестник Ин-та геологии, 2006, март, № 3 (135). С. 27—18.**

[68] ***Прогноз сланценосности*** Европейского Севера СССР / В. А. Дедеев, Л. Ф. Васильева, В. М. Капитанов, В. А. Кропотова, В. А. Молин, А. М. Павлов, Я. Э. Юдович. — Сыктывкар: Коми фил. АН СССР, 1981, 36 с. (Сер. препринтов сообщений «Научные рекомендации — народному хозяйству». Вып. 29).

брошюры от начала до конца, содрогнулся от массы найденных ошибок (как смысловых, так и грамматических), перечиркал рукопись красной ручкой и много чего добавил еще на полях... И все это — вручил Молину. Тот при мне посмотрел бурый от исправлений текст, весело хмыкнул, крякнул... и сказал «Спасибо!». Потом, когда брошюра вышла, я специально проверил — оказалось, что Молин (разумеется, именно он занимался редактированием брошюры, а не стоявший первым автором Дедеев) — скрупулезно учел *все* мои замечания, даже самые микроскопические. Такие вещи не забываются — и я это запомнил.

Второй раз я имел дело с Молиным, когда на Ученом совете Института обсуждалась рукопись нашей книги «Геохимия черных сланцев», представленной к печати[69]. Как водится, рукопись должны были прочитать члены Ученого совета и дать свои замечания. (Это было в советские времена, когда рукописи еще читали; потом члены Совета уже только расписывались — не читая, так что стало возможным напечатать любую ахинею).

В числе читателей оказался и Молин. Дело в том, что в рукописи был обширный «стратиграфический» раздел — описание черносланцевых стратонов от архея до голоцена включительно. Видимо, стратиграфу и палеонтологу Молину это показалось интересным. Он сразу нашел ошибки в названиях фауны или флоры, но меня впечатлила добродушность его замечаний: он не рвал, не метал, не клеймил авторов за безграмотность, а написал на полях своим изящным почерком что-то очень забавное, вроде того, что хорошо бы авторы более чутко относились к ни в чем не повинной фауне и флоре. Я пошел его благодарить за замечания, и вот, можно сказать, второй раз в жизни — случилось немного поболтать с Молиным.

И в третий раз мы встретились на «литературной» ниве. Молин в соавторстве с архангельскими геологами подготовил брошюру по марганценосности юры Северного Тимана. Я, как тогда еще примерный член Ученого совета, ее прочитал и выяснил, что авторы оказались не в курсе нашего (институтского!) приоритета — если не открытия марганцевых руд, то, по крайней мере — их изучения. Ведь это именно в моей статье с Мишей Даниловым были впервые описаны марганцевые руды на речке Безмошице. Решивши не обременять Молина замечаниями и поправками, которые ему надо было исхитриться внести в текст — я просто заново переписал «исторический» кусок текста и вручил Молину, посоветовав использовать по его усмотрению. И снова, как много лет назад, Молин совершенно безропотно, не изменив ни единой запятой, поместил в брошюре этот текст.

При этом отмечу характерный момент. В упомянутой «приоритетной» статье я высказал мысль (практически ничего не зная о геологии Тиманского региона), что марганец в юрское море поступал с СВ — с Тимана. Молин же, на основании неизмеримо более обширных материалов, накопившихся за 15—20 лет, развил более правдоподобную идею о том, что источником марганца могла быть только западная суша. Но как аккуратно и уважительно он меня опровергал! В итоге я оказался как бы и не виноват в том, что дал по существу неверный прогноз для поисков руд — Молин с тонкой деликатностью намекал читателю: мол, какой может быть спрос с Данилова-Юдовича, если геологи в те годы о тиманской юре еще так мало знали...

Последний раз я запомнил Молина на его 70-летии. Всегда веселый и общительный, в этот свой юбилей он был откровенно подавлен — и я обратил на это внимание. Видимо, он что-то уже знал или предчувствовал.

И вот теперь, внимательно (в качестве редактора)[70] прочитав все написанное о Молине его коллегами и учениками, я пожалел, что не был с ним знаком ближе. Ибо теперь очевидно, что Молин был по-настоящему крупной и к тому же — светлой, обаятельной личностью, окруженной всеобщим уважением и любовью.

В. А. Молин ушел от нас слишком рано, но мы (пока сами живы) его никогда не забудем.

---

[69] ***Юдович Я. Э., Кетрис М. П.*** Геохимия черных сланцев. — Л.: Наука, 1988, 272 с.

[70] Речь идет о брошюре: ***Лыюров С. В., Канев Г. П.*** Владимир Афанасьевич Молин. — Сыктывкар: Геопринт, 2006. 60 с. (Мой фрагмент «Незнакомый Молин» — это с. 33—36 в указанной брошюре. По просьбе Н. П. Юшкина он был перепечатан в «Вестнике»).

* * *

Фосфорные размышлизмы от Яна Нюссика[71]

Предисловие-1 в форме уведомления

В январе 2004 г. на Заседании Ученого совета сыктывкарского Ин-та геологии, директор, академик Н. П. Юшкин передал мне полученные им от бывшего сотрудника Отдела минералогии, ныне эстонского фермера Яна Мяртовича Нюссика, листки с записями его мыслей на темы:

а) роли фосфора и фосфатного геля в природе;

б) строения материи и происхождения Вселенной.

Зачем Юшкин передал мне эти листки — осталось тайной. Но по привычке к порядку, эти эссе были мною перепечатаны с бережным сохранением орфографии и пунктуации оригинала. Ниже приведена в извлечениях первая часть этих эссе, снабженных, для удобства читателя, заголовками.

Предисловие-2 в форме справки

Ян Мяртович Нюссик работал в Ин-те с 1976 по 1984 г. в должности старшего научного сотрудника. Занимался вопросами экспериментальной минералогии и теоретическими исследованиями электрохимических процессов минералообразования и механизма кристаллообразования, получил (в дополнение к уже имевшимся трем) еще семь авторских свидетельств (на способы выращивания кристаллов неорганических солей, получения силикагеля и др.).

Работая в институте, опубликовал более двадцати научных работ (в дополнение к уже имевшемуся примерно такому же количеству). В числе последних:

Нюссик Я. М. Принципы слежения за ростом кристаллов. — Л.: Наука, 1979. 56 с.
Нюссик Я. М., Комов И. Л. Электрохимия в геологии. — Л.: Наука, 1981. 240 с.

В 1984 г. уехал на историческую родину в Эстонию, где и пребывал на хуторе Эльва, занимаясь сельским хозяйством и размышляя о Великом и Вечном.

Важность кустарной работы

С трудом могу писать компютером, но творчество получило свое начало с карандашом. Кустарная работа в цене.

Начало всех начал — юшкинский фосфорный гель

Только недавно 20 лет назад Н.П. открыл, исследовал и докладывал мин. Семинаре фосфорный гель («Ф.Г»).

Что думал о фосфоре старик Гинзбург

Илья Исаакович Гинзбург последние годы жизни посвятил фосфору («Ф»). Посещая Кашер Мукановом его в академической больнице (за универмагом Москва), его интерес и разговор были только о «Ф». Он считал, что миграция «Ф» невероятно загадочный в гипергенных процессах.

---

[71] **Опубликовано: Уральский геол. ж., 2008, № 5, с. 43—46.**

Знания на уровне секретаря райкома

Производители стиральных порошков свои знания о «Ф» тратят на бизнес и рекламу (Ариэль, Лотос) и их знания о «Ф» на уровне секретаря райкома.

Как японский солдат видит в темноте

Солдат знает, что в японской армии «Ф» используется для чтения карт, инструкции и текстов. Это сущенная мука морских рачков (рачки в море сами in vivo светятся; из них сущенная мука после прибавления H_2O in vitro тоже сильно светится: так сильно, что свободно можно читать.

Закон конкуренции — только для посредственности

Рыночная жизнь по всему шару идет по обычному схему: обычный и рядовой в рамках (законах) конкиренции; необыкновенный вне конкиренции.

Синяя гвоздика для Раисы Горбачевой

Когда Михаил Сергеевич в Таллинне, тогда селекционеры подарили Раисе синие гвоздики. Большое удивление! Целый месяц на рынке купили не красные а синие гвоздики. Потом покупатель охладился.

Английская чудо-редиска

В прессе писали, что в Англии один садовод возит на рынок редиску весом 5, 6, 7 кг. Покупатель любопытный и купит.

Рекордные тыквы

Каждый год идет несколько выставок по выращенной рекорд-тыквы. В 2001 году ежегодной выставке в New York представленная тыква 602 кг! В Швейцарии ~300 кг.

Усть-Цилемская аномалия

В Усть-Цильме растительность отличается особенно по своей пышности*. В Устье Дуная и Волги растительность богатый но не пышный как в Усть-Цильме

* Понимает «Ф» влияние, но не влияние азотистых удобрений необыкновенно большой рост.

Анионы-пентюхи

Не с трудом растения получают свои необходимые катионы (они легко мигрирующие, проникающие) Анионы (Si- анионы, «Ф»-анионы, Se-анионы) трудно проникающие, мигрирующие. Не регулируются ли рост пышности растений анионами, т. е. лимитируется — определяется анионами «Ф» (Si-анионы в изобилии, «Ф»-анионы в дефиците или лимите).

Мамонты как источник фосфора

Чтобы сделать гуляшь из зайца, надо прежде иметь кошка. Чтобы может образоваться «Ф. Г.», должен образоваться раствор «Ф» (фосфорных кислот). Чтобы может образоваться раствор фосфорных кислот, где-то должен быть источник «Ф» (фосфоритные залежи, кладбище маммонтов и т. д.)

Тихое место в тихий час

Предшествовать образованию «Ф.Г.», должен: 1) растворимость «Ф» 2) изменение pH (pOH) 3) «тихое место» (гель трудно образуется при смешивании) 4) «тихий час» (для образования геля необходимо время или требуется постоянство)

Жесткая вода вредит костям

«Ф» и Са создают самое устойчивое соединение, т. е. нерастворимое вещество. Кости животных вечные Присутствием жесткой воды запрет устойчивости [«Ф»-Са] снимается.

Вертолет и психоанализ — разные пути к Богу

По жизненному опыту Игорь Сикорского он на своем юбилее сказал, что обнаружение нового и открытие истин ведет к Богу. Зигмунд Фрейд в конце жизни с горечью отмечал, что в своем

научном творчестве остановился перед закрытой дверью с надписью «Бог». Они стали... Святой ... и Святой

Полиморфизм фосфорного геля

Мы условно можем «Ф. Г.» смотреть по внешнему и внутреннему содержанию кап слиз, слюна, сопли, мокрута, секрет, выделение, плазма, плевок, студен, энзимы, ферменты, клейстер.

Гиппократ это знал

По высказывания Гиппократа при функционировании живого организма важными являются: слиз, желчь, кровь

Универсальное уравнение Жизни

«Ф. Г.» = слиз, ...

Тайна Печорского засола семги

Известно в кулинарном искусстве: заяц или фазань должны висеть в кладовке, пока шкурка или перья падали бы со слизью на пол. Слиз развязает или разрывает хим. связи в белках. В среднем 7 дней закуска будет готова.

Семга с «петчерским тушком» тоже результат работы слизи. Великий гурман Буканов подчеркивает кулинарные особенности особенно по петчерский броженной рыбы.

Паук плюнет свою слюну в фитиновое тело жертвы, и через некоторое время уже оттуда вытягивает растворенные белки и фитины.

Мудрость моряка: резаешь палец, дефинфицируй со слюной. Даже СПИД не распространяется со слюной.

Один слиз влияет на другой слиз

Каждый слиз имеет свободную энергию S_c и поверхностную энергию S. Для «Ф. Г.» можно найти какой-то рабочий слиз. По касательной поверхности один слиз влияет на другой слиз, где влияние и реакция «Ф. Г.» идет само собой ($S < 0$), т. е. реакция распада и реконструкция «Ф. Г.» на касательных поверхностях двух слиз до «слияния» и для потребления нужд превращенного.

При исследовании выходит, что один сгусток слизи и другой сгусток геля-слизи работают взаимно со всей объемной системы. (по закону III Newtona: такой силой как лошадь тянет тележку, такой силой тележка тянет лошадь)

Аномальные тыквы растут на свалках

Аномальный рост отдельной тыквы оказывается не в поле богатыми минеральным и органическим удобрениями, а именно в нетронутых развалинах и свалках. Почему там? Провели полну ревизию в почвах полей и свалках. Отличительной чертой является: отношение численности Lumbricidae 1: 1200, в поле 5 видов, а нетронутых свалках 11 видов!

Дружная жизнь червей на свалках

В Объе в балансе равновесия пищевого стола живут 7 видов сиговых рыб: но ни один сиг и ни одна рыба не повредит пищевой стол другой. В нетронутых свалках живут взаимно 12 видов дождевых червей — Lumbricidae («L») Все они питаются от растительных клеток таким образом, что ни один вид «L» не повредит другого вида и не повредит живых растений.

Кушайте целлюлозу

Мы знаем, как трудно «переваривать» растительный целлолоз. Жвачные для разложения целлолоза имеют несколько желудка; С хлебом деревянной муки в ленинградкой блокады болели люди; В конце блокады кишечник человека «учился» переваривать целлолоз. Северные олени погибают. Марабу (канадский северный олень) кушает ягель и целлолоз

Lumbricidae в переводе значит «слизуны», «L» должен иметь особые соки-слизи, чтобы в кишечнике переваривать целлюлоз, реконструировать и упорядочнить уже новые продукты переваривания.

Анализ золы на фосфор — для подсчета числа клеток!

Из различных частей (корни, стебель, листья, цветы, семена) растении взяли равные весовые кол-во и эл. печке получили золу. 30 мг сжигали для спектрального анализа на пластинку. Результат: в золе листьев одинаковое кол-во Si и одинаковое кол-во «Ф» — 0.1—0.3 % !

Мы считаем, что для функционирования живой клетки in vivo требуется минимальное кол-во «Ф» в протеинах и белках, тогда кол-во «Ф» в золе показывает кол-во клеток.

Отчего медведь обожает овес

Я ничего не взял «с потолка и крыши». Я проверил экспериментально с иммитацией «Ф. Г.». Я нашел из книги, переведен в 1898! году с немецкого на русский... что единственный растворимый целлолоз — овес... поэтому медведь смотрит на овес как на лакомку.

Черви на овсянке, помидоры на салаке

Из овсяной крупы можно варить прозрачный 1 % и 2 % «Ф» слиз, посадить на прозрачный гель «L». Они же голые, но такой гель не токсичный и мягкий для голых червей. Токсичность и не токсичность проверили на белых мышах.

У моря специально выращивают помидоры «на салаках», туристы ищут помидоры, выращенные на «Ф». Результаты с иммитацией «Ф» Такой же. Нас не интересует сельскохозяйственный уклон «Ф. Г.», но процессы слиз-слиз

Гиены, крадущие фосфат

Влияние и действие слиз не важное только на слиз, а также на твердое тело

В природе известно, что гиена может питаться только костями (не считая роги и копыт). Технически на гиену можем рассмотреть как на машину переработки костного апатита, т. е. разлагать в природе не разлагаемые кости.

В сутки гиена в своем желудке может переварить 7—9 кг костного материала животных. Отбросы в виде мела <1 кг, и не объект микробиолога, а минералога. А куда остается «Ф». В отбросах «Ф» нет. Где «Ф»?

Отсюда возникается мысль, что «Ф. Г.» в организме прямо переваривается и усваивается как студень

Минздрав предупреждает: ЕС вредит вашему здоровью

В связи с тем, что вся Европейская система использует и обязывает в пищевых продуктах — от лимонада до любой закуски — вещества сохранения, консервированы, окраски, стимуляторов и т.д. Появляются новые явления: костные и суставные болезни; в могилах все сохраняется, святые в проблемах как поместить поступающих

Живучий Шаляпин

Многие гидрохимические вопросы и исследования оканчиваются с удивлением.

Удивляем, почему Шаляпин не умер... Каждый день на Кавказе пил в день 80! стаканов мин. воду и 18 раз! в день CO_2-ванн и вечером в куурзале еще пел и танцевал... и не умер.

Проблема внедрения науки в практику

Я сам не могу оценивать, являются мои рассуждения и мысли озолотить стенки института «с ситой воду таскать»: один в поле не воин.

Но по некоторыми простыми проверками интуиции, шестых чувств, гипотез, аргументов, коммунирующих в организме книжных истин дает основание мне сказать об этом: из далека иногда больше можно видеть.

Если образуется, формируется и существует «Ф. Г.» в природе, тогда должен быть техническое решение: получить природный «Ф. Г.», с техническими средствами с целью использова-

ния растениеводства, медицины-фармации, химии и хим. технологии. Более того внести свой вклад в натур-философию и поступить в один ряд Биржит Бардо, Юлия Роберты: каждый своими любимыми...

Получение фосфатного геля (вариант)

Возможное, один из многих вариантов, техническое решение.

Из холодильника лед в мешалку, где стенки посуды были бы Са-карбоната.

Талая вода 1 посуды поступает где трубы с коленами как в ингаляторе Махолди. Продувается CO_2:

$$CO_2 + H_2O \Rightarrow H_2CO_3 \Rightarrow HCO_3^-$$

Кислая вода движется в посуде и влияет на апатит-фосфорит

Обогащенная вода поступает на «лежбище» где покой для образования «Ф. Г.».

22 января 2004 г.

* * *

Загадка кальцитовых псевдоморфоз

Судьба открытия Миши Каплана[72]

В 1982 г. Э. Зюсс и соавторы сообщили о том, что в углеродистых приантарктических осадках (провинция Брансфилд и Антарктический п-ов) на глубине 1950 м, при нулевой температуре воды придонного слоя ими был выявлен гексагидрат карбоната кальция: $CaCO_3 \cdot 6H_2O$. Это был минерал *икаит*, открытый в 1964 г. в замерзающих водах гренландского фьорда Ика близ Ивигтуд [12].

В те годы всякая находка икаита была большой редкостью и привлекала внимание. Но все же главным предметом гордости авторского коллектива была не столько сама находка, сколько ее генетическая интерпретация: ***они пришли к выводу, что именно по икаиту формируются кальцитовые псевдоморфозы, еще в 1905 г. найденные в Австралии и названные «глендонитом»***, а в дальнейшем описанные во многих других районах земного шара под самыми разными названиями. Из этого следовало, что не только сам икаит, но и кальцитовые псевдоморфозы по нему ***являются климатическими индикаторами*** — они указывают на холодный (или даже ледовый!) климат в период седиментации осадков, первоначально содержавших икаит. Поскольку сделанные выводы были далеко не тривиальны — статья была помещена в столь престижном журнале, как *Science*; а такие публикации ценятся в научном мире не ниже, чем публикации в знаменитой британской *Nature*...

После этого появилась по меньшей мере дюжина статей, перечень которых дан нами в табл. 1. В них описывались: (а) находки шестиводного гидрата-икаита; (б) находки одноводного гидрата — моногидрокальцита $CaCO_3\ H_2O$; (в) кальцитовые псевдоморфозы по этим нестабильным минералам, образовавшиеся вследствие повышения температуры, (г) получение гидратов $CaCO_3$ в эксперименте. Все эти работы подтверждали главный геологический вывод: гидраты $CaCO_3$ образуются только при температуре, близкой к 0 °С и поэтому несомненно являются индикаторами холодного климата в период седиментации.

[72] **Опубликовано: Вестник Ин-та геологии, 2008, июнь, № 6 (162), с. 15—17.**

И всё выглядело хорошо, если бы не одно обстоятельство, к сожалению, уже давно ставшее обыденным в Западной науке — игнорирование российского приоритета. Ни Зюсс и его соавторы, ни те, кто разрабатывал эту тему позже, не ссылаются на своего российского предшественника ... **В *действительности*, *фундаментальное описание кальцитовых псевдоморфоз и принципиальный генетический вывод были впервые сделаны Михаилом Ефимовичем Капланом, — литологом из ленинградского ВНИГРИ, умершим от рака в 40 лет — в самом расцвете своего таланта*.**

Согласно мощному обобщению Миши Каплана, **в** разновозрастных отложениях Северной Америки, Европы, Азии и Австралии неоднократно описывали необычные кристаллические кальцитовые образования под местными названиями: *псевдогейлюссит, ячменные зерна, ярровит, тинолит, глендонит, геннойши, беломорские рогульки*. Существовало убеждение, что эти образования — псевдоморфозы по более ранним минералам. В качестве таковых называли гейлюссит, глауберит, гипс, целестин, ангидрит, серу, тенардит и неизвестные легкорастворимые соли.

В процессе своих региональных работ по мезозою Севера Восточной Сибири, он провел фундаментальное изучение этих образований в юрско-нижнемеловых отложениях Якутии, описав их в двух десятках разрезов по Анабару, Оленеку, Лене и побережью моря Лаптевых [2]. Он установил, что на этой громадной территории (около 0.7 млн. км^2) горизонты с псевдоморфозами прослеживаются на расстояние 1—2 тыс. км.

По совокупности признаков изученных им псевдоморфоз в отложениях J-K_1 Севера Сибири, М. Е. Каплан пришел к выводу, что они формировались в алевритово-глинистых осадках верхней и нижней сублиторали нормально аэрируемого, возможно несколько опресненного морского бассейна — в периоды похолоданий климата. Они образовались в раннем диагенезе в жидком илу на границе вода/осадок:

«Об этом свидетельствуют очень низкое содержание нерастворимого остатка, что возможно лишь при относительно свободном росте кристаллов; частая приуроченность псевдоморфоз к норам и ходам бентосных животных; огибание кристаллов слоистостью; редкие находки окатанных, вымытых из осадка псевдоморфоз с обломанными концами кристаллов; случаи примыкания слоистого осадка к кристаллам, по-видимому, выступавшего над поверхностью дна. Все остальные диагенетические минеральные новообразования — пирит и конкреционные карбонаты — возникли позже и всегда облекают псевдоморфозы» [2, с. 69].

М. Е. Каплан отвергает возможность замещения кальцитом всех предполагавшихся ранее эвапоритовых минералов (гейлюссита, глауберита и др.), поскольку они не могут формироваться при температурах, близких к нулевым[73]. Он присоединяется к идее, подсказанной ему В. Б. Татарским — о том, что субстратом для кальцитовых псевдоморфоз замещения послужил метастабильный шестиводный карбонат икаит — $CaCO_3 \cdot 6H_2O$, образование которого в настоящее время наблюдается в углекислых источниках, разгружающихся в холодные прибрежные воды Гренландии.

...Подбирая материалы для лекции «Минеральные индикаторы климата», я нашел и прочитал все сочинения, перечисленные в табл. 1 — и обнаружил то, о чем сказано выше: М. Е. Каплан копал эту тему не только раньше всех, но шире и глубже тех, кто работал позднее. Хотя я хорошо знал коллег Миши Каплана по ВНИГРИ — моих друзей-литологов Бориса Лебедева (давно уже профессорствующего в Петербургском университете) и его жену Галю Лебедеву, в период моей аспирантуры в Ленинграде (1965—1966) с Мишей Капланом мы лично не были знакомы, о чем я спустя почти полвека — горько сожалею. Как рассказывали мне Лебедевы, и как сказано в некрологе-1978, подписанном, среди прочих, и такими людьми, как академики Б. С. Соколов и А. Л. Яншин, крупнейшие сибирские литологи и геологи И. В. Николаева и В. Н. Сакс, родившийся 20 января 1937 в Одессе Миша Каплан был весьма незаурядной, обаятельной личностью: высокоталантливым, всегда веселым и открытым, вдобавок (что знали его коллеги по тяжелейшим сибирским полям) — отважным и мужественным человеком.

...С фотографии, снятой незадолго до его смерти, на нас смотрит ясноглазый бородатый красавец — настоящий древний витязь, удивительно похожий на своего тезку — дорогого мне

---

[73] Заметим, однако, что исследованиями акад. Н. П. Юшкина в Арктике показано, что вымораживание растворов может приводить к такой их концентрации, в которой становится реальной садка солевых минералов! Во всяком случае, при морозном выветривании сульфидоносных черных сланцев Пай-Хоя образовался широкий спектр сульфатов, сульфато-фосфатов и других как бы «эвапоритовых» минералов, ранее считавшихся типовыми только для жарких аридных обстановок [6].

Таблица 1

Некоторые исследования кальцитовых псевдоморфоз и гидратов $CaCO_3$, в хронологической последовательности

Краткое содержание	Год	Ссылка
М. Е. Каплан: Фундаментальное изучение морфологии и генезиса кальцитовых псевдоморфоз в юрско-нижнемеловых отложениях Якутии, в двух десятках разрезов по Анабару, Оленеку, Лене и побережью моря Лаптевых. – См. ТЕКСТ	**1978**	**2**
В углеродистых приантарктических осадках (провинция Брансфилд и Антактический п-ов) на глубине 1950 м и при нулевой температуре воды придонного слоя был выявлен гексагидрат кальцита: $CaCO_3 \cdot 6H_2O$ Очевидно, именно по нему формируются псевдоморфозы, называемые «глендонитом».	1982	12
В крупнейшем в мире (~1244 км^2) высокогорном пресноводном озере Севан, вследствие испарения ежегодно происходит сильное пересыщение по карбонату, и из подщелоченных вод с минерализацией 716 мг/л и pH 8.5—9.1 ежегодно осаждается 0.03 мм карбонатов, что составляет 24 тыс. т. Преобладающим осадком является кальцит, содержащий около 2 % $MgCO_3$, о чем можно судить по небольшому смещению главного рефлекса в сторону больших углов — до значений 3.022 Å (вместо 3.030 Å для химически чистого кальцита). Наряду с ним, в западной части озера отмечено образование Mg-кальцита, содержащего 2—10 % $MgCO_3$ (значения d/n от 3.028 до 3.022 Å). Однако главной экзотикой минерального осадка является присутствие *«пористой и дырчатой корочки, лежащей на дне»*, сложенной моногидрокальцитом $CaCO_3 \cdot H_2O$, с характерными рефлексами 4.32, 3.07 и 2.16 Å. Этот минерал отмечен только в мелководных осадках, на глубоководье его нет [3, с. 43].	1983	3
В середине 19 в. в грязях Ярроу-Слейк на р. Тин в СВ Англии были описаны пористые псевдоморфозы по каким-то кристаллам, названные **«ярровитом» (jarrowite).** И лишь в 1985 г. Ширман и Смит показали, что это псевдоморфозы по метастабильному икаиту, который кристаллизуется при температуре около 0 °С. Этот псевдоморфный «ярровит» в других регионах описывали как «псевлогейлюссит», «тинолин», «глендонит», «фундилит» и др. Все они – суть псевдоморфозы по икаиту и потому могут рассматриваться как минеральные палеотермометры.	1985	11
В глубоководном конусе выноса р. Заир обнаружены слабо сцементированные полупрозрачные пористые агрегаты коричневого кальцита с реликтами икаита. Считают, что икаит образовался при первоначальному аутигенному кальциту-1 при T < 5 °С в анаэробной среде, обогащенной ОВ и затем снова замещался микрокристаллическим кальцитом.	1987	7
По берегам крупных озер Лахонтан и Моно в СЗ Неваде развиты пористые четвертичные известковые туфы, В их пустотах находится кристаллический кальцит с размером индивидов до 10 см. Считалось, что это псевдоморфозы по содовому минералу гейлюсситу, и для них употребляли специальный термин «тинолит». Однако более тщательное исследование показало, что прекурсором «тинолита» был икаит $CaCO_3 \cdot 6H_2O$, неустойчивый при температурах выше 0 °С. Поэтому предполагают, что наличие «тинолитов» отражает климатические изменения, связанные с оледенениями.	1989	10
«Глендонит» был описан в 1905 г. (David T. W. et al.: цит. по: [9]) в Глендонбруке, Нов. Южн. Уэльс, и представлял собой псевдоморфозы кальцита (а также гипса) по предполагаемым глауберите, мирабилиту, а также открытому позже икаиту. В нижнемеловых глинистых сланцах и песчаниках, а также в эллипсоиальных карбонатных мегаконкрециях (размером до 0.5 м) на юге бас. Эроманга в Южн. Австралии описаны сфероидальные розетки или пучки кристаллов кальцита диаметром от 20 до 150 мм. Мелкие кристаллы в поперечном сечении треугольные или трапециевидные, более крупные (до 65 мм) пластинчатые с искривленными гранями и ребрами. Этот кальцит-1 темный серокоричневый вследствие обилия включений глинистых и песчаных частиц. На него нарастает (или выполняет трещинки) белый кальцит-2. Образования кальцита-1 отнесены к глендониту. В данном случае крупные кристаллы кальцита напоминают по форме первые два минерала, а мелкие — икаит. Считают, что описанные глендониты образовались в холодных (перигляциальных) прибрежных водах раннего мела.	1990	9
В известковых туфах на выходе холодных соленых источников[74] в Рованде (о-в Хоккайдо, Япония) описано осаждение моноклинного икаита зимой, и сферических образований фатерита (в ассоциации с кальцитом и моногидратом кальцита) — в более теплое время года. Пемзообразный облик и зональность сферических агрегатов фатерита указывают на его образование при разрушении икаита.	1999	5
На острове Аксель-Хейберг в Канадском арктическом архипелаге в соленосных источниках образуются травертины, в которых присутствуют эвгедральные кристаллы икаита длиной до 0.5 см, неустойчивые в летнее время года. Считают, что образованию икаита способствовал определенный химический состав растворов в сочетании с длительным низкотемпературным периодом его кристаллизации.	2001	8
Экспериментальные работы и находка икаита на ЮЗ Гренландии как осадка в почти замерзающих насыщенных по карбонату донных вод фьорда Ика, а также быстрое его разложение до безводного $CaCO_3$ указывают на его метастабильность. Необычные кальцитовые псевдоморфозы, описанные как «глендониты» и «тинолиты», образовались по икаиту и могут служить палеотермометрами.	2001	13
В эксперименте польских ученых икаит получали при температуре около 0 °С и добавках калгона, который препятствует кристаллизации кальцита. Полученный продукт представлял собой моноклинные идиоморфные кристаллики размером до 0.1.	2001	14
В оз. Хубсугул, вода которого обладает слабощелочной реакцией (pH 7.8—8.2) и повышенным отношением Mg/Ca, присутствует моногидрокальцит $CaCO_3 \cdot H_2O$, что связывают, среди прочего, с эпизодами похолодания климата.	2005	1
Моногидрокальцит — гексагональный $CaCO_3 \cdot H_2O$ установлен в голоценовых диатомовых илах оз. Хубсугул в, в количестве до 7—10 %. Генезис этого метастабильного минерала исследователям неясен. Считают, что для его образования необходим pH не ниже 8.1, пересыщение вод по карбонату Ca, определенный интервал отношения Mg/Ca и наличие в растворе таких протекторов, как Mg^{2+} и фосфат-ион.	2006	4

[74] Вода источников имеет следующие параметры: T = 10.7 °С, pH = 6.7, Cl= 3.9 г/л, HCO_3 = 5.68 г/л.

человека Мишу Соколова. Умного, общительного, доброжелательного Мишу Каплана хорошо знали, уважали и любили не только ленинградцы (ВНИГРИ, НИИГА-СевМоргео), но и сибиряки, с которыми он тесно сотрудничал: в Институте геологии и геофизики СО АН СССР, в СНИИГГиМСе, в Якутии. Творческий масштаб М. Е. Каплана был очень значителен: к 40 годам он не только опубликовал около 60 первоклассных статей и прекрасную книжку по своей кандидатской — «Литология морских мезозойских отложений Восточной Сибири» (Тр. ВНИГРИ, 1976, вып. 357), но и, будучи блестяще эрудированным геологом, — перевел «Геологию глин» Ж. Милло, перевел и отредактировал «Морскую геологию» Ф. Шепарда, поместил в «РЖ Геология» около 200 рефератов.

Прекрасно, что в нашем Институте, усилиями академика Н. П. Юшкина, увековечена память Миши Соколова. Мне бы хотелось, чтобы имя Миши Каплана, творчество которого оборвалось на крутом взлете, также не было забыто — и не только в Петербурге или Новосибирске, но и во всей российской литологии, в которой он оставил столь яркий след.

Литература

1. *Жданова А. Н., Солотчина Э. П.* Моногидрокальцит в осадках озера Хубсугул как индикатор изменения климата // Минералогические музеи: Матер. 5 Междунар. симпоз. (СПб: 14—17 июня 2005). — Спб: СПбУ, 2005, с. 116—118.

2. *Каплан М. Е.* Кальцитовые псевдоморфозы в юрских и меловых отложениях севера Восточной Сибири // Геол. и геофиз., 1978, № 12, с. 62—70.

3. *Резников С. А., Туровский Д. С.* Новые данные о минералогическом составе и распределении карбонатов в донных отложениях оз. Севан // Вопросы химии природных вод, методы их исследования. — Л.: Гидрометеоиздат, 1983, с. 36—44 (Гидрохим. материалы, т. 88).

4. *Солотчина Э. П., Столповская В. Н., Кузьмин М. А., Солотчин П. А., Шульженко С. Г.* Первые результаты минералогических исследований глубоководных осадков озера Хубсугул (Монголия) // Теория, история, философия и практика минералогии: Матер. IV Междунар. семинара (Сыктывкар: 17—20 мая 2006 г.). — Сыктывкар: Геопринт, 2006, с. 190—191.

5. *Ito T., Matsubara S., Miyawaki R.* Vaterite after ikaite in carbonate sediment // Ganko = J. Miner., Petrol. And Econ. Geol., 1999, vol. 95, № 5, p. 176—182.

6. *Юшкин Н. П.* Опыт среднемасштабной топоминералогии. Пайхойско-Южноновоземельская минералогическая провинция. — Л.: Наука, 1980, 376 с.

7. *Jansen J. H. F., Woensdregt C. F., Kooistra M. J., Gaast S. J. van der.* Ikaite pseudomorphs in the Zaire depsea fan: An intermediate between calcite and porous calcite // Geology, 1987, vol. 15, № 3, p. 245—248.

8. *Omelon S. R., Pollard W. H., Marion G. M.* Seasonal formation of ikaite ($CaCO_3 \cdot 6H_2O$) in saline spring discharge at Expedition Fiord, Canadian High Arctic: Assessing conditional constrains for natural crystal growth // Geochim. Cosmochim. Acta, 2001, vol. 65, № 9, p. 1429—1437.

9. *Sheard M. J.* Glendonites from the southern Eromanga basin in South Australia: paleoclimatic indicators for Cretaceous ice // Quart. Geol. Notes Geol. Surv. S. Austral., 1990, № 114, p. 17—23.

10. *Shearman D. J., McGugan A., Stein C., Smith A. G.* Ikaite, $CaCO_3 \cdot 6H_2O$, precursor of the tinolites in the Quaternary tufas and tufa mounds of the Lahontan and Mono Lake Basins, western United States // Bull. Geol. Soc. Amer., 1989, vol. 101, № 7, p. 913—917.

11. *Shearman D. J., Smith A. J.* Ikaite, the parent mineral of jarrowite-type pseudomorphs // Proc. Geol. Soc., 1985, vol. 96, № 4, p. 305—314.

12. *Suess E., Balzer W., Hesse K.-F., Mьller P. J., Ungerer C. A., Wefer G.* Calcium carbonate hexahydrate from organic-rich sediments of the Antarctic shelf: precursors of glendonites // Science, 1982, vol. 216, № 4550, p. 1128—1131.

13. *Swainson I. P., Hammond R. P.* Ikaite, $CaCO_3 \cdot 6H_2O$: Cold comfort for glendonites as paleothermometers // Amer. Miner., 2001, vol. 86, № 11—12, p. 1530—1533.

14. *Vlos D., Zabinski W.* Ikait $CaCO_3 \cdot 6H_2O$ I jego synteza // Geologia, 2001, vol. 27, № 2—4, p. 307—314.

* * *

Забытая страница истории русских фосфоритов[75]

Профессор А. Н. Энгельгардт, 1870-е гг.

Открываем капитальную книгу академика Н. М. Страхова «Развитие литогенетических идей в России и СССР. Критический обзор. — М.: Наука, 1971, 622. с.) и на стр. 127—128 находим изложение истории изучения «курского саморода» — верхнемеловых фосфоритов в виде конкреций и пластов песчаников, сцементированных карбонатным и фосфатным веществом. В основу своего изложения Н. М. Страхов положил статью М. Д. Сидоренко (1884), которому, как он считает, принадлежит первое петрографическое исследование фосфоритов. Среди лиц, имевших то или иное отношение к «курскому самороду», называются учителя гимназий Г. И. Пузанов и Т. Селиванов; знаменитые геологи — Р. И. Мурчисон и А. А. Кейзерлинг; менее знаменитый геолог М. А. Языков; профессора химии А. И. Ходнев и К. К. Клаус; вероятно, химик (? из текста неясно) — профессор Н. И. Борисяк. Далее подробно излагаются и критически оцениваются генетические выводы, к которым пришел М. Д. Сидоренко в своем исследовании.

Странным, непостижимым образом — но в этой исторической справке совсем не упомянут ***виднейший исследователь русских фосфоритов — профессор Александр Николаевич Энгельгардт***, личность и труды которого были широко известны всей образованной России второй половины 19-го века.

В 1866 г. Департамент земледелия и сельскохозяйственной промышленности поручил профессору химии Петербургского Земледельческого института А. Н. Энгельгардту — обследовать залежи фосфоритов Средней России. Проф. А. Н. Энгельгардт очень быстро изучил залежи фосфоритов в Смоленской, Курской, Воронежской и Тамбовской губерниях, а собранные образцы проанализировал в своей химической лаборатории Земледельческого института. ***Уже в 1868 г. появилась его брошюра*** (без авторства на титульном листе): ***О фосфоритах в России***. — СПб: Тип. В. Безбородова и К°. 20 с. 1 л. карты.

В последующие годы Энгельгардтом были опубликованы более двух дюжин статей о применении фосфоритов в сельском хозяйстве, получивших широкую известность благодаря публикации в «Отечественных записках» его знаменитых ***«Из деревни. 12 писем. 1872—1887»***, выдержавших шесть изданий (из них три — до революции).

Судьба этого замечательного человека далеко не ординарна. Окончив в 1853 г. Михайловское артиллерийское училище, он более 10 лет прослужил в литейной мастерской Санкт-Петербургского арсенала (1853—1866). Побывав в 1855 г. за границей, он устраивает в Петербурге частную химическую лабораторию и организует издание «Химического журнала», где среди прочих, публиковались Д. И. Менделеев, А. Н. Бекетов и другие известнейшие российские ученые [1].

В 1866 г. он переходит на службу в Министерство государственных имуществ и назначается профессором химии во вновь открытый Петербургский земледельческий институт, где немедленно организует прекрасную химическую лабораторию. Начинается его весьма успешная 17-летняя карьера ученого-химика (он специализировался в области органических нитросоединений), награждаемого премиями и увенчанного степенью доктора. Одновременно он делает себе имя как блистательный педагог, на лекции которого ходит «весь Петербург». Эти лекции были изданы в 1878 г. в виде книги «Химические основы земледелия».

---

[75] **Опубликовано: Вестник Ин-та геологии Коми НЦ УрО РАН, 2009, сентябрь, № 9 (177). С. 19.**

Но в самом расцвете его бурной, плодотворной деятельности — разражается катастрофа. В 1870 г. чересчур либерального профессора (видимо, говорившего на лекциях много лишнего) арестовывают и бросают в Петропавловскую крепость, а в 1871 г. — ссылают в его имение Батищево Смоленской губернии, где он и прожил 22 года — до самой смерти. Лишившись профессорского жалованья, Энгельгардт должен был теперь думать просто о пропитании, ибо имение было (как и вся пореформенная сельскохозяйственная Россия вокруг) — полностью разорено.

И вот именно тогда — внезапно попав, практически без средств, — из уютного профессорского кабинета в запущенный и холодный сельский дом, в окружение недоверчиво-враждебных крестьян и недобрых соседей — полностью раскрылась эта могучая, высокоталантливая натура! За несколько лет, к изумлению всех окружающих — и промотавшихся помещиков, и нищих, периодически голодающих крестьян, а главное — всей образованной России, которой он ежегодно посылал свои замечательные письма «Из деревни» — он сделал хозяйство прибыльным. Имение Энгельгардта стало местом паломничества романтически-восторженной интеллигентской молодежи, мечтавшей жить своим трудом на земле и по мере сил помогать народу. Крестьяне, впрочем, эту бескорыстную помощь «бар» с презрением отвергали, предпочитая при всяком случае обмануть и урвать [2]. Но это уже совсем другая история.

Литература

Шестаков А. Г. Александр Николаевич Энгельгардт и агрономическая химия // А. Н. Энгельгардт. Избранные сочинения. — М.: Гос. изд-во сельхоз. лит-ры. 1959. С. 7—20.

Энгельгардт А. Н. Из деревни. 12 писем, 1872—1887. — СПб: Наука, 1999, 714 с.

* * *

Профессор[76]

(к 75-летию Ю. А. Ткачева)

Дается очерк научной деятельности крупнейшего российского специалиста в области геоинформатики, начинавшего свою карьеру в далекие 1950-е гг. как геохимик-угольщик на урано-угольных месторождениях Киргизии, — профессора Юрия Андреевича Ткачева, имеющего фундаментальные разработки в области применения математико-статистических методов в геохимии, петрографии, геологоразведке и нефтяной геологии. Помимо этого, у профессора Ткачева имеются крупные научные результаты в геохимии, минералогии, геоморфологии, седиментологии и даже археологии.

Многолетний опыт показывает, что, с одной стороны большинство геологов не в состоянии правильно понимать математику (хотя нам кажется, что мы ее понимаем); с другой стороны, представители точных наук (физики, математики) — как правило совершенно не способны правильно понимать геологию. Уникальность дарования Ю. А. Ткачева состоит в мастерском владении как строго формализованными методами математики, так и нестрогими, нередко интуитивными понятиями, которыми свободно оперируют все геологи.

Выделены две замечательных черты юбиляра: во-первых, его редкостная ученость (незаслуженно забытое нами слово) — необыкновенно широкий диапазон его познаний (способность составить и прочесть 10—15 курсов по геологии, геохимии, геологоразведке, в том числе — по экономике геологоразведки, геоморфологии и геоинформатике); во-вторых, его выдающийся педагогический талант, отразившийся в составленных им превосходных учебных пособиях и оригинальных методиках проверки знаний студентов.

[76] **Опубликовано: Уральский геологический журнал, 2010, № 3 (75), с.49—60**

Русские не уважают книжной учености, а ценят только природную смекалку. Любимый герой русских народных сказок Иван-дурак скорее всего и грамоте не знал. Сравните отношение русских и немцев, выраженное одной и той же фразой: «Du bist doch ein Professor!» — с восхищением скажет немец, тогда как русский скажет с презрением: «Ну, ты... профессор кислых щей!». А представьте себе, что где-нибудь на зоне один з/к другого обзовет не «козлом» (что еще как-то терпимо) — а «философом» ?! Да он просто жизнью рискует! Тогда как у немцев назвать человека философом — значит проявить к нему высочайшее уважение...

Вот почему в России традиционно нисколько не ценят ученых людей (которые постоянно утекали и продолжают утекать за рубеж: Мечников, Сикорский, Леонтьев, Сорокин, Гамов, Тимофеев-Ресовский, Пригожин и т. д.; да и Вернадский только случайно не уехал). А созданная Петром Первым Академия наук постепенно выродилась в элитный клуб энергичных и пробивных «начальников от науки», с редкими вкраплениями Настоящих Ученых.

Ученость

Из нашего лексикона совершенно исчезло это прекрасное слово. Никто уже не скажет про кого-либо, что тот обладает большой ученостью. А зря... Ибо это слово лучше всего характеризует нашего юбиляра. Я несколько раз пытался подсчитать (пользуясь настольным калькулятором, а потом уже и компьютером) — сколько лекционных курсов мог бы прочитать профессор Ткачев? И всякий раз сбивался и начинал сначала. Наконец, профессору исполнилось 75 — отступать некуда, и я должен обнародовать плоды своих трудных вычислений. Вот что у меня в итоге получилось.

А. Курсы, которые юбиляр на самом деле читал или продолжает читать несчастным студентам

1. Информатика. Поясню, что это — настоящая информатика, а вовсе не «компьютерная грамотность», которой можно обучить и смышленую обезьянку.

2. Математические методы в геологии. Тема кажется необъятно широкой... но Ткачев знает в этой области действительно всё. Скажу больше — сейчас в России специалиста такого ранга больше нет. В годы расцвета урановой геологии их было несколько человек, примерно равновеликих. Сейчас все перемерли — но, к счастью, живет и работает Ткачев.

3. Геодезия. Если кто-то посетит Сыктывкар в начале лета, он сможет наблюдать, как студенты Ткачева нивелируют местность в окрестностях гостиницы «Югёр» — медленно, но неуклонно сползающей в Сысолу. А кто захочет получить полное удовольствие — тем рекомендуется прочитать замечательную книжечку Ткачева «Геодезия для геологов».

4. Аэрогеодезия и аэро- (космо-)инженерно-геодезические работы. Здесь нашла свое удовлетворение нездоровая страсть Профессора к практике. Кем-кем, а «кабинетным ученым» этого Профессора не назовешь.

5. Аэрокосмические методы в лесном хозяйстве. Ну что ему Гекуба, что он Гекубе? Зачем еще и лесное хозяйство, мало ему геологии и геодезии? Выходит, что мало.

6. Инженерная геология — с основами минералогии, петрографии, литологии, общей и динамической геологии, гидрогеологии, структурной геологии и собственно инженерно-геологических процессов. — См. выше, п. 4. Выясняется, что Профессор (если дать ему волю) может заменить (подменить?) весь преподавательский состав средней величины Геологического факультета университета...

7. Гидрология суши (с упором на работу рек и прогнозно-статистические расчеты всякого рода гидрологических катастроф и катаклизмов). — «Но ведь это же — география! — воскликнет возмущенный читатель. — При чем же тут геолог Ткачев?!». А при том. Он еще и при многом другом — см. ниже. Так что назвать его просто «геологом» — было бы заведомо неверно.

8. Геолого-экономическая оценка месторождений и правовые вопросы пользования недрами. Но ведь это же — экономика, да еще и юриспруденция! Совершенно верно: это и то, и другое. И как ни странно, Ю.А. Ткачев ни в какой из этих дисциплин — не дилетант.

Может быть, хватит для одного, Отдельно Взятого Профессора? Надо же что-то и другим профессорам оставить для прокорма детей и внуков? Но нет; вот списочек того, что он мог бы еще прочитать.

Б. Курсы, которые юбиляр мог бы еще прочитать

9. Начертательная геометрия. Без комментариев. Потому что комментатор только понаслышке знает о существовании этой красивой дисциплины, изобретенной знаменитым французом Гаспаром Монжем.

10. Геотектоника в ее мобилистском виде. Здесь как раз ничего удивительного нет, ибо современная геодинамика требует понимания физики и геометрии (в том числе начертательной!); — потому она так и любезна сердцу юбиляра.

11. Физическая география (с упором на геоморфологию). О географических извращениях Профессора уже сказано выше. А это — неотъемлемая часть таких извращений. Более того — он неоднократно заявлял о необходимости преподавания физгеографии литологам — которым в некоторых ВУЗах преподносят «Учение о фациях» — не давая никакого понятия об этих самых реальных (то есть физико-географических!) фациях. В итоге литологи вырастают дремуче-безграмотными — и такими же получаются у них «фациальные реконструкции».

12. Методика разведки и подсчета запасов полезных ископаемых. Между прочим — это как раз тема его докторской диссертации (1987 г.), т. е. как бы его основной профиль... Но как показывают предыдущие 11 пунктов (и также еще и последующие пункты), выделять у Профессора его Основной Профиль — занятие рискованное, можно сильно ошибиться...

13. Седиментология. Необходимо пояснение. Может быть, это просто Литология в ее западном понимании? Нет, ничего подобного — это даже не из геологии; это такой раздел «как бы физики», изучающий осаждение частиц. Казалось бы, что ему эта Гекуба-седиментология? — Оказывается, он страстно увлечен ею, много лет плодотворно занимается, имеет авторские свидетельства и по меньшей мере одного (точнее — одну) выращенного кандидата наук, защитившего диссертацию по теме Седиментология.

14. Четвертичная геология и геоморфология. Не надо удивляться — ведь без этого знания он не смог бы читать курсы № 6 и № 11. Кажется, из числа великих людей, которыми Профессор восхищается, кроме Жоржа Матерона — основателя геостатистики, он чуть ли не на первое место ставит Е. В. Шанцера — создателя теории генетических типов континентальных отложений. Профессор нередко жаловался мне, что давно уже не может просто расслабленно кататься по Сысоле или Вычегде на своей моторной лодке: он всё время непроизвольно, но весьма напряженно «читает» четвертичную геологию по береговым обнажениям.

Может быть, достаточно? Но, дорогой читатель, юбиляр не всегда же был Профессором — некогда он защищал и кандидатскую диссертацию про германий в углях Киргизии. А это значит, что он, со свойственным ему занудством, до самого донышка проштудировал угольную геологию и геохимию, и, следовательно, спокойно мог бы прочесть еще пару курсов:

15. Основы геологии угля (с упором на фациальный аспект теории углеобразования).

16. Геохимия редких элементов в углях (прежде всего — урана и германия).

Вехи творчества

Столь же многогранна, как и ученость Профессора — его творческая научная деятельность, в которой можно выделить 6—7 ведущих направлений.

Направление № 1: Методика геологической разведки. В этой области (в которой он, вероятно, наиболее знаменит) Ткачев является российским Специалистом № 1.

1.1. Разведка горного хрусталя. А началась его карьера с поразительного открытия в этой области, о которой он до того не слыхал ни сном, ни духом. Ведь истинному теоретику материальный мир не надобен: ему надо лишь построить его адекватную виртуальную модель. Однако это «лишь» и оказалось камнем преткновения для официальных «кварцевиков» СССР, разрабатывавших многочисленные Инструкции во ВНИИСИМСе (в том самом Александрове, куда однажды сбежал Иван Грозный из Москвы — и все знают, чем это кончилось...). Напомню на всякий случай, что горный хрусталь — это Стратегический материал (пьезосырье). И занимались им очень серьезные товарищи, а большое Союзное начальство (Шестой Главк) было у них ещё более серьезным и шутить не любило. И вдруг поняли серьезные товарищи из ВНИИСИМСа, что разведанных запасов хрусталя в СССР — как бы это сказать поделикатнее ... не то что бы не было совсем, но реальная добыча ценнейшего пьезосырья разительным образом отличалась (в худшую

сторону) от подсчитанных по их мудрым Инструкциям запасов... И почуяли товарищи, что голова у них как бы начала отделяться от плеч ввиду скорой и неминуемой расправы. И тогда они в отчаянии пригласили молодого Ткачева (только что блестяще разобравшегося с ураном и германием в углях Киргизии) и взмолились: «Действуй, дорогой! Спасай отрасль!».

И взглянул молодой Юрий Ткачев на это странное полезное ископаемое, залегающее в виде совершенно случайно распределенных гнезд (полостей, «погребов») новым — свежим взглядом. И открылось ему, что когда геологи ищут (и обычно сразу же добывают) горный хрусталь, то им удается подсечь преимущественно только самые крупные, богатые полости; а в итоге совокупность опробованных гнезд совершенно не соответствует тому, что на самом деле есть в природе. Между тем, общеизвестно: чтобы подсчитать запасы полезного ископаемого, надо сначала найти рудное тело; затем «геометризовать» его; путем опробования определить в нем среднее содержание полезного компонента; и, наконец, умножить оное на объем рудного тела.

Так вот — Ткачев полностью отказался от всех этих традиционных понятий геологической разведки! Согласно его революционной методе, месторождения горного хрусталя надлежало теперь характеризовать: (1) плотностью расположения гнезд (она аппроксимировалась... распределением Пуассона!); (2) статистическим распределением их размеров; (3) распределением количества сырья в гнездах (опять Пуассон!); (4) вероятностью подсечения гнезд наличной системой разведочных выработок. В итоге запасы определялись как произведение пространственной плотности гнезд (по каждому классу их размеров) на их продуктивность. И — никаких вам средних содержаний или средних мощностей, которые в данном случае оказались чистой фикцией!

Методика Ткачева была триумфально апробирована им во всех хрусталеносных регионах СССР. Однако она не оставляла камня на камне от тех самых Инструкций, которые командировавшие его серьезные товарищи и составляли, много лет кормясь на хлебных должностях. Надо ли говорить, что было дальше? Ткачеву сказали «спасибо», сунули в зубы премию... и отстранили от дела. Еще хорошо, что сам уцелел, ибо делами в тогдашнем ВНИИСИМСе заправляли форменные фашисты, не позволившие ему опубликовать ни строчки... Поэтому обнародовать свои замечательные результаты Ткачев сумел, только вырвавшись на свободу из проклятой Александровской слободы — приехав в 1972 г. в Сыктывкар, в Институт геологии Коми филиала АН СССР.

1.2. Дела нефтяные: компьютерная обработка данных. Начав работать в только что созданном Отделе геологии горючих ископаемых, Ткачев создал целостную, не имевшую аналога в СССР систему комплексной компьютерной обработки геологоразведочной информации на месторождениях нефти с автоматизированным подсчетом запасов. Эта система включала ряд оригинальных процедур согласования данных, полученных из разных источников (керн, геофизика, опробование и испытание скважин).

В итоге давалась комплексная оценка, существенно повышавшая точность определения параметров — без увеличения объемов геологоразведочных работ. Это и была докторская диссертация Ткачева.

Малограмотная нефтяная публика в восхищении охала и ахала; высокоученые оппоненты засыпали Ткачева своими похвалами... Однако практический результат оказался в точности таким же, что и с хрусталем: рациональная методика Ткачева, не позволяющая закапывать государственные денежки, совершенно не вписывалась в практику нефтяных генералов, поскольку обнажала всю чудовищную неэффективность социалистического хозяйствования. Поэтому докторскую степень Ткачеву, конечно, присудили... а ткачевскую методику постарались поскорее задвинуть подальше — она оказалась никому не нужной.

1.3. Дела нефтяные: информационная модель залежи. Это очень изящная вещица! В ней дана тотальная характеристика свойств, объектов — носителей этих свойств и первичных документов, в которых эти свойства фиксируются. Любой продвинутый бюрократ умер бы от зависти, увидя эту (компьютеризованную) модель, но увы — Профессору недосуг, и данная модель (с красивой иерархической схемой информации) до сих пор нигде им не опубликована.

1.4. Дела не только нефтяные: оптимизация разведочной сети. Ткачев разработал оригинальные экономические критерии оптимизации плотности разведки месторождений (любых — здесь вид полезного ископаемого значения не имеет), путем сопоставления затрат на очередной шаг разведки с прибылью от разработки по более надежным разведочным данным.

Кажется не очень понятным? — На самом деле, это просто: всякий раз, когда разведчик собирается пробурить очередную скважину или пройти очередной шурф, он должен сначала прикинуть: «А мне это нужно?». И установив, к примеру, что прибыль окажется меньше затрат — не бурить и не взрывать, а сидеть тихо — *на достигнутом уровне риска*. О судьбе этой разработки Профессора нетрудно догадаться — она находилась просто в вопиющем противоречии с практикой Могильщиков Государственных Средств. Посему и эта ткачевская оптимизация никем и никогда не применялась...

1.5. Дела не только нефтяные: вероятностные карты месторождений.

Строятся карты любых параметров месторождений, например карты мощностей продуктивного пласта. Однако карты эти весьма необычные, никто таких раньше не строил — на них выделены две компоненты изменчивости параметра: случайная и систематическая.

Такая карта обладает «неприятным» свойством — ясно показывать, что делается на месторождении на самом деле, а не только в воображении геолога. Например, может оказаться, что на карте мощностей на самом деле никакого, красиво нарисованного геологом увеличения мощности пласта к югу (востоку, западу, северу) — не существует! На эту тему аспирантка Безносова защитила у Ткачева кандидатскую диссертацию (хотя, скорее всего, едва ли в полной мере сама сознавала истинное значение задачи, поставленной ей руководителем).

Направление № 2: методика обработки геологических проб. Может показаться, что это просто часть геологоразведки, но нет — обрабатывать свои пробы приходится многим специалистам, весьма далеким от проблем разведки, например, геохимикам или технологам. Ткачев записал здесь своё имя если не золотыми, то уж точно — несгораемыми буквами.

2.1. Формула Ткачева — сокращение проб с заданной точностью. Обеспечивает клиенту такой (оптимальный) объем пробы, чтобы при её анализе не была превышена наперед заданная величина погрешности. Скажем, технолог желает получить содержание вольфрама в пробе руды с точностью не хуже 10 % относительных. Формула Ткачева покажет — должна ли такая проба весить 10 граммов или килограмм — в зависимости от минерального состава руды и размеров составляющих ее минеральных зерен. Ранее все мы (геологи) проходили в ВУЗах только «импортную» эмпирическую формулу Ричардса-Чечотта, но Ткачев вскрыл все её недостатки, делающие ее порой совершенно неприемлемой. Так что, прав был Михайло Ломоносов: «*... может собственных Платонов и быстрых разумом Невтонов российская земля рождать*».

2.2. Экономическая оптимизация обработки проб. Это диковинная разработка Ткачева не имеет ни прототипа, ни аналога нигде в мире. Речь идет о компьютеризованной схеме многостадийной обработки проб с заданной нелинейной целевой функцией, с нелинейными же ограничениями и что очень важно — с переменным числом стадий процесса. Такая схема обеспечивает минимум затрат на обработку проб — при сохранении заданной точности.

Не правда ли, в этом чудится что-то знакомое? — Правильно! Ибо это тот же самый принцип, который Ткачев с таким успехом применил в нефтяной геологии (см. п. 1.2). Будучи реализованной, методика Ткачева могла бы обеспечить огромную экономию средств на больших рудниках и обогатительных фабриках. Будем на это надеяться; и пусть, если это когда-нибудь свершится — технологи на часть сэкономленных средств поставят Ткачеву памятник из концентратов, хвостов или промпродуктов...

Направление № 3: логико-математический анализ геологических понятий и явлений. То, что Ткачев воспарил в такие «эмпиреи» — не должно удивлять. Ибо читатель уже мог заметить, что порой в совершенно разных областях Профессору приходилось решать однотипные задачи (например — задачу экономической оптимизации). Но это не «свойство Ткачева», это свойство математики — королевы всех наук, обладающей наиболее общим, абстрактным характером.

3.1. Закрытые числовые системы. Эта проклятая задача не давала покоя Ткачеву лет 30... Дело в том, что геологов, а в первую голову — геохимиков, мучила проблема: а не является ли наблюдаемая корреляция компонентов артефактом — простым следствием того, что компоненты являются процентными величинами? Например, если мы анализируем кварцевый песчаник с карбонатным цементом, то между SiO_2 и CaO непременно будет наблюдаться отрицательная корреляция, потому что в системе ста процентов — чем больше процент кварца, тем меньше процент карбоната и наоборот.

Чего только ни придумывали геологи (включая таких авторитетов, как А. Б. Вистелиус), чтобы найти «истинную» корреляцию и избавиться от корреляции «ложной»! Дело кончилось тем, что в 1999 г. Ткачев произвел глубокий, исчерпывающий аналитический обзор всего наработанного в этой области (в основном, как оказалось, — очень серьезными математиками за рубежом!) и пришел к совершенно нетривиальному выводу о том, что проблема на самом деле порождена *борьбой минералов за пространство*. Эта борьба и порождает особую математическую структуру горной породы, в которой принципиально невозможно использовать понятие о независимых компонентах.

3.1. Математический анализ понятия «парагенезис». Обычно такие (совершенно непредсказуемые) работы появляются у него в результате какого-нибудь катаклизма — или свалился с мотоцикла, или врезался в топляк на своей моторной лодке. Во всяком случае, никакого другого основания для внезапного вторжения Ткачева в святая святых минералогии — я не нахожу...

Со свойственным Профессору беспредельным занудством, он построил законченную логическую схему всех видов и разновидностей парагенезиса, что-то вроде Периодической системы. Построил и с гордостью за содеянное вручил свой опус Российскому Минералогу № 1 — академику Юшкину. Минералог № 1 удивился *(«кондуктор удивился, трамвай остановился»*), ни слова, по своему обыкновению, не сказал — и представил ткачевский опус в «Записки ВМО». Статью опубликовали; минералоги прочли, скорей всего, ничего не поняли и остались пребывать в дебрях своего невежества. Такова, увы, судьба большинства разработок Ткачева: они чересчур умные...

3.2. Систематика прогнозных признаков. Вещь эта настолько мудреная, что я боюсь ошибиться, пытаясь объяснить, что это такое. Берутся разные прогнозные признаки, исследуются их свойства (свойства признаков?!) — и по этим свойствам строится формальная классификация признаков. Профессор утверждает, что без такой классификации невозможны сопоставление и анализ существующих методик прогноза (не важно — прогноза чего!) — и нельзя создать новые методики прогноза (чего-либо). Повторяю: я не вполне понимаю, что именно он делает; но подождем еще лет 25 — и к 100-летию Ткачева дело, надеюсь, прояснится...

3.3. Поиск общих пространственных закономерностей. Удивительно красивая и высокооригинальная вещь! Мы привыкли количественно оценивать зависимости, например, аппроксимировать пространственный тренд некоторого параметра каким-либо уравнением: вся математическая геология в основном и состоит из методов таких оценок.

Ткачев же ставит вопрос радикально по-новому: прежде чем нечто оценивать «мерой и числом», как выражался Вернадский — сначала надо удостовериться, что это «нечто» вообще существует! То есть, к примеру, прежде чем подбирать подходящий многочлен для аппроксимации тренда — докажите (на качественном уровне), что этот тренд существует!

Задумано — сделано: Ткачев разработал компьютерную методику поиска и установления статистической значимости общих тенденций в пространственном размещении геологических свойств. И если кто-то подумает, что эта мощная разработка имеет только «академический интерес», то он сильно ошибется! Дело в том, что уже есть примеры, когда «закономерности», защищенные в некоторых кандидатских диссертациях (!), оказались на поверку следствием случайных флуктуаций — никакой реальности не отвечающими.

Направление № 4: аналитико-метрологическое. И эта сфера интересов Ткачева, конечно, не случайна, так как теснейшим образом связана с геологоразведкой и геохимией — двумя областями, где им получены сильные результаты. Сразу заметим, что в области анализа геологических проб Профессор вот уже около 40 лет плодотворно сотрудничает с талантливой сыктывкарской спектроскописткой — к. г.-м.н. Тамарой Ивановной Ивановой.

4.1. Разработка и внедрение системы автоматического фотометрирования и расшифровки спектрограмм в эмиссионном спектральном анализе. В итоге — в сотни раз увеличена скорость завершающей стадии анализа, можно гибко использовать различные аналитические параметры.

4.2. Возведение на пьедестал незаслуженно обруганных полуколичественных методов взамен дорогих и громоздких количественных. Доказав с помощью строгого математического анализа и проверив путем компьютерного моделирования, что экспрессные и дешевые полуколичественные методы дают отнюдь не худшие результаты — Ткачев с Ивановой сделали настоящий подарок геологам. Оказывается, можно смело усреднять полуколичественные данные и получать

результаты с двумя-тремя значащими цифрами (сознаюсь, что мне, например, это всегда казалось невозможным).

Направление № 5: правовые проблемы недропользования и денежной оценки месторождений. Легко увидеть связь этой тематики в творчестве нашего юбиляра с его любимой геологоразведкой: ведь занимаясь вопросами «оптимизации» разведочной сети, — никак невозможно остаться в стороне от экономики. Но экономика подразумевает и капвложения, и ренту, и налоги; а где рента и налоги — там и законодательство... Так что в действительности всё это оказывается взаимосвязанным.

5.1. Разработка проблемы «Плата за недра». Не хотелось бы пересказывать этот бестселлер Ткачева — настоятельно рекомендую прочитать его монографию (1998).

Особое удовольствие я обещаю читателю от произведенного Профессором дотошного анализа законодательства Российской империи в вопросах недропользования. Ткачев раскопал и с восхищением изложил для нас, что, оказывается, Российские законы писали весьма толковые люди — нынешним нашим думцам до них очень далеко. Так что «*в России, которую мы потеряли*» и в самом деле были утрачены вещи, о которых можно горько сожалеть.

5.2. Разработка «Закона о недрах» в Республике Коми и в Российской Федерации. Последний комментарий Ткачева (сделанный по заданию Госсовета Республики Коми) к федеральному Закону о недрах появился на свет пять лет назад. Основу концепцииТкачева составляет последовательное и жесткое отстаивание рыночных принципов — только такой подход может исключить коррупцию чиновничьей братии.

В упомянутом комментарии Ткачев предлагал, среди прочего, радикальную прогрессивную меру — перейти от фиксированной ставки рентного платежа — к гибкой купле-продаже полезного ископаемого по мере его выемки из недр.

К сожалению, ничего хорошего для ткачевских предложений не ожидается. В существующем законе слишком много лукавства и подозрительных неясностей, ибо слишком много амбиций и интересов, так сказать, «таится в Российских недрах». Не забудем, между прочим, что вся российская экономика давно уже сидит на нефтяной игле, и отнюдь не все «в коридорах власти» так уж заинтересованы в fair play с недрами...

Направление № 6 (Шанцеровское): речные долины. Скорее всего, интерес к работе рек появился у профессора в молодости — когда в Киргизии он на себе испытал коварство нрава горных рек, что несколько раз едва не стоило ему жизни. Вероятно, тогда и захотелось вникнуть в геоморфологию и неотектонику поглубже. А оказавшись, «земную жизнь пройдя до половины» здесь, в спокойных пармах Коми, — сравнить свирепую Чу с безмятежной Вычегдой. Так это было или нет — для нас не так уж и важно. Важны замечательные результаты наблюдений и размышлений Ткачева над жизнью речных долин.

6.1. «Террасы Ткачева» не подлежат корреляции. Если местность активно воздымается, а русло, соответственно, врезается, то с течением времени меандры сползают вниз по течению и оказываются на все более низких гипсометрических отметках.

Ну и что из этого? Тем более, что об этом как бы знали и до Ткачева. Знали — но не делали должного вывода! А вывод тот, что по всей длине долины формируется множество «псевдотеррас». И у всякого уважающего себя геоморфолога появляется соблазн их *скоррелировать*, дабы восстановить историю развития долины: ведь общепризнано, что террасы фиксируют тектонические импульсы в жизни реки. Оказывается, «террасы Ткачева» не подлежат корреляции — даже для соседних рек, ибо они вовсе не отражают этапов тектонического развития территории, а суть *необходимые следствия саморазвития речной долины.*

6.2. Сегментный анализ аллювия. Развивая учение своего кумира Е. В. Шанцера о боковой миграции русла и постоянном перемыве аллювия, Ткачев развил целостный сегментный анализ — расчленение голоценового аллювия на разновозрастные сегменты.

Важность такого расчленения очевидна. Во-первых, это позволяет корректно интерпретировать возрастные (радиоуглеродные) датировки аллювия по старичным торфам (и другим органическим остаткам) — что крайне важно для археологов. Во-вторых, это позволяет осмысленно вести разведку аллювиальных россыпей, ибо дает понимание того, как они вдруг пропадают — срезаются границами сегментов, или же трансформируются — в соседних сегментах. Без такого понимания разведка россыпей является тупым и весьма затратным занятием.

6.3. Парадокс древних останцов. В крупных речных долинах попадаются экзотические образования — останцы, имеющие вид холмов разной высоты, окруженных со всех сторон речным аллювием. В долине горной Чу они сложены пролювием, а в долине равнинной Вычегды — ледниковыми отложениями. В частности, заядлые сыктывкарские грибники и охотники давно знакомы с этими останцами, покрытыми густым лесом. Хорошо знают их и археологи, ибо в голоцене древние люди нередко облюбовывали останцы для своих поселений.

Оказывается, чем ближе останец к оси долины — тем он выше! Казалось бы, должно быть наоборот — ведь у стрежня течение быстрее и размыв коренного ложа вроде бы должен происходить сильнее. Но Ткачев нашел простое объяснение парадокса; надо лишь вспомнить слова из песни *(«с голубого ручейка начинается река»)* и всё становится понятным: высокие останцы соответствуют *юной стадии* развития реки.

6.4. Реконструкция голоценовой истории долины Вычегды как ключ к загадке археологии. Археологи находили множество на первый взгляд одновозрастных (мезолитических и века ранней бронзы) стоянок древнего человека, и ломали себе голову над тем, что заставляло древних людей надолго покидать обжитое место и переселяться в другое место долины, ничуть не лучшее, а потом снова возвращаться? Что это за странная у них была «*охота к перемене мест — весьма мучительное свойство*»?

Ткачев нашел этому самое естественное объяснение: люди селились только по берегам главного русла реки, не далее 100—200 м от него. Это обеспечивало им водный транспорт, удобную рыбалку, питьевую воду и (не в последнюю очередь!) — запас каменного материала на бечевнике. Но когда река уходила в сторону — они снимались с места и переселялись поближе к воде! А это значит, что стоянки в разных местах современной долины — вовсе не одновозрастные. Установление относительного возраста сегментов долины дает ключ к датированию стоянок. И, кстати, отсюда следует, что плотность заселения долины была на самом деле во много раз ниже, чем думали раньше — когда считали стоянки одновозрастными...

6.5. Открытие нового механизма миграции русла. Это сделано в точности по формуле: «*Пришел* (взял в руки аэрофотоснимок верховьев Вычегды) — *Увидел* (действительно увидел то, на что никто не обращал внимания) — *Победил* (понял, как формируется долина)».

Оказывается, здесь долина формируется путем кулисообразного наращивания прямолинейных (а не радиально-кривых, которые только и были известны раньше!) парных фрагментов — гривок и щелевидных старичных озер между ними. Эти фрагменты образуются в результате быстрого сползания колена (крутого поворота) русла реки вниз по течению — на участках с увеличенными продольными уклонами.

6.6. Вклад в гипергенную геохимию Fe и Mn — водно-воздушное «дыхание» речной долины. Эта одна из последних разработок Ткачева, кстати сказать, опубликованная в УГЖ (№ 5 за 2008 год).

На примере аллювия Вычегды он установил, что в долинах рек существуют два геохимических барьера: восстановительный и окислительный, действующие в процессе водно-воздушного «дыхания» пойменных отложений и порождающие многочисленные небольшие железо-марганцевые залежи, характерным свойством которых является сезонная эфемерность — они имеют мало шансов сохраниться в геологическом разрезе.

Как и многие другие разработки Ткачева, эта родилась, так сказать, «от противного» — он моментально углядел грубые геологические ошибки в построениях минералога-предшественника, тщившегося доказать значимость марганцевого оруденения в аллювии.

Направление № 7 — угли (любовь на всю жизнь). В 1958 г., занимаясь поисками германия в углях Киргизии, Ткачев впервые увидел замечательную картину: выходы юрской угленосной толщи. Крутые склоны ущелий представляли собой сплошное обнажение, тянущееся без перерыва на многие километры. Угольные пласты эффектно контрастировали с белыми кварцевыми песчаниками с каолинитовым цементом. В почве угольных пластов неизменно наблюдалась темно-серая неслоистая порода — алевролит, испещренный рыжими канальцами от корней растений. Кровля, как правило, была сложена тонкослоистой (до листоватой) углистой глиной (аргиллитом) с прекрасными отпечатками углеобразующей растительности. Латеральная фациальная изменчивость междупластья видна была как на ладони. Благодаря густой сети подземных горных выработок (разведочных и эксплуатационных, для добычи урана) на погоризонтных планах была

надежно отрисована картина внутриформационных размывов и замещения нормальной кровли «русловым» песчаником.

Но, конечно, самым поразительным феноменом была цикличность толщи: в одном разрезе можно было наблюдать до сотни циклотем, причем угольные пласты были менее выдержаны, чем подстилающая их почва. Без труда в ней угадывалась палеопочва заболачивающихся территорий (потом он это увидел своими глазами, изучая современные торфяники). Ткачев для себя решил: эта почва — «начало» цикла (хотя формально любая точка цикла — начало), маркирующий горизонт.

Разумеется, молодой специалист Ткачев целиком находился под влиянием идей о колебательных тектонических движениях на фоне общего погружения и порождаемой ими миграции фаций по Головкинскому–Вальтеру. Однако если трансгрессивная часть цикла хорошо укладывалась в эту схему, то в отношении регрессивной части и её стыковки с трансгрессивной, стройной общей картины не получалось. Но главное неприятное облачко, постепенно разраставшееся в грозовую тучу, заключалось в другом. Юрская угленосная толща центрального Тянь-Шаня, да и всей Средней Азии, отличалась быстрой изменчивостью разреза на коротких расстояниях. Так, в Минкуш-Кокомеренской впадине от месторождения Кок-Мойнок на западе до месторождения Кара-Киче на востоке разрез изменялся кардинально! Если на западе наблюдались сотни циклов, среди которых до 10 пластов имели рабочую мощность, то на востоке, не дальше чем в 20 км, разрез содержал всего один угольный пласт почти 100-метровой мощности без единого прослоя породы. Ткачев справедливо полагал, что на расстояниях, много меньших мощности земной коры, тектонические колебания должны были быть синхронными. Даже если кора разбита на блоки, они не должны «плясать» самостоятельно, независимо друг от друга.

С этими двумя червоточинами в своих представлениях о механизме углеобразования наш Профессор надолго покинул угольную геологию ... Во всяком случае, ему так казалось, ибо изучая в последующие годы торфяники в долине реки Чу (в Киргизии) и Вычегды (в Коми), он на самом деле продолжал (незаметно для самого себя) напряженно размышлять всё о тех же углях: юношеская любовь не стареет...

Обратившись (в процессе своих занятий) к устьям рек, к лагунам, образованным «под крылышком» дельты и вдольберегового потока песчаного материала, формирующего бар, отгораживающий лагуну (здесь, после Е. В. Шанцера, он нашел себе другого кумира — В. П. Зенковича!), он пришел к убеждению, что боковая миграция русла реки, как главный механизм формирования речной долины, работает и здесь *в форме боковой спонтанной миграции дельты.* Наблюдая «сухие дельты» пролювия на выходе из горных ущелий, нормальный аллювий и нормальные дельты, Ткачев всякий раз видел, что чередование пластов, которое можно трактовать как цикличность, вызвано всего-навсего приближением или удалением (иногда постепенным, иногда внезапным) русла реки или основной струи дельты. Нет никакой необходимости при этом прибегать к подъему или опусканию территорий — к колебательным движениям. Таким образом, его сознание было вполне подготовлено к восприятию идей моего университетского учителя, выдающегося российского литолога Владимира Тихоновича Фролова, о том, что угленосная толща образуется в устьях рек; что никаких внешних специальных причин для этого не требуется; что *цикличность порождается внутренним механизмом осадконакопления — боковой миграцией дельты*. Более того, профессор Ткачев склонен думать, что и простое (не колебательное) погружение местности не всегда необходимо. Действительно, земная кора прогибается под собственным весом осадков, на территории, существенно превышающей площадь самих осадков. Тем самым подготавливаются условия для «соскальзывания» русла с активного участка дельты в сторону и, соответственно, отложения сначала глинистых, а затем и песчано-гравийных осадков — там, где до этого было дно лагуны с погребенным пластом (пластами) торфа. Такой механизм обеспечивает: а) захоронение пластов торфа, б) значительную латеральную изменчивость разреза, в) расщепление и выклинивание пластов торфа, г) внутриформационные размывы части угленосного цикла, вплоть до размыва двух-трех нижележащих циклов.

Так, в течение почти всей своей научной карьеры, Ю. А. Ткачев прошел путь от восторга перед колебательными «циклообразующими» движениями к полному их отрицанию. Нетрудно усмотреть здесь знаменитый философский принцип, называемой «бритвой Оккама»: «*Не создавай лишних сущностей без необходимости*». В данном случае колебательные движения — это лишняя сущность...

Молотилка Ткачева

К сожалению, размер этого очерка (и без того уже необъятный) не позволяет мне в деталях рассказать о тех несчастных (а среди них были и очень известные специалисты, такие как А. Б. Вистелиус, Д. А. Родионов, И. П. Шарапов, Ю. В. Шурубор, Ю. К. Бурков, Г. А. Востроknутов), кто «пострадал» от добродушного профессора, вовсе не имевшего никаких злобных замыслов.

А происходило дело так, как я однажды наглядно себе представил.

...Возле своей избушки сидит себе на завалинке Ткачев, *«никому не мешает, примус починяет»*, а в огороде грохочет и трясется его математическая молотилка: идет творческий процесс, обычно — излюбленное им компьютерное моделирование, которым он виртуозно владеет, сочиняя программы с 1000 и более операторов. Мимо проходит путник-геолог со своей поклажей — математической проблемой.

Ткачев его останавливает и участливо выпытывает — что, мол, несешь, служивый? Тот доверчиво выбалтывает безобидному на вид Профессору все свои проблемы: так, мол, и так; вот такие-то я пытаюсь вывести формулы. Наконец, разомлевши от дружеского участия, геолог совсем утрачивает бдительность и неосторожно сует свои выкладки в ткачевскую математическую молотилку... и остается калекой на всю жизнь. Ибо тут и выясняется, что многие (а то и все) его формулы и выводы — неверные, и ничегошеньки-то он в Математике не смыслит...

Об этом надо бы написать отдельное сочинение; но здесь, только для полноты описания карьеры юбиляра, я хочу отметить, что многие задачи, решенные Ткачевым, были как бы подсказаны ему «неосторожными путниками-геологами», пренаивно полагавшими, что они понимают математику... И в таких случаях выяснялось, что одни из этих несчастных совершенно неправильно оценивали точность вычисленных ими кларков (ибо реальная точность оказалась в десятки раз меньшей!); другие — рекламировали некий вычислительный метод, не имеющий никакого смысла и грубо ошибочный в своей основе; третьи — старательно выписывали балансовые уравнения в катагенезе органического вещества, которые на поверку оказались тождествами; четвертые изобретали методы отличения «ложных» изохрон от «истинных», а на поверку и те и другие оказались ложными; пятые старательно «раскрывали» закрытые числовые системы, которые, оказывается, принципиально нераскрываемы, и т. д.

Практический вывод из всех этих историй касается не науки, а Техники Безопасности: тем геологам, кто применяет в своей работе математические методы и при этом дорожит своим спокойствием — надлежит держаться от молотилки Ткачева как можно дальше, во избежание физических увечий и моральных травм. Ибо математика требует понимания (а не просто выписывания формул); но понимание это дано, увы, очень немногим из нас-геологов: «*Много званых, да мало избранных*».

Ткачев-педагог

Любимое занятие Ткачева — жаловаться сослуживцам на то, как преподавание отрывает у него время для научной работы. Не верьте этим жалобам — они лицемерны! Ибо Ткачев — прирожденный педагог, обладающий редкостным умением просто и понятно объяснить самому тупому клиенту сложные вещи, и получающий от этого занятия большое удовольствие. Помимо того, что он вырастил и воспитал 6 (шесть) кандидатов наук, Ткачев еще до введения в аспирантские программы курса геоинформатики безвозмездно организовал в нашем Институте регулярные занятия с аспирантами, соискателями и всеми желающими сотрудниками. Когда же этот курс был введен официально и стал платным, в Отделе аспирантуры вдруг нарисовались другие преподаватели (ни один из которых не имел ни докторского диплома, ни аттестата профессора, ни удостоверения государственного образца о квалификации «программиста-разработчика»). В итоге вместо геоинформатики аспирантам преподносят элементарную компьютерную грамоту.

Читая в Сыктывкарском университете, Сыктывкарском лесном институте и Ухтинском техническом университете ряд курсов (математические методы в геологии, геолого-экономическую оценку месторождений, геодезию, аэрогеодезию, инженерную геологию, инженерную гидрологию) и проводя по ним полевую практику, *Профессор создал по всем этим дисциплинам учебно-*

методические комплексы: программы, методические указания, задания для курсовых работ, примеры их выполнения, а также вопросы для текущего контроля, зачетов и экзаменов.

Но его оригинальный, критический ум сказался и в этом, казалось бы, столь рутинном занятии, как преподавание. Так, обеспокоенный широким распространением шпаргалок, возможными конфликтами по поводу оценок за ответы и большой ролью случайного фактора из-за малого числа вопросов в билете, Ткачев разработал собственную *тестовую систему контроля знаний* студентов. Каждый студент (аспирант) должен ответить не на 3—4, а на 100—120 вопросов. Вопросы сопровождаются 5—10 ответами, только один из которых — верный. Вопросы и варианты ответов располагаются для каждого студента (аспиранта) в случайном порядке, который (всякий раз заново!) формирует ткачевская компьютерная программа. Расчет числа правильных и неправильных ответов и выставление оценки делаются сразу автоматически — этой же программой *(«все претензии — к компьютеру*!»). Программа отнюдь не секретна — она выдается студентам (на дискете) заранее для подготовки и может использоваться ими как тренажер. В этом случае вопросы, на которые два раза подряд был дан правильный ответ, в тренажерном варианте из вопросника исключаются.

Беллетристика от Ткачева

«*Какое ваше хобби*? — спросил дотошный корреспондент Юрия Гагарина. Первый космонавт (человек очень скромный) смутился: *«Ну, я не знаю... Как у всех — сантиметров 10—12...»* (Анекдот). Надо полагать, у нашего Профессора такое хобби тоже имеется; однако на старости лет у него появилась прямо-таки пламенная страсть — беллетристика. В Вестнике Института геологии Коми НЦ УрО РАН в 2000—2009 гг. один за другим стали печататься замечательные «Эпизоды» — автобиографические рассказы Ткачева.

Я был их первым читателем в рукописях и сразу понял, что нашим стажированным писателям-геологам впору складывать свои перья — до Ткачева им далеко! Ибо ему удалось придать интереснейшему, познавательно-полезному геолого-биографическому содержанию — художественную, а местами даже лирическую форму.

Почему я не верю в Бога?

Потому что никакого Бога нет. В отличие от Бени Спинозы, который в свое время доказал *теорему о бытии Бога*, исходя из Совершенства Мира, я берусь с легкостью доказать обратное. Ибо на самом деле в этом мире никаким совершенством и не пахнет. И если Бог (в неизреченной милости Своей) столь щедро наделил нашего Профессора талантами — то почему бы Всевышнему еще немного не подсуетиться — и не протолкнуть проф. Ткачева Ю. А. в наш партийно-хозяйственный актив, называемый Российской академией наук, и состоящий в основном из горьких пьяниц — директоров институтов (размножающихся путем клонирования)? Ибо если, согласно Спинозе, Бог всемогущ — то он мог бы и стойко-беспартийного не-директора Ткачева просунуть в РАН, не так ли?

Но, насколько мне ведомо, непьющему Профессору ни разу даже не предлагали баллотироваться в РАН. Поэтому — Бога нет, ч. т. д.

Список наиболее важных сочинений профессора Ю. А. Ткачева

1. Разведка и освоение гидротермальных месторождений горного хрусталя. М.: Недра, 1974. 264 с. (в соавторстве с А. Гудковым, П. Коробейниковым, Н. Брезгуновым).

2. Статистическая обработка геохимических данных. Методы и проблемы. Л.: Наука, 1975. 233 с. (в соавторстве с Я. Э. Юдовичем).

3. Обработка проб полезных ископаемых. М.: Недра, 1987. 190 с. (в соавторстве с А. А. Шеиным).

4. Теория и методы подсчета запасов полезных ископаемых. Л.: Наука, 1987. 224 с.

5. Плата за недра. Л.: Наука, 1998. 168 с.

6. Спектральный анализ в геологии и геохимии. — Екатеринбург: УрО РАН. 2003. 296 с. (В соавторстве с Т. И. Ивановой).

* * *

Воркутский Сократ[77]

Я готов отстаивать оба слова в заголовке.

Во-первых, почему Воркутский, а не Воркутинский, как обычно принято писать и говорить?

— Потому, что давшее начало Печорскому угольному бассейну месторождение коксующихся жирных углей, открытое в 1930 г. Георгием Черновым в лодочном маршруте на притоке Усы — речке Воркуте — называется именно *Воркутским*.

— Во-вторых, потому что Македонов был и внешне чрезвычайно похож на Сократа (такой же лысый, ироничный и курносый); и давно был неравнодушен к нему (написавши, между прочим, о Сократе блистательное эссе); и, быть может, самое главное — был Очень Умным... Помню, как ехидная Людмила Ивановна Сарбеева (одна из пятерки Великих Женщин, обитавших в Лаборатории геологии угля на набережной Макарова: Вальц, Гинзбург, Фокина, Корженевская и Сарбеева) заметила мне по какому-то поводу: *«... я, конечно, не такая умная, как Македонов...»*) — и в ее устах такое признание дорогого стоило.

— В-третьих, разумеется, потому, что Македонов сидел на Воркуте — в воркутском «Речлаге» [19, с. 31] — и именно там сформировался как геолог, будучи до посадки — литературным критиком, приятелем молодого Твардовского[78].

... Я познакомился с ним сразу, как оказался в очной аспирантуре во ВСЕГЕИ, т. е. в 1965 г. [16]. Уже совсем запамятовал, как это произошло, но хорошо помню, что я ему показал в своей диссертации зарисовки обнажений нижнемеловых песков на Кангаласском мысу (левобережье Лены в 70 км ниже Якутска), и он сразу сказал: *«Ага! Это вот у Вас — так называемые channel песчаники — отложения временных потоков в дельте»*. И стало ясно, что он обладает огромной литологической эрудицией, в чем впоследствии я много раз имел случаи убедиться. Например, тогда, когда он подарил мне рукопись свой обобщающей статьи об океанских ЖМК — железомарганцевых конкрециях. Судя хотя бы по нашему Реферативному журналу «Геология», литературы о ЖМК публиковали так много, что мне казалось совершенно невозможным обнять её всю и сделать какое-то обобщение. Но для Македонова таких трудностей не существовало: он обобщил все материалы непринужденно-легко; как это, так и все остальные его сочинения всегда отличались колоссальной библиографической базой. Я видел эту базу «в натуре» у него дома в Ленинграде — десятки коробок, плотно набитых библиографическими карточками, среди которых он мгновенно отыскивал нужную.

Мне кажется, что о масштабе Македонова-ученого наилучшее представление дают не столько его сугубо геологические монографии и статьи [2—8, 10—14], сколько замечательная книга-1966 *«Современные конкреции в осадках и почвах и закономерности их географического распространения»* [9]. Помню, как меня поразила эта книга — той абсолютной свободой, с которой Ма-

---

[77] **Опубликовано: Литология и геология горючих ископаемых: Межвузовский научный тематический сборник. Вып. III (19). — Екатеринбург: Уральск. гос. горн. ун-т, 2009, с. 296—303.**

[78] Как нам указал А. В. Лапо — инициатор и вдохновитель сбора материалов к 100-летию Македонова, оказывается, **еще 80 лет назад Македонова назвал Сократом — Твардовский!** По свидетельству А. В. Лапо, в изданном в Смоленске в 1996 г. сборнике В. С. Баевский писал (с. 181): «По утрам Твардовский любил приходить к А.В. Еще до того, как он появлялся в комнате, раздавался стук в окно, и звучал его неслабый голос: «Сократ дома?».

кедонов отыскал, освоил и переработал огромные пласты далекой от геологии почвоведческой и географической литературы. (Только позже я узнал, что Македонов в Воркуте, уже работая геологом, заочно, за два года (1948—1950) с блеском закончил *географический* факультет Саратовского университета!)

До этого я думал, что такая мощь обобщения в нашей геологии присуща одному только академику Страхову; но тогда я убедился, что Македонов ничуть не слабее Страхова. Поэтому я уже не удивился, когда Македонов в разговоре со мною весьма критически отозвался о книге Страхова «Развитие литогенетических идей в России и СССР» (1971) как о сочинении слишком идеологически-одностороннем: ибо *так* мог судить только Равный о Равном. (Поневоле вспоминается мандельштамовское *«... и меня только равный убьет»*).

Моя научная карьера во ВСЕГЕИ (полтора года очной аспирантуры) и в Сыктывкаре (тесное общение с угольной Воркутой) на протяжении многих лет происходила под дружеской опекой Македонова.

Первый раз Македонов выручил меня на защите кандидатской. Моим оппонентом-доктором был назначен кондовый тектонист-нефтяник из ВНИГРИ — Н. Г. Туаев. В содержании моей сугубо угольно-геохимической диссертации («Вопросы геохимии угольных пластов и угольных включений в Приякутском районе Ленского угленосного бассейна» — Л.: ВСЕГЕИ, 1966) он, конечно, мало что понимал. Тем не менее, он сочинил длиннейший отзыв, где напридумывал дорогие его сердцу глубинные разломы, по которым в платформенную нижнемеловую угленосную толщу якобы поднимались металлоносные растворы... Я успел познакомиться с отзывом перед самой защитой, и он привел меня в ужас и своей непомерной длиной и очевидной абсурдностью.

Но это было еще не горе, а лишь пол-горя. К защите я несколько дней готовился дома — в Гатчине, и во ВСЕГЕИ не показывался. И вот, приехав на защиту, я с ужасом узнаю, что Туаев уже несколько дней как лежит дома с малярией — с температурой 40°. Что же — в отсутствие оппонента защита отменяется? А ведь она и без того была назначена на полгода позже срока: не в сентябре-1966, как указано в автореферате, а в марте-1967. К счастью, ушлые всегеишные секретарши (А. С. Остроумова — ученый секретарь института и Н. Я. Шумская — ученый секретарь Рудно-петрографической секции Ученого совета) уже «взяли свои меры» и попросили Македонова — закрыть амбразуру.

Для великого литолога это оказалось пустячным делом: он за ночь прочитал диссертацию и сочинил отзыв. Разумеется, никакого отпечатанного и заверенного документа у него в наличии не имелось: на защите Македонов бодро зачитывал свой экспромт с каких-то листочков, исписанных каракулями, разбирать которые мог только он сам да еще Раиса Абрамовна — его верная подруга, сразу приехавшая с ребенком в Воркуту, как только Македонова выпустили в 1946 г. Когда я, уже в Сыктывкаре, получал из Ленинграда письма от Македонова, то некоторые слова на «македонском языке» мы коллективно пытались расшифровывать — как криминалисты, путем перебора версий!

Итак, Македонов с артистической непринужденностью зачитал свой виртуальный отзыв, и моя защита была спасена.

Второй раз Македонов дал мне мудрое напутствие перед моим отъездом из Ленинграда в Сыктывкар:

— Как приедете, сразу свяжитесь в Воркуте со Степановым — только у него в партии еще сохранились остатки угольной науки. С его помощью Вы сможете продолжить изучение геохимии углей на материалах Печорского бассейна.

Этот совет Адриана Владимировича я немедленно реализовал и с тех пор в течение 40 лет работал в тесном контакте не только с Юрием Васильевичем Степановым [19], но и со многими другими воркутинскими геологами.

Третий раз Македонов оказал мне мощную моральную поддержку в тяжелые годы «беззащитицы» — когда я мыкался несколько лет с законченной еще в конце 1979 г. докторской диссертацией (защитить которую удалось только в конце 1984 г.). Поскольку, по уверению Бориса Пастернака, *«... пораженье от победы ты сам не должен отличать»*, я не был так уж твердо уверен в том, что сочинил нечто достойное, особенно после того, как в 1980 г. рукопись диссертации про-

читал Владимир Николаевич Холодов из ГИНа и сказал мне: *«Это не наука»* [16]. Поэтому для меня была крайне важна оценка Македонова. Получив мою книгу «Региональная геохимия осадочных толщ» [18], он написал мне, что книга *«превосходная»* и, как я это хорошо запомнил, подчеркнул это слово. Поскольку книга практически 1:1 и была докторской диссертацией, то когда для намечавшейся защиты во ВНИГРИ я стал искать оппонентов (что было очень трудным делом в «провинциальном» Ленинграде), — Македонов без колебаний дал твердое согласие оппонировать.

... Шли 1970-е — годы моего безмятежного бытия в Сыктывкаре. Появилась возможность и мне что-то сделать для моего старшего друга. Во главе коллектива литологов ВСЕГЕИ Македонов готовил очередное научно-методическое пособие. Он попросил меня сделать сжатый обзор применения геохимических индикаторов фаций — на нескольких страничках. Я довольно быстро сочинил для Македонова то, что он просил [11], ... но увяз в обширной литературе настолько, что понял — несколькими страничками здесь не обойтись, и депонировал в 1976 г. в ВИНИТИ целую книжку «Введение в геохимическую диагностику фаций» [15].

Но жизнь интересна своей непредсказуемостью. Я и помыслить не мог, что через 20 лет снова вернусь к «македоновской» проблематике! Однако теперь, когда Македонова уже давно нет на свете, оказалось, что проблему можно и нужно ставить гораздо шире: не только как геохимическую диагностику фаций седиментогенеза, но и вообще — как *Геохимическую диагностику литогенеза*! По этой теме уже опубликованы две книги [17, 21], но тема так обширна и многогранна, что понадобятся еще годы упорной работы, чтобы ее исчерпать. Таким образом, оказывается, что эта тема, если вспомнить ее историю — на самом деле исходит от Македонова! ***И хотя Македонов ушел от нас еще в 1994 году — получается, что мы до сих пор продолжаем работать как бы по заданной им программе[79].***

Несмотря на большую разницу в возрасте, мы были с Адрианом Владимировичем в коротких отношениях и дружили домами. К великому сожалению, даже после барака в Воркуте жизнь двух маленьких старичков в Ленинграде (Адриана Владимировича и Раисы Абрамовны) — отнюдь не была безоблачной. Проклятьем этой семьи была их дебильная дочь Эльза — большая, толстая, животно-грубая и неряшливая баба. Македонов ее боялся, и управляться с нею могла только Раиса Абрамовна; Эльза огрызалась, но все-таки «мамашу» слушалась. Эти неприглядные сцены мы наблюдали за обеденным столом, когда Македонов пригласил нас с женой в гости. Я не мог скрыть своего ужаса от увиденного, а он с тоской сказал, провожая нас: *«Что же делать? Это наш крест, нам его и нести до конца»*. Тем не менее, после смерти Раисы Абрамовны, в Эльзе неожиданно всплыло что-то глубинно-женское. По свидетельству А. В. Лапо, Македонов с изумлением говорил ему, что Эльза изменилась к лучшему и стала заботиться о нем едва ли не лучше, чем покойная жена!

Общеизвестно, что главной заслугой Македонова явилось создание конкреционного анализа — мощного средства диагностики топо- и гидрофаций [2, 4—6, 12, 13]. Но это «общеизвестно» только у нас — в русскоязычной геологии. А те, кто знаком с западной геологической литературой, знает, что она самодостаточна — в том смысле, что русской науки «для них» как бы не существует. При этом ссылки на пресловутый языковый барьер (дескать, английский язык знают все, русского языка не знает никто) далеко не всегда могут служить оправданием игнорирования русской науки: нередко оно совершается совершенно сознательно, когда о русских работах могут и знать, но предпочитают на них не ссылаться. Анализ этой болезненной проблемы был дан в нашей книге «Неорганическое вещество углей» [20] — **именно на примере македоновского конкреционного анализа**, который был заново «открыт» австралийскими геологами через 40 лет после Македонова. Еще раз пришлось напомнить о приоритете Македонова совсем недавно — в книге по минеральным индикаторам литогенеза [21].

Однако наивно надеяться, что если «они» в течение десятков лет игнорировали труды Вернадского, даже опубликованные на французском и немецком языках [1], — то вдруг загорятся желанием изучать русскоязычные труды Македонова... Выход только один — утверждать и отстаивать приоритет Македонова в специально подготовленных *англоязычных* публикациях. Кому-

[79] В 2011 г. мы завершили эту работу, напечатав толстенную книгу: «*Юдович Я. Э., Кетрис М. П.* Геохимические индикаторы литогенеза (литологическая геохимия). — Сыктывкар: Геопринт, 2011, 740 с.» *(Примечание-2011)*.

то из наших геологов необходимо этим заняться, если мы хотим, чтобы Македонову был поставлен тот памятник, которого достоин этот великий литолог XX столетия.

К 75-летию Македонова я прислал ему Оду, которая была благосклонно принята юбиляром (первой специальностью которого, напомним, была литературная критика!).

ЭЮЯ

Ода

к 75-летию Адриана Владимировича Македонова[80]

Явилась снова к нам весна,
Как ни хитри — на дворе лужи.
Стало быть, снова мне хана —
Камни из почек полезут наружу...

Хочешь — терпи, а не хочешь — кричи:
Прут, в направлении к центру Земли.
Где же вы, милые, где вы — врачи,
Те, что бы мне помогли?!

Ах — нету в природе таких врачей,
И катятся новые приступов вспышки.
И средь бессонных моих ночей —
Нет мне ни дна, ни покрышки...

В заботах стареет моя жена:
Действительно, участь ее незавидна.
А я совершаю прыжки у окна:
Как там, «Скорой» не видно ли?

... Приедет сестричка в белом халате,
Избавит жену от забот —
И вот уж я снова в больничной палате —
Вместо полевых работ...

Так, средь страданий и стонов,
Я медленно околевал —
Но словно ангел, пришел Македонов —
Я радость Надежды познал!

«О друг мой, —
сказал мне великий Литолог, —
Вам не о чем волноваться!
Ведь Вы геолог, и я геолог,
Зачем же нам притворяться?

Когда Вас лишится ваш институт,
Тогда — хоть пожар, хоть потоп —
Мне Ваши камешки принесут,
А я их — под микроскоп!

---

[80] **Опубликовано в книге: Дорога с грустным перекрестком: Лит. сборник. — Сыктывкар: [Самиздат], 2002. С. 29—30.**

Сознайтесь: Вам, в фоссильном состоянии
Так ли уж нужно Ваше «Я»?
Меж тем, в превосходном новом издании —
Выйдет моя статья!
И в ней я, как новый Лукреций
(Здесь нет ничего обидного)
Дам описание Ваших конкреций;
Поверьте — нет доли завиднее!»

Теперь я не встану от стола:
И яйца жрать буду, и кушать сметану —
Уж если Наука меня призвала —
То я уклоняться не стану!

(Май—1984)

Литература

1. *В. И. Вернадский*: pro et contra / Сост., вступ. ст., коммент. А. В. Лапо. — СПб: РХГИ, 2000, 872 с. (Русский путь).

2. *Македонов А. В.* Историко-геологическая эволюция конкрециеобразования // Конкреции докембрия. — Л., 1989, с. 6—10.

3. *Македонов А. В.* К истории и состоянию проблем фациального анализа // Наука и техника. Вопросы истории и теории. № 10. — М. —Л., 1979, с. 128—131.

4. *Македонов А. В.* К истории проблемы специфики конкреций и ее современное состояние // Минерало- и рудообразующие конкреции в осадочных породах. — Казань: Казанск. ун-т, 1976, с. 15—33.

5. *Македонов А. В.* Конкреции глинистых пород // Фациальные типы глинистых пород. — Л.: Недра, 1973, с. 96—132.

6. *Македонов А. В.* Конкреционный анализ как метод палеогеографических исследований // Палеогеографические и литолого-фациальные исследования в СССР: Тез. докл. — Л., 1969, с. 19—21.

7. *Македонов А. В.* Методы литофациального анализа и типизация осадков гумидных зон. — Л.: Недра, 1985, 243 с.

8. *Македонов А. В.* Подугленосные формации // История угленакопления в Печорском бассейне. — М. —Л.: Наука, 1965, с. 37—46.

9. *Македонов А. В.* Современные конкреции в осадках и почвах и закономерности их географического распространения. — М.: Наука, 1966, 284 с.

10. *Македонов А. В.* Угленосная формация и ее основные признаки // История угленакопления в Печорском бассейне. — М. —Л.: Наука, 1965, с. 47—129.

11. *Македонов А. В., Волкова И. Б., Гаврилова О. И., Сарбеева Л. И., Топорец С. А., Фаддева И. З.* Специальные методы изучения вещественного состава углей и вмещающих пород // Методы формационного анализа угленосных толщ. — М.: Недра, 1975, с. 74—159.

12. *Македонов А. В., Зарицкий П. В.* Значение конкреций для фациального и формационного анализа, корреляции осадочных толщ и поисков месторождений полезных ископаемых // Конкреции и конкреционный анализ. — М., Наука, 1977, с. 18—32.

13. *Македонов А. В., Зарицкий П. В.* Конкреции и конкреционный анализ // Методы корреляции угленосных толщ и синонимики угольных пластов. — Л.: Наука, 1968, с. 234—260.

14. *Македонов А. В., Родный Н. И.* Состав нижнепермских осадочных формаций Печорского каменноугольного бассейна // Геохимия, 1957, № 6, с. 538—552.

15. *Юдович Я. Э.* Введение в геохимическую диагностику фаций / ИГ Коми фил. АН СССР. — Сыктывкар, 1976. — 116 с. Деп. в ВИНИТИ. № 296—76.

16. *Юдович Я. Э.* Записки геохимика. — Сыктывкар: Геопринт, 2007, 195 с.

17. *Юдович Я. Э.* Проблемы геохимической диагностики фаций седиментогенеза: Мат-лы к Школе-семинару (Томск, 20—27 ноября 2007). — Томск: Дельтаплан, 2007, 188 с.

18. *Юдович Я. Э.* Региональная геохимия осадочных толщ. — Л.: Наука, 1981, 276 с.

19. *Юдович Я. Э.* Юрий Васильевич Степанов — Сыктывкар: Геопринт, 2006, 115 с.

20. *Юдович Я. Э., Кетрис М. П.* Неорганическое вещество углей. — Екатеринбург: УрО РАН, 2002, 422 с.

21. *Юдович Я. Э., Кетрис М. П.* Минеральные индикаторы литогенеза. — Сыктывкар: Геопринт, 2008, 564 с.

* * *

Валерьяныч[81]

С великим удивлением я узнал, что Сергею Валериановичу Лыюрову исполняется 50 лет. Я поинтересовался: когда же он родился? Оказалось — 4 июня 1961 г.

Это меня изумило. Выходит, в те самые дни, когда я, уже вполне взрослый мужик 24-х лет от роду, копался в песчаных обнажениях верхней юры–нижнего мела на таежной речонке Кэнкэмэ, левом притоке Лены, километрах в 100 севернее Якутска, — как раз и родился будущий Хозяин Юрского Парка Республики Коми! Осознав это, я в очередной раз удивился: какой же я, оказывается, старый...

Хозяин Юрского Парка. Сергей Лыюров — наш лучший специалист по юрским отложениям. Но для любого геолога, даже если он занимается глубоким докембрием, в словах «юрские отложения» таится неизъяснимая прелесть, связанная с юностью нашей науки. Ведь именно в английской юре горный инженер Уильям Смит в 1817 г. впервые выделил комплексы руководящих ископаемых — окаменелые остатки фауны, строго соответствующие определенному слою геологического разреза.

С момента установления А. Броньяром юрской системы в 1821 г. её отложения остаются классическим объектом геологии. Так, для стратиграфа и палеонтолога юра — это настоящий зоопарк и ботанический сад былой биосферы: фораминиферы, кокколитофориды, аммониты, белемниты, двустворки, брахиоподы, гастроподы, губки, кораллы, морские лилии и ежи, рыбы, ихтиозавры, плезиозавры, папоротники, хвощи, саговые, хвойные... Невольно вспоминается знаменитый кинофильм «Jurassic Park» Стивена Спилберга, открывшего юрских динозавров миллионам людей, весьма далеким от геологии.

Литолога и геохимика юра вдохновляет роскошным разнообразием фаций и соответствующих им осадочных пород и руд. Здесь и пески с древними россыпями ценных минералов и с глауконитом (а глауконит — это особая песня, которую, я в это верю, нам в ближайшие годы споет Юля Симакова!); и мощные пласты углей, и германиеносная углефицированная древесина; и фосфориты; и оолитовые железные руды; и марганцевые руды — карбонатные и оксидные; и ураноносные черные и горючие сланцы, нередко с ванадием, молибденом и никелем; и массивы чистейших рифовых карбонатов. А в последние десятилетия самая популярная аббревиатура в мировой геохимии осадочных пород — это OAE, т. е. Ocean Anoxic Event — океанское (глобальное!) аноксическое событие, свидетельство экологической катастрофы в биосфере Земли, оставившее следы в виде глобально развитых горизонтов черных сланцев. Так вот, один из этих OAE, и, может быть, самый знаменитый, — тоарский, т. е. нижнеюрский.

И хотя каждый узкий специалист может найти в юре привлекательный объект, изучению которого можно посвятить всю жизнь, основой всего в геологии является Ёе Королевское Величество Стратиграфия — то, чем занимается наш юбиляр. А то, КАК он ею занимается, можно понять, почитав его книги и статьи. Еще в 1994 г., в своей кандидатской диссертации Валерьяныч детально изучил 45 разрезов скважин и множество естественных выходов юры, дав им отличную литологическую и палеонтологическую характеристику. Достаточно сказать, что в наиболее полных разрезах (Чим-Лоптюгский участок и Сысольская котловина) ему удалось охарактеризовать 12 последовательных слоев, а в сланценосном интервале волжского яруса — выделить 26 (!) отдельных слоев горючих сланцев.

Его экспедиции. Валерьяныч — кондовый геолог-полевик. Для того чтобы подсчитать общее число его полевых сезонов, надо прибегнуть не к сложению, а к вычитанию — вычесть те годы, когда он НЕ ездил в поле. Так вот, с начала его полевой карьеры еще в статусе школьника-

[81] **Опубликовано: Вестник Ин-та геологии Коми НЦ УрО РАН, 2011, июнь, № 6 (199), с. 39**.

лаборанта у В. Жемчуговой и Г. Д. Удота (1978) и по настоящее время он не был в поле всего-то раза три или четыре, причем по вполне «уважительным» причинам (например, по причине перелома ноги в 2001 г.).

Поэтому никто из ступающих на заповедные земли Юрского Парка не может обойтись без консультаций Валерьяныча — будь то сам профессор Мальков, алкающий новых находок позвонков динозавров, или наш молодой блестящий доктор Дима Бушнев, изучающий органическую геохимию юрских горючих сланцев, или замдиректора Игорь Бурцев, учинивший в институте впечатляющую комплексную программу изучения сланценосного разреза. Всем им — ни шагу ступить без помощи Лыюрова.

Ученик и учитель. В обоих этих качествах Валерьяныч проявил себя самым достойным образом! И хотя он был далеко не единственным учеником так безвременно ушедшего Владимира Афанасьевича Молина, именно он оказался тем человеком, который взял на себя хлопоты по сохранению светлой памяти Молина — организовал авторский коллектив, собрал воспоминания (что было непростым делом, учитывая нашу всегдашнюю «занятость»), сам написал живые и остроумные эссе, проникнутые теплой благодарностью к Учителю, и добился издания брошюры о нем (а недавно организовал и провел очередной юбилей В. А. Молина).

Ну а сам в качестве учителя — преподавателя на юшкинской кафедре геологии в СГУ — он также проявил себя с наилучшей стороны: весь свой громадный опыт стратиграфа-палеонтолога вложил в замечательный курс — «Основы стратиграфии», — книгу, во многих отношениях образцовую.

Последний вопрос, наверняка интересующий любое академическое начальство, озабоченное подготовкой кадров высшей квалификации: а носит ли этот Солдат Стратиграфии в своем ранце маршальский (сиречь докторский) жезл?

– Точных сведений у меня нет, но, зная широту его интересов, уверен, что носит. Надеюсь, что в скором времени у нас может появиться доктор геолого-минералогических наук С. В. Лыюров. Только одно пожелание Валерьянычу в день его 50-летия — поторопиться с сочинением ДД и уж ни в коем случае не ждать следующего юбилея!

* * *

Перечитывая Сергея Мейена[82]

Когда я учился на геолфаке МГУ (1954–1959), то, пробегая порой по коридору четвертого этажа, всегда замечал в полуоткрытую дверь кабинета кафедры палеонтологии занятого изучением препаратов ископаемой флоры, известного всему факультету студента старшего курса — Сергея Мейена. Казалось, что он вообще не посещает занятий, а всегда сидит за бинокуляром.

Потом судьба нас надолго развела. Контакт возник только в 1975 г., когда в Москве проходил VIII Международный конгресс по стратиграфии и геологии карбона. Президентом конгресса числился П. П. Тимофеев, но воз всей огромной черновой организационной работы тянул Генеральный Секретарь — Сергей Мейен. Он активно привлек к работе и наших карбонщиков (делегация Коми филиала АН СССР была внушительной: А. И. Елисеев, В. А. Чермных, Н. В. Калашников), а заодно и меня — секретарствовать на двух заседаниях секций «Минералогия и геохимия» и «Петрография и генезис угля», а Володя Чермных выполнял эту же ра-

[82] **Опубликовано: Вестник Ин-та геологии Коми НЦ УрО РАН, 2011, август, № 8 (200), с. 29–31.**

боту на заседаниях секций «Палеогео-графия и литология» и «Палеонтология и стратиграфия».

Позднее Сережа, имевший дела с нашим палеоботаником Лидой Фефиловой, приезжал в Сыктывкар и у нас дома за обеденным столом дискутировал с Револьтом Ивановичем Пименовым о проблемах геологического времени. Помню, как все собравшиеся у нас гости слушали этих двух Мыслителей с открытым ртом, не смея вмешиваться в их высокоученые споры...

Когда же вышла замечательная научно-популярная книжка Мейена «Следы трав индейских», то мы с ним обменялись парой писем — его заинтересовало мое сообщение о том, что отмеченный им загадочный палеоботанический рубеж в серпуховском веке (на рубеже раннего/среднего карбона) имел не менее загадочное проявление и в региональной геохимии стронция, бария, фтора и урана у нас, на севере Урала и на Пай-Хое.

Последние наши контакты (уже заочные) были связаны с созданным географом и почвоведом Владимиром Леонидовичем Кожарой (из Борка в Ярославской области) — Междисциплинарным классификационным движением (КД). Я каким-то боком оказался вовлеченным в это КД (присутствовал на двух собраниях КД — Пущинском и Миасском), а Сергей Мейен (вместе с известным математиком Юлием Шрейдером) был одним из ведущих идеологов КД, поскольку его весьма занимала проблема так называемой Естественной классификации. Имя С. В. Мейена и, в частности, его знаменитый *«принцип сочувствия»* были на слуху у всех участников КД: физиков, математиков, химиков, геологов, географов, биологов, почвоведов, лингвистов и философов.

Но в 1987 г., в 52 года, в расцвете сил и на пике своей славы, Сережа после мучительной и неизлечимой болезни умер — что ощущалось тогда и ощущается теперь — как ужасная, невосполнимая потеря для российской науки.

...И вот теперь, через четверть века после ухода С. Мейена, я вновь встретился с ним, уже виртуально, при штудировании оставленного им наследства. Как большинство подлинно крупных ученых, Сергей Мейен активно работал в научно-популярном жанре, печатаясь в «Природе», «Знании — силе», «Технике — молодежи», «Химии и жизни» и т. п. Его коллеги, ученики и последователи из ГИНа в 2001 г. собрали большинство таких работ в книжку: «***Мейен С. В.* Листья на камне: Размышления о палеоботанике, геологии, эволюции и путях познания живого. — М.: ГЕОС, 2001, 493 с. (Тр. Геол. ин-та РАН. Науч.-популярная сер. Вып. 1).** Хотя я давно выписал эту книжку из ГЕОСа, но, как это часто бывает, книжка пылилась на полке, так как времени для ее неспешного штудирования всё никак не находилось. Наконец у меня появился досуг, и я открыл эту книгу — да так и не смог оторваться, пока не прочитал от корки до корки. И мне захотелось поделиться с читателем *Вестника* некоторыми впечатлениями (а также рекомендовать прочитать эту книгу в первую очередь — нашим молодым геологам).

Замечу, что характерной особенностью научно-популярной стилистики Мейена является свойственная гуманитариям, но редко встречающаяся у естественников — образность речи. Вроде бы он всё так серьезно пишет, солидно излагает, аккуратно комментирует — и вдруг, словно вспышка ракеты, вкрапливаются яркое сравнение или метафора, сразу высвечивающие суть вопроса. Вот несколько наугад взятых, выборочных примеров в подтверждение того, что чтение указанной книги С. В. Мейена — занятие и крайне полезное, и весьма увлекательное.

Эволюция растительности и литогенез. Никто из геологов не может обойтись без метода лайелевского униформизма–актуализма, т. е. суждения о прошлых геологических процессах по аналогии с современными, протекающими на наших глазах. Однако бездумное применение актуализма чревато ошибками, ибо обстановки седиментации (особенно на суше) необратимо эволюционировали и даже в раннем палеозое (не говоря уж о глубоком докембрии) были совсем непохожими на современные. Вот как об этом пишет Мейен: *«Едва лишь первые растения проникли немного вглубь суши, сразу началось преобразование горных пород, на которых они прижились. Началось образование почв. Это, в свою очередь, вызвало два важнейших следствия. Во-первых, даже небольшой почвенный покров с редкой растительностью уже сдерживает, регулирует сток вод. Во-вторых, в освоенные первыми колонистами места проще проникнуть и менее выносливым растениям»* (с. 31).

С этим же — с ограничением метода актуализма — приходится связывать и вечное проклятие геологии — фатальную неполноту геологической летописи. Как пишет С. В. Мейен: *«Большая часть тех геологических разрезов, с которыми приходится иметь дело, пронизана многочис-*

ленными скрытыми перерывами. Подсчитано, что в условиях шельфовых мелководий, где порой накапливаются мощнейшие толщи пород, время, потребное для их образования, составляет доли процента от общего времени наслоения всей толщи. Остальное время в осадке не материализуется» (с. 225).

И как раз одна из причин этих лакун в летописи — разница современных и древних условий литогенеза в раннем палеозое, когда растительность только-только стала осваивать сушу: *«Прошел дождь, часть воды впиталась в камни, в песок, в глины, а остальная часть, не сдерживаемая ничем — водоохранной растительности не было — бурными потоками ринулась в низины. Если подвернулись по пути первые хилые былинки, поток подхватил их, изломал и понес. Из того, что осталось, палеоботаник много не извлечет. Пока сток воды не регулировался, не было настоящих речных долин с поймами и старицами, не было настоящих болот. Останки погибших не могли рассчитывать на почетное, не бесславное погребение: кладбищ не было»* (с. 107).

Ловушки аллохтонии в геологических построениях. Когда литолог или геохимик делает свои реконструкции, он, как правило, исходит из «презумпции сингенетичности» того или иного признака. Однако это может приводить к крупным ошибкам:

«<...> Найдя кусок древесины без колец прироста [что считают характерным индикатором климата влажных тропиков. — Я. Ю.] *«где в течение года климат и длина дня почти не меняются» <...> Необходимо помнить о том, что его могли принести морские течения за тысячи километров. Ведь и сейчас по берегам безлесных арктических островов встречаются целые завалы деревьев, принесенных течениями с юга и выброшенных волнами на берег («плавник»)»* (с. 38—41).

Изменчивость сибаритов и консерватизм страдальцев. Оказывается, изменчивость растительных видов возникает не в суровых условиях жизни (как мы привыкли думать в духе дарвинизма!), а как раз наоборот, в самых благоприятных — тропических поясах! Оттуда (и только оттуда) новые виды путем «фитоспрединга» проникают в высокие широты: *«Очевидно, что основной источник «фитоспрединга» — расположение самых крупных климатических зон на Земле и зависимость растений и их сообществ в первую очередь от температурного режима и условий увлажнения. Это — главные лимитирующие факторы. В экваториальных фитохориях при достаточном количестве дождей таких ограничений меньше, и эволюция «отпускает тормоза». Чем дальше от экватора, тем чаще и сильнее работают тормоза в виде абиотических факторов отбора. Здесь мало возможностей для эволюционных экспериментов, отбор сразу пресекает смелые попытки»* (с. 38—41).

Спирали эволюции. Биологическая эволюция вовсе не идет линейно, а движется по хитрым спиралям. В частности, древние водные растения некогда освоили сушу... а потом некоторые из них, «закаленные в битвах отбора», предпочли вернуться обратно: *«Условия жизни на суше сложны, и это в конце концов приводит к более быстрой эволюции наземных организмов, ближайшие родственники которых остались жить в воде. Возвращаясь в воду, прежние жители суши, прошедшие суровую школу, уже не встречают в своей родне, так и оставшейся в воде, достойных конкурентов»* (с. 33).

Мифы филогенеза. Особенно часто (и саркастически) С. В. Мейен высказывался о мифологическом, совершенно недостоверном характере выстроенных палеонтологами филогенетических древ живых существ, воспроизводимых во всех учебниках: *«В свете последних данных палеонтологии роскошное филогенетическое древо, в корнях которого находятся простейшие, а на концах ветвей — млекопитающие с человеком во главе, остается достоянием лишь популярных книжек. При строгом подходе от такого дерева останется лишь куча веток, на которой сидят специалисты и подолгу пытаются приладить одну ветку к другой. Если конечные веточки еще иногда удается соединить друг с другом, то о связи крупных сучьев пока больше споров, чем достоверных представлений»* (с. 290–291).

Более того, филогенетики вполне могут спутать крону дерева с его корнями: *«Особенно интересны примеры, когда одна и та же последовательность организмов рассматривается как филогенетическая, но одни филогенетики «читают» ее справа налево, а другие — слева направо. Одни филогенетики предполагают, что ядерная клетка образовалась за счет постепенного объединения органелл, раньше бывших самостоятельными организмами (например, митохондрии раньше были свободноживущими бактериями). Другие филогенетики убеждены, что все наоборот: бактерии — это митохондрии, завоевавшие независимость от клетки»*.

При этом палеоботаники обходились с фактами, не укладывающимися в расхожую схему, точно так же, как и святые угодники (!): *«Но были еще и другие факты. Нельзя сказать, чтобы они так уж вопиюще противоречили «логичным» рассуждениям. Просто их нельзя было к ним приспособить. Эти факты были как бы сами по себе. То в одной, то в другой стране попадались растения, которые выглядели странно и не желали входить в генеалогические древа. До поры до времени их просто не замечали, когда говорили об общих проблемах эволюции. Так святые угодники в своем истовом усердии стремились игнорировать всякие дьявольские соблазны»* (с. 102).

Крепись, геолог… Оказывается, геологу крепиться не так уж и трудно — ибо он в своей работе давно приучен обходиться без часов, опираясь на то, что Мейен назвал «темпофиксацией», т. е. на последовательность геологических документов: *«Реконструируется не нечто во времени, а само время, уже застывшее, как застыла музыка на морозе в рассказе Мюнхгаузена. И вполне можно обойтись без часов, если по рисунку, оставленному темпофиксацией, видно, что было сначала, что потом во времени того места, где накапливались осадки, или во времени всей Земли, то есть в геологическом времени. Здесь сложности реконструкции иногда очень велики (тогда над ними бьются поколения геологов), а иногда — ничтожны, ничуть не больше, чем реконструкция произошедшего, когда вы видите след протектора, а на нем — навозную кучу. Ясно, что сначала проехала машина, а потом прошла корова. Чтобы установить эту последовательность, нужно лишь немного подумать» (с. 254)*.

Более того, крепкий духом геолог зачастую обходится и без формальной логики — во всяком случае, он регулярно нарушает ее законы: *«Формальная логика не поощряет суждения, называемые неполной индукцией, которые в упрощенном виде выглядят так: «Некоторые объекты А суть В. Следовательно, все А суть В». Тем не менее, наука живет только благодаря неполной индукции»* (с. 354).

Но это только с одной стороны, а с другой — без теории деятельность геолога (как и биолога) почти лишается смысла. Поэтому С. В. Мейен настаивает на четком определении понятий в дискуссиях: *«То, что понятия должны быть четкими, существенно не только для их логического анализа — без этого невозможно их логическое развитие. Ведь диалектика работает на столкновении понятий, а искру нового знания можно высечь при столкновении кремня со сталью. При столкновении пыльных мешков получается только столб пыли»* (с. 389–390).

К сожалению, от попыток как-то принудить ученых больше уделять внимания теории, т. е. рефлексии о своей научной работе, толку не будет: *«Степень самосознания, рефлексивности — главный критерий зрелости науки. И тем не менее я не призываю к «борьбе» за рефлексию в биологии. Призывы к строгости и вдумчивости столь же неэффективны, как и призывы к честности. Шумная борьба с нечестностью может приводить не к правдивости, а к более осторожному вранью»* (с. 365).

При этом выясняется, что проникновение биологов в микро- и макромир нисколько не приближает создание целостного знания о Жизни: *«В стремлении познать основы основ живого мы часто уповаем на сверхсовременные микроскопы, тончайшие биохимические методы, электронные вычислительные машины. Кажется, еще немного вглубь, поближе к молекулам, и все станет ясно <…> И здесь на ум приходит аналогия. А что если бы кристаллографы ждали разгадки внутриатомных тайн для построения системы кристаллов. Ведь в распоряжении нашего великого соотечественника Е. С. Федорова, когда он выводил свои группы симметрии, не было рентгеноструктурного анализа, а был лишь опытным путем найденный закон постоянства углов между гранями кристаллов. И еще такой вопрос, — а как бы разобрались кристаллографы в рентгеновских портретах кристаллов, не зная о «федоровских группах»? Может быть, уповая на одну молекулярную биологию, мы порой уподобляемся археологу, который пытается прочесть неведомые письмена, разглядывая буквы в микроскоп?»* (с. 414–415).

Не правда ли — эти рассуждения С. В. Мейена весьма к месту в современных дискуссиях о проблемах наноминералогии?

Проклятия редукционизма … и неизбежность редукционизма в науке. Редукционизмом называют сведение сложного объекта к ряду более простых (например, живого организма — к механическим, физическим и химическим процессам) — с последующим их изучением. Главное проклятие редукционизма давно всем очевидно — чтобы изучить нечто в целом, приходится сначала его расчленить на части, а в биологии — вообще умертвить (с полной потерей этого целого), о чем

весьма саркастично высказывался (устами Мефистофеля) еще Гёте в «Фаусте». Но это еще не всё: *«Есть и другие трудности на пути редукционизма. У биологов издавна принято проводить особо детальные исследования на специально подобранных объектах. Мендель выбрал горох, сейчас молекулярные биологи предпочитают кишечную палочку* [не за это ли она теперь нам мстит? — Я. Ю.], *а генетики — плодовую мушку дрозофилу. Но каждому организму свойственна изрядная доля уникальности. Это мы хорошо знаем по себе. Нет двух одинаковых людей. Также нет и двух одинаковых кишечных палочек, надо только взглянуть на них в электронный микроскоп. Из-за этого возникает главный парадокс редукционизма. Мы вынуждены подвергать наиболее изощренным и трудоемким исследованиям лишь отдельные особи выборочных видов. А далее полученные сведения надо распространить на все другие особи вида и на другие виды. Но как распознать тех, на кого надо все это распространять? Опираться на весь сложнейший путь изощренных исследований уже нельзя, это противоречит условиям задачи. Никто этого и не делает. Идут по обычному пути классификации организмов по наиболее заметным морфологическим признакам. А это уже слишком далеко от физики. Редукционизм оказывается в странном и ложном положении. Изобретатель посулил машину, которая избавит человека от ручного труда. Его спрашивают, откуда машина будет брать энергию, и оказывается, что колеса надо крутить ногами» (с. 397).*

Тем не менее как бы ни проклинали редукционизм, в науке нет альтернативы этому методу; но, быть может, такую альтернативу дает человечеству искусство?

«Против изучения целостных свойств возражать не приходится. Некоторые явления можно понять, лишь наблюдая организм целиком. Все же наука вынуждена даже эти целостные свойства изучать порознь, а такие операции — уже редукция. Иными словами, редукционистские приемы исследования, видимо, неизбежны. Кроме них наука ничего предложить не может. Подлинно целостное восприятие мира, по-видимому, невозможно в рамках науки, по крайней мере с ее современными традициями, и принадлежит другим сферам человеческого познания, прежде всего искусству» (с. 402).

Как стать ректором канадского университета. Выясняется, что для этого достаточно удовлетворить требованиям, которые предъявляли в Макгилльском университете Монреаля к претенденту на должность ректора (в 1855 г. этим требованиям вполне удовлетворил геолог и палеоботаник Дж. У. Доусон): *«[Кандидат] должен быть молод, обладать способностями и современными идеями, религиозным, но толерантным складом ума, быть экуменически настроенным, но протестантом, а также не проявлять конфессиональности в преподавании; неофициальными условиями были большая педагогическая нагрузка и низкая оплата труда»* (с. 98).

ПУБЛИЦИСТИКА

Наступление тьмы
Трудно быть депутатом
Моя позиция
Ферзь, ладья и темные лошадки
Поминки по демократии
К выборам Главы республики Коми
Партия Воров против партии Разбойников
Сфера в виде шляпы
Черные сланцы-98: наука, мифы и голые короли
В стране дураков
Они и мы
Буржуазный теннис в Сыктывкаре
Является ли Сыктывкарский ОВИР антинародным учреждением?
Две недели коммунизма или *All inclusive*
Содом

* * *

Наступление тьмы[1]

1. «Холодная война»

В течение сорока послевоенных лет наша страна жила в состоянии «холодной войны» с высокоразвитыми демократиями Запада во главе с Соединенными Штатами Америки. Уже с пеленок каждый советский человек знал, кто является злейшим врагом, угрожающим нашему счастливому процветанию и победоносному коммунистическому строительству. Поэтому и внешняя политика была чрезвычайно простой (и вследствие этого доступной не дипломатам, а проштрафившимся партийным чиновникам): все, кто против США — это наши друзья, а кто не против — наши враги. Поэтому в числе наших друзей были почти все кровавые диктаторы и фашисты мира, от Пол Пота до людоедов Центральной Африки. Друзей щедро снабжали сырьем, оружием и продовольствием.

Под руководством КПСС страна была превращена в огромный военный лагерь как будто Вторая мировая война вовсе не кончалась. Из каждых 10 человек, работавших в народном хозяйстве, не менее 7–8 были заняты в военном производстве. В стране производилось чудовищное количество военной техники. Ядерных бомб и ракет было наготовлено столько, что они могли бы несколько сот раз уничтожить все живое на земном шаре. В мирное время страна из последних сил содержала самую большую в мире армию.

Для ублаготворения ненасытного военного Молоха беспощадно грабились невосполнимые национальные ресурсы (их было принято именовать «неисчерпаемыми»); варварски губилась природная среда обитания человека. В нашей «экономной экономике» за нефть покупали на Западе трубы, по этим трубам перекачивали на Запад нефть, чтобы...купить новые трубы. На остатки вырученной от нефти суммы на том же Западе покупали хлеб, так как давно уже дотла разорили свое сельское хозяйство. Для функционирования уродливой кредитно-финансовой системы производилось огромное по размаху и чудовищное по своей безнравственности спаивание населения. К политически обусловленному обнищанию и одичанию (на культуру средств просто не оставалось) добавилось еще алкогольно-обусловленное генетически обусловленное вырождение части населения.

---

[1] **Эта статья была опубликована на двух полосах Коми республиканской газеты «Молодежь Севера» 13 февраля 1991 г.** и получила огромный общественный резонанс. В те годы МС была практически единственной демократической газетой в республике.

2. Поражение

Буржуазный Запад, напуганный нашими вооружениями и пропагандой, сулившей в скором времени освободить все народы от невыносимой капиталистической эксплуатации, тоже лихорадочно вооружался. Все это называлось у нас «гонкой вооружений».

Однако силы были неравными. Экономика Запада неизмеримо более эффективная, чем наша. Поэтому, несмотря на гонку вооружений, народы Запада богатели, а наш народ нищал. Особенно роковым было наше отставание в науке и технике: в физике твердого тела, в тонкой химической технологии, в радиоэлектронике, в генной инженерии, в вычислительной технике.

И после того, как Рейган объявил новую программу вооружений СОИ («звездные войны»), стало ясно, что нам на нее ответить уже нечем — мы чересчур отстали. И хотя своими танками мы за несколько дней могли бы перепахать всю Европу, «звездные войны» нам были уже не под силу.

Таким образом, «холодная война» нами была проиграна.

Оставалось два пути.

Первый. Пока американцы еще не развернули системы СОИ, начать «горячую войну», чтобы уничтожить Запад. Но при этом и самим погибнуть.

Второй. Признать свое поражение и пригласить Запад к взаимному разоружению. Так как нам давно уже на Западе никто не верил, необходимо было первыми сделать какие-то реальные шаги в разоружении.

Как раз в это время в результате долгих, терпеливых и хитроумных интриг на вершину пирамиды КПСС вскарабкался Горбачев. Он не был самоубийцей и выбрал второй вариант.

3. «Перестройка и ускорение»

Горбачев предложил правящей партии программу «перестройки» и ускорения», которая в чем-то напоминала ленинскую программу НЭП: временное отступление и либерализация режима, для того, чтобы передохнуть, перегруппировать силы и сделать решительный рывок вперед.

Для этого Горбачев в области внутренней политики:

— развернул беспрецедентную антиалкогольную компанию, разумеется, не из соображений высокой морали. Дело в том, что повальное пьянство стало, наконец, серьезно угрожать боеспособности армии. На срочную службу массами пошли рожденные в 60-е годы дебилы, не способные управлять сложной военной техникой. Кроме того, пьянство наносило огромный вред производству и питало преступность;

— предложил программу срочной «компьютеризации» страны, так как ему объяснили, что без широкого внедрения ЭВМ в технику нечего и мечтать о «звездных войнах»;

— разрешил либеральной интеллигенции немного стравить пар***ы*** свободолюбия и с этой целью ослабил цензуру. Появилась первая в нашей истории «гласность», когда стали публиковать то, за что раньше давали лагерные сроки;

— ослабил челюсти бесчеловечной репрессивной машины и выпустил из ссылки Андрея Сахарова, а затем еще нескольких правозащитников;

— предложил эффектную демократизацию фасада политической системы — путем свободных выборов сделать власть КПСС законной, через новоизбранные Советы.

Три последние горбачевские акции вызвали восторг и ликование на Западе.

4. «Новое политическое мышление»

Еще больший эффект имели внешнеполитические акции Горбачева, которые он, большой любитель понятных народу лозунгов (как и все коммунисты), назвал «новым политическим мышлением».

В результате он:

— предложил весьма впечатляющие меры по реальному разоружению. При этом он был хорошо осведомлен о том, что списание и частичное уничтожение не самой современной боевой техники пойдет только на пользу армии;

— сократил армию, вывел наш контингент из Афганистана и начал быстро выводить войска из Восточной Европы;

— наконец, резко переменил сам стиль внешней политики, от грубого демагогически-пропагандистского силового противостояния перешел к обаятельным дружеским улыбкам, к разговорам о примате общечеловеческих ценностей, к привлекательным миротворческим жестам.

Все это вызвало уже настоящую эйфорию ликования на Западе. Достаточно сказать, что даже такие не слишком доверчивые люди, как западные немцы, встречали Горбачева восторженными криками: «Миша, Миша!».

За короткое время Горбачев стал своего рода чемпионом мира в области политики. На него посыпались премии, даже Нобелевская.

В итоге внешняя политика Горбачева имела огромный успех. Опасность ядерной войны как будто ушла за горизонт. Запад перестал панически бояться Советского Союза. Более того, в порыве благодарности за освобождение от многолетнего страха многие люди на Западе выразили готовность оказать нам экономическую помощь на разных условиях, вплоть до безвозмездных (что можно называть как кому нравится, например, милостыней). Наши бывшие сателлиты, страны Восточной Европы, не опасаясь уже быть раздавленными танками своего «старшего брата», немедленно сбросили свои коммунистические правительства и стали искать пути налаживания нормальной человеческой жизни для своих народов.

5. Провал «перестройки»

Однако Горбачев оказался никудышным стратегом. Быстро выяснилось, что будучи замечательным мастером аппаратных интриг, он абсолютно лишен дара предвидения. Он ничего и ни разу не умел предсказать заранее и всегда плелся в самом хвосте стремительно развивавшихся событий. Кто-то остроумно заметил, что Горбачев ничего не делает до тех пор, пока ничего сделать уже нельзя. Вместо ожидаемого им ускорения и резкого наращивания нашей мощи произошло совершенно обратное. Военная мощь заметно ослабла, а страна развалилась.

Чуть только ощутив некоторую либерализацию репрессивного режима, казалось бы бездыханные силы общества вышли на поверхность и ускользнули от контроля Горбачева и его партии. Когда людям приоткрылась настоящая суть лагерного социализма 30–50-х годов и развитого социализма 60–70-х годов, они отвернулись от светлого коммунистического будущего и захотели хоть немного пожить по-человечески. Совершенно неожиданно для Горбачева в стране развернулось мощное демократическое движение, а параллельно с ним — масса других политических течений. Вдруг оказалось, что в «монолитном» советском обществе водятся и анархисты, и социал-демократы, и кадеты, и либералы, и монархисты, и настоящие, чистопородные фашисты. Кто бы мог подумать...

Как только КПСС чуть ослабила свою хватку на штурвале социалистической экономики, последняя стала стремительно разваливаться. Объем производства стал угрожающе падать, бешено загалопировала инфляция рубля, огромных размеров достигла преступность среди молодежи.

Под аккомпанемент пропагандистских воплей о «радикальной экономической реформе» и переходе к «регулируемому рынку», Горбачев в течение пяти лет гробил одну за другой все реальные экономические программы, последней из которых был проект лучших умов России — программа «500 дней».

Дело в том, что как истинный марксист, Горбачев отлично знал, что реально изменив экономический базис общества, уже никак не найдешь в нем места такой структуре, как КПСС. Блокируя экономическую реформу, КПСС и ее лидер руководились простым инстинктом самосохранения. Ибо до тех пор, пока существует и доминирует монопольно-государственная собственность, будет жить и доминировать КПСС, фактически владеющая этой собственностью.

Пока демократы были еще очень слабы, у КПСС не было особых оснований для беспокойства. Но вот в стране появились анклавы демократических, не коммунистических Советов (хотя в их составе преобладали коммунисты, настоящие или бывшие) — В Москве, в Ленинграде, в Свердловске... Особенно возмутительным стало существование демократического Моссовета под самым боком у Президента.

Наконец, последнее по счету, но отнюдь не по важности — резкое обострение тлевших под спудом межнациональных противоречий. К развалу экономики прибавился развал социалистического федеративного государства, в котором, как выяснилось, многие нации почему-то чув-

ствовали себя неуютно. Республики дружно вспомнили о своих правах и стали одна за другой провозглашать суверенитет, предъявляя свои претензии центру. Возникли мощные национальные движения с самой различной окраской: от национально-демократических до национально-религиозных и сепаратистских.

В итоге горбачевская «перестройка», которая была нацелена на реанимацию и модернизацию обветшавшей тоталитарной системы, с треском провалилась.

И снова перед Горбачевым открылись два пути.

Первый путь — вперед, напрочь забыть о «перестройке», занявшись в союзе с демократическими силами и в неизбежной оппозиции к собственной партии решительным демонтажом системы и построением совершенно нового для нашей страны цивилизованного общества. Однако при этом на какое-то время неизбежен переход великой, наводившей трепет на весь мир державы, в скромный ряд «развивающихся стран». С западными кредитами, с концессиями — словом, со всем тем, что в таких случаях полагается. Одними своими силами разоренная страна выползти из пропасти не сумеет.

Второй путь — назад, руками реакции свернуть шею «перестройке» и поскорее восстановить все, «как было».

На первом пути Президент СССР рисковал потерять коня — КПСС, единственный источник своей силы и власти. А на втором пути он вроде бы терял все, ибо оказался бы никому не нужным — ни левым, ни правым. Кроме того, второй путь многим представляется «исторически невозможным».

6. Третий путь Горбачева

Пока Президент, по своему обыкновению, издавал грозные указы, которые теряли смысл, едва выйдя из типографии, сама КПСС оправилась от шока и перешла в решительное контрнаступление против демократов и прочих «деструктивных сил».

В конце 1990 года произошло, как нынче модно говорить, «судьбоносное» совещание подлинных хозяев страны — директоров военно-промышленного комплекса. Пресса деликатно умолчала о тех речах, которые там прозвучали. Все же информация вышла наружу. Стало известно, что капитаны ВПК в самой откровенной и оскорбительной форме заявили Президенту:

— что он развалил экономику и страну;

— что они далее терпеть этого не намерены;

— что они категорически требуют «навести в стране порядок».

Результаты этого совещания дали о себе знать очень скоро. Последовали:

— уход с корабля Горбачева последних здравомыслящих людей;

— кровавые побоища в Вильнюсе и Риге;

— наглая массированная атака на гласность, в частности, жесткая цензура на ЦТ;

— серия агрессивных заявлений высоких номенклатурных чинов в военном и штатском;

— как всегда, аморфные и многословные выступления самого Президента, но уже с открытыми угрозами в адрес прессы и «деструктивных сил».

Таким образом, выяснилось, что из двух возможных путей Горбачев выбрал... третий, специфически горбачевский. Это путь назад, но не по команде «кругом!», а по команде «правое плечо — вперед!». То есть в действительности, та же реакция, но в сопровождении отвлекающих маневров, многословных заклинаний о том, что ничего страшного не происходит, товарищи, дамы и господа: наша историческая перестройка неуклонно движется все вперед и вперед. Если же кто и подбрасывает нам кое-какие вредные идейки, то он делает это злонамеренно в интересах деструктивных сил. Ну, а если «кое-кто кое-где у нас порой» давит мирных жителей танками, расстреливает из автоматов, заряженных варварскими пулями, избивает прикладами, громит законно избранные органы власти, захватывает издательства или телецентры, то он, Президент, узнает об этих печальных событиях только на следующее утро и вместе со всеми глубоко сожалеет о случившемся.

Почем стал возможен «третий путь»? — Потому, что в данный момент Горбачев еще очень нужен реакции в качестве эффективной ширмы. Еще много людей и у нас, на Западе продолжают верить, будто на самом деле Горбачев в душе большой гуманист и демократ, но вот злые люди

из его окружения мешают, не дают ему проявить свои прекрасные качества, вроде как взяли его в заложники. И поэтому-де Горбачева надо всячески защищать от нападок «слева». А в это самое время, наверное, Президент пьет чай с Язовым, Крючковым и Пуго. Можно предположить, что они читают друг другу выдержки из либеральной прогорбачевской прессы и от души хохочут.

Первые военные акции в Прибалтике показали, что путчисты плохо согласовали свои действия и поэтому не смогли довести дело до конца. Для этого им теперь нужно выгадать время, и можно предположить, что эта важная функция прикрытия возложена на Горбачева. Пока он будет маневрировать, а демократы стараться разгадать «тайный смысл» этих маневров, все необходимые планы будут согласованы в деталях, и наступление возобновится. Ну, а если реакция уже твердо возьмет власть, Горбачев ей понадобится уже в другом качестве — как идеально подходящий козел отпущения, который всегда необходим диктатуре. Ельцин, Яковлев, Шаталин, Бакатин, Шеварднадзе... Следующий — уже сам Горбачев. Кстати сказать, можно не сомневаться, что на другой день после переворота в магазинах в изобилии появятся припрятанные до поры колбаса и водка. И народ сразу оценит, какое это счастье, когда в стране наведен настоящий порядок.

7. Манифест путчистов

В кругах интеллигенции нередко услышишь мнение, будто бы военный переворот готовится в глубокой тайне: мол, о его сценарии можно лишь догадываться по разным косвенным признакам.

Ничего подобного! Имеющий глаза — да видит.

Идейно-стратегический сценарий военно-фашистского переворота опубликован осенью прошлого года достаточно большим тиражом для того, чтобы с ним могли ознакомиться все желающие. Этот документ называется «Манифест центристского блока политических партий и движений». Представителей этого «блока» собирал в Кремле товарищ Лукьянов для дружеского и сердечного собеседования.

Совершенно открыто для всеобщего сведения в этом «Манифесте» было заявлено:

«Мы... решительно заявляем о добровольном образовании КОМИТЕТА НАЦИОНАЛЬНОГО СПАСЕНИЯ и обращаемся к своему народу и Советской Армии оказать нам доверие и надежную поддержку».

Насчет народа — это для благозвучия, а вот насчет армии — другое дело, для того манифесты и пишутся.

«Мы... открыто заявляем о себе в качестве резервной политической силы, способной в надвигающийся критический момент взять на себя всю полноту власти...».

В составе этой «резервной силы» — общество «Память» и все его разновидности под другими названиями.

«Основные принципы действий:

— введение чрезвычайного положения на всей территории СССР с сохранением основных демократических свобод и законности».

Насчет свобод и законности — это самое трогательное. Посмотрим, как же они будут обеспечиваться:

« — замена органов власти в центре и на местах Комитетами Национального Спасения или их уполномоченными, Национальной обороны и Национальной безопасности. Введение повсеместно подлинно народных судов...».

Национальным спасением уже занялись на практике в Прибалтике, национальной обороной и безопасностью почему-то не успели. Но зато можно, наконец, дожить до долгожданных Троек и Особых совещаний, то есть подлинно народных судов.

« — широкое введение персональной и коллективной ответственности за результаты деятельности, нанесшей вред человеку, природе, экономике и престижу государства».

Раньше были миллионы одних только врагов народа. Теперь дело пойдет не в пример шире: можно добавить *врагов человека, природы, экономики и престижа.* Особенно удобно, что обещают сажать не поодиночке, а коллективно. Например, отловить на рынках сразу всех продавцов мандаринов и посадить их как явных врагов экономики и человека одновременно. Наконец-то удастся возродить отечественный ГУЛАГ во всей былой мощи!

Совершенно очевидно, что в Прибалтике осуществлялась именно эта политическая программа. Просто ее пока не удалось реализовать последовательно и полностью по причине обычной российской неразберихи.

8. Те же и Нина Андреева

В составе подпольного Комитета национального спасения Литвы (спасения от литовцев?), как сообщалось в печати, входит и вполне легальная группировка «Единство». Понятно, что это не означает единства литовцев с нелитовцами. Это просто-напросто ультраправая коммунистическая фракция знаменитой Нины Андреевой. Полное название этой фракции таково: «Единство — за коммунизм и коммунистические идеалы». По Москве ходила одна из листовок «Единства». В сущности, в ней содержался призыв к гражданской войне:

«СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ! Для защиты его вступайте в «Единство», чьи организации созданы в городах и селах, на заводах и в колхозах, в учреждениях и учебных заведениях. Враг не должен застать нас врасплох. Крепите интернациональную, классовую солидарность на основе учения Маркса-Ленина-Сталина. Давайте решительный отпор происка перестроечных выкормышей, нагло искажающих прошлое и настоящее, попирающих элементарные нормы законности, честности, благородства. Каждый митинг, каждая демонстрация, каждая забастовка должны вколачивать еще один гвоздь в гроб обанкротившейся, издыхающей, но пока еще злобно-агрессивной «перестройки».

9. Время конформизма прошло

На страну надвигается, грозя накрыть все и вся, политическая ночь. Нас опять хотят сделать обитателями «отдельно взятой страны».

Важно ясно понимать, что у реакции нет за душой (и не может быть по самой ее сути) никакой позитивной программы. Капитанами ВПК в союзе с генералитетом и верхушкой КГБ движет простейший зоологический инстинкт самосохранения. Военно-промышленный комплекс желает производить оружие, ибо ничего иного он делать не умеет, и никакого рынка ему не надо. Генералам нужно военное противостояние (и локальные войны вроде Афганистана), потому что иначе страна не будет кормить столько генералов. Для КГБ жизненно необходим образ коварного врага с его дьявольскими спецслужбами, иначе пришлось бы десятикратно сократить свои невероятно раздутые штаты. Да еще под контролем закона чего доброго и впрямь надо будет ловить шпионов, чего КГБ делать не умеет и не желает, это ведь не собственные безоружные граждане. Ну, а КПСС без ВПК и КГБ просто не может существовать, потому что это опора ее власти.

Так что указанные структуры и образуют союз нерушимый. Требование деполитизировать КГБ и армию равносильно требованию распустить ЦК КПСС.

Ну, а что же демократы? У демократов разброд и шатания, которые нынче деликатно именуют «плюрализмом мнений». Известно, что все демократы очень дорожат своим мнением. Они готовы до бесконечности уточнять, формулировать, шлифовать свои дорогие и благородные принципы. До тех самых пор, пока их не передушат поодиночке.

Нужно избежать этого!

В трагические январские дни в Москве собрались представители движения «Демократическая Россия». Собрались на пленум своего Совета Представителей (СП — не путать с Союзом писателей или совместным предприятием). В пленуме СП 12–13 января приняли участие 138

человек из 67 регионов России. С докладами выступали Ю. Афанасьев, Г. Старовойтова, А. Оболенский и другие известные демократы.

Среди ряда документов, выработанных пленумом, внимание привлекает масштабная резолюция «О положении в стране», над которой работали лучшие политические умы России.

Особенно важно прямое обращение «Демократической России» к совести, разуму и воле сограждан.

«Мы обращаемся к Верховным Советам всех республик: немедленно заключайте межреспубликанские соглашения о сотрудничестве по тем позициям, которые не вызывают споров...

Мы обращаемся к рядовым членам КПСС: уходите из партии Горбачева и Полозкова. Если вы верите в идеалы демократии, вступайте в партии и иные структуры движения «Демократическая Россия» или создайте иные, новые партии, не запятнавшие себя соучастием в преступлениях сталинщины и махинациях нынешней партийно-государственной мафии.

Мы обращаемся к интеллигенции: время надежд на Горбачева , на «революцию сверху», на аппаратный вариант «перестройки», время самоуспокоенности и конформизма прошло. Если вы сохранили чувство чести и собственного достоинства, ответственность за настоящее и будущее народа, вы не должны быть пассивными свидетелями постыдной и преступной реставрации тоталитарной системы.

Мы обращаемся к Советам всех уровней, к клубам избирателей, к стачечным комитетам, к национальным движениям и другим организациям демократической общественности; мы обращаемся к рабочим, крестьянам, студентам, ко всему населению страны: на собраниях трудовых коллективов, на сельских сходах и городских митингах, в средствах массовой информации и любыми иными доступными вам ненасильственными способами скажите: «Диктатуре — твердое «Нет!».

Эти слова обращены к каждому из нас. Нужны сплоченность, мужество, действие.

Сыктывкар, 27 января 1991 г.

* * *

Трудно быть депутатом...[2]

На прошедшей в декабре минувшего года сессии Верховного Совета нашей республики депутаты были поражены заявлением коллеги, проходчика воркутинской шахты «Заполярная» А. М. Шараева. Бескомпромиссный защитник интересов горняков, завоевавший немалый авторитет в парламенте своей четкой демократической позицией, решительностью и интеллигентностью, Александр Макарович неожиданно попросил освободить его от депутатского мандата. Все призывы образумиться (ну, погорячился — с кем не бывает?) — были Шараевым отклонены. Стало ясно, что это не импульсивное, а глубоко продуманное решение...

Едва ли не самой главной причиной нелегкого решения депутат назвал тягостное сознание собственной некомпетентности, возникшее у него при обсуждении ряда законопроектов (в частности, Закона о лесе). И в самом деле, всякий ли шахтер может квалифицированно разобраться в хитросплетениях лесного законодательства? Да что там — лесное законодательство! Все мы крайне слабо ориентируемся в окружающей действительности за пределами наших узких непосредственных интересов. Мне, например, часто приходилось выступать с популярными лекциями в Воркуте. Примечательно, что не только шахтеры, но и очень многие инженерно-технические работники Печорского угольного бассейна не имели понятия о том, чем энергетические угли отличаются от технологических...

Между тем, каждому депутату, независимо от его профессии, приходится принимать участие в подготовке сложнейших законодательных актов, не говоря уж о том, что многие из нас заняты разработкой текста новой Конституции. Вправе ли они этим заниматься, не будучи например, профессиональными юристами?

---

[2] **Опубликовано в Коми республиканской газете «Красное знамя» за 24.01.1991.**

Таким образом, проблема, остро поставленная самоотводом депутата Шараева — не выдумана.

Раньше такой проблемы не было. Раньше депутатами становились тщательно отобранные, «проверенные» люди, главным профессиональным качеством которых была... послушность. Не имело никакого значения, что они знали и чего не знали. Они должны были уметь только одно: своевременно и дружно поднимать руки. А законы готовились узким кругом профессионалов и непрофессионалов (политиков), обладающих информацией, опытом государственного управления и реальной властью.

Хорошо тогда жилось депутату! Главное — на душе было легко, светло и радостно. Ведь это же необыкновенно приятно — в едином, так сказать, порыве поддержать такое важное и нужное решение (подготовленное Знающими Людьми), направленное на очередное «дальнейшее повышение». И никому в голову не приходило выкидывать такие номера, как тот же депутат Шараев. Раз тебя назначили 99.9 % голосов народным избранником — значит, сиди, не чирикай и вовремя голосуй, как надо. А в перерыве между заседаниями можно было сытно перекусить в буфете: в те золотые времена там давали бутерброды с семгой...

Однако наша некомпетентность, создающая у наиболее совестливых депутатов комплекс профессиональной непригодности — это еще не всё, мешающее нам быть безмятежно счастливыми. Престиж новых Советов, впервые в истории нашей страны избранных худо-бедно демократическим путем (хотя и с многочисленными, всем известными извращениями), — падает на глазах. Новые Советы еще только учатся работать, делая при этом массу ошибок, пытаются разобраться в ошеломляющем ворохе проблем, стоящих перед страной. А измученные люди не желают ждать, так как реальная жизнь стремительно ухудшается.

Когда я иду на заседания Верховного Совета и прохожу мимо сыктывкарского универмага, где всегда стоит черная толпа озлобленных, отчаявшихся людей, которые надеются хоть что-то купить сегодня себе и своим детям, я поеживаюсь и думаю: ну вот я, депутат, — что я могу реально для них сделать? Могу ли сегодня предложить в парламенте такое мудрое решение, чтобы этих очередей не стало? Ясно, что не могу, и никто другой не может. Но от этого стоящим в очередях людям (среди которых есть и мои избиратели) не легче. И им нет никакого дела до нашего Верховного Совета и наших внутренних проблем.

Итак, кризисное положение в стране привело людей к разочарованию в новых, еще очень слабых органах представительной власти. По привычке, выработанной долгими годами рабства, люди ждали от властей чуда. А чуда не произошло!

Но и это не всё.

«Перестройка», главной целью которой было обновление дряхлой системы (но при сохранении самой системы — вспомним про «ускорение»), закончилась крахом в декабре 1990 года. Обновить и подремонтировать систему не удалось — она развалилась. Развалилась тогда, когда людям приоткрылась завеса лжи, на которой всё было построено.

Однако альтернативы системе выработано не было. Демократические движения не сумели сплотиться. А дикие межнациональные побоища и отсутствие еды в глазах миллионов людей — зло значительно большее, чем убогое прозябание в условиях «развитого социализма». Ибо миллионы согласны прозябать, но зато быть уверенными, что не потеряют работу; согласны не иметь свободы — но зато быть уверенными, что им не придется стать беженцами в своей стране.

Отсюда — и поворот к авторитаризму и полувоенному правлению в нашей стране. В таких условиях даже Верховный Совет СССР становится, мягко говоря, органом сомнительного назначения. А уж у нас-то, где «суверенность» пока только продекламирована — и тем более.

Однако никакое авторитарное правление и никакие декреты, напоминающие знаменитые указы некоторых градоначальников города Глупова (например, один из них распорядился: *«Всякий да яст»*) — не выведут нас из кризиса. Управлять экономикой с помощью декретов — это все равно что бить молотком по приемнику, где перегорела радиолампа: может быть, заработает?

Я думаю, что нам надо продолжать работу. Популярны новые Советы или нет — они избраны народом и обязаны работать в его интересах. Не следует ожидать, что избиратели будут хватать депутатов за фалды и со слезами на глазах говорить им «спасибо за заботу». И не нужно чересчур переживать в связи с тем, что людям сейчас не до нас. Все-таки надо работать и не надо

паниковать. Наработка актуальных, всесторонне продуманных законодательных актов и энергичное проведение их в жизнь безусловно демократическими методами — это единственно перспективный путь, и только этим путем мы должны двигаться.

Кстати сказать, Конгресс США отнюдь не состоит из одних только законодателей-профессионалов. В нем представлены широкие круги населения (включая и знаменитых «кухарок», сиречь домохозяек). Очевидно, что не каждый профессионал может обладать качествами политического деятеля и обратно. Президент Рейган был по профессии второразрядным актером. Президента Трумэна называли бакалейщиком (и это было недалеко от истины). Эйзенхауэр был генералом, а не политиком. И, тем не менее, и эти люди, и демократически избранные представительные органы вполне успешно занимались и занимаются законотворчеством.

Как же им это удается? Каким образом кухарка ухитряется управлять государством, то есть, например, активно участвовать в распределении бюджета? Очень просто. И кухарки, и все прочие — умело используют специалистов-профессионалов.

Именно так стараемся работать и мы. К сожалению, пока что это получается у нас неважно. Например, в октябре во втором чтении был принят Закон о лесе. А после этого в газете «Молодежь Севера» 5 декабря 1990 года появилась статья ученого-лесовода В. Б. Ларина, где этот Закон был подвергнут уничтожающей критике. Ларин заявил, что советы ученых были парламентариями проигнорированы: *«Нескольких специалистов лесного хозяйства вежливо выслушали, часто не находя веских возражений их доводам, но тем не менее решения приняли вопреки их советам»*.

Аналогичный случай имел место и с Законом о собственности. Президиум Верховного Совета ухитрился «не заметить» прекрасного альтернативного законопроекта, который был представлен в одну из Комиссий доктором наук Ю. А. Ткачевым из Коми научного центра. В результате принятый Закон содержит в себе ряд статей в весьма сомнительной редакции.

Итак: опора на науку, обязательное внимательное, благожелательное, заинтересованное рассмотрение всех альтернативных вариантов и предложений независимо от того, в какой форме и куда они были представлены; приглашение на Комиссии и на пленарные заседания Верховного Совета возможно большего числа специалистов-недепутатов; широкое обсуждение в органах массовой информации с непременным обобщением, подведением итогов обсуждения (это делается, увы, редко) — вот как мне видится нормальный парламентский, демократический путь, которым нам надо двигаться.

Результаты будут, но путь — долгий. Увы, чуда не будет. Нам не помогут *«ни бог, ни царь, и ни герой»*.

* * *

Моя позиция[3]

Почему «позиция», а не программа? Потому, что практика работы новых Советов показала, что какую-то «программу» ни один депутат осуществить не в состоянии. Что-то реальное можно сделать только в составе группы единомышленников. Для этого и нужна позиция — сумма политических взглядов.

1. Как я оцениваю перестройку.

Я считаю, что в декабре 1990 года закончилась «перестройка» — попытка верхушки КПСС реформировать прогнившую насквозь систему. Она дала два реальных результата: ослабила опасность ядерной войны и приоткрыла форточку гласности в нашем доме.

---

[3] **Опубликовано в газете «Вечерний Сыктывкар» за 25 февраля 1991 г.** под придуманным редакцией заголовком «Яков Юдович: «Никому не отсидеться в кустах», в качестве официального агитационного документа кандидата в депутаты Верховного Совета РСФСР. Документ состоит из одноименной статьи, соединенной с интервью, данным журналисту А. Лисову.

2. Как я отношусь к экономической политике союзного правительства.

Она отличалась удивительной бездарностью. Словно нарочно, делались все те ошибки, о которых предупреждали специалисты и, наоборот, упорно блокировались те реформы, которые были жизненно необходимы.

3. Какой мне представляется национальная политика союзного правительства.

Такой же бездарной, как и экономическая. Декларации о суверенитете республик — явление объективное, с которым всякое разумное правительство обязано считаться. Однако союзное правительство проморгало начавшийся развал Союза. Вместо того, чтобы уже в 1985–1986 годах, как советовал А. Д. Сахаров, готовить новый Союзный договор, правительство либо бездействовало, либо вдруг с бессмысленной жестокостью обрушивало армейский кулак на головы своих же граждан.

4. Как я отношусь к Федеративному договору.

Федеративный договор, т. е. договор между Коми ССР и Российской Федерацией, представляется мне жизненно важным, сейчас даже более важным, чем Союзный. Я поддерживаю проект этого договора, разработанный в Верховном Совете Коми ССР.

5. Как я представляю себе проблемы нашей республики.

Думаю, что профессиональным государственным чиновникам было бы полезно овладеть коми языком, не помешало бы преподавать коми язык и в начальной школе — ведь ребенку научиться намного легче, чем взрослому. На основе Федеративного договора Коми земля из колониального сырьевого придатка должна превратиться в процветающую республику в составе обновленной демократической России.

6. Какими я вижу свои задачи как возможного российского депутата.

Во-первых, поддерживать движение «Демократическая Россия» и убеждать депутатов нашей республики делать то же. Во-вторых, являясь депутатом Верховного Совета Коми ССР, помогать координировать нашу законодательную работу, чтобы принимаемые в республике и в России законы были взаимно согласованными, не противоречили друг другу.

— Сыктывкарцев вот уже третий год подряд зовут к избирательным урнам. Однако положение дел в стране меняется отнюдь не в лучшую сторону. Может быть, все это лишнее — выборы, парламент?

— Да, многие думают, что никакого толку от этой демократии не будет... Мы воспитаны на ожидании чуда и нам совершенно не свойственна мысль, что лучшие времена могут наступить только в результате многолетней тяжелой работы. Когда оказалось, что после выборов никакого чуда не произошло, то наступило разочарование в депутатах.

— Но вы твердо верите в парламентскую демократию?

— Парламентская демократия — это единственно реальный путь, хотя это путь долгий, не всегда дающий прямую отдачу. Но никто за нас профессионального парламента не создаст, и нам придется на первых порах иметь в Верховном Совете людей вроде меня и моих коллег, которые не являются ни юристами, ни экономистами, ни политологами, ни социологами. Если бы среди моих соперников были люди названных специальностей с демократическими убеждениями, то я с легкой душой снял бы свою кандидатуру. Ну, а парламент, который принимает нужные законы, в корне перестраивающий экономические отношения в стране, несомненно, способен со временем изменить нашу жизнь к лучшему. Иного пути у нас нет.

— Способен ли нынешний Верховный Совет РСФСР стать именно таким парламентом?

— Мы давно уже наблюдаем конфронтацию российского парламента с союзными властями. Но обратите внимание, когда эта конфронтация достигла крайней степени. Лишь после того, как Съезд народных депутатов РСФСР в ожесточенной борьбе принял, наконец, революционный Закон о земле. И борьба не на жизнь, а на смерть развернулась потому, что если появятся у нас свободные землевладельцы, то отпадет надобность в бюрократической «надстройке» над ними. Возникла реальная опасность для этой «надстройки». Между тем, я уже встречался с людьми,

готовыми взять землю, обрабатывать ее и кормить нас с вами. И кормить не гнилой картошкой, а хорошей. И мясом, и молоком, и всем прочим. Ибо если человек работает на земле как хозяин, у него всегда появляются избытки продукции.

— А как вы в целом оцениваете деятельность российского руководства?

— У него благие намерения, но реальной власти ни российский парламент, ни российское правительство, увы, почти не имеют. Банковская система крепко зажата в кулаке союзного руководства. Сейчас была проведена частичная конфискационная денежная реформа, и как бы российские депутаты ни трепыхались, они ничего не смогли сделать и вынуждены были ей подчиниться. Даже продлить ее сроки не смогли.

— Тогда выборы тем более лишаются смысла…

— Нет, не лишаются, потому что альтернатива парламентскому пути только одна — военная диктатура. А это путь бесперспективный. Он отбросит нас назад к тоталитарному государству, где трудящийся, как и раньше, не будет иметь никакой свободы. Военная диктатура может лишь на какое-то время внести успокоение в общество. А там, где труд не свободен, он непроизводителен. Все это мы уже «проходили». Перед войной сажали в тюрьму за 15-минутное опоздание на работу, давали срок за хищение копны сена с колхозного поля. Ну и что же — стали мы от этого богаче? Можно около каждой торговой базы установить пулемет, а к каждому директору магазина приставить офицера КГБ. Можно ... Те, кому это нравится, могут приветствовать диктатуру.

— Не кажется ли вам, что народным депутатом от Коми республики должен быть представитель коренной национальности?

— Определенный смысл в этом есть, но надо учитывать, что запись в паспорте — это далеко не главное в политической позиции депутата. Например, кто больше всех сделал для восстановления прав крымских татар? Опальный генерал Григоренко, великий сын украинского народа. А крымские татары считают его как бы своим национальным героем. И таких примеров можно привести немало.

— Вы геолог, уже почти четверть века живете и работаете в нашей республике, побывали по роду своей деятельности в разных ее уголках. Знакомы с ее проблемами, что называется, изнутри…

— По крайней мере, ориентируюсь в том, что именуется минеральным сырьем.

— Тогда скажите, кому же все-таки принадлежат природные богатства Коми республики?

— Одно могу сказать с уверенностью: не народу Коми ССР. Хотя бы потому, что эти отрасли финансируются не из республиканского бюджета. Но в соответствии с принятой в прошлом году нашим Верховным Советом Декларацией о суверенитете, богатства недр должны принадлежать народу республики. Меня очень беспокоит, что это, вроде бы, такое естественное и бесспорное положение, пока не нашло должного понимания у российских властей. Но ведь этим компрометируется и идея российского суверенитета. Нельзя иметь прав, не уважая права других.

— А может ли республика иметь от этого какую-то прибыль? Говорят, что себестоимость добычи нефти и угля у нас очень высока.

— Ресурсы — это такая вещь, которая всегда найдет своего потребителя. Очень многое зависит от того, в каком виде эта продукция продается. Одно дело торговать круглым лесом, а другое — какими-то полуфабрикатами из него. Такая продукция стоит намного дороже и может давать экономическую выгоду.

— Каким вы видите статус Коми республики: суверенное государственное образование в составе Российской федерации или отдельная союзная республика?

— Разумеется, Коми республика — неотъемлемая часть России, но мы не должны быть ее «колониальным придатком». А вот к слову «суверенный» надо относиться с осторожностью. Раз мы входим в состав Российской Федерации, значит, мы в определенной мере добровольно ограничиваем свой суверенитет («суверенный» — значит вполне самостоятельный). Право собственности на землю, ее недра составляет весьма значительную часть суверенитета. В то же время мы не имеем и едва ли должны иметь свое Министерство иностранных дел. Но вот, скажем, с некоторыми финно-угорскими странами нам было бы очень полезно установить прямые отношения, хотя бы на уровне консульств. Это будет выгодно и в экономическом отношении, и в культурном.

— В прошлом году избиратели Академического округа избрали вас депутатом Верховного Совета Коми ССР. Зачем вам еще один мандат — российского народного депутата.

— Я не могу сказать, что он мне зачем-то нужен. Если бы можно было, я никогда не стал бы заниматься политикой, предоставив это профессионалам. Мы уже об этом говорили: где они у нас, эти профессионалы? Но в связи с резким ухудшением политической ситуации в стране в конце прошлого и в начале нынешнего года я почувствовал себя, если можно так выразиться, мобилизованным. Кто-то должен поднять знамя, выпавшее из рук Револьта Ивановича Пименова.

— На прошлых выборах вы были среди тех, кто его активно поддерживал. Сейчас на вашей стороне — ядро группы поддержки Револьта Ивановича Пименова и сыктывкарское общество «Мемориал». Можно ли считать вас преемником Р. И. Пименова?

— Только в очень узком смысле, так как подлинной замены Револьту Ивановичу у нас нет. Это я заявляю на всех предвыборных собраниях, и мои соперники в предвыборной борьбе на меня за это не обижаются. Например, мне часто задают вопрос: что я думаю о Законе о земле. Я отвечаю, как умею ... А вот Пименов мог прочесть целую лекцию по истории аграрного вопроса в России. Он обладал огромными познаниями в области истории, права, социологии, политологии. В университете при большом стечении народа читал памятные всем нам лекции на тему «История русской революции».

— В случае вашего избрания войдете ли вы в Конституционную комиссию РСФСР, в состав которой входил Револьт Иванович? Тем более, что у вас, понятно, есть уже какой-то опыт работы в аналогичной комиссии нашего Верховного Совета.

— В случае моего избрания, мои планы связаны не с участием в каких-либо комиссиях, а в том, чтобы примкнуть к движению «Демократическая Россия». В этом движении я вижу единственную нашу надежду. Пока же работа российского парламента во многом парализована.

— Скажите, в наше трудное, почти безнадежное время вы всё-таки с надеждой смотрите в будущее или уже нет?

— Говорят, что пессимист — это хорошо информированный оптимист. Очень легко и приятно быть оптимистом, когда мало знаешь о действительном положении дел. Мне сохранять оптимизм трудно. Все же тот факт, что реакционные силы не смогли довершить в Литве переворот, вселяет некоторую надежду. Ведь впервые за многие десятилетия нашей истории случилось такое — не менее 500 тысяч человек вышли на улицы и готовы были лечь под танки у литовского парламента. И на митинг протеста в Москве после этого вышло не менее 700 тысяч человек. В то же время альтернативный митинг собрал человек 700, не более. Разница в тысячу раз! Если люди перестают чувствовать себя скотиной, с которой можно сделать всё, что угодно, то источник надежды еще не погас. Но если люди по-прежнему думают, что вот какой-то добрый дядя въедет завтра в Кремль на белом коне и сделает всё как нельзя лучше, — то это самое прискорбное заблуждение. Сейчас настало время, когда никому не удастся отсидеться в кустах, в надежде, что всё образуется как-нибудь само собой. Сейчас необыкновенно важна личная активность каждого взрослого человека. Можно сказать совсем просто: мы выживем, если из «населения» станем гражданами.

* * *

Ферзь, ладья и темные лошадки[4]

(российские президентские выборы-1991)

В этом скоротечном политическом детективе, который уже захватил своим сюжетом десятки миллионов людей, имеется шесть главных (и столько же неглавных) действующих лиц:

Ельцин, Рыжков, Бакатин, Макашов, Жириновский, Тулеев.

Я перечислил главных претендентов в том порядке, в котором, как мне представляется, убывают их шансы на выборах. Если использовать шкалу ценности шахматных фигур, то: Ельцин — это ферзь, Рыжков — это ладья. Ферзь и ладья в шахматах называются *тяжелыми фигура-*

[4] **Опубликовано в газете «Вечерний Сыктывкар» 11 июня 1991 г.**

ми, их относительную силу оценивают как 9:5. Правда, бывают редкие позиции, когда ферзю не удается справиться с ладьей. Очень редко, но случается...

Три следующие претендента — это *легкие фигуры*, их силу оценивают в 2.5–3 единицы. Как известно, к легким фигурам относятся слон и конь. Но для каждого из наших претендентов лучше подходит другое название — темная лошадка. В том смысле, в каком этот термин используют на скачках: никто из знатоков не может судить, чего от них можно ожидать, однако люди осмотрительные на них не поставят — уж очень велик шанс проиграть.

На долю симпатичного Амана Тулеева, к сожалению, выпадает роль политической пешки. Увы, кому-то приходится быть и пешкой — ведь всем сразу стать ферзями никак невозможно.

Поклонники Рыжкова могут со мною не согласиться: почему это ферзь — Ельцин, а не Рыжков?

Во-первых, потому, что Рыжков — это бесславное и очень еще близкое прошлое. Это Продовольственная программа с ее изобилием, Чернобыль с его глобальным обманом, абсурдный «регулируемый рынок», не менее абсурдные «самофинансирование и самоокупаемость» при государственном крепостном праве и многое, многое другое из той же оперы, например, всем по квартире к 2000-му году. Ельцин же — это какое-никакое, но настоящее. Это свет в конце туннеля с законами о собственности и о земле, с реальным повышением пенсий, с попыткой умерить аппетиты военно-промышленного чудовища, с намерением спасти российских мальчиков от смерти в чужих национальных войнах. Плюс к этому, Ельцин — это весьма реальная надежда на будущее, если мы дадим ему президентские полномочия, которые позволят ему сломить саботаж партийной бюрократии на местах.

Во-вторых, потому, что социальной базой Рыжкова являются те члены КПСС, которые, как французские аристократы начала 19-го века, «ничего не забыли и ничему не научились», затем всецело зависящие от своего начальства жители малых городов, работники совхозов и военнослужащие. Тогда как социальной базой Ельцина являются жители крупных городов, т.е. рабочие и значительная часть служащих, технической и творческой интеллигенции. Поскольку вторых значительно больше, чем первых, то социальная база у Ельцина шире, чем у Рыжкова.

Поэтому Ельцинский ферзь должен побить рыжковскую ладью.

За что они ненавидят Ельцина?

Во время многочисленных встреч с людьми в период предвыборного марафона приходилось наблюдать с виду вполне почтенных секретарей парткомов, состоятельных чиновников — депутатов нашего Верховного Совета, которые буквально менялись в лице, когда говорили о Ельцине! Они не выносят его даже больше, чем «так называемых демократов».

— Почему?

Потому, что он — ***вероотступник*** (или, как кто-то выразился в записке на встрече с Абдулатиповым — «ренегат»!!). Ибо Ельцин осмелился вынести сор из партийной избы «ордена меченосцев» — а уж этого никто из меченосцев до него делать не смел. Он совершил величайшее преступление: замахнулся на СВОЙ правящий класс — класс, к которому САМ же принадлежал, который его вскормил, одарил своим доверием и двинул аж до кандидатов в члены Политбюро. И уже находясь на партийном Олимпе, он покусился на самое неприкосновенное и самое тайное в нашем государстве — на ***Правящую Номенклатур***у.

Вот что написал Борис Ельцин в своей книге «Исповедь на заданную тему» (Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1990, стр. 116–123):

«Угодливость и послушание оплачиваются льготами, спецбольницами, спецсанаториями, прекрасной «цековской» столовой и таким же замечательным столом заказов, «кремлевкой», транспортом. И чем выше поднимаешься по служебной лестнице, тем больше благ тебя окружает, тем больнее и обиднее их терять, тем послушнее и исполнительнее становишься. Все продумано. Заведующий сектором не имеет личной машины, но имеет право заказать ее для себя и для инструкторов. Заместитель заведующего отделом уже имеет закрепленную «Волгу», а у заведующего «Волга» уже другая, получше, со спецсвязью.

А если уж ты забрался на верхушку партийной пирамиды, тут все — коммунизм наступал! И, оказывается, для него вовсе не надо мировой революции, высочайшей производительности труда и всеобщей гармонии. Он вполне может быть построен в отдельно взятой стране для отдельно взятых людей.

... Коммунизм создает Девятое управление КГБ. Даже на моем уровне кандидата в члены Политбюро — три повара, три официантки, горничная, садовник со своим штатом...

... «Кремлевский паек» оплачивался половиной его стоимости, а входили туда самые отборные продукты. Всего спецпайками разной категории в Москве пользовались 40 тысяч человек...

Когда я подъехал к даче в первый раз, у входа меня встретил старший караула, он познакомил меня с обслугой — поварами, горничной, охраной, садовником и т. д. Затем начался обход. Уже снаружи дача убивала своими огромными размерами. Вошли в дом — холл метров пятьдесят с камином: мрамор, паркет, ковры, люстры, роскошная мебель. Идем дальше. Одна комната, вторая, третья, четвертая, в каждой — цветной телевизор, здесь же, на первом этаже, огромная веранда со стеклянным потолком, кинозал с бильярдом, в количестве туалетов и ванн я запутался, обеденный стол с немыслимым столом метров десять длиной, за ним кухня, целый комбинат питания с подземным холодильником.

... Думаю, перестройка не застопорилась бы даже при всех тех ошибках в тактике, которые были совершены, если бы Горбачев лично смог переломить себя в вопросах спецблаг...».

Прочитав книгу полностью, вы без труда поймете, почему именно ее автор стал объектом беспощадной критики «на уничтожение».

Долгие, долгие выборы...

На фоне этих волнующих событий и ожиданий наши местные выборы депутата РСФСР на место безвременно ушедшего — светлая ему память — Револьта Пименова (828-ой Эжвинский округ) — выглядят делом мелким и малоинтересным. Эти нескончаемые выборы давно опостылели избирателям. Оставшиеся кандидаты напоминают мне гладиаторов, которые продолжают бряцать доспехами в наполовину опустевшем цирке. Зрители тем временем устремились на свои огороды — и это самое правильное, что они могли сделать.

* * *

Поминки по демократии[5]

Прошедшая 21 сессия Верховного Совета 12 созыва (точнее — ее первый этап — 11–13 октября 1994 г.; второй будет в декабре), как единодушно отметила вся пресса, была предсмертной.

Максимально затянув сроки своей агонии, буйный и с трудом управляемый начальством коммунистический Верховный Совет (слегка разбавленный либералами, националистами и единичными вкраплениями беспартийных вольнодумцев) к 22 января 1995 года, наконец, испустит дух.

На смену ему население республики должно избрать тихий, солидный, небольшой и ручной орган — Государственный Совет. С этим ГС, в отличие от пока еще существующего ВС, у начальства уже никаких проблем не предвидится — настолько малы его полномочия и реальная власть.

Итак, эпоха гласности, анархии, никому-никого-не подчинения — потому что мы сами по себе умные — кончилась. И кончилась она уже сегодня, ибо основополагающий Закон «Об органах исполнительной власти в Республике Коми», принятый на сессии, вступил в силу задним числом — уже 1 октября. В соответствии с этим Законом, наш «субъект федерации» сохраняет свое название по недоразумению, потому что наше нынешнее государственное устройство на самом деле гораздо ближе к конституционной монархии, а вовсе не к республике. Дело в том, что избранный в июне населением Глава Республики Коми является не только главой исполнительной власти (он называется Председатель Правительства), но и главой государства. И Ельцин, и Черномырдин — в одном лице.

Отличие Главы Республики (Коми Республикаса Юралысь) от конституционного монарха только в том, что Глава избирается, а не получает корону по наследству. Впрочем, основатели династий тоже ведь «выкликались» народом на кремлевском крыльце из числа родовитых бояр и лишь затем передавали трон по наследству. Так что, кто знает — может быть, народу эта идея понравится?

---

[5] **Опубликовано в республиканской газете «Молодежь Севера» 20 октября 1994 г.**

В число властных полномочий Главы республики входит и личное назначение им градоначальников (глав местной администрации). И это вполне конституционное его право вдруг породило на сессии волнения. Дело в том, что статья 94 нашей новой Конституции, принятой ВС 17 февраля 1994 года, вроде оставляла некоторую свободу для толкования:

«Статья 94. Местная администрация — орган исполнительной власти, непосредственно осуществляющий государственное управление и обеспечивающий права и законные интересы граждан на соответствующей территории. Местная администрация входит в систему исполнительной власти Республики Коми».

Ну, раз «входит в систему», а система возглавляется Главой республики — то, стало быть, подчиняется непосредственно ему. Однако же в этой статье ничего не сказано о том, избираются ли главы администраций или просто назначаются. Ведь можно быть избранным, а подчиняться Главе и быть не вправе им уволенным. Теоретически это является абсурдным, зато не в пример демократичнее, нежели простое назначение чиновников сверху.

Кроме того, возможен и более слабый вариант: пусть не избирается, а назначается, но по крайней мере с согласия местного органа представительной власти. Хоть и слабенькая, но все же какая-никакая, а демократия. Но ничего этого не получилось: в принятом Законе Юралысь назначает градоначальников сам, ни у кого одобрения не спрашивая.

Как известно, «кадры решают всё», и доверять важное кадровое дело непредсказуемым Советам (или как они там будут называться) Юралысь не хочет — слишком большой риск. Единственное, что позволено местному представительному органу — это дважды в год *«выразить недоверие»* главе администрации, *«что влечет за собой освобождение последнего от занимаемой должности»*. Но думается, что расторопный градоначальник уже после первого «недоверия» найдет способы воздействия на излишне строптивую депутатскую публику; так что едва ли такие конфликты будут реальными. Впрочем, Закон еще подсластил народным избранникам горькую пилюлю: местная демократия *«вправе предложить Главе республики кандидатуру на должность главы соответствующей администрации»*. Большая честь!

Ну, пошумели народные избранники в ВС насчет того, чтобы градоначальников все-таки выбирать, а не назначать, а потом — чтобы хотя бы согласовать их назначение с представительным органом — да ничего из этого не вышло. Тем и кончилась игра с «принципом народовластия» (а это русский перевод слова «демократия»), торжественно провозглашенным в статье 3 этого Закона.

Однако по поводу другого торжественного принципа, обозначенного в той же статье — «разделения властей» — неожиданно разразился скандал. Вдруг — с опозданием на 8 месяцев (с момента принятия новой Конституции республики) — депутаты содрогнулась, живо вообразив, что будет представлять собой грядущий Госсовет, если из 50 его членов 20 окажутся главами местных администраций. Хорошенькое «разделение властей»!

И развернулись на сессии бурные дебаты начет хитрой поправки к статье 33 предлагаемого Закона, запрещающей градоначальникам избираться в Госсовет:

«Глава местной администрации района, города, не может быть избран в Государственный Совет Республики Коми».

Бунт на корабле! Настоящий бунт, ибо депутаты знали, что поправка неконституционная, следовательно, принятие ее автоматически требовало внесения соответствующей поправки и в новенькую, еще теплую Конституцию республики, что было бы ничем иным, как реваншем депутатского корпуса за тяжелое поражение, нанесенное народным избранникам тогдашним Председателем ВС в дебатах по проекту новой Конституции. Причем бунт этот был, прямо-таки по Пушкину, «бессмысленный и беспощадный». Бессмысленный — ибо было известно, что требуемых двух третей голосов (столько нужно для изменения Конституции) никакими силами не собрать. Ну, а беспощадный — по отношению к собственному времени — ведь оно было затрачено на заведомо обреченное дело. В итоге — сенсационная поправка к ст. 33 Закона прошла (там при голосовании было достаточно простого большинства), а поправка к Конституции — нет.

Тем бунт и закончился: вызывать танки не понадобилось.

Такова внешняя канва недавних дебатов в ВС республики. Но хочется поразмышлять над причинами этих странных событий, понять их движущие силы.

Я думаю, что таких причин было две: с одной стороны, слабость оппозиции в рядах ВС, с другой — чисто субъективный «человеческий фактор», как любил выражаться последний наш генсек. Опираясь на более или менее контролируемый им «партийно-хозяйственный актив» депутатского корпуса, тогдашний Председатель Президиума ВС вчистую переиграл немногочисленную, разрозненную и разношерстную оппозицию в ВС. Разношерстная она была потому, что состояла из совсем непохожих личностей, оппозиционность которых питалась из очень разных источников. У одних в основе лежало отвращение к коммунистической власти во всех ее формах и проявлениях (таких среди депутатов было человек пять, не более), у других — ущемленное национальное (коми) самосознание, у третьих — осознанный выбор либерально-демократических ценностей и ориентиров (этих, наверное, всего два-три человека на весь ВС), у четвертых (это, пожалуй, бо́льшая часть оппозиции) — обида за недоставшееся место у кормушки — в реальной системе благ и привилегий.

Поэтому оппозиция в ВС не была даже и формально конституирована, хотя две оппозиционные фракции поначалу все же существовали: «Демократический форум», созданный благополучно отъехавшим за пределы республики молодым рабочим А. Петиком из Яреги, и «Чужан му». На последних сессиях эти фракции абсолютно ничем себя не проявили, фактически скончавшись задолго до назначенной смерти живучего Верховного Совета. Кроме перечисленных объективных причин их кончины, очень важна и субъективная: среди либерально-демократической оппозиции не нашлось волевого лидера с организаторским дарованием, способного построить оппозицию хотя бы в колонну по одному. Способные люди были (например, газетчик С. Волковинский из Ухты), а вот лидера не было.

Что же касается «человеческого фактора», как второй составляющей запоздалого депутатского бунта, то он мне очень понятен — депутаты просто-напросто комплексовали: *«Вот ты нас раздавил в феврале — так вот на тебе в октябре — поправочку к статье 33! Пускай она там неконституционная и прочее, а мы её — назло тебе — примем!»*. Приняли, выпустили пар — стало на душе легче.

Вся эта любопытная политико-психологическая история была на самом деле ничем иным, как плачем по волосам снятой головы (голову сняли еще в феврале). А еще мне это живо напомнило языческий обряд поминок. Ведь начинают на поминках всегда благостно и пристойно, а кончают всегда обжорством, плясками и совершенно неприличным пьянством. Вот так и на прошлой сессии: после серьезных дебатов на похоронах демократии дали волю страстному желанию немедленно отправиться по домам, не оставаясь в этом постылом зале ни одной лишней минуты (хотя дело было в четверг еще до обеда: можно было со спокойной совестью часа четыре еще поработать). И напрасно депутат Н. Боброва призывала своих коллег одуматься и принять наконец многострадальный закон «О культуре», который уже год странствует по всем инстанциям. Куда там — всем уже было не до культуры. И в обычное-то время она не шибко нужна, а уж тут, после таких событий, — и тем более.

Безусловно, в истории первого посткоммунистического Коми парламента есть немало поучительного и требующего обстоятельного анализа. В данный момент, как мне кажется, всем демократически настроенным людям надо осознать, что эпоха какой-никакой, хоть и плохонькой, но все же парламентской республики у нас закончилась. ***Произошла номенклатурная реставрация — правда, без господства коммунистической идеологии, но зато в обнаженно-бюрократическом варианте авторитарной власти, практически ничем не ограниченной. В этой системе функции (и соответственно, возможности) представительной демократии сведены к минимуму.***

Поэтому стратегия и тактика демократических движений (Демократической России, гайдаровской партии «Демократический выбор России», новорожденной популистской «Партии любителей пива», республиканцев и некоторых других, в частности, здравомыслящих из числа национально-ориентированных демократов) должны стать предметом самого серьезного анализа. Ситуация сложная: есть над чем подумать.

* * *

К выборам Главы республики Коми в 1996 г[6].

1. *Какой Вам видится предвыборная кампания, каково будет ее напряжение*?

Предвыборная кампания, как мне кажется, будет спокойной. Во всяком случае, такого противостояния, какое мы наблюдали в памятной схватке Худяев — Спиридонов, мне думается, в этот раз не будет.

2. *Некоторые заранее предрекают успех Ю. Спиридонову. Ваше мнение?*

Я бы присоединился к этим «некоторым». Шансы Спиридонова мне представляются гораздо более весомыми. Помимо его личных качеств как многолетнего лидера Республики, в его руках немаловажный козырь — властные структуры, явно занятые в его избирательной кампании. У нас ведь не США, где Гора или Клинтона могут затаскать по судам, если докажут, что они, видите ли, звонили своим спонсорам из служебного кабинета! Точно так же во время избирательной кампании Ельцина наиболее дальновидные чиновники сообразили, что надо ставить на него, а не на Зюганова. И самым дальновидным и одновременно самым полезным из этих чиновников оказался премьер-министр, имевший огромные возможности для реальной помощи своему кандидату. Ведь долги по зарплате появились как одно из следствий громадных расходов из бюджета на избирательную кампанию. Хотя никто этого доказать документально никогда не сможет, в этом все же мало кто сомневается.

Я не утверждаю, что президентские выборы-96 были *единственной* причиной бюджетных долгов, но уверен, что они послужили как бы детонатором, посредством которого был взорван бюджет-96. Вторым компонентом бюджетных долгов было, конечно, страшное воровство большого и малого начальства: красные директора и разные другие начальники выписывали себе ежемесячно скромные суммы по 10–20 миллионов рублей — в то время, как их рабочие или служащие по 8–9 месяцев сидели без зарплаты.

3. Лично Вы удовлетворены списком выдвинутых кандидатов?

Интересной альтернативы Спиридонову я не вижу. Такой интересной альтернативой я бы считал демократического кандидата, который, с одной стороны, имел бы спиридоновские большие способности и качества лидера, а с другой — не имел бы его номенклатурного прошлого... А нынешние кандидаты из одной партийно-хозяйственной колоды заметно уступают Спиридонову по всем параметрам.

4. Что в нынешней ситуации важнее: новая метла, которая чисто метет, или все же старый хозяин лучше двух новых?

Я убежденный сторонник «застоя» в том смысле, что если выбирать между «застоем» и революцией, то первое безусловно лучше второго. Ну, представим себе какую-то «новую метлу», которая сменит Спиридонова. Для начала эта метла займется подбором команды и тотальной перетряской властных структур. При этом, как показывает опыт всех революций, победителю надо будет раздать хлебные должности своим сторонникам, которые обеспечивали ему победу — по их вкладу в победу, а отнюдь не по деловым качествам. Это значит, что выметя, к примеру одного-двух проворовавшихся опытных чиновников, на их место посадят трех-четырех более честных, но быть может, совершенно некомпетентных из числа соратников. На эти кадровые перетряски, ничуть не затрагивающие нашей с вами реальной жизни — уйдет как минимум половина срока нового хозяина. А потом уже, когда люди обживутся в своих новых креслах, они, как показывает опыт, не склонны ни к каким радикальным переменам. Возьмите, например, проблему, которую я хорошо знаю — отчаянное положение воркутинских геологов. Эти люди в тяжелейших условиях Полярного Урала ищут (и находят!) золото, но в буквальном смысле голодают и многие месяцы работают без зарплаты. Ну, придет некая новая метла. И что же — она выплатит им зарплату? Из каких средств?

[6] Газетное интервью.

5. Анализируя деятельность нынешнего руководства, какие Вы можете поставить оценки, предъявить претензии?

В целом можно поставить прочную тройку с плюсом, а по отдельным позициям (например, в некоторых областях медобслуживания, в понимании приоритетов) — даже и четверку, что выше средне-российской административно-хозяйственной двойки. То есть я хочу сказать, что хотя дела у нас идут далеко не блестяще (ибо тройка — оценка унылая), все же в целом лучше, чем в среднем по России. Например, коррупция. Есть она у нас? — Разумеется, есть. Но мне кажется (может быть, я заблуждаюсь?) что в среднем у нас чиновники воруют меньше...

Что же касается претензий, то прогуляйтесь возле любого пикета бастующих. Вот у кого настоящие претензии — у доведенных до отчаяния людей. Я же надежды на улучшение в государственных делах связываю в основном с созданием реально-независимой юстиции. Для меня очевидно, что в нормальном государстве начальник, на платящий своему персоналу зарплату, а сам ее получающий регулярно — должен сидеть в тюрьме, а не в своем кресле. Но для этого прокурор и судья должны быть реально (а не номинально) независимы от других ветвей власти (прежде всего исполнительной).

6. Полезен ли будет Ю. Спиридонову и его избирателям второй срок (учитывая опыт переизбрания Б. Ельцина)?

Видимо, вопрос подразумевает, что опыт переизбрания Ельцина — негативен. Но я так не считаю — Зюганов был бы многократно хуже. Поэтому я голосовал за недемократического Ельцина (а не за демократического Явлинского, у которого не было никаких реальных шансов). И точно также буду голосовать за Спиридонова, хотя никогда в его КПСС не состоял... Я исхожу из простейшей жизненной премудрости — лучше синица в руках, чем журавль (или, упаси бог, журавлиха) в небе. При Спиридонове жить можно, а будет ли можно при других — еще неизвестно.

* * *

Партия Воров против партии Разбойников[7]

В библейские чудеса многие в наши дни не верят: за давностью лет они вызывают большие сомнения. Между тем, на президентских выборах-96, казалось бы, вполне могло случиться самое настоящее Чудо — воскресение коммунизма. Оно могло произойти у всех на глазах — и попробуй, не поверь. Не поверивших коммунисты живо привели бы в чувство...

Перед выборами все общество раскололось не на много мелких частей (как в демократических странах), а почти пополам. Одна половина была за красно-коричневую оппозицию (*Партию Разбойников*), а другая — за розовое правительство (*Партию Воров*).

Воры были генералами добывающих базовых отраслей. Поэтому им было, чем торговать за доллары, и они не замедлили продать всё, что у них соглашались купить.

Разбойники же были генералами ВПК — а эта продукция более деликатная. Отвинченными гайками с атомных подлодок не поторгуешь, а когда самые умные из Разбойников попытались с выгодой для страны продать несколько сот никому не нужных танков — Воры вцепились им в глотку (ныне уже давно забытая история концерна АНТ, раздув которую, конкурентам удалось свалить правительство Рыжкова).

Итак, хотя и *Воры* и *Разбойники* прежде сидели рядышком в одном и том же ЦК КПСС, теперь между ними образовалось огромное, принципиальное различие (его не замечали разве что единицы из числа самых совестливых демократов). Различие было между сытыми Богатыми и голодными Бедными (впрочем, если вообще можно назвать «бедными» лиц с номенклатурными привилегиями).

Это различие отнюдь не было только их внутренним делом — нет, оно прямо касалось и всех нас, которые в ЦК КПСС не состояли. Дело в том, что первые *уже хапнули* — и потому, в принци-

[7] **Опубликовано в сыктывкарской газете «Трибуна» 20 сентября 1996 г.**

пе, не возражали против того, чтобы дать жить и другим. Вторые же оказались обделенными и потому пылали злобой и ненавистью к своим бывшим партайгеноссе. Они нарочно в пропагандистских целях обзывали богатеньких *Воров* «демократами», хотя, как очевидно, члены ЦК КПСС не имели к демократии ни малейшего отношения. *Разбойники* мечтали отобрать и поделить между собою богатства, добытые *Ворами* нелегким трудом, сопряженным с опасностями.

Однако при *Разбойниках* житья уже не было бы никому (в том числе и тем наивным людям, кто их поддерживал исключительно назло *Ворам*). Поэтому за *Партию Воров* (НДР) готовы были отдать голоса (но отнюдь не свои симпатии — отвращение к *Ворам* не скрывалось) почти все либеральные демократы-западники (ДемРоссия, ДемВыбор России, ЯБЛоко). Это были союзники поневоле, просто выбравшие из двух зол — меньшее. А к *Разбойникам* с энтузиазмом примкнули нацисты и жиринисты. Они вручили им свои голоса и душевные симпатии, придав некогда интернациональному красному знамени очень заметный коричневый оттенок.

Что же касается относительно малочисленных сторонников Партии Сильной Руки (лебедянцев), то по своим убеждениям они в большинстве, конечно, скорее симпатизировали агрессивным и энергичным голодным *Разбойникам*, нежели вялым и апатичным объевшимся *Ворам*.

Таким образом, получилось так, что под знаменами коммунистов перед президентскими выборами оказались десятки миллионов людей. Помню свою растерянность: кого бы ни спросил из знакомых — чуть ли не каждый собирался голосовать за коммунистов. И это не на военном заводе, а в относительно демократической среде Академии наук с ее давними проельцинскими симпатиями!

Невероятный шанс

Свою знаменитую статью «Как нам обустроить Россию» великий русский писатель Александр Солженицын начал вещими словами *«Часы коммунизма свое отбили»*. И миллионы людей ему поверили. Поверили в то, что телега Истории, наконец-то, вылезла из кровавой и грязной колеи коммунизма и въехала в новую — может быть и не менее грязную, но хотя бы менее кровавую.

Но История, видно, решила еще раз поиздеваться над несчастной Россией — и вдруг дала как бы похороненному коммунизму шанс на воскресение — и какой шанс! В предвыборной лотерее, где разыгрывались призы от 1 до 100 рублей — коммунисты вдруг вытащили билет на 1 000 000 000 рублей. Таким билетом оказалась развязанная Ельциным в 1994 г. чеченская война.

Козырная колода

Теперь на руках у коммунистов вся политическая колода оказалась козырной. В самом деле, вспомним, что было совсем недавно.

1. Страна задыхалась в тисках свирепого экономического кризиса. Инвестиций Запад не давал (опасаясь прихода коммунистов). Большинство самых крупных заводов стояло, ибо государство не покупало их военную продукцию (а почти все крупные заводы у нас — военные). Все отрасли громадного хозяйственного комплекса были должны друг другу астрономические суммы, но никто долгов не платил, потому что не получал их от своих должников: круговая порука неплатежей.

2. Единственным достижением правительства было подавление инфляции. Однако оно было завоевано неслыханным в мире способом: *людям просто перестали платить за выполненную работу*! Не платили шахтерам и дояркам. Не платили энергетикам и металлургам. Не платили военным и милиционерам. Не платили учителям и медикам. Не платили ученым. Дошло до того, что не платили пенсии! Платили только крупным чиновникам (тем, кто был поближе к деньгам), да красные директора начисляли сами себе десятки миллионов в месяц, крадя эти деньги у своих рабочих.

3. Вследствие этого громадные слои населения, кормящиеся из госбюджета — вся *бюджетная сфера* — были приведены к настоящей нищете, когда многим людям просто нечем стало кормить детей. Это подняло мощную волну недовольства и гнева. Правда, народ еще не выплеснулся на улицы и не пошел громить правительственные учреждения, однако ситуация была

очень близкой к этому. Страну потрясали жесточайшие забастовки шахтеров, учителей, медиков. Еще немного — и могли в массовом порядке забастовать энергетики, транспортники, военные и милиционеры. Тогда страна погрузилась бы в полный хаос, который мог закончиться только диктатурой — военно-нацистской или военно-коммунистической (что, впрочем, примерно одно и то же).

4. Сфера реального контроля правительства была крайне сужена, потому что коммунисты безраздельно господствовали в Госдуме и, кроме того, имели мощное представительство в губернаторском корпусе. Помимо красных губернаторов, в рядах ельцинских наместников была очень сильна пятая колонна; эти люди, на словах демонстрируя лояльность Президенту, уже вытащили из сейфов партийные билеты, готовясь приветствовать возвращение коммунистов.

5. И на этом беспросветном фоне, не сулящем правительству ничего хорошего на выборах, — с 1994 г. заполыхало зловещее багровое зарево — чеченская война! И начало, и весь ход этой «фашистской войны» (как ее сразу же назвала Валерия Новодворская) были окружены грязной завесой лжи и тайны откровенно криминального покроя. В стране имелась персонально как бы анонимная, но очень мощная Партия Войны, которая вынудила Ельцина начать войну, а затем срывала все попытки ее закончить.

С началом войны российское общество с изумлением убедилось, что некогда могучая Советская Армия, наводившая ужас на всю Европу и державшая в узде даже США, — потеряла боеспособность и морально разложилась. Долгие годы тотального воровства и дедовщины в прогнившем коммунистическом государстве доканали армию. Для того, чтобы воевать в Чечне, понадобились даже моряки с Балтийского и Тихоокеанского флотов!

С одной стороны воевали плохо обученные молодые солдатики, не понимавшие, за что они должны умирать. А с другой — вовсе не мифические «бандформирования», а почти все мужское население Чечни — прекрасно подготовленные работорговцы, фанатично преданные идее независимости своей Ичкерии, и вдобавок не испытывающие трудностей с вооружением (которое покупалось на наши деньги — как раз те, которые правительство направляло «на восстановление Чечни»).

6. А эта ужасная война всё длилась и каждый день пополняла бесконечный мартиролог русских солдат — убитых, искалеченных, плененных и пропавших без вести. Но самое невыносимое для миллионов людей заключалось все же не в войне как таковой — а в том, что *чеченцы очевидным образом побеждали русских*. Национальному сознанию был нанесен жестокий удар: ведь после Крымской войны 1856 г. Россия проиграла только две войны: японцам в 1904 г. и финнам в 1940 г. Но зато одолели Гитлера (хотя и чудовищной ценой — при соотношении военных потерь примерно 7:1) — а какие-то бандформирования разгромить не можем !? Такие горестные суждения мне приходилось слышать от людей, искренне считавших себя демократами. Они бы одобрили, если бы Чечню просто стерли с лица земли — слишком сильно была задета национальная гордость.

Вот такова была козырная колода коммунистов перед выборами. Надо было только сообразить — с какой карты пойти сначала, в каком порядке и логической последовательности распорядиться этим с неба свалившимся политическим богатством. Для любой нормальной политической оппозиции эта задача была бы элементарно простой.

Тактика победы

Итак, что же надо было сделать коммунистам, чтобы перетянуть на свою сторону несколько миллионов людей, которые еще колебались с выбором, и не просто победить Ельцина, а победить с сокрушительным перевесом? Ответ очевиден — надо было зайти с чеченской карты. Другими словами — коммунисты для победы должны были занять бескомпромиссную *антивоенную позицию*. Такую позицию, которую заняли большевики-ленинцы с началом Империалистической войны. Российским коммунистам следовало громогласно заявить:

— Чечня не нужна России. Если она хочет уйти — то пусть уходит к ... матери;

— сохранение Чечни в составе РФ не стоит жизни даже одного русского мальчика. Между тем, «оккупационное правительство» уже положило головы тысяч русских мальчиков и продолжает ежедневно убивать все новых наших детей;

— всех русских, которые хотят покинуть Ичкерию — правительство обязано принять и обустроить. Если крошечный Израиль сумел принять иммигрантов в количестве даже большем, чем

всё свое коренное население — то неужели необъятная Россия не в состоянии принять несколько миллионов своих соотечественников из Чечни и стран СНГ!?

К этим *«чеченским тезисам»* можно было добавить *«чеченские лозунги»* для митингов, например:

«Советские шахтеры! Воровское правительство крадет зарплату за ваш героический труд. Крадет для того, чтобы потратить триллионы на убийство ваших детей в Чечне! Немедленно остановить чеченскую бойню!»

«Советские учителя! Воровское правительство...»

«Советские медики! Воровское правительство...»

«Советские ученые! Воровское правительство... » и т. д.

И наконец, к чеченским тезисам и лозунгам можно было добавить торжественную «чеченскую клятву»: «Я, простой и честный русский парень Гена Зюганов, став Президентом России, торжественно клянусь: (а) в 24 часа прекратить кровопролитие в Чечне; (б) в течение месяца вывести войска из Чечни; (в) в течение месяца разыскать, арестовать и отдать под суд всех лиц, развязавших эту позорную бойню и не давших ее прекратить с честью для России».

Если бы коммунисты сделали так или примерно так — то они непременно победили бы на президентских выборах.

Что же им помешало?

Почему же они не смогли разыграть козырную чеченскую карту, чтобы свалить Ельцина? А потому, что Солженицын, оказывается, всё-таки был прав: часы коммунизма свое отбили. Нет, любители коммунизма отнюдь не перевелись (и никогда не переведутся) — но *издох сам коммунизм как привлекательная идеология и жизнеспособная практика.* Остался только скелет с кусками зловонного тухлого мяса, одетый в современный костюм с галстуком.

Ведь с каким идеологическим багажом они шли на выборы?

— В области экономики: с бредовыми идеями отменить приватизацию и восстановить госсобственность, доказавшую свою полную неэффективность.

— В области финансов: с безумными предложениями вроде закрытия коммерческих банков и экспроприации «новых русских». Но ведь Октябрь-1917 наглядно показал, что путем грабежа никого нельзя осчастливить: денег всё равно на всех не хватит. Немедленно появятся номенклатура и дефицит, и всё начнется сначала.

— В области внешней политики: снова милитаризовать страну и опустить железный занавес. Но это уже не просто опасно, это и невозможно: не с такой армией можно грозить кулаком Западу.

— В области внутренней политики и культуры — вернуться к теории и практике сталинизма, и в частности, восстановить СССР (очевидно, это можно сделать только силой).

Понятно, что с такой убогой программой они просто НЕ МОГЛИ занять последовательную антивоенную позицию! Таким образом, в теоретико-программной области КПРФ оказалась полностью импотентной.

Однако в политике побеждают не столько умными программами, сколько ловкой демагогией. Ведь молодой коммунизм-большевизм, одушевленный идеей Мировой Революции, был способен на головокружительные политические трюки. Достаточно вспомнить бесстыдную кражу эсеровского лозунга «Земля — крестьянам», невероятный ленинский кульбит с введением спасительной НЭП в умирающей, разоренной коммунистами стране, Генуэзскую конференцию с полным одурачиванием Запада и т. д. И все эти трюки увенчались поразительным успехом.

Оказывается, *нынешний дохлый коммунизм не может уже ничего.* И если Ленин в октябре 1917-го гениально использовал всего 1 шанс из 1000 — и победил, то Зюганову не пошли впрок даже предоставленные ему 999 шансов из 1000.

Нынешние коммунисты то осуждали войну, то истерично прославляли её; то злобно нападали на правительство, то вдруг аплодировали силовым министрам. Одним словом — болтались, как нечто в проруби...

В итоге коммунисты, подобно Бурбонам, «ничего не забыли и ничему не научились».

Потому и проиграли.

* * *

Сфера в виде шляпы[8]

(По поводу одной рецензии на псевдофилософическую книгу)

В лесу гудят антимашины.
Нет женщин — есть антимужчины.
Андрей Вознесенский: Антимиры

В славном городе Томске, мировом памятнике русского деревянного зодчества, в 1995 г. была издана уникальная по своей нелепости, псевдофилософическая книга О. Ю. Петровой «Динамика понятийного аппарата сознания». Возможно, в дальнейшем мы найдем в себе мужество пересказать читателю содержание этого удивительного сочинения. Пока что наших сил хватило лишь на то, чтобы отреагировать на рецензию, написанную земляком автора — как бы минералогом (или как бы физиком?) — В. Н. Сальниковым. Задача эта более проста потому, что идеология, методология, стилистика и способы рассуждений Рецензента нами досконально изучались в период прохождения его докторской диссертации через наш Диссовет Института геологии в Сыктывкаре.

Итак, как говаривали в старину: «Дай руку, любезный читатель!» Начинаем увлекательное, но полное опасных приключений путешествие по рецензии В. Н. Сальникова.

1. Рецензия объемом 6.5 страниц называется «Несколько слов о книге». Такой лаконизм (нет названия книги) объясняется просто: рецензия *сопровождает книгу* в качестве восторженного послесловия. Это, конечно, крупная ошибка издателя. Ведь чтобы добраться до этого панегирика, читателю надобно сперва одолеть саму книгу — а найдется ли такой читатель?

2. Далее Рецензент торжественно принимает тех, кто сумеет прочесть эпохальную книгу, — в Орден Очень Умных Меченосцев:

«... [книга] *предназначена разумной элите немногих ученых, находящихся на внешних орбитах Гауссова распределения интеллекта. Такие работы появляются по одной в столетие, например, как «Тайная доктрина» Е. П. Блаватской*» (С. 192).

Вот оно что... Оказывается, чтобы попасть в *разумную элиту немногих ученых*, всего-то надо перестать быть ученым и стать махровым мистиком, подобным приснопамятной Блаватской, зловещие откровения которой давно используют тоталитарные секты! Очень важно, что Рецензент без ложной стыдливости, открыто и решительно заявляет о своей антинаучной идеологии.

3. Далее Рецензент останавливает внимание *элитного* читателя на откровениях книги.

«Выдвигается предположение о конечности скорости сигнала, что создает в пространстве Евклида парадоксальную ситуацию (стр. 193*).*

Бедный Альберт Эйнштейн — почти через 100 лет нашлись люди в Томске, которые о нем никогда не слыхали, ибо снова «*выдвигают предположение*».

«<··· > поскольку мы воспринимаем пространство посредством электромагнитного сигнала... то, кроме определенного тела Т, надо иметь начало отсчета — приемник О, в который непосредственно поступает сигнал, и еще три тела, отразившись от которых, сигнал поступает в приемник<··· > Предложение прибора... основанного на возможности применения эффекта Допплера в электромагнетизме<··· >» (С. 185)

Что тут сказать? Как, бывало, писали в журнале «Крокодил» — комментарии излишни. Какие же могут быть комментарии, когда Рецензент *воспринимает пространство* не органами чувств, а *посредством электромагнитного сигнала* (заметим, что гравитация — не электромагнитный сигнал; не потому ли Рецензент пребывает в приятном ощущении научной невесомости?).

[8] Написано в 1996 г. в соавторстве с Ю. А. Ткачевым. Ранее не публиковалось.

Что и как можно здесь комментировать, когда и скорость разбегания галактик, и прецизионные измерения скорости вращения Венеры, и множество других вещей, включая даже грубые радары милиционеров-гаишников — все это давно реализовано как раз на основании использования эффекта Доплера в электромагнетизме...

«Работы О. Ю. Петровой были использованы для объяснения возможности передачи телепатической информации при помощи электромагнитных сигналов... О. Ю. Петрова делает вывод, что есть основание предполагать, что процесс мыслительной деятельности моделирует [!] *электромагнитное поле на уровне структуры кванта* [!], *иначе трудно объяснить сеанс гипноза по телевизору или запись на магнитофон сеанса лечения болезни экстрасенсом»* (С. 194).

Итак, *разумной элите ученых* доходчиво объясняют: кванты, отразившиеся от г-на Кашпировского и попавшие с экрана телевизора в наш глаз — имеют специфическую структуру, эдакую особенную гипнотическую составляющую, каковой у других — слишком примитивных квантов скучного профессора Макса Планка — нету...

«Вывод один — прогресс обязан дуракам. О. Ю. Петрова детально разбирает данный феномен...» (С. 197).

Вообще-то *данный феномен* не нов, но интересен сам мыслительный процесс автора и Рецензента. Рассуждение такое: величина интеллекта в человеческой популяции (например, в этносе) распределена по гауссовской колоколообразной кривой, более или менее симметричной. Это означает, что идиоты слева и гении справа редки, а доминируют в популяции посредственности. Метод томских мыслителей заключается в воображаемом вращении кривой Гаусса вокруг вертикальной оси и получении в результате фигуры, которую Рецензент называет ***СФЕРОЙ В ВИДЕ ШЛЯПЫ***. При этом оказывается, что на полях одной и той же шляпы уютно разместились и гении, и *дураки* — и это доказывает, что прогресс обязан дуракам. Вот такая, извините, логика. Обидно за гениев: хотя они тоже сидят на полях *сферы в виде шляпы*, но в качестве лишенцев — ибо к прогрессу не допущены.

* * *

Появление *такой* книги и *такой* рецензии далеко не случайны. Чего-то подобного вполне можно было ожидать, обратившись к собственному сочинению Рецензента — автореферату докторской диссертации «Электрические и электромагнитные явления при термовозбуждении минералов и горных пород» (Сыктывкар, 1995). Например:

С. 15: «*Ион протона*».

С. 18: «*Физическая природа первичной и наложенной информации (шума) одинакова. Опираясь на корреляцию между ними, можно по характеру шума реставрировать и характер первичной минералогической информации*».

Значит, *по характеру шума*, издаваемого за стенкой пьяным соседом, мы можем *реставрировать* симфонию Моцарта. Ведь *физическая природа* этой *информации* одинакова — акустические колебания. Но даже первокурсники знают, что в физике шумом называют сигнал, как раз ***не*** коррелирующийся с полезной информацией, ***не*** несущий её!

С. 21: *«при возбуждении горных пород тепловым полем* [при нагревании... Я.Ю., Ю.Т.] *происходит отражение процессов метасоматоза и контактово-метасоматического метаморфизма в электрических явления»* [так в тексте].

«Нагревая образец горной породы, мы как бы возобновляем на короткое время работу «функциональной зоны метасоматоза»... и фиксируем приборами локальные электрополя, которые могут появляться в ходе работы функциональной зоны метасоматоза в результате многих причин».

Следуя этой логике, при нагревании куска старого кирпича мы *как бы возобновляем на короткое время* процесс его обжига. Но ведь муллит отнюдь не превратится в исходную глину —

железо уже окислено, карбонаты необратимо разложены. Стало быть, *те локальные электрополя*, которые некогда существовали, увы — уже не вернутся к нам.

А это значит, что вся эта идея (стержневая для диссертации) — нелепа. Столь же нелепы и другие защищаемые в диссертации положения, изложенные в точно таком же стиле. Не удивительно, что Диссертационный ученый совет Института геологии отказал диссертанту в его притязаниях на докторскую степень.

Если же кто-то из сердобольных читателей нехорошо подумает о Совете (тупые реакционеры, «зарезавшие» талантливую работу самобытного мыслителя) — то приведем еще несколько извлечений непосредственно из самой диссертации.

С. 86: «*Фазовая характеристика полевых шпатов... Or, %; Ab, %; An, %*»

Оказывается, нормативные химические компоненты-миналы соискатель называет *фазами*...

С. 201: «*Геохимические* [!] *включения в минералах*».

С. 203: «*Трещины развиваются в газово-жидкой среде* [!!]».

«*... Возникают большие разности потенциалов и напряженности* [!] *электрического поля*».

С. 352: «*Тор, как интерпретант* [!] *поверхности Клиффорда, несет евклидову метрику и допускает реализацию* [!] *физических законов на нем в их классической форме, которая при переходе к пространственному рассмотрению* [!] *закономерно изменяется*».

С. 451: «*Таким образом, мы получаем возможность в ограниченном евклидовом секторе* [!] *рассматривать структуры и энергетические зависимости, присущие эллиптическому пространству, как протекающие* [!] *на системах торов. Полагая внутреннюю геометрию кристалла эллиптической геометрией Римана, мы с необходимостью* [!] *приходим к блочному строению кристалла*».

Даже оставляя в стороне нелепость всего этого текста — обратим внимание на полное отсутствие логики в итоговом заключении о блочном строении кристалла: оно никоим образом не вытекает из предыдущего.

С. 452: «*Предположив, что силовое поле способно сохранить структурность даже в отсутствии вещественных* [!] *частиц (ионов и атомов), узловые точки которого заняты зарядами в чистом виде* [!!]*, или же сгустками энергии* [!]*, мы можем рассматривать его, как псевдокристаллическое по своей структуре полевое образование, внутри и на поверхности которого господствует эллиптическая теория Римана*».

Надобно признаться, что при чтении диссертации у нас не раз наступали моменты полной потери сил. Так было и здесь: при личной встрече с *зарядами в чистом виде*, со *сгустками энергии* и, наконец, с *поверхностью полевого образования* нам на какое-то время почудилось, что мы тихо сходим с ума...

С. 455: «*Если мы обратимся к работе С.В.Руднова, то рост кристалла происходит в эллиптическом пространстве Римана, а не в евклидовой геометрии*».

По наивности мы полагали, что кристаллы растут в растворе или в расплаве; но нет — оказывается, рост кристалла *происходит в геометрии*. Далее эта мысль доходчиво разъясняется:

С. 458: «*Если рост кристалла происходит в эллиптическом пространстве Римана, а не в евклидовой геометрии* [!]*, то атомы, ионы, кластеры и другие частицы при росте заполняют объем кристалла по дуговым электрическим линиям* [!], *лежащим на поверхности Клиффорда*».

С. 488–489: «*Основываясь на данных экспериментов* [!], *можно констатировать, что человек «слышит» (чувствует литосферу неотделимо от атмосферы и дифференцированно* [!]*), подключаясь к природным автогенераторам разрывного типа и подобным биосистемам) в стрессовых ситуациях, сознательно или спонтанно. Подключаясь к природным автогенераторам разрывного типа, человек может управлять при помощи своей психики погодой, распределением физических*

полей в определенном месте, вызывать полтергейстные явления, передавать и принимать телепатическую информацию и осуществлять прогноз катастроф и общественно-социальных явлений».

Авторы этих строк горько сожалеют, что не сумели овладеть искусством *подключения к природным генераторам разрывного типа*, хотя вследствие чтения диссертации безусловно находились *в стрессовой ситуации*.

Как говорится, всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно... Грустно оттого, что за науку совершенно откровенно, без всякого стеснения — выдают антинауку. На антинаучные книжки пишут апологетические антинаучные рецензии, а потом эта совокупная Лженаука отравляет сознание неискушенных студентов. Затем эти студенты вырастают, пишут собственные диссертации и сами, в свою очередь, начинают учить студентов следующего поколения... Весь этот цикл — от начала до конца — можно было проследить в классическом развитии, когда была разгромлена передовая русская школа генетики и ее место в академической науке и в университетах заняла торжествующая лысенковщина.

В этой связи и сегодня весьма актуальна статья С. П. Капицы «Антинаучные тенденции в Советском Союзе», написанная в 1991 г. («В мире науки». 1991. №10. С. 6–13). Опираясь на широко известные исторические данные, ученый пришел к выводу, что ***суеверия с невероятной силой расцветают именно в эпохи потрясений и смут***. В 17 веке сожгли чуть ли не 50 тыс. ведьм; аналогичные (лишь внешне менее дикие) явления проявились в форме месмеризма (животного магнетизма) в канун Великой французской революции, в спиритизме (беспощадно высмеянным Львом Толстым), наконец, в уродливой распутинщине — перед великими потрясениями в России в начале XX века. Ну, а в наше смутное время — это парапсихология и экстрасенсы, ясновидение и псевдоастрология, наконец, снежный человек и летающие тарелки.

Не следует думать, что все это сосредоточено только за Уралом. На последней Геологической конференции Республики Коми (1994 г.) известный петербуржский геолог-тектонист, член-корреспондент РАН В. Д. Наливкин не в порядке розыгрыша, а совершенно серьезно доложил собравшимся о том, как под его руководством по одной только карте местности — экстрасенсы указывают местонахождение нефтяных месторождений. Следует допустить, что бумага, на которой сделана карта, чудесным образом приобретала свойства изображенной местности. Остается лишь обнаружить «сигналы», которые нам посылает карта. Для этого и нужны экстрасенсы...

Все сказанное возбуждает важный вопрос: каковы допустимые пределы ереси в науке? Что мы еще можем считать научным, а что уже нет? Например, известно, что в 1930-х годах великий Нильс Бор в поисках объяснения парадоксов квантовой физики с отчаяния одно время морально был готов даже к тому, чтобы отказаться от принципа причинности! К счастью, этого не понадобилось, однако сама его готовность говорит о величайшей раскованности мысли, позволительной только для гениев.

Вопрос этот трудный, но все же ориентир у нас есть: науку нельзя путать с верой. Человек свободен, он имеет право верить во что угодно. Однако нельзя привносить веру в традиционную науку европейского типа, недопустимо их «гибридизировать». На наш взгляд, существует несколько «диагностических признаков», позволяющих отличить антинауку от подлинной науки.

1. Один из таких признаков — чересчур пристальное внимание ВПК. Как отметил С. П. Капица, именно ВПК виновен в массовом распространении и насаждении псевдонаучных суеверий. Телепатия, телекинез, уфология — все эти занятия финансируются военно-промышленным комплексом! Отнюдь не случайно, что значительная часть исследований нашего Рецензента выполнялась на средства ВПК.

2. Еще одна особенность антинауки — исключительная падкость на нее средств массовой информации. Малограмотные журналисты, зачарованные примитивной антитезой (смелые *новаторы* — против реакционных *консерваторов*) охотно поднимают на щит любых шизофреников, дают им беспримерную рекламу, раздувают их иллюзорные «достижения». Вспомним явления Чумака или Кашпировского и целые сонмы целителей, нашедших панацею от рака или, на худой конец, похудание без ограничений в обжорстве — все они суть гомункулусы, выращенные в пробирках СМИ.

3. Наконец, важным признаком служат сами формы пропаганды неких идей, идущие в обход «реакционного» научного сообщества. Отдельные жрецы официальной науки, не имеющие под-

линной культуры мышления, с зыбкой или искаженной картиной мира в голове (иногда просто больные люди), пораженные червоточиной иррационализма («объяснить» — в действительности ничего не объясняя!), с агрессивным напором облекают свои домыслы в причудливую наукообразную форму (*ион протона, поверхность полевого образования, заряды в чистом виде* и т. п.) и активно внедряют их в общественное сознание. Именно для этого и нужны СМИ: газеты, популярные журнальчики, свободные от строгой научной экспертизы, радио и телевидение. Все они постоянно нуждаются в сенсациях, но отнюдь не в научной истине.

Мы затронули болезненную тему. Хотелось бы на страницах нашего журнала[9], призванного популяризировать настоящую науку, продолжить этот разговор.

* * *

Черные сланцы-98: наука, мифы и голые короли[10]

2–6 июня 1998 г. в Петрозаводске в Карельском научном центре, под патронажем ОГГГН РАН, теперь уже почившего Министерства природных ресурсов РФ, Научного совета по проблемам рудообразования и металлогении (который был представлен своим патриархом — бывшим магаданцем, академиком Н.А.Шило), РФФИ и, наконец, также почившего (в связи с избранием нового руководителя Карелии) Комитета природных ресурсов по Республике Карелия, был проведен Международный симпозиум ***«Углеродсодержащие формации в геологической истории».***

Как известно всякому, солидные шефы дают деньги; сама же работа по организации (отнимающая, по моему опыту, не меньше года жизни), ложится на людей, которых, как правило, в президиумы не приглашают. Главным таким человеком — «организатором и вдохновителем всех наших побед» был геофизик Михаил Михайлович Филиппов, давно и чрезвычайно плодотворно изучающий карельские шунгитовые породы. Он, конечно, был не один; из других организаторов я бы выделил директора Ин-та геологии Карельского НЦ Сергея Ивановича Рыбакова, ведущего исследователя шунгитового вещества Владимира Викторовича Ковалевского и тех женщин, на плечи которых, как обычно, взвалили всю черную техническую работу — Н. Н. Рожкову и Н. С. Бискэ.

Наше участие в Симпозиуме оказалось весьма заметным. Во-первых, наши люди представили целую дюжину докладов (Н. В. Беляева, Н. И. Брянчанинова, Д. А. Бушнев, О. В. Валяева, Ю. В. Глухов, Е. А. Голубев, С. В. Лыюров, В. П. Лютоев, А. Б. Макеев, В. И. Ракин, С. В. Рябинкин, Н. В. Сокерина, Н. К. Черевко, С. Н. Шанина, Т. Г. Шумилова, Н. П. Юшкин). Во-вторых, академик Юшкин был председателем Оргкомитета, и как я мог наблюдать (будучи членом Оргкомитета) — отнюдь не в качестве свадебного генерала: все важнейшие идейные и организационные проблемы Симпозиума рассматривались при его активном участии, обычно решающем.

Мне довелось быть в Оргкомитетах всех трех черносланцевых форумов в нашей стране: Сыктывкарского, который проводили мы 2–4 июня 1987 г., Новосибирского, в начале августа 1991 г., и теперь вот — Петрозаводского. Сыктывкарский был еще в СССР, Новосибирский — тоже, но на закате великой страны (о чем тогда никто и не догадывался), а Петрозаводский — уже в новой системе Номенклатурного Капитализма. Материал для сравнения богатый, но такое сравнение уведет нас слишком далеко от черных сланцев.

На Симпозиуме вполне естественным образом вычленились четыре направления:

• *Геологические обстановки формирования углеродсодержащих формаций. Источники углерода в осадочных формациях, физико-химические условия его накопления.*

• *Эволюция органического вещества, его миграция и накопление. Концентрированные формы проявления. Углеводороды в допалеозойских углеродсодержащих формациях.*

• *Структура и физико-химические свойства углерода углеродсодержащих формаций. Новые технологии использования углеродсодержащих пород.*

• *Металлогения углеродсодержащих формаций.*

---

[9] Предполагалась публикация этого сочинения в журнале «Народное хозяйство Республики Коми», но этого сделать не удалось.

[10] **Опубликовано: Вестник Ин-та геологии Коми НЦ УрО РАН. Июль 1998. № 7 (43). С. 12—15.**

Я не могу (да и не хочу) давать систематического обзора всего ценного, что было представлено на Симпозиум. Отмечу только то, что показалось интересным для меня, поскольку я, как наш прежний премьер, «давно уже на этой работе» — черными сланцами мы с М. П. Кетрис занялись в 1977 г., а последняя наша книжка вышла в 1997 г. Итого 20 лет...

1. Доклад академика Юшкина *«Структурная эволюция углеродистого вещества и концепция углеводородной кристаллизации жизни»*. Конечно, для нас — коллег академика — это уже не ново (я, например, слышал это по меньшей мере трижды). Однако для подавляющей массы присутствующих доклад Н.П. явился откровением, к нему был проявлен огромный интерес, и все отмечали его как одно из главных событий Симпозиума. Действительно, не каждый день в науке появляется ни много, ни мало — новая концепция биогенеза на планете Земля.

Напомню лишь интересную особенность концепции Юшкина — её, так сказать, «минералогическую непатриотичность». Будучи в настоящее время признанным российским Минералогом №1, Юшкин, тем не менее, отказался от заманчивых (и очень популярных) идей минеральной матрицы Протожизни. Он сделал иной выбор — в качестве наилучшей матрицы, которой осталось только «чуть-чуть» до того, чтобы вдохнуть в неё жизнь, Юшкин предложил диковинные нити, ветви и спирали из твердого битума. Тот факт, что геологический возраст этих битумов из пегматитов Волыни — рифейский, конечно, случаен. Он отнюдь не означает, что и Жизнь на углеводородной матрице могла появиться только в рифее. Аналогичные абиогенные углеводородные образования могли образоваться на Земле очень давно — например, с момента извержения первого вулкана, а может быть и еще раньше, в догеологический период интенсивной метеоритной бомбардировки, сопровождавшейся углеводородной дегазацией.

Впрочем, не следует особенно переоценивать «антипатриотизм» Минералога № 1. Хотя матрицей для Протожизни он счёл не минералы, всё же это — *минералоиды* — то есть именно тот класс природных некристаллических веществ, которому уже давным-давно посвящены заветные мысли и разработки Юшкина...

2. Шунгитовых проблем я касаться не буду — такой обзор редакции ***Вестника*** следовало бы заказать Жене Голубеву — и ему полезно, и читателям. Отмечу лишь две вещи. Во-первых, на Симпозиуме очень мощно прозвучала тема *эндогенного углерода*. И действительно — то, что нам показали в экскурсии на Максовское месторождение шунгитовых пород, где последние теснейшим образом связаны с базальтами — произведёт впечатление хоть на кого. Особенно поражает куполовидная форма шунгитовопородных тел — прямо лакколиты, да и только!

Поэтому так важна идея, активно развиваемая М. М. Филипповым — о *диапировой природе* высокоуглеродистых тел шунгитовых пород. Таким образом, кроме традиционных проблематик шунгитовых пород Карелии — геологической, палеонтологической, петрографической, минералогической и геохимической, появилась совершенно новая — *реологическая*. Если мы признаем реальность явления диапиризма высокоуглеродистых кремнистых и глинистых осадочных пород Заонежья, то нам просто «не понадобятся» радикальные идеи об углеродисто-силикатных магмах, которые давно уже развиваются карельскими учеными Ю. К. Калининым и Л. П. Галдобиной. Справедливости ради заметим, что в настоящее время эндогенный углерод шунгитовых пород, пожалуй, более популярен, чем биогенный; так что сторонников у М. М. Филиппова сейчас, быть может, меньше, нежели противников.

Понятно, что на Петрозаводском симпозиуме слово «шунгит» произносилось чаще всех остальных, однако по частоте употребления ему почти не уступало слово «фуллерены». Академик Юшкин просто бредил фуллеренами, и где бы он ни находился, кажется, ни о чём другом говорить был не в состоянии. Когда мы с ним в экскурсии на первый российский курорт «Марциальные воды» оказались в церкви, возле печки петровского времени — догадайтесь, что сказал мне Юшкин? А сказал он вот что: *«Надо бы исследовать сажу из дымохода этой печки. Не сохранилось ли там фуллеренов!?»*.

3. Теперь о том, что мне всего ближе — о геохимии и литологии черносланцевых толщ. В геохимии ничего примечательного не было, а вот новосибирские литологи преподнесли несколько сюрпризов.

В докладе Ю. Н. Занина (известного фосфоритчика, занявшегося на старости лет черными сланцами — видимо, не от хорошей жизни!) была дана удивительная интерпретация баженовских аргиллитов. В колонке керна верхнеюрской баженовской свиты в Зап. Сибири длиною 12 м

было насчитано 77 слоёв кремнистых (в среднем 18.5 % $C_{орг}$) и глинистых (в среднем 2.4 % $C_{орг}$) черных сланцев. Всё это отнюдь не ново, оба эти литопа всегда описывались в баженовской свите. Считалось, что кремнистый литотип («баженит») сформировался при выключенном терригенном сносе, а глинистый (аргиллит) — при слегка «включенном». Авторы провели сравнение баженитов и аргиллитов по целому ряду параметров и пришли к более радикальному выводу о том, что аргиллиты — не что иное, как *турбидитные образования* — дистальные фации. Конечно, для громадного баженовского моря, в котором, как поётся в известной песне, «не видно нигде берегов», такая интерпретация кажется шокирующей, но авторы отстаивают свой вывод даже с помощью органической геохимии.

В докладе С. В. Сараева эта же идея была эффективно использована применительно к позднерифейской черносланцевой шунтарской свите Вост. Сибири. Здесь существовало противоречие в объяснении механизма накопления $C_{орг}$ (в среднем 3.5 %). С одной стороны, уже как бы доказано, что единственно реальными продуцентами органического вещества (ОВ) в это время могли быть лишь прибрежные (очень мелководные) цианобактериальные маты. Но с другой стороны, по многим признакам рифейские черные сланцы — образования глубоководные, дистально-турбидитные, причем на планктон (как продуцент ОВ) надежды мало — его тогда еще, скорей всего, практически и не было.

На основе голоценового черноморского материала С. В. Сараев даёт новую изящную трактовку: ОВ в состав глубоководных осадков шунтарской свиты было заброшено с мелководья, именно таким образом, как в Черном море: *«Дезинтегрированные оползнями сапропелевые планктоногенные осадки поставляли турбидным потокам хлопьевидные, чешуеподобные частицы, последние благодаря своей уплощенной форме и пониженному удельному весу (1.08 г/см^3) обладали способностью к дальнему переносу и накоплению даже в самых дистальных фациях турбидитов»*. Только в рифее, в отличие от голоцена, *фонового* планктоногенного поступления в осадок ОВ, вероятно, не было вовсе, и *«поступление ОВ с турбидными потоками в ... бассейны было, по-видимому, единственным его источником»*. Таким образом, рифейское ОВ рассматривается как аллохтонное, «инъекционное».

Важность такой трактовки состоит в том, что множество черносланцевых стратонов докембрия (особенно карелид, например, на Балтийском щите) представлено именно турбидитами. Этот механизм может снять противоречие между, казалось бы, несовместимыми вещами — очень быстрой седиментацией из турбидного потока (так что отложения совершенно непохожи на конденсированные разрезы «доманикитов») и высоким содержанием в породах ОВ.

4. Что касается рудогенеза черных сланцев, то здесь приходится отметить не столько прогресс, сколько наоборот — элементы попятного движения: многое в «рудных» докладах было заметно слабее того, что обсуждали в Сыктывкаре еще в 1987 г. на секции незабвенного проф. Н. П. Ермолаева.

В частности, меня разочаровало назойливое повторение мифов о «связи» оруденения с черными сланцами. Но сколько же можно твердить «халва, халва» — от этого во рту слаще не станет. Между тем, нами еще в 1990-е годы разработана концепция *геохимических функций черных сланцев в рудогенезе,* которая позволяет от бессодержательных заклинаний перейти к *предметной оценке реальных связей*. Имеется целый набор признаков (и он нами в деталях описан), позволяющих установить, выполняли ли черные сланцы в рудогенезе ***ресурсную функцию*** (т. е. питали рудоносные флюиды мобилизованными компонентами, например, ураном, селеном, ванадием), или же речь может идти только о ***барьерной функции***, когда углерод (особенно — шунгитовый!) или сера, или фосфат черных сланцев выполняли роль геохимического барьера (и например, шунгит эффективно осаждал золото из гидротерм, никакого отношения к черным сланцам не имеющих!).

Но и это не всё — природа устроена сложнее. Вполне могло быть так (и в ряде случаев это уже доказано), что черные сланцы вообще не выполняли *геохимических функций* в рудогенезе, а послужили просто коллектором для руды (например, трещиноватые фтаниты) или экраном-покрышкой для рудоносных флюидов (например, пластичные глины). В этих случаях можно говорить только о *рудолокализующей функции* черных сланцев. Наконец, совершенно реален и такой случай (и знаменитые финские месторождения Оутокумпу, Виханти и др. — тому пример), когда черные сланцы и оруденение вообще не имеют каких-либо *генетических* связей друг с другом, а просто находятся по соседству в силу фациально-тектонических причин — в *парастерезисе*. Конечно, и это тоже «связь», но нельзя же закрывать глаза на огромное различие всех этих «связей».

Что действительно было нового в области рудогенеза по сравнению с Сыктывкаром-87, так это ванадиево-серебряно-ураново-платиноидное оруденение в онежских черных сланцах Карелии. Однако и это ново только относительно — данное оруденение известно уже с добрый десяток лет, ему посвящено множество статей, и кстати сказать, оно типично метасоматическое.

5. Ну и, наконец, о голых королях. В этой роли предстали некоторые начальствующие персоны нефтяной геологии. Как известно, геологи разделяются на хороших, плохих и нефтяников... Среди российских нефтяников известны такие выдающиеся ученые, как В. А. Успенский, Н. Б. Вассоевич, А. Э. Конторович, Б. А. Лебедев, но вместе с тем, среди них в силу «специфики» их профессии всегда было полным-полно людей, никакого отношения к науке не имеющих. Я сам занимался 7 лет нефтяной тематикой и знаю об этом не понаслышке.

Так и на этом симпозиуме резким диссонансом прозвучали доклады с участием академика (!) А. Н. Дмитриевского. Должен сознаться, что никаких *научных* трудов академика мне читать не приходилось, и я имею обоснованные сомнения в том, что таковые вообще существуют. В свое время наш делегат на Общих собраниях АН — Ю. А. Ткачев — с ужасом рассказывал мне о выступлениях академика Дмитриевского — по его впечатлениям, это просто второй академик Лысенко, только уже в геологии. Теперь я получил возможность познакомиться с этой лженаукой поближе. Позвольте мне просто процитировать один абзац из доклада (а всего *таких* докладов было представлено **четыре**!) под названием ***«Самоорганизация минерально-органического вещества в геологической истории Земли***»:

«Генерация углеводородных и неуглеводородных газов и легких конденсатных фракций (!)*, преобразование органической полимерной основы до высоко битуминозного смолисто-асфальтенового состояния* (!*) и дальнейшее разложение её до нефтяных углеводородов, образование доманикоидных известняков, битуминозных аргиллитов, баженитов, горючих сланцев, серо-зеленых глин* (!!*), полевых шпатов* (!!)*, аутигенных породообразующих и отдельных* (!!) *минералов, а также металлоносность сырья* (!!) *залежей углеводородов и формирование рудных месторождений с высокой битуминозностью вмещающих пород — всё это следствие единого многостадийного сингенетического* (!!*) природного процесса — эволюции в геологическом времени метастабильных породообразующих минерально-органических полимерных природных систем* (!) *через их поэтапные фазовые (химические, физико-химические, физические) превращения»*.

И весь этот бредовый (и вдобавок — безграмотный) набор слов, включая и *серо-зеленые глины*, и *полевые шпаты*, а также (многократно) — *системы, подсистемы, циклы, этапы и подэтапы, самоорганизацию, деструкцию, энтропию, энергию, деградацию, внутреннее единство закономерностей, генетический код внутреннего времени* и т. п. — был несколько раз обрушен с трибуны на совершенно обалдевшую аудиторию.

Однако феномен голого короля своё дело сделал — хотя никто, разумеется, ничего не понял (да и как можно понять шизофренический бред?) — но задавать вопросы представителям Самого Академика никто не осмелился. Только я задал пару неприличных вопросов, в частности, попросил разъяснить мне хотя бы смысл понятия *«генетический код внутреннего времени»*, но в ответ докладчица с большим достоинством просто монотонно повторила вышеприведенный набор слов и выразила вежливое удивление, что кому-то это может быть непонятным...

Я думаю, что мы имеем знаковое явление — за науку выдается псевдофилософическая лженаука, своего рода *флогистон*, претендующий на объяснение сразу всего и вся — и притом в ошеломляюще наглой форме. Всё это уже в нашей науке было — но видно, история ничему не учит; тот факт, что откровенной лженауке не было оказано ни малейшего противодействия — весьма многозначителен.

Всё же этот «флогистон» остался в моей памяти эпизодом — и не смог испортить общего впечатления от встреч со старыми друзьями и от чудесных геологических и прочих экскурсий, которые организовали для нас наши гостеприимные карельские хозяева. Оргкомитет сделал всё, чтобы нас ублаготворить; достаточно сказать, что в перерыве одного из заседаний участников ожидала в рекреации бесплатная выпивка (!), а на вокзал нас с Н.П. отвозил В. В. Ковалевский — на своей машине...

Спасибо, дорогие карельские друзья!

* * *

В стране дураков[11]

В жаркий день 1 июля 1999 г. благоразумненький, деревянненький и законопослушненький Буратино получил из Сыктывкарской налоговой инспекции, через симпатичную девушку-курьера с почты — заказное письмо, за которое надлежало расписаться. В письме сообщалось, что Буратино задолжал Федеральному бюджету 31 (тридцать один) деревянненький рублик, каковые и предлагалось срочно уплатить. Заодно законопослушненький приглашался лично в Инспекцию для вручения ему в торжественной обстановке ИНН.

Что такое ИНН, благоразумненький не знал, но ради предстоящего торжества надел свою лучшую курточку (которую, как помнит читатель, он тщетно пытался загнать Мальчику перед входом в кукольный театр г-на Карабаса Барабасова).

Разыскав на берегу Сысолы величественный Дворец, выстроенный на денежки налогоплательщиков, а в нём — комнату 201, он обнаружил перед дверью унылую очередь бизнесменов, которые маялись тут уже не первый час. Маялись они, во-первых, потому, что ими занималась только одна Девушка с голубыми волосами (хотя в комнате их находилось трое), а во-вторых, потому, что в коридоре не было не только что дивана, но хотя бы простой деревянной табуретки. Посетителям сразу давали понять — это вам не кукольный театр, здесь положено стоять — и лучше всего по стойке смирно.

Не прошло и двух часов, как Буратино был принят Девушкой с голубыми волосами, которая долго объясняла тупому (вследствие своей деревянности) клиенту, почему нельзя писать, что паспорт ему был выдан «Сыктывкарским ОВД», а надо обязательно писать «ОВД Сыктывкарского ГИК». После выяснения еще ряда вопросов (например, не следует ли ИНН вытатуировать на левом запястьи, чтобы не забыть, а в случае большой опасности бумагу с ИНН — съесть, и не лучше ли ему называться не Физическим, а Химическим лицом, поскольку он отчасти состоит из углевода), Буратино был наконец, занесен в компьютер и записан в Амбарную книгу. Эту книгу Девушка с голубыми волосами при нем же и расчерчивала по линейке, с увлечением отдавшись этому занятию и не обращая никакого внимания на деревянненького клиента в его лучшей бумажной курточке.

Наконец — ИНН был обретён, и счастливый Буратино поскакал в ближайшую Сбербанку на улице Куратова, чтобы поскорее вручить свою недоимку Глубокоуважаемому Федеральному Бюджету.

Несчастный Буратино... Он забыл, что в Стране Дураков деньги так же трудно заработать, как и законным образом отдать. Он забыл, что в этой стране деньги у людей не принимают, а воруют самыми разнообразными способами. Он забыл про денежки, отданные им в своё время Лисе Алисе и Коту Базилио: 1) за акции Комибанка, почившего в бозе; 2) за акции Пермьавиа, которая упорхнула в неизвестном направлении; 3) за акции НИПЕК, о каковой славной компании никто давно уже ничего не знает; 4) за облигации Сыктывкарского городского займа...

Как можно было об этом забыть! Ведь это был такой прекрасный, удобный и приятный способ освобождения от денег. Приходишь, быстро отдаёшь свои денежки, тебе ещё быстрее вручают какую-нибудь бумажку — и после этого об отданных деньгах можно забыть навсегда: они даже не будут сниться.

Но Федеральный Бюджет — это вам не Пермьавиа... С ним шутки плохи. Это Буратино сразу понял, когда добрая рыхлая тетенька в окошечке кассы дала ему сразу ДВА бланка и любезно пояснила, что согласно Новейшему Постановлению Главы Налогового Ведомства Столичного Города Сыктывкара ему надлежит:

— 3 % от ставки подоходного налога перевести в Федеральный бюджет;

— оставшуюся часть (Буратино напрягся и вычислил, что это, стало быть, 97 %) — в Отделение Федерального Казначейства.

В обоих случаях надо было написать на бланках:

а) двадцатизначные номера счетов;

б) одиннадцатизначные номера ИНН (а Буратино-то думал, что ИНН есть только у него!);

---

[11] **Опубликовано, по-видимому, в сыктывкарской газете «Трибуна»**, но точных выходных данных у меня не сохранилось.

в) таинственный девятизначный БИК (сколько Буратино ни ломал свою деревянную голову, ничего кроме Большого Испорченного Компьютера придумать не сумел);

г) семизначный Код Бюджетной Классификации.

Самое трудное в этих операциях было даже не столько число знаков, сколько вычисление в уме «3 % от ставки налога», ибо, как читатель, вероятно, помнит, Буратино в школе не обучался. Дело осложнялось ещё и тем, что никто в Сбербанке не смог объяснить законопослушненькому — является ли его недоимка размером в 31 рубль — «ставкой» — или же не является?

Напрягши все свои сучковатые извилины и высунув от усердия язык, Буратино выписал, наконец, перевод в Федеральный бюджет на сумму 0 рублей 93 копейки... Но предстояло ещё обеспечить деньгами Отделение казначейства...

И тогда впервые в своей легкомысленной жизни Буратино сел и написал Прошение на имя Президента Страны Дураков:

«Дорогой г-н Президент, Гарант Конституции и Высшее Должностное Лицо!

Нельзя ли распорядиться так, чтобы Главаря налогового ведомства подвесили на центральной площади нашего города за ноги — для возмещения Морального Ущерба, нанесенного им ни в чем не повинным, мирным и законопослушненьким обывателям города Сыктывкара?

С уважением — Ваш Буратино, эсквайр.»

Приключения Буратино в Стране Дураков с его слов описал записал:
***Я. Э. Юдович**,*
доктор геолого-минералогических наук, Заслуженный работник Республики Коми,
действительный член Академии естественных наук РФ.

P. S. Записав рассказ Буратино, мне захотелось добавить кое-что от себя.

На днях я получил из Москвы почтовый перевод на сумму 15 руб. 88 коп. В отличие от моего приятеля Буратино, я нисколько не удивился, ибо получаю точно такие переводы вот уже 25 лет с периодичностью 2–3 раза в год. Это — гонорар из научных журналов за мои рецензии. Ставка гонорара была установлена, вероятно, еще при царе Горохе; она пережила и Эпоху Застоя, и Катаклизмы Перестройки, и преспокойно существует в нашу Эру Номенклатурного Капитализма... Чего только ни случалось с нашим деревянным рублем за эти годы — а 15 руб. 88 коп — стоят нерушимо, как утес среди бурного моря.

Пусть читатель задумается над тем, что такое *рецензия на научную статью*. Сперва человек учится 10 лет в школе, потом — 5 лет в университете, потом — 3–4 года в аспирантуре. Потом ещё долго работает, сочиняет полтора десятка ученых книг, защищает кандидатскую диссертацию, затем — докторскую, и мало-помалу приобретает высшую квалификацию в своей предметной области.

И вот ему присылают рукопись статьи на рецензию. Надобно эту статью: а) внимательно прочитать; б) понять, что в ней написано; в) найти все ошибки; г) сочинить рецензию, дав подробные и аргументированные замечания; д) дать заключение, стоит ли печатать статью вообще, или в исправленном виде, или вообще ни в каком; е) текст рецензии в двух экз. распечатать на компьютере; ж) пойти на почту и отправить в редакцию заказным письмом (заплатив при этом 10–15 руб.).

Сколько в действительности стоит такая работа, требующая высшей профессиональной квалификации? Как минимум, 50 долларов, а то и все 100. А специалист высшей квалификации получает за эту работу от родной Страны Дураков 15 руб. 88 коп... Само получение такой суммы является оскорблением — на неё даже бутылки водки (чтобы с горя напиться) не купишь...

Вот почему наша молодежь, получив образование — тысячными толпами устремляется за рубеж. Ибо до тех пор, пока у нас не станут уважать людей — никакие выборы, никакое правительство и никакой Гарант ничего у нас не изменят.

* * *

Они и Мы[12]

(Размышление на тему:
«Академическая наука vs. Производственная геология»)

Разное бытие

В отношениях геологического производства (*Они*) и академической науки (*Мы*) существуют вполне объективные противоречия и порожденный ими определенный антагонизм.

Свою трудовую деятельность я начинал в геолого-съёмочной экспедиции Якутского геологоуправления и прекрасно помню, как все у нас презирали «академиков» из соседнего Якутского филиала СО АН СССР. При этом многие из «академиков» были нашими сокурсниками: просто кого-то из выпускников распределили в Якутское геологоуправление, а кого-то — в ЯФ СО АН. Через несколько лет ситуация зеркально поменялась: оказавшись в Сыктывкаре в филиале АН, я обнаружил, что мои сокурсники Савельевы (Галка и Саша) и Бруно Дембовский уже 8 лет работали на Воркуте в системе Мингео РСФСР. Таким образом, я получил редкую возможность побывать по обе стороны баррикады.

Причина антагонизма наших контор, в полном соответствии с вечно живым учением Карла Маркса обусловлена разным бытием. А именно — *Мы*, занимаясь той же самой геологией — живем неизмеримо лучше, чем *Они*.

Действительно, чем заняты *Мы*?

Мы время от времени выезжаем в поле, отнюдь не обремененные своей программой, ибо никто не проверит (много раз пытались, да всё тщетно!) чем, собственно говоря, ты занимался в поле, что обещал Ученому совету сделать — и что сделал на самом деле. Зимою *Мы* с удовольствием рисуем разрезы, смотрим в микроскоп, делаем анализы, читаем книги, а затем на основании полученных данных сочиняем свои гениальные статьи и монографии. Это и есть та продукция, которую *Мы* производим. Кроме того (и это, кстати сказать, реликт иной — не академической — системы), раз в 3–5 лет *Мы* сдаем научные отчеты.

За всю эту деятельность *Мы* получаем зарплату из бюджета и прославляем свое имя в веках — нетленными творениями в виде публикаций (что касается отчетов, то хотя они никому не нужны, без них нам не открывают новые темы...).

А что делают *Они* — такие же геологи, с которыми еще вчера, позавчера, 10, 20... 40 лет назад — мы сидели в одних аудиториях Москвы, Ленинграда, Свердловска, Ростова, Томска?

Они занимаются совсем другими делами: ищут или разведуют полезные ископаемые, или составляют кондиционную геологическую карту.

...Это значит, что они находятся под постоянным прессингом чиновной бюрократии, и что Основным Законом для них является отнюдь не Конституция РК, а документ, называемый Геологическим заданием. И попробуй не выполни чего-либо в геолзадании — потом полжизни будешь писать объяснительные.

...Это значит, что *до* всяческой геологии, а часто и *вместо* таковой *Они* должны прежде всего ладить с такими неласковыми госучреждениями, как ГКЗ и Горный надзор.

...Это значит — бесконечное сочинение разнообразных записок, пообъектных планов, проектов, смет и дополнений к оным. И все такие бумаги всегда имеют авральный характер (на вопрос: «когда надо?», начальство отвечает — «вчера!»). При этом в геологических проектах кроме километров маршрутов, погонных метров скважин и кубических метров канав непременно должны быть предусмотрены богоугодные заведения на 2 очка. А на этапе «осмечивания» проектов — тебе не позволят потратить по своему усмотрению ни копейки сверх дурацких нормативов.

...Это значит — ежегодный наём рабочих, которые уже с марта толпятся у тебя в камералке, не давая продыху, при том, что многие из кандидатов только что «откинулись» из мест не столь отдалённых (и с ними тебе вскоре предстоит несколько месяцев жить в поле).

...Это значит, что если тебе надо пробить канавы — ты будешь смиренно ожидать, когда горный мастер (имеющий право на работу с ВВ) соизволит выйти из запоя.

---

[12] **Опубликовано: Вестник Ин-та геологии Коми НЦ УрО РАН, 2000, май, № 5 (65), с. 22–25.**

...Это значит, что в 40-градусный мороз, бросая все дела, надо в кабине трактора ехать на буровую, чтобы забрать керн или выяснить, куда делся маркирующий горизонт.

...Это значит — бурить на станках, которые надо было списать уже 20 лет назад, передвигаться на тракторах и вездеходах, вполне годных на металлолом, в постсоветское время по 8 месяцев не получать зарплаты, а питаться в поле чуть ли не одними макаронами (воркутинцы могут припомнить сезоны 1995–1996 гг.).

А когда, как в знаменитой арии из известной оперы, «претерпев все униженья», тебе посчастливится вдруг обнаружить нечто замечательное (например, новый минерал!) — на защите отчета тебе скажут, что *«у нас тут не Академия наук»*, и что всё это, конечно, очень интересно... однако, дорогой товарищ, геолзадание не выполнено — рудные пласты между скважинами не прослежены, а отсюда вопрос — совершенно непонятно, чем занимался исполнитель в полевой период!?

Но и это еще не всё. В советские времена, когда денег у *Них* водилось немеряно-несчитано, *Они* обладали могучей химико-аналитической базой. В Воркуте располагалась лучшая на СВ европейской России геологическая лаборатория, способная выполнять любые анализы. Теперь ничего этого нет, всё развалилось, от былого могущества остались жалкие крохи или не осталось ничего. Достаточно сказать, что *Они* в Воркуте не имеют возможности даже во время сделать шлифы, не говоря уж о сложных анализах.

Наконец, хотелось бы заметить, что у *Нас* есть возможность работать над полюбившейся проблемой и 5, и 10, и даже все 20 лет, тогда как подлинное проклятие творческой работы на производстве — её скоротечность, конъюнктурность. Помню, как мне в Якутске, только-только погрузившегося в проблемы геохимии углей, после сдачи первого отчета по этой теме — начальство предложило заняться... никелем в траппах. И долго ещё потом возмущалось: «Как это так? Деньги спущены — а он еще капризничает — отказывается!»

А уж про отчеты и приёмку полевых материалов и говорить не будем — настолько у *Нас* и у *Них* это вещи несравнимые. Я помню, как меня в экспедиции дружно поздравляли, когда мои первые пикетажки приняли с оценкой «хорошо». Между тем, я приехал с красным дипломом МГУ и посему полагал, что комиссия ко мне несправедлива (почему не «отлично»?!).

— Балда, — сказал мне один старый геолог. — Как правило, новичкам больше тройки не ставят — а тебе просто повезло!

Бытие определяет сознание

Все перечисленное легко объясняет, отчего, как правило, геолог на производстве с невольной ревностью относится к нашему брату-академику. Более того, такой антагонизм отнюдь не является чем-то специфически-российским. Познакомившись в 1989 г. с геологическими учреждениями Болгарии, я был поражен той степенью враждебности, с которой работники одного института в системе болгарского министерства геологии (вроде нашего ВСЕГЕИ или ВИМС) относились к академической и университетской геологии.

К сожалению, кроме материальных факторов (разное бытие), огромную роль играет фактор откровенного паразитизма. Дело в том, что *Они* в силу самой специфики своей работы — питают *Нас* материалами. И если региональный геолог в АН еще как-то может обойтись только своими наблюдениями, то для нефтяника, привязанного к кернам скважин, или для минералога, изучающего месторождение — это невозможно. Если *Они* не дадут *Нам* материала, то *Мы* попросту останемся без работы.

Конечно же, *Они* давали, дают и будут давать. Но при этом сплошь и рядом возникают самые неприятные коллизии, когда материал, данный *Нам*, быстро приобретает форму научной публикации, а *Они* остаются ни с чем. Вот самый свежий из известных мне десятков примеров.

В 1998 г. при поисково-оценочных работах на золоторудных месторождениях Чудное и Нестеровское, из нескольких сотен керновых проб еще в поле были тщательно выбраны все золотины и переданы для микрозондового исследования симпатичной девочке — аспирантке Петербургского горного института. Дело обоюдовыгодное: *Они* рассчитывали быстро получить от неё анализы и на этой основе охарактеризовать рудные пласты по составу микропримесей в золоте, а она заполучала бесценный материал для своей диссертации. Однако не успели *Они* и глазом моргнуть, как аспирантка (в соавторстве со своими преподавателями!) представила доклад на Геоло-

гический съезд, по результатам обработки микрозондовых данных — которых *Они* еще и в глаза не видели... Милая аспиранточка не сочла нужным выслать *Им* анализы к полевому отчету!!

Такие факты нельзя расценить иначе как возмутительные; они бросают тень на всю академическую науку и надолго омрачают атмосферу отношений *Нас* с *Ними*.

Хоздоговор как медицинский факт

С другой стороны, и *Мы* можем припомнить случаи, когда *Они* тоже бывали не безгрешны. Например, из переданных мною в 1970-е годы в ПГО «Полярноуралгеология» неких Методических рекомендаций была ловко скроена служебная инструкция, на обложке коей, однако, красовалась совсем другая фамилия... А наш патриарх М. В. Фишман до сих пор едва ли простил блестящей воркутинской геологине Лиане Терентьевне Беляковой её *няртинский комплекс*, внедренный через III Уральское стратиграфическое совещание в легенды всех карт — вместо приоритетного стратона Фишмана-Голдина — *николайшорской свиты*.

Ясно, однако, что путь взаимных упреков — бесперспективен.

У нас имеется прочная основа для теснейшего взаимодействия, потому что на самом деле мы нуждаемся друг в друге. Академическая наука не может существовать без постоянной подпитки новыми материалами, добываемыми при геологической съёмке, поисках и разведках месторождений. С другой стороны, все эти виды геологических работ не могут выполняться на современном уровне качества без овладения геологом-практиком последними научными разработками.

Примеры многолетних хоздоговорных работ нашего Института лучше слов подтверждают это положение (ибо если твои разработки не нужны, никто не станет заключать с тобою договор).

Т. В. Майдль, Е. О. Малышева, Б. А. Пименов много лет успешно сотрудничают с *Ними* на ниве нефтяной геологии и литологии.

С. К. Кузнецов нужен *Им*-поисковикам со своей детальной топоминералогией золоторудных площадей, а *Им*-кварцевикам — со своими энциклопедическими познаниями жильного кварца. Ему платят только за то, что он пару раз слазит в штольню, возьмет пробы и скажет, как у Высоцкого в песне — *«Копайте здесь!»*.

А. Б. Макеев — наш лучший знаток хромитовых руд, платиноидов и алмазов. В этом качестве он у *Них* идет нарасхват: ему платят за высочайшую квалификацию.

Б. А. Остащенко много лет работает над тем, как увеличить полноту извлечения мелкого золота из руд. Для таких «чудных» объектов, как «Чудное», где большая часть золота именно такова — его работы могут оказаться не просто полезными — необходимыми.

Л. В. Махлаев — выдающийся исследователь гранитов. Он привнёс к нам на Север Урала современные идеи о генетических типах гранитоидов. И эти идеи тотчас были востребованы *Ими* — со Львом Васильевичем был в свое время заключен договор по изучению гранитов.

В. И. Силаев, хотя и ухитрился насмерть перессориться с теми из *Них*, кто занимался марганцем, тем не менее, благоразумно сохранил плодотворное сотрудничество с *Ними*-фосфоритчиками. Никто, как он, так глубоко не знает сложнейшей минералогии гипергенных фосфатов.

А. Ф. Кунц и Г. Н. Лысюк провели тонкие исследования кобальтоносных марганцевых руд из коры выветривания — и конечно, *Они* это потребили с большим удовольствием (высокий научный уровень!).

Обо мне — разговор особый (см. ниже). Скажу лишь, что всячески избегая кабалы хоздоговоров с их ежеквартальной отчётностью, я передал *Им*, вероятно, около сотни разных Информационных и Докладных записок, Заключений, Методических рекомендаций, Научных разработок, глав в отчеты и т.д. (как-то попытался подсчитать, да сбился со счету).

Таким образом, как говаривал Великий Комбинатор, хоздоговор можно рассматривать как «медицинский факт» — удостоверяющий, что *Мы* безусловно нужны *Им* (если у кого-то ещё оставались в этом сомнения).

Высший уровень сотрудничества

И всё-таки деньги — это пошлая материя... Их приятно и полезно получать, но в российской традиции к деньгам надлежит относиться с презрением и больше упирать на Духовность — по крайней мере, хотя бы делать такой вид!

Если же говорить серьезно, то в действительности имеется вещь поважнее денег — *качество наших публикаций*. И здесь видна простая логическая цепочка. Чтобы написать хорошую статью или книгу, надо иметь хороший материал. Чтобы иметь хороший материал, надо сотрудничать с Ними. Чтобы оно не приобретало форму «сотрудничества» всадника с лошадью — надо, чтобы *Они* принимали самое деятельное, непосредственное участие в подготовке публикации *в качестве соавторов*. Это имеет как элементарно-этическую основу (нехорошо использовать чужое, как своё), так и чисто рационально-шкурную. Дело в том, что владелец материалов намного лучше, чем посторонний «пользователь», разбирается в этих материалах. Вот пусть он сам их и описывает!

Эту нехитрую идеологию я исповедую уже ровно «30 лет и 3 года» — всё время пребывания в лоне Сыктывкарской академической науки [4]. Восходя от десятков статей к более солидным брошюрам-препринтам (например, [2]), я постепенно забирался на гору. Такой горой явились две наши монографии с первоклассными воркутинскими геологами — М. А. Шишкиным, Н. В. Лютиковым [1] и Л. И. Ефановой, Е. А. Котельниковой [3].

Например, как появилась наша совместная монография по Лемвинской зоне Севера Урала [1]?

В 1984 г. мы с М. П. Кетрис сочинили научный отчет по геохимии Лемвинской зоны. Отчет в фонды не сдавался, но геологам в Воркуте я его передал, и он активно ими использовался. Хотя в дальнейшем кое-что из материалов отчета было опубликовано в виде статей, меня всё время грызла мысль, что монография по геохимии Лемвинской зоны так и не подготовлена, а сконцентрированные в отчете огромные материалы лежат под спудом. Когда прошло целых 10 лет, я решил: «теперь или никогда». Однако выяснилось, что лучше уж — никогда... Ибо за эти годы геологическая часть отчета устарела: воркутинцы провели на территории моих работ геологические съемки м-ба 1:50000, материалы которых мне были неизвестны...

И тогда я предложил *Им* написать эту монографию вместе. *Они* дадут современную геологию (в том числе новейшие данные разведок баритов и марганцевых руд!), а *Мы* — свою геохимию (ибо анализы не стареют). Договорились и стали сочинять книгу... с помощью электронной почты! М. А. Шишкин и Н. В. Лютиков высылали мне свои разделы, я их редактировал и отпасовывал обратно, они присылали новые варианты. Я слал им наши главы, они их редактировали и возвращали, я отправлял в Воркуту новые варианты... Такая вот электронная Сказка Про Белого Бычка.

Дело оставалось за «малым» — издать написанную книгу. И здесь на авансцену вышел Н. Н. Герасимов. Здраво рассудив, что чужие Юдович-Кетрис-Беляев — это, может быть, и хорошо, но свои Шишкин-Лютиков — безусловно лучше, — он дал нам денег на издание! Книгу мы напечатали в Сыктывкаре, и у меня уже почти ничего не осталось от тиража.

Мораль

Из вышеизложенного следуют кое-какие выводы.

1. Противоречия между *Нами* и *Ними* не есть некое недоразумение, а объективно обусловлены разным образом жизни, о чем полезно помнить.

2. Вместе с тем, наши общие интересы в действительности намного сильнее, чем наши противоречия. Многолетняя хоздоговорная практика это наглядно доказывает.

3. Следовательно, противоречия, обусловленные разным бытием, отнюдь не являются антагонистическими, как правильно отмечал Великий Кормчий Мао. Они вполне преодолимы — было бы обоюдное желание.

4. Для успешного сотрудничества достаточно помнить всего две строки из хороших советских песен:

а) «Прежде думай о Родине, а потом о себе», и

б) «Мы геологи оба с тобой».

Ибо геологи, любящие одну и ту же Родину, бродящие по одним и тем же горам, тайге и тундре, поедаемые одними и теми же комарами — всегда найдут общий язык, независимо от той конторы, в которую их занесла судьба.

Литература

1. *Геохимия* и рудогенез черных сланцев Лемвинской зоны Севера Урала / *Я. Э. Юдович, М. А. Шишкин, Н. В. Лютиков, М. П. Кетрис, А. А. Беляев.* — Сыктывкар: Пролог, 1998. 340 с.

2. *Геохимия* метаморфизованной коры выветривания в подошве уралид на Приполярном Урале / *Я. Э. Юдович, М. П. Кетрис, А. В. Мерц, В. В. Терешко.* — Сыктывкар, 1992, 32 с. (Научные доклады / Коми науч. центр УрО РАН; Вып. 288).

3. *Зона* межформационного контакта в каре оз. Грубепендиты / *Я. Э. Юдович, Л. И. Ефанова, И. В. Швецова, И. В. Козырева, Е. А. Котельникова.* — Сыктывкар: Геопринт, 1998. 96 с.

4. *Юдович Я. Э.* Тридцать лет в сыктывкарском Институте геологии (1967—1997): Опыт научной автобиобиблиографии / Ред. и авт. вступ. статьи академик Н. П. Юшкин. — Сыктывкар: Геопринт, 1997. 68 с.

* * *

Буржуазный теннис в Сыктывкаре[13]

Известно, что теннис никогда не был массовым видом спорта. Но тем не менее, в советские времена у нас в городе теннисом могли заниматься все желающие — бесплатно, поскольку существовали асфальтовые корты под открытым небом в Кировском и Мичуринском парках. Если не было дождика и луж на асфальте — играй, сколько душе угодно. И те, кто любил теннис — играли. Например, немало любителей тенниса было в нашей академической среде работников Коми филиала АН СССР.

Но времена изменились... 18 апреля в бесплатной газетке появилась позорная и лицемерная заметка о прошедшем недавно теннисном турнире. Журналист с придыханием сообщает о его результатах, подобострастно называя фамилии участников — Жирных Котов. Примерно в таком же стиле в нашей прессе описывали развлечения олигархов в Куршавелях. Действительно, среди участников нет ни одного «простого человека» — все поименованные паны-спортсмены являются богатенькими банкирами и генеральными директорами.

— Почему же в теннис играет только наша буржуазия?

— Да потому, что 1 час игрового времени в теннисных залах города стоит как минимум 1000 или 1500 руб! Для сравнения — одно посещение сыктывкарского плавательного бассейна для меня (пенсионера) стоит только 50 рублей... Другими словами, мне — «простому доктору наук» плавание доступно, а теннис — безусловно не доступен.

Для меня очевидно, что сложившееся положение совершенно ненормально. Среди наших детей и молодежи, которых мы всеми доступными средствами должны отвлекать от лоботрясничания и наркотиков, — масса юношей и девушек, которые с удовольствием занялись бы теннисом. **Для этого городской администрации надо просто пошевелиться**. Ведь простейшую теннисную площадку можно без проблем устроить в любом дворе. Всего-то нужно для этого — два столбика для сетки, деревянная стенка для отработки ударов, да нехитрое ограждение. Затраты копеечные — ничуть не большие, чем для обустройства хоккейной коробки. И, разумеется, давно надобно возродить теннисные площадки в двух наших бедных парках.

Когда теннис перестанет быть буржуазным спортом, у нас непременно появятся и сильные теннисисты, для которых уже будет не жалко потратиться и на устройство закрытого корта. И опять не могу не сказать об образцовом учреждении, опыт которого заслуживает тщательного изучения в городской администрации — Сыктывкарском плавательном бассейне. Здесь давно органично сочетают подготовку прославляющих нашу Республику спортсменов-разрядников — с массовым плаванием всех желающих, в особенности детских групп.

Уверен, что по такой же схеме (профессиональный спорт + массовая физкультура) можно и нужно организовать занятия теннисом.

[13] **Опубликовано: Красное знамя, 5 мая 2009 г., с. 7.**

* * *

Является ли Сыктывкарский ОВИР
антинародным учреждением?[14]

Давно минули те времена, когда мы жили за железным занавесом, отгороженные от всего мира. В те времена «услугами» ОВИРа (зловещего учреждения в системе МВД СССР) пользовались лишь несчастные люди, стремившиеся эмигрировать, да редкие счастливчики — «выездные», выезжавшие за рубеж по служебной надобности.

Ныне мы живем в другой стране — Демократической России, когда ежегодно за рубеж отправляются (на отдых, в командировку, по семейной надобности) — МИЛЛИОНЫ наших сограждан.

Итак, времена изменились. Но изменился ли приснопамятный ОВИР?

У моей знакомой после распада СССР распалась семья — сын и внук, а также многочисленные родственники оказались за границами России — в Латвии. Каждый год она берет отпуск и отправляется в Петербург, где выстаивает очередь перед дверями латвийского посольства, платит деньги и наконец получает визу, дающую возможность повидаться с сыном и с обожаемым внуком. Человек ко всему привыкает — и она уже почти привыкла и к этому ежегодному унижению. Но вот беда — кончился пятилетний срок загранпаспорта — и надобно получать новый в Сыктывкарском ОВИРЕ.

И здесь началось...

Во-первых, выяснилось, что в этот ОВИР **невозможно дозвониться**, чтобы хоть что-то узнать и записаться на прием к чиновнику, ведающему паспортами: выданный по платной справке номер телефона постоянно либо занят, либо глухо молчит — ей не ответили **ни разу**.

Во-вторых, ОВИР принимает граждан так, как удобно ему, а не гражданам — только по трем дням на неделе, и только во вторую половину дня — с 14 до 18, а в субботу с 9-00 до 16-45 с обеденным перерывом...

Делать нечего. В приемный день она явилась и увидела, что Великий и Ужасный ОВИР размещается в крохотной комнатушке с двумя окошками — но открыто почему-то только одно... Комнатушка, нормально рассчитанная человек на 5 посетителей — набита народом, сидят и плотно стоят человек 40!

Моя знакомая стала изучать бумаги, развешанные на стенках. Выяснила, что надобно подать Заявление на бланке по вывешенному образцу. **Но где взять этот таинственный бланк — не указано!** Набралась смелости и попыталась спросить в окошечке — без очереди. Но тут народ в очереди (товарищи по несчастью) проявили солидарность — участливо рассказали, что ЗДЕСЬ никаких бланков нет — их надобно покупать (!) в типографии на улице Первомайской.

Потащилась на Первомайскую — благо недалеко от своего места службы. Купила на всякий случай сразу 4 бланка по 4 руб. каждый. Однако чтобы заплатить эти несчастные 16 рублей, нужно было заполнить специальный бланк, на котором указать (и не ошибиться) 30-значный номер счета! Потом пошла сфотографировалась — за 100 рублей.

После чего радостно заполнила бланки, прихватила старый загранпаспорт и со всем джентльменским набором документов в субботний приемный день явилась в ОВИР — чтобы СДАТЬ эти документы и начать ждать...

Но не тут-то было. В 11 часов — унылая очередь, которая не помещается ни в убогой комнатушке, ни на лестницах — стоит на улице, на морозе. Спросила у инвалида с тросточкой (счастливчик, добравшийся почти к вожделенному окошку), когда он сюда пришел? Ответил — «Стою тут с 8 часов!».

А моя знакомая — пенсионерка и тоже не самая здоровая. Поняла — нет, не выстоит — чиновники раньше уйдут обедать. И ушла, не солоно хлебавши.

... А между тем по телевизору рассказывали Волшебную Сказку. Будто бы в городе Москве сделан такой сервис для людей: чиновники ОВИРа (подобно банковским работникам) сами ездят по организациям — и в определенные дни принимают документы у граждан, собирающихся за рубеж в отпуск или в командировку. Но эта сказка — не для нас?

---

[14] **Опубликовано в газете «Красное Знамя» в 2006 г,** выходных данных не помню.

Вот теперь — самое время задуматься над заголовком этой заметки. При этом вспомним, что ЧИНОВНИКОВ СОДЕРЖИМ МЫ С ВАМИ — ибо госслужащие живут за счет наших налогов. И если эти чиновники не желают или не умеют работать — то нужны ли нам такие неэффективные учреждения?

* * *

Две недели коммунизма

или ALL INCLUSIVE[15]

Как известно, коммунизм — это когда ***каждому по потребностям***.

Нехорошие люди распространяют байку о том, что коммунизм, светлая мечта человечества, — это якобы утопия, и мы-де строили его 70 лет совершенно напрасно.

Я заявляю, что это — наглая ложь, ибо только что прожил две недели при самом настоящем коммунизме, полностью удовлетворяя все свои разнообразнейшие потребности (включая порочные).

Столь же наглой ложью является утверждение, будто бы родная Партия обманывала советский народ, обещая, что *«нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме»*. Ибо я и есть Типичный Представитель того самого поколения, которому было обещано. Ведь Партия не уточняла, когда конкретно, в какой стране, в течение какого периода (а также — за сколько евров) будет жить при коммунизме нынешнее поколение, не так ли? Партия нам обещала: «будет», и свое обещание сдержала.

И действительно, я свидетельствую о том, что Партия меня не обманула. В полном соответствии с ее Торжественным Обещанием, ***я прожил две недели при коммунизме в четырехзвездочном отеле на берегу теплого Черного моря, в солнечной стране Болгария***.

Как удовлетворялись потребности

Удовлетворение потребностей происходило под лозунгом ***ALL INCLUSIVE,*** что в переводе означает: *«ешь и пей — сколько пожелаешь»*. Лозунг претворялся в жизнь в трех-четырех специально отведенных для этого местах: (а) в ресторане со шведским столом, (б) в особой круглой палатке на пляже, (в) в трех барах, где еды почти не было, но имелись напитки и мороженое. Например, поплаваешь в теплом море, вылезешь на пляж, подойдешь к круглой палатке и (на любом языке — русском, немецком, английском или болгарском) попросишь холодного пива, вина или горячего шоколада (это просто какао) — и тебе тотчас нальют и подадут. Повторять выпивку можешь сколько угодно — пока не лопнешь. И всё это бесплатно, поскольку, как известно, при коммунизме денег нет, а золото (если у кого-то случайно завалялось) граждане организованно сдают в специальные конторы — для изготовления из него унитазов.

Научный подход требует разделить потребности на Примитивные и Утонченные. Первые присущи низко-организованным жителям коммунизма, а вторые — продвинутым.

К числу *примитивных потребностей* относится потребность в еде и питье. Всего таких потребностей у меня возникало 37 (тридцать семь).

Потребности № 1–5 — в первых блюдах. Надо признать, что их могло быть и побольше, но болгарский коммунизм имеет свои особенности: о ряде любимых в России первых блюд болгары не имеют понятия. Поэтому ни борща, ни ухи, ни супа харчо поесть так и не удалось. Впрочем, имевшиеся в наличии супы были, в общем, достаточно съедобными.

Потребности № 6–15 — во вторых блюдах. Здесь наблюдалось большее разнообразие, и некоторые мясные и рыбные кушанья были вполне ничего себе. К сожалению, раков, шашлыка, чебуреков и пельменей нам не предлагали.

---

[15] Написано в 2008 после отдыха на курорте комплекса «Константин и Елена» в окрестностях Варны. Публикуется впервые.

Потребности № 16–25 — в молочных блюдах. Здесь болгарский коммунизм особенно изощрен в части кисломолочных кушаний, среди которых надо выделить специалитет — таратор. Это такая простокваша, в которую намешаны чеснок и черт-те знает что еще из овощей, но в итоге — очень вкусно.
Потребности № 26–30 — в выпечке. Упоминаю о них только для порядка: хотя они имели место, но я их мужественно пресекал в перманентной борьбе с толстым брюхом, особенно отзывчивым на мучные изделия.
Потребность № 31 — сожрать за раз 0.5 кг винограда, чередуя — один раз черного, другой раз — зеленого. Эта потребность стразу приобрела хронический характер и поэтому удовлетворялась трижды в день на протяжении двух недель, итого 3x14= 42 раза, т.е. 21 кг.
Потребность № 32 — высосать (с жадностью) бокал красного вина. Аналогично: 3x14= 42 раза в ресторации и столько же раз — на пляже, итого — 84 раза за период коммунизма, т.е. около 30 литров.
Потребность № 33 — выпить (с жадностью) рюмку коньяку. Аналогично — 84 раза за период коммунизма, т.е. около 15 литров.
Потребность № 34 — вылакать (с жадностью) кружку холодного пива. Аналогично — 84 раза за период коммунизма, т.е. около 40 литров.
Потребность № 35 — нажраться мороженым. Эта потребность в ходе саморазвития коммунистического сознания непрерывно возрастала. Сначала я умеренно-скромно наскребывал себе в вазочку из алюминиевых корытцев в холодильной камере всего два шарика — белого (простого) и розового (клубничного). Потом добавил третий — светло-коричневый (кофейный), а в конце Периода — и четвертый, темно-коричневый (шоколадный).

Утонченные потребности отличаются от примитивных тем, что их удовлетворять как бы не разрешается. Однако, «если нельзя, но очень хочется — то можно».

Таких потребностей было всего две — потребность в мелком воровстве и плавании в открытом море.

Потребность № 36 — прихватить в номер персик и там его тайно схрямкать. Эта порочная потребность плавно возрастала в арифметической прогрессии: начал я с одного, но в конце периода постепенно довел число краденых персиков до трех.
Потребность № 37 — заплывать в море далеко за буйки, в сторону Турции. Несмотря на раздражающее присутствие бездельников-спасателей (которые на своих моторных лодках катали девиц, вовсе не собираясь кого-либо спасать), никто ни единого раза не попытался остановить меня и вынудить развернуться по направлению к пляжу (вспоминаю, как это было бы при Развитом Социализме...).

Мужской аспект коммунизма

Помимо полного удовлетворения примитивных и утонченных потребностей, коммунизм имеет и другие особенности. Одна из них — чрезвычайное обилие мужиков, нянькающихся с мелкотой, вместо того, чтобы заниматься своим делом — пить без просыпу, или хотя бы играть в карты. Нет, разумеется, мамаши с детьми тоже имели место в большом количестве. Но они не производили на меня впечатления — в конце концов, Творец создал женщину как раз для этого дела. Но вот наблюдать ежедневно, как, к примеру, здоровенный амбал с умильным выражением на своей грубой роже несет на руках херувимчика лет полутора (как бы с картины Рафаэля), кротко поглядывающего на посетителей ресторации, а потом терпеливо кормит его с ложечки — это было что-то ... И таких мужских особей было множество. Детей постарше мужики водили за ручку, помоложе — таскали на шее, совсем мелких (как того херувимчика) — на руках. Иногда, впрочем, около таких мужиков наблюдались ихние жены (или у дедов — молодые дочки), но явно на второстепенных ролях...

Вообще же для детей в коммунизме было все необходимое — кроватки или люльки в номерах, специальные стульчики и столики в ресторации, мелководная зона бассейна, широкая полоса мелкого моря возле пляжа, и т.д.

Двухнедельное созерцание этих картин невольно наводило на антисоциальные мысли: если Европейцы (а плоды коммунизма в нашем отеле вкушали люди разных стран) с таким неподдель-

ным энтузиазмом предаются радостям Семейной Жизни — то на фига им воевать? Поэтому при коммунизме в Мировом Масштабе войн не будет — просто вследствие отсутствия у мужиков необходимого Куража, полностью растраченного в разлагающих объятиях женщин и детей.

Резюме

Коммунизм, эта вековая мечта человечества — отнюдь не утопия. Более того — он не только теоретически возможен, но и уже практически реализован на черноморском побережье Болгарии. Стоит двухнедельный коммунизм 29 тыс. (в рублях) или 820 (в еврах).

* * *

За что бог покарал Содом и Гоморру?

Мнение геологов[1]

Описанная в Торе (а затем в Библии) страшная гибель расположенных в районе Мертвого моря древних городов Содома и Гоморры, испепеленных посланными с неба огнем и серой, давно стала примером расплаты за грехи — в особенности за мужеложество.

В статье излагаются данные израильского геолога А. Гилата, давшего вполне правдоподобное естественно-научное толкование катастрофы, постигшей города Содом, Гоморру, Адму и Севоим, а именно инициированный землетрясением взрыв содержавших сероводород нефтяных газов.

Однако, по мнению автора статьи, моральное разложение содомлян явилось прямым следствием того богатства, которое даром досталось им от природы — в виде приповерхностных месторождений нефтяного битума — вещества, весьма ценимого в древнем мире.

Напрашивается аналогия с давно сидящей на нефтяной игле Россией, где шоу-звезды открыто хвастаются своей голубизной, где тяжело работают по преимуществу мигранты, а коренное население стремительно спивается. Не являются ли страшные пожары, опустошавшие Европейскую Россию летом 2010 г., современным вариантом Содома и Гоморры?

Как и очень многое в ветхозаветной истории, повествование о гибели Содома и Гоморры необыкновенно красочно и захватывает читателя своим драматизмом.

Эта история описана в первой книге Торы (Пятикнижия Моисеева) Брейшит (Бытие), и затем воспроизведена в аналогичной книге Библии. Хотя оба текста (имея в виду канонический синодальный текст Библии) почти идентичны, однако предпочтительнее все же пользоваться первоисточником (русским переводом Торы), тем более что совпадения текстов отнюдь не полные, а знатоки библеистики утверждают, что в Библии текст Торы местами подвергся далеко не безобидным искажениям [1]. В Торе имена людей и названия городов даны в такой транскрипции: Авраам — Аврагам (г — примерно соответствует латинскому h), Содом — Сдом, Гоморра — Амора.

Ниже приведены отрывки из Торы в сопровождении некоторого комментария.

Как было дело

А дело было так. На небо стали вс. чаще поступать «вопли» о бесчинствах обитателей Содома и Гоморры. Кто именно посылал иудейскому богу Яхве эти вопли — об этом ничего не сказано. Бог Яхве был мужчина весьма суровый, чувства юмора был начисто лишен и шутить не любил. Но (и это надо специально отметить!) — Он никогда не рубил с плеча, второпях, — а всегда считал необходимым произвести ДОЗНАНИЕ.

А тут Ему как раз понадобилось посетить Авраама, к которому Он был давно неравнодушен и незадолго до того решил сделать родоначальником обширного рода праведных людей, для чего поселил (вместе с племянником Лотом) в Ханаанской земле и заключил с ним вечный союз — завет.

---

[16] **Опубликовано: Уральский геологический журнал, 2011, № 2, с. 34—55.**

И вот, решив совместить приятное с полезным (навестить Авраама и произвести разведку-дознание), — первый и последний раз в истории Яхве принял человеческий облик и в сопровождении двух ангелов (тоже в человеческом виде) явился к шатру Авраама возле дубравы Мамрэ, где-то в районе Хеврона. Об этом неслыханном посещении Тора рассказывает так [1, с. 85–89]:

«18. (1) И открылся ему Бог в Элоней-Мамрэ, а он сидел у дверей шатра, когда зноен был день.

(2) И поднял он глаза свои, и увидел: вот три человека стоят возле него, и увидев, он побежал навстречу им от двери шатра, и поклонился до земли,

(3) И сказал: *«Господа мои! Если я нашел милость в глазах Твоих, не пройди мимо раба твоего.*

(4) Пусть взято будет немного воды, омойте ноги ваши и облокотитесь под деревом!

(5) А я возьму кусок хлеба, и подкрепите сердце ваше, потом уйдете: раз уж вы проходили мимо раба вашего». И сказали они: *«Сделай так, как говоришь»*.

После чего Авраам развил необыкновенно бурную деятельность, носясь по своему немалому хозяйству, как угорелый: ведь не каждый день к твоему шатру является Бог собственной персоной!

(6) И поспешил в шатер к Саре и сказал*: «Поторопись, три меры тончайшей муки замеси и сделай лепешки»*.

(7) И к скоту побежал Аврагам, и взял теленка, нежного и хорошего, и отдал отроку, и поторопил приготовить его.

(8) И взял масла, и молока, и теленка, которого приготовил, и поставил пред ними, а сам стоял подле них под деревом, и они ели.

Дальнейшее изложение мы опустим, ибо оно касается знаменитого обещания потомства Аврааму (которому было уже 99 лет) и Саре (которой было 90). Нам сейчас интересно только то, что последовало после всех этих обетований. А поболтав с Авраамом и Сарой об этих весьма для них интересных материях, Яхве приступил собственно к тому делу, ради которого и явился:

(20) И сказал Бог: *«Вопль на Сдом и Амору стал велик, и греховность их очень тяжела.*

(21) *Сойду же и посмотрю: если по мере дошедшего до меня вопля поступали они — тогда конец! Если же нет — узнаю»*.

(22) И обратились оттуда люди эти, и пошли в Сдом. А Аврагам еще стоит пред Богом.

Вот оно что! Оказывается, Яхве отнюдь не был Всеведущим, который, как сказал наш великий Поэт, *«и мысли, и дела ... знает наперед»*. Нет, выясняется, что ничего наперед этот Бог не знал! Более того, он не вполне доверял своим Тайным Агентам (ибо от кого же мог исходить «вопль», как не от агентуры?). И счёл необходимым проверить поступившие на небо доносы. Заметим также, что заявив в первом лице — «сойду и посмотрю» — Яхве сам не двинулся с места: для того при нем и состояли ангелы — «люди эти». (Кстати, почему именно «сойду», а не «пойду»? Очевидно, речь шла о том, чтобы спуститься вниз — в долину Иордана).

Дальше началось необыкновенно интересное действие (и для христиан — абсолютно невозможное) — Авраам вступил в пререкания с Богом!

(23) И подошел Абрагам, и сказал: *«Неужели погубишь ты праведного с нечестивым?*

(24) Быть может, есть пятьдесят праведных в этом городе, неужели погубишь и не простишь места этого ради пятидесяти праведных в нем?

(25) Не подобает тебе делать подобного, чтобы губить праведного с нечестивым, чтобы праведный был сравнен с нечестивым. Не подобает это тебе; неужели судья всей Земли не будет судить справедливо?»

Каково?! Старина Авраам преисполнен чувства собственного достоинства, и, почтительно разговаривая с Богом, он его стыдит!! Раз ты у нас такой весь из себя Справедливый — не подобает тебе так поступать! И что самое удивительное — Яхве, нисколько не обидевшись, тут же ему уступает:

(26) И сказал Бог: *«Если найду в Сдоме пятьдесят праведных внутри города, то прощу всему месту ради них»*.

Ну, а затем последовал самый настоящий Восточный Торг, когда Авраам совершенно бессовестно сбивал цену, а Яхве (видимо, не в силах отказать своему любимцу) — всё время ему уступал. Поначалу старик Авраам, умело польстив, без труда добился от Бога скинуть пятерых:

(27) И отвечал Аврагам, и сказал: *«Вот я решился говорить с Господом, хотя я прах и пепел:*

(28) Может быть, до пятидесяти праведных не достанет пяти, разве истребишь из-за этих пяти целый город?»

(29) И сказал Он: *«Не истреблю, если найду там сорок пять»*.

Почувствовав слабину собеседника, Авраам усилил натиск:

(29) И продолжал он еще говорить Ему, и сказал: *«Может быть, найдется там сорок»*. *И сказал Он: «Не сделаю и ради этих сорока»*.

Итак, *процесс пошёл* ! Теперь Аврааму важно было не дать Всевышнему опомниться:

(30) И сказал он: *«Да не прогневается Господь, и я договорю: «Может быть, найдется там тридцать?»*. И Он сказал: *«Не сделаю, если найду там тридцать»*.

Дальнейшее было уже «делом техники», ибо, единожды дав слабину, — Яхве уже проиграл!

(31). И сказал он*: «Вот я решился говорить Господу: может быть, найдется там двадцать»*. И Он сказал: *«Не истреблю ради этих двадцати»*.

Дальше общеизвестно — сошлись на десяти. Почему именно на десяти, не объясняется, но я подозреваю, что под «праведными» хитрый старикан Авраам подразумевал семейку Лота (Яхве же делал вид, что этого не знает). А в этой семейке были: сам Лот с женой; сыновья; замужняя старшая дочь с зятем и наверняка с детьми; и две незамужних дочери; может быть — как раз десять и набиралось?

Обратим лишь внимание на свойственное всему Ветхому Завету (а также всем без исключения сказкам народов мира) исключительное занудство изложения: никаких там «и т. д.» или «и т. п.» не употребляется, — но многократно в точности повторяется одна и та же речевая формула. В данном случае формула «Может быть, найдется... — Не истреблю» повторена шесть раз (!) с подстановкой новой цены: 50 — 45 — 40 — 30 —20 —10.

Итак, торг закончился, и собеседникам пора было возвращаться домой: одному на небо, другому — к домочадцам:

(33) И отошел Бог, когда кончил говорить с Аврагамом, а Аврагам возвратился в свое место.

Тотчас после этого — началась двухстадийная Карательная Акция, которой занимались уже те самые два ангела-разведчика, каким-то образом уже получившие инструктаж отбывшего домой Яхве [1, с. 91–95]. Едва ли Он использовал при этом сотовую связь: в отсутствие домашнего электричества заряжать телефоны пришлось бы только от молний, что крайне неудобно. Скорей всего, Яхве пользовался телепатией, которой владел в совершенстве.

19. (1) И пришли два ангела в Сдом вечером, когда Лот сидел у ворот Сдома; и увидел Лот, и встал навстречу им, и поклонился им до земли.

(2) И сказал: *«Вот, господа мои, заверните в дом раба Вашего, и переночуйте, омойте ноги Ваши, а как встанете рано, пойдете своей дорогой»*. *Они же сказали: «Нет, но на улице переночуем»*.

(3) Но он сильно упрашивал их, и они завернули к нему, и зашли в дом его, и он сделал им пир, и испек опресноки, и они ели.

Может быть, ангелам и удалось бы без проблем переночевать в доме у Лота. Но есть сведения, что дура-баба — Лотова жена — пошла по соседям просить соли, как бы между прочим сболтнувши, что-де в доме — гости (и вскоре Яхве ей эту соль припомнит — обратив в Соляной столб...)

Содомлян это известие необыкновенно возбудило. Лот и сам-то был для них «мигрантом» (лишь недавно поселился в Содоме), а тут еще каких-то гостей привел?!

(4) Еще они не легли, а люди города, люди Сдома, окружили дом, от отрока до старца, весь народ, с каждого конца.

(5) И воззвали они к Лоту, и сказали ему: *«Где люди, которые пришли к тебе в эту ночь? Выведи их к нам, и мы их познаем!»*

Если кто-то из читателей еще недопонял смысл этих слов, то приходится пояснить, что глагол «познать» имел единственный смысл («познать женщину»). Таким образом, безумные содомляне вознамерились изнасиловать не кого-нибудь из своих (чем они давно развлекались) — а самих ангелов Господних!

Понятно, в какой ужас пришел Лот, знавший, *кто* находится у него в доме. Чтобы спасти гостей, он решился на отчаянный шаг — отдать этой банде на поругание своих незамужних дочерей:

(6) И вышел к ним Лот ко входу, а дверь запер за собою.

(7) И сказал: *«Не делайте же зла, браться мои!*

(8) Вот у меня две дочери, которые не познали мужа, их я выведу к вам, и делайте с ними, как угодно в глазах ваших, только этим людям не делайте ничего, ведь на то они вошли под сень крова моего!»

(9) Но они сказали: *«Пойди прочь!»* и еще сказали: *«Этот проживать пришел, а судить начал! Теперь мы хуже поступим с тобою, чем с ними»*. И наступили они чрезвычайно на этого человека, на Лота, и подошли ломать дверь.

Как видим, Лоту тотчас припомнили, что он — не местный, а *мигрант*.

(10). Но люди эти (т. е. гости Лота — Я. Ю.) простерли руки свои и ввели Лота к себе в дом, а дверь заперли.

(11) Людей же, которые у входа дома, поразили слепотою, от отрока до старца, так что они измучились в поисках входа.

Этот момент крайне интересен. Банда озверевших содомлян ломится в дверь, угрожая изнасиловать ангелов, а с приютившим их хозяином дома поступить еще того хуже (может быть — убить?). Но ангелы, вместо того чтобы тут же перебить святотатцев, избирают Меру Пресечения — всего лишь лишают их зрения (и то, вероятно, временно).

– Почему же проявляется такая кротость по отношению к злодеям?

– Потому, что у них была ДРУГАЯ ИНСТРУКЦИЯ. Ибо они знали, что Содому оставалось жить всего несколько часов — и поэтому губить его обитателей прямо сейчас, перед дверьми Лотова дома — не было никакого резона.

Но перед Карающей Акцией проводится запланированная заранее Акция Спасения:

(12) И сказали люди эти Лоту: *«Еще кто у тебя здесь? Зятя, сынов твоих и дочерей твоих, — все, что у тебя в городе, выведи из этого места.*

(13) *Ибо мы уничтожаем место это, ибо велик вопль на них к Богу, и Бог послал нас уничтожить его»*.

(14) И пошел Лот, и поговорил с зятьями своими, сватавшимися за дочерей его (но ангелы, видимо, не разобравшись в спешке, упоминали только одного зятя? — Я.Ю.), сказав: *«Вставайте и уходите из этого места, ибо Бог уничтожает этот город!»*. Но он показался шутником в глазах зятьев своих.

(15) И лишь только взошла заря, ангелы стали торопить Лота, говоря: *«Встань, бери жену твою и двух дочерей твоих, находящихся здесь, чтобы ты не погиб за грех города»*.

Дальнейшие подробности панического бегства Лота с тремя спутницами в городишко Цоар (который ангелы обещали пощадить) — мы опустим и перейдем к самому главному, которое описано весьма лаконично:

(23) Солнце взошло над землею, и Лот пришел в Цоар.

(24) И Бог дождем пролил на Сдом и Амору серу и огонь от Бога, с неба.

(25). И уничтожил города эти и всю окрестность, вместе с жителями городов и с растительностью на земле.

(26) Жена же его оглянулась позади его и стала соляным столбом.

Что же было на самом деле?

Для человека верующего такой вопрос представляется абсолютно нелепым — как описано в Торе (для иудея) или в Ветхом Завете (для христианина) — именно так оно и было.

Но для атеиста вся эта история представляется интереснейшим мифом, основанным на неких действительных событиях, имевших отнюдь не божественное, а вполне природное происхождение.

Здесь нитью Ариадны для нас послужит статья израильского геолога А. Гилата, опубликованная в сборнике материалов недавней (октябрь-2010) конференции в Москве, посвященной 100-летию со дня рождения нашего крупнейшего геолога — академика П. Н. Кропоткина [2].

Хотя археологи до сих пор ожесточенно спорят о местонахождении Содома, версия о том, что его развалины находятся под водами Мертвого моря — представляется наиболее вероятной. Главное для геологов то, что весь этот регион долины Иордана и Мертвого моря — геологически аномален. Ведь Мертвое море находится в центральной части огромного линеамента — Сирийско-Африканского трансформного разлома, где оно заполняет гигантский грабен — рифтовую впадину.

Эта рифтовая зона характеризуется весьма высокой сейсмической активностью: землетрясения происходили здесь и в исторические времена, и в наши дни. Например, живущий в Иерусалиме Хаим Соколин — пользующийся мировой известностью эксперт в геологии нефти (выпускник МИНХиГП им. Губкина) — в своей антиутопии-2010 «Землетрясение в Израиле. (Военно-политический аспект)» предсказывает катастрофическое землетрясение силой 7.5 балла в 2020 г. — с эпицентром где-то между Иерусалимом и Иерихоном [3].

Другой важной характеристикой плио-плейстоценовой тектонической активности региона является множество проявлений молодой гидротермально-метасоматической деятельности — зон минерализации Ba, U, Th, Au, Ag в отложениях верхнего мела и эоцена.

Судя по двухфазным флюидным включениям в кристаллах барита позднеплейстоценового–голоценового возраста, температуры флюида доходили до 140 °С. Поскольку пробы были взяты в верхах разломной зоны, на глубине всего 20–30 см, — ясно, что баритовая минерализация сформировалась при атмосферном давлении.

Отсюда вытекает крайне важный вывод о вероятности взрыва газов: *«Известно, что перегретые жидкости, вытолкнутые в зону атмосферного давления, мгновенно превращаются в пар, с соответствующим увеличением объема в 1700 раз. Для сравнения: при взрыве ТНТ[2] происходит увеличение объема в 1400 раз. О том, что такое быстрое выталкивание возможно, свидетельствуют и найденные неподалеку от баритов минерализации тория, растворимого только в очень кислых растворах, не успевших нейтрализоваться, проходя многокилометровую толщу карбонатных пород»* [2, с. 112].

Описав далее многочисленные прослои минерализованных брекчий южнее — в районе Иудейской пустыни, А. Гилат вновь приходит к аналогичному выводу: *«Описанные брекчии вполне могут быть произведены гидротермальными взрывами, когда перегретые до 120–150 °С воды выталкивались землетрясениями с глубин 5–7 км наверх, в зону атмосферного давления, и мгновенно превращались в пар. Взрывы вызывают мгновенные смены давлений — от очень высоких до вакуума; вакуум сильно понижает температуры самовозгорания углеводородов и сероводорода; достаточно искры < >. Среди источников электричества можно назвать, например, трибоэлектричество, возникающее при взаимодействии вырывающегося с большой скоростью мокрого пара с твердой породой»* [2, с. 113].

Итак, совокупность геологических данных позволила А. Гилату нарисовать весьма правдоподобную естественно-историческую картину гибели Содома и Гоморры, располагавшихся в цветущем оазисе. Катастрофическое землетрясение не только разрушило эти города, но и подо-

[2] Тринитротолуола (Я. Ю.)

жгло горючие газы; взметнувшееся на сотню метров вверх пламя моментально уничтожило все живое. «Вещдоками» чудовищного пожара являются пленки сажи на частицах горных пород и масса шариков некогда расплавленной серы в мергельных оболочках, в изобилии находимые в гипсовых слоях из обнажений по южным берегам Мертвого моря. Сера могла образоваться в результате термохимической сульфат-редукции вследствие реакции сероводорода и/или гипса с углеводородными газами.

Тотчас после взрыва произошло опускание южной части грабена Мертвого моря на несколько десятков метров по крупному разлому. В образовавшуюся впадину с севера хлынули воды Мертвого моря, затопив обгоревшие развалины. Идея эта отнюдь не нова и, например, была изложена академиком В. А. Обручевым в его чудесной книжке «Занимательная геология»: *«Эти города находились на том месте, где теперь расстилается Мертвое море, а последнее, как доказала геология, расположено в грабене, т. е. в провале, которым заканчивается крупная зона опусканий и провалов, идущая из центра Африки вдоль больших озер и затем представляющая впадину Красного моря и долину Мертвого моря с Иорданом. Поэтому вполне возможно, что библия описывает в искаженной форме действительное событие, случившееся в древние времена, — провал двух городов при землетрясении»* [4 , с. 294].

Ссылаясь на мнение одного из видных исследователей Мертвого моря, А. Гилат указывает, что катастрофа произошла гораздо раньше, чем написано в Торе или Библии, — не 3900, а около 4350 лет назад.

Содомская нефтяная игла

Итак, были произнесены ключевые слова: углеводороды и сероводород, что придает «огню, посланному с неба» вполне конкретный смысл — взрыв смеси $CH_4 + H_2S$ с вероятной примесью тяжелых углеводородов (этана, пропана и пр.). Таким образом, речь идет о нефтяных газах. Есть ли для этого основания? — Их более чем достаточно.

Во-первых, во времена Иосифа Флавия (т. е. в I-ом веке нашей эры) Мертвое море называли «Асфальтовым озером», ибо там плавали огромные глыбы — целые острова асфальта, т. е. твердого нефтяного битума. Как нам указала О. Златкина (письменное сообщение, 5.02.2011), глыбы битума плавали в Мертвом море еще в середине XX в., но потом постепенно были выловлены для практических нужд.

Во-вторых, в районе Мертвого моря существовало множество (отчасти сохранившихся) «смоляных ям», где издревле копали нефтяной битум. Об этих ямах есть упоминание и в Торе. Незадолго до гибели Содома и Гоморры здесь была война «четырех царей против пяти» — коалиции Шумеро-Эламских царей с коалицией местных содомских царей. Содомское войско было разгромлено в долине Сидим, и Лот с семейкой попал в плен. Узнав об этом, Авраам собрал всех своих чад и домочадцев числом 318 человек, кинулся с ними в погоню и ночью отбил племянничка из плена. В этой истории для нас важно следующее свидетельство Торы [1, с. 71]:

10. В долине же Сидим множество смоляных ям, и когда цари Сдома и Аморы бежали, то упали туда, а остальные убежали в горы.

В-третьих, наконец, и в наши дни здесь эксплуатируется месторождение горючего газа, а ряд скважин наткнулись на залежи нефти, хотя и непромышленные. Одним словом — район Мертвого моря был нефтегазоносной областью, хотя вследствие отсутствия хороших покрышек залежи нефти не могли сохраниться и разрушались, формируя многочисленные проявления твердых битумов типа асфальта[3].

---

[3] И тот удивительный факт, что в Израиле в течение полувека не могли найти промышленной нефти, объясняется (как блестяще показал упомянутый выше Хаим Соколин) только крайней бездарностью отвечавших за это чиновников и кумовством, царившем в Геологической службе Израиля. Родилась даже горькая шутка: *«Отчего Моисей 40 лет водил евреев по пустыне? — Он искал место, где нет нефти!»*. И лишь в 2000-х гг. на шельфе Средиземного моря возле границы с Ливаном было обнаружено гигантское газонефтяное месторождение, названное по имени библейского чудовища — «Левиафан» с запасами в 4 млд. баррелей нефти (около 544 млн. т.) и 453 млд. м^3 газа.

О. Златкина указала нам два современных источника [6, 7] с описанием нефте- газо- и асфальтопроявлений в районе Мертвого моря. Из приведенных там материалов видно, что газ добывают на площадях Зоар (Zohar) и Кидод (Kidod); асфальтопроявления отмечены в скважинах на площади Хаканаим (Haqanaim) и Лот (!); а скважины с легкой нефтью расположены на площадях Цук Тамрур (Zuk Tamrur), Гурим (Gurim), Массада (Massada) и Эль-Лисан (El-Lisan). Наконец, поверхностные асфальтопроявления найдены в тех же Лоте и Массаде, а также примерно в 5 км к ЮЗ от Амиаза (Amiaz). Все перечисленные проявления находятся с западной и юго-западной стороны Мертвого моря (кроме Эль-Нисана, находящегося на восточной стороне, и Амиаза — у его южного конца).

Итак, вот она — тайна благоденствия жителей Содома. Крайне сомнительно, что они процветали только за счет земледелия и виноградарства — куда вероятнее, что они, буквально у себя в огородах, — копали битум из «смоляных ям» и чрезвычайно выгодно сбывали его ближним и дальним соседям. Ибо в древнем мире битум высоко ценился в качестве связующего, гидроизолятора, сырья для парфюмерии и медицины — за битум платили серебром. Поэтому, отвыкши тяжело трудиться ради прокорма, содомляне, как можно предположить, проводили время в праздности, что в итоге и привело их к моральному разложению и «содомскому греху».

И это отнюдь не единичный случай в истории: морально разлагались все цивилизации, достигнувшие благоденствия и отвыкшие от борьбы за существование. Например, через 20 с лишним веков полнейшее моральное разложение постигло римлян, владевших к тому времени чуть ли не половиной мира — и с ними без труда расправились дикие германские племена.

Россия: повторение Содома?

Как известно, Россия, единственная из всех нефтедобывающих стран, уже давно сидит на нефтяной игле. Началось это еще в «эпоху застоя», когда, предварительно изведя в коллективизацию 1930-х гг. своих кормильцев-крестьян, бывшая прежде крупным экспортером зерна, Россия стала позорно закупать хлеб в Канаде и США — за нефть. Дальше наступили 2000-е годы, когда шальные нефтедоллары — от безумной распродажи запасов нефти и газа — полностью поставили на колени отечественную промышленность и остатки сельского хозяйства (в котором, в окружении остатков совершенно нищего — и оттого злобного, спившегося населения, — еще пытаются барахтаться отчаянные одиночки-фермеры).

К этому добавился разгром отечественной науки — того, что профессор С. Э. Шноль определяет как *«нервную систему социального организма»*. Подводя итог преступлениям советского периода, в предисловии к свой замечательной книге «Герои, злодеи, конформисты Российской науки» он писал о периоде горбачевской «перестройки» и того, что за нею последовало [5, с. 25–26]:

«Все слои граждан России охватил энтузиазм ожидания предстоящего просветления. Была упразднена цензура. Перестали глушить иностранные радиостанции. Сняли ограничения на поездки за границу. Началась массовая реабилитация репрессированных за годы предшествующих десятилетий. Рухнула Берлинская стена. Убрали железный занавес. Но жизнь становилась все трудней. Сказывалось ужасное состояние экономики, почти на 70 % направленной на военные цели. Страна жила за счет необратимого расходования природных богатств — истощались запасы нефти, вырубались без восстановления леса, истощались почвы. После бурных событий 1989–1991 годов сошла со сцены КПСС и распался Советский Союз. Это было непредсказуемо и трудно воспринимаемо. Тревога и страх за будущее все больше охватывает наше общество. В ужасном положении оказалась наша наука. Она была несвободной в советское время. Но о ней заботилось, как умело, тоталитарное государство. Теперь наука «свободна». Свободна и от поддержки. Накопленный столетиями интеллектуальный потенциал на грани исчезновения. Все мобильные, наиболее активные и работоспособные исследователи молодого и среднего возраста ищут и находят себе поприще в других странах. Еще немного — и мы перейдем критическую черту, после которой регенерация станет невозможной».

Возможно, что (с огромным опозданием) власть, наконец, осознала это и — в отчаянной попытке той самой «регенерации», о которой писал биолог проф. С. Э. Шноль — лихорадочно бросилась создавать федеральные университеты и разного рода сколковы, бросая на это тучи денег, половина которых тут же разворовывается бюрократией. Однако наши (ибо они питомцы

московского Физтеха), но не нашедшие себе в родной стране «поприща» — недавние Нобелевские лауреаты Андрей Гейм и Константин Новоселов — отнюдь не собираются бросать творческую работу за рубежом и ехать в Сколково, не желая потратить свои лучшие годы на изнуряющую борьбу с коррумпированной бюрократией.

И как эпилог наших бедствий — лето 2010 г. выдалось в России рекордно жарким. За долгие месяцы российский правопреемник давно отошедшего от дел бога Яхве не соизволил пролить с неба ни капли дождя. Следствием этого стали чудовищные лесные и торфяные пожары в средней полосе страны, в Поволжье, на Дальнем Востоке и в других регионах. При этом верховые пожары, то есть охватывающие деревья целиком (а не только сухую траву и кусты), — движутся с поистине Содомской скоростью до 30 км/час — и непонятно, как с ними можно бороться при том мощном ветре, который, например, 29 июля бушевал в Липецкой и Воронежской областях. ***Для нас более чем достаточно сухой погоды и ветра — нам в России не надобно ни землетрясений, ни нефтяных газов; достаточно окурка, который пьяный мужик бросит на землю в лесу или в огороде.***

Среди наиболее пострадавших регионов — Нижегородская, Московская, Рязанская и Воронежская области. Огонь подступал к пригородам многих крупных российских городов. Площадь пожаров превысила 800 тыс. га. Погибли более 50 человек, огонь уничтожил более 2500 домов, крова лишились тысячи жителей и без того вымирающих деревень и поселков. При этом власти вели себя восхитительно. Так, в Нижегородской области деревня Верхняя Верея выгорела дотла — сгорели все 341 дома. И за два дня до ее гибели Валерий Шанцев (бывший зам. Лужкова, отправленный на кормление в Нижний Новгород) — браво рапортовал премьеру Путину, что федеральная помощь региону не требуется!! Своим поведением Шанцев живо напомнил мне зятьев Лота, но с важным отличием — губернатор-то не сгорел....

... А сходство России с древним Содомом усугубляется тем, что в это самое время на голубых экранах кривляются звезды шоу-бизнеса, открыто демонстрируя публике свою голубизну; и в некоторых городах уже были попытки самой настоящей содомии — в форме так называемых гей-парадов (и слава Труду, что всеми дружно охаянный — как прежде столь же дружно прославленный, — московский градоначальник Лужков их не разрешил!). И, как можно легко догадаться, пораженная страшным огнем (с потолка, а не с неба) пермская Хромая Лошадь — отнюдь не была невинным заведением для благородных девиц.

Содомский опыт — как никогда актуален для России.

Литература

1. *Тора* (Пятикнижие Моисеево). — М.: АРТ-БИЗНЕС-ЦЕНТР, 1993, 1135 с.

2. *Гилат А.* Содом и Гоморра: гидротермальные взрывы и самовозгорание горючих газов, вызванные землетрясением? // Дегазация Земли: геотектоника, геодинамика, геофлюиды; нефть и газ; углеводороды и жизнь. Матер. Всерос. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию со дня рожд. акад. П. Н. Кропоткина (М.: 18–22 окт. 2010). — М.: ГЕОС, 2010, с. 112–114.

3. *http:*//berkovich-zametki.com/2010/Zametki/Nomer2/Sokolin1.php

4. *Обручев В.А.* Занимательная геология. — М.: Наука, 1965, 344 с.

5. *Шноль С.Э.* Герои, злодеи, конформисты российской науки. 2-е изд. — М.: КРОН-ПРЕСС, 2001. 875 с.

6. *Gvirtzman H., Stanislavsky E.* Palaeohydrology of hydrocarbon maturation, migration and accumulation in the Dead Sea Rift // Basin Research, 2000, vol. 12, № 1, p. 79–93.

7. *Nissenbaum A., Goldberg M.* Asphalts, heavy oils, ozocerite and gases in the Dead Sea Basin // Organic Geochemistry, 1980, vol. 2, №. 3-4, p. 167–180.

Сердечно благодарю Ольгу Златкину (а также В. С. Озерова) за указание литературы [6, 7] *по нефтегазоносности района Мертвого моря.*

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ

Материалы Я. Э. Юдовича из машинописного архива.
Собраны и снабжены комментарием в 2002 г.

Указ директора Голотипа
Два сочинения Илюши Кетриса
Катагенез
На бракосочетание Аси и Бори
Трускавец-83
Илюше
Три сочинения Кати Либеровой
Хитрый Евгений
Гурий и Фенимор
Мриданг
Озеров-2002
Кожара-2002

* * *

Проект

УКАЗ директора Голотипа[1]

Об упорядочении составления Плана редподготовки и некоторых иных материй, до сего касаемых

01. Однако стал я в последнее время замечать, что мои подданные стали подозрительно много заявлять и прискорбно мало печатать.

02. Очень мне это не нравится, ибо отражается на престиже Голотипа.

03. К тому же сие может привести к движению науки не вперед, а вбок, каковое движение я нахожу недопустимым.

В связи с изложенным указую:

1. Впредь к включению в План Редподготовки допускать лишь те работы, о выполнении коих предъявлено мне материальное свидетельство их невиртуальности, а именно:

а) для сотрудников старше 80 лет — пузырек из-под чернил с приложением товарного чека, удостоверяющего покупку оных данным лицом;

б) для ведущего сотрудника доктора геолого-минералогических наук и лично мною любимого С. К. Кузнецова — использованную ленту электрической пишмашинки типа Оптима, с приложением товарного чека, удостоверяющего покупку оной ленты данным лицом; при этом текст, выполненный лично любимым мною лицом на иной технике — указую ученому секретарю не принимать, а технику конфисковать в доход моей казны;

в) для сотрудников старше 60 лет — использованный картридж для принтера, с приложением товарного чека, удостоверяющего покупку оного данным лицом;

г) для сотрудников старше 50 лет — дискету с текстом монографии с приложением нотариально заверенного документа, удостоверяющего авторское право владельца дискеты на содержащийся в ней текст. При этом тексты, где вместо тире стоят дефисы — указую ученому секретарю не принимать, а дискеты конфисковать в доход моей казны;

д) для сотрудников старше 40 лет — всё то же; при этом тексты, в которых нехватает больше 1 тыс. запятых (или же имеется в наличии больше 500 лишних запятых) — указую ученому секретарю не принимать, а дискеты конфисковать в доход моей казны;

---

[1] **Опубликовано: Вестник Ин-та геологии Коми НЦ УрО РАН, 2001. Июль, № 7 (79), с. 14.**
В заголовке обыгрывается термин академика-палеонтолога. Б. С. Соколова, как-то назвавшего юшкинский Ин-т геологии — «*голотипом академического геологического института*».

е) для сотрудников от 40 до 20 лет — лазерный диск с текстом монографии. При этом тексты с порнофильмами, а также с записями групп Хеви Метал или Пинк Флойд указую ученому секретарю не принимать, а дискеты конфисковать в доход моей казны;

ж) для члена-корреспондента РАН и лично мною любимого Асхабова Асхаба Магометовича — основательно помятая бумажка формата in quatro с набросанным на ней Гениальненьким Планом Монографии под титлом *«Кватароны. Прошлое, настоящее и будущее. Глобальный экзистенциональный аспект»*. При этом указую ученому секретарю бумажки недостаточно помятые, иного формата и с иными планами от лично любимого мною не принимать, но конфисковать их для нужд общественного туалета.

2. Заявки главного научного сотрудника и лично мною любимого врио проф. Я. Э. Юдовича принимать без предъявления материальных приложений и не взирая на количество (и качество) указанных в заявке соавторов. Однако при этом указую ученому секретарю не принимать заявки от лично мною любимого врио проф., если число соавторов превысит 10. В этом случае вежливо просить лично мною любимого врио проф. урезать указанное число до кондиции.

3. Заявки зав. лаб. геоинформатики, д-ра геол.-мин. наук профессора Ткачева Юрия Андреевича, лично мною любимого, — не принимать никогда и ни в каком виде, ибо вышеуказанный лично мною любимый проф., как показал опыт, продолжает исправлять свои дурацкие формулы даже спустя два года после выхода монографий в свет.

Посему указую ученому секретарю принимать от лично мною любимого проф. Ткачева Ю. А. заявки на монографии — только после их опубликования последним в любом доступном ему месте.

4. Вопрос о включении в план редподготовки совместных сочинений лично мною любимых проф. Ткачева Ю. А. и врио. проф. Юдовича Я. Э., как наиболее сложный — объявить предметом специального конкурса с премиальным фондом 50 тыс. долларов США. Деньги на фонд просить у главы Республики Коми. Если Глава денег не даст, то конкурс не объявлять, а указанным лично мною любимым проф. и врио проф. совместных работ не сочинять.

Подпись и печать
Сыктывкар, 12.05.01.
Исп. Юдович Я. Э., Ткачев Ю. А.

* * *

Два сочинения Илюши Кетриса

Пока Илья учился в Сыктывкаре, меня очень беспокоило — как мало им задавали: на уроки в 7-ом классе у него уходило полчаса... Мы с его матерью стали очень бояться, что дальнейшая учеба в Сыктывкаре приведет к тому, что малый совсем разучится работать, и из него ничего путного в итоге не выйдет. В 1981 г. на весенних каникулах в Сыктывкар приехал вербовщик из Ленинграда, проводивший олимпиаду; Илья с легкостью занял первое место, и тогда мужественная мать отдала единственного сына в петергофский интернат — чтобы дать ему достойное школьное образование.

Итак, в 1984 г. Илья закончил физматшколу-интернат № 45 при Ленинградском университете (расположенную в Петергофе), и ему надо было учиться дальше. За математику или биологию я не опасался — в математике он был весьма силен, а биологию знал, пожалуй, на уровне студента второго курса биофака. Единственное слабое место в его подготовке я усматривал в изящной словесности. Он много читал, но, пожалуй, не совсем то, что бы надо, и совсем не любил писать... Я боялся, как бы он не схватил троечку на сочинении.

С этой целью я организовал ему тренинг — выбрал интересные для него популярные биологические книги, велел их прочитать и написать о них сочинения. Эти сочинения, написанные в 1983 г., у меня сохранились. Замечу, что они тогда же были показаны моему среднему брату, известному российскому биологу проф. С. Э. Шнолю, и он отозвался о них весьма лестно.

В этих ильинских текстах мне принадлежат лишь заголовки и незначительная стилистическая редакция.

Илья Кетрис

Удача приходит к достойным

(Размышления о двух крупнейших биологических открытиях нашего века)

В конце тридцатых — начале пятидесятых годов 20-го столетия были сделаны два крупнейших биологических открытия: находка живой кистеперой рыбы вблизи южной оконечности Африки (1936 г.) и расшифровка структуры ДНК — вещества наследственности (1952 г.).

Кистеперую рыбу-целаканта считали вымершей 50 млн. лет назад, и никто не допускал и мысли, что она живет и поныне. Предположить подобное было равносильно допущению о живых динозаврах или мамонтах.

ДНК (дезоксирибонуклеиновая кислота) содержится абсолютно во всех живых организмах, полностью кодируя их структуру: организм вырастает таким, как это записано в его ДНК.

Предметом нашего рассмотрения будут ученые — авторы двух замечательных открытий.

Целаканта открыл профессор химии Дж. Л. Б. Смит, живший и работавший в Южно-Африканском Союзе. В определении структуры ДНК основная заслуга принадлежала Дж. Уотсону, молодому американскому доктору наук (что примерно отвечает нашему кандидату), приехавшему в Англию на стажировку.

Эти люди шли к своим открытиям совершенно разными путями.

Смит, после счастливой, но совершенно случайной находки первого целаканта, на протяжении долгих 14 лет вел кропотливую, напряженную работу, которая увенчалась, наконец, добычей целого экземпляра второго целаканта, после чего существование живых кистеперых рыб можно было считать доказанным. Уотсон же с самого начала четко видел цель, выбрал оригинальный способ ее достижения, и уже через год структура ДНК была ему ясна. Смиту, к моменту поимки второго целаканта, было уже за пятьдесят; Уотсон сделал свое открытие, будучи вдвое моложе.

Научная работа Смита протекала в Южно-Африканском Союзе; по сравнению с Уотсоном, он фактически находился почти в научном вакууме; немногих своих коллег, имеющих близкие интересы, он мог бы сосчитать на пальцах одной руки. При этом Смит всю свою жизнь сидел между двух стульев: он зарабатывал себе на хлеб преподаванием химии (и судя по всему, свое дело знал превосходно), тогда как душа его была безраздельно отдана рыбам. Не только в Южной Африке, но, пожалуй, и в Европе, такое странное хобби профессора химии не вызвало бы никакого одобрения у его непосредственного начальства. К тому же, будучи ихтиологом-любителем (хотя на самом деле, на голову превосходя иных профессоров), Смит мог уделять рыбам только свое каникулярное время.

А что же Уотсон? — Он находился в неизмеримо более благоприятной обстановке. Это были Кембриджский университет, всемирно известная Кавендишская лаборатория, руководимая нобелевским лауреатом Брэггом, и постоянное общение с высококлассными специалистами. Добавим к этому азартную атмосферу «гонки» — Уотсон и Крик больше всего опасались, что структуру ДНК разгадают без них, кто-то более удачливый, например, великий химик Полинг.

Профессор Смит, если и гнался — то только за целакантом и притом в одиночестве. Конкурентов у него не было, так как конкуренция возможна там, где видна цель. А цель видел только он один — для других она не существовала.

Итак, может показаться, что между двумя этими людьми и их открытиями нет ровным счетом ничего общего. Однако научное открытие, как бы ни было оно индивидуально и неповторимо, все же подчиняется определенной логике. Поэтому представляется весьма интересным выявить черты изоморфизма в этих двух — таких непохожих — научных открытиях. Разыскивая такие черты, мы с удивлением замечаем, что они порой касаются даже и второстепенных деталей, которые странным образом оказываются сходными.

Действительно, первого целаканта нашел не сам Смит — его открыла для науки руководительница Ист-Лондонского музея мисс Латимер, отыскав его в куче сорной рыбы, которая не предназначалась для продажи и просто выкидывалась. Она зарисовала целаканта и послала эту зарисовку Смиту. Со своей стороны, и Уотсон ничего бы не смог сделать без рентгеновских снимков Розалинд Франклин.

Итак, у истоков обоих открытий стоят две женщины, словно две добрых феи. Правда, суровую, замкнутую, резкую, постоянно готовую к отпору Розалинд Фрэнклин трудно было назвать

феей, тем паче, что она вовсе и не думала помогать Уотсону. Но объективно ее роль оказалась точно такой же, как и роль мисс Латимер.

Затем обратим внимание на то, что и Смиту, и Уотсону в процессе их исследований помогали десятки людей, без которых они бы никогда не достигли цели. Уотсона окружали высококвалифицированные профессиональные ученые, которые щедро делились с ним своими знаниями (причем решающую роль сыграл его друг Фрэнсис Крик); Смит пользовался дружеской помощью простых людей — рабочих, матросов, торговцев, государственных служащих и др.

Сами ученые при более пристальном взгляде, оказывается, тоже во многом похожи. Во-первых, оба они твердо верят в большое значение своих исследований, в полной мере осознают их важность для науки. Можно сказать, что оба они с полной ясностью понимали, что поставлено на карту: найдется ли второй целакант или нет, удастся ли прочитать структуру ДНК или нет. Несомненно, что никто в мире в то время так остро эти проблемы не ощущал.

Затем бросается в глаза, что оба они — и Смит, и Уотсон — были наделены выдающейся научной интуицией. Это очень важная черта ученого, и далеко не всякий ее имеет.

Так, после первой находки целаканта в водах Южной Африки Смит прозорливо предположил, что был пойман случайный, миграционный экземпляр, занесенный сюда Мозамбикским течением. Из этого он вывел, что истинный ареал целаканта расположен где-то у Коморского архипелага. И впоследствии оказалось, что на всем земном шаре целаканты живут только здесь — в месте, предугаданным Смитом!

Уотсон же, без всяких логических доказательств принимал, что биологические объекты должны быть в своей основе устроены достаточно просто — во всяком случае, не настолько сложно, чтобы он, Уотсон, не мог бы их расшифровать! А поскольку спираль — это самый простой способ укладки нитчатой структуры, каковой является всякая ДНК, то еще до начала работы Уотсон ПОЧТИ ЗНАЛ, что ДНК представляет собою спираль.

Вызывают восхищение твердость духа и упорство, с которыми оба ученых шли к цели.

Смиту верили с трудом, хотя он был профессор, следовательно, человек авторитетный. Находка живой кистеперой рыбы, которые, «как известно», давно вымерли, казалась совершенно невероятной. Поэтому деньги на продолжение исследований ему приходилось добывать с великими трудами. Положение драматизировалось тем, что после первой находки целаканта (которого сам Смит ведь и не видел!) — второй целакант упорно не давался в руки. Это могло заставить отступиться кого угодно. И все же Смит непоколебимо верил, что найдет целаканта. Верил и искал.

А молодой и абсолютно несолидный Уотсон с его игрушечными атомными моделями, при помощи которых он, не обладая никаким собственным материалом, рассчитывал расшифровать структуру ДНК — выглядели в глазах солидных профессионалов просто несерьезно. *«Ну, как там поживают твои клоуны от науки?»* — спросил как-то Эрвин Чаргафф, адресуясь к начальству Уотсона и Крика. И Чаргаффу, и ряду других ученых смешно было и предположить, что этот мальчик со своими игрушками решит проблему, которая не давалась в руки и самому великому Полингу — мировому авторитету в области структурной химии.

Мне думается, что указанные черты сходства означают, что в любом научном открытии обязательными компонентами являются сила духа и интуиция.

Таким образом, между двумя научными открытиями и их авторами имеются черты глубокого различия, но в то же время и черты несомненного сходства.

Открытие Смита — зоологическое, сделано до Второй мировой войны, когда наука еще во многом имела традиционный характер, и не наводила на людей ужас, не вызывала в них такого восхищения, как в послевоенные годы. Вообще открытие Смита могло быть сделано когда угодно, например — на 100 лет раньше. Зоология — традиционная описательная наука, и она мало изменилась со времен Кювье.

Напротив, открытие Уотсона — целиком детище нашего времени, то есть эпохи научно-технической революции. В его основе лежат изощренные методы рентгеновского анализа, квантовой химии, органической химии — без этого молекулярная биология просто не мыслится.

Пожилой, тщательный, корректный профессор Смит работал весьма систематично. Не слишком почтительный к коллегам, импульсивный, чрезвычайно молодой доктор Уотсон шел к открытию напролом, как бы чувствуя за спиною дыхание других исследователей, в обстановке азарта и крайнего напряжения всех сил.

С другой стороны, мы замечаем, что те черты, которые оказываются общими у этих двух людей, — характерны не только для них, их можно найти и у многих других ученых. Не имеет особого значения, сколько ученому лет, где он живет, чем профессионально занимается. Важно лишь то, чтобы он имел некоторые черты характера и интеллекта, общие всем ученым вообще.

Илья Кетрис

Двойная спираль

Размышления по поводу книги Дж. Уотсона[2]

В книге «Двойная спираль» Джеймс Д. Уотсон рассказывает об одном из величайших открытий 20-го века — об открытии структуры дезоксирибонуклеиновой кислоты, вещества наследственности, за что автор книги совместно с двумя другими исследователями получил Нобелевскую премию 1962 года.

Автор описывает в книге не только свой собственный путь к открытию, но и дает нам представление о состоянии биологической науки в тот период, об атмосфере, царившей в научном мире Англии, дает яркие и остроумные характеристики лиц, так или иначе имевших отношение к нему самому или к проблеме ДНК.

Уотсон показывает ошибочность распространенного мнения о существовании исключительно строго логичных путей в научном исследовании. К разгадке структуры ДНК приходит не Полинг, выдающийся химик, установивший вторичную структуру белка, а молодой доктор Уотсон, который откровенно признавался: *«В аспирантуре штата Индиана я рассчитывал на то, что в раскрытии загадки гена химия может и не понадобиться. Это отчасти объяснялось ленью: в Чикагском университете я интересовался в основном птицами и всячески избегал изучения тех разделов физики и химии, которые представлялись мне хоть мало-мальски трудными»*.

Уотсоном и его коллегой Криком двигало лишь одно твердое убеждение: что ДНК — это самая важная молекула, и что ее структуру необходимо расшифровать как можно скорее, во что бы то ни стало.

«... Морис постоянно повергал Фрэнсиса (Крика — И. К.) в отчаяние тем, что относился к ДНК слишком хладнокровно. Ему словно нравилось тянуть и мешкать».

Речь идет о Морисе Уилкинсе, чья группа пыталась установить строение ДНК кристаллографическими методами. Поэтому единственным методом, не требующим глубоких специальных знаний, оставалось конструирование атомных моделей и выбор наиболее подходящей из них, по нескольким критериям.

Уотсон обращает внимание на различие этических представлений в научной работе: Фрэнсис Крик, чтобы начать работу над ДНК, вынужден спросить на это разрешение у Уилкинса. Медлительность последнего так раздражала Уотсона и Крика еще и потому, что американский химик Лайнус Полинг вовсе не был связан английскими представлениями о fair play («честной игре») и поэтому вот-вот мог начать заниматься ДНК.

Автор затрагивает далеко не одну лишь научную тему. В книге описаны и люди, вовсе не имеющие отношения к науке — только потому, что Уотсон их знал и общался с ними в ту пору, и ему было приятно (или просто необходимо для связности повествования) о них вспомнить.

Очень важно понять (видимо, это пытается сделать каждый читатель этой замечательной книжки) — что конкретно помогло Уотсону сделать «открытие века», как он к нему пришел?

Прежде всего, ему было необходимо иметь какой-то минимум данных, которым можно было твердо верить — иначе все исследование было бы построено на песке. Он знал, как в общих чертах устроена цепь ДНК; это были данные химиков-органиков, которые он проверить сам не мог. И кроме того, он был убежден, что ДНК представляет собою спираль. Здесь у него вообще не было никаких данных, это было чисто интуитивное убеждение в том, что природа устроена просто. Он считал, что поскольку спираль представляет собою простой способ пространственной укладки регулярной цепи, и поскольку спиральные структуры уже были доказаны Полингом для

[2] Заметим кстати, что если бы пользоваться традиционной транскрипцией, сохранившейся в русской литературе с 18-го века, то Уотсона следовало бы называть Ватсоном. Хорошо звучит: Ватсон и Крик, или — Шерлок Холмс и д-р Ватсон (ЭЮЯ).

белков — то нужно искать именно спиральную модель. По мнению Уотсона, *«ломать голову над сложностями, не убедившись прежде, что простейший ответ не годится, было бы непростительной глупостью»*.

Очень важным был и выбранный им метод исследования — построение атомных моделей. Весьма замечательно, что Уотсон выбрал его сразу же, как познакомился с работами Полинга — ведь великий Полинг именно таким путем открыл вторичную структуру белка.

Весьма пикантной (и, как будто, беспрецедентной в истории науки!) особенностью открытия Уотсона и Крика было то, что эта пара талантливых и честолюбивых ученых — не имела собственных экспериментальных данных. Им оставалось только ждать, что лондонцы (группа Уилкинса) получат рентгеновские снимки, подтверждающие их представления (и притом надеяться, что сами лондонцы не сумеют правильно проинтерпретировать свои снимки!).

Замечательные снимки несносной сотрудницы Уилкинса Розалинд Фрэнклин могли трактоваться так, что ДНК состоит из двух, трех или даже четырех цепей. Эти цепи представляют собой крайне нерегулярную последовательность нуклеотидов, различие которых заключалось в разных азотистых основаниях, соединенных остатками фосфорной кислоты через дезоксирибозу. Это навело Уотсона и Крика на мысль, что полинуклеотидные цепи связаны неорганическими ионами (например, магнием) через фосфаты, а основания торчат наружу, дабы не нарушать регулярность цепи. Заметим, что ни об этих гипотетических ионах, ни о многом другом они не имели никакого представления. Так они построили свою первую модель — трехцепочечную, с основаниями, торчащими наружу. Но увы — эта модель противоречила известным к тому времени данным о содержании в ДНК воды.

Так на пути Уотсона и Крика обозначился первый тупик.

Когда после большого перерыва они возвращаются к своим «детским игрушкам» — атомным моделям, они вспоминают данные Эрвина Чаргаффа, не понятые никем, в том числе и самим Чаргаффом: количество адениновых оснований в ДНК примерно соответствовало количеству тиминовых, а количество цитозиновых — количеству гуаниновых.

Напряжение достигает апогея; каждый день может оказаться решающим. Уотсон сильно возбужден, его мозг работает непрерывно, даже во сне. Он ощущает, что кризис близок — либо он поймет ускользающую истину, либо признает, что задача неразрешима его средствами. И в эти дни лондонцы открывают другую кристаллическую форму ДНК, на рентгенограмме которой Уотсон совершенно четко видит спиральную структуру, причем основания уложены друг на друга параллельными стопками. Он начинает сомневаться в своем исходном пункте — действительно ли сахарно-фосфатная цепь расположена внутри молекулы:

«... на следующее утро, разобрав особенно гнусную молекулу с остовом (сахарно-фосфатным — И. К.) *в центре, я решил, что от меня не убудет, если я несколько дней потрачу на попытку расположить остов снаружи»*.

Уотсон строит новую модель, теперь уже из двух цепей, и, руководствуясь какими-то таинственными соображениями, решает соединять «подобное с подобным» — спаривать одинаковые основания. Получается изящное сооружение в виде винтовой лестницы с перекладинами из пар одинаковых азотистых оснований. Но этой модели не суждено было долго жить. Он узнает у коллеги, что, оказывается, пал жертвой своего невежества: использованные им таутомерные формы двух оснований давно уже считаются нереальными. Итак, ему *«горячо порекомендовали не тратить времени на эту идиотскую схему»*.

Так в работе возник второй тупик: казалось непонятным, как соединять проклятые основания. Однако здесь Уотсон уже чувствовал, что стоит на верном пути.

Не в силах дождаться, когда лабораторный механик (в приличной Кавендишской лаборатории был и такой!) сделает заказанные ему модели из металла, Уотсон вырезает их сам — из картона и лихорадочно перебирает разные комбинации, руководствуясь элементарными критериями структурной химии — ибо никаких других критериев он просто не знал.

И вот задача решена! Он видит, что если соединить аденин с тимином, а гуанин — с цитозином, то полученные ступеньки винтовой лестницы молекулы ДНК будут иметь одинаковую длину — то, что необходимо для сохранения недеформированным сахарно-фосфатного остова. С замирающим сердцем он просит Крика проверить этот вариант теоретически... и милостивый Крик сообщает, что эта модель, по крайней мере, имеет право на существование.

В высшей степени замечательно, что ВСЕ СРАЗУ ПОВЕРИЛИ Уотсону с его моделью, хотя, казалось бы, ее можно было рассматривать лишь как возможный, но не единственный вариант. Несомненно, что важное значение имел эстетический критерий: молекула ДНК получилась необыкновенно изящной, и к тому же сразу объясняла правила Чаргаффа (количество соединенных, т.е. «дополнительных друг к другу» оснований А–Т, Г–Ц, непременно должно быть одинаковым).

Возвращаясь к истории открытия, мы видим, что решающую роль сыграли данные, которые поступали прямо в процессе поиска и не давали Уотсону и Крику свернуть в сторону. Это были уникальные рентгенограммы (которые в то время никто в мире не умел еще получать), снятые в Кингз-колледже в Лондоне; без них двум приятелям ничего бы не удалось сделать.

Был и еще один важный момент. А именно: в один из своих тупиковых периодов, когда казалось, что со структурой ДНК ничего не выходит, Уотсон установил спиральную структуру вируса табачной мозаики — любимого объекта исследований микробиологов. И после этого *«каждая винтовая лестница, попадавшаяся мне на глаза в Оксфорде, укрепляла мою уверенность в том, что и другие биологические структуры должны иметь спиральную симметрию»*.

Немаловажную роль сыграла и «окружающая среда», ибо Уотсон и Крик находились в коллективе специалистов сверхвысокой квалификации, среди которых были и лучшие в мире химики-органики. Консультируясь с ними, они компенсировали недостаток своего химического образования и получали (после очередной порции уничтожающей критики) новые стимулы для свежего взгляда на свою модель.

Несомненно благоприятным был и моральный климат. Несмотря на то, что сэр Лоуренс Брэгг, всемирно известный ученый, Нобелевский лауреат, преемник Резерфорда на посту директора Кавендишской лаборатории, терпеть не мог шумного и совсем невоспитанного Крика, он, по крайней мере не препятствовал работать приятелям, а когда наметился результат, очень быстро оценил его значение.

Наконец, открытие двойной спирали ничего общего не имело с планомерным солидным исследованием, когда успех приходит в конце многолетней, размеренной и нудной работы — как награда за старание. ***Здесь была гонка***. Уотсон несколько раз пишет о гонке *(«я — один из победителей в этой гонке»* и т. д.), ибо над беспокойной кембриджской и безмятежной лондонской группами все время нависала грозная тень Отца Современной Структурной Химии — великого Лайнуса Полинга. Каждый день можно было ожидать, что он первым придет к финишу. И был момент, когда казалось, что всё пропало — гонка проиграна. Сначала они узнают о статье Полинга от его сына, а потом получают возможность прочесть и саму статью, в которой дается расшифровка структуры ДНК. И лишь тогда они с огромным облегчением убеждаются, что великий Лайнус грубо ошибся — такая структура невозможна. Тем не менее, расслабляться они не могли, так как понимали, что узнав о своей ошибке, Полинг *«начнет работать над ДНК и днем и ночью»*.

Таково, в общих чертах, научное содержание «Двойной спирали» — этого увлекательного научного детектива середины нашего века.

Однако это далеко не всё: в своей книге Уотсон дает также четкие и остроумные характеристики главным действующим лицам.

Фрэнсис Крик — сотрудник Кавендишской лаборатории Кембриджского университета и соавтор открытия ДНК. Уотсон рисует его нам как человека незаурядного интеллекта, проницательного, более способного критиковать чужие работы и строить множество короткоживущих теорий, нежели проводить собственные исследования. Как великолепно пишет автор, *«быстрота, с которой он схватывал открытые другими факты и пытался найти им истолкование, часто заставляла сжиматься сердца его приятелей при мысли, что вот-вот он окажется прав и обнаружит незрелость их ума, которая до этих пор оставалась скрытой от мира благодаря кембриджской сдержанности и благовоспитанности»*.

Морис Уилкинс — кристаллограф из Лондонского Кингз-колледжа, предпочитающий авантюре серьезное и длительное научное исследование, не любящий спешки, чем бы она ни была вызвана, человек мягкий и спокойный.

Вероятно, какие-то из этих превосходных качеств мешали ему ладить со своей сотрудницей ***Розалинд Фрэнклин***, которую никак не устраивала роль его ассистентки. Ее мужество и цельность

натуры были в должной мере оценены лишь позднее, когда все *«наконец по достоинству оценили ее честность и душевную щедрость, слишком поздно поняв, какую борьбу приходится выдерживать умной женщине, чтобы добиться признания в научном мире»*. Ее работы по разделению двух форм ДНК стали теперь классическими.

Лайнус Полинг, химик из Калифорнии, на сцене появляется редко, но у читателя остается ясное представление о том, что это человек большого научного таланта, блестящий ученый, и вдобавок человек весьма прогрессивных демократических убеждений.

Себе ***Уотсон*** характеристики не дает, но читатель легко получит ее, прочтя книгу. Это молодой человек без каких-либо комплексов, способный чувствовать наиболее важное на данный момент направление исследований и обладающий достаточным упорством для достижения своей цели. Несомненно, главным качеством Уотсона, которое помогло ему *«выиграть гонку»*, была феноменальная научная интуиция. Ведь ему приходилось все время брести в потемках, при минимуме данных, на которые можно было опереться, перед ним постоянно возникала альтернатива выбора малопонятного из вовсе непонятного и неизвестного. И если Крик был интеллектуальной машиной открытия, то Уотсон был одновременно и шофером, и стартером, и горючим.

Без Крика Уотсон не доехал бы до цели; но без Уотсона Крик не сдвинулся бы с места.

Так эти двое, которым разница в 10 лет по возрасту не помешала тесно сдружиться, — наилучшим образом дополняли друг друга.

С прекрасным юмором и непредвзятостью янки описывает Уотсон «английский образ жизни» — сохранившееся на основе английской консервативности множество замшелых традиций, пронизывающих все стороны жизни. Среди них — граничащее с презрением равнодушие англичан к бытовым удобствам и к качеству того, что у них называется едой.

Книга Уотсона уникальна по своему жанру. Это рассказ о научном открытии, показывающий откровенно и объективно (хотя многие упрекают Уотсона за его крайнюю субъективность — это спорное обвинение) путь ученого к открытию.

Но это отнюдь не просто отчет об открытии. Книга как бы заставляет нас прожить вместе с автором целый кусок его жизни — трудный, напряженный и захватывающе-интересный.

* * *

Катагенез[3]

Ода

к 50-летию
Бориса Андреевича Лебедева,
ленинградского литолога из ВНИГРИ,
сочиненная в самолете Сыктывкар–
Ленинград 20 ноября 1986 г.

1.
Бобуля славен и велик,
Глубоко в «Недра» он проник[4].

2.
Вотще ярится злой Плутон —
Бобулю не пугает он.

---

[3] **Опубликовано в книге «Прервана точкой строка: Литературно-художественный сборник. — Сыктывкар: Народный дом, 1997. — С. 24—26.**

Перепечатано в книге «Записки геохимика» (2007, с. 76).

[4] В издательство «Недра», куда он подал заявку на монографию «Геохимия эпигенетических процессов в осадочных бассейнах», изданную только в 1992 г.

3.
Нефть — это черный минерал,
Его сам Дьявол создавал.

4.
Он создавал — Бобуля ищет,
В тайге и тундре — всюду рыщет,
И чтоб найти ***коллектора*** *—*
Бежит Бобуля со двора.

5.
Бежит искать он ветра в поле…
Коллекторов-то нету боле!
Об этом знает целый свет:
Давно в Сибири нефти нет!

6.
На что свои растратил годы?
На что весь жар души пошел?
– Ах, на ужасные породы,
Которых в недрах он нашел.

7.
Наморщил свой Бобуля лоб,
Глядит он тупо в микроскоп.
Вотще глядит он много лет:
Ни пор, ни трещин больше нет!

8.
Еще при киевском при князе,
В породах было их, как грязи.
Но без следа, остатка без —
Их всех сожрал ***катагенез****.*

9.
И нынче, хоть глаза повыколи,
не видно даже при двух николях.
Исчезла прежняя краса,
Как пастила, как колбаса[5]*.*

10.
Тогда подумалось Бобуле:
Фортуну я взнуздать смогу ли?
Быть может, зря я спину гну?
Спрошу-ка я о том жену.

11.
«Скажи мне, верная жена
(Лишь ты мне предана одна):
Как мне найти коллектора?
Чрез них бегу я со двора,
Чрез них не сплю я до утра.

[5] Историческая примета эпохи Развитого Социализма.

От жизни ждать ли мне добра?
Ах, не прошла ль моя пора?!»

12.
«Тебе, Бобуля, я скажу
(Хоть это ясно и ежу):
Пусть больше нет коллекторов —
***Покрышки** есть — и будь здоров!*

13.
Найдем мы толстые покрышки,
Ужо, придет Плутону крышка:
Его подземные чертоги
Проткнут железные треноги.
Дуй за покрышками в тайгу:
Тебе я в этом помогу!»

* * *

И вновь он в микроскоп глядит:
Теперь покрышки изучает!
О, как врагов он поражает!
О, как к друзьям благоволит!

*** * ***

На бракосочетание Аси и Бори[6]

Ода

Жизнь холостая ужасна и тягостна,
Всякий ее испытал.
Семейная жизнь — исключительно
радостна,
Пусть провалюсь, коль соврал.

Отдельный холостой мужчина
Себе дорогу не проторит,
Но в корне сменится картина,
Когда жена тылы прикроет.

... Когда над ним всечасно бдят,
И льстивую хвалу поют,
И простужаться не велят,
И кашку манную дают...

О, как в нем силы расцветают!
О, как в нем творчество парит!
О, как врагов он поражает!
О, как к друзьям благоволит!

[6] Хотя союз инженеров А. Г. Модяновой и Б. Г. Новаковского оказался недолгим, они расстались друзьями.

Опять же, женщина без мужа,
Подобна древу без плодов.
Ей соблазнять кого-то нужно,
Но это требует трудов.

О муж — любезное созданье!
В нем положительное есть:
Когда уж бегать по свиданьям —
Всечасно требует он есть...

* * *

От браков возникают дети,
И так устроено не зря:
Насколько лучше жизнь на свете,
Когда нам «папа!» говорят.

* * *

Воспоминание в Трускавце (24.09.1983)[7]

Не спрашивай — когда и как,
Но есть курсовка на руках.

Лишь безнадежный идиот
В очередях курсовку ждет.

Лишь очень бравый молодец
В сезон приедет в Трускавец:
Коль он приехал без жены,
То дни его уж сочтены,
И вскоре добра молодца
Уж отвезут из Трускавца.

Его, как птицу-Марабу
Отправят в цинковом гробу.

... Идут дожди, плывет туман,
Письма не жди — пишу роман.

* * *

Илюше (1970?)

На дворе уже темно,
Звери спать легли давно.

Спят зайчишки-шалунишки,
Озорные хвастунишки.
Спят жирафы и слонята,
Кенгуру и кенгурята.

[7] Телеграмма жене; помнится, девицы на почте старательно переписывали этот текст...

Спят коровы и бычки,
Спят жучки и паучки.
На вершине у скалы
Дремлют хищные орлы.

В мягкой тине спит лягушка,
В теплом хлеве дрыхнет хрюшка.
Ежик спит в своих иголках,
Спят с голодным брюхом волки.

Даже злобный носорог
Спит в лесу без задних ног.

Спи и ты!
Тебе приснится
И зайчонок, и лисица,
И тюлени, и моржи,
И еноты, и ежи,
Обезьяны и дельфины,
Як, свинья... и две машины!

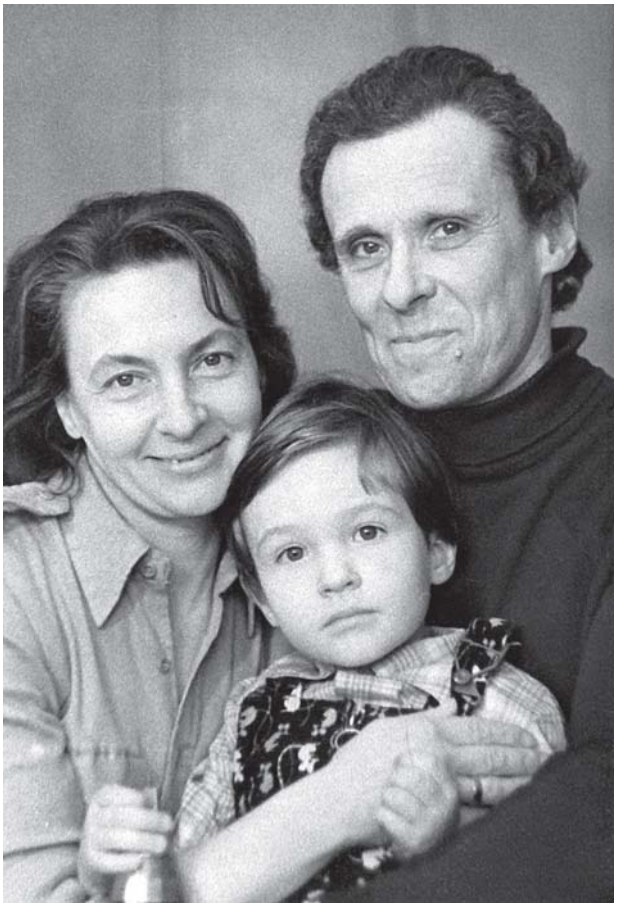
* * *

Три сочинения Кати Либеровой

Сочинения Кати Либеровой (дочки моих старинных московских друзей Ольги Петровны Мелеховой и Юрия Петровича Либерова), 7 лет от роду, писались ею крупными «каляками» в альбомах для рисования. Родители не осознали вовремя, какие шедевры создавала их дочь, можно сказать, левой ногою. Зато я сориентировался быстро — я выдирал листы из этих альбомов, увозил их домой и там перепечатывал на машинке под копирку, посылая первые экземпляры родителям.

В катькиных текстах мною было сохранено абсолютно все — ничего не придумано. Единственное, на что я осмелился — так это расставить знаки препинания (в этом она была еще не сильна) и снабдить тексты заголовками. Но Катька была писательница не гордая и к своим авторским правам относилась с полнейшим равнодушием; ведь ей ничего не стоило в день сочинить хоть десяток таких опусов.

...Когда мне случалось в последующие годы перечитывать эти сочинения, то мне неизменно делалось дурно — от пароксизмов совершенно паталогического хохота. И хотя с годами я, натурально, становился все старее — первоначальное воздействие этой литературы ничуть не изменялось — разве что становилось более опасным для моего здоровья!



Катя Либерова с родителями — Ольгой Петровной Мелеховой и Юрием Петровичем Либеровым. Москва, Рублево, май 1982 г.

Катя Либерова, 7 лет (1985 год)

Хитрый Евгений

Цок-цок-цок. И-и-и.

– Дорогу проскочишь, весь зад исколотишь.

– Да-а.

– Евгений, посмотри.

Но где же Евгений? — Он неподвижно лежал у Аркадия под ногами. Но Аркадий не растерялся. Он взял мину и устроил взрыв. Потом схватил Евгения, помчался, прибежал, положил его на кровать и начал прислушиваться.

Евгений уже не дышал. Аркадий отнес его в спальню и там оставил. Потом послышались шаги и в комнату вошли 2 девицы неописанной красоты. Одна вошла в спальню, другая за ней. Они увидели лежащего Евгения. Одна бросилась ему на грудь и зарыдала горькими слезами. И тут она отскочила и отдернула ногу.

Анна и Мария зажмурились, а когда открыли глаза, то увидели, что Евгений лежит и читает книжку. Они отвернулись и ушли в комнату.

Входит Аркадий с подносом, а на подносе чего только нет.

Потом он сказал: «Давай, поднимайся и садись за стол. Вон, пироги твои. Каша овсяная остывает. А чай-то какой!»

Тут Евгений вскочил: молодой красавец. Подскочил к столу и стал есть. Пирогов вмиг не стало. А Евгений бессильно упал на пол.

И тут появился Нильс. Он пришел бесшумными ногами.

Цок-цок, цок. И-и-и.

– Стой! Куда вы его?

– На смерть неминучую.

– Возьмите и меня: очень хочется посмотреть.

– Пожалуй. Садись.

– А между прочим, что вы с ним будете делать?

– Я? Я его пристрелю и оставлю под вашим присмотром. Да, кстати, как вас зовут?

– Меня? Андрей.

– АНДРЮША! ТЫ ПАРЕНЬ ЧЕСТНЫЙ.

Конец

Гурий и Фенимор

– Гурий! Поросль какая. Ишь, тихо. Здесь прошел Фенимор.

– Точно.

– А не кажется тебе, Гурий, что там в глубине свет?

– Действительно.

– Дойдем к этом свету.

– Тише! Смотри, появились копья.

– Да. Откуда они?

– А-а-а-а. Фенимор! Да красавец какой: индийский принц. Царя Веслава, можно сказать. А за ним его товарищи.

– А-а-а-а. Товары несут для Виктора Викторовича.

– Ага! Попался. Теперь не уйдёшь от нас. По местам!

И сразу молодцы построились в ряд, теперь можно. Яркие кольца на руках пионеров сверкали так ослепительно, что не требовалось огня. Тяжелые медные железные щиты с чудовищами. Стрелы обладали сильным ядом. Мечи остро поточенные висели на ремнях с медными пряжками. Сапоги начисто почищенные были такими красными, что можно было подумать, что это кровь. Шлемы были усыпаны серебром.

Они разожгли огонь и стали варить добычу в золотом котелке, а потом переливать звериную кровь из большого кувшина в кружки. Достали тарелки и стали перекладывать пищу из котелков в тарелки. Достали петрушки, укропу, покрошили, достали нож, хлеб нарезали и стали есть с удовольствием.

А Гурий тайком подполз и начал класть жареные картофелины. Который скажет: «эх, сейчас бы картошечки» — у того и картофелина.

Гурий отполз и опять подполз с кулечком соли и ну, сыпать каждому на картофелину.

Фенимору досталось 5 картофелин с солью.

И потом снова отполз и опять подполз с кулечком сахару и принялся посыпать сахаром кровь, а потом взял коробочку и начал класть рафинад прямо на тарелки.

А сам подбросил одну стрелу вверх, да так метко, что попал прямо себе в руку. И свалился замертво в овраг.

Пока пионеры его искали, Фенимор нашел его в овраге и чуть сам в обморок не упал: лицо покалечено ветками, в правой руке стрела, левая щека вся в крови. Выглядело это ужасно. Ей-богу, такое надо видеть.

Он созвал молодцов. Осторожно тихонько свистнул, и тут же загорелись глаза, показалась черная шерсть и появилась Багира.

– Никто, — пояснил Фенимор, — не смеет становиться ей поперек дороги, ибо она хитра, как Табаки, смела, как Диули.

Они отнесли Гурия в медицинскую пещеру. Багира надела медицинский халат, осмотрела раны, тут же взяла шприц, лекарство, нагрела, взяла остренькую иголочку, окунула шприц в лекарство, взяла ваточку, намочила спиртом. Нашла у Гурия больную руку, помазала её спиртом и сделала укол. Потом она поставила на полочку лампу и опустила её абажур, а сама ушла.

Потом она пришла опять, подозвала Фенимора и сказала: «Вот лекарство. Пить только в 4 часа вечера и 2 часа дня. А я сейчас приду. Постой здесь».

Она пришла с пузырьком и промолвила: «Этим спиртом мазать кисть руки только перед обедом и ужином. Гущи не давать, только мясо и бульон с сухарями. Остальное можно есть».

– Хорошо. А у Гурия ты чего-нибудь нашла?

– ДА. ЯД ОЧЕНЬ СИЛЬНЫЙ.

Конец

Мриданг

Жили-были король с королевой, у них родился сын, назвали его Мриданг.

Королева сказала королю:

– Сын у нас большой. Пора ему погулять по свету.

– Ладно, иди и скажи, пусть едет, конечно.

– Пока! До свиданья, сын мой. Поезжай.

И-и-и. Цок-цок-цок.

Стой! Я доносчик. Все могу пересказать. И вот Баба-Яга рассказала про Мриданга. Дракон понесся за принцем.

А Мриданг подъехал к лесу и у первой березы встретил израненного королевича. А рядом следы. Да, здесь дрался дракон.

– Возьми меня, дракон сюда летит, — сказал королевич.

Мриданг был добрый. Он соскочил с коня, поднял королевича с земли, положил на коня.

– Да еще мое оружие возьми и вот этого голубочка.

Он взял меч, щит, лук, стрелы, копье и птичку.

И они понеслись так, что деревья трещали.

Вдруг со стороны королевича засверкал дворец.

– Ты посмотри, Олег.

Мриданг погладил королевича по горячей голове. Олег тяжело положил свою руку на колено Мриданга и грустно поглядел на него. Мриданг отразился в своем шлеме и сказал:

– Там младшая моя сестра Снегурочка и мой дедушка. А зовут его Мороз.

– А-ах, Мриданг! А это кто?

– А это братец мой Олег.

– Лечить! Лечить срочно! Дедушка!

– Что?

– Внук приехал.

– Мридангушка, внучек мой!

– Слушай, дед. Я приехал вдвоем. Вот по мне брат. Я его подобрал, спас от дракона, они дрались.

Ту-ту-ту-у-у-у-у, туту, ту, ту-у-у, — затрубил Мороз.

К нему собралась сотня врачей. Мороз выбрал двух молодых. Только они изготовились — ворвался Мриданг и схватил Олега.

– Я сам буду лечить его!

И отрубил им 2 головы.

Он достал календулы, кусочек тряпочки, обмочил ее в календуле и сказал: «Держи».

Достал длинный бинт, перебинтовал и сказал: «Иди».

Взял простыню, подушку, одеяло, наволочку, пододеяльник, вдел в пододеяльник одеяло, в наволочку — подушку, постелил простыню и сказал: «Ложись!».

Уложил Олега. Тот уснул. А Мриданг позвал докторов и сказал: «Вот настоящее лекарство — сон».

Поутру Олег проснулся усталый. Вокруг него темнота. Только свеча горит. Глянул — 12 часов дня. Мриданг? Он увидел. Глядел в щель тюрьмы. Он вспомнил про ножик, спрятанный у Олега в кармане. Тут же наточил. Сначала выдернул одну доску и принялся ломать дверцу тюрьмы. Дергается! Дверь вылетела с петель.

Конь уж был тут же. Мриданг схватил Олега и полетел что есть силы.

Полдороги проезжали по горам, по вертепам.

По дороге Мриданг сильно заболел: страшная температура, 44° с половиной. Олег правил конем и вдруг сделал поворот.

Появился замок и вывеска: СТРАНА ЛЕКАРСТВ. Супрастин. Анальгин. Аспирин.

– Открывай рот! Так. Ф-ю-ю-э. Вот, на сахар. Поехали.

Опять дворец и надпись: ИЗМЕРЕНИЕ ТЕМПЕРАТУРЫ.

– Ефрейтора ко мне!

– Я здесь, ваше сейство!

– Позови термометр.

– А я здесь!

– Давай держи.

– Держал час. Не помогает. Ах, умираю.

ТОВАРИЩ ЛЕЙТЕНАНТ! И МЕНЯ ЗАГУБИЛА ПРИНЦЕССА.

Рукопись обрывается на этом месте. Продолжения не было.

* * *

Вячеслав Степанович Озеров[8]

Юбилейное

6 марта 2002

Подошел какой-то жлоб
И вопросом — прямо в лоб:

Это что за экземпляр
Ваш усатый юбиляр?

[8] Блестящий воркутинский геолог, в 2001 году переехавший (как и ряд его коллег) в Сыктывкар. Ему принадлежат крупнейшие открытие промышленной коренной золотоносности на Приполярном Урале, разработка основополагающей идеи о металлоносности кембрийских кор выветривания, расположенных в зоне межформационного контакта между рифей-вендским комплексом доуралид и палеозойским комплексом уралид. В 2000 г. выдвинул очередную новую идею — о кембрийских аламазоносных диатремах на Сев. Урале. Отличается исключительным чутьем поисковика, вызывающей крайнее раздражение коллег оригинальностью своих

— Как же так? — не понял я, —
Ты не знаешь ЭЮЯ?!
Это ж главный геохимик
Черных сланцев и угля
Древних комплексов и кор.
Пишет даже по-английски,
Ну, а значит — за бугор.

Это ж основоположник!
У него же куча книг!
— Ну, наука — это сложно,
И читать я не привык...
Ну а в жизни что-то может
Этот ваш передовик?
— В жизни он еще покруче!
Вот послушай, — говорю, —
Был такой однажды случай
На уральской горной круче...

новаторских идей (по этой причине — всегда является диссидентом в геологической среде), фанатическим упорством в достижении поставленных целей, и как следствие всего этого — удивительной практической результативностью.

В 1985 г., не сумев убедить руководство ПО «Полярноуралгеология» в необходимости выделения средств на поиски коренного золота — психанул, уехал из Воркуты и 5 лет вел фермерское хозяйство в Челябинской области.

После полного развала воркутинской геологии ее задумали возродить двое молодых, талантливых и весьма амбициозных бывших коллег Озерова: Николай Герасимов и Игорь Деревянко. Первый возглавил, возродивши из пепла, «Полярноуралгеологию» (в качестве ОАО, не имевшего в тот момент ни копейки денег на счету), взяв себе второго в Главные геологи. Первое, с чего они начали — выписали в Воркуту в 1994 г. Озерова. Тот (не имея никаких средств и не получая зарплаты) поехал в поле с сыном Степкой в качестве туриста — в академическом геологическом отряде Миши Тарбаева... и в своем старом районе открыл богатейшее месторождение коренного золота невиданного еще типа, которое назвал «Чудное». Только благодаря этому открытию воркутинская геология смогла выжить и как-то просуществовать все последующие ужасные годы (но выживет ли она сейчас, в 2002 г. — пока большой вопрос).

Озеров — один из самых ярких представителей братии Пишущих Геологов. Написал увлекательную детективную повесть «Зловещий самородок» и много прекрасных рассказов; с легкостью сочиняет вирши, примером которых является и этот стих, преподнесенный автором в виде свитка на выпивоне по случаю дня рождения ЭЮЯ. Часто печатается в самопальных сборниках, которые с некоторых пор издают к Дню Геолога поэт (бывший наш минералог, ученик Юшкина) Леша Иевлев и зав. музеем ин-та геологии (бывший наш литолог) Саша Беляев. При этом А. А. Иевлев, давно ставший бизнесменом, находит деньги в неких Фондах, а А. А. Беляев — собирает эти сборники. В грядущем сборнике (как мне сообщил Саша) — приняли участие 36 авторов, и в том числе, конечно, Озеров, сочинениями которого эти сборники традиционно открываются.

В представленных виршах Озеров вспоминает эпизод вездеходного десанта на одно из открытых им рудопроявлений золота в конгломератах, которое он назвал «Амфитеатр». Вообще же ему принадлежат десятки названий открытых им же (или вместе с Эльзой) рудных объектов на Приполярном Урале: Синильга, Самшитовый (!), Бермуды (!), Гряда Альбова, Нестеровское (в честь своих уральских учителей-геологов Альбова и Нестерова), Трубка Неудачная, Чудн***о***е с участками Славный (в честь самого себя) и Людный (в честь Людмилы Ефановой), Гета, Екатерининский (в честь внучки Катьки) и т. д., и т. п. — всего и не вспомнить. В указанном десанте принимали участие *«два научных кандидата»* — начальник отряда М. Б. Тарбаев (ныне крупный чиновник Минприроды РК) и минералог С. К. Кузнецов (ныне доктор наук), *«плюс прибившийся турист»* Озеров; ЭЮЯ, а также жена Озерова Эльза и С. А. Репина, интинский геолог (ныне кандидат наук, работающая в Ин-те минералогии в Миассе).

Что касается юбиляра-ЭЮЯ, то он сперва имел только шапочное знакомство с Озеровым в 1984 г., энергично поддержав идею последнего о существовании древней коры выветривания на Приполярном Урале. После ухода Озерова из геологии, юбиляр 5 лет в одиночку защищал его идеи, постоянно подчеркивая в своих сочинизмах приоритет Озерова (за что имел в своем академическом учреждении, где традиционно ревнуют производственную геологию, большие неприятности). В 1994 г. в упомянутом академическом отряде стал свидетелем открытия «Чудного». В последующие годы теснейшим образом сотрудничал с Озеровым и его верной спутницей — минералогом Эльзой — оперативно передавая им все результаты своих исследований (в виде огромных многостраничных файлов) и получая от них, в свою очередь, все их новые материалы (в виде карт, схем, файлов, образцов и тяжелых фракций). Все это делалось, разумеется, минуя нашу институтскую и их производственную бюрократию, так что оба мы постоянно совершали должностные преступления. (*Примечание-2002*).

Помню, холод, сыровато,
«Знойный» ветер с ледника,
Два научных кандидата
С молоточками в руках,
Плюс прибившийся турист
Бывший фермер-тракторист.

Как положено в полях,
Все в бушлатах и в соплях.
Разбрелися кто куда,
Ищут, где она, руда.

Лишь один (по пояс голый!!!)
Кварца с золотом руду
Целый день кайлит кайлою
Будто мученик в аду,
Будто узник на галере,
В глубине сибирских руд...

Пневмония, я уверен,
Завтра будет поутру!
Ну плеврит, по крайней мере,
Это я тебе не вру!

Утром (жаль, не помню даты)
В лежку оба кандидата,
Кашель дикий — у меня,
Даже водка — не в коня.

Ну а узник? Взял отгул?
Знаешь — носом не шмыгнул!
В пять утра опять поднялся
И такой устроил гул,
Так пестом по ступе брякал —
*Я минутки не соснул!**

Это был, не скрою я,
Голый доктор ЭЮЯ.
Так что этот юбиляр —
Уникальный экземпляр!

Про него еще историй...
Только вижу: этот жлоб,
Почесав покатый лоб,
Начал вдруг ретироваться,
Побыстрее смыться чтоб.

И уже издалека:
Извините, мол, пока!
Прочитать хочу до корки
*Все о «модуле ЮК» **...*

---

* В дальнейшем, с учётом данного обстоятельства, ЭЮЯ ставил свою палатку не ближе 100 м от лагеря...

** Поэтическая вольность... Сочинитель имел в виду наш литохимический «Стандарт ЮК» — алгоритм компьютеризированной обработки литохимических данных.

* * *

Стансы к ЭЮЯ

Екатерина Максимовна Чевкина[9]
6 марта 2002

На 65-летие Его Высокопревосходительства г-на Академика Юдовича
Производитель: Борковское Отделение
Акционерного общества
Приоткрытого Типа
«Пушкин энд Сукин Сын»
Одобрено цензурою

В надежде славы и добра
Глядим вперед мы без опаски:
Он покоряет Севера
И не стесняется огласки.

И Академик, и Герой,
И Геохимик, и Политик,
И в колобашки он порой...
И так умеет много гитик.

Сумел привлечь к себе сердца
Разнообразной силой дара,
И был от буйного Стрельца
Пред ним отличен В.Кожара

Возвышенна судьба твоя
Над общим уровнем пейзажа!
Живи сто лет, о ЭЮЯ,
И, Ё-МОЁ, лет двести даже!

---

[8] Катя Чевкина — филолог, специализирующаяся в скандинавских языках, работала в соответствующем Издательстве (наверное и сейчас там же). Я познакомился с нею на Пущинском симпозиуме по классиологии, организованном в 1982 г. Владимиром Леонидовичем Кожарой, отцом-основателем Классификационного Движения в СССР, объединившего всевозможных физиков и лириков (геологов, географов, биологов, физиков, математиков, лингвистов, философов, технарей и проч.). Впоследствии Кожара, прирожденный Лидер и Вождь, базируясь в Ин-те биологии внутренних вод в Борке Ярославской области, создал мощное экологическое движение «Геохора» и развернул несколько грандиозных экологических проектов, снова сплотив вокруг себя десятки единомышленников.

В годы становления Классификационного Движения Катя была блестящей девушкой лет 25. Она писала замечательные стихи, из которых у меня имеются «Сцены из Фауста», где ею были даны яркие портреты участников Пущинского симпозиума и представлен сам Кожара в роли Фауста.

На последующем осеннем сборище классиологов на турбазе в Миассе (кажется, 1986) всем стало ясно, что у них с Кожарой роман. К тому времени Кожаре было лет 50 или 55. Потом они поженились, родили сына Васечку (ныне кончает школу или уже кончил?), и Катя переехала из Москвы в Борок. Время от времени она продолжает сочинять стихи. *(Примечание-2002).*

ШАХМАТНЫЕ НОВЕЛЛЫ

Ленинградский Межзональный-73
Неочевидное вероятное Анатолия Карпова
Поражение
30-я партия (заметки отпускника)
Те же двое в зале им. Чайковского
Матч в Севилье
Битва титанов
Два великих «К»
Старые счеты
Казанские репортажи

Шахматы прошли со мною через всю жизнь, хотя Бог, увы, не дал таланта — по силе игры я так и остался на уровне 1-го разряда, никогда даже не приблизившись к уровню кандидата в мастера (я имею в виду, конечно, «добрых старых кандидатов», а не нынешних — продуктов шахматной инфляции). Кстати сказать, могу сказать, что 1-й разряд может, при желании, получить любой человек, не имеющий таланта — здесь достаточно одного лишь усердия. А вот стать кандидатом в мастера (и тем более мастером) бесталанный человек уже не может — здесь необходима некая искра Божья... Если её нет — то лучше и не пытаться, чтобы избежать тяжелых разочарований.

И всю жизнь я безуспешно боролся с шахматной заразой в своем доме — распродавал шахматные книги..., а потом снова начинал их собирать. К старости понял, что борьба бесполезна — и смирился.

Примерно с 1970-х стал писать в газеты на шахматные темы. Кое-что из этой продукции приведено ниже, в хронологической последовательности.

* * *

Ленинградский Межзональный-1973[1]

Кто из любителей шахмат не мечтает сейчас хотя бы раз оказаться в зале ленинградского Дворца культуры им Ф. Э. Дзержинского, где проходит нынче Межзональный турнир? Автору этих строк повезло — недавняя поездка в Ленинград дала возможность посетить несколько туров этого захватывающего шахматного спектакля.

Первое, чем поражает турнир — исключительным результатом лидеров. Трудно припомнить такое соревнование, в котором лидеры так бесцеремонно забирали себе в начале турнира столько очков.

Ясно, что причина столь стремительного темпа лидеров — желание оторваться от основной группы преследователей, вызванное небывалой конкуренцией: ведь выходящих в матчи претен-

[1] **Статья была опубликована в двух номерах сыктывкарской газеты «Молодежь Севера»** (от 15 и 17 июня 1973 г.) под придуманным редакцией дурацким заголовком «Претенденты «выбирают» претендента». Замечательно это пристрастие провинциальной журналистики к кавычкам, коими *«они хочут свою образованность показать»...*

дентов «вакантных мест» всего три, а участников — восемнадцать! Поэтому даже такого замечательного шахматиста, как ***Ларсена***, эта конкуренция до начала турнира явно смущала. Выступая по ленинградскому телевидению, обаятельный датчанин сказал: *«Вначале я был немного нервозен... Но теперь я стал спокоен. Я стал спокоен потому, что играю хорошо».*

И действительно, в этом момент у него было три очка после трех туров.

Мне запомнилась его встреча с Эстевесом.

Накануне Эстевес, играя белыми, в сицилианской защите поставил мат самому Талю. Впрочем, важен не мат, а то, что ему предшествовало. Было похоже на то, что Таль в дебюте черными мучительно пытается и не может найти хороший план борьбы.

И вот против Эстевеса садится Ларсен. Снова сицилианская защита, снова Эстевес белыми разыгрывает партию чисто позиционно, как с Талем. Но Ларсен не испытывает ни малейших колебаний в выборе плана. Его игра легка и изящна. Стоило Эстевесу сделать один неточный ход, как Ларсен немедленно взорвал центр, парализовал фигуры противника и уже через несколько ходов заставил его выбросить белый флаг. При этом на всю партию он затратил едва ли более 40 минут. Каждая победа Ларсена встречается аплодисментами ленинградцев, симпатизирующих гроссмейстеру.

Корчной — противоположность Ларсену. Взгляд исподлобья, хмурый, даже суровый. Боец — этим все сказано. Если он прогуливался по сцене и задерживался возле какой-то доски, то всё равно чувствовалось, что он ничего не видит и не слышит, весь поглощен своей партией, сосредоточен только на ней.

Я видел, как Корчной выигрывал. Но несравненно интереснее было наблюдать, как он проигрывал!

В пятом туре Корчной белыми играл с Кузьминым. Опытному гроссмейстеру уже приходилось писать на бланке «сдался», встречаясь с Кузьминым. Было видно — Корчной нервничает.

В дебюте он не получил преимущества. А затем затеял тягучую, сложную игру, в которой надеялся добиться перевеса. Но Кузьмин играл превосходно. Отобрал у Корчного пешку, парализовал ферзевый фланг. Видно было: еще несколько ходов, Кузьмин выиграет вторую пешку, и вся позиция Корчного рухнет. Но шахматисты, хорошо знавшие Корчного, не унывали: *«Вот посмотрите,* — говорили они*, — он сейчас что-нибудь придумает...».*

И Корчной в критической позиции делает дерзкий ход ладьей, предлагая Кузьмину забрать вторую пешку. Кузьмин погрузился в длительное раздумье... и взял ее ферзем. И тогда обнажился дьявольский замысел Корчного — ферзь противника оказался в капкане. Правда, Кузьмин мог отдать его, получив очень приличный эквивалент и сохраняя виды на победу, но крайне раздосадованный тем, что польстился на приманку, — счел за благо повторять ходы, предлагая таким образом ничью. Так Корчной спас безнадежную позицию[2]. Замечательна та показная невозмутимость, с которой он играл. После каждого хода вставал и прогуливался, всем своим видом показывая, что у него, мол, все в порядке...

Начало турнира принесло грустную сенсацию — проигрыш ***Таля*** двум мастерам, которые явно не претендуют на выход в тройку призеров. Я видел обе эти партии. Игра Таля произвела на всех тяжелое впечатление. Его невозможно было узнать. В позициях, насыщенных комбинациями, где, казалось бы, только и сверкать его таланту, он играл вяло, сухо, сам шел на упрощения, просматривая очевидные угрозы противника. Мне кажется, причина провала Таля лежит вне шахмат. Во всяком случае, выглядел он явно больным. Без риска можно предсказать, что результат Таля будет в первую очередь зависеть только от его самочувствия.

Роберт Бирн — фигура очень колоритная. Если молодежь носит модные рубахи, волосы до плеч (Торре), бороды (Кинтерос), широкие пояса и расклешенные брюки, если гроссмейстеры постарше, садясь за доски, снимают пиджак и остаются в легких теннисках, то Роберт Бирн всегда безупречно выбрит, подтянут и облачен в черную пару — в другом одеянии он даже и не мыслится. Садясь за доску, он последовательно проделывает целую серию движений: застегивает пид-

---

[2] Комментируя эту партию для печати, Кузьмин признался, что в финальной позиции видел свой перевес, но в одном из вариантов *«черные некоторое время должны играть без ферзя всего за одну фигуру. Такая жертва показалась мне чрезмерной. Вдруг у белых что-нибудь найдется?». — Примечание-2002.*

[3] «Тоже» — как Фишер. Кстати, Бирн в этом турнире занял «выходящее» третье место (первые два поделили Карпов и Корчной), чего никто не мог предвидеть! Но в четвертьфинальном матче претендентов был разгромлен Борисом Спасским. *— Примечание-2002.*

жак, снимает одни очки, надевает другие, вынимает сигарету, закуривает, стряхивает пепел, снимает колпачок с авторучки, записывает ход противника, снова надевает колпачок, стряхивает пепел, усаживается поудобнее, думает над ходом, снимает колпачок ручки...

Его седая голова, забавный педантизм и не слишком громкое шахматное имя, по-видимому, послужили для его противников сигналом к атаке. Все, будто сговорившись, играли с ним на удивление азартно! Но Бирн, хотя и не является гроссмейстером экстракласса — все же настоящий шахматный мастер. Все, что ему жертвуют, он берет... и выигрывает. Рассказывают, что он шутил: *«Не забудьте — я тоже Роберт!»*[3].

Анатолий Карпов — кумир ленинградской публики, наша главная шахматная надежда. Этот скромный худощавый юноша играет очень любопытно. Его партии напоминают партии Капабланки, Смыслова и Фишера — они на вид очень просты, в них почти нет внешних эффектов. Но эта простота — признак глубокого понимания позиции. Его тактическое дарование так велико, что, что он, по-видимому, верит, что выпутается из любой трудной ситуации. Так было в его встрече с Таймановым. Карпов, играя черными, быстро сделал несколько поверхностных ходов и очутился в позиции бесперспективной. Тайманов же по-гроссмейстерски, старательно и умело наращивал давление. Карпов надолго задумывался. Близился кризис. И вот — «эврика!». Тайманов где-то сыграл не очень решительно — и Карпов моментально, серией точных ходов уравнял игру.

Хотя Карпов один из самых молодых участников турнира, его как-то не принято относить к молодежи. Класс его игры настолько высок, а перспектива дальнейшего роста настолько значительна, что он представляет, вне сомнения, фигуру исключительную. И когда говорят о молодых, то чаще говорят так: «Молодые и Карпов».

Итак, немного о молодых.

Наиболее интересен филиппинец ***Торре***. Это смуглый, красивый паренек с длинными черными локонами до плеч. Торре, можно сказать, — открытие Межзонального турнира. До этого он был мало известен, хотя и успел выступить на Всемирной шахматной олимпиаде с неплохим результатом. Только в прошлом году он стал международным мастером. Без большого риска можно сказать, что Торре весьма одарен. Кузьмин и Ларсен не сумели его победить, Кинтерос спасся только чудом, Бирн пережил несколько трудных минут, когда Торре начал очень оригинальную и опасную атаку, а Таль был первым, кто на горьком опыте убедился в том, что этот юноша отнюдь не собирается стать легкой добычей для гроссмейстеров.

Колоритен аргентинец ***Кинтерос***, которого некоторые зрители по черной бороде и широкому кожаному поясу принимали сначала за кубинца ***Эстевеса***, а улыбчивого, склонного к полноте юношу-кубинца — за Кинтероса. Но вскоре выяснилось, кто есть кто, и одновременно оказалось, что пока Эстевесу вовсю доставалось от гроссов, — Кинтеросу необыкновенно везло! То подарил ему очко Смейкал в чисто выигрышной позиции (чехословацкий гроссмейстер не успел сделать контрольного хода!), то его «выпустил» Торре в позиции, где черным фигурам, которыми командовал Кинтерос, было почти некуда ходить, то его приятель Эстевес в цейтнотной горячке позволил ему в безнадежном положении объявить вечный шах! Не знаю, где здесь причина и где следствие: то ли Кинтерос весел, потому что ему везет, то ли ему везет, потому что он не унывает, — но он всем своим видом излучает жизнерадостность и молодой оптимизм.

Наши ***Кузьмин и Тукмаков*** не так уж и молоды. У Тукмакова дела идут неважно. Он проиграл своим товарищам по молодежной сборной — Карпову и Кузьмину и не сумел удержать позицию во встрече с грозным Корчным. Вероятно, в этом турнире он вряд ли займет высокое место. Положение Кузьмина иное, это один из самых перспективных наших мастеров. Его игру высоко оценивал в свое время сам Таль, прочивший юному мастеру большое будущее. Действительно, игровой почерк Кузьмина своеобразен; как и у Ларсена, его шахматная мысль выбирает причудливые, неожиданные тропинки в дебрях вариантов и комбинаций. Поэтому угадывать ходы Кузьмина — занятие неблагодарное. К тому же он обладает неплохой техникой игры в эндшпилях. Кроме того, Тукмаков гроссмейстер, а Кузьмин пока еще мастер — у него есть хороший стимул к результативной игре. Мне показалось, что в среде участников, журналистов и зрителей мало кто сомневается в способности Кузьмина выполнить на этом турнире гроссмейстерскую норму[4].

---

[4] Кузьмин действительно стал гроссмейстером, потом много лет успешно играл, но все же до шахматной суперэлиты он не поднялся. — Примечание-2002.

III Академиада Северных филиалов, Сыктывкар, 2—6 марта 1978 г.

◀Приглашенный судья соревнования, педагог от Бога, воспитатель всех сильнейших шахматистов Сыктывкара Капитон Мальцев

«Мистер Академиада» (как его называли на Академиаде в Новосибирске), обаятельный Иван Куокканен (команда Карельского ФАН) ▶

◀ Марина Кетрис, наша женская доска

Решающий эндшпиль последнего тура: наш Володя Парначев (даже встал от волнения) в поединке с Карабановым (КолФАН). Наблюдают биолог Валерий Зайнуллин (игрок нашей команды) и ярый болельщик (игрок в настольный теннис и волейбол) наш энергетик Игорь Печников (сзади) ▶

▲ Последняя партия III Академиады: от нее многое зависит!

◀ Револьт Пименов против Владимира Макарихина (бывшего воркутинского геолога, уже вернувшегося в Петрозаводск). Наблюдает Капитон Мальцев

Ошибается тот, кто думает, будто интересные события происходят только на сцене Дворца культуры им. Дзержинского. В зале тоже есть на что посмотреть! Всех зрителей можно условно разбить на следующие пять групп.

1) Люди, решительно ничего не понимающие в шахматах, но страстно переживающие результаты встреч — это ближайшие родственники шахматистов.

2) Люди, понимающие в шахматах всё, а в иные моменты — и побольше, чем сидящие на сцене. Это профессиональные шахматисты: гроссмейстеры и мастера, присутствующие в качестве тренеров и корреспондентов. Многие из них всемирно известны, их узнают и преследуют глубокомысленными вопросами представители группы «4».

3) Любители, играющие на уровне первого-второго разрядов. Этот контингент составляет главную массу зрителей. Они ведут себя солидно и спокойно, в продолжение всех пяти часов игрового времени наслаждаются зрелищем шахматной корриды на всех 9 демонстрационных досках. Они знают, что игра в шахматы — занятие трудное и нервное, и поэтому не спешат с выводами, когда за шахматными столиками происходят вещи, на первый взгляд непонятные.

4) «Пижоны». Это широко известный класс любителей, играющих на уровне IV разряда, но зато в избытке компенсирующие эмоциями недостаток своего понимания игры. Они приходят в ажиотаж при каждом шахе, начинают вдруг аплодировать, если противники согласились на ничью; обмениваются мнениями громким «шепотом», но чаще всего с пеной у рта доказывают друг другу, что если бы Таль сыграл конем направо, а Ларсен пошел ладьей налево, то можно было бы съесть королеву или поставить мат в два хода. Тот факт, что знаменитые гроссмейстеры не замечают столь заманчивых возможностей, не перестает их изумлять и даже возмущать.

Все это в совокупности создает совершенно нежелательный шумовой эффект, так что главный арбитр А. Котов время от времени выходит к рампе и жестами призывает наиболее активную часть зрителей утихомириться...

5) Особая категория публики — это те, кто в зале не присутствует, но зато приходит ко входу за полчаса до начала тура, стоит там все пять часов и уходит не раньше, чем разъедутся все знаменитости.

Межзональный турнир — большой праздник для ленинградских любителей шахмат, и поэтому он находится в центре внимания печати, радио и телевидения. На меня особенное впечатление произвело то необыкновенно щедрое время, которое уделяется шахматам на ленинградском телевидении. Передачи ежедневные и очень насыщенные. Сообщают только что полученные результаты тура, демонстрируют кинокадры, отснятые всего час или два назад, затем выступает гроссмейстер или мастер с обзором тура и демонстрирует наиболее интересную партию.

На турнире налажен выпуск оперативного бюллетеня, где публикуются все сыгранные партии. Впервые в практике наших соревнований ходы из зала передаются в пресс-центр непосредственно по телефону, и поэтому без задержки попадают под аналитический микроскоп многочисленных корреспондентов — мастеров и гроссмейстеров.

* * *

Неочевидное вероятное Анатолия Карпова[5]

Анатолий Карпов, международный гроссмейстер, чемпион мира, 25-летний студент Ленинградского университета, вновь поразил шахматный мир громадностью своих достижений: он стал чемпионом СССР и уже в четвертый раз подряд назван лучшим шахматистом года, став обладателем почетного приза — шахматного «Оскара».

Писать о Карпове одновременно легко и очень трудно.

Легко, если скользить по поверхности фактов, перечисляя его победы над всеми сильнейшими гроссмейстерами мира. Очень трудно, если попытаться копнуть глубже и понять особенности его неповторимого таланта.

---

[5] **Опубликовано в Коми республиканской газете «Молодежь Севера» за 4 февраля 1977 г.**

Начнем с легкого...

Став чемпионом мира после победы в изнурительном отборочном матче против опасного и честолюбивого противника, Карпов заявил, что намерен быть играющим чемпионом.

«Мне кажется, — сказал он на пресс-конференции в апреле 1975 года, сразу после увенчания его лавровым венком, — *что одна из главных обязанностей чемпиона мира — быть играющим шахматистом, чтобы люди разных стран видели чемпиона за шахматной доской, а гроссмейстеры и мастера могли бы помериться с ним силами, поучиться у него и научить кое-чему его самого. Поэтому я твердо намерен систематически выступать в отечественных и международных соревнованиях».*

Были скептики, которые не спешили верить новому чемпиону. Разве не обещал того же другой чемпион — Спасский? Обещал. Но в бытность свою на шахматном троне не только не играл в чемпионатах страны, но и вообще не выиграл ни одного сколько-нибудь заметного турнира. И это пытались оправдать: дескать, чемпион мира занят, готовится к матчу с Фишером... Как будто можно подготовиться к игре — не играя. Все помнят, чем это кончилось — разгромом, о котором у нас до сих пор никто не может вспоминать спокойно.

Однако Карпов доказал, что он человек слова.

Сначала он выступает на крупном турнире в Югославии и выигрывает его. Затем он побеждает в грандиозном Миланском турнире, где собрались сильнейшие шахматисты мира. Оба раза он ясно продемонстрировал, что на голову превосходит талантливую молодежь (Любоевича и других), и на полголовы — стажированных экс-чемпионов мира (Петросяна и Таля).

Но шахматные скептики не унимались! Шахматный болельщик ненасытен, ему подавай все новые победы. Вот что писал острый на язык журналист Игорь Акимов в дни недавнего чемпионата СССР: *«Это для зарубежных он прежде всего чемпион, первый гроссмейстер и прочая, для наших же — тем более в домашнем чемпионате — он пока что все тот* же *Толя Карпов. Лучше ли он всех — это еще надо посмотреть. И доказать».*

Ну, что же? Посмотрели. Доказал. Выиграть такой турнир (8 побед, 8 ничьих, одно поражение), встав на целое очко выше блестяще выступившего Балашова — это ли не результат чемпиона мира?!

При этом замечателен не только итог, но и то, как он к нему пришел, как добыл свои 12 очков из 17 возможных. Поначалу игра у него явно не клеилась: 50 % в первых пяти партиях. Не верилось, что он сумеет обойти стремительно несущихся вперед Дорфмана и Балашова. Но Карпов вернул себе силу и точность удара и понесся к финишу с ускорением, все чаще повергая соперников. Выиграв подряд две последние партии, он обошел Балашова.

После окончания чемпионата гроссмейстер Марк Тайманов писал в «Советском спорте»: *«Следя за игрой Карпова на чемпионате и за его нарастающей к концу турнира силой, можно сказать, что хотя победа стоила ему большого напряжения, резервы чемпиона были не только не исчерпаны, но, напротив, словно пополнялись от встреч с достойными соперниками. Это закономерно: Карпов молод, и для совершенствования у него еще много возможностей».*

Взрывом восхищения ответила мировая пресса на новую победу чемпиона. Гроссмейстер Роберт Бирн, герой Ленинградского межзонального турнира 1973 года, чуть было не повторивший свой успех в Биле (1976), очень профессионально, как только и могут говорить коллеги друг о друге, сказал про Карпова: *«Карпов ни в чем не уступает своим основным соперникам и превосходит их в способности к максимальной мобилизации всех сил в самую трудную минуту»*[6].

Но все-таки это не так просто, как думает Бирн. Выходит, что Карпов — просто сильнее, как спортсмен, да и только. А как же талант — неужели он просто «ни в чем не уступает»? Ведь не уступать еще не значит — превосходить...

Может быть, позиционное чутье? Но ведь есть же Смыслов, Петросян, Портиш, наконец, блестящий Романишин — они все великие мастера позиционной игры.

Тогда, может быть, комбинационный дар? Но ведь есть Таль, сверходаренный Любоевич, восходящая звезда — Дорфман, да мало ли их — «комбинаторов»? Один мастер Купрейчик чего стоит!

В таком случае, ни то, ни другое в отдельности, но зато их гармоничное сочетание, как у покойного Пауля Кереса, например? Но ведь ныне здравствуют Спасский — общепризнанный ас этого жанра, затем Балашов, и конечно же, Ларсен и Мекинг — мастера хоть куда.

---

[6] Увы, как показали последующие матчи Карпова с Каспаровым — именно в этом Бирн ошибся... — *Примечание-2002.*

Может быть, особые счетные способности? Но опять же, есть Полугаевский, Корчной, те же Таль, Любоевич, Цешковский — все они настоящие «счетные машины», и я бы не сказал, что Карпов их в этом превосходит.

Наконец, может быть, ни то, ни другое, ни третье — а вещь прозаическая — высокая техника? Конечно, без высокой техники чемпионом мира не станешь, но ведь есть все те же Петросян, Портиш, Полугаевский, Смыслов, Спасский... У них разве хуже техника? Никто этого, я думаю, не скажет.

Итак, хотя секрет этого феномена «Карпов» толком не понятен, одно можно сказать твердо: ***талант его глубоко своеобразен и как раз по этой причине не укладывается в общепринятые градации***. Пожалуй, из наших современников такое можно было сказать только о Петросяне.

Интересно, что пытаясь передать свои впечатления от игры Карпова, все наблюдатели употребляют странные, но в сущности весьма похожие выражения: «плетет кружево ходов», «набрасывает сеть на позицию противника», «складывает и склеивает свои кубики», «овладевает доской», «доминирует» и прочее в таком же роде. Сами эти слова вроде бы понятные, а вот как он всё это делает — не очень понятно...

Лично мне, шахматисту слабому, партии Карпова чисто внешне напоминают игру в «Волки и Овцы»... Начинает игра: в одном углу доски Волки, в другом — Овцы. Кончается — на доске одни Волки, а Овцы скушаны. Не единожды я показывал ради интереса партии Карпова своим друзьям, даже далеким от шахмат, таким образом: позицию из дебюта, из середины игры и финальную. И у всех впечатление было в точности такое же: на доске свирепствуют Волки, то бишь фигуры Карпова! Я даже рискну предположить, что если бы Карпов стал играть в шашки, то он и там стал бы чемпионом мира: чем-то его талант сродни шашечному, как это ни покажется на первый взгляд странным.

...Читатель вправе поинтересоваться, наконец, смыслом заголовка этих субъективных заметок.

Отвечаю: «вероятное» — это исход грядущего матча на первенство мира[7]. Думается, что у нынешних претендентов мало шансов победить Карпова. А вот «неочевидное» — это как раз то самое — неразгаданный секрет его феноменального таланта.

* * *

Поражение

(к итогу матча Карпов–Спасский)[8]

Борис Спасский, экс-чемпион мира, 38-летний гроссмейстер в расцвете физических и духовных сил, сумевший в свое время дважды победить весь шахматный мир, наконец, — человек, сумевший победить и самого себя, — этот человек повержен.

Он проиграл матч почти юноше, новой ослепительной звезде шахматного небосклона — Толе Карпову. И не просто проиграл — он был разгромлен. Ведь счет 4:1 (по результативным встречам) не нуждается в комментариях.

Карпов победил чисто, красиво и убедительно. Победитель поразительно молод: ему всего 23 года! Его возможности огромны, ибо у него в полном смысле слова все впереди. Чтобы понять это, допустим, что он (а не Спасский) проиграл этот полуфинальный матч. В этом случае Карпов оставался бы *четвертым шахматистом мира* — в таком возрасте это расценивают как колоссальное достижение. Он, однако, выиграл и уже сейчас стал номером третьим, а хочет еще большего. Он хочет быть первым. Только первым. Так он сказал в своей статье в «Юности», опубликованной в прошлом году: *«Я всегда хочу быть первым... Иначе глупо играть серьёзно»*.

---

[7] Напомним, что скандальнейший матч Карпов-Корчной (до 6 побед) состоялся в Багио на Филиппинах в 1978 г. и был с трудом выигран Карповым со счетом 6:5 (или 16.5:15.5). Однако в тот момент, когда писалась эта статья, соперник Карпова был еще неизвестен. — *Примечание-2002.*

[8] **Опубликовано в двух номерах Коми республиканской газеты «Молодежь Севера» за 15 и 17 мая 1974 г.** под придуманным редакцией заголовком «Когда хочешь быть первым».

Я хочу, чтобы читатель, далекий от шахмат, сумел осознать всю глубину трагедии, которая разыгралась только что на сцене одного из уютных ленинградских клубов.

Свой шахматный «капитал» — высокие результаты и славу — Спасский приобрел тяжелым трудом. Ему ничего не давалось легко, он не был баловнем судьбы, как Хосе Капабланка, Пол Морфи или Михаил Таль. Ибо природа, наградившая его феноменальным шахматным талантом, дала этот дар, увы, без «приложений». Ведь чтобы подняться выше, шахматист должен вначале стать борцом.

...Он должен научиться проигрывать. Так, чтобы после проигрыша не расклеиваться, а играть вдвое злее — как Алехин.

...Он должен научиться владеть своими нервами: *«потерять партию, но не голову»* — как Ласкер.

...Он должен научиться во что бы то ни стало, любой ценой, сметая все преграды, выигрывать решающие партии, то есть в нужный момент уметь отдать все без остатка — как Ботвинник.

... Он должен, кроме того, воспитать в себе особое отношение к противнику любой силы: и не бояться противника, и остерегаться его. Бояться нельзя — проиграешь, но и совсем не бояться нельзя — недооценишь и опять же проиграешь.

...Он должен... О, как много должен уметь человек, чтобы иметь право войти в дверь с надписью «для настоящих мужчин». И судьба несколько раз приводила Спасского к этой двери, после чего она неожиданно захлопывалась перед самым его носом.

Вначале, как и положено таланту, Спасский непринужденно взбежал по лестнице и встал очень высоко: в 18 лет — уже гроссмейстер, а в 20 лет — участник турнира претендентов (Амстердам, 1956)! Но то была «эпоха Смыслова»: на Земле в те годы не было шахматиста, который помешал бы Смыслову вторично бросить вызов Ботвиннику. Это Смыслов в 1953 и 1956 годах дважды поверг всех противников и пробился к трону Ботвинника.

Смыслов стал чемпионом мира со второй попытки (1957 г.). Спасский повторил гераклов подвиг Смыслова: в 1969 г., в тяжелейшем изнурительном матче он, наконец, отнял шахматную корону у Петросяна. Так была достигнута цель всей жизни: Борис Спасский стал чемпионом мира.

В роли чемпиона Спасский выступал крайне мало, да и то во второразрядных турнирах со средним составом.

... Правда, была у него сыграна одна Партия, Партия с большой буквы, воистину историческая встреча. Это было на Олимпиаде в Зигене, когда новый чемпион мира встретился в матче нашей команды с американцами — с Робертом Фишером. Эта великая партия показала двух замечательных шахматистов XX века в полном блеске их талантов. Она очень ясно раскрыла, кто есть кто.

Фишер был выше в дебюте, в технике и дальности расчета вариантов, а Спасский превосходил Фишера в интуиции, в том таинственном, непознаваемом, иррациональном, что содержат в себе шахматы. Поскольку такое творчество в принципе выше, Спасский блестяще выиграл. Можно было надеяться, что в таком же ключе будет проходить и его возможный матч с Фишером, и что Фишеру не удастся победить чемпиона мира.

... Нельзя без горечи вспомнить всего, что было связано с матчем на первенство мира Спасский–Фишер в 1972 г. в Рейкьявике. Ни той беспрецедентной психологической атаки, которую Фишер обрушил на Спасского перед матчем (и на которую он, в сущности, не получил никакого отпора), ни неспортивного поведения претендента, ни самого шахматного содержания первой половины матча. Матч открыл болельщикам Спасского крайне неприятную истину: оказалось, что чемпион мира вступил в борьбу неподготовленным. Как сказал впоследствии Виктор Корчной, все разговоры о дебютных заготовках, якобы припасенных Спасским к матчу, оказались блефом — Спасский приехал в Рейкьявик с «пустым чемоданом». Вдобавок он, не позаботившись о хорошей тренировке перед матчем, мучительно долго входил в форму, а Фишер не ждал, когда противник развернется, и набирал одно очко за другим. Лишь последние 10 партий матча Спасский, наконец, заиграл в свою полную мощь. Но было поздно — утраченного на старте вернуть уже было нельзя...

Так на долю Спасскому выпало — первому из советских чемпионов — уступить шахматную корону зарубежному шахматисту. Ту корону, которую добыл для нашей страны Михаил Ботвинник в 1948 году и которая была нашей 26 лет.

И вот снова начинается отборочная страда к первенству мира. Спасский имеет персональное право начать сразу с четвертьфинального матча. Жребий сводит его с героем ленинградского межзонального турнира гроссмейстером Робертом Бирном. Никто перед этим матчем не ждал для Бирна ничего хорошего. Спасский оправдал все прогнозы, разгромив Бирна, не проиграв ни одной партии. Он подавил Бирна теоретически (в дебюте), стратегически (планированием середины игры) и тактически — проведя ряд замечательных комбинаций. Триумф был полным и безоговорочным. Все говорило о том, что Спасский вновь обрел былую форму.

... По правде говоря, я был убежден, что Спасский сумеет обыграть Карпова. Почему? Да по той же причине, по которой он, казалось бы, должен был победить и Фишера. Дело в том, что творчество Карпова как две капли воды схоже с творчеством Фишера. Это тот же самый стиль: простой, экономный, ясный, логичный и предельно рациональный. Поскольку шахматы по своей природе все же не сводятся полностью к логике, то кажется, что стиль Спасского в принципе должен быть выше стиля Фишера и Карпова.

И первая партия Спасский-Карпов как будто это все и показала. Действительно, Карпов играл очень «правильно» и четко; Спасский же играл не очень «правильно», но зато широко и вдохновенно; и похоже на то, что в этой партии партнеры создали настоящий шедевр.

И после этого достижения Спасский проиграл еще четыре партии и матч!

Как же это случилось?

Ответ так же прост, как и непонятен: анализ показывает, что Спасский, по сути дела не имел надежных схем защиты за черных. Я не знаю, как могло случиться такое. Разбираться в этом — дело специалистов, а не простых любителей. Замечу лишь, что не надо быть специалистом, чтобы увидеть, как во всех своих «черных» партиях (кроме первой) Спасский ни разу не имел сколько-нибудь приличной позиции, которая разрешала бы наметить и осуществить полноценный план игры. Ну, а в плохой позиции нечего и мечтать победить такого игрока, как Карпов.

Правда, один раз (в седьмой партии) Спасскому удалось спасти пол-очка на грани невозможного, но в других случаях Карпов был внимательнее и своих шансов не упускал. Естественно, проигрывая все «черные» партии, Спасский и белыми не мог вести борьбу достаточно осмотрительно: на него давила необходимость отыгрываться. Напротив, Карпов, весьма удачно решил проблему черного цвета[9] и, строго говоря, ни разу всерьез не стоял на проигрыш.

... Я оплакиваю поражение Бориса Спасского. Конечно, он не бросит шахматы: будет играть и будет еще брать первые призы в крупных турнирах. Но чемпионом мира ему уже стать, как мне кажется, едва ли возможно[10].

* * *

30-я партия (заметки отпускника)[11]

... Наконец, я в Москве.

Первым делом спускаюсь в метро и еду на Проспект Маркса[12].

Подхожу к Колонному залу за 3 часа до начала партии.

Билетов нет. Более того — их никогда не было и не будет. А на запертой парадной двери криво прикноплена бумажонка, на которой накарябано: *«Билеты в Лужниках»*.

Хорошо, что я все-таки природный москвич, и мне не надо спрашивать у милиционера, где это — Лужники.

Спускаюсь в метро, приезжаю в Лужники. Всего здесь касс — штук 30. Может быть, на фут-

---

[9] Дело в том, что у Карпова был великий тренер, в те годы безусловно лучший из советских шахматных теоретиков — гроссмейстер Семен Фурман. А у Спасского эквивалентного Фурману тренера не было. — *Примечание-2002.*

[10] Осторожненький прогноз... А ведь, помнится, хотелось написать просто: «Но чемпионом мира ему уже не стать никогда». — *Примечание-2002*.

[11] **Опубликовано в республиканской газете «Красное знамя» с купюрами. Январь 1985.** Все последующие примечания — 2002 год.

[12] Который был *до того* «Охотным рядом» и стал *после того* опять же «Охотным рядом».

боле они все работают. Но билеты на шахматы продают только в одной кассе. Теоретически. Потому что практически — касса закрыта, а над окошком крупно и доходчиво написано: билеты на матч продаются по субботам с 10 до 12 часов.

Очень хорошо. Но ведь сегодня — среда. Стало быть, *та суббота*, которая мне нужна, уже миновала...

Делать нечего. Возвращаюсь обратно. Но здесь уже с трех концов на дальних подступах к Колонному залу стоит ограждение, и возле узких проходов — пикеты милиции. Пропускают только счастливчиков с билетами.

Всё же я не ухожу. Опыт мне подсказывает, что на ловца и зверь бежит.

Точно! Прельстившись явно провинциальным видом моей синтетической шубы, изготовленной на швейной фабрике г. Воркуты, ко мне приближается некий субъект и задушевно осведомляется, издалека ли я приехал.

Всё ясно. На всякий случай удаляемся с субъектом квартала на два от милиционеров и там производим классическую обменную операцию по схеме: *товар — деньги — товар*.

То есть субъект вручает мне билет с номиналом 1 руб 30 копеек и плюс к тому шахматную книжечку с номиналом 0 рублей 75 копеек (итого 2 рубля 05 копеек) — а я даю субъекту 10 рублей.

Стороны поздравляют друг друга с удачной сделкой, подобно тому, как помещики поздравляли Чичикова с приобретеньицем («вот вы и приобрели-с, Павел Иваныч...»).

...Место у меня хотя и в партере, но далековато. Пожалуй, дома в Сыктывкаре по телевизору видно лучше.

Карпов — в сером костюме; Каспаров — в темных брюках и светлом пиджаке.

Карпов или сидит за столиком, или не сидит. Если сидит, то или думает над ходом, или смотрит в зал. А если не сидит, то тотчас исчезает за сценой в своем боксе.

Каспаров или сидит за столиком, или прогуливается по сцене. Сидит — сгорбившись, обхватив голову руками — обдумывает ход. В зал он не смотрит.

Когда же Каспаров прогуливается, то по нему никак не скажешь, что он находится на самом краю пропасти — проиграв уже пять партий и не выиграв ни одной[13].

Думаю, впрочем, что ему, как и всем остальным, давно уже ясно, что судьба матча решена. Наверное, это было ему ясно уже при счете 0:4. Дальнейшая игра Каспарова, скорее всего, лишь исполнение своего спортивного долга. Когда-то, в 1921 году, проиграв Капабланке ряд партий и не выиграв ни одной — Ласкер сдал матч. Видимо, Каспаров находит такой шаг неэтичным по отношению к своим болельщикам. А может быть, он думает уже о будущем матче и хочет получше разведать подходы к пока еще неприступной крепости «Карпов». Это никому не известно[14].

Во всяком случае — все это благо для нас, любителей. Ведь уже 30-я партия, а матч продолжается: «долгоиграющий проигрыватель» еще держится[15].

И партия как будто интересная. Снова Каспаров сыграл первым ходом e4 и снова, разумеется, Карпов ответил Русской партией. «Разумеется» — потому, что Карпову не на что было жаловаться в предыдущей Русской партии, где он уравнял шансы безо всякого труда[16].

...Каспаров снова жертвует пешку.

---

[13] Этот матч был «безлимитным» — игрался до шести побед без ограничения числа партий. По такой же формуле игрался великий матч Капабланка — Алехин в 1927 году.

[14] Все мы ошибались. Каспаров, перевалив уже в 1985-й год, продержался до 48-ой партии, достигнув счета 3:5 и явно не собираясь на этом остановиться! Насмерть перепуганные советские спортивные чиновники (доходчиво объяснявшие Каспарову: *«У нас уже есть чемпион мира и другой нам не нужен»)* срочно вызвали в Москву управляемого президента ФИДЕ Кампоманеса. Он впервые в истории шахмат остановил матч, объявив, что в нем нет победителя; при этом Карпов остается чемпионом, но соперники сыграют новый матч в том же 1985 году. Эта акция, призванная спасти вконец истощенного Карпова от казавшегося неотвратимым поражения (поскольку на финише этого беспрецедентного марафона выигрывал уже только Каспаров), в действительности оказалась к выгоде Каспарова. Карпов же, уступив минутной слабости и согласившись на условия Кампо — оказался неизлечимо травмирован на всю жизнь. Ведь он уже никогда не смог забыть, что добровольно отдал матч — находясь всего в одном шаге от победы!

[15] Так блестяще окрестили тогда Каспарова московские остроумцы!

[16] Дело в том, что к этому времени Карпов уже не мог позволить себе черными сложных, но обоюдоострых начал вроде Сицилианской защиты или Испанской партии. Он избегал малейшего риска, ибо поставил себе задачу не просто выиграть матч, а сделать это всухую, со счетом 6:0, чтобы Каспарову уже никогда впредь было неповадно оспаривать у него корону. Поэтому черными он играл только на ничью — для чего хорошо подходит симметричная Русская партия.

Карпов отвечает молниеносно: по всему видно, что он сумел предугадать развитие событий.

В один момент тяжелые фигуры претендента (ферзь и ладья) врываются на 7-й ряд и угрожают смести там все пешки. Зал начинает гудеть: положение чемпиона кажется опасным. Светозар Глигорич, главный арбитр матча, начинает мигать световым табло «Соблюдайте тишину», но без особого успеха.

Однако, как Карпов собирается отражать угрозы? У него ведь в игре пока один ферзь.

Но вот, продумав минут 15, чемпион делает простой ход пешкой, который никому из нас не приходил в голову. Он уводит пешку с седьмого ряда, и неожиданно выясняется, что активный ферзь Каспарова может стать добычей черных ладей — ему перекрыли диагональ для отступления.

Теперь уже Каспаров погружается в тягостное раздумье. Ясно, что этот ход он проморгал.

Карпов, расслабившись, смотрит в зал, явно не видя никого и ничего. Его мозг продолжает свою чудовищную работу — для этого гроссмейстеру вовсе не обязательно смотреть на доску.

...Наконец, Каспаров делает ход. По залу прокатывается вздох удивления и разочарования — у одних, удовольствия с долей ехидства — у других: оказывается, Каспаров уводит ферзя с седьмого ряда и ставит его на размен.

Всё ясно — можно хоть сейчас идти в гардероб одеваться, поскольку после размена получится мертво-ничейный ладейный эндшпиль. Впрочем, подожду немного: посмотрю, как *это* у них делается.

А делается очень даже просто: разменяли ферзей — раз, разменяли по одной ладье — два, пожали друг другу руки — три.

Каспаров начинает быстро двигать фигуры по доске, что-то там такое показывая Карпову. Карпов отрешенно смотрит и рассеянно кивает: так, так, мол, всё правильно.

Пожалуй, трудно и припомнить, когда противники в матче на первенство мира занимались бы совместным анализом после партии. Особенно это впечатляет, если вспомнить счет в этом матче ... Вот уж воистину — молодцы. Образец истинно спортивного джентльменского поведения показывают всему миру эти два молодых человека[17].

Итак, как завтра напишут все газеты — «очередная ничья».

Ну так что же, что ничья? Я доволен! Когда у меня будут внуки, я смогу им рассказывать, что вот, некогда и мне приходилось бывать на матче между Великим Чемпионом и Сверхталантливым Претендентом, когда оба они были в своей лучшей поре — в расцвете сил.

А внуки мои будут внимать и завидовать.

Москва, 6 декабря 1984 г.

* * *

Те же двое в зале им. Чайковского[18]

Ни на что не надеясь, 3 сентября 1985 г. я подошел к театральной кассе на станции метро «Маяковская». У стенки расположилось человек 20. На их лицах была написана железная решимость — не покидать позицию даже в случае землетрясения. Они мне поведали: по непроверенным слухам, билеты в количестве 15—20 штук будут продавать после 15 часов.

Было 13—30. До начала первой партии матча оставалось 3.5 часа. Такой шанс выпадает раз в жизни. Сомнений не было.

Я спросил: «Кто последний?»

Я сижу в амфитеатре. Внизу та же, хорошо мне знакомая сцена. Шахматисты обжили ее еще в 1951 г., во время матча Ботвинник—Бронштейн. Тогда чемпион мира Ботвинник, отдав-

---

[17] Однако впоследствии тренер Никитин категорически запретил Каспарову такой совместный анализ. Он заметил, что Карпов больше слушает, нежели говорит сам, явно мотая на ус важные для борьбы *тонкие нюансы хода мыслей* противника, о которых можно было бы только гадать — и которые наивный противник сам ему выкладывает...

[18] **Напечатано в Коми республиканской газете «Красное знамя». Сентябрь 1985.** Все последующие примечания — 2002 г.

ший три года работе над докторской диссертацией, чуть было не поплатился короной за попытку быть слугой двух господ: шахмат и науки. Молодой и талантливый Бронштейн лидировал аж до 23 партии; и лишь железная воля чемпиона (и лучшее понимание эндшпиля!) помогли Ботвиннику удержаться на троне.

В наше время уже никто не может себе позволить подобное: либо шахматы, либо что-то иное. «Совместители», даже самые талантливые, еще могут стать гроссмейстерами, но чемпионами мира — никогда. Сегодняшние шахматы пожирают человека целиком.

В марте 1954 г. я очень «своевременно» простудился и поэтому мог прогуливать школьные уроки, не опасаясь возмездия. А прогуливать было просто необходимо: на этой же сцене в борьбу с Ботвинником вступил Смыслов, перед этим повергнувший всех шахматных богатырей мира. И целых три раза я приходил сюда по вечерам и с замиранием сердца следил за единоборством наших корифеев.

И теперь невольно сравниваешь: играли ли Ботвинник и Смыслов лучше или хуже, чем Карпов и Каспаров. Ответить нелегко. Пожалуй, все-таки не хуже — но, безусловно, как-то по-иному. Те делали больше ошибок, чаша весов в их партиях колебалась чаще. Но все же, думается, в дебюте Ботвинник был не менее могуч, чем Каспаров, а в искусстве эндшпиля Смыслов не уступил бы Карпову.

Знатоки и старожилы шахматных матчей заметили еще одно «коренное отличие» нынешнего матча: 30 лет назад шахматисты сидели в центре сцены, а нынче — в глубине, у самого задника. Кто-то за моей спиной совершенно серьезно сказал: «Это чтоб от гипноза подальше!». Все сразу вспомнили скандальный матч Карпов-Корчной в Багио: истории о том, как по утверждению Корчного, его гипнотизировали «люди Карпова», и засмеялись. В той мере, в какой можно засмеяться шепотом — здесь нельзя нарушать тишину.

И еще одна забавная деталь: в отличие от прошлого матча в Колонном зале, оба игрока нарядились как бы в униформу: совершенно одинаковые серые костюмы с перламутровым отливом. Это было тотчас замечено, и было немало пересудов среди болельщиков: какой такой тонкий психологический расчет за этим скрывается! Судили-рядили, но все же решили, что это случайное совпадение.

Первый ход Каспарова угадать было нетрудно: ферзевой пешкой. На третьем ходу он позволил Карпову применить защиту Нимцовича, где черные не борются пассивно за уравнение, а сразу же затевают активную борьбу за инициативу. Но уже после 5-го хода Каспарова чемпион мира погрузился в получасовое раздумье. Стало очевидным, что примененный Каспаровым вариант оказался для чемпиона мира неожиданным. Скоро выяснилось, что черные попали под жесткий позиционный прессинг и должны искать какие-то пути к уравнению шансов. Но поиски эти были трудными, так что к 20-му ходу чемпион мира израсходовал на целый час больше времени, чем претендент.

Пока на сцене гроссмейстеры напряженно решают свои проблемы, у болельщика в зале есть время оторваться от демонстрационной доски и оглядеться по сторонам.

Вот вверху, справа от меня, в ложе оживленно беседуют два человека. Одного из них знает вся страна — это летчик-космонавт Виталий Севастьянов, Председатель шахматной федерации СССР[19]. А его собеседник, невысокий смуглый человек с сединой в волосах — Президент Международной шахматной федерации (ФИДЕ) Флоренсио Кампоманес, филиппинский шахматный мастер[20]. Так как никого в ложе больше нет, то отсюда можно заключить, что либо Севастьянов говорит по-английски, либо Кампоманес — по-русски. Оба варианта равно вероятны.

А подо мною — огороженный шнурком сектор в партере, прямо перед сценой. Это местопребывание избранников богини Каиссы — гроссмейстеров и журналистов. Там то и дело появляются и исчезают люди, которых хотя и впервые видишь так близко — давно знаешь по портретам. Вон сидит «сам» Бронштейн, иногда что-то помечает в блокноте. Наверное, готовит корреспон-

---

[19] Судя по его последующей политической ориентации — довольно крупный мерзавец.

[20] Ну, а уж этот-то — мерзавец высокого ранга, настоящий мафиозо. В совокупности эта парочка — прямо Гога и Магога.

[21] Ныне давно живущий в Израиле.

[22] Ныне давно живущим в Германии.

денцию для «Известий». А вот появляется симпатичная молодежная компания: обаятельный, улыбчивый, бородатый гроссмейстер Лев Псахис[21], двукратный чемпион СССР, вместе с блестящим триумфатором последнего межзонального — гроссмейстером Артуром Юсуповым[22] (светлые волосы до плеч, голубые глаза, косая сажень в плечах — словно бы дружинник какого-нибудь древнерусского князя) и смуглым, подвижным, чернявым новосибирским мастером Вайсером[23].

Вот заглянул, поздоровался с шахматистами и исчез наш лучший шахматный журналист — мастер Александр Рошаль. Видимо, торопится в пресс-центр, где можно громко разговаривать и разбирать варианты на доске.

А вот явился и вальяжно устроился в своем кресле благодушный, сильно погрузневший, но по-прежнему готовый к соленой одесской шутке, жизнелюбивый и остроумный ветеран — гроссмейстер Ефим Геллер[24]. Он что-то обсуждает с московским гроссмейстером Антошиным[25].

...А тучи над позицией черных между тем сгущаются. Карпов находит единственные ходы, но, по-видимому, потери пешки не избежать.

Минуты, часы летят незаметно. Справа и слева от меня счастливчики перелистывают свое приобретение — новую книгу Каспарова. Хотя в фойе продавали сотни экземпляров — всё равно на всех желающих тиража не хватило.

Волнуются, переживают, шепотом обмениваются вариантами сотни преданных болельщиков шахмат в огромном зале.

А на сцене напряженно работают, ищут, борются, творят двое лучших шахматистов мира, гордость нашей культуры.

Матч начался. Матч продолжается[26].

* * *

Матч в Севилье

(Письмо в журнал «64 — Шахматное обозрение», которое не было напечатано. Написано 21 января 1987 г. — тотчас по окончании матча на первенство мира в Севилье Каспаров-Карпов).

Как и миллионы любителей-шахматистов во всем мире, я с замиранием сердца следил за единоборством наших корифеев в Севилье. Из-за очень поздних репортажей приходилось нередко урывать время и от сна: не один ночной час проводили мы дома за анализом отложенных партий[27].

Думаю, что хотя бы одно это дает мне право иметь свое суждение о матче. Впрочем, такое право есть у всякого бескорыстного любителя, так же, как и право всякого зрителя из публики — судить об игре своих кумиров-артистов.

---

[23] Ныне давно живущим во Франции.

[24] Ныне покойный.

[25] Я его запомнил по 22-му чемпионату СССР (1955 г.), где он белыми громил самого Ботвинника. Бедный чемпион мира не вставал от доски и время от времени нервно поправлял галстук, словно бы он его душил (болельщики знали, что это у Ботвинника — верный признак плохой позиции). Увы, ничего не помогало — Антошин вынудил его отдать качество и должен был выиграть «как угодно». Но на то и щука в море, чтоб карась не дремал... Стоило Антошину лишь на мгновение расслабиться в предвкушении близкой победы, как ошеломляющей жертвой коня за пешку (с последующей поимкой белой ладьи!) Ботвинник заставил его вернуть качество, а дальше потрясенный Антошин даже не смог убежать на ничью (хотя такая возможность у него была). При доигрывании, после своего фирменного домашнего анализа — Ботвинник, уже в глубоком ферзевом эндшпиле, железной рукой довел партию до победы.

[26] Эту первую партию Карпов проиграл. Как это обычно бывало в шахматной истории — тот, кто проигрывает первую партию, проигрывает и матч. 9 ноября 1985 года, выиграв последнюю партию, чемпионом мира стал Каспаров; он оставался в этом качестве 15 лет — до 2000 года (когда проиграл Володе Крамнику матч в Лондоне). Впрочем, и после этого (случайного) проигрыша результаты Каспарова были несравнимо выше результатов суперталантливого, но мало честолюбивого и не любящего себя особенно утруждать Володи Крамника. Но увы, все яростные публичные взывания Каспарова — что Крамник, дескать, «морально обязан» (ибо юридической обязанности у чемпиона давно не было) вызвать его на матч-реванш — никакого понимания у Крамника не находили (он ведь себе не враг...).

[27] Это уже достояние истории — теперь, когда при анализе позиции шахматисту может помочь компьютер — партии больше не откладываются.

Я должен сказать, что совершенно не согласен с оценками матча рядом авторитетов, сделанными тотчас по его окончании. Например, утверждали, будто бы матч был исключительным достижением шахматной мысли, и что-де партнеры своей игрой в очередной раз доказали, что им в мире нет равных.

Во-первых, играя друг с другом, доказать это никак невозможно. Если они что и доказали, так это то, что и они, оказывается, способны допускать в своих партиях множество ошибок, как и гроссмейстеры рангом ниже. А мы-то уже привыкли к тому, что Карпов и Каспаров отличаются от «остального мира» как раз практической безошибочностью своей игры. Севильский матч показал, что это не так.

Во-вторых, если партии, наполненные грубыми ошибками (вплоть до простых зевков), рассматривать как достижение, то что же тогда — провал?

Рассмотрим игру партнеров и начнем с чемпиона мира.

Как-то Каспаров жаловался, что-де телевизионные комментаторы чересчур стерилизовали свои оценки, опасаясь обидеть шахматистов. Вроде бы чемпион мира призывал журналистскую братию к большей откровенности.

Ну что же — гласность так гласность.

Я считаю, **что** ***севильским матчем чемпион мира сильно подорвал свой престиж.*** И дело отнюдь не в ничейном счете матча, потому что (по крайней мере сейчас) Каспаров не был сильнее Карпова. Дело в том, *как* он проигрывал. Во всех своих проигранных партиях (и в особенности — в первых) Каспаров объективно демонстрировал своё, так сказать, «шахматное неуважение» к противнику. Мы видели (весь мир видел!) лихие импульсивные наскоки, шапкозакидательство, упорное нежелание (а может быть просто неумение?) пассивно (но крепко) защищаться, игру по принципу «пан или пропал».

Всякий чемпион мира — это законодатель мод в шахматном мире. Позволительно спросить: какую же моду предлагает своим поклонникам чемпион мира? Некорректные атаки в стиле Ф. Маршалла или А. Толуша?

Разбирая партии, я отказывался верить своим глазам: казалось бы, на дворе снова стоит год 1984-й, а не 1987-ой...

Как? Неужто гроссмейстер, который в результате точно такой же некорректной игры в первом матче 1984—1985 гг. имел с Карповым 0:5 — так ничему и не научился? Неужто за три (!) матча он не осознал, что Анатолий Карпов — это не тот шахматист, с которым можно играть *таким образом*?

Создавалось впечатление, что Каспарову было *мало* просто обыграть Карпова: он непременно желал произвести сие эффектно, в комбинационном стиле, запутать Карпова в осложнениях. Мне кажется, что истоки такого подхода к игре — в той знаменитой 16-ой партии из ленинградской части матча-реванша-1986, где Каспаров ухитрился выиграть, отдав на съедение весь свой ферзевый фланг. Вроде бы специалисты доказали, что игра Каспарова была не вполне корректной. Однако, вероятно, с тех именно пор Каспаров уверовал в то, что может позволить себе *так* играть с Карповым...

Может быть, настало время признаться читателям, что я болел за Каспарова. И я *огорчен* тем, что Карпов не сумел его наказать так, как он того по справедливости заслуживал — только это могло бы привести чемпиона мира в чувство.

Я считаю Карпова моральным победителем этого матча. Хотя бы оттого, что он лидировал, а Каспаров только отыгрывался.

Однако в шахматном отношении игра Карпова отнюдь не была столь уж прекрасной, как нас уверяли некоторые комментаторы. Ничуть не уступив Каспарову в тактике — он в целом ряде партий продемонстрировал довольно подозрительные стратегические решения. Многое следует «списать» на спортивный фактор — он откровенно вызывал огонь на себя. Многое, но не всё. Мы избалованы самим же Карповым, и откровенно говоря, еще не привыкли встречать в его партиях просто слабые ходы: у прежнего Карпова таких ходов не было.

Итак, сомнительная, а иногда и грубо-ошибочная стратегия — это первое. Второе — это тактика игры «на задней линии». Со спортивной стороны она оправдалась блестяще: раззадоренный Каспаров то и дело «выходил к сетке» и пропускал очередной мяч. Браво, Карпов, но...

Но если Карпов желал доказать шахматному миру, что он *сильнее* (а не просто «не слабее»), то он должен ведь и что-то *утверждать*, отстаивать какие-то концепции. Неужели такой кон-

цепцией можно счесть разыгрывание раз за разом траченного молью безобидного варианта защиты Грюнфельда, не дававшего белым никакого преимущества? Да, Карпов сурово оппонировал Каспарову. Но все же одного этого мало — надо и создавать что-то самому.

Наконец, третье. Как бы ни расхваливали Карпова за спортивные качества (а этим в нашей прессе увлекались многие), факт остается фактом: Карпова подвели именно спортивные качества.

Вспомним. В первом матче (1984—1985) при счете 5:0 он не может выиграть одну-единственную, решающую партию. Во втором матче (1985) он не может белыми выиграть белыми последнюю решающую партию, чтобы свести матч вничью и остаться чемпионом мира. В матче-реванше (1986), после своего беспрецедентного «хет-трика» (3:0!), имея огромное психологическое преимущество, он не может использовать белый цвет в 21-ой и 23-й партиях. И наконец, в Севилье — имея лишнее очко (как Каспаров в 1985) — он не сумел устоять в последней, решающей партии...

Ясно, что это уже не случайность — это закономерность. Она состоит в том, что ***будучи вообще-то прекрасным борцом, Карпов дает слабину в момент самого высшего напряжения.*** Тогда как Каспаров, со своей пресловутой импульсивностью, как правило, уступающий Карпову в выдержке и хитрости, — наоборот, именно в решающие, судьбоносные моменты — проявляет поразительную самодисциплину, решимость и мощный напор.

Подведем итоги.

Верно, что севильский матч был исключительно зрелищным. Но не надо впадать в эйфорию и утверждать, что-де он был «самым-самым». Ничуть не менее зрелищной была концовка матча Ботвинник — Бронштейн в 1951 году или финал прошлогоднего матча-реванша. Верно, что оба великих шахматиста в яростных схватках проявили все грани своего таланта, все ресурсы своего духа — но шедевров, увы, они нам не создали; в матче было слишком много ошибок.

Я думаю, что анализ этих ошибок — тактических, стратегических и психологических — будет для шахматного мира много полезнее, нежели огульное захваливание Каспарова или Карпова. Они, право же, в этом не нуждаются.

* * *

Битва титанов[28]

(Размышления о матче Каспаров — Карпов)

По регламенту первые 12 партий матча проводятся в Нью-Йорке, вторые — в Лионе. Мало кто знает, что в регламенте есть любопытный пункт: все 12 партий играются в Нью-Йорке лишь в том случае, если ни один из партнеров не добился ранее перевеса в 2 очка. Например, после 10 партий, но при счете 6:4 в пользу Карпова, участники должны были бы уже отправиться в Лион. Вероятно, этот странный пункт был внесен организаторами из опасения, что решающее превосходство Каспарова в первой половине матча (а это предсказывали все ЭВМ...) может сбить ажиотажный интерес к его второй половине. И, таким образом, французы оказались бы обделенными по сравнению с американцами.

Сейчас эта предусмотрительность организаторов представляется просто смехотворной.

Перед матчем

Предматчевые выступления соперников полностью вписывались в их имидж, который они создали себе в публике на протяжении шести предыдущих лет своего небывалого соперничества.

Каспаров выступал в стиле американских борцов-кэтчистов, которые, выходя на ринг, вначале осыпают своего соперника всевозможными ругательствами. Американцы к такого рода штукам относятся совершенно спокойно — не так, как европейцы. Будучи в свое время протеже Гейдара Алиева, этот новоиспеченный российский демократ с замашками типичного большевика, не устает повторять, что Карпов для него олицетворяет не шахматного, а политического против-

[28] **Опубликовано в газете «Красное Знамя» за 11 ноября 1990 г. Вторая часть этого очерка (с описанием последующих 12 партий лионской половины матча) опубликована в №№ 4 и 5 сыктывкарской газеты «7 дней» за январь 1991 г. под заголовком «Два великих «К».**

ника. Тем самым Каспаров убивает одним выстрелом двух зайцев: (а) он приумножает свой политический капитал, (б) он принижает значение Карпова как шахматного мастера.

Второе очень существенно. Дело в том, что Карпов-шахматист — это постоянно действующий источник головной боли Каспарова. Реальное существование Карпова, так сказать, противоречит законам природы. Действительно, по своему рейтингу, имеющему ныне просто фантастическую величину (больше, чем в свое время у Фишера) — Каспаров должен «теоретически» быть на целую голову сильнее Карпова (рейтинг которого намного скромнее). Однако превратить этот «теоретический» перевес в очки ему никак не удается. Например, теоретически (по рейтингам) соотношение шансов Каспарова и Карпова должно быть 60:40, а вот практически оно уже долгие годы устойчиво держится где-то на отметке 51:49. То есть Каспаров посильнее, но совсем немного, чуть-чуть. И притом не всегда и не везде...

Вот поэтому Каспаров заявил перед матчем, что он всего достиг в шахматах, кроме одного: он еще ***не разгромил*** Карпова. И вот эту задачу (разгромить!) он и ставит перед собою в матче.

А что же Карпов? А Карпов, как и в предыдущие годы, вел себя перед матчем несравненно умнее, памятуя русскую пословицу: не хвались, идучи на рать, а хвались, идучи с рати. Во-первых, он не утверждал, что он обыграет, или тем более — разгромит Каспарова. Однако он высказал свое твердое убеждение в том, что он — *не слабее* чемпиона мира. Победа же, по мнению Карпова, определится не шахматной силой, а спортивной формой и психологической устойчивостью противников. Во-вторых, он отнюдь не отрицал своего прямого участия в брежневской политической мифологии. Однако он ехидно указывал, что и у «демократа» Каспарова рыльце явно в пушку, так как в годы своего восхождения он вынужден был опираться на партийно-мафиозные круги Азербайджана, да к тому же из карьерных соображений был в составе ЦК комсомола этой республики...

В общем, на мой взгляд, поле предматчевого сражения осталось за Карповым: его сдержанность, любимая советским народом «скромность» и вместе с тем (по Дж. Оруэллу), «выражение спокойной силы» — импонируют многим гораздо больше, чем яростно-петушиные наскоки Каспарова, за которыми, при желании, можно усмотреть неуверенность в успехе.

Течение матча

Уже с первых ходов матча стало ясно, что Каспаров включил в свой дебютный репертуар староиндийскую защиту. Играть эту защиту очень рискованно: это дебют без запаса прочности. Правда, можно победить черными, но гораздо «проще» проиграть, а вот ничью сделать сложнее всего. И в предыдущих матчах «старуха» (как ее фамильярно именуют шахматисты-профессионалы) появлялась на сцене только эпизодически.

Первая партия

Столкнувшись со «старухой», Карпов (белые) избегает осложнений, играет крайне осторожно. Каспаров легко уравнивает позицию и делает ничью. Небольшая моральная победа черных.

Вторая партия

Соперники разыграли испанскую партию. Тот, кто не умеет играть испанскую и белыми и черными, тому нечего делать на шахматном троне: это воистину королевский дебют. Ранее в этом начале соперники обменивались тяжелыми ударами.

Каспаров применяет эффективную новинку, за ней следует совершенно не очевидная комбинация. В итоге позиция черных просто разваливается, Каспаров несколькими ходами съедает половину пешек соперника. Потрясенный разгромом, Карпов, по-видимому, просто не успевает вовремя сдаться — и делает это с большим опозданием. Каспаров выходит вперед: 1.5:0.5.

Третья партия

Настоящая жемчужина матча! Опять староиндийская, но теперь Каспаров показывает всё, на что способен. Он буквально творит чудеса на доске: его две легкие фигуры оказываются сильнее ферзя Карпова. Карпов понимает, что проиграть *такую* партию — это нечто большее, чем

просто потерять очко. Поэтому он яростно обороняется, с готовностью возвращает пожертвованного ему ферзя и старается сделать ничью. Судьба вознаграждает его упорство: незадолго до контроля Каспаров делает помарку и теряет пешку; из выигранной его позиция становится сомнительной, а по мнению некоторых знатоков, даже худшей. При доигрывании партия кончается вничью. Это закономерно, поскольку отложенная позиция, как показал анализ, была равной.

Так заканчивается эта грандиозная партия, которая в ясной, очищенной форме обнажает суть единоборства Каспаров — Карпов.

Каспаров — несомненный гений. Его творческая мощь поражает и более всего подобна вулкану. Никто в мире не может вынести за доской этого извержения. Никто — кроме Карпова! Он, сохраняя ясную голову, подвергает придирчивому критическому анализу все то, что выбросил бурлящий каспаровский вулкан. И беспощадно бракует все второсортное в творчестве Каспарова. Будучи сам гением, он как бы выплавляет из необогащенной каспаровской руды крупицы чистого золота — то, что останется в шахматах навеки. Ибо шахматное творчество — это творчество двоих, а не одного. Без Карпова — нет Каспарова! Но и Карпов без Каспарова как-то тускнеет, становится менее интересен.

Четвертая партия

Снова испанская. Каспаров не прочь повторить свой триумф во второй партии и вновь предлагает Карпову серию жертв. Карпов думает... и забирает почти все предложенное. В итоге белые (Каспаров) остаются, так сказать, у «полуразбитого» корыта и вынуждены форсировать ничью вечным шахом.

Пятая партия

Опять староиндийская. О ней очень выразительно сказал гроссмейстер Ратмир Холмов в «Советском спорте»: *«Исключительно бесцветная и пресная партия!»*. Это то, что называется гроссмейстерской ничьей. Таким путем партнеры, не беря тайм-аут, пытаются отдохнуть.

Шестая партия

Похоже, что Каспарову отдохнуть удалось. Он снова белыми бросается в бой. Опять испанская, Каспаров красиво жертвует пешку и развивает мощное давление. Карпову не привыкать защищаться, но все же в этот раз кажется, что вот-вот его бастионы падут. Перед самым контролем Каспаров делает один (только один!) неточный ход — и Карпов, словно скользкий уж, выскальзывает из тисков. В отложенном положении позиция Каспарова смотрится более красиво, но и только. Ничья, но — моральная победа Карпова!

Шестая партия обозначила конец первого этапа матча. Он проходил под знаком яростного натиска чемпиона мира: Каспаров непрерывно что-то жертвовал и белыми, и черными. Специалисты захлебывались восторженными откликами на творческое содержание партий, причем имя чемпиона было у всех на слуху, словно бы он играл сам с собой. Про Карпова как-то позабыли ... Однако счет говорил сам за себя: если при таком мощном напоре чемпион мира не сумел добыть в шести встречах больше одного очка перевеса — то что же будет, когда вектор напора изменится? Что будет, когда защищаться придется уже Каспарову?

Седьмая партия

Произошло то, что опытные специалисты, хорошо изучившие обоих противников, могли предвидеть. В шахматах, как и в футболе: не забиваешь ты — забивают тебе. Каспаров не использовал в предыдущих партиях несколько явных голевых моментов — значит, он мог ждать расплаты. Седьмую партию гроссмейстер Карпов играл белыми в своей манере — уверенно и спокойно. Между тем, игра Каспарова была похожа на игру школьника в сеансе одновременной игры с гроссмейстером ... Совсем ничего не получив в своей «старухе», Каспаров задергался, не пожелал вести кропотливой нудной защиты безо всяких шансов на выигрыш (с мечтой только о ничьей) — и просто грубо зевнул несложный тактический удар Карпова. Чемпион мира остается без пешки — и весьма позорно проигрывает. Этим он не только потерял с таким трудом заработанное лишнее очко. Он потерял ореол превосходства, который окружал его в первых шести партиях. Стало ясно: а превосходства-то нет, Каспаров нервничает и может, оказывается, грубо ошибаться.

Так, при счете 3.5:3.5 по существу начался как бы новый матч. Однако он начался уже в заметно лучшем положении для Карпова. Дело в том, что Каспаров уже «промотал» свои испанские и староиндийские домашние разработки — а новых в условиях матча быстро получить нельзя. Следовательно, роль домашней лаборатории резко снижается, и теперь исход единоборства будет определяться в основном за доской. Победит вовсе не тот, кто сделает больше хороших ходов; победит тот, кто просто сделает меньше ошибок...

Восьмая партия

В матче явно произошел перелом, хотя внешне все выглядело знакомо: испанская партия, Каспаров яростно атакует, Карпов пребывает в глухой защите, делая нарочито «провокационные» ходы — казалось бы, самые опасные из всех возможных. Но это — игра на нервах противника. И к 30-му ходу наступает кризис. Вместо того, чтобы сделать несколько точных и аккуратных ходов, лишающих Карпова последних шансов, — Каспаров внезапно бросается в рукопашную, не обеспечив тылы. Следует моментальное возмездие, и Каспаров откладывает партию без пешки и в самом плачевном положении. Выиграй Карпов эту партию — и может быть, противниками пришлось бы до срока укладывать чемоданы и ехать в Лион далеко не в равном настроении. Но позиция была так сложна (а Каспаров искусно поддерживал ее сложность), что Карпов едва успевал сделать ходы, по-видимому, несколько раз упустив выигрыш. Итак, оказавшись в свой черед «в партере», Каспаров устоял: 4:4.

Девятая партия

Она показала, что чудовищные перегрузки в предыдущей партии не прошли даром. В перспективной для белых позиции (где Каспаров мог лишь мечтать о ничьей) Карпов допускает механическую перестановку ходов, просто-напросто «зевая» центральную пешку — красу и гордость позиции. К счастью, нашлась форсированная ничья, а то дело могло обернуться нулем. Шахматный мир был ошарашен. Обычно в матчах на первенство мира гроссмейстеры начинали заметно уставать где-то в районе 16—18 партий, а здесь — сыграно всего 9... Счет равный — 4.5:4.5.

Десятая партия

В ответ на ход королевской пешкой Карпов обратился к русской партии. Очевидно, испанская поставлена на капитальный ремонт. Так он поступал и раньше, когда «испанские пытки» становились для черных невыносимыми. Считают, что в русской партии черные могут без особых хлопот сделать ничью (хотя и не могут помышлять о выигрыше). Каспаров, конечно, был готов к перемене дебюта и вытащил из архива вариант, который они раньше с Карповым не играли. Но Карпов это явно «вычислил» и огорошил противника превосходной новинкой на восьмом ходу. Нашла коса на камень, и потому — ничья на 18-ом ходу — маленькая моральная победа Карпова.

Одиннадцатая партия

Снова Каспаров создал на доске необыкновенную ситуацию. Сперва он в своей излюбленной «старухе» отдает качество (ладью за слона) — событие довольно ординарное. Удивительно другое — как он играл с материальной недостачей. Он вовсе не стремился немедленно отыграть материал, а спокойно улучшал позиции своих фигур. Уже в который раз каспаровская игра находится за пределами понимания не только нас (простых любителей), но и маститых гроссмейстеров. Однако своим жестким 22-ым ходом Карпов принудил противника определиться: либо отыграть материал и получить худшую позицию, либо — пожертвовать еще половину своего войска и сделать вечный шах. Очевидно, что выбора у Каспарова не оставалось: ничья! Как видим, Карпов «за красоту» очков не выдает — только за победу. За яростное, изнурительное самосожжение в огне атаки, развязанной уже в дебюте, Каспаров получает всего пол-очка. Конечно, ничья черными — это, вообще говоря, благо, но надолго ли хватит чемпиона мира при такой беспощадной игре?

Двенадцатая партия

Последний «белый» шанс Каспарова. Снова испанская. Каспаров первый сворачивает с накатанной дороги, но никаких дивидендов не получает. Более того, постепенно чемпион мира, утеряв-

ший нить игры, оказывается позиционно переигран. В момент, когда над позицией белых уже начали сгущаться тучи, Каспаров осуществляет тотальные размены, от которых и Карпову, похоже, трудно уклониться без риска. К тому же сильно измотанные матадоры находились в цейтноте. Ничья!

Итак, скоро в Лионе при счете 6:6 как бы начнется новый матч из 12 партий. Очки в нем будут уже гораздо весомее: разрыв в два очка или даже в одно — может оказаться непоправимым. Напомню читателям, что в предыдущих четырех матчах между Карповым и Каспаровым счет после 12 партий был таким:

Первый матч 1984/85 гг. (безлимитный) в Москве: 8:4 в пользу Карпова.

Второй матч 1985 г. в Москве (24 партии): 6:6.

Третий матч 1986 г. (матч-реванш на тех же условиях), половина которого проходила в Лондоне. Здесь впереди был Каспаров: 6.5:5.5.

Четвертый матч 1987 г. в Севилье, тот же счет 6.5:5.5 в пользу Каспарова

Из этих «исторических» сведений следует очень странный вывод: как бы они ни играли первые 12 партий, это в конечном счете оказывается неважным, ибо судьба всех матчей решалась только на финише!

А это значит, что нас ожидают новые, захватывающие переживания.

Антракт

24-го ноября, «отработав» свои заключительные телешоу в Нью-Йорке, и, по всей видимости, хорошо отдохнув, оба великих «К» вновь сели за доску уже в Европе — в Лионе. Однако здесь их ждал настоящий сюрприз, если это слово понимать буквально, как «сверх-приз»! Известная ювелирная фирма «Корлофф» изготовила две сцепленные спинками буквы «К» из драгоценных металлов, обсыпала это пятикилограммовое произведение бриллиантами и посулила сие (стоимостью 1 млн. долларов) — победителю. Так что стоит научиться играть в шахматы тем, кто этого еще не сделал: дело вполне денежное...

В антракте между нью-йоркским и лионским раундами тональность высказываний Каспарова заметно изменилась. Было очевидно, что ничейный счет в первых 12 партиях травмировал чемпиона мира. Где уж там «разгромить» Карпова (что обещал Каспаров перед матчем) — тут одно-единственное лишнее очко чемпион счел бы за благо. Поэтому, хотя Каспаров и жаловался на упущенные возможности, все же делал он это в форме, не обидной для экс-чемпиона. Ему он, наконец, отдал должное.

Карпову же ничего в своих высказываниях изменять не пришлось. Он придерживался удачно найденного юмористически-оптимистического стиля. Он не отрицал того факта, что чемпион мира тоже иногда может неплохо играть в шахматы ... Но недвусмысленно давал понять, что этого совершенно недостаточно для какой-либо амбициозности. Ведь счет 6:6 ни в каких комментариях не нуждался.

Итак, если предматчевый словесный поединок выиграл Карпов, то небольшая пикировка в антракте, как мне кажется, закончилась вничью: оба проявили разумную сдержанность в своих высказываниях.

Ход матча

13 партия

У Карпова белые, снова его первый ход — ферзевой пешкой. Вместо подозрительной староиндийской защиты Каспаров возвращается к защите Грюнфельда, где он чувствует себя по-домашнему. Однако не будем забывать, что именно в этом дебюте Карпов не единожды посылал соперника в нокаут, ибо Каспаров постоянно переоценивал свои шансы. К 15-му ходу на доске возникло равновесие, может быть, даже чуть более приятное для Каспарова. Видимо, так думал и он сам. Однако, едва партия перешла в эндшпиль, Карпов красиво пожертвовал качество, угрожая прихватить еще и пешку — и получить лучшую позицию. Нокдаун! Все же Каспаров устоял: успел вовремя вернуть качество, затем вполне оправился от удара и уверенно сделал ничью.

14 партия

В матче произошла микро-сенсация. Каспаров вновь сыграл королевской пешкой, но на приглашение к испанской — внезапно ответил романтической шотландской партией! Современные гроссмейстеры давно уже не играют такие дебюты — очень уж они «исхожены» предшествующими поколениями мастеров. Однако для шахматных королей законы не писаны — на то они и короли.

На доске завязалась яростная схватка. На стремительное и опасное нападение Каспарова — Карпов ответил мощной контратакой. Счастливые зрители затаили дыхание. Их восхищение подогревалось еще и тем, что Карпов находил блестящие ходы в условиях жестокого цейтнота. Более того — на «висящем флажке» он отказался от повторения ходов (чтобы форсировать ничью) и успел отложить партию: а вдруг еще можно выиграть? Но когда дым сражения рассеялся, оказалось, что — нет, нельзя.

Итак, ничья, но какая! Словно бы играли не Каспаров с Карповым в 1990-м году, а великий Морфи с великим Андерсеном в 1858-м...

15 партия

Снова защита Грюнфельда. Видимо, она вполне устраивает обоих. Можно думать, что Каспарова привлекает возможность иметь активную контригру, а Карпова — сразу две вещи. Во-первых — надежная позиция у белых; во-вторых, как показал опыт, Каспаров часто неосторожно открывается для удара, успокоенный удачно проведенным дебютом. Так оно все и было. В результате фундаментальной игры, Карпов к 15-му ходу достиг позиции, где у него был форсированный выигрыш. Но он этого не заметил, и момент был упущен... Избежав опасности, Каспаров ловко и уверенно сделал ничью.

16 партия

Снова — шотландская?! Значит, каспаровский «вулкан идей» еще не иссяк. Трудно сказать, насколько доброкачественны были эти идеи, но Карпов в этот раз играл слабее, чем в 14-й партии и попал в проигрышное положение. Однако получить против Карпова выигрышную позицию и выиграть — это не одно и то же. Первое Каспарову удается довольно часто, а вот второе... В трудных положениях, при нехватке времени, в Карпове просыпается «лев рыкающий», и сила его игры удваивается: он находит фантастические ходы. И наоборот — Каспаров, имея перевес, частенько начинает играть поверхностно и торопливо.

Короче говоря, к моменту откладывания (после 40 ходов) у белых было качество за пешку, но худшее для Карпова уже было позади. Во всяком случае, никто не брался указать ясного плана выигрыша для Каспарова.

При грандиозном двукратном доигрывании этой партии произошло как бы исчезновение Каспарова: казалось, что по обе стороны доски находится по Карпову. Ибо Каспаров играл терпеливо, маленькими шажками, по крупицам улучшал позицию и наконец выиграл пешку. Теперь у него уже было чистое качество (ладья и слон против коня и слона). Тем не менее, в ответ на это «настоящий» Карпов соорудил ничейную крепость, в которую его противник тщетно пытался проникнуть. Что же — ничья?

В этом марафонском поединке была одна техническая деталь, неизвестная неискушенным болельщикам: так называемое «правило 50 ходов». Если в течение 50 ходов на доске не изменится расположение пешек, то слабейшая сторона вправе требовать признания партии ничьей. Так вот: две оставшиеся на доске пешки уткнулись друг в друга на 64-м ходу. Поэтому, когда партия была вторично отложена на 89-м ходу (!) — Карпову достаточно было продержаться 25 ходов и требовать у судьи признания ничьей.

Однако Каспарову понадобилось для победы только 13 ходов. Правда, для этого перед вторым доигрыванием он даже брал тайм-аут, чтобы отшлифовать трудный анализ[29].

Итак, впервые в Лионе Каспаров вышел вперед: 8.5:7.5.

---

[29] Вот почему, с появлением сильных шахматных компьютеров, все откладывания партий были запрещены — и соответственно ночные домашние анализы ушли в историю...

17 партия

Одна за другой две сенсации. Во-первых, Карпов не взял тайм-аут, предпочитая залечивать свои раны в бою. Во-вторых, Карпов нанес сокрушительный удар и тотчас сравнял счет!

Все было как по писаному. Снова защита Грюнфельда, снова у Каспарова после дебюта прекрасная позиция, и снова он полагает, что может легко и без хлопот сделать ничью. С этой целью он благодушно ставит на открытую линию ладью — для размена. Если Карпов меняется, то мирное соглашение не за горами. Но Карпов не меняется — внезапно он внедряется своей ладьей в самую гущу боевых порядков черных! Оказывается, размечтавшись о ничьей, Каспаров проморгал двухходовую матовую угрозу. Так, одним мощным маневром ладьи, Карпов сразу получает лучшую позицию. Однако Карпов с преимуществом — это совсем не то, что Каспаров с преимуществом. В таких ситуациях Карпов тотчас превращается в кровожадного тигра: за 15 ходов он буквально растерзал позицию чемпиона.

Счет снова сравнялся (8.5:8.5), но при моральном торжестве Карпова. Ведь одно дело — «вымучить» очко в нудной 102-ходовой партии, и совсем другое — победить столь эффектно и быстро.

18 партия

Просто не хватает слов для описания этого единоборства. Казалось бы, изможденный ночными анализами, доигрываниями и вдобавок нокаутированный в предыдущей встрече — Каспаров едва ли вообще сможет играть. Но Каспаров является на игру и ровно через месяц после последней испанской партии в Нью-Йорке поднимает брошенную Карповым перчатку — принимает вызов на новый испанский поединок.

Едва лишь началась эта партия, как стало ясно, что смелость чемпиона была безрассудной. Ибо Карпов со своим штабом подготовили новую систему, очень ядовитую. Суть ее в том, что черные жертвуют пешку, но зато остаются с двумя слонами против двух коней. Одно лишь это сулит им равенство. Но если, используя дальнобойных слонов, удастся еще и отобрать пешку назад — то черные получат преимущество.

Застигнутый врасплох чемпион каждый свой ход обдумывает мучительно долго, а Карпов, наоборот, играет подчеркнуто уверенно и молниеносно (известный психологический прием: мол, думай не думай, а дела твои, парень, плохи — у нас все наперед проанализировано...). В воздухе стали чудиться признаки второго подряд поражения чемпиона мира.

Кризис разразился на 21-ом ходу, когда Карпов вроде бы осуществил свой план — и приготовился вскрыть игру для своих страшных слонов. В этот решающий момент Каспаров находит гениальный ход ферзем, не позволяющий противнику ни вскрыть игру, ни отобрать пешку. Таким образом, как выражаются на шахматном жаргоне, он «нашел дыру» в домашнем анализе Карпова.

Теперь роли переменились, и настал трудный час Анатолия Карпова, причем в буквальном смысле: над ответным ходом он продумал 64 минуты! В поисках спасения он, как и обычно, попытался затянуть Каспарова в водоворот осложнений. Но в этот раз чемпион не потерял благоразумия; он удержал перевес до откладывания партии и при доигрывании четко реализовал его. Счет стал 9.5:8.5.

Диву даешься, что у них за игра: то 9 ничьих подряд (с 8-й по 16-ю партию) то подряд три результативные партии!

Теперь специалисты качают головой и говорят со значением, что шансы Карпова малы, ибо в оставшихся шести встречах ему надо набрать 4 очка, а Каспарову достаточно только 2.5. Но мы-то знаем цену этой арифметике: на самом деле, надо считать не очки, а победы. Карпову нужна всего одна победа, чтобы сравнять счет. А потом... потом как-нибудь... еще одна. Поэтому я думаю, что экс-чемпион не унывает — еще ничего не потеряно.

19 партия

Одна из тех загадок, которые проясняются после партии, а бывает, что и через много лет. Чужая душа — потемки; никто не знает, о чем думает гроссмейстер, принимая ответственное решение. Например, в 1960 г., в матче с Ботвинником один свой странный ход Михаил Таль объяснил тем, что... собирался вечером пойти с женой в театр.

Девятнадцатая партия закончилась очень странно и неожиданно: при полной доске фигур, в сложнейшей, но перспективной позиции, явно в его вкусе — Каспаров предложил ничью! А после партии объяснил, что-де заранее настроился на ничью черными и поэтому не имел достаточно куража для затяжной борьбы. Может быть, может быть... Во всяком случае, Карпов не стал ломаться и отказываться от столь неожиданного подарка. Видимо, они оба были не прочь добавить себе перед финишем еще один день отдыха (четверг, 13 декабря) к законному выходному в пятницу.

Что же было в партии? Гроссмейстеры впервые в Лионе разыграли староиндийскую защиту. Очевидно, что «Грюнфельд» на какое-то время разонравился Каспарову. Карпов захватил пространство в центре, отказался от рокировки и затеял замысловатые маневры в своем лагере, приглашая Каспарова лезть на рожон. Чемпион не заставил себя упрашивать: он тотчас рванулся вперед, пожертвовал пешку за инициативу, напал ладьей на ферзя... а финал читатель уже знает.

Итак, Каспаров делает ставку на свой белый цвет в субботу 15 декабря.

20 партия

Анатолий Карпов посеял ветер, но пожал бурю. Второй раз в этом матче он подвергся жесточайшему разгрому. Часто ли увидишь, как великому Карпову в одной партии жертвуют пешку, затем коня, слона и наконец ферзя... На падающем флажке он на 38-м ходу даже не успел сдаться и сделал еще три «лишних» хода.

Эта грандиозная испанская по рисунку игры повторяла 4-ю и 2-ю партии. Четвертую — по избранному Карповым острейшему дебютному варианту, а вторую — по патентованной каспаровской жертве фигуры на поле h6. Карпов бросился в схватку, мужественно приняв жертву пешки. Разумеется, он знал, что за это подвергнется мощной атаке. Но он решил потерпеть — в надежде, что Каспаров, как не раз бывало, где-нибудь сыграет чересчур лихо. Но увы — на этот раз Карпов ничего не смог противопоставить ударному кулаку белых фигур на своем королевском фланге. Атака белых накатилась столь стремительно, что черные фигуры не поспели на выручку своего короля.

Итак, одержав «чистую» победу в эффектном комбинационном стиле, Каспаров практически обеспечил себе победу в матче. Чтобы вернуть корону, Карпову при счете 9:11 нужно в оставшихся четырех партиях набрать 3.5 очка. Даже его самые преданные болельщики осознают, что это нереально. Да и Каспаров не в шутку «разъярился» на финише: ведь он подряд выиграл все три своих «белых» партии!

Однако, остался ли у Карпова стимул к продолжению борьбы? Безусловно! Даже если он отыграет одно очко, он спасет честь: все-таки счет 11.5:12.5 указывает на примерное равенство сил. Если же он выиграет дважды (а в Ленинграде в 1986 г. он сумел победить трижды подряд!), то при счете 12:12 Карпов получит еще и ровно половину приза...

Все это значит, что острые ощущения нам гарантированы до конца матча.

21 партия

Угадать дебют было не так уж сложно. Поскольку староиндийская снова стала получаться у Каспарова очень здорово, то можно было ожидать ее повторения. В отличие от бесцветной выжидательной игры в 19-й партии, на этот раз Карпов действовал более агрессивно. Тем не менее, когда общими усилиями на доске была построена очень сложная (и очень типовая) позиция, выяснилось, что преимущества у белых нет. Некоторые специалисты даже отдавали предпочтение черным. Однако Карпов обожает именно такие позиции неустойчивого равновесия, тогда как Каспаров чувствует себя в них менее уверенно. И дальше как-то незаметно, без явных промахов со стороны черных, к моменту откладывания на доске сложилось положение, в котором о выигрыше могли помышлять только белые. Хотя в опасности находились оба короля, но очередь хода была за Карповым — и это было важным обстоятельством. Во всяком случае, в анализе многие варианты кончались разгромом черных.

Не знаю, спал ли Каспаров в эти сутки, предшествующие доигрыванию ... Но доигрывание показало, что чемпион угадал секретный (записанный) ход Карпова, прекрасно проанализировал положение и продемонстрировал безупречную активную защиту. Правда, Карпов сумел выиграть коня за две пешки, но для победы этого не хватило. Ничья — и счет в матче стал 11.5:9.5.

Итак, фактически Каспаров заработал пол-очка стоимостью в миллион долларов. Ибо вероятность того, что Карпов сравняет счет, стала теперь безнадежно малой: для этого ему нужно победить дважды подряд.

22 партия

Матч окончен — матч продолжается! Именно так можно сказать после этой партии, решившей судьбу шахматной короны на предстоящее трехлетие.

Любители «роковых» чисел могут вспомнить, что матче-реванше 1986 г. (Ленинград), придя в себя после неслыханных в его карьере трех рядовых нулей, именно в 22-й партии Гарри Каспаров сумел победить и этим уберег свое звание.

В этот раз его устраивала ничья, ибо набрав 12 очков, он сохранял свое звание. В дебюте промелькнул и сгинул любопытный психологический сюжет, понятный квалифицированным шахматистам, которые знают этот «вариант Зайцева» в испанской партии. (Гроссмейстер Игорь Зайцев — тренер Карпова, один из самых плодовитых аналитиков мира). В этом варианте черные на 11-м ходу как бы приглашают белых повторить ходы и таким нехитрым образом сделать ничью. Но Каспаров оставил это приглашение без внимания. Скорее всего, и Карпов, зная задиристый нрав соперника, ничем не рисковал (а «риск» был в том, что Каспаров возьмет да и вынудит «позорную» ничью на 11-м ходу!).

До 19-го хода соперники повторили свой путь из предыдущих встреч, но здесь Карпов создал новую впечатляющую концепцию. Он отдал две пешки на флангах, а взамен этого мощно внедрился своими центральными пешками в лагерь белых. Каспаров, привыкший белыми в испанской только атаковать да жертвовать, был неожиданно загнан в оборону. Фигуры его, зажатые в своем лагере, не имели простора. Давление Карпова нарастало, хотя без детального анализа трудно сказать, играл ли он сильнейшим образом. Во всяком случае, к 29-му ходу, когда давление черных стало невыносимым, Каспаров принимает решение — ликвидировать центральные пешки черных ценою фигуры. Поначалу казалось, что чемпион просчитался — лишняя фигура Карпова как-то лучше смотрелась, чем три пешки Каспарова. Однако доказать свое преимущество Карпову не удалось. Искусно сочетая защиту с нападением, Каспаров вынудил соперника согласиться на ничью, так сказать, с позиции силы — ибо черные уже не могли от нее уклониться.

Итак, при счете 12:10 чисто спортивный итог матча определился: Каспаров сохраняет корону. У Карпова остается еще возможность побороться за половину приза, выиграв две оставшиеся партии. Есть, что называется, материальный стимул...

23 партия

Как не восхититься мощью духа Анатолия Карпова, который потерял матч, но все-таки спас честь! Чемпион мира вновь применил староиндийскую защиту, которую он, похоже, стал считать своей палочкой-выручалочкой в разрешении дебютной проблемы. Однако на сей раз Карпов показал свою истинную силу. Вместо вялых, бесцветных маневров, которыми он огорчил своих поклонников в похожей по дебютному рисунку 19-й партии, на этот раз он играл в Большом Стиле. На беспечные (на вид вполне правильные, но, быть может, не совсем обязательные) передвижения черных фигур, Карпов ответил всего несколькими ходами — но такими мощными, что они напоминали удары молота. Позиция Каспарова развалилась со сказочной быстротой. В отчаянии он попытался запутать игру некорректной жертвой фигуры, но такие фокусы с Карповым никогда не достигают цели. Последовала короткая расправа, и черные сдались, не дотянув даже до 30-го хода.

Ну что сказать? Просто нет слов. Браво, Карпов!

Последняя партия

Получив (уже в который раз!) столь отрезвляющую трепку, чемпион мира, имея в последней партии белые фигуры, сразу же дал понять, что он не собирается рисковать и в любой момент согласен на ничью. Это значит, что он благоразумно распростился с мечтой «разгромить» Карпова (ибо перевес в одно очко — это ведь не разгром).

Но именно такой, «благоразумный» Каспаров — самый неудобный соперник для Карпова. С безрассудно-отважным и легкомысленно-самоуверенным Каспаровым ему бороться не в пример проще.

Делать нечего; Карпов пытается использовать последний шанс и вырвать победу. При игре черными такая установка означает огромный риск.

И, надо сказать, что этот риск чуть было не оправдался. Карпов в какой-то момент достиг перспективной позиции, в которой, по-видимому, имел шансы на полнокровную игру. Но человек — не машина. Карпов все-таки очень нервничал, и вследствие этого — чересчур форсировал игру. Каспаров же, временно занявший крепкую оборону, немедленно воспользовался не лучшими маневрами соперника. Несколькими изящными (хотя и не очень трудно находимыми) ходами он добился позиционного и материального перевеса — во всякой другой «нормальной» партии вполне достаточного для победы.

Но читатели уже знают, что переигрывать Карпова чемпиону мира удавалось частенько, а вот побеждать — неимоверно трудно и редко. Поэтому у Каспарова хватило благоразумия (которое не совсем правильно было расценено некоторыми несведущими спортивными комментаторами, как спортивное благородство!) — самому предложить ничью.

– Что мог получить Карпов, отказавшись от ничьей?

— С огромной вероятностью — ноль, и с очень малой вероятностью — единицу.

Поскольку Карпову-то благоразумия не занимать, то мир был подписан незамедлительно.

Итак, пятый матч двух великих «К» закончился со счетом 12.5:11.5 в пользу Гарри Каспарова.

Некоторые итоги

Чемпион мира подтвердил, что играет в шахматы сильнее своего «вечного» и великого соперника. Аргументы за такой вывод — вполне весомые.

Во-первых, нужный минимум очков (12) Каспаров завоевал досрочно, не исчерпав всего лимита партий.

Во-вторых, в этом матче Каспаров все время лидировал, тогда как Карпов все время только догонял его и ни разу не был впереди.

В-третьих, Каспаров показал необходимую истинному чемпиону универсальность: он не только дал образцы блестящих комбинационных атак, но и продемонстрировал выдающееся мастерство в защите трудных позиций.

Поэтому победа Каспарова ни в коей мере не случайна — она им заслужена.

Со своей стороны, Карпов почти ни в чем не уступал чемпиону мира, но все дело заключается в этом «почти». Ибо он чаще, чем Каспаров, ошибался в сложнейших острокомбинационных позициях и не показал своего превосходства ни в каком элементе игры — даже в эндшпиле (где он всегда считался более сильным).

За исключением нескольких партий (и в их числе 22-я) Карпов отдавал предпочтение не столько нападению, сколько контратаке, рассчитанной на ошибки нападающего. Такая игра более уместна при перевесе в очках — а его-то в этом матче у Карпова ни разу не было.

Каково будущее Анатолия Карпова? Поскольку его время уходит, то шансы вернуться на шахматный престол становятся все более призрачными. Конечно, при том условии, что Каспаров сохранит свою силу и не оставит свой трон добровольно.

Однако это лишь одна сторона дела, поскольку есть и другая. Ведь быть «вице-чемпионом», играть матчи на первенство мира и зарабатывать при этом по миллиону долларов — тоже совсем не плохо. Но тогда актуален вопрос — а есть ли в «остальном мире» у Карпова реальные соперники?

Из подросшей молодежи, которая нынче толкается у подножия шахматного трона, по общему мнению, наиболее талантливы два советских гроссмейстера: Василий Иванчук и Борис Гельфанд. И все же, несмотря на исключительную одаренность и громадную силу этих юных богатырей, трудно представить, что они могли бы сейчас победить Карпова. Всем нам еще памятен тот жестокий разгром, который он учинил нашему земляку, бывшему воркутинцу Андрею Соколову. Между тем, Соколов, пожалуй, не менее одарен, чем Иванчук или Гельфанд. Но, попав в давнем матче под «карповский танк» — несчастный юноша, похоже, до сих пор не может восстановиться — очень уж тяжела рука у великого экс-чемпиона.

О сильнейшем западном гроссмейстере Яне Тиммане вообще не стоит серьезно говорить: Карпов разбил его, словно играючи. А перед этим сокрушил и нашего добра молодца с внешностью викинга — Артура Юсупова, игрока такого же масштаба, как Соколов, Иванчук и Гельфанд.

Все это означает, что мы вполне можем дожить и до шестого матча Каспарова с Карповым.

* * *

Старые счцты[30]

К итогам матча Корчной–Спасский. Впечатления очевидца

Бедным, со всех сторон притеснённым Москвой, но гордым и «непокоренным» петербуржцам наконец-то повезло — на их улицу пришел настоящий шахматный праздник, на который первопрестольная только с завистью смотрела издалека, вынужденная ловить разные слухи, ибо в наше время шахматы — это не тема для прессы и телевидения.

А праздник заключался в том, что с 27 марта по 1 апреля в бывшем кинотеатре «Гигант» на Выборгской стороне (а ныне модном казино «Конти», где, чтобы скромно пообедать, надобно выложить от 5 до 8 «у. е.», причем 1 у. е. равен 20 рубликам) — состоялся матч из 10 партий между старыми ленинградцами — гроссмейстерами Борисом Спасским и Виктором Корчным.

Можно только удивляться дерзости нищих петербургских шахматных фанатов — взяли да и пригласили сыграть двух светил мировых шахмат — за ничтожную по нынешним меркам сумму — 12 тыс. долларов. Из них победитель получил бы всего 8 тыс. (а проигравший — 4), но и при том организаторы прозрачно намекнули гроссмейстерам, что ожидают от них пожертвования своего гонорара на нужды детских домов...

И самое удивительное, что расчёт оказался верным — они согласились играть! Оба великих шахматиста уже с 1974 года покинули Родину — Спасский потихоньку и вполне законно (женился на парижанке), а Корчной, как мы все помним — со страшным скандалом. Оба за рубежом процветают (особенно Корчной), но великая вещь ностальгия... Тем более, что повод для матча был самый благопристойный — 275-летие Петербургского университета, который кончали оба: Корчной по историческому, а Спасский по журналистскому факультетам.

Причем, сказывают, что-де Спасский согласился сразу, но выразил сомнение, согласится ли Корчной. Однако желчный и строптивый «претендент» (только так его и называли в нашей прессе времен исторических матчей Карпов–Корчной) тоже согласился. Впрочем, с одним любопытным условием — играть не в нормальные шахматы (каждому по 3 часа на партию), а в облегченные — каждому по 1 часу. Дело в том, что в нынешней мировой шахматной иерархии Корчной стоит очень высоко. В свои 68 лет он имеет рейтинг 2673 и занимает 18-е место в списке сильнейших шахматистов планеты (для сравнения — Карпов занимает 9-е место с рейтингом 2710, а Каспаров — 1-е с фантастическим рейтингом 2812). Что же касается 10-го чемпиона мира, 62-летнего Бориса Спасского, то его рейтинга мне отыскать не удалось, но говорят, что он пребывает где-то в третьей сотне. Причиной тому — большая леность Бориса Васильевича, которому жестокая шахматная борьба за существование давно надоела (благо, он человек обеспеченный).

Поэтому Корчному невыгодно играть с «низкорейтинговым» Спасским в серьёзные шахматы, ибо соответственно своему рейтингу, он как бы обязан победить Спасского чуть ли не с сухим счетом. Поскольку это нереально, то он неизбежно понизит свой рейтинг. А вот сыграть в «облегченные» шахматы — пожалуйста, потому что такие партии в ежегодный зачёт рейтинга не войдут.

Чтобы читателю было понятнее, почему все современные шахматные профессионалы так носятся со своими рейтингами, поясняю: только от рейтинга зависит приглашение в престижные турниры, а чем престижнее турнир, тем больше платят... Поэтому обладатели высоких рейтингов кровно заинтересованы в их сохранении и приросте — ведь от этого напрямую зависит их материальное благосостояние.

Тем не менее, рейтинг — рейтингом, а гениальный Борис Спасский, если сильно разозлить — и теперь в состоянии обыграть любого — будь то хоть Карпов, хоть сам Каспаров. С Кор-

[30] **Опубликовано в Коми республиканской газете «Республика», май 2001 г.**

чным же у него старые счёты, и уж конечно, Спасский, побывавший чемпионом мира — никогда не призн*а*ет себя слабее Корчного, который чемпионом мира так и не стал...

Что касается счётов в узко-спортивном смысле, то до этого петербургского матча, который тут же окрестили (и вполне справедливо) «первенством мира среди ветеранов», соперники встречались в официальных соревнованиях 59 раз, и общий счет 32:27 в пользу Корчного.

Итак, договорились играть по две партии в день, одна в 14 часов, другая в 19. Поскольку партия длится всего 2 часа, знатокам было еще до начала матча ясно, что цейтноты неизбежны, а значит, ко всем удовольствиям зрителей добавится еще и созерцание блица — когда гроссмейстеры на падающих флажках с пулеметной скоростью молотят по кнопкам шахматных часов, и каждому грозит просрочка времени!

Кроме того, 30 марта на матче был выходной — Корчной встречался со своими поклонниками, а для всех любителей шахмат — выпускников Ленинградского-Петербургского университета — был устроен грандиозный блиц-турнир.

* * *

Мне необыкновенно повезло — служебная командировка в Петербург позволила посмотреть пять партий матча, и я уехал при счете 3,5:2,5 в пользу Корчного.

Я был приятно удивлён прекрасной организацией матча. Гроссмейстеры играли на сцене; ходы воспроизводились не по старинке, (когда, бывало, мальчик-демонстратор с длинной клюшкой расхаживал по сцене и навешивал на фанерную демонстрационную доску фигурки), а с помощью компьютера. Каждый ход тотчас передавался на огромное электронное табло в виде шахматной доски размером 2х2 м, где рядышком появлялась ещё и запись хода.

После окончания каждой партии к зрителям выходил гроссмейстер Марк Тайманов и давал подробный комментарий. Компьютер позволял ему мгновенно показать нам на этом замечательном табло любой вариант, а затем вернуть исходную позицию и продолжить рассказ.

В зале было полно старичков и старушек (ровесников игроков!) с внуками и внучками. Я заметил также многих знаменитых шахматистов, приехавших из Москвы (всё-таки не выдержали!), а также цвет нашей шахматной журналистики.

Опытные любители (вроде меня) знали, что белыми Спасский непременно будет начинать партию своим любимым ходом e2–e4. С большой вероятностью можно было предполагать, что в ответ на это Корчной применит французскую защиту — ибо так они сражались между собой десятки раз.

В ***первой партии*** всё так и было. Спасский построил крепкий пешечный клин в центре и готовился проявить активность на королевском фланге, а Корчной беспокоил белых на ферзевом. Однако после того как Спасский, к общему удивлению, отдал своего чернопольного слона, у черных стало поприятнее, и Корчной принялся закусывать белыми пешками ферзевого фланга. Но... начался цейтнот, Корчной на глазах изумленной публики «поплыл», то есть сделал подряд в острой позиции три бесцельных хода ферзем взад–вперед. Этого оказалось достаточно, чтобы Спасский, хладнокровно собрав в кулак все свои фигуры на королевском фланге, нанес кинжальный удар, пожертвовав коня. Под угрозой мата Корчной сдался.

Итак, хотя все шахматные авторитеты дружно предрекали в матче победу Корчного, — Виктор Львович начал матч с нуля. Нам же, благодарным зрителям, о лучшем начале нельзя было и мечтать — стало ясно, что матч будет кровопролитным, а традиционный вопрос болельщика *«за что деньги плочены?»* — уж точно не возникнет...

Вторую партию мне видеть не довелось. Пришлось довольствоваться разбором её по петербургскому телевидению «в исполнении» Марка Тайманова (как известно, знаменитый гроссмейстер является ещё и выдающимся пианистом!). Спасский применил защиту Грюнфельда, но был вчистую переигран уже по дебюту, и Корчной, как мне показалось, одержал легкую победу. Счёт стал 1:1, болельщики Спасского приуныли, так как стало ясно, что давно отошедший от больших шахмат Борис Васильевич явно не в курсе новейших разработок современной (компьютеризованной!) дебютной теории. А без приличной позиции по дебюту ему не устоять против прекрасно подготовленного Корчного, который в курсе всех новинок.

Тем не менее, в ***третьей партии*** упрямый Корчной снова повторил свои ходы из дебюта первой, однако Спасский не стал отдавать слона и быстро получил преимущество. Мы все в зале

были единодушны — у черных плохо, очень плохо — слабые пешки, король в центре, вот-вот позиция рухнет. Очевидно, так же думал и Спасский, когда на 15-м ходу спокойно утвердил своего коня на сильном поле d4. И тут Корчной «закорчнил» — с необыкновенной дерзостью он взял центральную пешку на e5 — ход, который ни любители, ни сам Спасский даже не рассматривали, ибо при короле в центре это казалось сущим безумием! Но в этом и есть настоящий Корчной — он ничего не принимает на веру. Оказалось, что позиция черных удерживается на тонкой ниточке единственных ходов, а пешка-то лишняя! Однако Спасский решил, что и без пешки его отличная позиция сама собою «привезёт» его к победе. Он неосмотрительно разменял своего красавца-коня на пассивного слона противника, а затем, поняв, что всё это химера — при недостатке времени «поплыл», как и его партнёр в первой партии... Партия кончалась в жутком цейтноте Спасского, и нам довелось увидеть редкостное зрелище для игры гроссмейстеров — мат белому королю на поле h5! Корчной повёл в матче — 2:1.

Четвертая партия — и снова сюрприз! Спасский опять применяет защиту Грюнфельда. Можно понять изумление зрителей: грозный теоретик Корчной уже в дебюте оказался начисто переигран! С классической чистотой Спасский сперва осадил, а потом и съел изолированную белую пешку на d4, создав, как принято говорить, учебный пример на эту тему... Отчаянные попытки Корчного отбиться ничего не дали, и Спасский спокойно довел партию до победы. Счёт стал 2:2, и матч, после разведки боем, как бы начался сызнова!

Пятая партия, у Спасского снова белые. Осознав, что больше играть с огнём нельзя, Корчной отказывается от французской защиты и вытаскивает из портфеля редкий вариант испанской партии. Спасский не решается вступить в принципиальный спор с прекрасно «начитанным» противником — игра быстро уравнивается. Белые затевают игру на ферзевом фланге, а черные на королевском. Спасский грубо ошибается, Корчной изящной комбинацией (временной жертвой коня, которого нельзя взять) выигрывает пешку, партия переходит в эндшпиль, где пешка должна сказаться... будь у Корчного побольше времени. Но в страшном цейтноте он «шлёпает» второсортные ходы, и Спасский успевает построить крепость — выигрыш невозможен. Мне показалось, что Корчной был даже рад ничьей — у него вот-вот должен был рухнуть флажок на часах.

Шестая партия — настоящая коррида! Снова Спасский применяет защиту Грюнфельда, но в ответ на весьма агрессивное построение белых делает крайне вялый, пассивный ход пешкой (за это после партии его страшно ругал Марк Тайманов: *«Так в этом дебюте играть нельзя!»* — эмоционально восклицал гроссмейстер). Возмездие было ужасным. Корчной, не рокируя, бросил свои пешки в бой, картинно выставив пешечную фалангу по 4-му ряду: d4-e4-f4-g4-h4! Потом вскрыл линию «h» возле черного монарха и закончил партию эффектным тихим ходом: Спасский взял в центре белого слона, а в ответ Корчной просто нацелил свою ладью на вражеского короля, полуприкрытого одним слоном-телохранителем. На любой ход черных неотвратимо следовала жертва этой ладьи с матом или полным истреблением всего войска черных. Спасский остановил часы.

На этом, увы, я и уехал — при счете 3.5:2.5 в пользу Корчного, и преисполненный печали от того, что конец этого прекрасного зрелища я уже не увижу...

Что происходило дальше, я не видел. Мне известно лишь, что после 9-й партии Корчной набрал необходимые для победы в матче 5.5 очков. Это значит, что в трех партиях (6—9) он набрал 2 очка, но конкретных результатов я не знаю[31].

* * *

Казанские репортажи

По предварительной договоренности с редакцией газеты «Красное знамя», я подрядился написать три *«как бы репортажа из Казани»* — о происходивших там в мае 2011 г. отборочных матчах восьми претендентов на матч с чемпионом мира. Газета поместила только первый из этих репорта-

[31] *Примечание редакции*: партии матча Спасский–Корчной закончились следующим образом: № 7 — 1/2, № 8 — 0:1, № 9 — 1/2 и № 10 – 1/2. Общий счет матча — 6:4 в пользу Корчного.

жей, второго печатать не стала, а третий я сам (огорченный таким отношением к шахматам) — не стал сочинять.

В финальном матче встретились Александр Грищук и Борис Гельфанд. Первые пять партий они сыграли вничью, а шестую выиграл Гельфанд, который, как теперь уже известно, в мае 2012 г. будет играть матч с чемпионом мира Анандом — в Москве, в одном из залов Третьяковской галереи! Призовой фонд матча составляет 2 млн 550 тыс. долларов. Он будет поделен между победителем и проигравшим в соотношении 6:4.

Казанский репортаж... из Сыктывкара

В славном городе Казани происходят шахматные события, к которым приковано внимание любителей шахмат во всем мире. Здесь восемь супергроссмейстеров выясняют свои отношения — для того, чтобы отобрать только одного — того, кто в 2012 г. бросит вызов на матч нынешнему чемпиону мира — индийцу Вишванатану Ананду. (Так его все зовут; но на самом деле Ананд — это его имя, а не фамилия. Его следовало бы называть по-русски «Ананд Вишванатанович»).

Еще совсем недавно со словом «репортаж» тесно ассоциировалось бы выражение *«наш корреспондент передает из Казани...»*. Редакции КЗ пришлось бы сильно потратиться — командировать в Казань своего сотрудника, оплатив ему дорогу, суточные и гостиничные; а тому — пройти там аккредитацию и потом строчить корреспонденции, передавая их нам по телефону, телетайпу или, на худой конец — с ямщиками или почтовыми голубями...

НО В ВЕК ИНТЕРНЕТА НИЧЕГО ЭТОГО НЕ НУЖНО! Наш постоянный внештатный сотрудник, доктор геохимии Яков Юдович из Коми научного центра, перворазрядник «советского образца», страстный любитель шахмат — внимательно следит за казанскими баталиями, не выходя из своего дома — просто ежедневно в 15 часов включая компьютер и залезая на шахматный сайт *ЧессПро*, где и черпает всю необходимую информацию в режиме *онлайн*. Когда же ему недостает сильных ощущений при чтении квалифицированных онлайновых комментариев (а комментаторы — сильные российские гроссмейстеры) — то он идет на другой сайт под названием *ЧессБомб* — и там наслаждается *видеотрансляцией* партий — в прямом эфире. Таким образом, в каждую секунду он оказывается полностью информированным о текущих шахматных событиях, находясь в 600 км от Казани по меридиану...

И вот его первый «казанский репортаж»

В Казань явился цвет мировых шахмат... кроме одного. Среди казанской восьмерки нет гениального норвежского юноши Магнуса Карлсена, которому «поставил руку» сам Гарри Каспаров (проведший с юным норвежцем в последние два года несколько серьезных занятий по дебютной подготовке). Как некогда Бобби Фишер, нынешний вундеркинд тоже решил покапризничать и стал требовать от ФИДЕ (Международной шахматной федерации) изменения правил отбора (мол, у чемпиона мира чересчур много привилегий). Но возглавляемая многолетним президентом Калмыкии Кирсаном Илюмжиновым ФИДЕ не пошла на поводу у юного гения — и в итоге Карлсен остался за бортом нынешнего отбора. Чему все члены казанской восьмерки, разумеется, тайно обрадовались (хотя изо всех сил старались своей радости не показывать).

Кто же вышел на старт казанского ристалища 5 мая?

Это два богатыря из Азербайджана (**Теймур Раджабов** и **Шахрияр Мамедьяров**), один из Армении (**Левон Аронян**), **Саша Грищук** из Москвы, **Гата Камский** из США, **Борис Гельфанд** из Израиля и два экс-чемпиона мира: россиянин **Владимир Крамник** и болгарин **Веселин Топалов**. Заметим, что если исключить Топалова, то все семь остальных — питомцы СОВЕТСКОЙ ШАХМАТНОЙ ШКОЛЫ (поскольку и нынешний американец Гата Камский тоже «наш», из Татарии — так что в Казани ему очень даже комфортно играется!)

Как водится, шахматный Интернет бурлил и кипел прогнозами. Квалифицированные любители (а среди них преобладают кандидаты в мастера и перворазрядники) яростно спорили, оценивая шансы своих любимцев. Контингент любителей был представлен в основном россиянами

и жителями «ближнего зарубежья» — из Армении и Азербайджана. Однако, если в онлайне комментировали партию Веселина Топалова, то нашим «чатланам» (высказывающим свои мнения в чате на ЧессПро) там становилось неуютно — чат был плотно заполнен болгарскими постами. И вроде на кириллице пишут болгары — а пойди, пойми...

Что же предрекали любители шахматным богатырям?

Большинство (кто радостно, а кто без большой охоты) отдавали предпочтение ни на кого непохожему Левону Ароняну, который единственный из всей восьмерки — имеет отличный счет личных встреч с Виши Анандом. Поразительный талант и не менее поразительные успехи Левона в последние годы — были веским основанием для такого прогноза.

Подавляющая часть остальных отдавала предпочтение двум экс-чемпионам. Оба они в свое время проиграли Ананду матчи на первенство мира — и, как очевидно, были полны желания реваншироваться. Правда, особыми успехами они в последние годы похвастаться не могли, но ведь шахматная фортуна переменчива. Сегодня ты не в форме, а завтра, глядишь — и всех обыграл...

Азербайджанские болельщики, натурально, яростно болели за своих — тем более что молодые и суперталантливые «Шах» и «Раджа» попали в отбор впервые, а новичкам, сказывают, всегда везет в игре.

Самые отчаянные ставили на чемпиона России-2009 — Сашу Грищука, не взирая на его увлечение покером — говорили, что это-де не мешает шахматам, а наоборот, очень даже полезно. Между прочим, украинцы тоже болели за Грищука. Во-первых, потому, что он Грищук... А во-вторых, потому, что его красавица-жена Наталья Жукова — одна из сильнейших шахматисток Украины!

Играют они по диковинной системе.

На стадии четвертьфиналов и полуфиналов матчи состоят из четырех партий с контролем времени 2 часа на 40 ходов, затем 1 час на 20 ходов и 15 минут до конца партии с добавлением 30 секунд за каждый ход, начиная с 61-го. (Шахматные часы, разумеется, электронные — время после сделанного хода добавляется автоматически). В финале играется шесть партий по той же системе.

В случае ничейного исхода судьбу матчей решает тайбрейк. На тайбрейке сначала проводятся четыре партии в «быстрые шахматы» (иначе называемые *рапидом*) — с контролем 25 минут + 10 секунд на ход. Если они не выявляют победителя, то соперники играют серии из двух блицпартий с контролем 5 минут + 3 секунды на ход. Если пять таких серий подряд завершатся вничью, то будет сыграна решающая партия («Армагеддон»), в которой белые получают 5 минут, черные — 4, после 61-го хода каждой стороне добавляется по 3 секунды на ход, в случае ничьей общая победа присуждается игравшему черными.

Началась игра — и начались радости и разочарования.

Первые неожиданности грянули в двух четвертьфинальных матчах: уже в «серьезных» матчах, не дотянув до рапида — вылетели Топалов (проигравший Гате Камскому, вернувшемуся на шахматный ринг после 10-летнего перерыва) и Мамедьяров, проигравший белорусскому (пардон, израильскому!) старому шахматному волку (в матчах доходившего в былые годы до самого Карпова) — Борису Гельфанду. Было бы побольше места — я рассказал бы об этих интереснейших матчах. Сейчас скажу только одно — и Камский, и Гельфанд победили совершенно заслуженно — они играли сильнее!

Зато в двух других четвертьфиналах происходили совершенно удивительные события. Сначала сыграли все четыре партии вничью Раджабов с Самим Крамником (напомним читателю, что именно Владимир Крамник отобрал в 2000 г. шахматную корону у непобедимого, Великого и Ужасного — Гарри Каспарова). Теймур прекрасно подготовился и все попытки Крамника выиграть на голой технике — четко пресекал. А рисковать Крамник остерегался — слишком многое стоит на кону.

Итак, дошло у них дело до рапида — быстрых шахмат по 25 минут каждому. Здесь все прогнозы были в пользу более молодого и шустрого Теймура Раджабова — солидный Крамник-де и рапид и блиц играет слабо...

Но и в рапиде всё в точности повторилось: оба игрока не рисковали, ходили вокруг да около, никто ни на кого «не лез», выжидая ошибки партнера.

Итак — дожили до блица. Здесь уж Крамник «в мнении света» выглядел совсем бледно — особенно учитывая, что в недавнем первенстве мира по блицу Теймур занял второе место — всего на пол-очка позади Ароняна, а место там Крамника и вспомнить-то трудно...

И прогнозы тотчас начали сбываться. В первой блиц-партии Теймур белыми красиво замотовал своего грозного противника. Всем стало ясно: Крамник вылетает — ведь Теймуру достаточно было сделать во второй партии ничью. Стали играть и очень быстро доигрались до вдрызг ничейного положения — Раджабов все время навязывал Крамнику размен единственной ладьи, после чего на доске оставались разноцветные слоны, и дальше можно уже не играть — битая ничья. Бедный Владимир Борисович, мечта которого вновь стать чемпионом мира таяла на глазах с каждым ходом, — продолжал туда-сюда бегать по доске своей ладьей, уклоняясь от размена, но от судьбы не уйдешь — время неумолимо таяло, и уже осталось у каждого по 14 секунд...

И тут случилось невероятное: погас циферблат электронных шахматных часов!! Часы отключились...

Дальше играть было нельзя — арбитр забрал часы, а в матче наступил тягостный перерыв. Как потом рассказывал Крамник, в перерыве он ясно понял — это конец. Ведь успокоившись от блицевой гонки, Теймур сделает ничью уже безо всяких проблем.

Через 10 минут арбитры принесли новые часы и поставили на них то время, которое было в момент катастрофы. Игра возобновилась. И здесь Теймур в простой позиции делает подряд два ужасных хода — и Крамник выигрывает!!

Но теперь нужно играть еще две партии. Опять равная позиция; хитрый Крамник предлагает ничью, но вконец расстроенный Раджабов гордо отказывается — и проигрывает. Теперь уже ситуация зеркально повторилась — и в четвертой блиц-партии ничьей достаточно уже Крамнику. Чего он и добивается безо всякого труда (более того, упавший духом Теймур даже проиграл — уронил флажок).

Итак, третьим полуфиналистом становится Владимир Крамник, лишившийся, наверное, не одного миллиона своих нервных клеток...

А в последнем четвертьфинале, сыграв все серьезные партии вничью (хотя Аронян всё время давил, но ничего добиться не сумел) — доползли до рапида Аронян и Грищук — оба большие мастера быстрой игры и блица. Сначала они обменялись победами, третью партию сыграли вничью, а четвертую — выиграл Саша Грищук! Так всеобщий фаворит Левон Аронян выбывает из этого цикла розыгрыша первенства мира.

Сегодня, 12 мая — начинаются полуфиналы Гельфанд–Камский и Грищук– Крамник.

От прогнозов воздержимся — практически все прогнозисты уже оскандалились...

Казанский репортаж-2 из Сыктывкара. В финале — два Г

После двухдневного перерыва (10 и 11 мая), когда вышедшие в полуфинал четыре гроссмейстера приходили в себя — в Казани возобновились шахматные сражения. Забавно, что на ринге остались по два К (Крамник и Камский) и по два Г (Гельфанд и Грищук), притом, что К встречаются с Г, а не друг с другом (Крамник — с Грищуком и Гельфанд — с Камским).

В отличие от четвертьфиналов, здесь ни один из матчей в классические шахматы не назвал имени финалиста: все четыре партии с нормальным контролем названные пары завершили вничью. Протекали они довольно сходно: белыми Гельфанд и Крамник давили, да так ничего и не выдавили. А черными — довольно уверенно (особенно Крамник в третьей партии) уравнивали позицию и железной рукой делали ничьи. Таким образом общее впечатление было такое, что первые двое К и Г играют чуточку сильнее и увереннее вторых двоих К и Г. Впрочем, от этого впечатления всё равно не было никакого толку — ведь в итоге счёт-то равный. Несмотря на то, что в первой своей «белой» партии Гельфанд так прижал Камского к канатам, что тому, казалось, просто нечем и некуда ходить. Но Борис избрал неверный план реализации своего подавляющего позиционного перевеса — и упорный Гата вывернулся из ослабших тисков. Аналогично, даже в

сумасшедшей по накалу страстей четвертой партии игравший белыми Крамник не сумел в цейтноте найти выигрывающий ход, и Саша Грищук тоже вывернулся, да ещё как: уже Крамнику пришлось спасаться вечным шахом!

Итак, 16 мая началась уже знакомая нам коррида — матчи в быстрые шахматы (по 25 минут) — подлинный праздник для всех шахматных фанатов.

Здесь знатоки-прорицатели отдавали предпочтение Александру Грищуку (большому любителю рапида и блица) перед более солидным классиком — экс-чемпионом мира Владимиром Крамником (недолюбливающим эти современные «шахматные извращения»), и Борису Гельфанду — поскольку упорный и основательный Гата Камский тоже не слишком жалует рапид и блиц.

И вот итог: на этот раз прорицатели угадали! В финале мы увидим схватку россиянина Александра Грищука с бывшим белорусским шахматистом, а ныне израильтянином Борисом Гельфандом. Но оба Г пришли к финалу совершенно разными путями.

Грищук в рапиде больше всего напоминал канатоходца: черными он дважды попадал в тяжелейшие позиции... и на последних секундах непостижимым образом — спасался! А белыми, в отличие, наверное, от всех гроссмейстеров мира — вовсе и не пытался выиграть и уже в дебюте предлагал Крамнику ничью. Ну кто же, играя черными, откажется от ничьей? Конечно, Крамник с готовностью соглашался. В итоге все четыре быстрых партии Грищук с Крамником сыграли вничью. Стало очевидно: Грищук заранее сделал ставку на свое искусство игры блиц.

А в это время между Гельфандом и Камским происходила жестокая рубка. Гельфанд, гораздо лучше подготовленный в дебюте, давил и белыми, и черными... но в первой быстрой партии ничего не добился, а во второй пропустил элементарный выигрыш, не заметив грубого зевка Камского, хотя несложную жертву ферзя за две ладьи увидел бы любой перворазрядник. Последовало немедленное возмездие — третью быструю партию выиграл Гата! Теперь американцу было необходимо всего-навсего сделать белыми ничью — и он в финале. Поэтому последнюю (четвертую) партию Гата стал играть «под себя», старательно избегая риска и осложнений. Такая тактика оказалась ошибочной. Поскольку Гельфанду терять было нечего, он играл смело и решительно — и добился победы. В итоге и у этой пары — ничья!

Итак, теперь нас всех ожидал последний акт драмы — блиц-пятиминутки. Здесь все произошло согласно прогнозам. Саша Грищук чрезвычайно уверенно переиграл Крамника в первой «черной» партии, а во второй без особого труда сделал ничью «с позиции силы». Ну, а Гельфанд одолел Камского оба раза.

Итак, 19 мая в финальном матче из 6 партий встретятся Грищук и Гельфанд.

Гельфанда мы все хорошо знаем: это очень сильный гроссмейстер классического стиля, имевший в прошлом большие успехи и стабильные результаты. Гораздо интереснее личность **Грищука.** Я бы назвал этого симпатичного парня из интеллигентной семьи (его родители — научные работники, доктора наук) — адреналиновым наркоманом... Игра в «правильные» шахматы с кропотливым накапливанием маленьких плюсов белыми и упорной защитой унылых позиций черными — его совершенно не привлекает. Ему в шахматах необходим экстрим — сильные ощущения. Поэтому он регулярно, чуть ли не нарочно попадает в жуткие, на вид совершенно безнадежные позиции — чтобы потом, на падающем флажке вдруг заиграть фантастически-вдохновенно и в итоге найти (увы, далеко не всегда) совершенно невероятные спасающие (или даже выигрывающие!) ходы.

Тем не менее — лично у меня нет особого интереса к исходу схватки Грищук — Гельфанд. Матч будет, конечно, интересным, но гениальный индиец Ананд, которого Гарри Каспаров как бы «оставил на хозяйстве», уйдя из больших шахмат, — и талантливее, и стабильнее Грищука с Гельфандом, так сказать, «вместе взятых» — ни один из них ему не опасен. Поэтому я не вижу интриги в этом цикле розыгрыша первенства мира по шахматам и думаю, что в 2012 г. Ананд останется восседать на своем троне еще три года.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ 3
ВЕСЕЛЫЕ ИСТОРИИ 4
Госпожа Индира Ганди... 4
Ходатайство о выдвижении к. б. н. Поповой О. Н. в члены-корреспонденты Обменных Наук 5
Из истории Отдела радиобиологии или Портрет Консультанта в Исторической Перспективе 7
Фараон 11
Маленькие человечки 12
Будни зава 14
Умненький и Гениальненький 16
Новый лаборант
Детективная повесть в двух частях 18
Диабаз 20
Как я делал карту 21
Ходьба на лыжах: объективный анализ общественного зла 25
Отдых на Золотых Песках 27
Положение о МДББ — Международном Дне Борьбы С Баллоносцем 29
Голодовка 31
ОМЗ 33
Заседание специализированного Ученого Совета 33
ДАН, комната 301 38
Женщины в моей жизни: 21-й век 41
Отчет Альберта Однокамушкина 45
ПОПЫТКИ БЕЛЛЕТРИСТИКИ 48
Начало повести «Альтернатива» 49
Иван 50
Первый шеф 56
Статья в «Доклады» 58
Гусь 61
...Оставляем мы сердца частицу 62
Конец сезона 65
Прорыв на Лену 67
В маршруте 69
Утро дальнего маршрута 73
Спасение на водах 74
Трансформисты и магматисты 78
Враг не дремлет 94
ПОРТРЕТЫ И ЗАРИСОВКИ 120
Якутские зарисовки 120
Восхождение 130
Александр Иванович Елисеев 135
Карьера геолога 146
Наш человек в Сыктывкаре 147
Лицо Кавказской Национальности 149
Докторская мантия Анны Антошкиной 150
Генерал-лейтенант аналитической химии 152
Любовь на всю жизнь 154
Судьба 156
Воспоминания о редакторе 158
Сыктывкарский музыкальный феномен 160
Пропащая девушка 162
Устройство мира 163
Прощание с Учителем 169
За шахматной доской (В. Н. Демин) 174

Штрихи к портрету Свободного Человека 176
Моя юшкиниана 179
Человек Возрождения 186
Есть истинные ценности»: 37 лет в одном Институте с М. В. Фишманом 188
Феномен Шулеповой 192
Никифор Александрович Шуреков 198
Лев Мигунов 200
Ручей Тимониной 203
Незнакомый Молин 206
Фосфорные размышлизмы от Яна Нюссика 208
Загадка кальцитовых псевдоморфоз 212
Забытая страница истории русских фосфоритов 216
Профессор 217
Воркутский Сократ 228
Валерьяныч 233
Перечитывая Сергея Мейена 234

ПУБЛИЦИСТИКА 239

Наступление тьмы 239
Трудно быть депутатом... 245
Моя позиция 247
Ферзь, ладья и темные лошадки 250
Поминки по демократии 252
К выборам главы республики Коми в 1996 г. 255
Партия Воров против партии Разбойников 256
Сфера в виде шляпы 260
Черные сланцы-98: наука, мифы и голые короли 264
В стране дураков 268
Они и Мы 270
Буржуазный теннис в Сыктывкаре 274
Является ли Сыктывкарский ОВИР
антинародным учреждением? 275
Две недели коммунизма 276
За что бог покарал Содом и Гоморру? 278

ПЕСТРАЯ СМЕСЬ 286

УКАЗ директора Голотипа 286
Материалы Я. Э. Юдовича из машинописного архива 286
Проект 286
Два сочинения Илюши Кетриса 287
Катагенез 293
На бракосочетание Аси и Бориб 295
Воспоминание в Трускавце (24.09.1983) 296
Илюше (1970?) 296
Три сочинения Кати Либеровой 297
Вячеслав Степанович Озеров 300
Стансы к ЭЮЯ 303

ШАХМАТНЫЕ НОВЕЛЛЫ 304

Ленинградский Межзональный-19731 304
Неочевидное вероятное Анатолия Карпова 308
Поражение (к итогу матча Карпов—Спасский) 310
30-я партия (заметки отпускника) 312
Те же двое в зале им. Чайковского 314
Матч в Севилье 316
Битва титанов (размышления о матче Каспаров—Карпов) 318
Старые счёты 328
Казанские репортажи 330